Уважаемые коллеги и читатели!

Вашему вниманию представлен заключительный в 2024 г. номер рецензируемого Федерального научно-практического и аналитического издания «Вестник экономики, права и социологии».

На наш взгляд, наибольший интерес в данном номере представляют следующие работы: Усмановой Т.Х. – доктора экономических наук, профессора Пермского государственного национального исследовательского университета «Экономическая безопасность в условиях глобализации ТНК: проблемы и пути повышения», Сафиуллина М.Р. – доктора экономических наук, профессора, вице-президента Академии наук РТ и Гурьянова А.И. – младшего научного сотрудника НИЦ «Курчатовский институт» «Формирование цепочек ценности на электронных торговых площадках», Абшилавы Г.В. – доктора юридических наук, профессора Ульяновского государственного университета, адвоката «Возмещение потерпевшим причиненного преступлением вреда (международно-правовой и национальный аспекты)», Рыбушкина Н.Н. и Дунина О.Н. – кандидатов юридических наук Казанского (Приволжского) федерального университета «Организованная преступная деятельность: проблемы законодательной регламентации», Касимова Р.Н. и Поздеева И.Л. – кандидатов исторических наук, старших научных сотрудников Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук «Тюремная субкультура как фактор формирования экстремистских идей в российском социуме», Сергеевой З.Х. – кандидата социологических наук, доцента Казанского национального исследовательского технологического университета и Сергеева С.А. – доктора политических наук, профессора Казанского (Приволжского) федерального университета «Образ Китая в представлении российских студентов (по материалам опроса)».

Редакция журнала поздравляет наших читателей и постоянных авторов с Новым годом и выражает надежду на продолжение и дальнейшее укрепление партнерских отношений в 2025 г.

С уважением,
Главный редактор журнала «Вестник экономики, права и социологии»
Доктор экономических наук, профессор
В.В. Шлычков

Содержание

Экономика

Антипин И.А., Шишкина Е.А., Бедняков П.С.
Межрегиональное неравенство в контексте факторов формирования и развития финансовой культуры населения 8

Бабичев М.А., Карпов В.В.
Миграция как фактор устойчивости региональной экономики на примере Омской области 15

Гениберг Т.В.
Динамика, анализ и результативность применения льготных программ ипотечного кредитования в Российской Федерации в 2020-2024 гг. 21

Демидова С.Е., Кулачинская А.Ю.
Оценка влияния динамики и объема государственного долга на экономический рост в странах ЕАЭС 26

Зайцев Р.В.
Особенности механизма оценки эффективности государственных программ Российской Федерации 33

Зайцев Р.В.
Инструменты государственного стратегического планирования: текущее состояние и перспективы совершенствования 39

Зарезнов Д.А.
Российская экономика 2025 – актуальные геоэкономические и геополитические угрозы безопасности 45

Исхаков А.Т.
Оценка экономической эффективности лизинговых операций сельскохозяйственных организаций 50

Кашбразиев Р.В., Бич М.Г.
Методические особенности анализа экономических показателей для международных экономических отношений 55

Мартынова О.В., Шафигуллина А.В.
Теория поколений в исследовании поведения потребителей в маркетинге 61

Мусаев Р.К.
Анализ глубины охвата регионов информационно-коммуникационными технологиями 66

Мустафина Г.Н.
Малое предпринимательство в системе экономической безопасности России 71

Нургалиев Р.К., Галимулина Ф.Ф., Барсегян Н.В., Юманкин И.А.
Специфика формирования «зеленой» бизнес-модели организации в условиях импортозамещения 76

Полякова О.А., Демидова С.Е.
Проблемы целеполагания и оценки налоговых расходов в среднесрочном периоде 83

Рогова Т.Н.
Финансово-экономическая безопасность в системе приоритетов государства и региона 92

Сафиуллин М.Р., Гурьянов А.И.
Формирование цепочек ценности на электронных торговых площадках 96

Сергеева Н.В., Полянский А.А.
Цифровизация государственного управления в социальной сфере (на примере здравоохранения) 100

Тумашева М.В., Чатурова Д.И.
Экономическое взаимодействие Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки в глобальных цепочках создания стоимости в рамках торгового противостояния 104

Усманова Т.Х.
Экономическая безопасность в условиях глобализации ТНК: проблемы и пути повышения 108

Черноморец А.Б., Шматко А.Д.
Социально-экономические эффекты и перспективы развития межрегионального сотрудничества в сфере туризма в России 116

Шлычков В.В.
Реализация решений XVI саммита БРИКС (Казань) как механизм эффективного противодействия внешним угрозам экономической безопасности России 121

Право

Абдуллазаде Н.Р.
Концепция «Жинеологии» Абдуллы Оджалана как теория женской социальной революции в Курдистане 127

Абшилава Г.В.
Возмещение потерпевшим причиненного преступлением вреда (международно-правовой и национальный аспекты) 132

Богданов Т.А.
Правовой инструментарий антикоррупционной политики коммерческих организаций 138

Бурганов Р.С.
Явность как признак превышения должностных полномочий 144

Василькова С.В.
О регулировании и практике строительства энергетических объектов иностранными компаниями в Армении 148

Гараева Г.Х.
Соотношение права ребенка выражать свое мнение и права на физическую неприкосновенность 158

Грачёва О.А., Лиходаев Е.Г.
К вопросу о функциях прокуратуры РФ в современных условиях 163

Кузюрова Д.Д.
Преемственные связи в индивидуально-договорном регулировании частноправовых отношений 169

Мирошниченко Н.В., Максимов В.Ю.
Систематизация преступлений в сфере экономики в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации 175

Набиуллин Б.Ю.
Регулирование искусственного интеллекта в контексте охраны интеллектуальной собственности 182

Рыбушкин Н.Н., Дунин О.Н.
Организованная преступная деятельность: проблемы законодательной регламентации 187

Сундурова О.Ф.
Квалификация незаконного культивирования растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ 192

Сундурова О.Ф.
Совокупность преступлений при совершении незаконного культивирования растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ 196

Тарасова О.Е., Закирова Э.Ф., Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М.
Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: исторические аспекты и современные проблемы уголовно-правового регулирования 200

Хазиев А.Р.
Сравнительно-правовой анализ правовой охраны уставов муниципальных образований органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации 206

Чепарина О.А.
Правовая категория комплаенс в системе права 210

Социология

Авдеева В.П., Ткач С.
Трудовая субъектность детей в социологии: проблемы теоретической концептуализации 215

Алексеев С.А., Никитина Т.Н.
Методологические основания социологии искусственного интеллекта 219

Боброва Д.Н., Осипова Д.В.
Реализация Концепции государственной семейной политики в России: предварительные итоги 224

Богданова И.Н., Артамонова Я.В.
Репродуктивная функция в условиях институциональной динамики современной российской семьи 231

Бурганова Л.А., Юрьева О.В.
Социально-демографические аспекты цифровизации высшего образования: социологический анализ 238

Вайсбург А.В.
Тенденции упадка института семьи и семейных ценностей в современном российском обществе в представлениях молодёжи (на примере молодежи Конаковского района Тверской области) 243

Вайсбург А.В.
Эффективность системы льгот для многодетных семей: социологический анализ 247

Волкова Е.В., Шарифулин Д.Т., Мухаметшин А.Р.
Социальная типология личности: «человек – одинокий» 251

Галлямов Р.Р., Ураев Р.Р.
«Устойчивое развитие сельских территорий» в многонациональном российском регионе: конфессиональный аспект реализации концепции 256

Касимов Р.Н., Кудрявцева И.К.
Этнокультурные просветительские практики как механизм сохранения этнического многообразия в Удмуртской Республике 261

Касимов Р.Н., Поздеев И.Л.
Тюремная субкультура как фактор формирования экстремистских идей в российском социуме 269

Каштанова О.В.
Моделирование социального конфликта 276

Крейк А.И.
Границы малой группы в социологическом рассмотрении (не количественный аспект ее состава) 281

Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Сюй Луньхуэй, Лю Тяньси
Влияние развития рыночной экономики в Китае на экономическую социологию: конкретизация условий 286

Макушева А.П.
Привлечение молодежи на государственную гражданскую службу посредством кадрового резерва 291

Макушева А.П.
Стажировка как механизм формирования кадрового резерва государственной гражданской службы 296

Мальцева А.В., Гуриева С.Д., Машаро Т.С.
Метод парсинга текстовых данных и его потенциал для тематического анализа как инструмент разведывательного анализа 300

Низамова Л.Р.
Языковые установки жителей Республики Татарстан: сходство и дифференциация по уровню образования 304

Равочкин Н.Н., Кравченко С.Н.
Роль рэп-музыки в формировании жизненных миров, культурных и ценностных предпочтений студенческой молодежи в 2000–2010-е гг. (по материалам социологических исследований) 309

Сергеева З.Х., Сергеев С.А.
Образ Китая в представлении российских студентов (по материалам опроса) 315

Ткач С.
Влияние условий труда на социальное одиночеств 320

Ткачев А.А.
Ключевые направления современной американской социологии: символический интеракционизм, феноменология и этнометодология 324

Обзорные статьи

Апон М.Е.
Технология блокчейн и зарубежный опыт ее практического применения в государственном управлении 330

Бурлов Д.И., Яковлев А.Р., Черноморец А.Б., Каменских Э.А.
Исследование путей развития и трансформации спа и санаторно-курортного лечения и отдыха: региональные особенности 334

Горбач Л.А.
Социально-экономические эффекты цифровой трансформации экономических систем 342

Гурылева М.Э., Карданова Л.Д.
Прерывание беременности: пути совершенствования отечественного законодательства 346

Иванов А.В.
Демографические изменения как факторы, обуславливающие рост террористической и насильственной преступности 351

Макаров Т.Г., Ситникова И.Е., Щурикова Л.Г.
Объекты интеллектуальной собственности в сфере медицины: теоретические и практические аспекты 355

Моисеев В.В., Колесникова Ю.С.
История антироссийских санкций и их влияния на экономику 360

Смирнова О.М., Амирова Р.Р.
Государственный доклад как элемент механизма формирования правовой политики государства 365

Соболева Ю.П. Мещанкин И.А.
Управление лояльностью потребителей в условиях цифровизации экономики 369

Циканова Л.М., Казова З.М.
Инклюзивное трудоустройство как императив гуманизации современной экономики 374

Практический опыт внедрения научно-теоретических разработок

Зубова Н.В., Малютин В.В.
Модель системы экологичного обращения с отходами: практика построения системы как основы экологической безопасности жизнедеятельности населения на территории Свердловской области 379

Комогорцева А.В., Романова И.М.
Повышение лояльности китайских студентов к российскому вузу на основе управления их потребительским опытом 384

Розенталь А.Н., Идиатуллин Р.Н., Насретдинова Д.З.
Проблемные вопросы применения антимонопольного законодательства в сфере деятельности региональных операторов по обращению с ТКО на примере Республики Татарстан 392

Фагимова Е.А.
Совершенствование системы обращения с ТКО 396

Хабибуллина Л.В.
Ценообразование в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в условиях прохождения реформы 400

Конференции

Щелкунов М.Д.
Университетские гуманитарии – юбилею альма-матер 404

УДК 332.02
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-8-14

Межрегиональное неравенство в контексте факторов формирования и развития финансовой культуры населения

Антипин И.А.
Доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Шишкина Е.А.
Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Бедняков П.С.
Сооснователь Фонда альтернативных инвестиций (Екатеринбург)

В статье рассматриваются вопросы межрегионального неравенства и формирования финансовой культуры населения. Цель статьи состоит в исследовании взаимосвязи и взаимовлияния межрегионального неравенства и финансовой культуры населения регионов, а также направлений их регулирования. Установлено, что в аспекте изучения финансовой культуры и финансовой грамотности особое значение приобретают экономические и социальные факторы неравенства территорий (в части доходов, расходов, потребительских предпочтений граждан), влияющие на принятие финансовых решений населением, его расходов, возможности сбережений, склонности к кредитованию. Результаты исследования показали, что взаимосвязи неравенства территорий и финансовой культуры являются сложными и многогранными, характеризуются межрегиональными отличиями. Определено, что формирование финансовой культуры является фактором, снижающим неравенство территорий, повышения качества жизни населения, а сглаживание неравенства становится основой для роста финансовой культуры и финансовой грамотности граждан. Полученные выводы целесообразно учитывать при формировании направлений повышения финансовой культуры населения отдельных территорий.

Ключевые слова: *население, регион, региональное развитие, финансовая культура, неоднородность, дифференциация*

Для цитирования: *Антипин И.А., Шишкина Е.А., Бедняков П.С. Межрегиональное неравенство в контексте факторов формирования и развития финансовой культуры населения // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 8–14. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-8-14.*

В современный период межрегиональное неравенство остается важной и актуальной проблемой как в исследовательском фокусе, так и при принятии управленческих решений, выработке мер государственной политики. Межрегиональное неравенство проявляется различиями в уровне социального и экономического развития территорий, в частности доходов населения, доступности услуг, финансовых возможностей и др. Взаимосвязь между межрегиональным неравенством и финансовой культурой является важным аспектом для понимания особенностей потребительского поведения, склонностей к сбережению, пользованию кредитными ресурсами населением.

Актуальными для изучения являются следующие вопросы: как связаны доходы населения и уровень финансовой культуры; зависит ли финансовая культура от социального статуса, места проживания граждан; есть ли особенности в формировании финансовой культуры среди разных групп населения; влияет ли межрегиональная неоднородность на различия в уровне финансовой культуры населения. Поиск ответов на указанные вопросы необходим для понимания взаимосвязи межрегиональной неоднородности и финансовой культуры населения, а также для выработки практических рекомендаций по ее повышению, развитию навыков принятия финансово грамотных, безопасных решений населением территорий разных уровней. Целью статьи является исследование взаимосвязи и взаимовлияния межрегионального неравенства и финансовой культуры населения регионов, а также направлений их регулирования.

Обзор современных исследований

Переход к финансовой культуре стал вектором развития финансовой грамотности в настоящее время, что нашло отражение в современных научных и практических исследованиях [1; 2]. Финансовая культура включает в себя знания, ценности, навыки, установки и практики, которые влияют на финансовое благополучие населения, принятие финансовых решений как для отдельных граждан, так и на уровне органов власти территорий [2].

Современные отечественные и зарубежные исследования финансовой культуры и финансовой грамотности охватывают широкий круг вопросов. Особенности финансово-правового понимания финансовой культуры рассмотрены в работе К.П. Кавкаевой и А.А. Малышевой [3], а также других ученых [4]. Обоснование важности укрепления финансовой культуры населения для социально-экономического развития страны, регионов, общества изложено в работах С.А. Мусиенко [5], Е.Л. Кругловой [6] и др. [7], в т.ч. при решении проблем бедности и обеспечения инклюзивного роста – Л. Гунупуди, К. Дхармараджан [8]. Вопросы развития финансовой культуры в контексте цифровизации исследовали Л.В. Дончевская и О.В. Фролова [9], Н.Г. Иванова [10], П.А. Камбл, А. Мехта и Н. Рани [11]. Поведенческие, культурные факторы формирования финансовой культуры рассматриваются А.К. Солодовым [12], Н. Гуан, А. Гуарилья, П. Мур и др. [13], Муньос-Э. Сеспедес, Р. Ибар-Алонсо и М. Куэрдо-Мир [14], С. Сюй, К. Цзян [15] и др.

Таким образом, многие вопросы формирования и развития финансовой культуры касаются уровня доходов, расходов населения, доступности различных услуг, уровня образования. Отметим, указанные параметры являются также индикатором социального неравенства территорий. К настоящему времени накоплен значительный пул исследований в области межрегиональной, межмуниципальной неоднородности (труды Н.В. Зубаревич [16], А.В. Суворовой и Ю.Г. Лавриковой [17], Г.Ю. Гагариной и Р.О. Болотова [18], И.А. Антипина и Е.А. Шишкиной [19], З. Гао [20], С.Н. Растворцевой [21] и др.). Однако вопросы взаимосвязи и взаимовлияния неравенства территорий и финансовой культуры населения в современных исследованиях изучены недостаточно.

Межрегиональное неравенство и финансовая культура населения: теоретические и практические аспекты взаимосвязи

Причины территориального неравенства являются сложными и многогранными, обусловлены множеством факторов, а само неравенство (межмуниципальное, межрегиональное) стало одной из фундаментальных характеристик экономического пространства страны. В контексте изучения финансовой культуры и финансовой грамотности особого внимания заслуживают экономические и социальные факторы неравенства населения – в части доходов, расходов, потребительских предпочтений. Поскольку именно они влияют на принятие финансовых решений, направлений расходов, выбора инструментов инвестирования, склонности к заимствованию и кредитованию, определяют возможности сбережений.

На рисунке 1 представлена общая взаимосвязь неравенства населения территорий и финансовой культуры (финансовой грамотности).

Таким образом, взаимосвязи между муниципальным (региональным) неравенством и финансовой культурой являются многоаспектными и взаимообусловленными. Население с высоким уровнем фи-

Рис. 1. Взаимосвязь неравенства населения территорий и финансовой культуры (финансовой грамотности)

нансовой культуры чаще принимает более обоснованные финансовые решения, что способствует их экономическому благополучию [22]. Исследования показывают, что уровень финансовой грамотности статистически значимо связан с ответственным финансовым поведением, таким как сберегательная активность и диверсификация активов [22]. Улучшение финансовой культуры может стать ключевым фактором для снижения неравенства и повышения качества жизни населения в регионах и муниципальных образованиях.

Рассмотрим основные контуры социально-экономического межрегионального неравенства РФ в контексте формирования и развития финансовой культуры населения. Для анализа использованы показатели, характеризующие социальное, социально-экономическое развитие территорий, что позволит сделать вывод о дисбалансах в доходах/расходах населения, структуре потребления и др. Информационную базу составили данные Росстата, оценки основаны на расчете коэффициента сравнения (*Kcp = Xmax – Xmin,* где *Xmax* – максимальное значение, *Xmin* – минимальное значение изучаемого признака) и вариации. В таблице 1 и 2 представлены результаты сравнения показателей уровня жизни населения и использования современных цифровых технологий (в т.ч. цифровых финансовых технологий) в субъектах РФ.

Анализ данных об уровне жизни населения показывает, что динамика региональных различий непостоянна, вариация регионов по численности населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины остается высокой – превышает 36 % (2020–2022 гг.). В целом можно отметить инертность изменения рассмотренных показателей. В периоды кризисов неравенство экономического развития регионов сокращается, но это не является следствием изменения финансовой культуры и финансовой грамотности населения, а обусловлено «наибольшей чувствительностью регионов-лидеров к происходящим изменениям и устойчивостью более "слабых"» [19]. Уровень доходов влияет на финансовые решения домохозяйств: высокие доходы позволяют людям более активно инвестировать, сберегать и планировать свое финансовое будущее, а низкие доходы, наоборот, могут ограничивать возможности для сбережений и инвестиций, что приводит к более рискованным финансовым решениям. Соответственно определяется обратная взаимосвязь между уровнем муниципальной (региональной) неоднородности и финансовой культурой.

Анализ уровня использования цифровых технологий в регионах страны показывает их неравномерное применение, наибольшая региональная дифференциация отмечается в использовании технологий искусственного интеллекта, сбора, обработки и анализа больших данных и интернета вещей. За 5 лет (2019–2023 гг.) доля населения, совершающего покупки товаров через интернет, выросла на 71,7 %, при этом межрегиональная дифференциация показателя составляет 2,6 раза (2023 г.): наибольшее значение у Республики Бурятия (87,7 %), наименьшее – у Кабардино-Балкарской Республики – 33,6 % (табл. 3).

Таблица 1

Характеристика социально-экономического и цифрового неравенства субъектов РФ, раз

Год	Коэффициент сравнения крайних значений показателей						
					Использование технологий		
	Величина среднедушевых денежных доходов населения	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	Средний размер назначенных пенсий	Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных*	Технологии искусственного интеллекта*	Цифровые платформы*
2005	10,4	7,5	2,4	8,2	-	-	-
2010	6,7	5,1	2,4	4,9	-	-	-
2015	4,8	4,1	2,4	5,2	-	-	-
2020	5,3	4,1	2,2	6,3	4,27	6,58	9,97
2021	5,5	4,2	2,2	5,8	3,69	4,87	3,82
2022	5,5	4,3	2,2	6,7	6,6	6,63	3,63

*учет данных ведется с 2020 г.

Таблица 2

Распределение субъектов РФ по крайним значениям социально-экономического и цифрового развития

Год	Коэффициент сравнения крайних значений показателей						
					Использование технологий, % организаций*		
	Величина среднедушевых денежных доходов населения, руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Средний размер назначенных пенсий, руб.	Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума , %	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных*	Технологии искусственного интеллекта*	Цифровые платформы*
2005 (мин)	Республика Калмыкия (2392)	Республика Дагестан (3660)	Чеченская Республика (1978)	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (7,7)	-	-	-
2005 (макс)	г. Москва (24014)	Ямало-Ненецкий автономный округ (27534)	Чукотский автономный округ (4655)	Республика Калмыкия (61,1)	-	-	-
2022 (мин)	Республика Ингушетия (20781)	Республика Ингушетия (32801)	Республика Дагестан (12628)	г. Санкт-Петербург (4,5)	Республика Карелия (8,8)	Иркутская область (1,9)	Республика Тыва (6,3)
2022 (макс)	Ямало-Ненецкий автономный округ (116639)	Чукотский автономный округ (140602)	Чукотский автономный округ (27843)	Республика Ингушетия (30,5)	Курская область (23)	Московская область (12,6)	Московская область (22,9)

*учет данных ведется с 2020 г.

Отметим, что население с более высоким уровнем доходов имеет большие возможности доступа к цифровым технологиям, активнее их использует, что в целом способствует росту их информированности о цифровых финансовых инструментах, повышая уровень финансовой культуры в целом.

Потребление домохозяйств и финансовая культура тесно связаны, так как уровень финансовой грамотности влияет на поведение потребителей, их решения о расходах и сбережениях. Согласно данным Росстата, фактическое конечное потребление домашних хозяйств на территории субъектов РФ в 2015–2021 гг. выросло в 1,6 раза, а межрегиональные отличия увеличились с 6,2 до 6,8 раза – уровень неоднородности остается высоким (коэффициент вариации 31,1 %)[1]. Рост потребительских расходов составил 1,6 раза, в структуре использования денежных доходов отмечается прирост доли расходов на покупку товаров и оплату услуг (на 3,8 %), обязательных платежей и разнообразных взносов (на 15,3 %), сокращение доли финансовых активов (на 58,1 %). За период 2015–2022 гг. неравенство субъектов РФ (на основе оценки вариации) по размеру финансовых активов у населения выросло в 2,1 раза.

Структура расходов домохозяйств может служить индикатором уровня их финансовой грамотности, такая информация дает возможность прогнозировать потенциальные риски, связанные с финансовым поведением населения и принятием решений о сбережениях, инвестировании, кредитовании. В структуре средних потребительских расходов домашних хозяйств преобладали (2022 г.) покупки продуктов питания – 35,7 %, непродовольственных товаров – 35,5 %, алкогольных напитков – 1,6 %, оплата услуг – 27,2 %[2]. В то же время при недостаточности собственных средств население активнее использует кредиты и займы для финансирования своих затрат, что создает риски закредитованности и небезопасных финансовых решений.

Выводы и рекомендации

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что финансовая культура и неравенство населения регионов взаимосвязаны через комплекс факторов, включая уровень доходов, образование, доступ к ресурсам, социальные и культурные установки, потребительское поведение и др. (рис. 2).

Таким образом, результаты анализа межрегиональной неоднородности, как фактора дифференциации финансовой культуры населения, показывают, что взаимосвязи неравенства территорий и финан-

[1] Рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. Раздел 4. Уровень жизни населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2024/03-21/RzFCM6ER/Sbornik_Reg_Rus_Pokaz_2023/RR_pokaz_04_2023.xlsx

[2] Рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2024/03-21/RzFCM6ER/Sbornik_Reg_Rus_Pokaz_2023/RR_pokaz_04_2023.xlsx

Таблица 3

Распределение субъектов РФ с максимальными и минимальными значениями доли населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров (услуг), в общей численности населения, %

субъект РФ	2019	субъект РФ	2023	субъект РФ	темп роста, 2023 г. к 2019 г., %
минимальное значение, %					
Республика Адыгея (Адыгея)	10,4	Кабардино-Балкарская Республика	33,6	Кабардино-Балкарская Республика	103,4
Республика Калмыкия	11,2	Республика Северная Осетия – Алания	36,6	Ямало-Ненецкий авт. округ	107,1
Республика Дагестан	12,2	Калужская область	38,2	Тамбовская область	108,6
Республика Северная Осетия – Алания	14,1	Республика Саха (Якутия)	40,0	Ненецкий авт.округ	108,7
Ульяновская область	15,0	Орловская область	41,5	Республика Саха (Якутия)	119,8
максимальное значение, %					
г. Москва	53,8	Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	75,9	Рязанская область	310,1
Мурманская область	55,4	Республика Калмыкия	78,6	Республика Дагестан	340,2
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	55,9	г. Москва	80,2	Республика Тыва	343,1
Ненецкий авт.округ	57,2	Ямало-Ненецкий авт.округ	82,5	Республика Адыгея (Адыгея)	522,1
Ямало-Ненецкий авт.округ	77,0	Республика Бурятия	87,8	Республика Калмыкия	701,8

Представлена выборка из пяти субъектов РФ, имеющих крайние позиции значений показателя в результате ранжирования.

совой культуры представляются сложными и многогранными с прямым и обратным влиянием. При этом рост финансовой культуры может становиться фактором снижения неравенства территорий и повышения качества жизни населения, а сглаживание неравенства является основой для роста финансовой культуры и финансовой грамотности населения. Полученные выводы следует учитывать при выработке направлений формирования и развития финансовой культуры, рекомендаций по развитию навыков принятия финансово грамотных, безопасных решений населением отдельных территорий.

Рис. 2. Направления взаимосвязи и взаимозависимости финансовой культуры и неравенства населения

Литература:

1. Антипин И.А., Шишкина Е.А., Бедняков П.С. Финансовая культура населения региона: компоненты, факторы формирования, оценки // Финансовая грамотность: тренды, форматы, стратегические задачи развития: материалы II Межд. науч.-практ. конф. Курск, 2024. С. 13–16.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // СПС Гарант.
3. Кавкаева К.П., Малышева А.А. От финансовой грамотности к финансовой культуре: особенности финансово-правового понимания // Правовая культура. 2024. № 3(58). С. 35–42.
4. Формирование правовой культуры и основ финансовой грамотности населения:

коллективная монография / Ю.А. Кудрявцев, Т.О. Бозиев, В.Э. Кроливецкая [и др.]. Гатчина: Гос. институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. 214 с.
5. Мусиенко С.А. Об уровне финансовой грамотности и формировании финансовой культуры россиян: достижения и перспективы развития // Вестник ИМСИТ. 2024. № 2(98). С. 12–16.
6. Круглова Е.Л. Особенности методики социологической диагностики уровня финансово-экономической культуры как параметра экономической системы // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 36–44. https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-36-44
7. Форум: как финансовое просвещение влияет на экономику регионов. URL: https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/kak-finansovoe-prosveshenie-vliyaet-na-ekonomiku-regionov/
8. Gunupudi, L., Dharmarajan, K. Continuous literacy programs: case for mobile based financial literacy solution // Decision. 2023. № 50. P. 349–362.
9. Дончевская Л.В., Фролова О.В. Повышение финансовой грамотности и формирование финансовой культуры в России: научно-технический аспект // Экономические и социальные проблемы России. 2024. № 2 (58). С. 143–157.
10. Иванова Н.Г. Финансовая культура в цифровом мире // Известия СПбГЭУ. 2022. № 6 (138). С. 63–67.
11. Kamble P.A., Mehta A., Rani N. Financial Inclusion and Digital Financial Literacy: Do they Matter for Financial Well-being? // Soc Indic Res. 2024. № 171. P. 777–807.
12. Солодов А.К. Оценка финансовых критериев. Влияние культуры / А. К. Солодов // Экономика и социум. 2016. № 8(27). С. 403–406.
13. Гуан Н., Гуарилья А., Мур П. и др. Финансовая грамотность и психическое здоровье: эмпирические данные из Китая // Appl Health Econ Health Policy. 2024. № 22. P. 833–847.
14. Muñoz-Céspedes E., Ibar-Alonso R., Cuerdo-Mir M. Individual entrepreneurial behavior and financial literacy // Int Entrep Manag. 2024. № 20. P. 2263–2285.
15. Xu S., Jiang K. Knowledge creates value: the role of financial literacy in entrepreneurial behavior // Humanit Soc Sci Commun. 2024. № 11. P. 679.
16. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Fiscal Differentiation of Russian Regions: Scope and Dynamics // Reg. Res. Russ. 2023. № 13. P. 682–690.
17. Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. Неоднородность экономического развития российских макрорегионов // Экономика региона. 2023. № 4. С. 934–948.
18. Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. 2021. № 26(4). С. 20–34.
19. Антипин И.А., Шишкина Е.А. Стратегическое управление диспропорциями социально- экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. № 3 (247). С. 179–202.
20. Gao Z. Shadow of Technology: Robotics Development and Regional Economic Inequality // Journal of the Knowledge Economy. 2024. DOI:10.1007/s13132-024-01856-6
21. Растворцева С.Н. Причины и тенденции регионального неравенства в России // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4. Вып. 2. С. 132–140. DOI: 10.34130/2070-4992- 2024-4-2-132-140.
22. Зверева В., Синяков А., Шелованова Т. Финансовая грамотность и ответственное финансовое поведение российских домохозяйств // Серия докладов об экономических исследованиях. 2024. № 132. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/162512/wp_132.pdf

Interregional Inequality in the Context of Factors of Formation and Development of Financial Culture of the Population

Antipin I.A., Shishkina E.A.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)
Bednyakov P.S.
Alternative Investment Fund (Yekaterinburg)

The authors of the article consider the issues of interregional inequality and the formation of the financial culture of the population. The purpose of the article is to study the relationship and mutual influence of interregional inequality and the financial culture of the population of the regions, as well as the directions of their regulation. The authors have found that in the aspect of studying financial

culture and financial literacy, economic and social factors of inequality of territories (in terms of income, expenses, consumer preferences of citizens) that affect financial decision-making by the population, the directions of their expenses, savings opportunities, and propensity to lend are of particular importance. The results of the study showed that the interrelationships of territorial inequality and financial culture are complex and multifaceted, characterized by interregional differences. In addition, the formation of a financial culture is a factor that reduces the inequality of territories, improves the quality of life of their population, and smoothing inequality becomes the basis for the growth of financial culture and financial literacy of the population. Thus, it is advisable to take into account the conclusions obtained when forming directions for improving the financial culture of the population of certain territories.

Keywords: population, region, regional development, financial culture, heterogeneity, differentiation

УДК 314.93
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-15-20

Миграция как фактор устойчивости региональной экономики на примере Омской области*

Бабичев М.А.
Кандидат экономических наук, инженер сектора методов исследования проблем развития регионов Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (ОНЦ СО РАН), доцент факультета очного обучения Сибирского института бизнеса и информационных технологий, доцент Финансового университета при Правительстве РФ (Омский филиал)

Карпов В.В.
Доктор экономических наук, профессор,
директор Омского научного центра
Сибирского отделения Российской академии наук (ОНЦ СО РАН)

Актуальность статьи обуславливается тем, что миграционная активность населения играет важную роль в структуре региональной экономики. Потоки межрегиональной миграции во многом определяют параметры экономической устойчивости региона в части воздействия на объемы и структуру человеческого капитала субъектов региональной экономики, формируя спрос в части развития региональных рынков. Целью статьи является анализ динамики миграционных потоков в рамках региональной экономки на примере Омской области. Задачами исследования являются обзор динамики миграции населения Омской области, определение актуальных тенденций региональных миграционных потоков, идентификация причин возможных негативных последствий и определение зон роста с позиции формирования и корректировки динамики региональной миграции потоков со стороны государственного регулирования. Практическая значимость исследования состоит в применении системного подхода в части анализа региональной экономической устойчивости и рассмотрения миграции как фактора, формирующего системное состояние экономки региона. Проведенная исследовательская работа позволила дать оценку текущим тенденциям региональной экономики в части миграции, определить зоны роста и уточнить эффективность применяемых мер со стороны государственного регулирования.

Ключевые слова: *экономическая устойчивость, миграция, население региона, среднесписочная численность работников, Омская область*

Для цитирования: *Бабичев М.А., Карпов В.В. Миграция как фактор устойчивости региональной экономики на примере Омской области // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 15–20. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-15-20.*

* Работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Экономическая устойчивость в современных условиях развития экономики на макро- и микроуровнях является ключевым элементом государственного регулирования. При рассмотрении экономической устойчивости как элемента экономики региона необходимо обозначить границы и содержательный характер исследуемого понятия. В теоретических и практических материалах схожих исследований нет единого понимания экономической устойчивости. Кроме того, форма экономической устойчивости региона является сама по себе дискуссионной за счет установления дополнительных территориальных границ рассматриваемого вопроса. Поэтому в рамках текущего исследования обозначим, что экономическая устойчивость – это способность выполнять свои функции и достигать целей при непредвиденных нарушениях параметров системы или внешней среды. Это определение формирует комплексное понимание авторов текущего исследования относительно рассматриваемого понятия и основывается на работах, посвященных схожим вопросам. Также предлагаемую позицию возможно применить к экономике регионального уровня и раскрыть вопросы системного характера в регионе и стране в целом. В статье ключевым инструментом исследования экономической устойчивости региона выбран системный подход. С позиции данного подхода экономика региона представляет собой определенную совокупность элементов, которые могут формировать или изменять динамику своего взаимодействия под влиянием различных внутренних и внешний факторов (рис. 1).

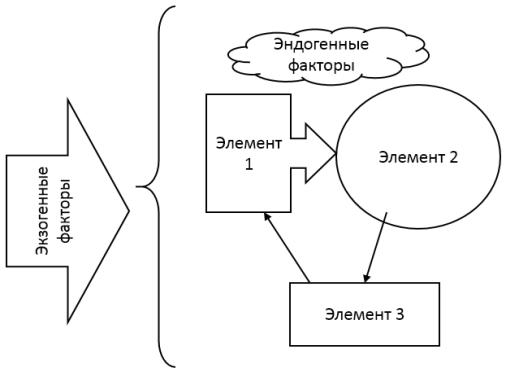

Рис. 1. Позиционирование экономической устойчивости региона с позиции системного подхода

В данном случае состояние экономической устойчивости может быть определено как состояние факторов и элементов в процессе их взаимовлияния.

Если рассмотреть текущее состояние экономики Омской области и Сибирского федерального округа (СФО) в целом, то можно отметить ряд негативных тенденций в рамках социально-экономических процессов. В части бизнес-среды прослеживаются спады ряда отраслей (например АПК) [1]. Также есть проблемные области в части выстраивания межотраслевого взаимодействия в регионе [2]. Кроме того, рынок труда Омской области также испытывает сложности, в том числе из-за миграционного оттока ряда последних лет [3; 4].

Таким образом, вопросы миграционного регулирования приобретают актуальность за счет внутрисистемного взаимовлияния на элементы регионального экономического развития. В статье миграция рассмотрена как элемент общей системы экономической устойчивости. Данное рассмотрение актуально в силу факторов экзогенного и эндогенного свойства, инспирированных на местном и федеральном уровне. Выделение данных факторов позволит сформулировать ответ на вызовы и угрозы региональным экономикам современной России.

Если проводить ретроспективный анализ миграционной составляющей региональной экономики, то можно отметить, что с позиции существующей аналитики и статистки, а также, исходя из выводов уже имеющихся исследований, проводимых на региональном и федеральном уровне [3; 5; 6], можно отметить, что Сибирский регион и Омская область, в частности, являются отчасти депрессивными территориальными образованиями для жизни трудоспособного населения. Данный фактор можно представить как стимул миграционного движения. Если предположить, что миграция является фактором экономической устойчивости, то стоит оценить насколько ключевым или значимым элементом в части устойчивого положения экономики региона она является. Анализ следует проводить в динамическом и статическом контексте исследования. Кроме того, стоит учесть значимость вопроса миграции с позиции общей картины региональной устойчивости с учетом иных факторов.

Например, если обратить внимание на миграционные процессы последних лет с 2021 по 2023 гг., то можно отметить 2023 г. как период низких цифр относительно соседних лет как по прибывшим, так и по выбывшим (рис. 2).

Представленные тенденции могут свидетельствовать не столько об усилении выбытия, сколько о сокращении динамизма этих процессов. Учитывая ряд факторов социального волнения населения, связанных с появлением экономических шоков и расширением социальных мотивов в части смены места ведения экономичной активности, данные 2023 г. могут говорить об определенной адаптации региона к миграционному движению. Также стоит отметить схожий динамизм внутри рассматриваемых годичных периодов. В каждом году есть месяцы большей или меньшей миграционной активности. Данные обстоятельства целесообразно связать с естественными причинами цикличности миграционных мотивов трудоспособного населения, такими как сезонность работ, низкая склонность к перемещению в начале года и прочие. Но даже ввиду цикличности,

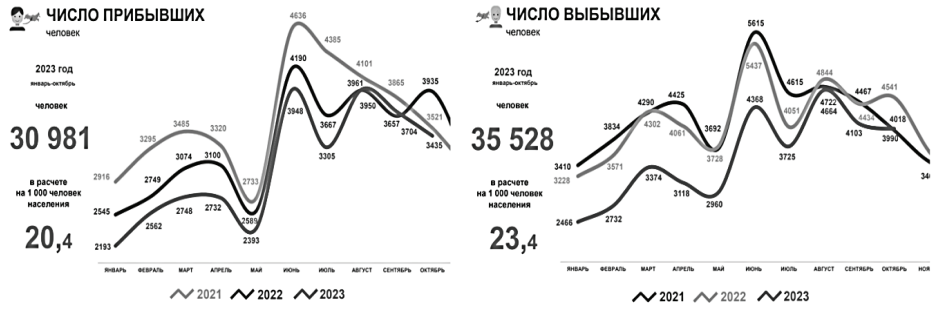

Рис. 2. Динамика миграционных процессов в Омской области за 2021–2023 гг. [5]

количественное наполнение миграционных потоков явно говорит о том, что темпы снижаются. С другой стороны, так как снижаются темы и прибывших, и выбывших, то отношение в части влияния на экономическую устойчивость данных тенденций противоположно друг другу. Например, если снижение выбывающего населения может говорить об удержании экономически активного населения внутри региона, то снижение темпов прибывающего населения может нивелировать позитивный результат миграционной политики региона как структурного элемента региональной экономической политики в целом. Стоит отметить, что у процессов миграционной убыли и миграционного роста есть как общие (влияющее и на приток, и на отток), так и индивидуальные причины (влияющие только на приток или отток). Кроме того, показатели миграционной активности в отдельно взятом периоде могут иметь отложенный эффект влияния на экономическую устойчивость региона, причем время отложенного эффекта по выбывшим и прибывшим также может быть разным, что затруднит формирование категоричных оценок в части влияния размеров миграционных потоков на региональную экономику отдельного периода. Поэтому для анализа миграционной активности как фактора экономической устойчивости на региональном уровне стоит посмотреть более широкие сроки по миграции и понять, насколько регион в контексте устойчивости на самом деле устойчив и сохраняет кадры и население как самостоятельный субъект (Омская область) и как структурный элемент Сибирского федерального округа (СФО).

Отметим, что по Омской области в рамках последних лет миграционная убыль сокращается ежегодно. При этом если рассматривать долгосрочную ретроспективу, то шоковыми для экономики региона был период с 2015 по 2018 гг. (рис. 3). На данном временном отрезке был очень сильный скачок миграции с 1800 до 12000 чел. в год отрицательного прироста. Примерено также в части 12000 чел. в год сохранялась тенденция до 2019 г., а в 2020 г. произошел поворот тренда на уменьшение иммиграционной убыли. В качестве причин можно отметить общемировые ограничения по возможности межрегионального перемещения, связные с карантинными мерами и прочими барьерами активной стадии пандемии *COVID*-19. Но наряду со всеми внешними по отношению к системе региональной экономики условиями, возможно, наблюдается результат стабилизирующих мер регионального уровня. В Омской области реализуется ряд программ поддержки населения, например, программа «Развитие здравоохранения Омской области» (сроки реализации: 2024–2030 гг.); «Развитие системы образования Омской области» (сроки реализации: 2024–2030 гг.); «Социальная поддержка населения» (сроки реализации: 2024–2030 гг.) и другие меры соответственно Распоряжению Правительства Омской области от 29 марта 2023 г. № 51-рп «Об утверждении перечня государственных программ Омской области» [7].

Данное предположение основано на том, что сальдо миграционной динамики стало сокращаться в отрицательной плоскости по 2022 г.

Социально-политические шоки и информационная напряженность в обществе способствовали ухудшению показателей миграции в 2022 г., но данное обстоятельство показало временный кризисный характер, так как показатели 2023 г. продемонстрировали стабилизацию рассмотренных тенденций. В частности, менее 5000 чел. выбыли из региона за первые 10 месяцев 2023 г. (рис. 4).

Таким образом, итоги миграции за последние годы по Омской области показывают позитивную динамику в качестве сокращения отрицательных приростов, но все-таки отрицательная плоскость результатов миграционной активности говорит о кризисной ситуации в части региональной экономической политики. Для уточнения содержательного аспекта анализируемых процессов стоит обратить внимание на экономическую составляющую миграционных мотивов населения.

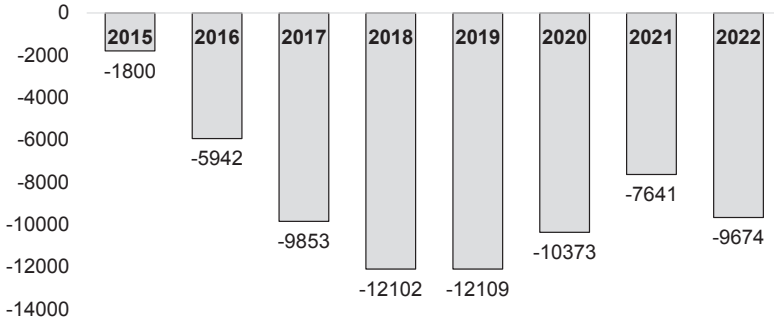

Рис. 3. Общие итоги миграции по Омской области (2015–2022 гг.), чел.

Составлено авторами на основе данных органов статистики [5; 8])

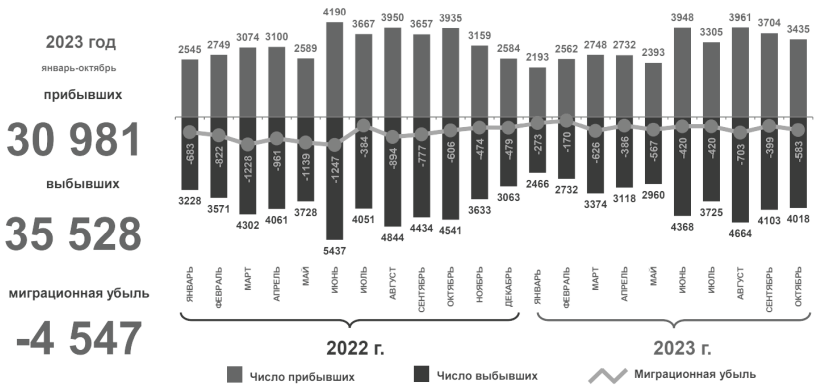

Рис. 4. Динамика миграции в Омской области в 2022-2023 гг. [5]

Рассмотрим как элемент экономической устойчивости региона изменение численности работников организаций в Омском регионе. Данный показатель будет иллюстрировать положение и динамику занятого населения. Эта часть жителей региона имеет возможность формировать свой доход и является важной частью процесса экономической активности населения. Заметим, что более 4 лет падает среднесписочная численность работников предприятий. Каких-то глобальных изменений не прослеживается и идет снижение от 1 до 1,5 % в год, что может описывать ситуацию как стабильную с небольшим отрицательным уклоном (рис. 5).

В дополнение к отрицательной динамике по занятости, показатели средней заработной платы в Омской области находятся ниже аналогичного показателя по СФО [10], что говорит об угрозе потери кадров в плане перемещения заинтересованных в доходе лиц. Но нужно принять во внимание тот факт, что текущая заработная плата населения и ее отношение к соседним регионам не всегда является бескомпромиссным мотивом к миграции, так как есть иные социально-экономические причины сохранения текущего места проживания (существующее место работы, опасения в части долгого временного лага поиска новой работы, низкий уровень накоплений для кризисных моментов переезда, текущие обязательства и иные элементы общественной жизни, формирующие склонность отдельных групп занятого населения к неизменности среды проживания и ведения трудовой деятельности и др.).

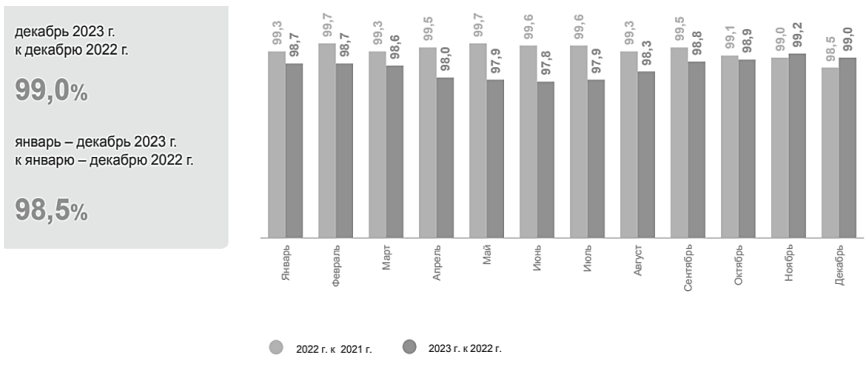

Рис. 5. Изменение среднесписочной численности работников организаций в Омской области, % [9]

В качестве итогов исследования можно заключить, что в Омской области прослеживаются вызовы и угрозы в части миграционной составляющей экономической устойчивости. Если предположить, что позитивное влияние на экономические процессы региона оказывает его наполнение экономически активным населением, то рост и удержание входящего миграционного потока и регулирование оттока является адекватной реакцией на угрозы региональной экономической устойчивости. Если рассмотреть меры государственного регулирования, применяемые в настоящее время в качестве стабилизаторов экономики (в том числе: гранты Росмолодёжи, социальные выплаты и субсидии населению, реализация средств материнского капитала и др.), то заметна неоднозначность их реализации в части формирования угроз устойчивости в рамках региона в пользу иных регионов миграции населения. Можно отметить определённый дисбаланс в вызовах и угрозах для отдельных региональных субъектов и борьбой с этими вызовами и вопросами на федеральном уровне.

Например, если в регионе есть проблема на региональном уровне со смертностью и рождаемостью, тогда стоит вопрос о том, что нужно стимулировать рождаемость и таким образом повышать потенциальную трудовую среду региона. Кроме того, если рассматривать не только что родившихся, а всех, кто находится в состоянии до трудоспособного возраста, то нужно предпринимать меры для сохранения этих кадров в будущем для региона. То есть противостоять оттоку населения трудоспособного возраста и моложе.

В этом плане проводится очень много мероприятий, в частности, есть национальный проект «Демография», в рамках которого прорабатываются разные методы стимулирующего характера. В числе мер – разные виды дотаций и субсидий для молодых семей, чтобы эти семьи в принципе создавали и поддерживали демографический контекст региональной экономики.

С другой стороны, федеральные программы поддержки могут сместить акценты выбора населения отдельных регионов в части миграционной активности. Таким образом, получается, что меры поддержки есть у населения, но их нет у региона. Например, молодая семья (или иной субъект, удовлетворяющий требованиям субсидий и льгот со стороны государства) может воспользоваться своим льготным правом в другом регионе, где эта мера

поддержки также работает. Таким образом, некоторые стимулирующие меры для развития населения страны могут привести к деструктивным действиям в ближайшей перспективе развития региона.

Если рассматривать СФО и Омскую область, в частности, то одним из ключевых параметров сдерживания миграционного движения из региона является направление работы с начинающими свою карьеру специалистами. Во многом этот сегмент представлен выпускниками вузов и иных учебных заведений. Отметим, что наполняемость СФО студентами высока в силу концентрации в регионе ряда крупных образовательных кластеров высшего и специального образования. Выпускники и зачастую учащиеся выпускных курсов в момент трудоустройства находятся в процессе первичной трудовой адаптации. Обеспечение и поддержка данного процесса может быть заметным фактором в расширении инвестиционного и кадрового потенциала региона. С другой стороны, мотивы к перемещению у данной группы населения достаточно высоки в силу доступной мобильности в поиске работы. Данный сегмент населения чаще всего не ограничен потребностями семьи и формирует начальные линии карьерных перспектив.

Таким образом, в качестве узкого места региональной экономической политики в части миграционного аспекта можно определить работу региональных структур власти, направленную на формирование комфортной среды региона для трудовой адаптации начинающих специалистов и выпускников образовательных организаций. Сам процесс трудовой адаптации является многофакторным явлением и включает в себя как профессиональные, так и социальные компоненты. Если профессиональные составляющие являются прерогативой работодателя, то социальное направление во многом находится в ведении региональной экономической и социальной политики.

В итоге, если не уходить во внутриотраслевое регулирование, то в качестве вектора развития региональной экономической устойчивости возможно рассмотреть информационную и нормативную адаптацию мер государственной поддержки с позиции актуальности их применения к региональной экономки (рис. 6).

Рис. 6. Процесс формирования экономической устойчивости региона

Развитие адаптационного механизма поддержки на региональном уровне будет способствовать решению проблем с текущими вызовами и угрозами, а также сможет сформировать основу для решения потенциальных сложностей стратегического регионального характера. На сегодняшний день максимально близкую к формированию экономической устойчивости функцию выполняет государственная программа «Социальная поддержка населения» (Постановление Правительства Омской области от 28.10.2023 г. № 582-п «Об утверждении государственной программы Омской области «Регулирование отношений в сфере труда и занятости населения Омской области» (ред. от 26.02.2024) [11]). Индикаторы данной программы акцентируют внимание на миграционных потоках в Омской области и ставят соответствующие целевые ориентиры на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Отметим, что пересмотр и дополнение данной программы в будущем в части мероприятий, направленных на формирование адаптационного воздействия начинавших карьеру кадров в Омской области позволил бы более детально учесть мотивы и стимулы населения региона к экономической активности и, следовательно, к формованию, соответственно, инвестиционного и социального климата в Омской области.

Литература:

1. Капогузов Е.А., Карпов В.В., Чупин Р.И. Возможности и ограничения российских регионов по использованию реакционных антикризисных мер развития экономической безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 111–121.
2. Миллер А.Е. Исследование предпосылок и возможностей развития синергетического потенциала взаимодействий в промышленности Омской области // Вестник СИБИТа. 2023. № 3. С. 106–113. URL: https://doi.org/10.24412/2225-8264-2023-3-106-113.
3. Леушкина В.В., Кондратьева О.В. Трудовые ресурсы омской области: тенденции и перспективы // Экономика труда. 2022. № 12. С. 2065–2076. DOI: 10.18334/et.9.12.116904.
4. Маковецкий М.Ю., Рудаков Д.В., Воропаев К.А. Актуальные проблемы развития Омского региона в контексте современных социально-экономических процессов в российской Федерации // ОНВ. ОИС. 2018. № 4. С. 94–97.

5. Миграция населения Омской области. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migration-info_10-2023.pdf
6. Рой О.М. Влияние неравномерности развития сибирских регионов на миграционную убыль // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2021. № 53. С. 100–110.
7. Региональная экономика: комментарии ГУ 5 № 25 (Февраль 2024). URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/47846/report_01022024.pdf
8. О демографической ситуации в Омской области в 2018 году. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demograf-2018.pdf
9. Численность и заработная плата работников организаций январь – декабрь 2023 года. Данные оперативной статистики. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zp-info_12-2023.pdf
10. Пресс-релиз О заработной плате в регионах Сибирского федерального округа в январе – ноябре 2023 года. URL: https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/54_PRESS014_2024.pdf
11. Распоряжение Правительства Омской области от 29 марта 2023 г. № 51-рп «Об утверждении перечня государственных программ Омской области» // СПС Гарант.

Migration as a Factor of Stability of the Regional Economy on the Example of the Omsk Region

Babichev M.A.
Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Siberian Institute of Business and Information Technologies,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Karpov V.V.
Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

The relevance of the article is due to the fact that the migration activity of the population plays an important role in the structure of the regional economy. Interregional migration flows largely determine the parameters of the economic stability of the region in terms of the impact on the volume and structure of human capital of regional economic entities and forming demand in terms of the development of regional markets. The purpose of the article is to analyze the dynamics of migration flows within the framework of the regional economy using the example of the Omsk region. The objectives of the study are to review the dynamics of migration of the population of the Omsk region, identify current trends in regional migration flows, identify the causes of possible negative consequences and identify growth zones from the perspective of formation and adjustment of the dynamics of regional migration flows by state regulation. The practical significance of the study lies in the application of a systematic approach in terms of analyzing regional economic stability and considering migration as a factor shaping the systemic state of the region's economy. The research work carried out made it possible to assess the current trends of the regional economy in terms of migration, identify growth areas and clarify the effectiveness of the measures applied by state regulation.

Keywords: economic stability, migration, the population of the region, the average number of employees, Omsk region

УДК 336.77
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-21-25

Динамика, анализ и результативность применения льготных программ ипотечного кредитования в Российской Федерации в 2020 – 2024 гг.

Гениберг Т.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью, доцент кафедры информационных технологий Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

В статье представлены итоги исследования реализации двух государственных программ: льготной ипотеки на приобретение новостроек и ипотечной программы для жителей Дальнего Востока. На основе анализа данных Центрального Банка и Сбербанка России сделаны обоснованные выводы о том, что население РФ на протяжении 2020–2024 гг. отклонялось от цели, поставленной перед льготной ипотечной программой с кредитной ставкой 8 % годовых. Льготные кредиты получали высокодоходные слои населения, объемы финансирования были излишне высоки. В итоге программа не достигла своей цели – помощи нуждающимся слоям населения в приобретении жилья. Также рассмотрена модель целевого финансирования покупки недвижимости для жителей Дальнего Востока, результирующие показатели которой говорят о целесообразности такой модели. На основе проведенного анализа разработаны рекомендации по конструированию государственной программы финансирования приобретения жилья, применение которой в будущем определенно будет иметь положительный результат, так как она составлена на основе российского опыта и практики.

Ключевые слова: *ипотека, жилищное кредитование, льготная программа, кредитная ставка, государственная поддержка*

Для цитирования: *Гениберг Т.В. Динамика, анализ и результативность применения льготных программ ипотечного кредитования в Российской Федерации в 2020–2024 гг. // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 21–25. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-21-25.*

Трансформация экономики в условиях сложной рыночной, политической, отраслевой ситуации в любой стране исторически сопровождается различными формами поддержки экономических субъектов со стороны государства. Примерами таких форм поддержки явились Государственная программа льготной ипотеки на приобретение жилья на первичном рынке России по ставке 8 % годовых в условиях пандемии *COVID*-19 и ипотечная программа для жителей Дальнего Востока по ставке 2 % годовых. Проведем исследование условий, динамики и итогов реализации каждой из этих программ, так как они имеют противоположные результаты.

Государственная программа льготной ипотеки на приобретение жилья для жителей РФ на первичном рынке была введена в нашей стране как мера поддержки строительной отрасли в 2020 г. во время пандемии *COVID*-19. Далее сроки программы продлевались несколько раз, идеологическая привязка к антикризисным мерам со временем ослабла, в итоге строительная отрасль в течение четырех лет имела значительную бюджетную поддержку, что помогало строительным организациям сохранять до-

статочно высокий уровень рентабельности в сложные рыночные времена.

С течением времени начали устойчиво проявляться следующие тенденции в функционировании данной государственной программы:

– объемы кредитования нарастали высокими темпами, обеспечив рост стоимости квадратного метра жилья на первичном рынке в среднем по России с 77 тыс. руб./кв.м в 2020 г., до 154 тыс. руб./кв.м в 2024 г. (рис. 1) [1], причём уровень накопленной инфляции за этот же период составил только 39,8 % [2];

– преимущественно заемщиками становились люди с высоким уровнем дохода, по данным Сбербанка России их доля с 2020 по 2024 гг. выросла с 58,9 до 85,4 % в общей структуре заемщиков. На долю заемщиков – граждан с низким уровнем дохода приходится только 2,5 % [3];

– доля выданных льготных кредитов на рынке первично реализуемой недвижимости выросла за тот же период с 9 до 96 % от общей суммы выданных ипотечных ссуд [3];

– разница между ценой за 1 кв.м на первичном и вторичном рынке выросла с 25 до 45 тыс. руб. за указанные годы [4];

– рост ключевой ставки Банка России оказывает отрицательное влияние на бюджет России, так как размер финансируемой государством ставки рассчитывается как разница между ключевой ставкой Банка России, увеличенной на 1,5 %, и льготной ставкой по государственной программе. При росте ключевой ставки размер ресурсов, выплачиваемых по данным ипотечным ссудам за счет средств государственного бюджета, растет, что и наблюдается за последние пять лет, когда ключевая ставка увеличилась с 6,25 % на начало 2020 г. до 16 % на июль 2024 г. [5];

– объем средств, направляемых из государственного бюджета по программам льготной и семейной ипотеки, в 2024 г. планово составил 567 млрд руб., ориентировочно поровну между двумя программами. Это в четыре раза больше, чем в 2023 г. [6].

Проведем анализ, как менялись объемы выданных кредитов на жилищное кредитование за последние два года. Динамика, приведённая на рисунке 2, показывает, что объемы ссуд в течение года нарастают, достигая пика к концу года. От 281 млрд руб. в феврале 2023 г. до 785 млрд руб. в январе 2024 г. И вновь от 271 млрд руб. в феврале 2024 г. до 788 млрд руб. в июне, что скорее всего было вызвано нарастанием повышенного спроса, связанного с окончанием срока действия программы. Стоит отметить критическое снижение объемов кредитования в июле в два раза: с 788 743 млн руб. в июне до 356 189 млн руб. в июле 2024 г. [7].

Если оценивать количество предоставленных кредитов по месяцам также за 2023–2024 гг., то видим, что оно идентично динамике объемов выданных ссуд в денежном выражении за этот же период. Количество выданных кредитов сократилось так же с 202 503 в июне до 107 335 в июле 2024 г., то есть в два раза (табл. 2). Июльский показатель объемов кредитования составил только 60 % от среднемесячного значения за 2023–2024 гг. (рассчитано автором по источнику [7]).

При этом средневзвешенная ставка по кредитам в июле, после окончания действия льготной программы, существенно выросла с 7,57 до 10,23 % (рис. 2).

По итогам исследования экономической статистики результатов реализации Государственной программы льготного кредитования приобретения жилья на первичном рынке недвижимости на основе данных Банка России и коммерческих банков, то есть непосредственных регулятора денежного рынка и кредиторов, можно сделать следующие выводы:

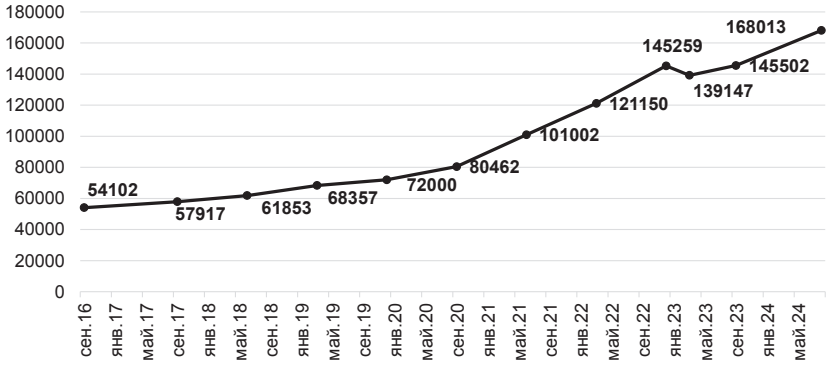

Рис. 1. Динамика цен на жилье на первичном рынке России за 2016–2024 гг., тыс. руб./кв.м [1]

Рис. 2. Объем предоставленных кредитов за месяц и средневзвешенная ставка по жилищным ипотечным кредитам, предоставленным физическим лицам РФ за 2023–2024 гг. [7]

Таблица 1

Жилищные кредиты, предоставленные физическим лицам Российской Федерации в 2023–2024 гг. [7]

Дата	Количество предоставленных кредитов за месяц, единиц	Объем предоставленных кредитов за месяц, млн руб.	Средневзвешенная ставка по кредитам, выданным в течение месяца, %
01.01.2023	176 449	697 251	6,65
01.02.2023	77 366	281 744	7,86
01.03.2023	114 865	422 559	8,05
01.04.2023	154 240	569 644	8,18
01.05.2023	153 581	566 457	8,52
01.06.2023	158 063	580 619	8,4
01.07.2023	168 043	627 013	8,45
01.08.2023	170 762	646 776	8,25
01.09.2023	216 259	849 297	8,04
01.10.2023	238 363	955 352	7,92
01.11.2023	200 503	769 865	8,35
01.12.2023	189 258	726 323	8,18
01.01.2024	196 988	785 588	7,91
01.02.2024	75 960	271 889	8,41
01.03.2024	95 733	333 061	9,28
01.04.2024	117 190	447 538	8,41
01.05.2024	123 373	465 953	8,41
01.06.2024	146 867	546 041	8,06
01.07.2024	202 503	788 743	7,57
01.08.2024	107 335	356 189	10,23

– льготная жилищная ипотека под 8 % годовых привела в стране к злоупотреблению данным видом государственной программы и получением высокодоходными слоями населения кредитных средств под низкую процентную ставку;

– низкая процентная ставка на ипотечные ссуды привела к росту цен на недвижимость практически в 2 раза, к росту количества выданных ссуд и объемов финансирования сделок в денежном выражении;

– доля льготных кредитов выросла практически до 96 % в структуре предоставленных кредитными организациями ссуд [3];

– данная программа льготного кредитования оказалась финансово тяжелым бременем для государственного бюджета страны.

Проведем анализ и оценку еще одной Государственной программы «Дальневосточная ипотека», запущенной в 2019 г. и позволяющей приобрести жилье по ставке 2 % годовых в Дальневосточном федеральном округе. Данная программа уже является адресной и точно направленной на улучшение жилищных условий в регионе и поддержку строительного рынка. Программа изначально была определена до 2025 г., далее продлена до 2030 г. В программе участвуют все 11 субъектов округа: Приморский, Хабаровский, Забайкальский, Камчатский края, Бурятия, Якутия, Амурская, Магаданская, Сахалинская, Еврейская автономная области и Чукотский автономный округ. Ссуда выдается в размере до 6 млн руб. на срок до 20 лет. Предъявляются достаточно жесткие требования к категориям получателей и регистрации заемщика по месту пребывания в приобретаемом жилье. Кредит можно получить в 21 российском коммерческом банке. В 2023–2025 гг. на данную программу предусмотрено в бюджете 70 млрд руб. [8].

Дальневосточная ипотека предоставила возможность войти в рынок таким крупным строительным компаниям, как ГК «Пик», «Самолет», ГК «ФСК», которые позволили внедрить на строительном рынке Дальнего Востока новейшие технологии, стандарты, что повысило качество строительства жилья.

Из анализа таблицы 2 и рисунка 3 мы видим, что количество кредитов и объем выданных ипотечных жилищных ссуд в течение года нарастает, достигая максимальных значений 50530–63300 млрд руб. в месяц к концу 2023 г. После роста и достижения максимума выданных кредитов в конце 2023 г. февраль 2024 г. обозначается резким снижением кредитования. Динамика 2024 г. по месяцам идентична 2023 г. Стоит отметить, что приведены данные по всем ипотечным жилищным кредитам, включая не входящие в государственную программу.

Таблица 2

Количество предоставленных ипотечных жилищных кредитов за месяц в Дальневосточном федеральном округе 2023–2024 гг., ед.

Дата	01.01.23	01.02.23	01.03.23	01.04.23	01.05.23	01.06.23	01.07.23
Кол-во кредитов, ед.	10 447	4 979	7 052	9 474	9 244	10 301	10 890
Дата	01.08.23	01.09.23	01.10.23	01.11.23	01.12.23	01.01.24	01.02.24
Кол-во кредитов, ед.	10 947	13 130	14 329	12 620	11 969	13 534	5 163
Дата	01.03.24	01.04.24	01.05.24	01.06.24	01.07.24	01.08.24	
Кол-во кредитов, ед.	5 974	7 149	7 966	9 782	12 681	9061	

Составлено автором по данным источников [9].

Рис. 3. Объем предоставленных кредитов за месяц и средневзвешенная ставка по жилищным ипотечным кредитам, предоставленным физическим лицам в Дальневосточном федеральном округе за 2023–2024 гг.

Окончание льготной ипотеки в РФ с 1 июля 2024 г. оказало снижающее воздействие также на объемы дальневосточной ипотеки с 52 105 млн руб. в июне до 34 709 млн руб. в июле 2024 г., т.е. на 33,3 %.

В целом можно сделать вывод, что дальневосточная ипотека является адресной и более конкретной по условиям предоставления, что обеспечивает достижение ею изначально поставленных целей. Результативность такой программы является более высокой и существенной для региона и страны в целом.

В итоге проведем сравнение результатов реализации двух видов государственных программ – государственной программы «Льготная ипотека» на приобретение жилья для жителей РФ в новостройках и государственной программы «Дальневосточная ипотека»:

– адресная ипотека («Дальневосточная ипотека») решает поставленную перед ней задачу более качественно и конкретно путем направления денежных ресурсов непосредственно нуждающимся субъектам, в то время как общая программа позволяет формироваться механизмам злоупотреблений и нецелевого использования бюджетных средств;

– обе государственные программы льготного ипотечного кредитования позволили строительным компаниям необоснованно завысить цены на жилье и получать бюджетные средства;

– дальневосточная программа за счет применения более жестких требований к заемщику в сравнении с реализацией льготной общероссийской программы позволила осуществлять строгий отбор получателей финансовой помощи и распределять государственные средства целесообразным образом и в меньшем объеме;

– во всероссийской ипотечной льготной программе концентрация выделяемых ресурсов сосредоточилась преимущественно в области высокодоходных заемщиков по причине высоких требований к заемщикам, которые не позволяли получать средства действительно нуждающимся слоям населения. В дальневосточной программе такой деформации в распределении ресурсов не наблюдалось;

– во всероссийской программе доля льготных кредитов в общей величине ипотечных ссуд достигала 96 %, принимая массовый характер, в дальневосточной программе таких искажений не наблюдалось.

На основании этого можно сформулировать положения, которые целесообразно использовать в качестве накопленного опыта при создании моделей государственных ипотечных программ в будущем:

– государственная программа должна иметь строгую адресную направленность на нуждающихся;

– государству необходимо включать регулирующие механизмы, не позволяющие завышать цены на конечный продукт, приобретаемый с помощью государственной поддержки. В результате строгого мониторинга исключать строительные компании, нарушившие данное условие, из участников программы и не допускать финансирования покупки сданных ими объектов;

– пороговые условия получения кредита (доход заемщика, минимальный первоначальный взнос и т.д.) должны быть снижены для доступности потенциальным заемщикам, на которых нацелена программа;

– целесообразно ввести ограничения на максимальную сумму доходов потенциальных заемщиков, чтобы ограничить доступность льготных ссуд для высокодоходных слоев населения;

– необходимо ограничивать размер средств, предназначенных для программы, и не допускать необоснованных продлений сроков действия господдержки;

– строго регламентировать действие программы и ее нацеленность на поддержку нуждающихся отрасли, региона, профессии в определенный ограниченный период, во избежание массовости злоупотреблений использования бюджетных средств;

– использовать модель расчета помощи государства заемщику таким образом, чтобы сумма, дотируемая государством, не превышала размер уплачиваемых заемщиком платежей;

– в связи с высокой долей населения в России с низким уровнем дохода разработать и внедрить мо-

дель оценки и определения действительно нуждающихся, но платежеспособных получателей средств.

Цель проведенного исследования достигнута: осуществлено сравнение двух государственных программ ипотечного кредитования: программы льготной ипотеки на первичном рынке со ставкой 8 % годовых и ипотечной программы для жителей Дальнего Востока со ставкой 2 % годовых. На основе анализа итогов действия этих программ сделаны выводы и рекомендации по конструированию эффективных будущих моделей целевых программ для финансирования приобретения жилья.

Литература:

1. Динамика цен по фактическим сделкам, первичный рынок // Сбериндекс. URL: https://sberindex.ru/ru/dashboards/real_estate_deals_primary_market. (дата обращения: 30.09.2024).
2. Калькулятор инфляции // Инфляция в России. URL: https://уровень-инфляции.рф/инфляционные-калькуляторы. (дата обращения: 30.09.2024).
3. Густова Н. Доля обеспеченных заемщиков в льготной ипотеке превысила 85 % // РБК. URL: https://realty.rbc.ru/news/6672b3579a7947babfedae0e?+from=newsfeed&from=copy (дата обращения: 30.09.2024).
4. Динамика цен по фактическим сделкам первичный, вторичный рынок // Стастистика. Сбериндекс. URL: https://sberindex.ru/ru/dashboards (дата обращения: 30.09.2024).
5. Ключевая ставка Банка России // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2020&UniDbQue (дата обращения: 30.09.2024).
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О Федеральном бюджете на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов». URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruHuEj4GqBZQQB-IhT2Di9WJIZWi7fgeYetghwU2peaOHLtSDblVitxOBgB3VxZ1cDPpPn5YjOOm6joh53hmKmEqipLiEp1YyF0DjAC_FaBvvqryyimaGrsjiuob5tjZ17g%3D%3D%3Fsign%3DvxS2Dqjbg0LjngBGfKrxHadYe1pdjqxiOwKqoWOP84A%3D&name=002.PZ.docx&nosw=1 (дата обращения: 30.09.2024).
7. Статистический бюллетень Банка России. 2024 г. № 8 (375). URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/50616/Bbs2408r.pdf (дата обращения: 30.09.2023).
8. Заседание Правительства 08.12.2022 г. Из стенограммы М. Мишустина // Правительство России. URL: http://government.ru/news/47268/#pp2182 (дата обращения: 30.09.2024).
9. Статистический бюллетень Банка России. 2023 г. № 1-12, 2024 г. № 1–8. URL: https://cbr.ru/statistics/bbs/ (дата обращения: 30.09.2023).

Dynamics, Analysis and Effectiveness of the Application of Preferential Mortgage Lending Programs in the Russian Federation in 2020 – 2024

Geniberg T.V.
Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH"

The article presents the results of a study on the implementation of two government programs: preferential mortgages for the purchase of new buildings and a mortgage program for residents of the Far East. Based on the analysis of data from the Central Bank and Sberbank of Russia, reasonable conclusions were drawn that the population of the Russian Federation during 2020-2024 deviated from the goal set for a preferential mortgage program with a loan rate of 8% per annum. Preferential loans were received by high-income segments of the population, the volume of financing was unnecessarily significant. As a result, the program did not achieve its goal of helping the needy segments of the population to purchase housing. The model of targeted financing of the purchase of real estate for residents of the Far East is also considered, the resulting indicators of which indicate the feasibility of such a model. Based on the analysis, recommendations have been developed for the design of a state program for financing the purchase of housing, the use of which will definitely have a positive impact in the future.

Keywords: mortgage, housing loans, preferential program, loan rate, government support

УДК 336
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-26-32

Оценка влияния динамики и объема государственного долга на экономический рост в странах ЕАЭС*

Демидова С.Е.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Кулачинская А.Ю.
Кандидат экономических наук,
начальник управления научной аттестации и подготовки кадров
высшей квалификации Санкт-Петербургского политехнического
университета им. Петра Великого

Актуальность работы обусловлена расширением роли интеграционных объединений в мировом экономическом пространстве. Глобальные экономические, финансовые и геополитические кризисы обусловили переосмысление роли государства в регулировании социально-экономических процессов. В статье анализируется влияние государственного долга на экономический рост в странах ЕАЭС с использованием данных за 23-летний период (2000–2022 гг.). Показатель государственного долга оценивается через валовый долг сектора государственного управления, для экономического роста использовался реальный темп роста ВВП на душу населения. Оценка параметров линейной регрессии проводилась методом наименьших квадратов. Методологическая база исследования основывается на корреляционно-регрессионном анализе временных данных по странам ЕАЭС. Результаты исследования показывают, что увеличение государственного долга обратно связано с экономическим ростом, расчетные коэффициенты государственного долга были отрицательными, в то время как масштабы негативного воздействия на экономический рост различались. Влияние других факторов, определяющих экономический рост через набор контрольных переменных, выявило положительное и статистически значимое влияние инвестиций во всех странах в период 2000–2022 гг. При реализации политики бюджетного стимулирования свободное фискальное пространство может обеспечить увеличение объема государственных инвестиций. Учитывая эти выводы, мониторинг уровня государственного долга и увеличение инвестиций для поддержки экономического роста имеют большое значение. Направления дальнейших исследований связаны с учетом фискального пространства в прогнозировании экономического роста.

Ключевые слова: *экономический рост, государственный долг, ЕАЭС, фискальное пространство, инвестиции*

* Финансирование: работа выполнена в рамках реализации проекта «Разработка методологии формирования инструментальной базы анализа и моделирования пространственного социально-экономического развития систем в условиях цифровизации с опорой на внутренние резервы» (FSEG-2023-0008).

Для цитирования: *Демидова С.Е., Кулачинская А.Ю. Оценка влияния динамики и объема государственного долга на экономический рост в странах ЕАЭС // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 26–32. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-26-32.*

Глобальные вызовы и последствия санкционных ограничений актуализируют вопросы оценки экономического роста с учетом наращивания объемов государственных заимствований и долговой нагрузки в развитых и развивающихся странах. Рассмотрение фискального пространства как фактора, лежащего в основе цикличности бюджетной политики [1], указывает на важность его расширения в благоприятные периоды, что позволит проводить контрциклическую политику на ниспадающем тренде. Значительное влияние длительного повышения процентных ставок на фискальное пространство отразилось в большем увеличении соотношения государственного долга к налоговой базе по сравнению с увеличением процикличности государственных расходов [2]. При этом на примере стран Большой семерки отмечается, что шоки государственных расходов не приводят к постоянному увеличению долга по отношению к ВВП или к стоимости заимствований [3].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международный экономический союз и зона свободной торговли, функционирующий с 1 января 2015 г. [4] и включающий страны, расположенные в Центральной и Северной Азии и Восточной Европе. Государства, входящие в союз: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. ЕАЭС обеспечивает свободное движение товаров, услуг, рабочей силы и капитала между государствами и предусматривает общую политику в макроэкономической сфере, транспорте, промышленности и сельском хозяйстве, энергетике, внешней торговле и инвестициях, таможне, техническом регулировании, конкуренции и антимонопольном регулировании. Эти процессы обеспечиваются через институциональную систему управления ЕАЭС: Высший Евразийский экономический совет (руководящий орган, состоящий из глав государств), Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия (аналог Европейской комиссии), Суд ЕАЭС, а также финансовые организации: Евразийский банк развития и Евразийский фонд стабилизации и развития. В отличие от Европейского союза (ЕС), ЕАЭС не имеет общей валюты, но, как и ЕС, устанавливает предельные значения для ряда экономический показателей, которые определяют макроэкономическую устойчивость (ст. 63 Договора о ЕАЭС). Так, уровень инфляции в годовом выражении не должен превышать более чем на 5 процентных пункта уровень инфляции в государстве-члене, в котором этот показатель имеет наименьшее значение; дефицит консолидированного бюджета не должен превышать 3 % ВВП; государственный долг не должен превышать 50 % ВВП.

Ключевыми целями интеграционного объединения являются содействие стабильному развитию в целях повышения уровня жизни в государствах-членах. В связи с эти рассмотрение факторов, влияющих на экономический рост в аспекте долговой устойчивости и формирования фискального пространства, является актуальным вопросом, напрямую связанным с достижением социально-экономических приоритетов государства.

Используя инструменты сдерживания или стимулирования, адаптационные рычаги правительства меняют структуру финансовых потоков в публичном секторе для достижения приоритетов развития.

Связь между государственным долгом и экономическим ростом является важным макроэкономическим вопросом, ввиду финансово-экономических, социальных последствий, а также его сложности. В теории государственный долг может либо стимулировать экономику, либо препятствовать экономическому росту, на что влияют размер и структура государственного долга, цели распределения полученных ресурсов. Положительный эффект государственного долга проявится только в том случае, если заемные средства будут использоваться для финансирования продуктивных государственных расходов, что будет способствовать прочному и устойчивому экономическому росту. Согласно общепринятому мнению, государственный долг оказывает положительное влияние на краткосрочный экономический рост, стимулируя спрос и производство. Высокий государственный долг может вытеснять частные инвестиции, сдерживать экономический рост за счет более высоких будущих значений долгосрочных процентных ставок, инфляции, искажающих налогов и большей неопределенности в отношении перспектив и политики [5].

Объем мирового государственного долга в 2022 г. составил 92 % ВВП. Расходы на обслуживание государственного и гарантированного государством долга в период 2023–2024 гг., по прогнозам Всемирного банка, вырастут на 10 % для всех развивающихся стран и почти на 40 % для стран с низким уровнем дохода. При этом за последние три года уже зафиксировано случаев суверенного дефолта больше, чем за предыдущие 20 лет (18 случаев в 10 развивающихся странах) [6].

Динамика уровня государственного долга в странах ЕАЭС представлена на рисунке 1.

Для стран ЕАЭС уровень государственного долга находится на приемлемом уровне. В России экономически безопасным принят уровень государ-

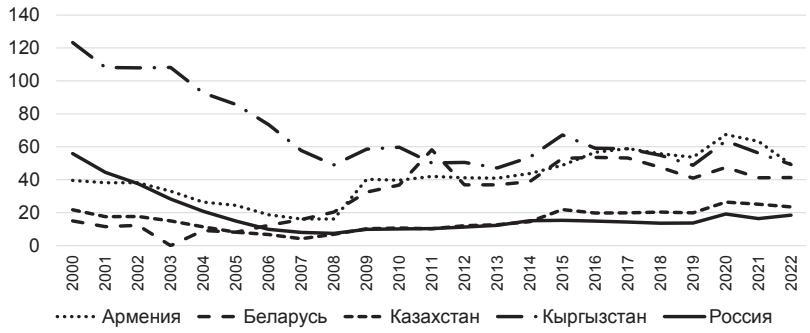

Рис. 1. Динамика уровня государственного долга в странах ЕАЭС, 2000–2022 гг., % ВВП [7]

ственного долга на уровне 20 % от ВВП[1], данный уровень является одним из самых низких пороговых значений относительно других стран. Согласно исследованиям Организации экономического сотрудничества и развития ОЭСР, порог государственного долга целесообразно определить в размере 35 % от ВВП. МВФ определяет как низкую степень долгового риска, если долг менее 30 % ВВП.

Исследования [8; 9] о влиянии государственного долга на рост экономики возобновили интерес к углублению анализа взаимосвязи между государственным долгом и экономическим ростом, особенно в периоды беспрецедентного роста государственных обязательств на фоне международного финансового кризиса, пандемии, санкций [9], рецессий.

Большинство исследований посвящено анализу проблематики взаимосвязи государственного долга и экономического роста для выборки развитых и развивающихся стран, европейских стран [10; 11]. При этом нет убедительных доказательств, подтверждающих четкий вектор связи между государственным долгом и экономическим ростом, в обзоре 33 публикаций подчеркнуто, что такая зависимость может быть отрицательной, положительной или нелинейной [12]. Также утверждается, что связь между государственным долгом и экономическим ростом существенно варьируется в зависимости от анализируемого периода времени и страны [13].

Реализация фискальной политики, которая учитывает факторы оптимизации расходов и роста доходов бюджета, допускает обоснованные заимствования при выборе ресурсов для желаемой цели, связана с концепцией фискального пространства. Фискальное пространство через целеполагание рассматривается с учетом возможности мобилизации ресурсов для достижения политических целей [14]; как необходимое условие при оценке резервов бюджета – сохранение финансовой устойчивости [15; 16]; через возможности финансирования дефицита бюджета без вытеснения частных инвестиций [17]. Подходы к фискальному пространству через элементный состав включают: доходы, расходы (в части их оптимизации), трансферты и займы [18]. Подходы к фискальному пространству через долговой критерий включают взаимосвязь дефицита и долга и экономической активности [19], устойчивость долга [18].

Значительные бюджетные дефициты сокращают финансовые возможности стран [19], повышенный дефицит бюджета также влияет на надежность государственных гарантий, которые необходимы для эффективного функционирования банковского сектора [20; 21]. Учитывая такое налогово-бюджетное давление, которое усилилось после пандемии, любой альтернативный инструмент налогово-бюджетной политики может рассматриваться как важный инструмент экономического стимулирования и стабилизации.

Ценность работы заключается в выборе для анализа стран ЕАЭС как интеграционного объединения и использовании современных эмпирических данных. Статья вносит вклад в исследование связей между государственным долгом и экономическим ростом с учетом факторов влияния и концепции фискального пространства.

Информационную основу статьи составили международные информационно-аналитические ресурсы Всемирного банка, Международного валютного фонда, информация национальных статистических служб, официальная информация финансовых органов. Анализ сосредоточен на пяти государствах – членах ЕАЭС и охватывает период 2000–2022 гг.

За основу взята методология, использованная в исследовании [22]. Зависимая переменная в моделях представлена темпами роста реального ВВП на душу населения – Y_t (%) как показателя экономического роста. Ключевой объясняющей переменной является государственный долг – *ggd* (% от ВВП).

Модели включают набор контрольных переменных, позволяющих подчеркнуть влияние других факторов, определяющих экономический рост [5; 14; 23; 24], и представлены валовым накоплением основного капитала – *gfc* (% от ВВП), общими расходами сектора государственного управления – *exp* (% от ВВП), открытостью экономики как сумма экспорта и импорта товаров – *open* (% от ВВП), уровнем инфляции – *infl* (%), общим сальдо государственного бюджета – *ggbb* (% от ВВП).

Эконометрическая методология основана на модели метода наименьших квадратов (далее – МНК), которая не учитывает отдельные объекты и относится к классической линейной регрессии:

$$Y_t = \beta_1 + \beta_2 X_t + \mu_t$$

Y_t – зависимая переменная, представлена темпами роста реального ВВП на душу населения;

[1] Государственная программа Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков».

B_1 – свободный член, константа; представляет собой значение Y_t, когда независимая переменная (X_t) равна нулю;

β_2 – коэффициент наклона, показывает, как изменяется зависимая переменная Y при изменении независимой переменной X на единицу в конкретный период времени;

X_t – независимая переменная, фактор; используется для объяснения зависимой переменной Y; факторами модели являются *ggd, gfc, exp, open, infl, ggbb*.

t – временной период;

μ_t – случайная ошибка прогноза.

Исследование ориентируется на временные данные по странам, учитывающие различия в индивидуальных средних значениях, связанные со спецификой страны.

На первом этапе был проведен корреляционный анализ для выявления регрессоров, оказывающих слабое влияние на зависимую переменную. Для Армении и Беларуси такими переменными оказались открытость экономики (*open*), уровень инфляции (*infl*), для Казахстана – уровень инфляции (*infl*). Для Кыргызстана все рассматриваемые переменные показали слабую корреляционную связь с зависимой переменной (табл. 1), дальнейший анализ по стране оказался нецелесообразным.

Для России умеренную положительную корреляцию на уровне 0,349 с показателем экономического роста показала переменная государственного долга, предположительно из-за низкого уровня государственного долга на всем временном отрезке, в среднем 18,3 % ВВП.

Регрессионный анализ был проведен для четырех стран ЕАЭС, статистическое описание переменных представлены в таблицах 2, 3 и 4.

Исходя из представленных данных, можно заключить, что совокупность регрессоров объясняет 86,2 % вариации реального экономического роста в Армении, 89,8 % в Беларуси, 72,2 % в Казахстане, 94,9 % в России.

Полученные коэффициенты при регрессорах характеризуют степень влияния независимых переменных на зависимую переменную. Во всех странах коэффициент при государственном долге отрицательный, т.е. отмечается обратная связь между изменением государственного долга и экономическим ростом. Результаты *t*-статистики показывают, что значения β-коэффициента для валового накопления основного капитала (*gfc*) статистически значимы. Положительный и статистически значимый коэффициент бета указывает на положительное влияние инвестиций во всех четырех странах в период 2000–2022 гг. на экономический рост.

Можно согласиться с исследованиями, которые получили подтверждение, что государственный долг оказывает обратное влияние на экономический рост при его превышении определенных предельных значений. Для развитых и развивающихся стран высокий уровень долга к ВВП (90 % и выше) связан со значительно более низкими показателями экономического роста. Экономический рост фиксируется в среднем на уровне от -0,1 до 2,2 % в год по разным оценкам [5; 25]. Значительно более низкие уровни внешнего долга к ВВП (60 %) связаны с неблагоприятными последствиями для роста развивающихся рынков. Авторы отмечали, что нелинейная реакция экономического роста на рост задолженности, когда долг приближается к историческим границам, напоминает феномен «долговой нетерпимости» [26].

Стимулирующая фискальная политика активизируется при наступлении глобальных кризисов и способность правительства осуществлять государственные инвестиции – через положительный бюджетный импульс – запускает экономический рост. Источником новых государственных инвестиций является фискальное пространство.

Поддержанию бюджетной стабильности в странах ЕАЭС способствовал активный рост доходов, интенсивный рост расходов бюджетов в большинстве

Таблица 2

Статистика регрессии по странам

	Армения	Беларусь	Казахстан	Россия
Множественный *R*	0,928565377	0,94740793	0,84993513	0,97418245
R-квадрат	0,86223366	0,89758178	0,72238972	0,94903145
Нормированный *R*-квадрат	0,821714148	0,86745877	0,64073964	0,93404071
Стандартная ошибка	2,917844129	1,71640893	2,64038851	1,13866265
Наблюдения	23	23	23	23

Таблица 1

Корреляционный анализ по Республике Кыргызстан

	Yt	*ggd*	*gfc*	*exp*	*open*	*infl*	*ggbb*
Yt	1						
ggd	0,01963561	1					
gfc	0,07777614	-0,0611223	1				
exp	-0,1641606	-0,59338164	-0,012243435	1			
open	0,29121912	-0,69319181	0,283126619	0,46980535	1		
infl	0,17178847	-0,21023982	0,150420615	-0,0421266	0,50566048	1	
ggbb	0,1536826	-0,65702045	0,010595032	-0,1090692	0,42228511	0,26255841	1

стран, что в основном было связано с поддержкой экономики в условиях воздействия внешних шоков и роста инфляции.

Рост реального ВВП в разрезе стран ЕАЭС и за январь–декабрь 2023 г. (предварительные данные) в Армении составил 8,7 % ВВП, Беларуси – 3,9 % ВВП, Казахстане – 5,1 % ВВП, Кыргызстане – 6,2 % ВВП, России – 3,6 % ВВП. При этом имеются ряд негативных факторов, которые заключаются в том, что во всех странах ЕАЭС наблюдается ускорение инфляции, расчетное значение показателя увеличилось с 12,7 % в 2021 г. до 13,3 % в 2022 г. [8], наиболее стабильными в течение года были потребительские цены в Кыргызстане. Инфляционные процессы оказывают негативное влияние на стоимость государственных заимствований и обслуживания долга. Нужно отметить, что по итогам января–декабря 2023 г. показатели инфляции сложились на безопасном уровне, самый высокий уровень из рассматриваемых стран – в Казахстане (2,6 %), в Беларуси – 2,2 %, в России – 2,0 %, самый низкий – в Армении (0,2 %). Однако можно отметить снижение темпов прироста взаимной торговли с ЕАЭС в России (-1,0 %), в Кыргызстане – 2 %, при этом наибольший рост взаимного экспорта наблюдается в Армении (+40,8 %). Экспорт Беларуси вырос на 10 %, Казахстана – на 9,5 %[2].

В настоящее время в странах ЕАЭС идет разработка «Основных направлений экономического развития государств – членов ЕАЭС до 2035 г.», которые определят общие для всех стран Союза перспективные направления долгосрочного экономического развития с

[2] Евразийская интеграция в цифрах: экономический мониторинг. https://eaeu.economy.gov.ru (доступ 19.05.2024).

Таблица 3

Анализ отклонений по странам

Индикатор	*df*	*SS*	*MS*	*F*	Значение *F*
Армения					
Регрессия	5	905,8472042	181,1694408	21,2794681	9,0483E-07
Остаточный	17	144,7348441	8,513814361		
Общий	22	1050,582048			
Беларусь					
Регрессия	5	438,921906	87,7843812	29,7972182	7,6759E-08
Остаточный	17	50,0830134	2,94605961		
Общий	22	489,00492			
Казахстан					
Регрессия	5	308,404425	61,6808849	8,847385	0,00027727
Остаточный	17	118,518076	6,9716515		
Общий	22	426,9225			
Россия					
Регрессия	5	410,409527	82,0819055	63,3078088	2,1937E-10
Остаточный	17	22,0413946	1,29655262		
Общий	22	432,450922			

df – число степеней свободы; *SS* – сумма квадратов отклонений; *MS* – средняя сумма квадратов.

F – расчётное значение *F*-критерия Фишера. Значение *F* – конкретное значение статистики *F*. Значение *F* меньше 0,01 характеризует значимость результатов. Для Армении, Беларуси, Казахстана и России результаты оказались значимы.

Таблица 4

Значение коэффициентов по странам

Страна		Коэффициент β	Стандартная ошибка	*t*-статистика	*p*-значение
Армения	Y_t	16,6970675	9,86363289	1,692790852	0,10773144
	ggd	-0,0037875	0,07937913	-0,047713481	0,96247001
	gfc	0,26130489	0,0543034	4,811943651	0,00013971
	exp	-0,3120239	0,5325368	-0,585919911	0,56520452
	open	1,2816843	0,63367372	2,022625006	0,05822672
	infl	16,6970675	9,86363289	1,692790852	0,10773144
Беларусь	Y_t	-4,3885798	5,181046791	-0,847045	0,40873689
	ggd	-0,10479	0,03335498	-3,1416587	0,00594858
	gfc	0,21350943	0,042243279	5,0542816	9,7829E-05
	exp	0,00032474	0,050356919	0,0064487	0,99492979
	open	0,08755841	0,032661963	2,68074538	0,01579687
	infl	-0,0414701	0,049386978	-0,8396976	0,41273158
Казахстан	Y_t	10,138986	8,59456934	1,179696803	0,25436678
	ggd	-0,0741299	0,09936913	-0,746005181	0,46585571
	gfc	0,25128993	0,07942393	3,163907171	0,00567102
	exp	-0,4772929	0,36682481	-1,301146744	0,21056787
	open	0,06414032	0,02881451	2,225972819	0,03983231
	infl	-0,1202709	0,1769017	-0,679874027	0,50573774
Россия	Y_t	-27,338481	11,6629808	-2,3440389	0,031484717
	ggd	-0,1524874	0,04263343	-3,576709	0,002323427
	gfc	0,25829164	0,03221001	8,01898753	3,53395E-07
	exp	0,11901403	0,21404336	0,55602765	0,585436688
	open	0,5432814	0,11406909	4,76273988	0,000180537
	infl	0,02792345	0,06915255	0,40379494	0,691397549

учетом национальных приоритетов развития и научно-технических потенциалов.

При этом актуальными остаются вопросы формирования в ЕАЭС бюджета развития, поиска источников финансирования и активизации участия институтов развития для реализации этих целей.

Суммируя подходы, можно отметить, что долговой риск является одним из глобальных рисков в экономическом блоке, который обусловлен трудностями в обслуживании накопления долга корпорациями, домохозяйствами или государством, что приводит к массовым банкротствам или неплатежеспособности, кризисам ликвидности или дефолтам, а также кризисам суверенного долга. Если страна сталкивается с запредельно высоким объемом государственного долга, встает вопрос использовать ли заимствования для целей стимулирования экономики в будущем?

Ключевым выводом является то, что в управление государственными финансами должна систематически включаться оценка фискального пространства как источника ресурсов, в периметре которых могут приниматься стратегические решения. Важно рассматривать периметр охвата за пределами доходов, включая практику использования бюджетных расходов, управление дефицитом и государственным долгом.

Литература:

1. Ahmad A., McManus R., Ozkan F.G. Fiscal space and the procyclicality of fiscal policy: The case for making hay while the sun shines // Economic Inquiry. 2021. № 59(4). P. 1687–1701. URL: https://doi.org/10.1111/ecin.13008.
2. Aizenman J. Macroeconomics Challenges and Resilience of Emerging Market Economies //NBER Working Paper. 2019. № w26361. URL: https://ssrn.com/abstract=3469387.
3. Auerbach A.J., Gorodnichenko Y. Fiscal stimulus and fiscal sustainability // NBER Working Paper. 2017. № 23789.
4. Договор ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/en-us.
5. Roy R., Heuty A., Letouze E. Fiscal Space for what? Analytical Issues from a Human development Perspective // Paper for the G-20 work-shop on Fiscal Policy. Istanbul, 2007. 38 p.
6. Kumar M.S., Woo J. Public debt and growth // IMF Working Paper. 2010. № 174. P. 1–46.
7. Fiscal Monitor: Helping People Bounce Back. International Monetary Fund (IMF). Washington, DC: IMF, 2022. 100 p.
8. Reinhart C., Rogoff K.S. Growth in a time of debt // American Economic Review. 2010. № 100. P. 573–578.
9. Reinhart C., Rogoff K.S. Debt and growth revisited. URL: https: //mpra.ub.uni-muenchen.de/24376/1/Debt_and_Growth_Revisited.pdf.
10. Butkus M., Cibulskiene D., Garsviene L., Seputiene J. The Heterogeneous Public Debt–Growth 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/351058581_The_Heterogeneous_Public_Debt-Growth_Relationship_The_Role_of_the_Expenditure_Multiplier
11. Fetai B., Avdimetaj K., Bexhet, A., Malaj A. Threshold effect of public debt on economic growth: An empirical analysis in the European transition countries // Zbornik Radova Ekonomski Fakultet u Rijeka. 2020. № 38. P. 381–406.
12. Rahman N.H.A, Ismail Sh., Ridzuan A.R. How does public debt affect economic growth? A systematic review // Cogent Business & Management. 2019. № 6. P. 1–16.
13. Herndon Th., Ash M., Pollin R. Does high public debt consistently stifle economic growth? // A Critique of Reinhart and Rogoff. 2013. № 38. P. 263–266.
14. Bilan I., Ihnatov I. Public Debt and Economic Growth: A wo-Sided Story // International Journal of Economic Sciences. 2015. № 4. P. 24–39.
15. Heller P. Back to Basics – Fiscal Space // What It Is and How to Get It. 2005. Vol. 42. № 2. P. 32–33.
16. Игонина Л.Л. О подходах к оценке бюджетно-налоговой политики // International journal of applied and fundamental research. 2015. № 3. С. 54–58.
17. Zandi M., Cheng X., Packard T. Special report. Moody's analytics, 2011. URL: http:// www.economy.com (дата обращения: 12.05.2024).
18. Stone Ch. Fiscal Stimulus Needed to Fight Recessions Lessons from the Great Recession. Washington: Center on Budget and Policy Politic Priorities, 2020. 28 p.
19. Kose A., Kurlat S., Ohnsorge F., Sugawara N. A cross-country database of fiscal // Journal of International Money and Finance. 2022. Vol. 128(C). DOI: https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2022.102682.
20. Dantas M., Merkley K.J., Silva F.B.G. Government Guarantees and Banks' Income Smoothing // Journal of Financial Services Research. 2023. № 63(2). P. 123–173. DOI: https://doi.org/10.1007/s10693-023-00398-3.
21. Silva F.B.G. Fiscal Deficits, Bank Credit Risk, and Loan-Loss Provisions // Journal of Financial and

Quantitative Analysis. 2021. № 56(5). P. 1537–1589. DOI: https://doi.org/10.1017/S0022109020000472.
22. Onofrei M., Bostan I., Firtescu B.N., Roman A., Rusu V.R. Public Debt and Economic Growth in EU Countries // Economies10. 2022. № 254. URL: https://doi.org/ 10.3390/economies10100254
23. Afonso A., Alves A. The Role of Government Debt in Economic Groth, Haeview of Pública Española // Review of Public Economics. 2015. № 215. P. 9–26.
24. Gómez-Puig M., Sosvilla-Rivero S. Heterogeneity in the debt-growth nexus: Evidence from EMU countries // International Review of Economics & Finance. 2017. № 51. P. 470–486.
25. Garbuzarova E. Cooperation between the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Benefits, Risks, Achievements // Post-Soviet. 2019. Iss. 6. P. 8–15. 10.24975/2313-8920-2019-6-1-8-15.
26. Yurova N.V., Yao J. A Feasibility Study of China-EAEU Free Trade Agreement // Popkova E.G. (eds) Sustainable Development Risks and Risk Management. Advances in Science, Technology & Innovation. Springer, Cham. 2023. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-34256-1_40

Assessment of the Impact of the Dynamics and Volume of Public Debt on Economic Growth in the EAEU Countries

Demidova S.E.
Financial University under the Government of the Russian Federation
Kulachinskaya A.Y.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The relevance of the work is due to the expansion of the role of integration associations in the global economic space. Global economic, financial and geopolitical crises have led to a rethinking of the role of the state in regulating socio-economic processes. The article analyzes the impact of public debt on economic growth in the EAEU countries using data for a 23-year period (2000-2022). The indicator of public debt is estimated through the gross debt of the public administration sector, the real growth rate of GDP per capita was used for economic growth. The linear regression parameters were estimated using the least squares method. The methodological basis of the study is based on the correlation and regression analysis of time data for the EAEU countries. The results of the study show that the increase in public debt is inversely related to economic growth, the calculated coefficients of public debt were negative, while the scale of the negative impact on economic growth varied. The influence of other factors determining economic growth through a set of control variables revealed a positive and statistically significant impact of investments in all countries in the period 2000-2022. When implementing a fiscal stimulus policy, the free fiscal space can ensure an increase in public investment. Given these findings, monitoring the level of public debt and increasing investments to support economic growth are of great importance. The directions of further research are related to taking into account the fiscal space in forecasting economic growth.

Keywords: economic growth, public debt, EAEU, fiscal space, investments

УДК 338.36
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-33-38

Особенности механизма оценки эффективности государственных программ Российской Федерации

Зайцев Р.В.
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Москва)

Реформа управления государственных программ, проведенная в 2022 г. в Российской Федерации, повлекла за собой и проведение реформы механизма оценки их эффективности. В связи с чем целью исследования является разработка рекомендаций по развитию механизма оценки эффективности государственных программ Российской Федерации. Научная значимость статьи заключается в определении ключевых особенностей механизма оценки эффективности государственных программ Российской Федерации с учетом обновленной методики расчета данной оценки. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при внесении изменений в действующий механизм оценки эффективности государственных программ Российской Федерации и разработке иных документов, необходимых для установления объективных результатов реализации государственных программ в Российской Федерации.

Ключевые слова: *государственные программы, контроль за реализацией, оценка эффективности, экономическая безопасность, экспертиза государственных программ*

Для цитирования: *Зайцев Р.В. Особенности механизма оценки эффективности государственных программ Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 33–38. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-33-38.*

С 2022 г. в России в сфере управления государственными программами Российской Федерации (далее – госпрограммы) произошли изменения, призванные повысить качество содержания как самих госпрограмм, так и инструментов контроля за их реализацией.

В связи с этим возникает потребность в совершенствовании оценки эффективности госпрограмм, а также возможности аккумулировать в новой системе оценки эффективности показатели, характеризующие состояние экономической безопасности государства и удовлетворенности граждан данными госпрограммами.

Контроль за реализацией государственных программ осуществляется путем мониторинга достижения показателей уровня госпрограмм, контрольных точек, результатов и показателей по каждому структурному элементу госпрограммы. Данный мониторинг базируется на системе определения оценок результативности и эффективности госпрограмм, которые, в свою очередь, возможно интерпретировать в качестве оценок результативности и эффективности государственного управления в конкретной области. При этом следует отметить, что уровень результативности является одним из компонентов оценки эффективности госпрограмм [1].

Совокупность мероприятий и методов по проведению интегральной оценки эффективности и хода реализации госпрограмм (далее – оценка эффективности) представляет собой механизм оценки эффективности госпрограмм [2].

Следует разделить структуру механизма оценки эффективности госпрограмм на два блока (рис. 1):

Рис. 1. Структура механизма оценки эффективности госпрограмм [3]

1) мероприятия, проводимые для получения достоверной информации о ходе реализации госпрограмм за отчетный год;

2) методы, применяемые непосредственно для проведения оценки эффективности госпрограмм за отчетный год.

Отдельно следует обратить внимание на показатели эффективности государственного управления, которые строятся на следующих критериях, напрямую влияющих на эффективность реализации госпрограмм:

– исполнение нормативно-правовых актов государства;

– ориентация на прогнозы и стратегии социально-экономического развития страны;

– учет общемировых тенденций, в т.ч. глобальных катаклизмов;

– противодействие коррупции во всех ветвях власти.

Указанные особенности развития системы стратегического государственного управления влияют на развитие механизма оценки эффективности госпрограмм, разработкой которого занимается исполнительная ветвь государственной власти.

При этом существует также орган парламентского контроля, оценивающий ход реализации госпрограмм по своей методике, – орган внешнего государственного аудита.

Ключевой особенностью механизма оценки эффективности, проводимого органом внешнего государственного аудита, является разделение оценок исполнения государственной программы:

1) по ресурсам и результатам;

2) по результатам проверки исполнения определенных сформированных показателей.

В таблице 1 представлено сравнение механизмов (за исключением методик расчета) оценки эффективности госпрограмм, применяемой исполнительной властью (механизм 1) и органом парламентского контроля (механизм 2).

Действующий механизм оценки эффективности охватывает полный спектр оценки всех параметров госпрограммы, что является значимым инструментом для управления изменениями в госпрограммах.

Механизм оценки эффективности госпрограмм формируется на основе методологических инструментов – расчетов оценок и правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации об оценки эффективности госпрограмм.

Методологическими инструментами формирования механизма эффективности госпрограмм являются методики расчетов компонентов указанной оценки.

Разработанные в 2023 г. новые правила формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности госпрограмм серьезно обновили структуру расчета интегральной оценки эффективности госпрограмм.

Ключевым итогом проведенных преобразований стало:

– повышение доли интегральной оценки, характеризующей качество финансового управление госпрограммами с 5 до 10 %;

– включение нового компонента интегральной оценки (поправочного коэффициента) – оценки динамики прироста показателей госпрограмм. Указанный компонент призван скорректировать результативность показателей, заведомо выполненных по итогам отчетного года и нескорректированных в течение отчетного года. Кроме того, указанный поправочный коэффициент показывает степень из-

Таблица 1

Сравнение механизмов оценки эффективности госпрограмм [4]

Критерий	Механизм 1	Механизм 2
Структура оценки эффективности	Охват всех параметров госпрограммы	Охват всех параметров госпрограммы, за исключением показателей структурных элементов госпрограммы
Интегральная оценка эффективности	Есть	Отсутствует
Рейтинг госпрограмм	Есть	Отсутствует
Сроки формирования	До 25 мая года, следующего за отчетным	До 15 июня года, следующего за отчетным
Итоговый документ	Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности госпрограмм	Заключение на проект закона об исполнении федерального бюджета за отчетный период

менения ряда ключевых социально-экономических показателей относительно предыдущего года (составляет 10 % интегральной оценки).

Расчет интегральной оценки эффективности и хода реализации госпрограмм представлен на рисунке 2.

Показатели госпрограмм при расчете оценки динамики прироста показателей делятся на определенные типы (рис. 3).

Разделение указанных показателей по критериям наследуемости и динамики позволяет в полной мере провести анализ хода достижения показателей именно за отчетный год.

Типы показателей, а также плановая динамика показателей госпрограммы, показателей структурных элементов госпрограммы определяются федеральным органом исполнительной власти, отвечающим за проведение оценки динамики показателей с учетом установленных помесячных (поквартальных), годовых плановых значений показателей на текущий год и плановой динамики.

При этом следует отметить важность содержания рассматриваемой методики в сравнении с механизмом оценки эффективности, используемого органом внешнего государственного аудита, т.е. институциональные отличия:

1. Доклад правительства содержит открытую (публичную) и дополнительную (непубличную) части. При этом доклад органа внешнего государственного аудита весь публичен.

2. Правительство формирует единую интегральную оценку по каждой госпрограмме от 0 до 100 % и, в соответствии с этой оценкой, формирует рейтинг госпрограмм, градируемый по уровням «Высокая эффективность», «Эффективность выше среднего», «Эффективность ниже среднего» и «Низкая эффективность».

Орган внешнего государственного аудита не формирует единую оценку по каждой госпрограмме и не формирует рейтинг – каждая госпрограмма оценивается по двум вышеуказанным критериям в баллах и по каждому присваивает соответствующий уровень: «низкий уровень», «средний уровень», «высокий уровень».

3. Правительство в оценке не проводит анализ доли проектной части в составе госпрограммы, оценку объема изменений, внесенных в сводную бюджетную роспись, так как указанные параметры интегрированы в интегральную оценку эффективности в качестве различных параметров.

Орган внешнего государственного аудита в оценке не использует достижение показателей уровня структурных элементов (при анализе уровня результативности).

При этом методологические основы двух механизмов в основном едины, т.к. схожи принципы оценок степени выполнения показателей госпрограмм, мероприятий, динамки значений показателей и уровня кассового исполнения [7].

Механизм оценки эффективности является одним из ключевых инструментов Правительства Российской Федерации, позволяющих принимать управленческие решения в отношении той или иной госпрограммы – вплоть до обоснования решения по досрочному завершению реализации госпрограммы.

Рис. 2. Расчет интегральной оценки эффективности и хода реализации госпрограмм [5]

Рис. 3. Типы показателей для оценки динамики их прироста [6]

Исходя из вышесказанного, следует вывод о том, что методологические и институциональные инструменты формирования механизма эффективности госпрограмм позволяют данному механизму стать достаточно эффективным инструментом в обеспечении объективного мониторинга состояния индикаторов экономической безопасности государства.

Оценка эффективности реализации госпрограмм по итогам 2023 г. представлена на рисунке 4.

Достаточно низкий уровень финансового управления по госпрограммам связан с тенденцией перераспределения предусмотренных сводной бюджетной росписью средств федерального бюджета в резервный фонд Правительства в конце года для снижения доли неосво-

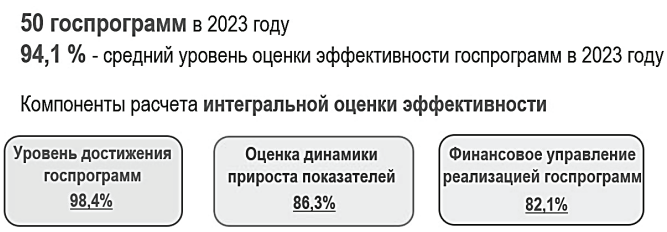

Рис. 4. Оценка эффективности реализации госпрограмм по итогам 2023 г. [8]

енных средств для достижения в том числе высокого уровня кассового исполнения.

Кроме того, другими факторами достижения указанного уровня кассового исполнения являются:

– высокий процент перераспределения средств между разными направлениями расходов госпрограмм в течение года (по 26 из 38 госпрограмм уровень перераспределения составил более 10 % средств);

– большое количество изменений параметров сводной бюджетной росписи в сторону уменьшения в 4 квартале года.

Указанные факторы свидетельствуют о невысоком качестве планирования бюджетных ассигнований по отдельным госпрограммам.

В связи с этим следует отметить, что механизм оценки эффективности лишь частично предусматривает возможность снижения оценки при возможных корректировках финансового обеспечения госпрограмм, что в совокупности со значительным влиянием оценки уровня результативности госпрограмм снижает репрезентативность интегральной оценки эффективности госпрограммы.

Ввиду того, что на долю уровня результативности госпрограммы приходится 80 % интегральной оценки эффективности госпрограммы, любое снижение плановых значений параметров госпрограмм значительно повысит указанный уровень результативности.

Также следует отметить, что интегральная оценка эффективности госпрограмм размывается большим количеством контрольных точек, отражающих технические процессы, которые не коррелируют с реальным социально-экономическим эффектом.

Кроме того, выявлено, что 100 % достижение получили 8 % всех показателей, где плановое значение, установленное на отчетный период, равно базовому значению, т.е. заведомо достигнуто. При этом отсутствовал какой-либо социально-экономической эффект от реализации мероприятий, направленных на достижение указанных показателей.

Исходя из вышесказанного, введение нового компонента интегральной оценки эффективности госпрограмм лишь на 10 % скорректировало объективность проводимой оценки эффективности госпрограмм.

Между тем, несмотря на введение нового компонента, по-прежнему происходит «подмена» терминов эффективности и результативности госпрограмм и расчет именно эффективности реализации госпрограмм не представляется возможным ввиду отсутствия прямой взаимосвязи между финансовым обеспечением, направленным на реализацию госпрограммы, и установленными плановыми значениями параметров госпрограмм.

Следует отметить невозможность установления корректной связи между пороговыми значениями индикаторов экономической безопасности государства и расходами федерального бюджета на их выполнение при включении таких индикаторов в состав госпрограмм в качестве показателей.

Кроме того, требуется провести анализ ключевых социально-экономических показателей Российской Федерации, которые не включены в состав госпрограмм, но характеризуют состояние сфер в области обеспечения экономической безопасности государства и удовлетворенности граждан. Без указанных показателей не представляется возможным определить в полной мере эффективность реализации госпрограмм.

В связи с этим следует рассмотреть состояние отдельных индикаторов экономической безопасности Российской Федерации в целях приведения доказательной базы по необходимости их внедрения в систему управления госпрограммами в обязательном порядке.

На рисунке 5 представлен темп роста ВВП ведущих экономик мира. Следует учитывать, что выбранный временной период, который не затрагивает 2023 г., включает в себя пребывание мировых экономик в стадии роста, стагнации, а также в условиях рецессии в 2022 г. у всех представленных стран.

Исходя из рисунка 5, видно, что темпы роста ВВП Российской Федерации, начиная с 2013 г., не превышали 4,7 % (максимум за данный период, достигнутый в 2021 г. после серьезного падения в год

Рис. 5. Темп роста ВВП, % [9]

начала пандемии *COVID*-19, в 2023 г. – рост составил 3,6 %).

По итогам 2022 г., ввиду влияния на мировую экономику последствии пандемии *COVID*-19, а также обострения отношений между США и Российской Федерацией, между США и Китаем в сфере мировой торговли, общемировые темпы роста ВВП снизились по отношению к 2021 г.

По итогам 2022 г. уровень экономики снизился в Российской Федерации на 2,1 %, однако в 2020 г. спад оказался существеннее – на 3,1 %. Обосновывается такая ситуация вовремя принятыми мерами в период пандемии, а также повышением государственных расходов на поддержку экономики страны в период введения полномасштабных санкций в отношении России. При этом в госпрограммах указанные меры отображались не в полной мере ввиду необходимости проведения длительных межведомственных согласований, которые могут замедлить доведение финансирования до получателей бюджетных средств по программным направлениям расходов.

Несмотря на формирование нового механизма оценки эффективности госпрограмм, не решена проблема расчета именно эффективности госпрограмм путем снижения доли результативности госпрограмм за отчетный период, рассчитываемую нарастающим итогом, и повышения доли качества финансового управления госпрограммами.

В связи с этим рассматриваемый механизм нуждается в качественной «донастройке», необходимой для решения обозначенных в настоящем исследовании проблем.

Решение проблем выстраивается из соответствующих направлений развития механизма оценки эффективности госпрограмм с учётом дополнения состава госпрограмм индикаторами экономической безопасности и разработки методики их учета при проведении оценки эффективности госпрограмм.

Указанное правило предусматривает возможность связать процесс корректировки госпрограммы и актуальные мировые тенденции и национальные особенности. Следовательно, изменения в части нормативно-правового регулирования должны иметь методический характер, которые откроют возможности для государственного управления вовремя и эффективно реагировать на появления внутренних и внешних угроз, возникающих перед Российской Федерацией.

Таким образом, возможно сформировать направление по развитию рассматриваемого механизма путем внесения изменений в механизм оценки эффективности госпрограмм.

Установление коррелирующей связи между оценками эффективности госпрограмм и реальным состоянием отраслей экономики, социальной сферы, финансовой системы является одним из ключевых направлений по развитию самого механизма оценки эффективности госпрограмм.

Между тем, одним из способов установить данную корреляцию является введение дополнительно «поправочного» коэффициента к оценке эффективности госпрограмм. При этом, в отличие от одного из компонентов интегральной оценки эффективности – оценки динамики прироста показателей, дополнительный «поправочный» коэффициент не будет входить в интегральную оценку эффективности.

Введение поправочного коэффициента к интегральной оценке эффективности госпрограмм снизит долю госпрограмм, характеризующих развитие отдельных отраслей, оценка эффективности которых не коррелирует с оценкой их реального состояния.

Литература:

1. Котова Ю.Н. Оценка эффективности реализации государственных и целевых программ: концептуальный подход // Инструменты проектного управления и анализ данных в системах поддержки принятия решений: Сб. материалов II межд. науч.-практ. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Донецк, 22 апреля 2021 г. Донецк: Донецкий нац. ун-тет, 2021. С. 96–101.
2. Наумов С.Н., Гусева Н.В., Гумеров Р.Р., Солнцева Л.И. Оценка качества государственных программ Российской Федерации и противодействие манипулированию их индикаторами // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 4. С. 1391–1412.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.05.2023 г. № 752 «Об утверждении Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

4. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Аудит эффективности, утвержденный постановлением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 09.02.2021 г. № 2ПК // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления государственными программами Российской Федерации») // СПС КонсультантПлюс.
6. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 25.05.2023 г. № 346 «Об утверждении методики расчета оценки динамики прироста значений показателей государственных программ Российской Федерации и их структурных элементов» // СПС КонсультантПлюс.
7. Серкова К.Я. Система оценки качества реализации государственных программ. СПб.: Культ-информ-пресс, 2019. 206 с.
8. Интегральная оценка эффективности открытых госпрограмм в 2023 году // АИС «Портал Госпрограмм». URL: https://programs.gov.ru/Portal/analytics/quarter_report_to_government (дата обращения: 18.09.2024).
9. Статистика Всемирного банка «Рост ВВП». URL: https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/1ff4a498/Popular-Indicators (дата обращения: 20.09.2024).

Features of the Mechanism for Evaluating the Russian Federation Government Programs Effectiveness

Zaytsev R.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The reform of the state programs management carried out in 2022 in the Russian Federation also led to a reform of the mechanism for evaluating their effectiveness.

The purpose of the study is to develop recommendations for the development of a mechanism for evaluating the Russian Federation government programs effectiveness. The scientific significance of the article lies in determining the key features of the mechanism for evaluating the Russian Federation government programs effectiveness, taking into account the updated methodology for calculating this assessment. The practical significance of the study lies in the fact that the results of the study can be used when making changes to the current mechanism for evaluating the Russian Federation government programs effectiveness and developing other documents necessary to establish objective results of the implementation of state programs in the Russian Federation.

Keywords: government programs, implementation control, efficiency assessment, economic security, government programs expertise

УДК 338.36
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-39-44

Инструменты государственного стратегического планирования: текущее состояние и перспективы совершенствования

Зайцев Р.В.
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Москва)

К 2024 г. социально-экономическая и политическая обстановка в мире претерпевает глобальные изменения и проходит стадию реконструкции. Российская Федерация является главным раздражителем для западных стран, что приводит к нарастанию санкционного давления на страну. В связи с этим система государственного управления Российской Федерации, в том числе стратегического, требует качественных изменений для повышения эффективности системы реагирования на возрастающие риски в области сохранения устойчивости политической, экономической, социальной, культурной и иных сфер общества.

Целью данной работы является исследование текущего состояния инструментов государственного стратегического планирования и перспектив их совершенствования. Научная значимость статьи заключается в определении возможных направлений совершенствования системы государственного стратегического планирования. Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке обновленных документов государственного стратегического планирования, в том числе при разработке национальных проектов Российской Федерации на период до 2030 г.

Исходя из анализа, были определены проблемы и предложены направления совершенствования инструментов государственного стратегического планирования в Российской Федерации в части их методологии, заключающихся в необходимости корректировки содержания документов стратегического государственного планирования, формирования дополнительных методов их государственного финансового контроля и оценки эффективности.

Ключевые слова: *государственное стратегическое планирование, государственное управление, государственные программы, мониторинг реализации, оценка эффективности*

Для цитирования: *Зайцев Р.В. Инструменты государственного стратегического планирования: текущее состояние и перспективы совершенствования // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 39–44. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-39-44.*

Государство как один из ключевых институтов общества должно эффективно исполнять свои обязанности перед своими гражданами по защите их прав и свобод, сохранению основных моральных и духовных ценностей и защите своего суверенитета.

Указанные обязанности государство осуществляет посредством воздействия (как самостоятельный субъект) на объекты, находящиеся и/или осуществляющие деятельность на соответствующей территории, различными методами (административными, эконо-

мическими, политическими, социальными, идеологическими), т.е. реализует функцию управления [1].

Государственное управление – деятельность органов исполнительной власти по реализации полномочий в различных отраслях социально-экономической деятельности государства (рис. 1) [2].

Для достижения эффективных результатов по реализации функций, указанных на рисунке 1, государство использует следующие инструменты государственного управления:

1. **Законодательство**. Законодательство является ключевым инструментом, позволяющим государству принимать решения, придавая им легитимный характер.

2. **Планирование**. Государственное планирование позволяет рационально распределять имеющиеся экономические ресурсы для достижения целей и приоритетов государственной политики.

3. **Государственный бюджет**. Бюджетная политика дает возможность государству влиять на социально-экономическую политику, корректируя направления государственных расходов на приоритетные направления.

4. **Контроль и мониторинг.** Наблюдение и контроль за реализацией целей, показателей и результатов, поставленных перед органами исполнительной власти, а также за расходованием бюджетных средств.

5. **Информатизация и цифровизация.** Использование современных технологий, в том числе с элементами искусственного интеллекта, для эффективного сотрудничества в сфере межведомственного взаимодействия, общения с гражданами и повышения прозрачности принятия и исполнения государственных решений.

6. **Регулирование**. Государственное регулирование позволяет соблюдать стандарты, предусмотренные в области государственно-частного партнерства, взаимодействия с частным сектором в области выполнения отдельных государственных задач.

7. **Иные инструменты.** Инструменты, которые использует государство для выполнения задач, поставленных обществом перед ним.

Функция	Описание
1. Формирование и реализация государственной политики	Установление приоритетов и направлений государственной политики. Разработка стратегических, программно-целевых и прогнозных документов в отдельных отраслях деятельности.
2. Обеспечение правопорядка и безопасности	Охрана прав и свобод граждан и обеспечение общественного правопорядка
3. Управление ресурсами	Эффективное использование бюджетных средств, контроль за их расходованием и результативностью.
4. Организация и координация действий органов государственной власти	Обеспечение взаимодействия между органами власти и координация их работы по общим направлениям деятельности
5. Контроль за выполнением законодательства	Обеспечение законности действий органов государственной власти. Проведение проверок и мониторинг выполнения государственных поручений и решений.
6. Анализ и оценка эффективности государственного управления	Мониторинг хода реализации и оценка эффективности документов в области реализации государственной политики. Разработка рекомендаций по эффективному контролю за исполнением государственных поручений и решений.
7. Иные задачи	Реализация функций, связанных с предоставлением государственных услуг, взаимодействия объектов управления с государством, решение отдельных запросов общества.

Рис. 1. Функции государственного управления [2]

Совокупность указанных функций и инструментов для их реализации образуют оптимальное пространство по выстраиванию эффективного стратегического государственного управления. Одним из элементов стратегического государственного управления является система стратегического планирования [3].

Документы стратегического планирования, принимаемые в рамках целеполагания и прогнозирования, являются ядром для формирования целей государственной политики, национальных целей и приоритетов развития. При этом следует обратить внимание на документы, принимаемые в рамках планирования и программирования – программно-целевое планирование.

Программно-целевое планирование – составная часть государственного стратегического планирования, основанная на задаче по достижению целей государственного управления за счет реализации государственных программ и национальных проектов (далее – госпрограммы) [4].

Госпрограммы имеют в своей структуре цели, показатели уровня госпрограммы и структурные элементы. Структурные элементы госпрограмм включают в себя показатели, результаты, контрольные точки результатов, а также финансовое обеспечение, направленное на достижение соответствующих результатов.

Критерии целей госпрограммы сопоставимы критериям *SMART*, т.е. цель должна быть:

– конкретной (отсутствие расплывчатых, неоднозначных формулировок цели);

– измеримой (наличие значение цели и показатель, характеризующий достижение цели);

– реалистичной и достижимой;

– актуальной, соответствующей стратегическим документам и национальным целям;

– ограниченной во времени.

К целям госпрограмм могут относиться: показатели национальных целей развития, цели и показатели отраслевых стратегий, отдельные формулировки, зафиксированные решениями главы государства и актами правительства.

К показателям уровня госпрограммы могут относятся следующие показатели: показатели национальных целей развития, индикаторы факторов национальных целей развития, наиболее ключевые показатели отрасли, показатели, достижение которых обеспечивается несколькими структурными элементами, показатели уровня удовлетворенности граждан, отдельные формулировки, зафиксиро-

ванные решениями главы государства и актами правительства.

Отдельно следует обратить внимание на неоднородность структурных элементов госпрограмм. Структурные элементы госпрограмм бывают нескольких типов (рис. 2) [5].

Помимо указанных элементов, в структуру госпрограммы могут входить и федеральные целевые программы (далее – ФЦП), которые уже не формируются, но продолжают реализовываться до конца заявленного срока реализации в соответствующих госпрограммах. Отдельные ФЦП не входят ни в одну из действующих госпрограмм, и их финансирование в бюджете идет вне рамок госпрограмм.

Дополнительно следует обратить внимание на новую тенденцию – формирование проектного управления в рамках программно-целевого планирования.

Проектное управление – реализация мероприятий по достижению уникальных результатов в рамках одного проекта. Развитие проектного управления в рамках управления госпрограммами предполагает введение прозрачной и понятной для общества системы государственного управления госпрограммами и национальными проектами [6].

Ключевым отличием федерального проекта от ведомственного является возможность предоставления межбюджетных трансфертов, бюджетных кредитов регионам на реализацию соответствующих полномочий и задач. Ведомственным проектом такая возможность не предусмотрена.

К характерным мероприятиям, относящимся к федеральным проектам, относятся: строительство объектов капитального строительства, предоставление субсидий регионам на реализацию задач, поставленными перед ними, но в перспективе готовых использовать исключительно собственные средства, т.е. федеральный бюджет прекратит финансирование расходов региона.

К характерным мероприятиям, относящимся к ведомственным проектам, относятся: развитие информационных систем и проектов цифровизации, совершенствование нормативно-правового регулирования. Все остальные мероприятия относятся к процессной части госпрограмм.

Рассматриваемые структурные элементы госпрограммы определяют проектные и процессные подходы к их управлению. Вместе с тем наглядное отделение проектной части госпрограммы от ее процессной части может позволить сформировать особые критерии (т.н. коэффициенты компонентов оценки эффективности госпрограммы) по определению эффективности реализации госпрограмм в условиях полномасштабного перехода на проектные подходы реализации функций государственного управления.

Управление госпрограммами и национальными проектами подразделяется на три группы:

1. **Внесение изменений**, предусматривающее оперативное управление и стратегическое управление. Стратегическое управление позволяет актуализировать значения целей, показателей, результатов и их финансирования в соответствии с поручениями правительства и президента. Оперативное управление – управление изменениями в зависимости от рисков и угроз, возникающих в процессе реализации госпрограмм и национальных проектов.

Кроме того, ввиду текущих внешнеполитической и внешнеэкономической ситуаций корректировки основных мероприятий в госпрограммах позволяют влиять на обеспечение экономической безопасности государства.

2. **Периодический мониторинг и оценка реализации**. На ежемесячной, ежеквартальной и годовой основе проводится контроль реализации для принятия корректирующих управленческих решений. Контроль за реализацией государственных программ осуществляется путем мониторинга достижения контрольных точек по каждому структурному элементу госпрограммы. Данный мониторинг базируется на системе показателей эффективности госпрограмм, которые, в свою очередь, возможно интерпретировать в качестве оценки эффективности государственного управления в конкретной области.

Кроме того, отмечается различие в подходах к оценке реализации госпрограмм и национальных проектов – у последних рассчитывается только оценка результативности. Однако все структурные элементы национальных проектов включены в состав госпрограмм, что позволяет в какой-то мере применить механизм оценки эффективности госпрограмм к оценке национальных проектов.

3. **Приведение параметров госпрограмм и национальных проектов в соответствие с бюджетом.** Ежегодная работа по формированию проекта бюджета и госпрограмм на очередной и плановый периоды.

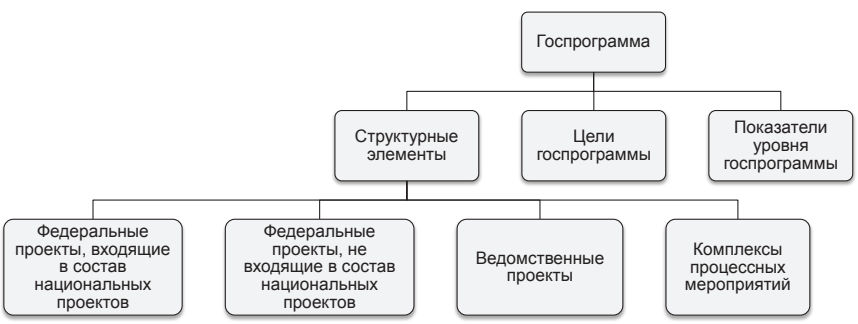

Рис. 2. Типы структурных элементов госпрограмм

Также следует отметить и особенности реализации проектной части госпрограмм. Федеральные проекты, входящие в состав национальных проектов (далее – ФП в НП), могут быть включены в раз-

личные госпрограммы ввиду особенностей структуры направления расходов. Федеральные проекты, не входящие в состав национальных проектов (далее – ФП вне НП), в основном включены в одну госпрограмму (за исключением ФП вне НП, относящихся к инициативам социально-экономического развития (далее – Инициативы)). Ведомственные проекты и комплексы процессных мероприятий входят исключительно в одну госпрограмму.

Ввиду особенностей распределения ФП в НП и Инициатив в госпрограммах финансирование мероприятий, согласно Закону о бюджете, указывается в разрезе госпрограмм.

Дополнительно следует отметить, что госпрограммы также делятся на «обычные» и комплексные [5].

Комплексная государственная программа направлена на решение межотраслевых, территориальных и специальных задач. Такая госпрограмма состоит из собственных мероприятий (финансируемых по направлениям расходов, предусмотренным Законом о бюджете) и мероприятий, аналитически отраженных в такой госпрограмме из «обычной» госпрограммы.

К примеру, мероприятие из госпрограммы по развитию образования предусматривает строительство пандусов для людей с ограниченными возможностями. Данное мероприятие также будет предусмотрено в комплексной программе по развитию доступной среды, но аналитически, т.е. без финансирования, которое заложено в госпрограмме по развитию образования.

Учитывая изложенное, госпрограммы и национальные проекты, а также элементы, входящие в их состав, являются наиболее эффективным и гибким инструментом государственного стратегического планирования.

В Российской Федерации на уровне документов в рамках целеполагания и прогнозирования насчитывается порядка 500 отраслевых стратегий, доктрин, концепций, прогнозов и т.д., что может говорить о разрозненности целей государственного управления. Однако количество программных документов (на уровне федерации) в 10 раз меньше – 51 госпрограмма, реализующаяся в 2024 г. Госпрограммы сгруппированы по ключевым национальным целям развития, установленным ещё в 2020 г. соответствующим Указом Президента Российской Федерации [7].

Таким образом, инструментов реализации целей и задач государственной политики гораздо меньше, чем источников данных целей и задач. При этом именно программная часть в России претерпела значительные изменения с начала 2022 г.

С 2022 г. в сфере управления госпрограммами произошла реформа, призванная повысить качество самих госпрограмм и инструментов за их контролем. Госпрограммы являются основой бюджетного планирования, т.е. инструментом расходования средств федерального бюджета, средств субъектов Российской Федерации. В связи с этим требуется особый контроль за их реализацией.

Отдельно следует отметить именно важность контроля за реализацией госпрограмм, так как порядка 72 % федерального бюджета являются программными расходами. Кроме того, около 78 % федерального бюджета являются «защищенными» расходами (обеспечение обороны и безопасности, принятые социальные обязательства, дотации регионам на выравнивание бюджетной обеспеченности и др.), т.е. расходами, которые сокращать возможно исключительно в крайних случаях. Остальные 22 % – «незащищённые» расходы, которые в первую очередь проходят процедуру секвестирования.

Тем не менее планирование финансирования в рамках госпрограмм дает возможность формировать «запас финансирования». Ответственные исполнители госпрограмм формируют мероприятия, на которые выделяют всё больше федеральных средств, т.к. они социально-значимые. При этом в течение года с указанных мероприятий деньги перераспределяются на иные мероприятия, причем достаточно оперативно, т.к. процедура не требует внесения изменения в постановления. Далее, в отчетах о реализации таких социально-значимых мероприятий, с которых перераспределено финансирование, можно увидеть 100 % уровень реализации, т.к. значение мероприятия – одна условная единица (и как далее пишут в отчетах, проекты выполнен. Однако то, что это проекты, которые выполнены в рамках других мероприятий, уже умалчивается). Фактически значение «одна условная единица» означает перераспределение финансирования, что может в том числе означать нецелевое расходование средств.

Касаемо реализации федеральных проектов, отдельно следует обозначить термин «мега-проекты», озвученный Председателем Правительства Российской Федерации М.В. Мишустиным. Данный термин обозначает ряд федеральных проектов в области развития технологического суверенитета в соответствии с Концепцией развития технологического суверенитета, принятой в 2023 г. (далее – Концепция) [8].

Мероприятия федеральных проектов, которые относятся к мега-проектам, направлены на развитие отечественного производства в области микроэлектроники, станкостроения, роботизации и иной высокотехнологичной продукции с использованием именно собственных линий разработки технологий.

В соответствии с указанной Концепцией, к 2030 г. в Российской Федерации должно реализовываться не менее 10–15 мега-проектов. Своё начало они возьмут с 2025 г. в связи с обновлением списка национальных проектов.

Однако при рассмотрении проекта паспортов федеральных проектов по развитию средств производства и автоматизации, реализация которых начнется с 2025 г., можно выявить следующие недостатки:

– отсутствие мероприятий по внедрению и реализации субъектами Российской Федерации региональных модельных мер поддержки отрасли;

– отсутствие мероприятий по развитию информационной системы по сбору данных о развитии станкоинструментальной промышленности в стране;

– методологические недостатки, выразившиеся в установлении некорректных целевых значений по показателям, не коррелирующих с целевыми значениями, предусмотренными национальными целями развития.

Отдельно стоит отметить необходимость включения в «мега-проекты» информации о региональных модельных мерах поддержки отрасли.

К примеру, Правительством Москвы в рамках реализации «мега-проектов» планируется выработка мер поддержки промышленных производителей, направленных на стимулирование спроса и предложения за счет собственных средств бюджета. При этом указанные меры отсутствуют в паспортах вышеупомянутых проектов. Корректное отражение финансирования позволит эффективно перераспределять государственным органам бюджетные ресурсы на те направления, которые в этом нуждаются.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации появился ещё один инструмент реализации целей государственного стратегического управления в рамках системы стратегического планирования.

При этом указанный инструмент будет иметь финансирование, схожее по своей структуре с другими федеральными проектами, а ключевым отличием от них будет являться особый контроль за их реализацией. Аналогичный усиленный контроль был за реализацией 42 Инициатив, утвержденных в 2021 г. в качестве федеральных проектов.

В связи с вышеизложенным следует сделать вывод, что с 2022 г. система государственного стратегического планирования не претерпела каких-либо значимых обновлений или реформ.

В связи с выходом Указа Президента Российской Федерации с обновленными национальными целями развития возможно рассмотреть следующие направления совершенствования системы государственного стратегического планирования:

1. Увязка показателей госпрограмм и национальных целей развития с ключевыми показателями социально-экономического развития Российской Федерации. Несмотря на почти стопроцентную эффективность реализации госпрограмм по итогам 2023 г., отдельные показатели социально-экономического развития в стране не показывают такой эффективности (например, показатели в области демографии, развития отечественного производства в авиационной отрасли).

2. Формирование эффективной системы превентивного внутреннего финансового контроля за расходованием средств бюджета.

Так, в Российской Федерации по итогам 2023 г. было выявлено нарушений на 700 млрд руб., а в бюджет было возвращено 7,14 % из них (5 млрд руб.).

3. Формирование в механизме оценки эффективности госпрограмм системы оценки, обеспечивающей влияние индикаторов экономической безопасности Российской Федерации на интегральную оценку эффективности и хода реализации госпрограмм.

Установление коррелирующей связи между оценками эффективности госпрограмм и реальным состоянием отраслей экономики, социальной сферы, финансовой системы позволяет не только объективно оценить результативность реализуемых инициатив, но и выявить возможные недостатки и проблемы в их реализации.

Литература:

1. Астамирова Х.Х., Исраилова А.И. Понятие процесса управления. Его функции и уровни // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 7. С. 193–197.
2. Сидоренко К.И., Маковецкий С.А. Особенности государственно управления как системы менеджмента // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты: материалы VII Межд. науч.-практ. конф., Горловка, 25 марта 2022 г. Горловка: Донецкий нац. тех. ун-тет, 2022. С. 135–139.
3. Недбайло Д.Ю. Реалии решения проблем стратегического планирования // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). 2022. Т. 8. № 2 (18). С. 49–54.
4. Либерман Т.И., Гурина М.А. Программно-целевое планирование: подходы, инструменты, тенденции развития. М.: ООО «Первое экономическое издательство», 2020. 162 с.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления государственными программами Российской Федерации») // СПС КонсультантПлюс.
6. Нелюбина А.С. сущность понятия «Проектное управление» // Инновационная наука. 2021. № 11-2. С. 73–75.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.11.2010 г. № 1950-р «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.

State Strategic Planning Tools: Current State and Prospects for Improvement

Zaytsev R.V.
Plekhanov Russian University of Economics

By 2024, the socio-economic and political situation in the world is undergoing global changes and is undergoing a stage of reconstruction. The Russian Federation is the main irritant for Western countries, which leads to an increase in sanctions pressure on the country.

In this regard, the Russian Federation public administration system, including strategic, requires qualitative changes to increase the system effectiveness of responding to increasing risks in the field of maintaining the stability of political, economic, social, cultural and other spheres of society.

The purpose of this work is to study the current state of state strategic planning tools and the prospects for their improvement. The scientific significance of the article lies in determining possible directions for improving the strategic planning system. The practical significance of the work lies in the fact that the results of the study can be used in the development of updated state strategic planning documents, including in the Russian Federation national projects development for the period up to 2030.

Based on the analysis, problems were identified and directions were proposed for improving the tools of state strategic planning in the Russian Federation in terms of their methodology, which consist in the need to adjust the content of strategic state planning documents, the formation of additional methods of their state financial control and efficiency assessment.

Key words: state strategic planning, public administration, government programs, implementation monitoring, efficiency assessment

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-45-49

Российская экономика 2025 – актуальные геоэкономические и геополитические угрозы безопасности

Зарезнов Д.А.
Соискатель кафедры строительных материалов
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

В условиях возрастания уровней геополитической и геоэкономической неопределенностей проблемы своевременного выявления вызванных ими угроз являются как никогда актуальными, и от их адекватного решения зависит эффективность выработанных ответных мер. Применяя нормативный и функциональный анализы, автор определяет и классифицирует актуальные на начало 2025 г. внешние угрозы экономической безопасности и, опираясь на метод научной абстракции, вскрывает первопричины их возникновения. Используя факторный анализ и доказательный подход, в статье автор обосновывает необходимость учета при формировании и осуществлении планов социально-экономического развития РФ всех геополитических и геоэкономических факторов, включая прогнозируемую корректировку политики недружественных нам стран и ожидаемую реакции на нее государств-союзников. Раскрытие заявленной темы позволит определить круг существующих актуальных внешних угроз экономической безопасности России и своевременно подобрать необходимые механизмы и инструменты для их нейтрализации.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, геополитические угрозы, геоэкономические угрозы, внешние вызовы, экономический рост*

Для цитирования: *Зарезнов Д.А. Российская экономика 2025 – актуальные геоэкономические и геополитические угрозы безопасности // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 45–49. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-45-49.*

В условиях прекращения глобального военно-политического противостояния и отсутствия социально-экономической конкуренции со странами развалившегося в 90-е гг. XX в. советского блока объявивший себя победителем в холодной войне коллективный Запад стал последовательно реализовывать неоколониальную политику в отношении государств, не вошедших в привилегированный перечень стран «золотого миллиарда», ограничивая их суверенитет и отказывая в праве на собственные национальные интересы, рассматривая последних исключительно в качестве дешевых источников сырья и трудовых ресурсов глобальной экономики, построенной на принципах однополярного мирового порядка с лидером в лице США. В условиях отсутствия легитимной и общепризнанной международной законодательной системы страны *G*7 фактически присвоили себе право определять так называемые «правила» поведения для всех субъектов глобальных социально-экономических и политических процессов, постоянно меняя их в угоду собственным интересам и демонстрируя «многостандартность» в подходах к оценке тождественных фактов, событий и явлений [1].

Однако вопреки западным парадигмам объективные законы мирового развития в первой четверти XXI в. привели не только к росту социально-экономического потенциала «второсортных» (по мнению Запада) государств и возрастанию до «ключевой» их доли в глобальном ВВП, но и переосмыслению

национальными элитами своих интересов и формулированию собственных целей развития [2; 3]. Как следствие, в последние десятилетия мы наблюдаем возникновение и рост центробежного импульса в процессе эволюции существующего глобального порядка, направленного на его трансформацию в многополярное мироустройство, объективно обладающее повышенной устойчивостью и большими адаптационными способностями в условиях усиливающихся геополитических и геоэкономических турбулентностей. И совершенно очевидно, что именно многополярность станет главным трендом глобального социально-экономического развития на среднесрочную и долгосрочную перспективы, а будущее Российской Федерации напрямую связано с её способностью «вписаться» в этот процесс и гармонизировать свои национальные интересы с запросами других его участников.

На сегодняшний день Россия стала одним из лидеров борьбы за многополярный мир, активно реализуя национально ориентированную политику на международной арене, взаимодействуя со значительным числом стран и проводя значительную работу в таких влиятельных организациях, как ООН и БРИКС. Именно поэтому в отношении нашей страны коллективный Запад объявил прокси-войну, став непосредственным участником экономического противоборства и передав на аутсорсинг неонацистскому украинскому режиму военную составляющую наметившегося противостояния. Окончательно оформившаяся в 2022 г. и полностью легализованная антироссийская коалиция западных держав стала проводить политику международной изоляции и «отмены» нашей страны, используя в качестве инструмента санкции и рестрикции, коих на 15.11.2024 г. было введено уже 17 708 [4], что, несмотря на высокую устойчивость российской экономики, крайне негативно сказалось на её росте и краткосрочных перспективах развития, увеличивая издержки и искусственно создавая барьеры для российских субъектов [5]. И именно развязанная западом экономическая война и затраты спровоцированной им же специальной военной операции в наступающем 2025 г. будут оставаться для России главными внешними источниками угроз экономической безопасности и вызовов процессу роста экономики.

Для раскрытия заявленной темы данной статьи автор считает необходимым все существующие на сегодня государства разделить на три группы: коллективный Запад во главе с США и его страны-сателлиты; дружественные страны, отказавшиеся присоединиться к санкционной войне Запада и продолжающие активное политико-экономическое сотрудничество с РФ; условно нейтральные страны, не вошедшие в антироссийский блок, но исполняющие западные санкционные ограничения.

Давая оценку текущей глобальной социально-экономической ситуации, необходимо учитывать факт того, что, несмотря на активизацию процесса демонтажа однополярного мирового порядка, последний по-прежнему сохраняет своё господствующее положение в значительной части глобальной социально-экономической системы и продолжает предопределять вектор и основные направления политики коллективного Запада и ориентированных на него стран-клевретов, при этом наглядно демонстрируя доминирование национальных интересов США над потребностями всех иных субъектов международных отношений. Сложившаяся на начало декабря 2024 г. геополитическая ситуация отличается высокой турбулентностью и неопределенностью, в значительной мере вызванными неожиданной для многих победой кандидата от республиканской партии Д. Трампа на выборах Президента США, и пониманием субъектами международных отношений неизбежности корректировки курса страны-гегемона. При этом высокая степень политической, военной и экономической зависимости от Нового Света и отсутствие полноценного суверенитета вынуждают все другие западные страны не просто координировать свои действия с американскими властями, а проводить свою политику, исходя из запросов государства-лидера в лице США. Однако не только на западе, но и в самих Соединенных Штатах пока полностью не осознают, какой курс на ближайшие 4 года изберет вновь избранный 47-й Президент США и какие конкретно предвыборные обещания и в какой форме будут реализовываться им на практике. Как следствие, стремясь избежать будущих осложнений в коммуникациях с администрацией Д. Трампа, лидеры Запада отказались от программных заявлений и перешли к словесным манипуляциям, позволяющим впоследствии достаточно широко трактовать высказанную позицию и оставляющим им в будущем широкий простор для маневра.

Сложившаяся в США практика передачи власти к вновь избранному Президенту предусматривает двухмесячную процедуру и не предполагает его практическое участие в управлении страной до инаугурации, обеспечивая последнему только доступ к текущей закрытой разведывательно-аналитической информации для последующего эффективного вхождения в управленческий процесс. При этом, вступая в противоречие с заявленным желанием Д. Трампа как можно скорее завершить российско-украинский конфликт, уходящая администрация Джо Байдена (а затем и их союзники) дала разрешение неонацистскому украинскому режиму на применение в отношении России дальнобойных ракет *ATACMS* и *Storm Shadow*, требующих специальных навыков, которыми обладают только натовские военные, тем самым сделав США и Великобританию непосредственными участниками вооруженного

противостояния с нашей страной. Кроме того, Пентагон в ускоренном порядке передал Украине запрещенные международной конвенцией противопехотные мины, которые, по мнению его главы Ллойда Остина, из-за их американского «происхождения» являются «более безопасными» [6].

При этом, будучи в значительной степени дезориентированными из-за неопределенности позиций Д. Трампа по ключевым проблемам миропорядка, западные страны, хотя и с некоторой оглядкой на будущую администрацию США, все также продолжают последовательно оказывать военно-политическую и экономическую поддержку украинскому неофашистскому режиму, подчас даже значительно усиливая её, несмотря на возрастающие собственные социально-экономические издержки, Показательно, что руководство Великобритании и Франции объявили о продолжении помощи режиму Зеленского вне зависимости от позиции США и своем желании убедить Д. Трампа продолжать реализацию проекта анти-Россия на Украине, т.к. он направлен на ослабление нашей страны и отвечает стратегическим интересам коллективного Запада [7]. Параллельно Европа стала прорабатывать вариант введения на Украину миротворческого контингента ЕС, в состав которого уже изъявили желание войти Франция, Польша и страны Прибалтики [8].

Между тем сам Д. Трамп, считающий себя непревзойдённым переговорщиком, пока не дает каких-либо оценок последним действиям уходящей администрации и искусственно создает атмосферу повышенной неопределенности, тем самым подчеркивая исключительность и значимость своей роли и степень влияния США на глобальные процессы. И независимо от того, являются ли эти действия инициативой исключительно уходящей администрации или стали результатом негласного соглашения с будущим хозяином Белого дома, они однозначно негативно скажутся на перспективах мирного урегулирования и создадут условия для продолжения СВО, как минимум, и в 2025 г.

Оценивая текущую политику группы дружественных стран по отношению к России, можно констатировать факт того, что она пока не претерпела каких-либо значительных изменений и что они продолжают активно взаимодействовать с нашей страной, при этом не вступая в прямое противостояние с Западом и стараясь придать этим контактам максимальную легитимность через «выторговывание» отдельных санкционных исключений и придание сотрудничеству гуманитарной направленности. И вряд ли РФ в среднесрочной перспективе может рассчитывать на изменение их прагматичной позиции, а при неизбежном усилении давления Запада с высокой степенью вероятности можно ожидать снижение интенсивности двухсторонних коммуникаций, как минимум, в экономической сфере. В частности, замглавы правительства Казахстана Серик Жумангарин 01.12.2024 г. заявил, что его страна «не будет выступать в качестве посредника при попытках обойти введенные против России санкции» [9]. Также показательными, на наш взгляд, являются заявления китайских бизнесменов о том, что «желающих отказаться от российского рынка» мало, но нынешние риски «вынуждают колебаться» [10].

Как уже было сказано выше, значительная геополитическая неопределенность, связанная с временным отсутствием четко сформулированной внешней и внутренней политики новой администрации на ближайшие 4 года, создала условия для усиления турбулентности в конце 2024 г. не только в самих США, но и в мировом хозяйстве в целом. Являясь одной из крупнейшей экономик мира, обладая почти полным технологическим суверенитетом и в значительной мере контролируя логистические цепочки и основные финансовые потоки, Соединенные Штаты безусловно являются одним из ключевых игроков глобального рынка, способным своими действиями существенно повлиять на его текущее состояние и вектор развития, а статус доллара в качестве единственной на сегодня «мировой валюты» предоставляет американским властям дополнительные преференции и рычаги давления на остальных субъектов мирового рынка.

США достаточно эффективно используют свои конкурентные преимущества и не стесняются для сохранения собственной гегемонии широко использовать санкции и доллар в качестве оружия экономической войны, которую они перманентно ведут со всеми странами, включая своих союзников. И сегодня, когда в мире уже отсутствует системное идеологическое противостояние капитализма и социализма, США ещё более активно стремятся обеспечить свое процветание и развитие за чужой счет, применяя методы недобросовестной конкуренции и проводя неоколониальную политику в отношении всех стран вне зависимости от их близости «к телу и делу суверена». Так, за последние годы, под предлогом обеспечения независимости ЕС от российских энергетических ресурсов, США практически захватили европейский газовый рынок, доведя в 2023 г. долю своего дорогого и внезапно ставшего рентабельным СПГ до 51,6 % [11], что сделало европейскую экономику неконкурентоспособной и запустило процессы деиндустриализации и релокации энергоемких производств в США.

Победа Д. Трампа на выборах и ожидания неизбежных изменений экономической политики США к началу декабря 2024 г. привели к подорожанию глобального доллара на мировом рынке и резкому росту курса биткоина, уже преодолевшего отметку в 98 тыс. долл. [12]. При этом администрация Д. Байдена в ноябре 2024 г. в целях «помешать России злоупотреблять международной финансовой

системой для оплаты технологий и оборудования» [13] ввела дополнительный пакет санкций против наших финансовых учреждений, в перечень которых вошли более 50 российских банков (включая «Газпромбанк») и более 40 регистраторов ценных бумаг. Этими действиями США фактически заблокировали сохранившиеся ограниченные каналы оплаты за российские энергоресурсы странами- импортерами ЕС, что, как минимум, увеличит транзакционные издержки и повысит их окончательную стоимость, а как максимум, обнулит существующие экспортные контракты. Причем европейский рынок сразу же отреагировал на санкции против «Газпромбанка» ростом стоимости природного газа в Европе, которая впервые с осени 2023 г. преодолела ценовой порог в 500 долл. и на 14.11.2024 г. составила 526 долл. за 1000 куб. метров [14]. При этом *OFAC* Минфина США выступило с предупреждением к зарубежным финансовым организациям, что их присоединение к российской СПФС (являющейся альтернативой *SWIFT*) приведет к введению против них полномасштабных санкций, а сам Д. Трамп пригрозил стопроцентными пошлинами странам объединения БРИКС, если они не откажутся от планов создания единой валюты – альтернативы американскому доллару [15]. Кроме того, в ходе своей предвыборной кампании вновь избранный Президент США пообещал повысить тарифы до 60 % на все товары, импортируемые из Китая, и до 20 % на товары, ввозимые из других стран мира. Однако после своего избрания Д. Трамп скорректировал свои заявленные ранее планы и уменьшил общие базовые ставки до 10 %, при этом под предлогом борьбы с наркотрафиком пригрозив введением на все канадские и мексиканские товары 25 % пошлин, а для Китая установлением дополнительных 10 % сборов сверх любых тарифов [16]. И в случае практической реализации этих намерений после 20 января 2025 г. только европейский автопром, по оценке экспертов *Handelsblatt*, потеряет до 15 %: прибыли, оцениваемой в несколько млрд долл. США [17].

Выводы

1. Мировая экономика вступает в 2025 г. в состоянии повышенной неопределенности и высокой турбулентности, предопределяющими обострение конкуренции между её субъектами и возрастание рисков для процесса роста экономик практически всех стран.

2. Россия в 2025 г. неизбежно столкнётся с усилением санкционного давления, расширением круга вторичных санкций и попытками Запада усилить глобальную экономическую изоляцию, что будет определять перечень внешних геополитических и геоэкономических угроз на краткосрочную перспективу.

3. Ожидаемая от администрации Д. Трампа политика протекционизма по отношению к американским товаропроизводителям и установление дополнительных заградительных пошлин на импорт (включая «дружественную» Европу), а также ответная реакция «подсанкционных» стран неизбежно приведут к перенаправлению мировых цепочек добавленной стоимости и формированию новых рынков, на которых Российская Федерация должна занять подобающее её социально-экономическому потенциалу место.

Литература:

1. Шлычков В.В. Ключевые аспекты обеспечения экономической безопасности России в условиях перманентного санкционного давления коллективного запада и проведения СВО // Современные проблемы и перспективы социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов: сб. статей Межд. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2023. С. 171–176.
2. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
3. Морозов И.В. Воспроизводство экономического потенциала региона в условиях цифровой экономики. Казань: ООО «Эксперт 16», 2023. 228 с.
4. X-Compliance, 21.02.2022 – 01.12.2024. URL: https://x-compliance.ru/statistics.
5. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Нестулаева Д.Р. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 8. С. 972–986.
6. Глава Пентагона объяснил, почему США начали поставлять Украине противопехотные мины. URL: centralasia.media/news:2195711?f=ср.
7. The Times сообщила о планах Стармера убедить Трампа помогать Украине. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/01/2025/6779e1be9a79476a28956f19.
8. Reuters узнал, что в ЕС обсуждают отправку 100 тыс. военных на Украину. URL: https://www.rbc.ru/politics/18/12/2024/6762ca479a79479a0a46a906.

9. В Казахстане рассказали, какие санкции против России не будут соблюдать. URL: https://www.rbc.ru/politics/01/12/2024/674c54819a794749d71e9eea.
10. SCMP узнал о проблемах китайских компаний из-за курса рубля. URL: https://www.rbc.ru/business/30/11/2024/674a80589a79476adcaecf5c.
11. США вновь стали крупнейшим поставщиком СПГ в Европу. URL: https://neftegaz.ru/news/spg-szhizhennyy-prirodnyy-gaz/821828-ssha-vnov-stal-krupneyshim-postavshchikom-spg-v-evropu/
12. Резким взлетам и падениям цены биткоина нашли объяснение. URL: https://rg.ru/2024/12/23/sorvalo-potolok.html
13. Удар пришелся по расчетам. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7313672
14. Газ в Европе рекордно подорожал. URL: https://lenta.ru/news/2024/11/14/gaz-v-evrope-rekordno-podorozhal.
15. Трамп пригрозил странам БРИКС из-за планов по созданию альтернативы доллару. URL: https://ria.ru/20241130/tramp-1986662781.html
16. Трамп пообещал пошлины на товары из Мексики, Канады и Китая. URL: https://www.rbc.ru/politics/26/11/2024/67452f2c9a79473637ea9cd2.
17. В Германии подсчитали убытки автопрома из-за избрания Трампа. URL: https://auto.mail.ru/article/98695-v-germanii-podschitali-ubyitki-avtoproma-iz-za-izbraniya-trampa/

The Russian Economy 2025 – Current Geo-Economic and Geopolitical Security Threats

Zareznov D.A.
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering

In the context of increasing levels of geopolitical and geo-economic uncertainties, the problems of timely identification of the threats caused by them are more urgent than ever, and the effectiveness of the developed response measures depends on their adequate solution. Applying normative and functional analyses, the author identifies and classifies the external threats to economic security that are relevant at the beginning of 2025 and, based on the method of scientific abstraction, reveals the root causes of their occurrence. Using factor analysis and an evidence-based approach, the article substantiates the need to take into account all geopolitical and geo-economic factors when forming and implementing plans for the socio-economic development of the Russian Federation, including the projected adjustment of the policies of countries unfriendly to us and the expected reaction of the allied states to it. The disclosure of the stated topic will make it possible to identify the range of existing urgent external threats to Russia's economic security and timely select the necessary mechanisms and tools to neutralize them.

Keywords: economic security, geopolitical threats, geo-economic threats, external challenges, economic growth

УДК 336.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-50-54

Оценка экономической эффективности лизинговых операций сельскохозяйственных организаций

Исхаков А.Т.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Казанского государственного аграрного университета

Одним из самых значимых активов предприятия реального сектора экономики является современное производственное оборудование, которое, как показывает практика, имеет высокую стоимость. В зависимости от масштабов производства и видов выпускаемой продукции его цена может колебаться от сотен тысяч до миллиардов рублей. В связи с этим далеко не все предприятия могут позволить себе такие крупные капитальные вложения. Именно поэтому некоторые из них предпочитают более доступные способы приобретения оборудования в кредит или лизинг. Однако менеджменту предприятий в данном случае важно иметь информацию о наиболее с экономической точки зрения приемлемом источнике внешнего финансирования приобретения производственных активов. Целью исследования является оценка экономической эффективности лизинговых операций для сельскохозяйственных организаций, что требует решения задач сравнительного расчета денежных потоков при разных внешних источниках финансирования по сравнению с лизингом с учетом реализации государственной программы развития сельского хозяйства в стране. Значимость исследования заключается в том, что представленные результаты в виде предлагаемой методики сравнительной оценки решают проблему выбора наиболее привлекательного и эффективного с точки зрения управления капиталом источника финансирования капитальных вложений.

Ключевые слова: *лизинг, кредит, экономическая эффективность, сельское хозяйство, денежный поток, инвестиции*

Для цитирования: *Исхаков А.Т. Оценка экономической эффективности лизинговых операций сельскохозяйственных организаций // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 50–54. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-50-54.*

С теоретической и практической точки зрения при принятии решения о приобретении активов, например, оборудования, техники, автотранспорта важно определить эффективность и состояние источников их финансирования, которые могут соответствовать реальному положению предприятия. В настоящее время наиболее распространенными источниками финансирования приобретения данных активов являются банковское кредитование и лизинг.

В качестве критерия при сравнении источников финансирования капитальных вложений выбрана сумма денежных потоков (в том числе дисконтированных) предприятия, связанная с использованием кредита и лизинга. На наш взгляд, некорректно сравнивать кредит и лизинг только по общей сумме платежей по их уплате, необходимо учитывать сокращение налоговых отчислений, которые возникают при использовании кредитной и лизинговой схемы финансирования, а также все расходы, которые

несет предприятие при использовании финансирования (страхование оборудования, авансовые платежи и прочее).

В рамках сравнения экономической эффективности сделок с кредитными и лизинговыми организациями рассмотрим пример на равных условиях, как для кредитного договора, так и для лизингового. На примере уже имеющегося оборудования (спецтехники), взятого в лизинг, определим, эффективно ли вложение сельхозпредприятия в лизинговую сделку и целесообразно ли применять кредитные средства в данном случае.

Условия предоставления кредита и лизинга, заданные в целях оценки экономического обоснования рекомендаций, представлены в таблице 1.

В обоих вариантах инвестирования применяются наиболее выгодные условия закрытия сделки в целях справедливого сравнения и оценки лизинга и кредита.

Применяя инструменты расчета лизинговых платежей на официальном сайте АО «Росагролизинг» к имеющимся исходным данным для подсчета объемов финансовых вложений на приобретение, например, спецтехники, имеем следующие ключевые показатели:

– закупочная цена за единицу предмета лизинга (с учетом НДС) – 19 558 920 руб.;

– возможная выгода по налогам – до 9 000 000 руб. [1].

В целях вычисления точной суммы возможной экономии на налогах и сборах, а также выявления чистого денежного потока по лизинговой сделке произведем анализ схемы финансирования использования лизинга с ежемесячной уплатой лизинговых платежей.

Предмет лизинга приобретается сельхозпредприятием по лизинговому договору, процентная ставка по которому совместно с комиссионным вознаграждением лизингодателя и дополнительными расходами в среднем по договору может составлять 29,7 % от закупочной цены арендованного имущества, оплата аванса не предусматривается.

Сельхозпредприятие находится на общей системе налогообложения. Налог на прибыль организацией уплачивается по ставке 20 %. Таким образом, лизинговая операция позволит предприятию сэкономить денежные средства за счет снижения налоговой базы по налогу на прибыль, так как лизинговые платежи в бухгалтерском отчете относятся к статье расходов и снижают чистую прибыль, что отличает их от кредитных платежей. Также ежегодно на предприятии производятся выплаты налога на добавленную стоимость в пользу государства, следовательно, имеется возможность возмещения НДС в заявительном порядке. На основе полученных данных определим чистый денежный поток заключенной лизинговой сделки (табл. 3).

Таким образом, учитывая факторы снижения стоимости сделки в виде экономии на уплате налога на прибыль и налоговом вычете, чистый денежный поток лизинговый сделки составляет 16 066 642,36 руб., что на 9 301 740,3 руб. или 36,7 % меньше итоговой суммы лизинговой сделки. Экономия, являющаяся следствием заключения лизинговой сделки, составляет 9 301 740,32 рубля или 36,7 % от суммы необходимых к внесению к 2031 г. лизинговых платежей. Следует обратить внимание, что в данном случае чистый денежный поток оказывается ниже закупочной стоимости основного средства на 3 492 277,7 руб. или 17,9 %, что делает вложение инвестиционных средств в данную лизинговую операцию выгодным и рентабельным.

Таблица 1

Условия предоставления кредита и лизинга (условный пример)

Показатель для сравнения	Условия кредитного договора	Условия лизингового договора
Стоимость оборудования с НДС, руб.	19 558 920	19 558 920
Процентная ставка	5% (льготная программа для сельхозтоваропроизводителей)	Согласно графику платежей (табл. 2)
Ставка НДС	20 %	20 %
Срок договора, лет	7	7
Периодичность внесения платежей	Ежемесячно	Ежемесячно
Дата внесения первого платежа	01.01.2024	01.02.2024

Таблица 2

График оплаты лизинговых платежей, руб.

Год	Платежи с НДС	В том числе НДС 20%	В том числе погашение основного обязательства, без НДС	В том числе погашение процентов и включенных в Договор лизинга расходов, без НДС
2024	1 853 739,68	308 956,63	512 399,30	1 032 383,75
2025	3 865 092	644 182,01	2 150 307,56	1 070 602,43
2026	3 865 092	644 182	2 305 046,73	915 863,27
2027	3 865 092	644 181,99	2 473 474,75	747 435,26
2028	3 865 092	644 182	2 655 272,66	565 637,34
2029	3 865 092	644 181,99	2 857 447,23	363 462,78
2030	3 865 092	644 182	3 076 771,98	144 138,02
2031	324 091	54 015,16	268 379,79	1 696,05
Итого:	25 368 382,68	4 228 063,78	16 299 100	4 841 218,9

Во втором варианте финансирования закупки объекта основного средства рассмотрим применение кредитных средств на основе программы льготного кредитования сельхозпроизводителей. В рамках реализации государственной программы развития сельского хозяйства действует специальная программа поддержки аграриев, предоставляющая возможность сельхозпроизводителям получить льготные кредиты. Под эту программу выдается кредит с низкой ставкой с учетом субсидирования в среднем до 5 % на развитие сельскохозяйственного производства, на строительство, реконструкцию или модернизацию предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. Срок действия льготного кредита может составлять до 15 лет [2].

Анализируя данные ведущих кредитных организаций на рынке, осуществляющих льготное кредитование сельхозпроизводителей в рамках государственной программы, в числе которых Россельхозбанк, Ак Барс Банк, ВТБ, можно выявить, что в рамках программы производители агропромышленного сектора могут получить субсидирование процентной ставки по инвестиционному кредиту до 70 % (2/3 ключевой ставки в рамках федерального бюджета либо в полном размере ключевой ставки в зависимости от участия регионального бюджета), таким образом реальная кредитная ставка составит от 1 до 10 % для организаций, попадающих под условия программы [3–5]. Для составления графика погашения кредита для сельхозпредприятия на сумму 19 558 920 руб. на приобретение спецтехники обозначим среднюю ставку (за вычетом субсидируемой части ставки) по льготному кредитованию – 5 %.

В таблице 4 представлен график погашения кредита и процентов по нему. Так как выплаты по лизинговому договору начинаются с 1 февраля 2024 г., и последний платеж приходится на 1 января 2031 г., для удобства при расчете кредитной схемы оплаты установим дату первого платежа 1 января 2024 г. Уплачивая ежемесячно равные платежи в размере 276 444 руб., полная стоимость кредита за 7 лет составит 25 738,98 тыс. руб. Для сопоставимости данных с лизинговым способом оплаты обязательства приведем сводный годовой график погашения кредита в таблице 4.

После приобретения спецтехники посредством кредита он сразу переходит на баланс предприятия, в отличие от финансирования проекта посредством лизинговой операции. В результате предприятие получает возможность экономии за счет снижения налоговой базы по налогу на прибыль вследствие отнесения уплаченных процентов по кредиту на расходы, согласно НК РФ. Кроме того, предприятие в данном случае также имеет возможность получить возмещение НДС, но лишь с суммы, по которой было приобретено основное средство.

В таблице 5 представлен расчет денежных потоков при использовании банковского кредита с учетом возможной экономии по налогам.

Таким образом, по данным таблицы 5, чистый денежный поток по кредитной сделке по окончанию выплат составит 19 228 704,16 руб. Экономия, полученная за счет возврата НДС и сниженной налоговой базы по налогу на прибыль, составляет 3 992 221,04 руб. Переплаты по итогам учета сэкономленных средств в данном случае также не возникает – чистый денежный поток ниже суммы, взятой в кредит на приобретение трактора, на 1,7 %. В случае финансирования приобретения объекта основных производственных фондов за счет кредитных средств, благодаря активной поддержке государства агропромышленного комплекса в форме субсидирования процентов по кредиту на покупку

Таблица 3

Расчет денежных потоков по лизинговой сделке, руб.

Год	Лизинговые платежи	НДС к возмещению	Экономия по налогу на прибыль	Чистый денежный поток
2024	-1 853 739,68	308 956,61	370 747,94	-1 174 035,13
2025	-3 865 092	644 182	773 018,4	-2 447 891,6
2026	-3 865 092	644 182	773 018,4	-2 447 891,6
2027	-3 865 092	644 182	773 018,4	-2 447 891,6
2028	-3 865 092	644 182	773 018,4	-2 447 891,6
2029	-3 865 092	644 182	773 018,4	-2 447 891,6
2030	-3 865 092	644 182	773 018,4	-2 447 891,6
2031	-324 091	54 015,17	64 818,2	-205 257,63
Итого:	-25 368 382,68	4 228 063,78	5 073 676,54	-16 066 642,36

Таблица 4

Годовой график погашения кредита аннуитетным способом, руб.

Год	Сумма ежемесячных платежей	Сумма процентов за пользование кредитными средствами	Погашение основной суммы долга	Остаток суммы основного долга
2024	3 317 328	923 851,25	2 393 476,75	17 165 443,25
2025	3 317 328	800 829,02	2 516 498,98	14 648 944,27
2026	3 317 328	672 282,13	2 645 045,87	12 003 898,4
2027	3 317 328	536 956,8	2 780 371,2	9 223 527,2
2028	3 317 328	394 951,97	2 922 376,03	6 301 151,17
2029	3 317 328	245 119,85	3 072 208,15	3 228 943,02
2030	3 316 957,2	88 014,18	3 228 943,02	274 943,3
Итого:	23 220 925,2	3 662 005,2	19 558 920	0

Таблица 5

Расчет денежных потоков по кредитной сделке, руб.

Год	Выплата основной суммы долга	Выплата процентов по кредиту	НДС к возмещению	Экономия по налогу на прибыль	Чистый денежный поток
2024	-2 393 476,75	-923 851,25	0	184 770,25	-3 132 557,75
2025	-2 516 498,98	-800 829,02	3 259 820	160 165,8	102 657,8
2026	-2 645 045,87	-672 282,13	0	134 456,43	-3 182 871,57
2027	-2 780 371,2	-536 956,8	0	107 391,36	-3 209 936,64
2028	-2 922 376,03	-394 951,97	0	78 990,39	-3 238 337,61
2029	-3072 208,15	-245 119,85	0	49 023,97	-3 268 304,03
2030	-3 228 943,02	-8 8014,18	0	17 602,84	-3 299 354,36
Итого:	-19 558 920	-3 662 005,2	3 259 820	732 401,04	-19 228 704,16

сельскохозяйственной техники и оборудования, вложение оказывается весьма рентабельным и для предприятия не возникает крупного оттока денежных средств.

Для наглядного сравнения и сопоставления финансовых показателей по кредитной и лизинговой сделке представим данные в таблице 6.

При сопоставлении данных кредитной и лизинговой сделки следует отметить, что обе операции влекут за собой дополнительные расходы, такие как транспортировка, затраты на профессиональную консультацию и постановку на учет, а также амортизация и содержание имущества. Данные параметры не приняты к учету в исследовании для упрощения расчетов.

Посредством анализа таблицы 6 можно сделать вывод, что, несмотря на значительное превышение суммы лизинговых платежей над суммой кредитных платежей по итогам семи лет, при заданных параметрах сельхозпредприятию выгоднее использовать для финансирования проекта лизинг, чем банковский кредит. Чистый денежный отток при применении лизинговой операции с учетом экономии средств на уплате налога на прибыль и возмещении НДС на 3 162 061,81 руб. ниже чистого денежного оттока при условии привлечения кредитных средств. В большей степени это произошло за счет снижения налога на прибыль и возмещения НДС.

Таким образом, при выборе источников финансирования инвестиционных проектов по расширению объемов производства, увеличению количества производственных мощностей и техническому перевооружению сельхозпредприятиям экономически эффективно и целесообразно заключение лизинговых договоров. Лизинговые сделки, помимо стимулирования повышения эффективности и производительности объектов основных средств предприятия, позволяют эффективнее и выгоднее использовать денежные средства предприятия, в отличие от кредитования. Использование лизинга в качестве финансового инструмента для осуществления широкого плана технического развития позволит сельхозпредприятию значительно ускорить процесс обновления основных активов, в отличие от конкурентов, которые применяют в качестве инвестирования в основные производственные фонды кредитную схему. Данная стратегия позволит внедрить в производство более современное и производительное оборудование. Это, в свою очередь, способствует увеличению объемов выпуска качественной продукции, увеличению доходов и повышению прибыльности предприятия. Таким образом, лизинг становится выгодным финансовым инструментом, способствующим ускорению оборачиваемости инвестиций.

Проведенное исследование и его экономическое обоснование полностью оправдывает и подкрепляет значимость разработанных рекомендаций по организации и финансированию лизинговых операций для сельхозпредприятий. Необходимость учета, анализа и увеличения количества лизинговых операций на предприятии обусловлена превышением их рентабельности над кредитными сделками и существенной выгоде в применении данного способа финансирования.

Таблица 6

Сопоставление денежных потоков по финансированию сделки с помощью лизинга и кредита банка, руб.

Показатель	Лизинг	Кредит	Отклонение кредита от лизинга
Суммарный отток денежных средств	-25 368 382,68	-23 220 925,20	-2 147 403,48
Общая экономия:	+9 301 740,32	+3 992 221,04	-5 309 519,28
в том числе по налогу на прибыль	+5 073 676,54	+732 401,04	-4 341 275,5
за счет НДС к возмещению	+4 228 063,78	+3 259 820,00	-968 243,78
Денежный поток	-16 066 642,36	-19 228 704,16	-3 162 061,81

Литература:

1. Калькулятор лизинга – онлайн // АО «Росагролизинг». URL: https://www.rosagroleasing.ru/calculator/ (дата обращения: 18.09.2024).
2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия // Правительство России. URL: http://government.ru/rugovclassifier/815/events/ (дата обращения: 18.09.2024).
3. Льготное кредитование сельхозпроизводителей // ВТБ. URL: https://www.vtb.ru/malyj-biznes/kredity-i-garantii/programma-lgotnogo-kreditovaniya-selhozproizvoditeley/ (дата обращения: 18.09.2024).
4. Льготный кредит на сельское хозяйство от государства // Ак Барс Банк. URL: https://www.akbars.ru/small-business/credits/agrocomplex/ (дата обращения: 18.09.2024).
5. Льготные кредиты с господдержкой // Россельхозбанк. URL: https://www.rshb.ru/farmers (дата обращения: 18.09.2024).

Assessment of the Economic Efficiency of Leasing Operations of Agricultural Organizations

Iskhakov A.T.
Kazan State Agrarian University

One of the most significant assets of an enterprise in the real sector of the economy is modern production equipment, which, as practice shows, has a high cost. Depending on the scale of production and types of products, its price can range from hundreds of thousands to billions of rubles. In this regard, not all enterprises can afford such large capital investments. That is why some of them prefer more affordable ways to purchase equipment on credit or leasing. However, in this case, it is important for the management of enterprises to have information about the most economically acceptable source of external financing for the acquisition of production assets. The purpose of the study is to assess the economic efficiency of leasing operations for agricultural organizations, which requires solving the problems of comparative calculation of cash flows from different external sources of financing compared with leasing, taking into account the implementation of the state program for the development of agriculture in the country. The significance of the study lies in the fact that the presented results in the form of the proposed comparative assessment methodology solve the problem of choosing the most attractive and effective source of capital investment financing from the point of view of capital management.

Keywords: leasing, credit, economic efficiency, agriculture, cash flow, investments

УДК 339.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-55-60

Методические особенности анализа экономических показателей для международных экономических отношений*

Кашбразиев Р.В.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва),
ведущий научный сотрудник НИЛ «Восточный разряд»
Казанского (Приволжского) федерального университета

Бич М.Г.
Кандидат технических наук,
доцент кафедры мировой экономики и мировых финансов
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

В условиях усиления глобальной турбулентности и геоэкономической трансформации актуальным становится оперативный анализ макроэкономических показателей стран. В статье представлен подход к первичному анализу макроэкономических данных страны в контексте ее интеграции в мирохозяйственные связи. Целью исследования является выявление особенностей анализа экономических показателей для международных экономических отношений. Авторы полагают, что для успешного управления процессами экономической интеграции, а также разработки эффективных предложений и стратегий их развития необходим не только сбор данных, но и их глубокий анализ с использованием различных методов, таких как графический, описательный и корреляционный анализ. Практическая значимость исследования заключается в том, что разработаны конкретные рекомендации по проведению анализа макроэкономических данных на примере анализа показателя «Экспорт товаров и услуг Турции».

Ключевые слова: *макроэкономические данные, графический анализ, описательный анализ, корреляционный анализ, мировая экономика, Турция*

Для цитирования: *Кашбразиев Р.В., Бич М.Г. Методические особенности анализа экономических показателей для международных экономических отношений // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 55–60. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-55-60.*

Статистические данные и статистический анализ играют важную роль в изучении и анализе международных экономических отношений, позволяя сравнивать экономические показатели различных стран, оценить тенденции и динамику развития экономических процессов в мире, выявить причины и следствия тех или иных явлений, а также оценивать эффективность межгосударственного взаимодействия.

* Работа выполнена за счет средств субсидии, предоставленной Казанскому федеральному университету для выполнения государственного задания в сфере научной деятельности, № FZSM-2023-0024.

Кроме того, статистический анализ позволяет строить модели развития экономики и прогнозировать возможные варианты развития внешнеэкономических связей при различных условиях.

Первым шагом в исследовании макроэкономических данных является сбор данных, которые часто предоставляются статистическими органами, центральными банками, агентствами по статистике и другими источниками. Эти данные могут включать временные ряды или поперечные срезы макроэкономических переменных.

Следующим шагом является представление данных. Данные могут быть представлены в виде таблиц, графиков, диаграмм и других визуальных форматов. Визуализация с помощью графического анализа может помочь выделить ключевые тренды и изменения во времени. Графики и диаграммы позволяют исследователям и другим заинтересованным лицам легко воспринимать и анализировать сложные экономические тренды и паттерны. Этот визуальный аспект анализа способствует быстрому выявлению важных моментов и/или аномалий. Кроме того, графический анализ позволяет аналитикам и управленцам лучше понимать динамику экономики и принимать обоснованные решения.

Основными особенностями графического анализа макроэкономических данных являются [1–4]:

1. Визуализация данных: графический анализ позволяет представить макроэкономические данные в виде графиков, диаграмм, графических объектов и т.д. Это делает информацию более доступной и понятной для аналитиков, политиков и общественности.

2. Идентификация трендов и циклов: графический анализ помогает выявить долгосрочные тренды и краткосрочные циклы в экономике. Например, с помощью графиков можно определить, растет ли или снижается экономический рост, инфляция или безработица.

3. Сравнение данных: графики позволяют сравнивать макроэкономические показатели в разные периоды времени или между разными странами. Это может помочь выявить различия и сходства, а также оценить эффективность различных экономических политик.

4. Изучение корреляций: с помощью графиков можно анализировать взаимосвязи между различными макроэкономическими переменными. Например, можно исследовать, как изменения уровня безработицы влияют на рост ВВП или инфляцию.

5. Идентификация аномалий: графики могут помочь выявить аномалии или необычные события, которые могут повлиять на экономику. Это может быть полезно для предотвращения кризисов или разработки сценариев управления рисками.

6. Информирование и образование: графический анализ может использоваться для образовательных целей, чтобы объяснить сложные экономические концепции и явления более широкой аудитории.

7. Принятие решений: визуализация макроэкономических данных облегчает принятие решений как для правительственных органов, так и для частных компаний. Графики могут служить основой для разработки стратегий и политик, направленных на стимулирование экономического роста и устойчивости.

Описательный анализ макроэкономических данных, как и в других областях знаний [5], позволяет структурировать данные и извлекать ключевые характеристики, такие как средние значения, дисперсии, квинтили и процентили. Этот этап анализа дает более глубокое понимание данных, и он является основой для формулирования гипотез и планирования дополнительных исследований.

Этот вид анализа позволяет исследовать общее состояние экономики страны или региона мира и выявлять основные тенденции и закономерности. Основными особенностями описательного анализа макроэкономических данных являются [4]:

1. Сводные статистики: в рамках описательного анализа проводятся расчеты сводных статистик, таких как средние значения, медианы, моды, дисперсии и стандартные отклонения. Эти статистики помогают понять центральные характеристики данных и их разброс.

2. Классификация данных: макроэкономические данные могут быть классифицированы по различным категориям, таким как секторы экономики, типы товаров и услуг, регионы и другие. Это позволяет проводить анализ и сравнение данных в разных контекстах.

3. Интерпретация результатов: после проведения описательного анализа можно делать выводы о текущем состоянии экономики, выявлять ее сильные и слабые стороны, а также прогнозировать будущие тенденции. Эти выводы могут быть полезными для принятия экономических решений и разработки политики.

4. Контекстуальный анализ: важным аспектом описательного анализа макроэкономических данных является учет контекста. Экономические данные могут быть подвержены влиянию различных событий и факторов, и они должны рассматриваться в соответствии с экономической и политической ситуацией.

Корреляционный анализ в макроэкономике используется для изучения связей между различными макроэкономическими переменными. Основными особенности этого анализа являются [1; 5; 6]:

1. Определение взаимосвязей: корреляционный анализ помогает выявить силу и направление связи между двумя или более переменными. Например, он может показать, насколько изменение одной переменной сопровождается изменением другой.

2. Коэффициент корреляции: одним из основных инструментов корреляционного анализа является ко-

эффициент корреляции, который измеряет степень линейной взаимосвязи между двумя переменными. Коэффициент корреляции принимает значения от -1 до 1. Значение ближе к 1 указывает на сильную положительную корреляцию, ближе к -1 – на сильную отрицательную корреляцию, а значение ближе к 0 – на отсутствие совместной изменчивости.

3. Ограниченность в выявлении причинно-следственных связей: корреляция не обязательно указывает на причинно-следственную связь между переменными. Даже если две переменные коррелируют, это не означает, что изменение одной вызывает изменение другой. Это может быть просто совпадением.

4. Линейность: корреляционный анализ предполагает линейную связь между переменными. Если связь нелинейная, корреляция может быть недостаточной для описания взаимосвязи.

5. Выборка данных: важно иметь достаточно большой объем данных для корректного оценивания корреляции. Маленькие выборки могут привести к неправильным выводам.

6. Важность контекста: корреляционные результаты всегда следует рассматривать в контексте конкретной экономической теории или модели. Необходимо учитывать возможные факторы, которые могут влиять на взаимосвязь.

7. Множественная корреляция: когда в анализе участвуют более двух переменных, может быть применен множественный корреляционный анализ. Он позволяет оценить взаимосвязь между множеством переменных одновременно.

8. Интерпретация результатов: важно помнить, что даже если корреляция выявлена, это не обязательно означает, что между переменными существует причинная связь. Это может потребовать дополнительного анализа и методологического обоснования.

Таким образом, графический, описательный и корреляционный анализы макроэкономических данных, характеризующих развитие национальной экономики и внешнеэкономических связей ее субъектов, играют важную роль в исследовании мировой экономики и международных экономических отношений. Возможности данных видов анализа представлены в таблице 1.

В целом, эти виды анализа помогают исследователям разбираться в макроэкономических данных, характеризующих уровень развития национальной экономики, исследовать экономические связи страны с другими странами и международными экономическими организациями и являются неотъемлемой частью исследования мировой экономики и мировых финансов.

Разработанная методика проведения анализа макроэкономических показателей может быть эффективно использована в контексте интеграции страны в мирохозяйственные связи. В условиях разворота российской экономики на Восток и глобальный Юг представляется целесообразным провести анализ показателей внешнеэкономической деятельности Турции, ставшей по итогам 2023 г. одним из ключевых торговых партнеров России. Поэтому конкретные рекомендации по проведению анализа макроэкономических данных приводятся на примере анализа показателя «Экспорт товаров и услуг Турции».

Турецкий экспорт товаров и услуг в различные страны, начиная с 2000 г., вырос более чем в четыре раза к 2023 г.

Таблица 1

Виды первичного анализа макроэкономических данных стран

Виды анализа	Возможности анализа
Графический анализ	• Графики позволяют наглядно представить долгосрочные и краткосрочные тренды в мировой экономике. С помощью графиков можно увидеть, как менялись ключевые макроэкономические показатели, такие как ВВП, инфляция, безработица и другие, в разные периоды времени. • Графический анализ позволяет выявить сезонные колебания и циклические изменения в экономике, что может быть полезно для более точного прогнозирования и планирования экономической политики. • Графики помогают иллюстрировать важные моменты и тренды, делая информацию более понятной и доступной для аудитории.
Описательный анализ	• Описательный анализ позволяет структурировать и суммировать макроэкономические данные. Это включает в себя расчет средних значений, мер разброса, анализ распределения данных и другие статистические характеристики. • С помощью описательного анализа можно выявить важные особенности экономических данных, такие как дисперсия вокруг среднего значения, наличие выбросов или асимметрии в распределении. • Описательный анализ позволяет сделать первоначальные выводы о характере данных и подготовить основу для более глубокого статистического анализа.
Корреляционный анализ	• Корреляционный анализ позволяет выявить связи и взаимосвязи между различными макроэкономическими переменными. Это может быть полезно для понимания, какие факторы влияют на экономические показатели и какие могут быть причины изменений. • Исследователям важно понимать, какие переменные коррелируют между собой, чтобы предсказывать возможные последствия экономических решений и изменений в одной переменной на другие. • Корреляционный анализ также может помочь выявить потенциальные риски и зависимости в мировой экономике, что может быть важно для принятия обоснованных решений в бизнесе и политике.

Приведенные в таблице 2 данные свидетельствуют о явном росте экспортных возможностей Турции.

Таблица 2

Экспорт товаров и услуг Турции 2000–2023 гг. (в % к предыдущему году)

2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
18,8	4,9	8,1	7,7	12,2	8,3	5,7	7,0
2008 г.	**2009 г.**	**2010 г.**	**2011 г.**	**2012 г.**	**2013 г.**	**2014 г.**	**2015 г.**
3,9	-3,6	1,7	12,9	14,5	4,9	7,1	3,2
2016 г.	**2017 г.**	**2018 г.**	**2019 г.**	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**
-1,7	12,4	9,1	5,3	-14,6	25,1	9,9	-2,7

Составлено авторами по данным WDI [7].

На рисунке 1 прослеживается волатильность показателя особенно с началом финансового кризиса 2008 г. и явно выделяется изменение, прошедшее в 2020–2021 гг. Можно предположить влияние внешних факторов на внутренние экономические процессы в Турции. Так, в 2020 г. в Турции бушует эпидемия *COVID*-19 и вводятся весьма жёсткие ограничительные меры. В 2021 г. происходит ослабление ковидных ограничений, а высокое значение показателя может быть объяснено низкой базой 2020 г.

Визуально график приподнят над нулевым значением по оси y (рис. 1), что позволяет делать вывод об общей тенденции – наличие устойчивых темпов роста турецкого экспорта. Однако высокая изменчивость показателя 2019–2023 гг. может сигнализировать о нарастании кризисных явлений в экономике Турции.

На диаграмме размаха (рис. 2) выделяются два значения экстремума, которые соответствуют 2020 и 2021 гг. Медианное значение, делящее интерквартильное расстояние практически пополам, показывает, что плотность распределения значений показателя не имеет явного отклонения от центра распределения. Таким образом видно, что турецкий экспорт ежегодно стабильно растёт на 4–12 %, несмотря на мировые кризисы и внутренние потрясения. Диаграмма размаха может быть использована исследователями для сравнений показателя с другими макроэкономическими данными.

Рис. 1. Колебание годовых темпов роста экспорта товаров и услуг Турции

Составлено авторами по данным WDI [7].

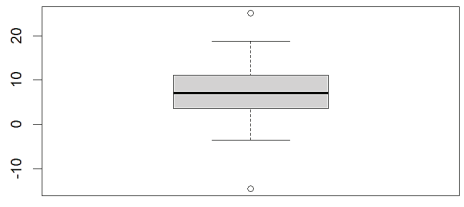

Рис. 2. Колебание годовых темпов роста экспорта товаров и услуг Турции

Составлено авторами по данным WDI [7].

Рисунок 3 показывает, что распределение близко к нормальному, а два крайних значений (левое и правое) являются выбросами 2020 и 2021 гг. Наличие горба в гистограмме, симметричность левого и правого спуска и сдвиг пика вправо относительно 0 также указывают на устойчивость тенденции к росту турецкого экспорта. Если исследователь видит равномерное распределение или явную асимметрию, то необходимо обратить внимание на теоретическое обоснование причин равномерного разброса значений или существенного количества отклонений вправо или влево от диапазона с наибольшем количеством значений.

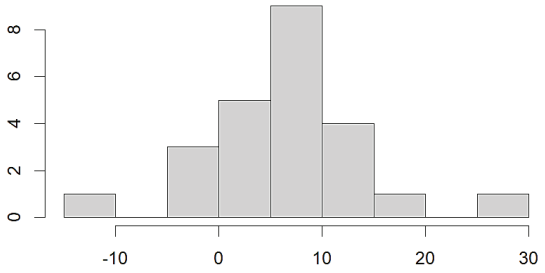

Рис. 3. Гистограмма годовых темпов роста экспорта товаров и услуг Турции

Составлено авторами по данным WDI [7].

В таблице 3 приведена описательная статистика набора данных, которая включает: минимальное (*min*) и максимальное (*max*) значение набора, диапазон значений (*range*), сумму значений (sum), медиану (*median*), среднее (*mean*), стандартную ошибку среднего (*SE.mean*), доверительный интервал среднего (*CI.mean*), дисперсию (*var*), стандартное отклонение (*std.dev*) и коэффициент вариации (*coef.var*), определяемый как стандартное отклонение, деленное на среднее. *Q*0, *Q*25, *Q*50, *Q*75 и *Q*100 содержат значения соответствующих квантилей (*quantile*), где наименьшее значение набора соответствует вероятности 0, а наибольшее — вероятности 1.

Диапазон значений показывает размах или интервал изменений показателя. Это позволяет оценить стабильность макроэкономического положения страны: чем уже диапазон, тем точнее и предсказуемее дальнейшие изменения. Недостатком размаха является использование при расчёте всего двух крайних (минимальное и максимальное) значений

Таблица 3

Описательная статистика экспорта товаров и услуг Турции 2000–2023 гг. (в % к предыдущему году) [7]

min	*max*	*range*	*sum*	*median*	*mean*	*SE.mean*	*CI.mean.0.95*
-14,6238	25,05632	39,68008	160,0876	7,027435	6,670317	1,616735	3,344471
var	***std.dev***	***coef.var***	***Q0***	***Q25***	***Q50***	***Q75***	***Q100***
62,73196	7,920351	1,187402	-14,6238	3,722392	7,027435	10,49002	25,05632

из данных, что может отражать нерепрезентативные данные.

Среднее (среднее арифметическое) значение показателя репрезентативно описывает середину или центр значений. Среднее является статистическим параметром, называемым математическим ожиданием, показывает значение показателя, которое можно применять для приблизительных расчётов и оценок, например, при оценке значения показателя в следующем году. Достоинством среднего является то, что его легко рассчитать, и в расчёте среднего значения используется весь набор данных. Недостатком среднего является сильная зависимость от экстремальных значений (выбросов), существенно влияющих на значение среднего. В этом случае полученное среднее может вводить исследователя в заблуждение. Сравнение медианы со средним значением позволяет выявлять такие ситуации. Отклонение медианы от среднего – сигнал исследователю на выявление выбросов в данных, обоснование их причин. Если исследователь решит исключить выбросы, тогда вместо среднего рассчитывается усеченное среднее значение. Другой оценкой среднего является стандартная ошибка среднего. Чем меньше значение стандартной ошибки среднего, тем среднее ближе к своему истинному значению, тем точнее выводы и оценки, основанные на среднем значении показателя.

Дисперсия и стандартное отклонение – меры, позволяющие оценить отклонение значения показателя от его среднего значения. Чем больше значение, тем больше возможные отклонения, тем менее надёжной является прогнозная оценка показателя. Коэффициент вариации показывает исследователю волатильность показателя, при значениях больше 0,33 необходимо провести дополнительные исследования причин отклонений показателя от среднего значения.

Значения квантилей позволяет количественно оценить значение показателя, которое он будет иметь с вероятностью 0 % (для минимального значения), 25, 50, 75 и 100 % (для максимального значения). Полученные данные могут быть использованы для оценки вероятности того, что показатель примет меньшее или заданное значение. Исследователь может использовать другие положения статистических данных: квинтили, квартили, децили и процентили.

Корреляционный анализ экспорта товаров и услуг Турции со следующими макроэкономическими переменными: мировые цены на нефть и газ в долл. США, темпы роста мирового ВВП в % к предыдущему году, ставка турецкого ЦБ, курс турецкой валюты к долл. США, прямые иностранные инвестиции в/из Турции в долл. США, ВВП Турции в долл. США в % к предыдущему году, товарный импорт в Турцию в долл. США в % к предыдущему году выявил единственную статистически значимую корреляционную зависимость (когда *p-value* меньше 0,05). Полученное значение корреляции (r = 0,75; *p-value* = 0,027) между ростом экспорта товаров и услуг Турции и темпами роста мирового ВВП в % к предыдущему году по шкале Чеддока относится к высокой силе связи (т.е. более 50 % общей вариации экспорта товаров и услуг Турции можно объяснить влиянием темпов роста мирового ВВП в % к предыдущему году).

Вопрос, который исследователь должен задать при обнаружении такой зависимости, – о первичности и/или обоснованности взаимосвязи переменных. Являются ли выделенные переменные отражением общего экономического процесса и их взаимосвязь опосредована, или их зависимость может иметь причинно-следственную связь. Во втором случае одну из переменных можно выделить как объясняющую и далее разработать однофакторную модель, с помощью которой прогнозировать значения объясняемой переменной. Следует отметить, что однофакторная модель может быть полезна и для первого случая, например, если уже есть прогноз одной из макроэкономических переменных, тогда разработанная модель может быть использована для расчёта прогнозного значения второй переменной. Отметим, что полученные зависимости и модели также могут и должны быть использованы для ретроспективного анализа.

Таким образом, статистические данные и статистический анализ являются необходимыми инструментами для понимания и анализа международных экономических отношений, помогая принимать обоснованные решения и разрабатывать эффективные стратегии развития экономики как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом.

Литература:

1. Корреляционный и простой линейный регрессионный анализ с использованием программной среды R / В.Л. Егошин, С.В. Иванов, Н.В. Саввина [и др.] // Экология человека. 2018. № 12. С. 55–64. DOI: 10.33396/1728-0869-2018-12-55-64.
2. Расчёт показателей описательной статистики с использованием программной среды R / В.Л. Егошин, С.В. Иванов, Н.В. Саввина [и др.] // Экология человека. 2018. № 9. С. 55–64. DOI: 10.33396/1728-0869-2018-9-55-64.
3. Кашбразиев Р.В. Количественный подход к оценке рисков международной кооперации // Финансы и кредит. 2014. № 46(622). С. 45–58.
4. Дарманян А.П. Использование показателей описательной статистики для характеристики эмпирических выборок макроэкономических индикаторов // Экономика региона. 2013. № 2(34). С. 157–163. DOI: 10.17059/2013-2-16.
5. Ильин В.П. Методические особенности применения дескриптивной статистики в медико-биологических исследованиях // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2013. № 1(89). С. 165–172.
6. Бабешко Л.О., Бич М.Г., Орлова И.В. Эконометрика и эконометрическое моделирование. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2021. 385 с. DOI: 10.12737/1141216.
7. World Development Indicators (2024). URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (дата обращения: 21.11.2024).

Methodical Features of the Analysis of Economic Indicators for International Economic Relations

Kashbrasiev R.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow), Kazan (Volga Region) Federal University
Bich M.G.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

In the context of increasing global turbulence and geoeconomic transformation, operational analysis of macroeconomic indicators of countries becomes relevant. The article presents an approach to the primary analysis of macroeconomic data of a country in the context of its integration into global economic relations. The purpose of the study is to identify the features of the analysis of economic indicators for international economic relations. The authors believe that successful management of economic integration processes, as well as the development of effective proposals and strategies for their development, require not only data collection, but also their in-depth analysis using various methods, such as graphical, descriptive and correlation analysis. The practical significance of the study is that specific recommendations have been developed for conducting macroeconomic data analysis using the example of analyzing the indicator "Export of goods and services of Turkey".

Keywords: macroeconomic data, graphical analysis, descriptive analysis, correlation analysis, world economy, Turkey

УДК 339.138
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-61-65

Теория поколений в исследовании поведения потребителей в маркетинге

Мартынова О.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга
Казанского (Приволжского) федерального университета

Шафигуллина А.В.
Старший преподаватель кафедры маркетинга
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье авторами поставлена цель рассмотреть особенности поведения потребителей с позиции теории поколений. На основе анализа научной литературы выявлены особенности поколенческих групп потребителей в процессе принятия ими решения о покупке. Научная значимость работы заключается в обосновании целесообразности использования теории поколений как основы сегментирования потребителей и как следствия применение ее в разработке маркетинговых подходов в работе с различными группами потребителями, при проектировании концентрированной и дифференцированной стратегии охвата рынка.

Исследование показывает, что особенности поведения потребителей различных поколенческих групп позволяют говорить о дифференциации элементов комплекса маркетинга. Практическая значимость работы заключается в определении особенностей в выборе, покупке товаров/услуг потребителями различных поколенческих групп. Затронуто понятие ценностей каждой группы поколений, которые необходимо учитывать при разработке политики позиционирования товара/организации. Изучение особенностей процесса принятия решения о покупке потребителями разных поколений доказывает приоритизацию использования цифровых инструментов в организации маркетинговых мероприятий.

Ключевые слова: *теория поколений, поколение X, поколение Y, поколение Z, поведение потребителей, сегментация, элементы комплекса маркетинга*

Для цитирования: *Мартынова О.В. Шафигуллина А.В. Теория поколений в исследовании поведения потребителей в маркетинге // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 61–65. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-61-65.*

В научной литературе различных предметных областей очень много говорится о теории поколений, которая влияет на все процессы жизни общества в целом и маркетинга в частности, так как трансформация маркетинга и его инструментов неразрывно связана с социумом.

1991 г. считается годом, когда теория поколений начала активно формироваться и получила свою по-

пулярность. Ученые Нейл Хоув и Уильям Штраус провели анализ развития поколений в США, начиная с конца XVI в. В книге «Четвертый поворот», выпущенной в 1997 г., они выдвинули тезис о циклическом повторении поколенческих паттернов [1; 2]. Основа данной теории авторами представлена категорией «ценности поколения», которые формируются в рамках каждого типа поколений по-своему. Ценности поколения формируются под влиянием различных факторов, таких как социальные факторы, экономические, политические, культурные, фактор научно-технического прогресса.

Российские ученые уделяют внимание приведению известной теории поколений в соответствие с уникальными историческими особенностями страны. Этот вопрос стоит особенно остро, учитывая политику изоляции, проводимую во времена СССР, особенно с точки зрения идеологии. Подходы отечественных ученых и их сравнение с глобальными концепциями периодизации поколений представлены в таблице 1.

Основные положения теорий поколений могут использоваться в маркетинге. Как правило, основа формирования элементов комплекса маркетинга – это разделение потребителей на отдельные группы с общими характеристиками, называемое сегментацией. Этот процесс позволяет компаниям более точно понять и удовлетворять запросы определённой аудитории, повышая тем самым эффективность маркетинговых мероприятий. Один из методов разделения потребителей – поколенческая сегментация, основанная на теории о поколениях [4; 5]. По мнению Д.А. Шевченко, «подход к построению моделей потребления на основе теории поколений позволяет маркетологам глубже разобраться в повседневных предпочтениях и запросах людей, сегментировать рынок на основе сходства поколенческих ценностей в сегменте» [6].

Остановимся на ценностях потребителей поколений *X, Y, Z*, которые являются значимыми критериями для макросегментации и/или поведенческий сегментации в маркетинге (табл. 2).

Поколение *X* отличается самостоятельностью, его представители известны своей трудоспособностью, чувством ответственности и практичным подходом к жизни, умеют откладывать средства и планировать бюджет. Исследование, проведенное совместно Яндексом и *Aquarelle Research*, показывает, что 62,3 % опрошенных лиц из поколения *X* имеют накопления или собственность. При этом 55 % заявили, что их финансовых резервов хватит на поддержание привычного уровня жизни в течение полугода и более [7].

Для увеличения уровня удержания клиентов среди представителей поколения *X* на 15 % стоит внедрить систему вознаграждений и скидок, которая будет проста и понятна. Чем яснее будет процесс покупки и обращения за помощью, тем больше вероятность, что представители данного поколения станут постоянными покупателями. Они ценят легкость использования и предпочитают ясные инструкции: от пошагового оформления заказа до общения с консультантом. Люди, относящиеся к поколению *X*, обращают внимание на мнение влиятельных личностей и рекламные акции с участием знаменитостей. Они заинтересованы в получении всесторонней информации о продуктах и услугах, которые собира-

Таблица 1

Классический и российский подход к периодизации поколений [3]

Поколение	Тип поколения	Годы рождения	
		Strauss-Howe generational theory	Российская адаптация
Поколение GI	Герои	1901–1924	1900–1923
Молчаливое поколение	Художники	1925–1942	1923–1943
Беби-бумеры	Пророки, идеалисты	1943–1960	1943–1963
Поколение X (13-е поколение)	Кочевники	1961–1981	1963–1984
Поколение Y Миллениум	Герои	1982–2004	1984–2000
Поколение Z	Художники	2005	2000 – н/в

Таблица 2

Ценности потребителей поколений

Поколение	Ценности
Поколение *X*	Профессионализм, самостоятельность, свобода выбора, ответственность, личное общение, индивидуализм, равноправие, экономность постоянное обучение, поиск эмоций, прагматизм, возможность делать выбор, склонны к накоплению «на черный день» и бережливы
Поколение *Y*	Здоровый образ жизни, бережное отношение к природе, стремление к улучшению социальной среды, чувство собственной значимости, успех, который заметен окружающим, оптимизм, коммуникабельность, самоуверенность, разнообразие в жизни, эмоциональность, способность к сотрудничеству, стремление к быстрому вознаграждению за свои труды
Поколение *Z*	Финансовое благосостояние, личная свобода, уют и защищенность, вклад в научные открытия и творчество, приверженность здоровому образу жизни, тепло домашнего очага и крепость семейных уз, настоящая дружба, стремление к независимости, достижение личных вершин, руководство и инициатива, обеспечение собственной безопасности, стремление к знаниям, стремление к высокому уровню мастерства в профессии, приверженность духовным идеалам и чувство ответственности перед обществом

Составлено авторами по материалам источника [6].

ются приобрести, и готовы уделить достаточно времени для изучения детальных описаний.

Поколение *Y* предпочитает интернет-шопинг в ущерб походам по торговым центрам, ценя своё время и удобство доставки товаров прямо до двери. Осведомлённые о проблемах экологии, миллениалы склонны выбирать продукцию с устойчивыми и экологически безопасными практиками производства. Заботясь о своём здоровье, они внимательно относятся к составу питания, напитков и медикаментов, предпочитая товары, которые способствуют сохранению здоровья и благополучия.

Поколение *Y*, которое с детства знакомо с видеоиграми благодаря приставкам вроде *Dendy* и *Sega*, а также разнообразию компьютерных игр, имеет особенности мышления и поведения, на которые можно влиять через игровые механики. Маркетинговые стратегии, использующие элементы геймификации, такие как викторины, приключенческие игры, лотереи и конкурсы, эффективно привлекают внимание людей в возрасте от 24 до 40 лет и могут усилить интерес к продуктам и услугам.

Исследование консультационной фирмы *McKinsey & Company* выявило, что представители поколения *Z* (лица в возрасте от 12 до 27 лет) ценят возможность покупки как в интернете, так и в традиционных магазинах [7]. Они внимательно относятся к отзывам других покупателей перед принятием решения о покупке. Они также инициировали тренд на так называемые «мягкие сбережения», предпочитая тратить деньги на яркие впечатления, а не копить их.

Молодежь от 12 до 27 лет не может представить жизнь без интернета и мобильных устройств. Привыкшие к мгновенной информации через изображения и краткие видеоролики, они развили стиль мышления, ориентированный на краткость. Зумерам трудно удерживать внимание на протяжении длительного текста. Поэтому в общении с ними предпочтительно использовать лаконичные формы: инфографику с ключевыми пунктами, видео длительностью не более нескольких минут или так называемые шортсы. Аналитические материалы следует подавать в упрощенном виде, с аналогиями и метафорами, доступными молодому поколению. Важно учитывать, что для зумеров первостепенное значение имеет скорость доступа к информации и быстрота принятия решений, а не подробное изучение вопроса.

Нами систематизированы особенности поведения потребителей поколенческих сегментов, которые необходимо учитывать при разработке элементов комплекса маркетинга (табл. 3).

На основе таблицы 3 можно сделать вывод, что поколения *X, Y* и *Z* обладают общей характеристикой – возможности восприятия информации посредством сети Интернет. Это демонстрирует открытость общества к новейшим технологиям.

Условно таких потребителей можно назвать потребителями, которые всегда на связи (*connected consumer*), либо «цифровыми» потребителями. Согласно исследованию «*The Demand Institute*», «цифровые» потребители в основном представлены сегментом поколения *Y* и поколения *Z*, то есть их возраст лежит в интервале 25–34 года, они родились и выросли уже в эпоху Интернета. Только 29 % «цифровых» потребителей старше 40 лет, в то время как просто интернет-пользователей в этой возрастной группе в совокупности более 40 % в мире [8].

Описывая группы потребителей с позиции теории поколений, мы не остановились на поколении

Таблица 3

Особенности поведения потребителей разных поколенческих сегментов

Поколение	Товар	Место совершения покупки	Сбор информации	Цена
Поколение *X*	Обращают внимание на подробное описание товаров и услуг с указанием всех преимуществ. Ценят качество, надежность, уникальность продукта или услуги.	Предпочитают одни и те же магазины и гипермаркеты	Лояльны к телевизионной рекламе, рекламе в социальных сетях, Интернет-рекламе, e-mail рассылке	Доброжелательно относятся к скидкам и акциям, низкая стоимость – один из ключевых критериев выбора
Поколение *У*	Совершают импульсивные покупки, уделяют, экологии, инновационности продукта	Предпочитают Интернет – магазины, маркетплейсы	Лояльны к рекламе в социальных сетях, доверяют рекомендациям влиятельных блогеров, отзывам	Доброжелательно относятся к акциям и скидкам, участвуют в программах лояльности
Поколение *Z*	Ценят качество товаров/ услуг, обращают внимание на комфорт, безопасность, удобство, престижность, увлекательность, свободу самовыражения и толерантность. Стремятся подчеркнуть индивидуальность	Предпочитают Интернет – магазины, маркетплейсы	Доверяют рекомендациям влиятельных блогеров, ценят наличие элементов геймификации, в рекламе уделяют внимание фото, видео	Рациональны в расходах, перед покупкой идет сравнение цен и характеристик товаров/услуг

так называемых бэби-бумеров, разделяя мнения ряда ученных, которые считают, что в настоящее время в русском языке пока не сложилось устойчивых словосочетаний для обозначения как целевой группы пожилых потребителей. Разделяем мнения многих авторов относительно того, что потребители в возрасте 50 лет не стремятся относить себя к пожилым людям, что и является проблемой разработки подходов к обозначению данного сегмента потребителей. Наиболее нейтральными обозначениями целевой аудитории, на наш взгляд, являются «50+ (поколение)» и «старшее поколение» [9].

Хотелось бы отметить, что субъективный возраст потребителя лучше предсказывает психологическое, психическое и физическое здоровье, несмотря на то что в исследованиях хронологический возраст выступает как основная независимая переменная [10]. Чем старше человек становится, тем больше расхождение между хронологическим и субъективно воспринимаемым возрастом. В этом контексте субъективный возраст часто моложе фактического возраста.

В статье теория поколений принята за основу сегментации рынка с целью дифференцированного подхода в разработке элементов комплекса маркетинга. Поколение как группа потребителей имеет постоянный состав индивидов, что позволяет производителю/продавцу стратегически сосредоточиться на «понятных» с точки зрения потребностей клиентах. Кроме того, имеют значение описанные ценности каждого поколения, которые могут выступать критерием сегментирования рынка и определять стратегические маркетинговые инструменты.

Исследователями отмечаются спорные моменты в применении теории поколений в маркетинге, обусловленные численностью поколений, их относительным ускорением развития, ролью случайностей, а также национальной спецификой. К недостаткам теории поколений можно отнести ограниченность ее применения в рамках других цивилизационных укладов [5]. Ценности и временные границы поколений также не могут быть одинаковыми в разных странах, поскольку на формирование поколений влияют социальные, географические, политические, экономический факторы.

Отсюда следует, что наряду с использованием теории поколений в сегментации рынка требуется применение маркетинговых исследований с целью более точного определения особенностей потребительских сегментов. В связи с вышесказанным дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление национальных особенностей выделенных групп поколений, исследование теории смещения границ поколений, побору аналитических инструментов и их совмещение при сегментации рынка.

В результате проведенного анализа ценностных ориентиров поколений мы можем сделать вывод о том, что каждое поколение обладает своим уникальным набором ценностей, убеждений и ожиданий, которые формируют их потребительское поведение. Понимание ценностей различных поколений играет ключевую роль в разработке элементов комплекса маркетинга. Успешное привлечение внимания и формирование лояльности клиентов требует тщательного анализа и индивидуализированного подхода, учитывающего ценности поколений. Только так производители/продавцы смогут находить точки соприкосновения с разнообразными интересами потребителей и выстраивать долгосрочные отношения с ними.

Литература:

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. HarperCollins, 1992. 544 p.
2. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. Crown, 1997. 400 p.
3. Асташова Ю.В. Теория поколений в маркетинге // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. № 1. С. 108–114.
4. Цай В.Е. Поколенческий подход при сегментировании в интернет-маркетинге // Актуальные проблемы современной науки: Сб. науч. работ (статей) обучающихся. Хабаровск: Хабаровский гос. ун-тет экономики и права, 2020. С. 95–98.
5. Цуканов И.А. Теория поколений в маркетинге // Русский космизм: история и современность. Место и роль науки и технологий в решении глобальных проблем современности. V Всеросс. науч.-практ. конф. Королев: Издательские решения, 2021. С. 254–262.
6. Шевченко Д.А. Исследование потребительского поведения крупных сегментов рынка России: поколенческий подход // Практический маркетинг. 2013. № 4 (194). С. 4–13.
7. Теория поколений (X, Y, Z) в Интернет-маркетинге. URL: https://vc.ru/marketing/266386-teoriya-pokoleniy-x-y-z-v-internet-marketinge (дата обращения: 02.02.2024).
8. Скоробогатых И.И. Модель поведения цифровых потребителей на международных рынках товаров и услуг // Практическая направленность обучения и исследований в вузе: материалы VII Всеросс. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. И.И. Скоробогатых, Н.И. Ивашковой. М.: Российский эконом. ун-тет имени Г.В. Плеханова, 2019. С. 160–166.

9. Асташова Ю.В. Концептуальные основы возрастного маркетинга // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2014. № 3. С. 14–20.
10. Павлова Е.А., Ельшин Л.А. Маркетинг для разных поколений: от беби бумеров до поколения Z // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2020. № 18. С. 120–124.

Generational Theory in the Study of Consumer Behavior in Marketing

Martynova O.V., Shafigullina A.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the article, the authors set the goal of considering the characteristics of consumer behavior from the perspective of generational theory. Based on the analysis of scientific literature, the characteristics of generational groups of consumers in the process of making their purchase decisions were identified. The scientific significance of the work lies in substantiating the feasibility of using the theory of generations as a basis for segmenting consumers and, as a consequence, applying it in developing marketing approaches in working with various groups of consumers, when designing a concentrated and differentiated market coverage strategy. The study shows that the characteristics of consumer behavior in different generational groups allow us to talk about the differentiation of elements of the marketing mix. The practical significance of the work lies in determining the characteristics of the choice, purchase of goods / services by consumers of different generational groups. The concept of the value of each generational group is touched upon, which must be taken into account when developing a product / organization positioning policy. The study of the characteristics of the decision-making process about purchasing by consumers of different generations proves the prioritization of the use of digital tools in organizing marketing activities.

Keywords: generation theory, generation X, generation Y, generation Z, consumer behavior, segmentation, elements of the marketing mix

УДК 339.982
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-66-70

Анализ глубины охвата регионов информационно-коммуникационными технологиями

Мусаев Р.К.
Аспирант кафедры экономики
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В представленной статье проанализирована ширина и глубина охвата регионов РФ информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) в сравнении с другими странами. Актуальность исследования определяется взаимосвязью между развитием ИКТ и социально-экономическим положением регионов. Практическим интересом изучения проблем развития ИКТ является выработка мер по углублению применения ИКТ в регионах РФ. Гипотеза нашего исследования заключается в том, что ИКТ влияют на социально-экономическое развитие региона при одновременном выполнении показателей из трех выделенных групп: население, государство, компетенции. Новизна исследования состоит в необходимости исследования развития ИКТ на 4 этапах его углубления. Проведенный анализ показал, что регионы РФ преуспели на первом этапе, тогда как на 2–4 наблюдается значительное отставание от стран-лидеров. Существенной точкой роста является развитие человеческого капитала в ИКТ.

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии, социально-экономическое развитие, регион, цифровизация, информатизация*

Для цитирования: *Мусаев Р.К. Анализ глубины охвата регионов информационно-коммуникационными технологиями // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 66–70. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-66-70.*

Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) в современном мире оказывают существенное влияние на характер функционирования компаний, регионов, стран. Трансформируются сами продукты, которые производят компании. При исследовании влияния ИКТ на экономику с начала XXI в. в различных странах приходили к выводу об ускорении социально-экономического развития за счет ИКТ, передачи информации и роста производительности труда.

Развитие ИКТ, согласно исследованиям, приводит к росту эффективности функционирования хозяйствующих субъектов, приводит к сетевым эффектам взаимодействия и снижению трансакционных издержек [1].

При анализе развития ИКТ в регионах РФ мы опирались на ряд исследований, таких как:

1. Т.Р. Шакиров, который доказывает взаимосвязь рейтинга развития информационной инфраструктуры *IDI* и места региона в рейтинге инвестиционного климата [2, с. 47].

2. Большое количество исследований доказывает связи между развитием ИКТ и обеспечением экономической и информационной безопасности стран [3, с. 8; 4, с. 115–120; 5, с. 12–14].

3. В работе С.Р. Магомедовой доказывается экономико-статистическими методами, что увеличение затрат на ИКТ на 10 % и снижении коррупции на 10 % приведет к росту ВРП региона за 7 лет в 2,4 раза [6].

4. В работе С.П. Петрова, М.П. Маслова, А.И. Карповича изучалась взаимосвязь между валовым региональным продуктом на душу населения

и относительным показателем затрат на ИКТ, представленным в виде показателя фондовооруженности, по регионам РФ. Эластичность затрат на ИКТ к объему ВРП составила 0,088 % [7].

5. Т.В. Миролюбова, М.В. Радионова экономико-статистическим анализом сравнивали влияния «традиционных» и «цифровых» факторов производства на объем валового регионального продукта на душу населения в разрезе регионов РФ в период с 2010 по 2018 гг. [8].

6. Р.Р. Хабибрахманова и Е.А. Еремеева анализируют влияние инвестиционных карт и инвестиционных порталов для инвестиционной привлекательности ряда регионов Приволжского федерального округа [9].

7. К схожим выводам для Уральского федерального округа приходят С.А. Маковкина и Н.Д. Воронов [10].

Таким образом, в предшествующих исследованиях было выявлено влияние различных показателей развития ИКТ на показатели регионального социально-экономического развития (ВРП, ВРП на душу населения), инвестиционная привлекательность и конкурентоспособность региона. Распространение и уровень развития ИКТ на территории становятся важным конкурентным преимуществом в условиях цифровой трансформации мира.

При этом стоит отметить, что доля сектора ИКТ в структуре ВВП развитых стран росла последние 10 лет. Так, в США в 2022 г. она составила 7,3 %, в Германии – 5,1 %, в Японии – 6 %, Южной Корее – 6,9 %, Китае – 4,4 %, России – 3,9 % [11].

Важно отметить, что в рамках исследований выделяют три основных уровня распространения ИКТ:

1. На уровне отдельных домохозяйств.

2. На уровне компаний.

3. На уровне государственных структур.

Мы считаем, что глубина и охват ИКТ должны быть пропорциональны на всех трех выделенных уровнях для обеспечения конкурентных преимуществ.

Стоит отметить, что для оценки развития ИКТ, как правило, используют ряд показателей, которые мы объединили в три группы:

1) характеризующие оснащение населения персональными компьютерами, сотовой связью и интернетом (ИКТ среди населения и бизнеса);

2) оценка человеческого капитала в сфере ИКТ, а именно численность выпускников соответствующих направлений, уровень развития ИКТ-компетенций у населения (компетенции в ИКТ);

3) показатели развития ИКТ в органах власти и местного самоуправления (ИКТ в государстве).

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что ИКТ влияют на социально-экономическое развитие региона при одновременном выполнении показателей из трех выделенных групп. Так, например, оснащение населения компьютерами и сотовой связью не приведет к должному мультипликационному эффекту в развитии без наличия у них компетенций пользования и навыков работы с ИКТ. Оснащение населения ИКТ без оснащения организаций региона приведет скорее к оттоку населения из региона, удаленной занятости населения в других регионах, но не к социально-экономическому развитию региона.

При неравномерном развитии и охвате данных уровней рост производительности труда будет замедляться, что приведет к замедлению социально-экономического развития региона. В настоящее время в России действует ряд государственных программ, направленных на развитие ИКТ, – «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» и Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации», который включает в себя девять основных федеральных проектов: нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, кадры для цифровой экономики, информационная безопасность, цифровые технологии, цифровое государственное управление, искусственный интеллект, развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли, обеспечение доступа в интернет за счет развития спутниковой связи. Немаловажно отметить усиленную поддержку для ИТ-компаний, среди средст и путей, которой были:

– возможность получения грантов на развитие;

– льготное кредитование и льготы по уплате налогов, в т.ч. отдельно для субъектов малого и среднего бизнеса;

– отсрочка от армии для занятых в ИТ сфере;

– льготные условия по ипотечному кредитованию для ИТ сотрудников;

– возмещение до 50 % расходов разработчикам отечественного программного обеспечения.

Считаем, что важно различать показатели ширины охвата ИКТ и глубины развития ИКТ. Ширина охвата определяется соотношением использования различных видов ИКТ среди населения, фирм и государственных структур. Глубина ИКТ идет от наличия соответствующих технических средств и до трансформаций процессов в развитие различных отраслей экономики за счет внедрения ИКТ (рис. 1).

Таким образом, мы представили на рисунке 1 схему углубления развития ИКТ в экономике.

1-й этап связан с обеспечением населения, бизнеса и органов власти доступом к различным ИКТ, обеспечением соответствующими техническими возможностями. Первый этап конкордирует с понятием ширина охвата ИКТ.

2-й этап связан с развитием интернета вещей и искусственного интеллекта, в данном случае информатизация сменяется процессом цифровизации. На данном этапе использование материальных объектов

(вещей) за счет ИКТ становится значительно удобнее.

3-й этап – цифровизация товаров и услуг, развитие блокчейна, определяется диджитализацией товаров и услуг, возникновением электронной коммерции и развитием рынка криптовалют, различных финансовых технологий, технологий привлечения инвестиций и др.

4-й этап – цифровая трансформация отраслей экономики предполагает формирование цифровых экосистем, цифровизации процессов, в т.ч. процессов поставки продукции и логистики, кибербезопасности и др.

По состоянию на 2020 г. 93 % организаций имели широкополосный доступ в интернет и 90 % населения в РФ. Российская Федерация находится на 36 месте в 2020 г. по индексу развития электронного правительства из 193 стран, 81,1 % населения за последний год получал государственные или муниципальные услуги в электронном виде, тогда как еще в 2016 г. – чуть более 50 % [12].

Однако только 13 % организаций использовали интернет вещей, из них больше всего (24,4 %) организаций оптовой и розничной торговли, что соответствует второму выделенному нами этапу. Технологии искусственного интеллекта использует в РФ 5 % организаций (рис. 2).

Приведенные данные говорят о лидирующих позициях РФ в прохождении первого этапа цифровизации и развития ИКТ, связанного с процессами информатизации и расширения охвата ИКТ, а также о существенно более низких показателях развития ИКТ уже на втором этапе, связанном с использованием интернета вещей и искусственного интеллекта.

Информатизация предполагает автоматизацию существующих процессов, тогда как цифровизация – это замена данных процессов на принципиально новые – цифровые, проникновение данных изменений во все сферы жизни общества и отрасли экономики. При этом говоря об информатизации, мы понимаем ее как первоначальный этап цифровизации, без которой она невозможна.

Важным, с нашей точки зрения, ориентиром является не только ширина и глубина охвата ИКТ в регионе, но и уровень развития цифровых навыков населения. По данному показателю Российская Федерация уступала развитым зарубежным странам как в 2019 г., так и в 2022 г. По результатам выборочного исследования 5 % населения не имеет навыков работы в Интернете и 17 % не использовало его последние 3 месяца, только 3 % населения обладают навыками выше базового [13]. На рисунке 3 показано место России по уровню цифровых навыков в 2022 г.

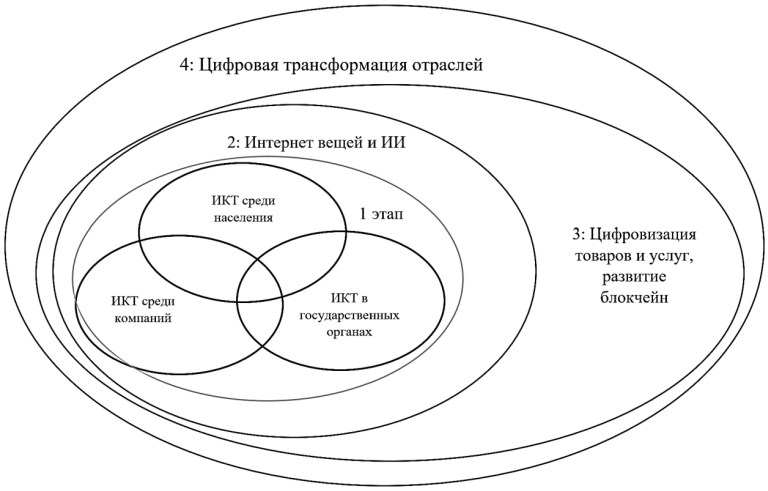

Рис. 1. Этапы развития и углубления ИКТ в экономике

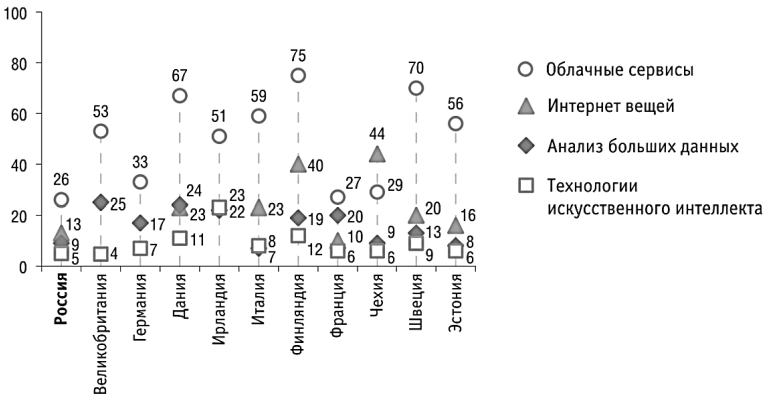
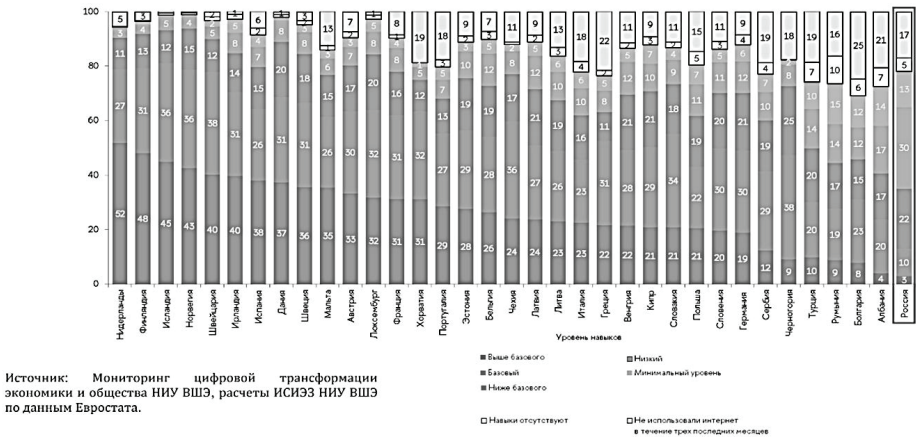

Рис. 2. Углубление ИКТ по странам [12]

Таким образом, характеризуя ширину охвата ИКТ в Российской Федерации как одну из лидирующих, к сожалению, нельзя констатировать высокую степень глубины охвата ИКТ и развития цифровых компетенций у населения, что приводит к формированию цифровых разрывов, которые отражаются на социально-экономическом развитии как отдельных регионов, так и страны в целом.

При достаточно высоком охвате населения доступом в интернет его использует на регулярной основе в ряде регионов РФ малая доля населения. В республиках Ингушетия, Марий Эл, Мордовия, а также в Кировской и Липецкой областях, где в среднем 76 % домохозяйств обладают доступом в интернет, лишь у 36 % населения цифровые навыки развиты на низком уровне. Тогда как в Москве, Санкт-Петербурге, Мурманской области, Чукотском автономном округе повсеместное распространение доступа в интернет в домашних хозяйствах сочетается с довольно высоким уровнем цифровых навыков населения [14].

Важным критерием развития ИКТ является их присутствие в органах власти и местного самоуправления. Так, в 2021 г. 80,1 % населения взаимодействовала с органами власти, из них 68,2 % осуществили данное взаимодействие через интернет

Источник: Мониторинг цифровой трансформации экономики и общества НИУ ВШЭ, расчеты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ по данным Евростата.

Рис. 3. Уровень цифровых навыков по странам в 2022 г. [13]

[15]. Стоит отметить, что наиболее активно взаимодействуют с органами власти через интернет в Центральном (79,4 из 88 %), Южном (74,2 из 83 %) и Приволжском федеральных округах (71,2 из 83,7 %) [15]. При этом чаще всего это услуги, связанные со здравоохранением, оплатой налогов и сборов, ЖКХ, социальное обеспечение, культура и досуг.

Развитие ИКТ осуществляется за счет финансирования государства и развития ИТ-отрасли в экономике страны. Следует отметить, что цифровой разрыв существенно снижает качество жизни населения, возможности получения работы, образования и др. Тем не менее в настоящее время само население не в полной мере вовлечено в преодоление данных разрывов и углубление развития ИКТ на территориях. Отсутствуют существенные общественные инициативы по развитию ИКТ на определенных территориях.

Для развития ИКТ-технологий перспективными направлениями видятся:

– усиление трехстороннего сотрудничества в сфере ИКТ: государственных структур, крупного бизнеса и университетской среды;

– повышение роли малого и среднего бизнеса на рынках ИКТ;

– подготовка собственных и привлечение иностранных ИКТ-специалистов;

– повышение доступности венчурного и краудфандингового финансирования ИКТ;

– снижение обеспокоенности населения относительного цифрового будущего.

Таким образом, нами выделено четыре этапа развития и углубления ИКТ в экономике. Было определено, что регионы РФ преуспели на первом этапе, тогда как на 2–4 этапах наблюдается значительное отставание от стран-лидеров. Существенной точкой роста для развития является развитие человеческого капитала в ИКТ. Наблюдается существенная дифференциация в навыках использования населением ИКТ по регионам, требуется дальнейшее углубление и преодоление цифровых разрывов регионов во взаимодействии с органами власти через ИКТ.

Литература:

1. Оразбердиева Я.А., Аммырадова Г.Ч. Роль информационно-коммуникационных технологий в экономическом развитии // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). С. 118–120.
2. Шакиров Т.Р. Влияние информационной инфраструктуры на конкурентоспособность региона // Вестник финансового университета. 2016. № 6. С. 46–53.
3. Дошаев Б.М. Развитие рынка информационно-коммуникационных технологий как фактор обеспечения экономической безопасности России: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2011. 19 с.
4. Прохоров П.Э. Статистическое исследование развития цифровой экономики в Российской Федерации: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2022. 246 с.
5. Строкатов Д.А. Оценка влияния ИКТ на конкурентоспособность скандинавских стран: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2022. 27 с.
6. Магомедова С.Р. Экономико-математические модели оценки динамики и взаимовлияния экономики и развития информационных технологий: автореферат дисс. ... канд. эконом. наук. Махачкала, 2022. 24 с.
7. Петров С.П., Маслов М.П., Карпович А.И. Влияние инвестиций в развитие цифровой экономики на объем валового внутреннего продукта России // Journal of Applied Economic Research. 2020. Т. 19. № 4. С. 419–440.
8. Миролюбова Т.В., Радионова М.В. Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост // Регионология. 2021. № 3 (116). С. 486–510.
9. Хабибрахманова Р.Р., Еремеева Е.А. Информационные ресурсы как фактор инвестиционной привлекательности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 7. С. 73–82.
10. Маковкина С.А., Воронов Н.Д. Влияние цифровой трансформации на инвестиционную привлекательность региона // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 95–103.
11. World Bank Data. Individuals using the Internet (% of population). URL: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?most_recent_value_desc=true&skipRedirection=true&view=map (дата обращения: 29.07.2024).
12. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/552091260.pdf (дата обращения: 16.08.2024).
13. Методологические подходы к измерению уровня цифровых навыков населения. Евростат. URL:

https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Streltsova-Popov.pdf (дата обращения: 20.08.2024).
14. Цифровые навыки населения в регионах России. URL: https://issek.hse.ru/news/767681612.html (дата обращения: 20.08.2024).
15. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (дата обращения: 20.08.2024).

Analysis of the Depth of Coverage of Information and Communication Technologies at the Regional Level

Musaev R.K.
University of Management «TISBI» (Kazan)

Presented article statistically analyzes the width and depth of ICT coverage in the regions of the Russian Federation in comparison with other countries. The relevance of the study is determined by the relationship between the development of ICT and the socio-economic situation of the regions. The practical interest of studying the problems of ICT development is the development of measures to deepen ICT in the regions of the Russian Federation. The hypothesis of our study is that ICT affects the socio-economic development of the region while simultaneously fulfilling indicators from three selected groups: population, state, competencies. The novelty of the study lies in the need to study the development of ICT at 4 stages of its deepening. The analysis showed that the regions of the Russian Federation succeeded at stage 1, while at stages 2-4 there is a significant lag behind the leading countries. An essential growth point for development is the development of human capital in ICT.

Key words: information and communication technologies (ICT), socio-economic development, region, digitalization, informatization

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-71-75

Малое предпринимательство в системе экономической безопасности России

Мустафина Г.Н.
Старший преподаватель кафедры информатики
и вычислительной математики,
начальник центра информационных технологий
Набережночелнинского государственного педагогического
университета

Целью работы является оценка текущего состояния экономической безопасности российской сферы малого бизнеса и выявление, оценка и классификация существующих рисков её развития. Применяя доказательный подход и функциональный анализ, автор определяет её место в российской экономической системе и оценивает влияние состояния экономической безопасности института малого предпринимательства на уровень экономической безопасности России, подчеркивая их корреляционную взаимозависимость. Используя нормативный анализ и методы научной абстракции, в работе автор показывает механизмы и инструменты достижения оптимального состояния экономической безопасности, применяемые задействованными в процессе субъектами, ключевым из которых является государство. Опираясь на факторный и динамический анализ, статья обосновывает необходимость активизации собственных усилий субъектов малого предпринимательства для обеспечения устойчивости и экономической безопасности своего бизнеса и перевод этой работы на системную и научно-обоснованную основу. Раскрытие завяленной цели позволит увеличить эффективность деятельности по обеспечению устойчивости и экономической безопасности как сферы малого бизнеса, так и экономики в целом и ускорить достижение целей национального развития.

Ключевые слова: *экономическая безопасность малого предпринимательства, субъекты малого бизнеса, экономическая устойчивость малого бизнеса, тенденции развития сферы малого бизнеса*

Для цитирования: *Мустафина Г.Н. Малое предпринимательство в системе экономической безопасности России // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 71–75. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-71-75.*

Малое предпринимательство в реалиях сегодняшнего дня является фундаментом мирового хозяйства и играет ключевую роль как в национальных, так и в глобальной экономиках, а прилагательное «малый» не совсем верно отражает его значение и место в процессе развития мировой социально-экономической системы. По данным ООН, на долю микро-, малого и среднего бизнеса (далее – МСБ) сегодня приходится 90 % предприятий, более 70 % рабочих мест и 50 % мирового ВВП [1]. Причем в условиях экономики замкнутого цикла его «вес» демонстрирует тренд к дальнейшему росту, т.к. МСБ не только эффективно дополняет долю крупных компаний в мировом ВВП и оздоравливает экономику через внедрение инноваций и развитие конкуренции, но и решает важнейшие социальные задачи поддержания занятости и повышения качества жизни населения, при этом, как резидент страны пребывания, обеспечивая значительные налоговые поступления в её бюджет. Таким образом, можно утверждать, что сегодня малый бизнес (далее – МБ), как социально-экономический институт, несет на себе значимую

часть предпринимательского риска и за счет собственных ресурсов в значительной мере «закрывает» внутренний спрос на товары и услуги, формируя новую архитектонику структуры экономики.

В настоящее время в России наблюдается устойчивая тенденция к расширению круга субъектов малого предпринимательства и увеличению его вклада в объемах производства, однако пока «этот уровень далек от того, на котором он должен бы находиться» [2] и сегодняшняя доля в 21–22 % ВВП значительно ниже потенциальных возможностей российского МБ.

Являясь неотъемлемой частью современной экономики, малый бизнес функционирует в единой для всех её элементов правовой и институциональной среде и в полной мере несет на себе все частные предпринимательские риски обусловленные индивидуальной формой финансово-хозяйственной деятельности, при этом преодолевая ещё и «общие» угрозы национальной экономической системы, устойчивость которой находится в корреляционной зависимости от экономического «самочувствия» сферы малого предпринимательства, в значительной мере определяющей деловой климат и макроэкономическую ситуацию в стране. Таким образом, решая вопросы поддержания приемлемого уровня собственной экономической безопасности, субъекты малого бизнеса одновременно вносят свой позитивный вклад как в процесс обеспечения экономической безопасного своего региона, так и государства в целом, которое в свою очередь напрямую заинтересовано в эффективности и надежности МБ как ключевого элемента своей социально-экономической системы.

Российское законодательство определило круг хозяйствующих субъектов, относящихся к категории малого бизнеса и ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 209-ФЗ) включила в неё «зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации и соответствующие условиям, установленным ч. 1.1 настоящей статьи, хозяйственные общества, хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальных предпринимателей» [3].

Для контроля и государственной регистрации субъектов малого предпринимательства в России ведется ежемесячно обновляемый в автоматическом режиме Единый реестр налоговой службы, в котором малый бизнес, исходя из текущих параметров финансово-хозяйственной деятельности учитывается в разделах «Микропредприятие» или «Малое предприятие». При этом, для отнесения хозяйствующего субъекта к сфере малого бизнеса ФНС РФ использует как формально-юридические, так и экономические критерии по уровню дохода и количеству работников. Юридические критерии оценивают организационно-правовую форму бизнеса и соблюдение им перечня установленных законодательством условий (отнесение в высокотехнологическому или инновационному сектору, учредительство общероссийским обществом инвалидов и т.д.). По экономическим критериям ФНС ранжирует бизнес исходя из результатов финансово-хозяйственной деятельности предыдущего года (табл. 1).

Таблица 1

Критерии оценки субъектом малого бизнеса

Критерии	Микро-предприятие	Малое предприятие
Годовой доход	До 120 млн руб.	Свыше 120 до 800 млн руб.
Среднесписочная численность персонала	До 15 сотрудников	От 16 до 100 сотрудников

Кроме того, на наш взгляд, к сфере малого бизнеса сегодня должны быть отнесены и «физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и применяющие специальный налоговый режим “налог на профессиональный доход” (самозанятые)» которые «могут относиться к субъектам малого и среднего предпринимательства на время проведения эксперимента – до 31.12.2028 г. включительно», что следует из положений ст. 14.1, ч. 4 ст. 27 ФЗ № 209-ФЗ, ч. 15 ст. 8 Федерального закона от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [4] и Федерального закона от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [5]. Согласно данным Минэкономразвития РФ, в 2021 г. число зарегистрированных самозанятых было чуть более 3,86 млн чел., по итогам 2022 г. – 6,561 млн чел., по итогам 2023 г. – 8,069 млн чел., по состоянию на 28 июня 2024 г. количество самозанятых составило 10,48 млн чел. [6], что говорит об устойчивом тренде роста популярности этой формы предпринимательства.

«Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» определяет экономическую безопасность как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации», а процесс её обеспечения – как «реализацию органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центрального банка Российской Федерации во взаимодействии с институтами гражданского общества комплекса политических, организационных, соци-

ально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности и защиту национальных интересов Российской Федерации в экономической сфере [7].

С учетом того, что малое предпринимательство является институциональным сектором экономики, на него полностью распространяются все заложенные в Стратегии подходы к определению понятия «экономическая безопасность МБ», выявлению угроз, постановки задач и выбору инструментария для поддержания приемлемого её уровня. И, исходя из данного посыла, мы можем определить экономическую безопасность малых форм финансово-хозяйственной деятельности как гармоничное состояние внешней и внутренней среды функционирования МБ, при котором созданы условия для эффективной реализации его социально-экономического потенциала, реализации экономических интересов, поддержания состояния устойчивости и дальнейшего развития этой сферы бизнеса. Это также позволяет классифицировать риски малого предпринимательства, разделив их на внешние и внутренние, отнеся к первым последствия трансформации геополитической и геоэкономической систем, турбулентность национальной экономики и неудовлетворительное состояние предпринимательского климата в стране [8], а ко вторым – способность субъектов малого предпринимательства эффективно использовать свои потенциальные возможности и преференции в процессе финансово-хозяйственной деятельности и реализации собственных экономических интересов, что достигается путем обеспечения финансовой, информационной, кадровой и физической безопасности сферы малого бизнеса [9, с. 106].

При этом мы должны учитывать факт того, что малое предпринимательство, как социально-экономический институт, не является единым актором и состоит из значительного числа субъектов, самостоятельно ведущих хозяйственную деятельность, исходя из собственного понимания задач и интересов, объединенных только одной общей целью – получение прибыли. Это обусловливает необходимость, при выработке эффективной национальной политики развития малого предпринимательства и в процессе обеспечения его экономической безопасности, гармонизации интересов миллионов субъектов и установления единого для всех правового поля и условий хозяйствования, что может быть осуществлено только государством, единственным институтом, обладающим для этого необходимыми ресурсами и властными полномочиями.

Исходя из вышеизложенного, мы можем оценивать текущий уровень экономической безопасности малого бизнеса как потенциальную способность эффективно противостоять вызовам и угрозам внутренней и внешней среды функционирования и поддерживать в условиях усиления турбулентности экономики хозяйственную устойчивость большинства субъектов МБ, обеспечивая при этом реализацию функций и поступательное развитие всей сферы.

Перед субъектами процесса обеспечения экономической безопасности малых форм предпринимательства стоит прикладная задача выявить и оценить потенциальные риски и на основе анализа полученных данных разработать тактику и стратегию по недопущению их дальнейшей трансформации в вызовы, угрозы и опасности, «направленные на причинение вреда, заключающегося в ухудшении состояния МБ, препятствии его устойчивому и прогрессивному развитию» [10, с. 7].

Основное бремя по противодействию внешним рискам малого бизнеса бесспорно ложится на государство, которое, с одной стороны, реализуя национально ориентированную внешнеэкономическую политику обеспечивает резистентность по внешнему контуру и экономическую безопасность российской экономики в целом (включая и МБ), а с другой являясь регулятором всего комплекса социально-экономических процессов в стране формирует предпринимательский климат, являющийся для сферы малого предпринимательства слабо зависимым от воли её субъектов экзогенным фактором управляющего воздействия.

В сегодняшних реалиях Правительство РФ реализует свою социально-экономическую политику исходя из положений Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в котором в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. определена задача обеспечить «достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство», а целевыми показателями её достижения стала «численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей» [11].

Государство оказывает сектору малого бизнеса многоплановую адресную поддержку в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», при реализации которой были осуществлены следующие федеральные проекты: «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами», «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации», «Создание Цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами МСП и самозанятыми гражданами». На данные цели только

из федерального бюджета за 2019–2024 гг. было направлено 388,645 млрд руб. [12], что к 10.10.2024 г. позволило достичь следующих показателей:

– количество субъектов микропредприятий – 6 188 539 с общей численностью 7 126 738 чел.;

– количество малых предприятий – 227 869 с кадровым составом в 5 958 714 чел. [13];

– количество самозанятых – 11,2 млн чел. [14].

Кроме того, государство предпринимает системные шаги по оздоровлению предпринимательского климата через налоговое стимулирование хозяйственной деятельности МБ, снижение административных барьеров на пути развития и предоставление его субъектам доступа к кредитным ресурсам и участию в государственных и муниципальных закупках на льготных основаниях, и многое другое.

При этом с существующими эндогенными угрозами экономической безопасности субъекты малого бизнеса борются самостоятельно, демонстрируя различную степень эффективности своей финансово-хозяйственной деятельности в целом и усилий по сведению к минимуму рисков развития, в частности. Предпринимая конкретные шаги по повышению устойчивости и надежности собственного бизнеса и повышая его конкурентоспособность, субъекты малых форм предпринимательства в позитивном ключе влияют и на всю сферу малого бизнеса, укрепляя её социально-экономический потенциал и способность к противодействию текущим угрозам и вызовам [15].

К сожалению, в России на уровне субъектов малого предпринимательства пока не сформировалась практика проведения системной работы по оценке рисков и обеспечению экономической безопасности, и подавляющее их большинство не считают её необходимым бизнес-процессом. Как следствие проводимая в этом направлении работа в значительной мере носит интуитивно-спонтанный и несистемный характер, что приводит к недооценке рисков ведения хозяйственной деятельности, отсутствию актуального анализа уровня экономической безопасности субъекта и разработанных на их основе адекватных защитных мер.

Выводы:

1. Малый бизнес является институциональной сферой и неотъемлемой частью социально-экономической системы современной России, и состояние его экономической безопасности находится в корреляционной взаимозависимости с уровнем безопасности экономики страны в целом.

2. Высокий уровень экономической безопасности малого предпринимательства позитивно влияет на суверенность, конкурентоспособность и устойчивость российской экономики и достижение целей национального развития. В то же время достижение оптимального состояния экономической безопасности России создает необходимые условия для качественного роста и поступательного развития малого бизнеса, эффективно защищая последний от геополитических и геоэкономических вызовов и угроз и формируя благоприятную предпринимательскую среду его функционирования.

3. Государству, как основному субъекту процесса обеспечения экономической безопасности сферы малого бизнеса, необходимо усилить меры адресной поддержки её субъектов, что повысит эффективность доли вклада МБ в формировании ВВП. В связи с этим, заявленное в сентябре 2024 г. досрочное завершение Федеральной программы «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» и его включение в более крупный нацпроект «Эффективная и конкурентная экономика» при одновременном снижении финансирования в пятилетнем горизонте на 21 % [16] вряд ли соответствует общественным ожиданиям россиян и гарантированно негативно скажется как на росте экономики, так и на уровне её безопасности уже в краткосрочной перспективе.

4. Субъекты малого предпринимательства должны повысить эффективность усилий по обеспечению экономической безопасности и устойчивости собственного бизнеса, начав проводить это работу системно, на основе единой методики оценки рисков и реализуя свои программы по противодействию как внутренним, так и внешним рискам развития.

5. Российский малый бизнес обладает необходимым потенциалом для дальнейшего успешного роста, однако результативность этого процесса будет напрямую зависеть от адекватности, текущей государственной социально-экономической политики и рациональности распределения задействованных ресурсов, инициативы и активности самих субъектов малого предпринимательства и уровня общественной поддержки.

Литература:

1. Тема 2024 года: ММСП и ЦУР. URL: https://www.un.org/ru/observances/micro-small-medium-businesses-day.
2. Владимир Путин считает важной роль бизнеса в формировании ВВП страны. URL: https://orenburg.er.ru/activity/news/vladimir-putin-schitaet-vazhnoj-rol-biznesa-v-formirovanii-vvp-strany.

3. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС Гарант.
4. Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС Гарант.
5. Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СПС Гарант.
6. Поддержка самозанятых. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_samozanyatyh.
7. «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
8. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Нестулаева Д.Р. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 8. С. 972–986.
9. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
10. Федораев С.В. Опасности, угрозы и риски развития национальной экономики: методологический аспект // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. 2010. № 4(30). С. 5–11.
11. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726.
12. Бюджет для граждан на 2024 г. и на плановый период 2025 И 2026 гг. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/01/main/0407_BDG_2024.pdf.
13. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.10.2024&level=2&fo=&ssrf=&t=17
14. В России зарегистрировались 11 млн самозанятых. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15127834.
15. Морозов И.В. Воспроизводство экономического потенциала региона в условиях цифровой экономики. – Казань: ООО «Эксперт 16», 2023. – 228 с.
16. Минэк оценил новый нацпроект по экономике в 1,9 трлн рублей. URL: https://opora.ru/cn/news/media-about-us/minek-otsenil-novyy-natsproekt-po-ekonomike-v-19-trln-rubley.

Small Business in the Russian Economic Security System

Mustafina G.N.
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

The purpose of the work is to assess the current state of economic security of the Russian small business sector and identify, assess and classify the existing risks of its development. Applying an evidence-based approach and functional analysis, the author determines its place in the Russian economic system and assesses the impact of the state of economic security of the Institute of small business on the level of economic security of Russia, emphasizing their correlation interdependence. Using normative analysis and methods of scientific abstraction, the paper shows the mechanisms and tools for achieving an optimal state of economic security used by the actors involved in the process, the key of which is the state. Based on factorial and dynamic analysis, the article substantiates the need to step up the own efforts of small businesses to ensure the sustainability and economic security of their businesses and to transfer this work to a systematic and scientifically based basis. The disclosure of the stated goal will increase the effectiveness of activities to ensure the sustainability and economic security of both the small business sector and the economy as a whole, and accelerate the achievement of national development goals.

Keywords: economic security of small business, small business entities, economic sustainability of small business, trends in the development of small business

УДК 338.45:504.06
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-76-82

Специфика формирования «зеленой» бизнес-модели организации в условиях импортозамещения

Нургалиев Р.К.
Доктор технических наук, доцент,
заведующий кафедрой систем автоматизации и управления технологическими процессами Казанского национального исследовательского технологического университета

Галимулина Ф.Ф.
Доктор экономических наук,
доцент кафедры логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университетат

Барсегян Н.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета

Юманкин И.А.
Младший научный сотрудник кафедры систем автоматизации и управления технологическими процессами Казанского национального исследовательского технологического университета

В условиях ужесточения требований в области охраны окружающей среды на смену традиционной бизнес-модели приходит «зеленая», преимущества которой обусловлены повышением инвестиционной привлекательности, репутации организации, лояльности клиентов. Санкционное давление также накладывает определенные ограничения на бизнес-модель российских организаций. Анализ научной литературы привел авторов к выводу о необходимости развития концепции «зеленой» бизнес-модели. В связи с чем целью научного исследования обозначено выявление специфики «зеленой» бизнес-модели, формируемой в условиях импортозамещения. Достижению цели способствовало решение следующих задач: изложение системного подхода к трактовке понятия «“зеленая” бизнес-модель», уточнение структурных элементов «зеленой» бизнес-модели, формирование ключевых характеристик программы перехода организации к «зеленой» бизнес-модели.

Научная значимость обусловлена развитием концептуальных положений «зеленой» экономики путем уточнения дефиниции «“зеленая” бизнес-модель» и актуальных направлений ее формирования и трансформации. Практическая значимость исследования заключается в разработке основных тезисов программы трансформации бизнес-модели, применимых в деятельности организаций, реализующих корпоративную стратегию устойчивого развития.

В результате исследования уточнено понятие «“зеленая” бизнес-модель», адекватное условиям коренной трансформации российской экономики, образованное на стыке концепции устойчивого развития, инновационной деятельности, импортозамещения и цифровизации; раскрыто содержание ключевых структурных блоков «зеленой» бизнес-модели организации, сфокусированное на аспектах экологизации, цифровизации, технологизации и импортозамещения; сформулированы положения по разработке и реализации программы перехода организации к «зеленой» бизнес-модели (этапы, цель, задачи, принципы), отличающиеся включением требований политики импортозамещения, что определяет новизну исследования. В качестве вывода озвучена необходимость системной и сбалансированной реализации инструментов повышения конкурентоспособности современной организации, включая мероприятия в области защиты окружающей среды, цифровизации, НИОКР, импортоопережения.

Ключевые слова: *«зеленая» бизнес-модель, «зеленые» технологии, устойчивое развитие предприятия, цифровизация, импортозамещение, импортоопережение*

Для цитирования: *Нургалиев Р.К., Галимулина Ф.Ф., Барсегян Н.В., Юманкин И.А. Специфика формирования «зеленой» бизнес-модели организации в условиях импортозамещения // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 76–82. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-76-82.*

Современные условия хозяйствования таковы, что организации вынуждены оперативно адаптироваться к динамично изменяющимся условиям, включая конъюнктуру рынка, технологические тенденции, предпочтения потребителей. Это требует непрерывной трансформации действующей бизнес-модели.

С позиции обеспечения конкурентных преимуществ традиционная бизнес-модель теряет свою привлекательность. Акцент на максимизации коммерческой выгоды, сопровождающийся игнорированием требований к защите окружающей среды, препятствует повышению конкурентоспособности. Напротив, репутация компаний, инвестиционная привлекательность, лояльность клиентов и партнеров растут при реализации экологических проектов, переводе бизнес-процессов в категорию экологически чистых, при переходе к экологичной модели («зеленой»). В центре внимания «зеленой» бизнес-модели лежит устойчивое развитие, реализация принципов циркулярной экономики.

Подобная экологическая трансформация подчинена стратегическим целям развития России. «Стратегией социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.» определена важность «зеленых» проектов, процедура их верификации в российских условиях, а также установлена цель – сокращение нетто-выбросов парниковых газов на 60 %, согласно интенсивному сценарию; отмечена значимость «умного» цифрового управления энергопотреблением [1]. Цель достижения углеродной нейтральности проецируется на мезо- и микросистемы, что и находит отражение в «зеленых» низкоуглеродных бизнес-моделях.

Однако в эпоху глобальной трансформации экономики предприятия столкнулись с ограничением импорта передовых технологий, включая «зеленые». Так же с уходом из России международной системы сертификации *I-REC* (*International Renewable Energy Certificate*) реальный сектор лишился возможности получения «зеленых» сертификатов, подтверждающих использование возобновляемых источников энергии.

Как следствие, в настоящее время требуется решение ряда стратегически важных проблем, включая поиск новых надежных партнеров, разработку российской системы сертификатов «зеленой» энергии и низкого углеродного следа.

Анализ научной литературы показал, что превалируют работы, сфокусированные на проблематике устойчивого развития (в том числе на уровне предприятия [2]), «зеленой» экономики [3], экономики замкнутого цикла [4; 5], «зеленого» предпринимательства [6], а вопросы построения «зеленой» бизнес-модели и «зеленых» бизнес-процессов пред-

ставлены редко [7; 8] или размыто, в связи с чем настоящее исследование направлено на развитие концептуальных положений в заявленной области.

«Зеленая» бизнес-модель – это модель, характеризуемая высоким экологическим эффектом и в которой традиционные ценности организации (эффективность, качество, технологичность, инновационность, автоматизация и др.) дополняют ценности концепции устойчивого развития, *ESG*. Бизнес-модель обретает «зеленый» характер при трансформации по меньшей мере одного из блоков (ценностного предложения, дохода, расширения ключевых видов деятельности и др.) путем внедрения «зеленых» инициатив [9; 10].

Следует отличать «зеленую» бизнес-модель от устойчивой, поскольку в первом случае целью является достижение углеродной нейтральности или низкоуглеродной модели, а во втором случае – сбалансированное развитие организации в экономической, экологической и социальной сферах.

Поскольку качественные улучшения и обновления существующей бизнес-модели являются новшеством для организации, то переход к «зеленой» бизнес-модели происходит в рамках инновационной деятельности хозяйствующего субъекта [11].

Современная «зеленая» бизнес-модель также базируется на цифровых технологиях как возможности непрерывного мониторинга экологических и других параметров и сквозного управления бизнес-процессами. Результат «умного» производства сопряжён с результатами экологических проектов и воплощен в виде продукции, соответствующей принципам устойчивого развития, оптимального ресурсопотребления и наименьшего отрицательного внешнего эффекта [12].

Кроме того, принимая во внимание антироссийские санкции, современная конкурентоспособная бизнес-модель должна учитывать также принципы импортозамещения и приоритет технологического суверенитета. С одной стороны, это ограничение, с другой – возможность развития.

Суммируя вышеизложенные аспекты, предложено рассматривать содержание «зеленой» бизнес-модели системно, как формируемое под влиянием экзо- и эндогенных факторов – устойчивого развития, инновационной деятельности, импортозамещения и технологического суверенитета, цифровизации (рис. 1).

Цели устойчивого развития достижимы для предприятий, имеющих и реализующих соответствующую корпоративную стратегию. К их числу относятся МКПАО «Объединенная компания “РУСАЛ”», ПАО «СИБУР Холдинг», ПАО «Газпром», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Горно-металлургическая компания “Норильский никель”» и др. Стремление к сбалансированному развитию экономической, экологической и социальной деятельности предприятия – базовый элемент «зеленой» бизнес-модели. Замыкая циклы водных, энергетических, материальных ресурсов, предприятия не только снижают углеродный след, но и повышают экономическую эффективность бизнес-процессов. Достижению целей устойчивого развития способствуют инновации, наилучшие доступные технологии, природоподобные технологии и другие передовые решения.

Переход к «зеленой» бизнес-модели осуществляется последовательно через реализацию программы инновационных проектов по внедрению возобновляемых источников энергии, технологий рециклинга, сокращению выбросов в атмосферу и водные объекты опасных отходов, переходу на менее опасные сырье и материалы, сокращению материальных затрат и др. Непрерывные инновации (процессные, продуктовые) повышают ценность производимой продукции для потребителя и конкурентоспособность организации.

По данным Росстата, количество разработанных «зеленых» производственных технологий в России ежегодно растет в среднем на 10 % (с 3,4 тыс. ед. в 2020 г. до 4,6 тыс. ед. в 2023 г.). За 2020–2023 гг. на долю данного типа разработок приходилось максимум 5,99 % (в 2021 г.), далее доля сократилась до 4,89 %. В контексте использования «зеленые» технологии не превышают 2 % в совокупном объеме передовых производственных технологий; доля стабильно росла в 2020–2023 гг. [13].

В последние годы приоритетным направлением деятельности предприятий являются проекты импортозамещения и технологического суверенитета (утверждены Постановлением Правительства РФ от 15.04.2023 г. № 603, в ред. от 06.11.2024 г. [14]), в том числе поиск местных поставщиков, разработка отечественных «зеленых» производственных технологий, а также локализация производства, существенное преимущество которой в контексте «зеленой» экономики заключается в сокращении углеродного следа, обусловленного изменениями

Рис. 1. Системный подход к трактовке понятия «зеленая» бизнес-модель (обобщено авторами)

в логистике и цепочках поставок за счет размещения производства в России. Кроме того, путем выведения на мировой рынок принципиально новых конкурентоспособных отечественных технологий Россия переходит от импортозамещения к импортоопережению.

Неотъемлемым элементом стратегии развития современного предприятия являются информационно-коммуникационные технологии, которые играют значимую роль:

– социальную: роботы, цифровые двойники способствуют повышению уровня промышленной безопасности;

– экономическую: предиктивная аналитика и машинное обучение позволяют повысить энергоресурсоэффективность;

– экологическую: облачные технологии позволяют сократить затраты на эксплуатацию ИТ-инфраструктуры; предиктивная аналитика позволяет оптимизировать бизнес-процессы с учетом критериев энергоресурсозатрат;

– корпоративную: бизнес-аналитика обеспечивает обоснованность и эффективность принятия «зеленых» решений, повышает скорость принятия подобных решений, информационно-коммуникационная платформа обеспечивает оперативный обмен информацией в рамках контура бизнес-модели.

Рассмотренные четыре составляющие формирования «зеленой» бизнес-модели реализуются в рамках проектной деятельности организации. Это проекты в сфере операционной деятельности, трансформации ценностного предложения, взаимодействия с клиентами или финансовой модели. В соответствии с шаблоном бизнес-модели Остервальдера и Пинье, авторами сформулированы ключевые структурные элементы с учетом системного подхода к трактовке понятия «“зеленая” бизнес-модель» (рис. 2), изложенного выше на рисунке 1. Акценты расставлены с учетом первостепенной важности экологических проектов и проектов рециклинга, формирования цифровой экосистемы (с подключением ключевых партнеров и клиентов к информационно-коммуникационной платформе организации), НИОКР и импортоопережения.

Другой проекцией трансформации является типология бизнес-моделей в зависимости от объекта «зеленого» проекта:

– управление жизненным циклом продукции с фокусом на минимизацию отходов, вторичную переработку, возобновляемые материалы – модель замыкания ресурсных циклов;

– разработка продукции, ее упаковки с учетом принципов «зеленой» экономики и устойчивого развития;

– внедрение «зеленых» производственных технологий по оборотному использованию водных ресурсов, отходов, возобновляемых источников энергии;

– корпоративная социальная ответственность;

– «зеленые» информационные технологии и ИТ-системы, включая сокращение количества персональных компьютеров, энергосберегающее оборудование для центров обработки данных, тонкие клиенты и др.

Вместе с тем «зеленая» бизнес-модель, являясь направлением стратегии устойчивого развития, требует разработки частной программы трансформации. Комплексный подход к формированию подобной программы включает четыре этапа: анализ, планирование, внедрение и оптимизацию (рис. 3). Циклический характер (подобно циклу Деминга) обеспечивает непрерывность трансформации бизнес-модели. Предложенный комплексный подход дополняет формулирование цели, задач и принципов программы.

Целью программы может быть обозначена трансформация бизнеса с ориентацией на создание «зеленых» ценностных предложений и формирование эффективной экосистемы на основе передовых технологий.

В качестве ключевых задач реализации программы можно выделить:

– повышение инновационной активности организации в сфере экологии и устойчивого развития;

– повышение энергоресурсоэффективности производственных процессов;

– сокращение нетто-выбросов парниковых газов;

– повышение уровня цифровизации бизнеса;

– повышение производительности труда;

Ключевые партнеры	Ключевые виды деятельности	Ценностные предложения	Взаимоотношения с клиентами	Потребительские сегменты
• «зеленые» цепи поставок; • местные поставщики сырья, оборудования; • местные поставщики программного обеспечения; • поставщики из дружественных стран; • логистические операторы; • инвесторы.	• маркетинг; • производство и упаковка; • цифровизация; • НИОКР. **Ключевые ресурсы** • возобновимые ресурсы; • персонал; • патенты; • репутация.	• «зеленые» производственные технологии; • экологически чистый продукт; • экологичная перерабатываемая упаковка.	• CRM-система; • блокчейн-технологии и др. **Каналы сбыта** • линейные; • циклические (вторичный рынок).	• B2B; • B2C; • B2G.
Структура издержек • производство и реализация; • оплата труда персонала; • маркетинговые исследования; • консультационные услуги; • управленческие расходы; • эксплуатационные расходы (оборудование, ПО и др.).			**Источники доходов** • реализация продукции и услуг; • выпуск ценных бумаг и др.	

Рис. 2. Содержание элементов «зеленой» бизнес-модели (построено авторами)

Рис. 3. Этапы реализации программы перехода организации к «зеленой» бизнес-модели (систематизировано авторами)

– повышение уровня безопасности на производственных площадках;

– повышение технологической независимости от зарубежных партнеров в рамках реализации мероприятий в области импортозамещения и импортоопережения;

– повышение качества продукции.

В перечень принципов реализации программы следует включить прежде всего:

– соответствие национальным целям и задачам, в том числе изложенным в программах развития отраслей промышленности, научно-технологического развития, стратегии низкоуглеродного развития;

– эффективность: достижение высокого экологического эффекта при оптимизации затрат ресурсов и максимизации доходов посредством инновационной деятельности и цифровизации бизнес-процессов;

– обоснованность принимаемых решений: «зеленые» проекты должны быть экономически целесообразными, основываться на всестороннем анализе законодательства (российского и иностранного), опыте российских и зарубежных компаний, детализированных данных о текущей деятельности и «узких» местах;

– предложение «зеленой» ценности: ядром «зеленой» бизнес-модели является экологическое ценностное предложение, вносящее вклад в защиту окружающей среды (экологически чистые продукты и услуги, востребованные потребителем, «зеленая» энергия);

– непрерывное совершенствование (улучшение): перманентный процесс поиска возможностей для снижения негативного воздействия деятельности организации на окружающую среду за счет внедрения малоотходных или безотходных решений, возобновляемых источников энергии, биоразлагаемых материалов и пр.;

– транспарентность: информационная открытость деятельности организации в области устойчивого развития, *ESG*-практики и реализации «зеленых» проектов, отражение целей и результатов в открытых источниках, что может повысить инвестиционную привлекательность бизнеса, лояльность клиентов;

– гибкость: оперативное реагирование бизнес-модели на изменения рынка, требования законодательства, предпочтения и ценности потребителя путем внедрения инновационных решений, цифровых технологий.

Переход к «зеленой» модели сопровождается различными факторами, препятствующими трансформации. К основным ингибиторам могут быть отнесены:

– сопротивление персонала изменениям в силу игнорирования значимости «зеленых» проектов, недостаточного понимания стратегии организации;

– отсутствие необходимых ресурсов;

– недостаток на рынке труда специалистов, «зеленых» кадров;

– ограниченный доступ к зарубежным технологиям;

– невостребованность «зеленого» ценностного предложения потребителем вследствие некорректной (неадекватной) прогностической модели, узкого набора данных, недостоверной информации;

– выход на рынок в условиях «алого океана» (высококонкурентный рынок), что предопределяет потерю доли рынка.

Обращая внимание на проблему кадрового обеспечения «зеленой» бизнес-модели, следует подчеркнуть роль образования в подготовке специалистов – «зеленых воротничков» («*the green collars*»), компетентных в сфере энергоэффективности (предприятия любых отраслей функционируют на базе энергоресурсов, что определяет специалистов в области энергосбережения как универсальных «зеленых воротничков») [15]. Компетенции базируются на «зеленом» мышлении. Задача его развития в обществе возлагается на кооперацию бизнес-сообщества, науки и образования [16]. Так, Фонд имени В.И. Вернадского реализует подготовку кадров по пяти траекториям: экологическое проектирование и наставничество (стипендиальные программы), экопросвещение в медиа, игровой формат экопрактик, развитие экологического патриотизма (конкурсы) и экологическое партнерство (совместные тематические проекты и инициативы) [17].

Обобщая вышеизложенное, становится очевидным тот факт, что формирование «зеленой» бизнес-модели нельзя рассматривать изолированно от текущих экономических проблем. Напротив, системный взгляд на источники конкурентоспособности бизнес-модели организации должен охватывать ключевые направления развития и обеспечить сбалансированную реализацию комплекса мероприятий (экологизации, цифровизации, технологизации) с учетом ограниченных ресурсов и растущего спроса на продукцию отечественных производителей,

динамичного изменения технологий и предпочтений потребителя, целей и задач промышленной политики.

Следующий заключительный тезис состоит в обусловленности успеха формирования «зеленой» бизнес-модели наличием в организации согласованной программы, которая должна содержать корректно сформулированные цель, задачи, этапы, принципы, риски трансформации и другие положения, определяющие ясность и прозрачность инициативы.

Ключом к успеху реализации «зеленой» бизнес-модели являются кадры с «зеленым» мышлением, способные продвигать и внедрять в практику экологические идеи и проекты, привлекать внимание общества к формированию «зеленых» знаний. При этом задачей специалистов в организации должно быть формирование рационального портфеля «зеленых» проектов для «мягкой» трансформации бизнес-модели.

Перспективы исследования заключаются в разработке методических решений и математических моделей по исследованию отраслевой специфики «зеленой» бизнес-модели в российских организациях.

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р «О Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СПС КонсультантПлюс.
2. Калинина О.В., Васильев А.С. Современные методы поддержания устойчивого развития организации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 5. № 3 (144). С. 13–19.
3. Никитин Г.С., Осьмаков В.С., Скобелев Д.О. «Зеленая» экономика. Совершенствование институциональной инфраструктуры // Компетентность. 2017. № 3 (144). С. 29–33.
4. Авилова В.В. Переход к экономике замкнутого цикла как ведущий тренд инновационного развития и формирования нового технологического уклада // Инновационное развитие экономики. 2021. № 5 (65). С. 12–20.
5. Кряжев А.М., Гусева Т.В., Тихонова И.О., Очеретенко Д.П., Алмгрен Р. Целлюлозно-бумажное производство: устойчивое развитие и формирование экономики замкнутого цикла // Экология и промышленность России. 2020. Т. 24. № 11. С. 48–53.
6. Кожевина О.В., Беляевская-Плотник Л.А. Формирование моделей «зеленого» предпринимательства на основе сегментации рынка с учетом принципов ответственного потребления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13. № 1. С. 111–125.
7. Горгишели М.В., Волкова И.О. Трансформация бизнес-моделей генерирующих компаний на российском электроэнергетическом рынке // ЭКО. 2023. № 4. С. 117–133.
8. Мишулина С.И. Зеленая трансформация бизнес-моделей предприятий индустрии туризма // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24. № 4. С. 106–118.
9. Kraus S., Rehman S.U., García F.J.S. Corporate social responsibility and environmental performance: The mediating role of environmental strategy and green innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 160. Art. 120262.
10. Lee M.-J., Choi H., Roh T. Is institutional pressure the driver for green business model innovation of SMEs? Mediating and moderating roles of regional innovation intermediaries // Technological Forecasting and Social Change. 2024. Vol. 209. Art. 123814.
11. Jorzik P., Antonio J.L., Kanbach D.K., Kallmuenzer A., Kraus S. Sowing the seeds for sustainability: A business model innovation perspective on artificial intelligence in green technology startups // Technological Forecasting and Social Change. 2024. Vol. 208. Art. 123653.
12. Нургалиев Р.К., Шинкевич А.И. Логико-информационная модель управления процессами «умного» производства // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2021. Т. 23. № 2 (100). С. 29–36.
13. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 29.11.2024)
14. Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 г. № 603 (ред. от 06.11.2024) «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета

и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
15. Lebedev Y., Anufriev V., Lebedeva T., Kaminov A., Yachmenyova A. Professional Training of Future Green Economy Specialists and Strategic Priorities for Sustainable Subsurface Management // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 214. P. 657–666.
16. Антропов В.А., Марущак Т.Б. Кадровое обеспечение «зеленой» экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 41–44.
17. Кадры для зелёной экономики: Фонд Вернадского на COP29 о развитии экологического мышления // Официальный сайт Неправительственного экологического фонда имени В.И. Вернадского. URL: https://vernadsky.ru/novosti/bez-opredelennoj-tematiki/2024/kadry-dlya-zelyonoj-ekonomiki-fond-vernadskogo-na-cop29-o-razvitii-ekologicheskogo-myshleniya

The Specifics of a "Green" Business Model Formation of the Organization in the Context of Import Substitution

Nurgaliev R.K., Galimulina F.F., Barsegyan N.V., Yumankin I.A.
Kazan National Research Technological University

In the context of stricter requirements in the field of environmental protection, the traditional business model is being replaced by a "green" one, the advantages of which are due to increased investment attractiveness, the reputation of the organization, and customer loyalty. The sanctions pressure also imposes certain restrictions on the business model of Russian organizations. The analysis of the scientific literature led the authors to the conclusion that it is necessary to develop the concept of a "green" business model. In this regard, the purpose of the scientific research is to identify the specifics of the "green" business model formed in the context of import substitution. The achievement of the goal was facilitated by the solution of the following tasks: the presentation of a systematic approach to the interpretation of the concept of a "green" business model, the clarification of the structural elements of a "green" business model, the formation of key characteristics of the organization's transition program to a "green" business model. The scientific significance is due to the development of the conceptual provisions of the "green" economy by clarifying the definition of the "green business model" and the current directions of its formation and transformation. The practical significance of the research lies in the development of the main theses of the business model transformation program, applicable in the activities of an organization implementing a corporate strategy for sustainable development.

As a result of the study, the concept of a "green" business model is clarified, adequate to the conditions of the radical transformation of the Russian economy, formed at the junction of the concept of sustainable development, innovation, import substitution and digitalization; the content of the key structural blocks of the "green" business model of the organization is revealed, focused on aspects of greening, digitalization, technologization and import substitution; The provisions on the development and implementation of the organization's transition program to a "green" business model (stages, goals, objectives, principles) are formulated, differing in the inclusion of import substitution policy requirements, which determines the novelty of the study. As a conclusion, the need for a systematic and balanced implementation of tools to increase the competitiveness of a modern organization, including measures in the field of environmental protection, digitalization, R&D, and import conservation, is voiced.

Key words: «green» business model, «green» technologies, sustainable enterprise development, digitalization, import substitution, import conservation

УДК 336
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-83-91

Проблемы целеполагания и оценки налоговых расходов в среднесрочном периоде

Полякова О.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Демидова С.Е.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность учета и оценки упущенных доходов бюджета, связанных с налоговым стимулированием, обусловлена интегрированием концептуальных положений о налоговых расходах в систему управления государственными финансами большинства стран. Как выпадающие доходы бюджета налоговые расходы должны способствовать возникновению положительных социально-экономических эффектов, отдаче в средне-и долгосрочной перспективе.

Цель исследования – на основе системного анализа выявить проблемы оценки налоговых расходов, риски изменения их объемов в среднесрочном периоде. Задачи исследования решены через разделение налоговых расходов на группы по ресурсному и программному признакам, выявление отклонений в процессе анализа структуры, динамики, прогноза налоговых расходов в период 2021–2027 гг. Информационную и аналитическую базу исследования составили положения документов по управлению налоговыми расходами, прогнозные документы, информационные системы, официальные сайты международных организаций и органов власти. Научная значимость исследования состоит в предложенном классификационном подходе. Практическая значимость включает направления реализации программных принципов и донастройки механизма управления налоговыми расходами через развитие информационной системы.

В ходе исследования выявлены экономические и фискальные риски изменения объемов выпадающих доходов бюджета. Экономические риски связаны с замедлением мировой экономической динамики, наращиванием добычи экспортного сырья странами-нефтеэкспортерами. Фискальные риски связаны в первую очередь с повышением ставки по налогу на прибыль организаций. С высокой долей вероятности рост налоговой нагрузки повлечет расширение косвенных мер государственной поддержки экономических субъектов через налоговые механизмы. Среди внутренних факторов – необходимость реализации программных и проектных документов в условиях дефицитности федерального бюджета и высоких процентных ставок, ограничивающих использование государственных заимствований.

Ключевые слова: *налоговые расходы, государственные программы, упущенные доходы бюджета, нефтегазовые налоговые расходы, ненефтегазовые налоговые расходы*

Для цитирования: *Полякова О.А., Демидова С.Е. Проблемы целеполагания и оценки налоговых расходов в среднесрочном периоде // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 83–91. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-83-91.*

Эффективное использование ограниченных государственных ресурсов требует тщательного управления любым типом государственных расходов. В системе управления государственными финансами правительства разных стран используют инструментарий налоговых расходов – отклонения от базовой налоговой системы – для предоставления финансовой поддержки или льгот отдельным лицам и организациям, другим хозяйствующим субъектам. Бюджетное воздействие налоговых расходов может быть аналогичным влиянию прямых расходов и в отдельных случаях достигает значительных объемов, сопоставимых с объемами бюджетного финансирования отдельных отраслевых программ.

Отражение в отчетных документах оценок влияния налоговых расходов на бюджетные и экономические параметры является отправной точкой для принятия решений о целесообразности применения конфигурации налоговых стимулов [1]. Управленческие усилия по улучшению систематической количественной оценки упущенных доходов продвинулись за последнее десятилетие, однако это не обеспечивает гарантирование эффективного расходования средств. Донастройка инструмента должна обеспечивать включение прогнозной оценки на весь период действия программно-проектных документов, сопряженность системы документов, сплошную оценку эффективности налоговых расходов, создание открытого информационно-аналитического портала.

Учитывая особенности федеративного устройства, принципиальные различия в налоговой базе, структурную специфику экономики, представляется целесообразным рассмотреть подходы к управлению налоговыми расходами на национальном и федеральном уровнях.

Целью данной работы является анализ структуры, динамики произведенных налоговых расходов, прогнозных объемов налоговых расходов на среднесрочный период, их встроенность в программно-проектное управление государственными финансами.

С экономической точки зрения налоговые расходы схожи в большей мере с расходами бюджета. Они отражают политический выбор, направленный на поощрение определенного поведения, оказывая влияние, как предполагается, на решения, принимаемые отдельными экономическими субъектами. Учитывая, что бенефициары (получатели налоговых льгот) могли бы сделать выбор или показать определенную динамику хозяйственной деятельности и без применения дополнительных налоговых стимулов, точно оценить эффективность конкретных налоговых расходов достаточно сложно. Однако проводить такую оценку необходимо, поскольку налоговые расходы, сокращая поступления в бюджет, могут приводить к дефициту бюджета, если расходы бюджета превысят общий объем доходов.

Учитывая нарастание среднего значения налоговой нагрузки на экономику (рис. 1), управление налоговыми расходами и оценка эффективности становятся все более актуальной задачей.

Средний уровень налоговой нагрузки в странах ОЭСР за последние семьдесят лет постепенно возрастает, наиболее значительно – с 1965 до 2000 гг., – вместе с повышением роли государства в экономике, вызванной чередой кризисов. Линия тренда объясняет около 56 % вариации в данных (R^2 = 0,5598) и указывает на определенную закономерность в нарастании налоговой нагрузки, так как может объяснить более половины изменений. Однако значительная часть (44 %) вариации остается необъясненной и может зависеть от множества факторов. В 2022 г. доля налоговой нагрузки незначительно снизилась к предыдущему году, что очевидно связано со сменой политик бюджетного стимулирования и бюджетной консолидации.

Несмотря на то что существует мнение о противоречивости налоговых расходов и принципов хорошей практики [2], налоговые стимулы применяются во всех странах и часто имеют значительные размеры.

По оценкам, сокращение налоговых поступлений вследствие введения налоговых стимулов в среднем составляет около 4 % ВВП среди стран, раскрывающих информацию, при этом некоторые страны вве-

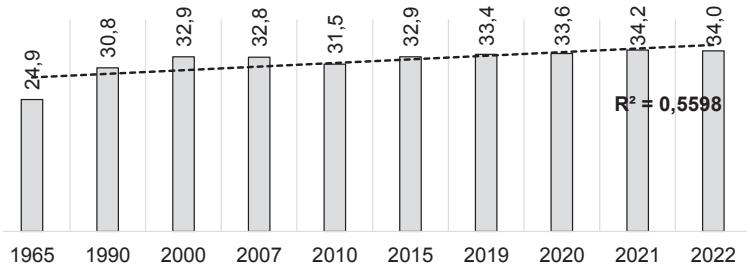

Рис. 1. Средний уровень налоговой нагрузки в странах ОЭСР в период 1965–2022 гг., % ВВП

Источник: составлено на основе данных https://www.oecd-ilibrary.org/

ли более чем на 10 % льготный налоговый режим для конкретных секторов, компаний и лиц[1].

В региональном разрезе наибольшие объемы налоговых расходов характерны для стран Северной Америки (в среднем 6,5 % ВВП), в разрезе стран по уровню доходов – для стран с высоким уровнем дохода (в среднем 4,7 % ВВП). При этом для всех групп стран отмечается снижение объемов налоговых расходов в 2022 году относительно ВВП (рис. 2). Оценки могут оказаться заниженными в связи с возможными различными подходами к учету и идентификации налоговых расходов [3].

Анализ объемов налоговых расходов в отдельных зарубежных странах за последние три года показал разнонаправленную тенденцию. В отдельных странах налоговые расходы в процентном отношении к ВВП возросли (например, Австрия, Бразилия, Болгария, Кипр, Венгрия, Исландия, Италия), в других, наоборот, снизились (например, Армения, Канада, Финляндия, Индия, Индонезия, Нидерланды, Нигерия, Южная Африка, Тайвань, Турция, Великобритания, США). Самым незначительным объемом налоговых расходов отличаются Болгария, Германия, Индия и Эстония. Эти страны имеют разный уровень развития, отличаются экономическим потенциалом и географией. Таким образом, развитие инструмента зависит от выбранной налогово-бюджетной политики, внедрения новых принципов управления государственными финансами, в том числе программно-целевого бюджетирования.

Оценки налоговых расходов необходимы для принятия решений в процессе управления. С технической точки зрения, оценка конкретного налогового расхода связана с выбором и обоснованностью методики, доступностью и релевантностью данных, при возможностях – выявлении поведенческих реакций. С системной точки зрения, под оценкой налоговых расходов понимается процесс, который позволяет информировать всех заинтересованных лиц о целесообразности введения или сохранения налоговых льгот путем анализа имеющейся информации для достижения социально-экономических эффектов. Как отмечают эксперты, оценка должна быть сосредоточена на цели политики налоговых расходов [4]. Кроме того, за счет предоставления большего объема информации об эффективности результатов политики налоговых расходов в открытом доступе может быть повышена фискальная прозрачность [5].

Системе управления налоговыми расходами и их оценке на национальном уровне посвящено достаточное количество исследований как в зарубежных странах [6–9], так и в российской научной юрисдикции [10; 11]. Характерная особенность отечественных исследований – широкий интерес к проблеме на региональном уровне [12; 13]. При этом федеральные налоговые расходы и управление ими в условиях программно-целевого подхода предметно рассматривались в единичных работах.

Информационную и аналитическую базу исследования составляют положения документов стратегического планирования и программирования, государственные статистические базы данных, бюджетная отчетность, информация государственных информационных систем и официальных сайтов органов государственной власти. На первом этапе исследованы динамичные показатели налоговых расходов в период 2021–2027 гг. На втором – проведен анализ налоговых расходов в структурном разрезе. На третьем этапе проведена оценка сопоставимости показателей налоговых расходов в различных документах. На четвертом – систематизированы проблемы и сформулированы предложения по повышению управляемости системой налоговых расходов в целях получения большей отдачи от использования инструмента.

Согласно оценке налоговых расходов за предыдущий, текущий и планируемый периоды[2] объемы налоговых расходов федерального бюджета в абсолютном выражении ежегодно возрастают, при этом в относительном выражении доля составляет в среднем 4,3 % ВВП на семилетнем горизонте и около 4,4 % в 2025–2027 гг. (табл. 1).

Значительный прирост объемов налоговых расходов год к году отмечен в 2022 г., что было связано с расширением мер государственной поддержки отечественных производителей в ответ на санкционные ограничения, и в 2024 г., в связи с реализаций задач структурной

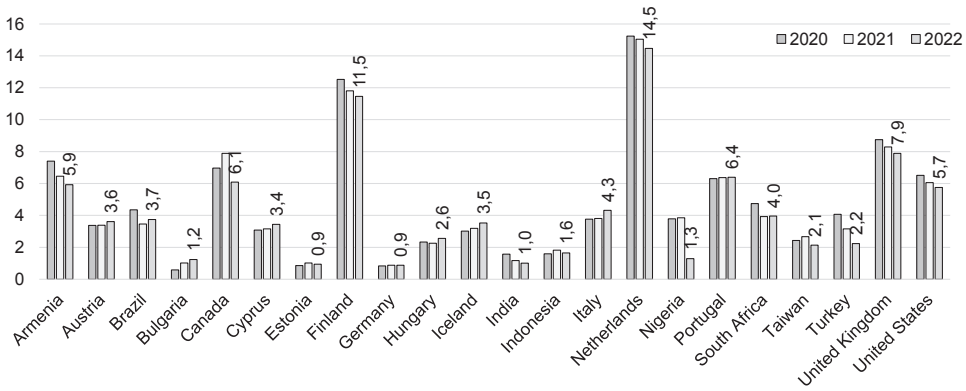

Рис. 2. Объемы общих налоговых расходов в зарубежных странах в период 2020–2022 гг., % ВВП[1]

[1] GTED. URL: https://gted.net/ (дата обращения: 05.11.2024)

[2] Отчёт об оценке налоговых расходах Российской Федерации за 2023 год, Оценки налоговых расходов Российской Федерации на 2024 год и оценки налоговых расходов Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов (далее – Отчет об оценке налоговых расходов).

Таблица 1

Динамика и структура налоговых расходов федерального бюджета в период 2021–2027 гг.

Показатели	2021 г. (отчёт)	2022 г. (отчёт)	2023 г. (отчёт)	2024 г. (отчёт)	2025 г. (проект)	2026 г. (проект)	2027 г. (проект)
Налоговые расходы, млрд руб.	5 432,3	6 453,9	6 819,9	8 095,9	9 390,7	10 093,1	10 942,3
% к ВВП	4,1	4,4	4,0	4,1	4,4	4,4	4,4
% прироста год к году		18,8	5,7	18,7	16,0	7,5	8,4
Структура налоговых расходов по укрупненным видам							
Нефтегазовые налоговые расходы, млрд руб.	2 939,1	3 640,6	3 895,8	4 729,4	5 638,4	6 084,0	6 634,4
% к общему объему	54,1	56,4	57,1	58,4	60,0	60,3	60,6
% прироста год к году		23,9	7,0	21,4	19,2	7,9	9,0
Ненефтегазовые налоговые расходы, млрд руб.	2 493,2	2 813,4	2 924,1	3 366,5	3 752,4	4 009,2	4 307,8
% к общему объему	45,9	43,6	42,9	41,6	40,0	39,7	39,4
% прироста год к году		12,8	3,9	15,1	11,5	6,8	7,4
Структура налоговых расходов по программному признаку							
Программные налоговые расходы, млрд руб.	4 359,6	5 228,3	5 455,1	6 514,7	7 682,9	8 267,7	8 979,8
% к общему объему	80,3	81,0	80,0	80,5	81,8	81,9	82,1
Непрограммные налоговые расходы, млрд руб.	1072,7	1225,6	1364,8	1581,2	1707,8	1825,4	1962,5
% к общему объему	19,7	19,0	20,0	19,5	18,2	18,1	17,9

Источник: составлено на основе данных Отчёта об оценке налоговых расходов Российской Федерации за 2023 г., оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2024 г. и оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг., Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.

перестройки экономики, поддержкой отдельных отраслей (авиаотрасли, туризма и др.), запуском проектов технологического суверенитета. Сопоставимый прирост налоговых расходов прогнозируется в 2025 г. (на 16 %) с дальнейшим сокращением темпов прироста в плановом периоде.

В структуре налоговых расходов федерального бюджета по укрупненным видам (табл. 1) очевиден приоритет поддержки производителей сырьевого сектора экономики, доля нефтегазовых налоговых расходов составляет около 60 % в 2025–2027 гг. Такая структура отражает полномочия федерального уровня по управлению нефтегазовыми поступлениями от налогов и сборов. В общем объеме налоговых расходов Российской Федерации доля нефтегазовых налоговых расходов меньше и составляет около 42 % на планируемый период 2025–2027 гг., но также характеризуется поступательным ростом как в абсолютном, так и в относительном выражении (рис. 3). В целом похожая динамика наблюдается по налоговым расходам по страховым взносам, поступающим в бюджеты государственных внебюджетных фондов.

Темпы прироста нефтегазовых налоговых расходов превышают темпы прироста ненефтегазовых в рассматриваемом периоде (за исключением прогноза показателей на 2026 г.). Прогнозируемое сужение льгот в ненефтегазовом секторе на фоне налоговых изменений отражает повышение совокупной фискальной нагрузки на этот сектор, однако геополитические риски (действия недружественных стран, снижение общемировых цен на углеводороды, введение ценовых потолков) могут повлиять на корректировку нагрузки в сторону ее снижения.

В 2025 г. доля нефтегазовых налоговых расходов в общем объеме составит 41,5 % с незначительным увеличением на 0,4 % к 2027 г. Ведущими факторами остаются «налоговой маневр», включающий обнуление предельной ставки экспортной пошлины на нефть и увеличение базовой ставки налога на добычу полезных ископаемых (далее – НДПИ),

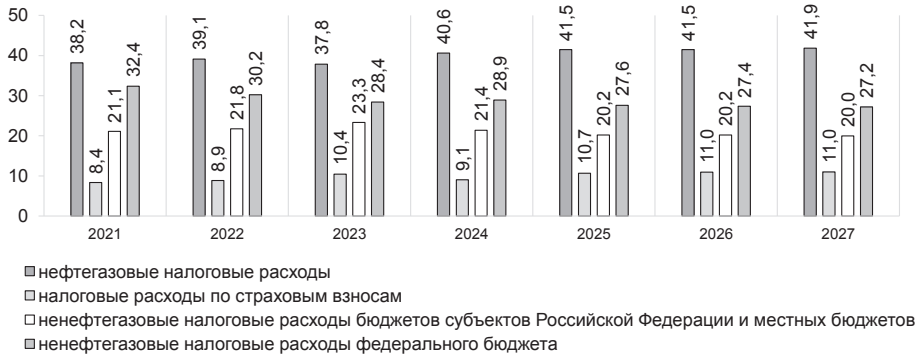

Рис. 3. Структура налоговых расходов Российской Федерации в 2021–2027 гг., %

Примечание: налоговые расходы не включают страховые взносы.
Источник: составлено на основе данных Отчёта об оценке налоговых расходов.

корректировка льготных режимов при добыче сырья, распространение режима НДД на Арктическую зону (рис. 4).

В динамике отмечается устойчивый рост доли объема добычи нефти, облагаемой НДД (с 9 % в 2019 г. до 46 % в 2023 г.), соответственно, растут выпадающие доходы федерального бюджета (с 283 млрд руб. в 2019 г. до порядка 1 трлн руб. в 2023 г.).

Нестабильность цен и поставок на энергетическом рынке, неустойчивость обменного курса обуславливают сложность прогнозирования объемов и структуры нефтегазовых налоговых льгот и оценки их стимулирующего эффекта. Ценовые колебания, возможные срывы поставок и корректировка объемов сырья повлекут дополнительные потребности в поддержки сектора. В базовом сценарии Прогноза СЭР 2025–2027 гг. учтен более высокий уровень мировых цен на нефть (81,7 долл. за баррель в 2025 г., 77 долл. за баррель в 2026 г.), чем в проекте направлений единой денежно-кредитной политики Банка России [14], где цена за баррель в среднем прогнозируются на 2 долл. ниже. При этом международные агентства уже в 2025 г. прогнозируют снижение цены до 70 долл. за баррель (*Fitch*) и даже до 60 долл. (*Citibank*) в связи с заявлениями стран ОПЕК+ о наращивании мировых запасов сырой нефти. Полагаем, что объем нефтегазовых налоговых расходов должен быть оценен с учетом корректировки прогнозной динамики цен.

Расширение объемов налоговых расходов предполагает увеличение стимулирующего эффекта от их применения через ускоренный рост частных инвестиций выше темпа роста экономики. Согласно Прогнозу СЭР 2025–2027 гг. [15] в базовом варианте прирост инвестиций в 2025 г. сокращается и составит 2,1 % (что ниже прогнозируемого темпа прироста ВВП в 2,5 %), на 2026–2027 гг. – 3,0 % и выше. В консервативном варианте прирост инвестиции в 2025 г. менее 1 %, в 2026 г. – показатель отрицательный, в 2027 г. – 3,0 %.

Риски снижения инвестиционной активности при повышении ставки налога на прибыль до 25 % в условиях жесткой денежно-кредитная политики частично могут быть снивелированы введением новых стимулирующих налоговых льгот в форме федерального инвестиционного налогового вычета (далее – ФИНВ). В проекте постановления Правительства Российской Федерации о ФИНВ[3] предлагается установить вычет в размере 6 % от объема инвестиций для пяти отраслей по ОКВЭД: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электроэнергией, газом и паром, кондиционирование воздуха, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, научные исследования и разработки. Предварительная оценка объема ФИНВ – около 10 % от дополнительных поступлений налога на прибыль после роста ставки с 20 до 25 %, что в среднем составляет более 50 % от оценки налоговых расходов федерального бюджета по налогу на прибыль.

При этом предприятия, реализующие проекты технологического суверенитета, могут претендовать на альтернативные (прямые) меры поддержки – через субсидирование процентных ставок по кредитам.

Значительные объемы налоговых расходов при формировании бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ подчеркивают задачу рассмотрения налоговых расходов неразрывно с прямыми расходами бюджета (табл. 2).

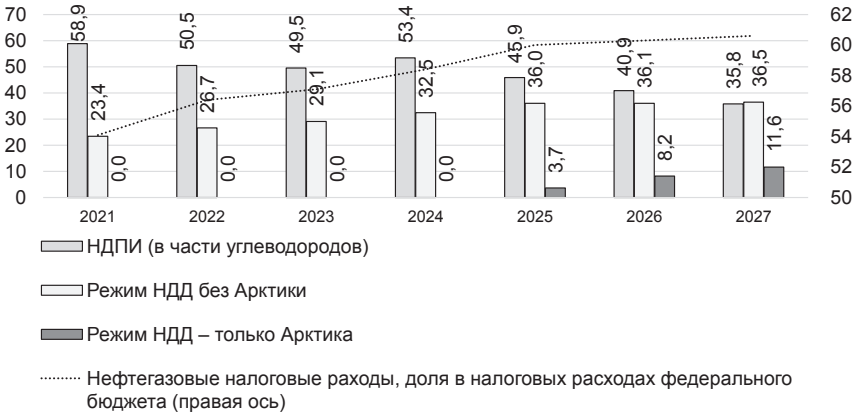

Рис. 4. Структура нефтегазовых налоговых расходов (по левой оси) и динамика нефтегазовых налоговых расходов в общем объеме налоговых расходов федерального бюджета (по правой оси), в 2021–2024 гг., %

Примечание: в график не включены показатели налоговых расходов по налогу на имущество организаций (в рамках спецрежима для добычи на морских месторождениях) и налогу на прибыль организаций (в рамках строительства (бурения) разведочной скважины на месторождениях углеводородного сырья), на всем периоде их значения сопоставимы и находятся в диапазоне 0,1 %.

Источник: составлено на основе данных Отчёта об оценке налоговых расходов.

Структура налоговых расходов по программному признаку характеризуется сокращением объема налоговых расходов, не отраженных в государственных программах Российской Федерации, около 18 % в общем объеме налоговых расходов федерального бюджета, однако оптимальным можно считать нераспределенную долю менее 15 %.

Программная структура налоговых расходов отражает приоритетность направления «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство», в котором более 95 % налоговых расходов

[3] Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О параметрах применения федерального инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций» https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=106746#4ELBQQUQeuBWS7o4.

Таблица 2

Доля налоговых расходов Российской Федерации в объеме финансирования государственных программ в период 2024–2027 гг.

Показатели	2024 г. оценка	2025 г. проект	2026 г. проект	2027 г. проект
Расходы на реализацию государственных программ, всего	36,7	45,2	47,5	36,7
Сохранение населения, здоровье и благополучие людей	11,9	12,7	13,0	11,9
Возможности для самореализации и развития талантов	32,4	37,9	34,8	32,4
Комфортная и безопасная среда для жизни	37,9	35,7	39,1	37,9
Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство	148,9	153,5	154,9	148,9
Развитие науки, промышленности и технологий	14,9	14,3	13,0	14,9
Цифровая трансформация	106,7	141,7	158,5	106,7
Расходы на реализацию государственных программ, всего	13,5	15,7	16,8	13,5

Источник: составлено на основе данных Отчёта об оценке налоговых расходов Российской Федерации за 2023 г., оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2024 г. и оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг., Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг., Основных направлений бюджетной налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг., Пояснительной записки к проекту федерального бюджета на 2025 и на плановый период 2026 и 2027 гг., Распоряжения Правительства Российской Федерации от 11.11.2020 № 1950-р (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024).

приходится на государственную программу Российской Федерации «Развитие энергетики», в общем объеме налоговых расходов на долю программы приходится 57 % в 2025 г. и более 60 % в 2027 г.

На втором месте по объему налоговых расходов – направление «Комфортная и безопасная среда для жизни», в котором более 91 % налоговых расходов приходится на государственную программу Российской Федерации «Развитие транспортной системы». В общем объеме налоговых расходов на долю программы приходится менее 5 % в 2025 г., в 2027 г. по сравнению с 2021 г. доля прогнозируется к сокращению в 2 раза (4,6 против 9,2 %).

Высоким темпом прироста налоговых расходов по направлению «Возможности для самореализации и развития талантов» характеризуется государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма». В общем объеме налоговых расходов на долю программы приходится около 1,2 %, что связано с повышением значимости отрасли в экономике и необходимостью достижения показателя национальной цели по увеличению к 2030 г. доли туристской отрасли до 5 % в ВВП.

Общая величина выпадающих доходов по отрасли туризма за 2022–2023 гг. увеличилась с 13,0 млрд руб. до 35,0 млрд руб. (в 2,7 раза), главным образом за счет увеличения сумм налоговых льгот, при этом операционная рентабельности в 2023 г. увеличилась на 7,0 %. Кроме того, уже расширены основания освобождения от НДС услуг гостиниц с 1 сентября 2024 г. и объявлено решение о продлении мер «налоговой» поддержки средств коллективного размещения в форме обнуления ставки НДС до 2030 г.[4]

Риски в системе управления налоговыми расходами связаны с несогласованностью документов и значительными отклонениями в прогнозируемых объемах налоговых расходов, не связанных с изменениями в системе налогов и налоговых стимулов. Так, например, в Отчёте об оценке налоговых расходов и паспортах государственных про-

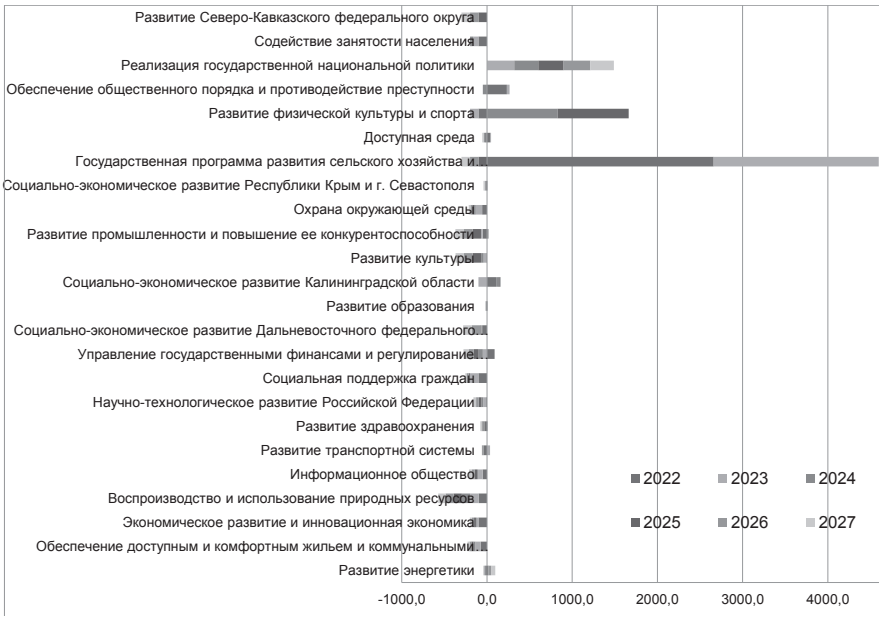

Рис. 5. Отклонения значений налоговых расходов в паспортах государственных программ и в Отчёте об оценке налоговых расходов, %

Источник: составлено на основе данных Отчёта об оценке налоговых расходов, паспортов государственных программ, представленных к законопроекту о федеральном бюджете на 2025 г. и плановый период 2026–2027 гг.

[4] Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства. 17 ноября 2024 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/75592.

грамм Российской Федерации, представленных к законопроекту № 727320-8 (о федеральном бюджете на 2025 г. и плановый период 2026–2027 гг.), отклонения составляют более 2800 % уже за прошедший период (рис. 5).

Скорость донастройки налоговой политики при отсутствии сплошной оценки эффективности предоставляемых налоговых льгот продуцирует риски потерь в учете финансовых ресурсов, необходимых для реализации программных целей. Темп прироста налоговых расходов оказываются выше, чем темпы прироста ВВП и доходов федерального бюджета (табл. 3).

Темпы прироста налоговых расходов федерального бюджета превышают темпы прироста налоговых расходов во временном периоде 2022–2027 гг. за исключением оценок за 2024 г. В прогнозном периоде это создает риски сбалансированности бюджета и требует повышения качества управления налоговыми расходами в предстоящий период.

Проведенная оценка эффективности действующих инвестиционных налоговых льгот[5], по результатам которых подготовлен проект федерального закона, отражает необходимость пересмотра преференциальных налоговых режимов на территориях с особым экономическим статусом, основной механизм которых связан с предоставлением налоговых льгот (возникновением налоговых расходов).

Ключевой проблемой для большинства таких территорий является сверхдоходность получателей мер поддержки (например, для ТОР в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) – 35 %; РИП в ДФО – 86 %). Доля инвестиционных налоговых льгот и неналоговых мер поддержки в общей величине выпадающих доходов бюджетной системы для резидентов ТОР в ДФО составляет около 50 %. Положительным результатом является снижение сверхдоходности резидентов РИП вне ДФО с 44,8 до 34,2 % год к году. По ОЭЗ сверхдоходность более 73,1 % характерна для резидентов ОЭЗ портового типа, более 50 % – для резидентов технико-внедренческих зон. При этом сверхдоходность ОЭЗ туристско-рекреационного типа составляет только 10,4 %. Таким образом, анализ эффективности стимулирующих налоговых расходов показывает наличие резервов сокращения объемов выпадающих доходов бюджетов (или перераспределения мер государственной поддержки) на приоритетные направления.

Налоговые расходы, с точки зрения влияния на достижение целей, можно условно разделить на три категории: относительно нейтральные, компенсирующие встречные потоки, направленные на социальную поддержку определенных категорий населения; приносящие пользу только определенной группе организаций корпоративного сектора.

В части отражения информации об объемах налоговых расходов данные в паспортах государственных программ являются не полными как в части включения информации, так и в части периода оценки, поскольку не отражают весь период действия госпрограмм. Кроме того, информация об объемах налоговых расходов противоречива, относительно иных формируемых документов отклонения с Отчетом о налоговых расходах за прошедший период составляют по отдельным программам более 2800 %.

На систему и качество оценки выпадающих доходов бюджета – налоговых расходов – помимо внутренних причин оказывают влияние внешние риски, лежащие в плоскости экономики и фискальных решений.

Экономические риски изменения объемов выпадающих доходов федерального бюджета при анализе налоговых расходов связаны с замедлением мировой экономической динамики, наращиванием добычи экспортного сырья странами-нефтеэкспортерами, что может снизить спрос и цены на экспортные товары и потребовать дополнительных мер государственной поддержки предприятий нефтяной промышленности.

Фискальные риски изменения объемов выпадающих доходов связаны в первую очередь с повышением став-

Таблица 3

Темпы прироста ВВП, доходов федерального бюджета, налоговых расходов в период 2022–2027 гг.

Показатели	2022 г. отчет	2023 г. отчет	2024 г. оценка	2025 г. проект	2026 г. проект	2027 г. проект
Доходы федерального бюджета, прирост год к году, %	109,5	105,2	124,0	111,6	103,8	103,1
Налоговые расходы Российской Федерации, прирост год к году, %	120,8	110,7	113,1	116,7	107,9	108,1
Налоговые расходы федерального бюджета, прирост год к году, %	118,9	106,1	114,8	117,6	111,5	111,8

Источник: составлено на основе данных Отчёта об оценке налоговых расходов Российской Федерации за 2023 г., оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2024 г. и оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг., Основных направлений бюджетной налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.

[5] Приложения к Основным направлениям бюджетной налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. https://sozd.duma.gov.ru/bill/448554-8 (так документ поименован в перечне размещенных на портале Государственной Думы Российской Федерации однако ссылка на приложение в головном документе отсутствует).

ки по налогу на прибыль организаций до 25 %. С высокой долей вероятности рост налоговой нагрузки повлечет расширение косвенных мер государственной поддержки экономических субъектов через налоговые механизмы. В их числе льготы для IT-компаний (введение до 2030 г. пониженной ставки в 5 % по налогу на прибыль), поддержка организаций в сфере туризма (строительство объектов инфраструктуры), инвестиционные налоговые вычеты, включая возможное продление срока их действия, «мягкая» амортизация (повышающий коэффициент при приобретении оборудования и на проведение НИОКР), в первую очередь для высокотехнологичных проектов.

В качестве предложений можно рассмотреть создание единой информационной среды и регулярный мониторинг со стороны пула экспертов, задачей которого может быть повышение согласованности и сопоставимости данных. Процессы оценки могут быть адаптированы к различным уровням доступности данных и аналитической емкости с минимальным требованием применения структурированной анкеты для руководства и разграничения усилий.

Литература:

1. Heady C., Mansour M. Tax Expenditure reporting and its use in fiscal management: a guide for developing economies. IMF How-To Note. International Monetary Fund, Washington, DC. 2019. URL: https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/HowToNotes/HTNEA2019002.ashx.
2. Options for Low-Income Countries Effective and Efficient Use of Tax Incentives for Investment. Report Prepared for the G20 Development Working Group by the Platform for Collaboration on Tax. International Monetary Fund (IMF), Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), World Bank, and United Nations. 2015. URL: https://www.imf. org/external/np/g20/pdf/101515.pdf.
3. Von Haldenwang Ch., Redonda A., Aliu F. 2021. Shedding Light on Worldwide Tax Expenditures: GTED Flagship Report.German Development Institute and the Council on Economic Policies. Bonn. URL: https://gted. net/wp-content/uploads/2021/08/210820_GTED_FlagshipReport.pdf.
4. How to evaluate tax expenditures. International Monetary Fund (IMF). November. 2022. 14 p.
5. Fiscal Transparency Handbook. International Monetary Fund (IMF). Washington, DC. 2018. URL: https://www.imf.org/en/Topics/fiscal-policies/fiscal-transparency#Fiscal%20Transparency%20Handbook.
6. Kassim L., Mansour M. Tax expenditures reporting in developing countries: An evaluation // Revue d'économie du développement. 2018. Vol. 26. Issue 2. URL: https://www.cairn-int.info/article-E_EDD_322_0113--tax-expenditures-reporting-in.htm (дата обращения: 29.10.2024).
7. Beznoska M., von Haldenwang C., Schüler R.M. Tax expenditures in OECD countries: Findings from the Global Tax Expenditures Database (IDOS Discussion Paper 7/2023). Bonn: German Institute of Development and Sustainability (IDOS). URL: https://doi.org/10.23661/idp7.2023 (дата обращения: 29.10.2024).
8. Tyurina Yu.G., Frumina S.V., Demidova S.E., Kairbekuly A., Kakaulina M.O. Estimation of Tax Expenditures Stimulating the Energy Sector Development and the Use of Alternative Energy Sources in OECD Countries. Innovative Economic Technologies and Policies in the Energy Sector. St. Alban-Anlage: MDPI, 2023. P. 118–134.
9. Попова Е.М., Гусейнова Г.М., Милов С.Б. Интеграция концепции налоговых расходов в бюджетный процесс: зарубежный и отечественный опыт // Налоги и налогообложение. 2019. № 11. С. 17–34.
10. Балынин И.В. Концептуальные предложения по совершенствованию управления налоговыми расходами в Российской Федерации // Финансовая жизнь. 2023. № 2. С. 23–27.
11. Буздалина О.Б. Новое в управлении налоговыми расходами в Российской Федерации // Аудиторские ведомости. 2023. № 3. С. 116–122.
12. Тюрина Ю.Г. Методологические проблемы применения концепции налоговых расходов на субфедеральном уровне // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 4 (76). URL: https://eee-region.ru/article/7616/
13. Демидова С.Е. Оценка системы управления налоговыми расходами бюджетов субъектов Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 3. С. 16–19.
14. Основные направления единой денежно-кредитной политики Банка России на 2025 год и период 2026–2027 гг. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2025_2027/
15. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html
16. Beznoska M., Schüler R.M. Tax expenditures in OECD countries. Findings from the Global Tax Expenditures Database, in: German Institute of Development and Sustainability (IDOS), Discussion Paper 7/2023, Berlin; Köln, 2023.

Problems of Goal Setting and Assessment of Tax Expenditures in the Medium Term

Polyakova O.A., Demidova S.E.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of accounting and estimating lost budget revenues related to tax incentives is due to the integration of conceptual provisions on tax expenditures into the public finance management system of most countries. As a shortfall in budget revenues, tax expenditures should contribute to the emergence of positive socio-economic effects and returns in the medium and long term.

The purpose of the study is to identify the problems of assessing tax expenditures and the risks of changes in their volume in the medium term based on a systematic analysis. The objectives of the study were solved by dividing tax expenditures into groups according to resource and program criteria, identifying deviations in the process of analyzing the structure, dynamics, and forecast of tax expenditures in the period 2021-2027. The information and analytical base of the study consisted of the provisions of documents on tax expense management, forward-looking documents, information systems, official websites of international organizations and authorities. The scientific significance of the study lies in the proposed classification approach. The practical significance includes the directions of implementing the program principles and fine-tuning the tax expense management mechanism through the development of the information system.

The study revealed the economic and fiscal risks of changes in the volume of shortfall in budget revenues. Economic risks are associated with a slowdown in global economic dynamics and an increase in the production of export raw materials by oil exporting countries. Fiscal risks are primarily associated with an increase in the corporate income tax rate. It is highly likely that an increase in the tax burden will lead to an expansion of indirect measures of state support for economic entities through tax mechanisms. Among the internal factors is the need to implement program and project documents in conditions of a deficit in the federal budget and high interest rates that limit the use of government borrowing.

Keywords: tax expenditures, government programs, lost budget revenues, oil and gas tax expenditures, non-oil and gas tax expenditures

УДК 332.02
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-92-95

Финансово-экономическая безопасность в системе приоритетов государства и региона

Рогова Т.Н.
Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики, налогообложения и бухгалтерского учета Ульяновского государственного технического университета

В настоящее время приоритетная роль отдана вопросам обеспечения финансово-экономической безопасности. В статье предпринята попытка отразить сущность этого термина с позиций затратного подхода. Цель статьи заключается в обосновании необходимости создания регионального фонда, направленного на обеспечение безопасности. Научная новизна исследования заключается в разработке модели финансово-экономической безопасности региона. Практическая значимость работы включает основные направления совершенствования государственной политики в области безопасности. Ценность проведенного исследования состоит в системном подходе к изучению финансово-экономической безопасности, поскольку она является критерием регионального развития. В заключение сделаны выводы о необходимости дальнейшего углубленного изучения проблем безопасности на региональном уровне.

Ключевые слова: *угроза, интерес, регион, государство, цель, национальная безопасность, финансово-экономическая безопасность*

Для цитирования: *Рогова Т.Н. Финансово-экономическая безопасность в системе приоритетов государства и региона // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 92–95. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-92-95.*

Безопасность можно считать уникальным термином. С одной стороны, он интуитивно понятен, а с другой, трудно однозначно определить его суть. Под финансово-экономической безопасностью понимается состояние устойчивости системы и ее способность нейтрализовать угрозы. В случае реализации угроз система должна иметь ресурсы для минимизации последствий ущерба [1].

В рыночных условиях под воздействием целой группы объективных (исторически закономерных) и субъективных (личностно обусловленных) факторов акцент при обсуждении вопросов функционирования и развития социально-экономических систем смещается на безопасность. Причем научным сообществом не оспаривается иерархичный порядок построения компонентов безопасности. Если представить безопасность как мысленную абстракцию в виде пирамиды, то на ее вершине расположится национальная безопасность, далее будет находиться финансово-экономическая безопасность и ее типологические виды (бюджетно-налоговая, инвестиционная, ценовая и др.). Такая прерогатива финансово-экономической безопасности объясняется тем, что для реализации целей развития необходимы экономические и финансовые ресурсы.

В теории экономической безопасности основополагающими понятиями выступают «интерес» и «угроза». Интерес побуждает к действию, является его мотивом. В интересе выражена определенная потребность (в частности, в самосохранении и безопасности). Препятствием на пути реализации интересов стоят угрозы. Они могут пониматься как

совокупность условий и факторов, представляющих опасность жизнедеятельности системы и способных нанести ей ущерб [2]. Таким образом, обосновывается тезис о том, что безопасность выступает критерием развития социально-экономической системы.

В рыночной экономике ее основой выступают предприятия. Следовательно, раз предпринимательство может стать движущей силой развития, стратегической задачей государства становится создание мощного предпринимательского сектора [3]. Однако эта связанная с большими надеждами задача только на первый взгляд кажется очевидной и простой, предполагающей создание устойчивого среднего класса, отказа от директивного централизованного планирования, повышения уровня жизни населения. Эти иллюзии могут столкнуться с реалиями общих условий хозяйствования, необходимостью выживания, а также действием теневого сектора экономики. Данные обстоятельства подводят к выводу, что без продуманной государственной политики, в том числе по вопросу финансово-экономической безопасности, не обойтись.

Наша страна преодолела хаос и сумятицу, царившую после распада плановой системы хозяйствования. Сейчас мы говорим и о цифровизации экономики, и о создании механизма максимального благоприятствования для малого и среднего бизнеса. С другой стороны, усилия государства направляются и на борьбу с криминальной экономикой, поскольку ее существование характеризуется ростом экономических преступлений, появлению все более изощренных способов нарушения действующего законодательства [4].

Экономика региона представляет собой сложную стохастическую систему, которую нельзя смоделировать исключительно количественными методами. Для комплексного представления сущности финансово-экономической безопасности можно воспользоваться описательным методом.

По аналогии с задачами в [5] представим простую модель финансово-экономической безопасности региона. Введем условные обозначения.

1) *GRP(t)* – валовый региональный продукт в стоимостном выражении (*Gross Regional Product*);

2) *R(t)* – внутренние ресурсы региона в стоимостном выражении (*Resources*);

3) *TC(t)* – суммарные затраты на производство ВРП в стоимостном выражении (*Total costs*);

4) *GP(t)* – валовая прибыль (*Gross profit*);

5) *P(t)* – чистая прибыль (*Profit*);

6) *T(t)* – налоговые платежи (*Taxes*);

7) *I(t)* – внешние инвестиции в регион (*Investments*);

8) *IC(t)* – затраты на региональную финансово-экономическую безопасность (*Insurance costs*).

Рассмотрим модель при следующих условиях:

1) регион развивается за счет внешних инвестиций и внутренних ресурсов;

2) от количества имеющихся ресурсов зависит выпуск продукции и величина ВРП;

3) налогооблагаемая база зависит от объема валовой продукции и от размера прибыли.

В таком случае региональные воспроизводственные процессы можно представить в виде производственной функции:

$$GRP(t) = f(R(t), I(t)) \quad (1)$$

Валовая прибыль рассчитывается по формуле 2:

$$GP(t) = GRP(t) - TC(t) - IC(t) \quad (2)$$

Чистая прибыль представляет собой разницу между валовой прибылью и налоговыми платежами:

$$P(t) = GP(t) - T(t) \quad (3)$$

Сумма налога рассчитывается по формуле 4:

$$T(t) = k_1 GRP(t) + k_2 P(t) \quad (4)$$

где k_1 *и* k_2 – ставки налогов на объем продукции (оборот) и прибыль.

Подставим выражения из формул (2) и (4) в формулу (3) и получим:

$$P(t) = [GRP(t) - TC(t) - IC(t)] - [k_1 GRP(t) + k_2 P(t)] \quad (5)$$

Преобразуя формулу (1), получим выражение затрат на региональную финансово-экономическую безопасность:

$$IC(t) = (1 - k_1)GRP(t) - (1 + k_2)P(t) - TC(t) \quad (6)$$

Таким образом, безопасность системы обеспечивается отлаженным механизмом бесперебойного воспроизводственного процесса в регионе. Уровень финансово-экономической безопасности определяется во многом теми средствами, которые расходуются на ее обеспечение. Расходы на безопасность могут быть рассмотрены в качестве средств страхования на случай наступления рискового события.

Нами утверждается необходимость создания специализированного целевого фонда, назначение которого заключается в обеспечении безопасности. На рисунке 1 изображен граф, показывающий основные затраты, построенный в программе визуализации данных *Gephi*.

Как видим, для формирования валового регионального продукта (*Gross Regional Product*) требуются внутренние ресурсы (*Resourses*) и внешние инвестиции (*Investments*). Валовая прибыль (*Gross Profit*) представляет собой разницу между валовым

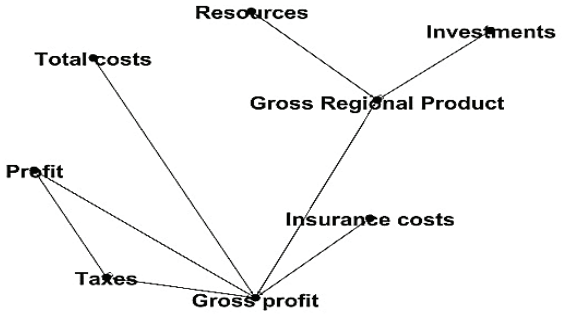

Рис. 1. Сетевой граф модели затрат на региональную финансово-экономическую безопасность [6]

региональным продуктом, суммарными затратами (*Total costs*) и затратами на региональную финансово-экономическую безопасность (*Insurance costs*). В свою очередь, чистую прибыль (*Profit*) можно представить в виде разницы между валовой прибылью и налоговыми платежами (*Taxes*) [6]. Таким образом, целевое финансирование безопасности должно присутствовать в региональных экономических процессах как условие развития и противодействия угрозам.

Учитывая тот факт, что финансово-экономическая безопасность является неотъемлемым атрибутом обеспечения независимости и суверенитета государства, приоритетную роль приобретают мероприятия, направленные на поддержание его устойчивого состояния. В частности, все направления можно разделить на следующие блоки. Во-первых, продолжение совершенствования бюджетной политики, что в современных реалиях подразумевает принятие мер, способных предотвратить негативное влияние западных санкций на экономику страны и способных сформировать ее резистентность к антироссийской политике недружественных стран. Во-вторых, использование налоговой политики как инструмента конкурентоспособности страны на мировой арене. Следует уделять пристальное внимание формированию и распределению налоговых доходов и расходов, сохраняя социальную стабильность. Далее отметим совершенствование финансово-кредитной политики, главной задачей которой становится способность мобилизовать финансовые ресурсы в условиях санкций. Ключевые позиции в этом процессе отводятся Банку России. В области денежно-кредитной политики усилия должны быть направлены на повышение доверия к национальной валюте. Следующим пунктом является инфляционная и ценовая политика, служащая цели сдерживания и снижения инфляции. Важным блоком является и инвестиционная политика, находящаяся в тесной взаимосвязи с финансово-экономической безопасностью, поскольку введение экономических санкций повлекло за собой ограничение и даже сделало невозможными прежние источники инвестирования [7].

Основные задачи регионального развития сводятся к следующим пунктам:

1) достижение устойчивого экономического роста, что предусматривает реализацию целей стратегического планирования, которые существуют в каждом регионе и закреплены в соответствующих нормативно-правовых актах.

2) Обеспечение конкурентоспособности предполагает концентрацию усилий на создание благоприятной предпринимательской среды, развитие конкуренции.

3) Поддержание социально-экономической стабильности означает социальную поддержку незащищенных слоев населения, снижение уровня дифференциации доходов, доступность услуг образования, здравоохранения.

4) Обеспечение защиты экономических интересов и приоритетов государства и регионов связано с созданием работоспособного механизма противодействия негативным вызовам и угрозам (например, коррупция, терроризм, киберпреступления и др.).

Таким образом, поддержание устойчивого функционирования и развития экономики неотделимо от обеспечения финансово-экономической безопасности. При этом ключевую роль приобретает финансовая система, которая регулирует вопросы эффективного формирования, распределения и использования финансовых ресурсов, что способствует достижению целей и задач государственного и регионального развития.

Литература:

1. Горбунов А., Эсаулов В. Объективные предпосылки формирования механизма экономической безопасности социально-экономических систем. СПб.: СПбГУЭФ, 2001. 76 с.
2. Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты (теория и практика): монография / Под общ. ред. А.В. Возженикова. М.: Изд-во РАГС, 2006. 262 с.
3. Государственная поддержка малого предпринимательства в странах Центральной и Восточной Европы / [отв. ред. Р.С. Гринберг]; Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2006. 258 с.
4. Купрещенко Н.П. Теоретико-методологические основы оценки теневой экономики при обеспечении экономической безопасности России: монография. М.: Издат.-тор. корпорация «Дашков и Ко», 2019. 215 с.
5. Жегалов В.И., Киясов С.Н. Приложения обыкновенных дифференциальных уравнений: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. 180 с.
6. Рогова Т.Н. Сценарные варианты регионального развития с позиции обеспечения финансово-экономической безопасности // Финансовая экономика. 2021. № 9. С. 51–55.
7. Оценка и прогнозирование финансовой безопасности в национальной экономике: монография / [М.В. Петровская, Л.Н. Сорокина, С.Н. Мартынович и др.]; Российский университет дружбы народов. М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и Ко», 2023. 116 с.

Financial and Economic Security in the System of Priorities of the State and the Region

Rogova T.N.
Ulyanovsk State Technical University

Currently, a priority role is given to ensuring financial and economic security. The article attempts to reflect the essence of this term from the standpoint of a cost-based approach. The purpose of the article is to substantiate the need to create a regional fund aimed at ensuring security. The scientific novelty of the research lies in the development of a model of financial and economic security of the region. The practical significance of the work includes the main directions for improving state security policy. The value of the conducted research lies in a systematic approach to the study of financial and economic security, since it is a criterion for regional development. In conclusion, conclusions are drawn about the need for further in-depth study of security issues at the regional level.

Keywords: threat, interest, region, state, goal, national security, financial and economic security

УДК 339.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-96-99

Формирование цепочек ценности на электронных торговых площадках

Сафиуллин М.Р.
Доктор экономических наук, профессор,
вице-президент Академии наук РТ,
проректор по вопросам экономического и стратегического развития
Казанского (Приволжского) федерального университета

Гурьянов А.И.
Соискатель Центра перспективных экономических исследований
Академии наук РТ, младший научный сотрудник
НИЦ «Курчатовский институт» (Москва)

Целью работы является исследование механизма формирования цепочек ценности на электронных торговых площадках (далее – ЭТП). Для достижения этой цели были поставлены и решены следующие задачи: разработка классификации подходов формирования цепочек ценности на ЭТП; построение схемы механизма формирования цепочек ценности на ЭТП; изучение российского рынка ЭТП; анализ наиболее распространенных в России стратегий формирования цепочек ценности на ЭТП.

Актуальность исследования связана с тем, что ЭТП существенно повышают эффективность межорганизационных связей цепочек ценности, а также дают возможность установления межфирменных взаимодействий, труднореализуемых без ЭТП. Результаты исследования могут быть применены существующими и потенциальными участниками ЭТП при принятии решений о выборе стратегии взаимодействия с контрагентами. Научная новизна работы заключается в том, что ни в одной из существующих на данный момент публикаций не рассматривался механизм формирования цепочек ценности на ЭТП.

Одними из ключевых результатов исследования стали классификация подходов формирования цепочек ценности на ЭТП и схема механизма формирования цепочек ценности на ЭТП. Также были выявлены наиболее распространенные в России стратегии построения цепочек ценности на ЭТП и даны рекомендации существующим и потенциальным участникам ЭТП.

Ключевые слова: *цепочка ценности, межфирменная кооперация, электронная торговая площадка, ЭТП, B2B, трансакционные издержки*

Для цитирования: *Сафиуллин М.Р., Гурьянов А.И. Формирование цепочек ценности на электронных торговых площадках // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 96–99. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-96-99.*

В современном мире в межфирменной торговле высокую востребованность приобрели электронные торговые площадки (далее – ЭТП) межорганизационного взаимодействия (*B2B*) [1]. Они как суще-

ственно снижают издержки и повышают эффективность межфирменных взаимодействий, так и дают возможность установления межорганизационных связей, труднореализуемых без ЭТП [2].

В цепочке ценности ЭТП расположены на межфирменных связях и их основной задачей является повышение эффективности данных связей. ЭТП существенно влияют на механизм построения цепочек ценности [3]. Так, ЭТП делают возможным динамическое перестроение цепочек ценности путем гибкой смены контрагентов. Также ЭТП могут применяться для построения эффективной межфирменной кооперации, включая долгосрочную.

Вопрос формирования цепочек ценности в настоящее время имеет особенно высокую актуальность, поскольку санкции недружественных стран привели к нарушению значительного количества цепочек ценности, что привело к необходимости их перестроения. При этом электронные торговые площадки способны как существенно снизить издержки на перестроение цепочек ценности, так и повысить их экономическую эффективность.

На ЭТП существует 2 подхода к формированию цепочек ценности: подход одиночных трансакций и подход кооперационного взаимодействия.

В рамках подхода одиночных трансакций потребности организации удовлетворяются путем осуществления разовых сделок купли-продажи с различными контрагентами без установления с ними кооперационных взаимоотношений.

Основным преимуществом данного подхода является возможность динамического перестроения цепочки ценности. Это возможно благодаря низким трансакционным издержкам поиска информации и ведения переговоров на ЭТП, из чего следуют низкие издержки смены контрагента. Это дает возможность организации гибко адаптироваться под изменяющиеся условия внутренней и внешней среды.

С другой стороны, в этом случае упускаются преимущества координации межфирменных связей цепочек ценности. Кроме того, отсутствие стабильных поставщиков или потребителей способно повлечь за собой риски.

Подход кооперационного взаимодействия означает установление межфирменной кооперации между контрагентами. Это подразумевает установление координации межфирменных связей цепочек ценности контрагентов, что позволяет значительно повысить эффективность функционирования цепочки ценности.

Недостатком этого подхода является низкая гибкость цепочки ценности. Также во многих случаях реализация межфирменной координации цепочек ценности требует значительных затрат. Кроме того, из-за наличия издержек выхода из кооперации партнеры получают рыночную власть друг над другом, что может быть нежелательным по стратегическим соображениям для одной или обеих сторон и создавать дополнительные риски.

Схема формирования цепочек ценности на ЭТП представлена на рисунке 1 и содержит три цикла.

1. Цикл одиночных трансакций. Этот цикл включает в себя осуществление разовых сделок по куплепродаже в отсутствие межфирменной кооперации. Организации, избравшие стратегию одиночных трансакций, работают на ЭТП в рамках данного цикла. Компанией может быть принято решение об установлении кооперации с одним или несколькими контрагентами, с которыми был установлен контакт в рамках разовых трансакций.

2. Цикл обратной связи кооперационного взаимодействия включает в себя непосредственно функционирование цепочки ценности на основе кооперации.

В рамках цикла периодически производится оценка эффективности кооперации с учетом изменений внутренней и внешней среды организаций-партнеров. По результатам этой оценки осуществляется адаптация кооперации к изменяющимся условиям либо может быть принято решение о нецелесообразности дальнейшей кооперации и ее разрыве.

3. Жизненный цикл кооперационного взаимодействия. Этот цикл охватывает весь ход функционирования межфирменной кооперации от установления контакта с контрагентом до разрыва кооперации.

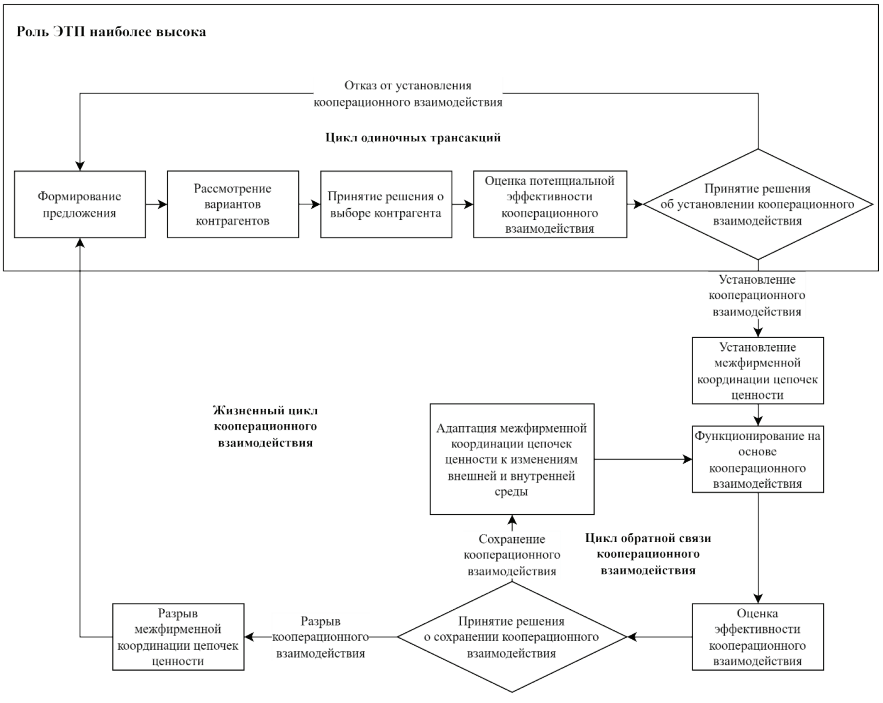

Рис. 1. Механизм формирования цепочек ценности на ЭТП

ЭТП играют особенно важную роль в цикле одиночных трансакций. Одной из основных причин этого является тот факт, что ЭТП значительно снижают трансакционные издержки различных типов, а доля трансакционных издержек наиболее высока в рамках цикла одиночных трансакций [4].

Роль ЭТП в рамках функционирующего кооперационного взаимодействия зависит от типа площадки. Собственная ЭТП, благодаря возможности ее подстройки под уникальные особенности цепочек ценности как ее владельца, так и его долгосрочных партнеров, дает возможность обеспечить эффективную межфирменную координацию цепочек ценности непосредственно на площадке. Благодаря этому собственные ЭТП способны играть значительную роль в кооперационных взаимодействиях.

Независимые ЭТП не дают такой возможности. Таким образом, на независимых ЭТП, как правило, не могут осуществляться кооперационные взаимодействия, значимо более эффективные, чем одиночные трансакции на той же площадке. Поэтому эффективное межфирменное партнерство не может ограничиваться рамками независимой ЭТП, и в этом случае необходимо использование других каналов кооперации, позволяющих в полной мере реализовать преимущества межфирменной координации цепочек ценности.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что роль ЭТП наиболее высока при подходе одиночных трансакций. При подходе кооперационного взаимодействия ЭТП играют наибольшую роль на этапе установления партнерства. В рамках уже установленной межфирменной кооперации с высокой эффективностью могут применяться собственные ЭТП, в то время как независимые площадки, как правило, не дают возможности построить на их основе эффективную координацию цепочек ценности.

Для того, чтобы сделать выводы о наиболее распространенных в России стратегиях работы на ЭТП, проведем исследование структуры российского рынка электронных торговых площадок.

В предыдущих исследованиях авторами была разработана классификация ЭТП для взаимодействия организаций между собой (*B2B*) в зависимости от места, которое они занимают в цепочке ценности [5].

В рамках этой классификации независимым ЭТП соответствуют следующие типы ЭТП: 1) контролируемые посредником; 2) смешанные, имеющие черты ЭТП, контролируемых посредником, с точки зрения всех организаций, кроме владельца данной площадки.

Согласно проведенному авторами исследованию структуры российского рынка ЭТП, 70 % электронных торговых площадок – ЭТП, контролируемые посредником, и 16 % – смешанные, имеющие черты ЭТП, контролируемых посредником, в сумме – 86 % (рис. 2).

Также оценить долю независимых ЭТП позволяют данные Росстата о числе организаций, имеющих собственные платформы электронной коммерции, по видам экономической деятельности. Понятия «платформа электронной коммерции» и «ЭТП» являются эквивалентными.

Таким образом, 64 % компаний – владельцев ЭТП в 2023 г. относились к сфере торговли, и, по всей видимости, большинство соответствующих ЭТП являются независимыми (рис. 3). При этом не все ЭТП организаций сферы торговли являются независимыми, и не все независимые ЭТП принадлежат организациям сферы торговли. Также не все платформы электронной коммерции относятся к B2B, следовательно, эта оценка является косвенной.

Итак, можно сделать вывод, что российские организации в настоящее время преимущественно используют ЭТП двумя путями: 1) в рамках подхода одиночных трансакций; 2) с целью установления кооперационных взаимодействий, осуществляться которые будут за пределами ЭТП.

Подход межфирменной кооперации на базе собственных ЭТП в настоящее время распространен в существенно меньшей степени. Это объясняется в том числе значительной стоимостью создания собственных ЭТП, а также высокой зрелостью российского рынка независимых ЭТП: независимые ЭТП способны предоставить участникам широкий спектр возможностей, реализация которых в рамках собственной площадки потребует большого объема затрат.

Вместе с тем в текущих условиях возможность динамического перестроения цепочек ценности

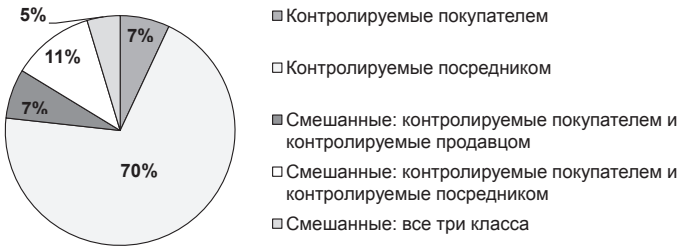

Рис. 2. Распределение изученных ЭТП по типам авторской классификации

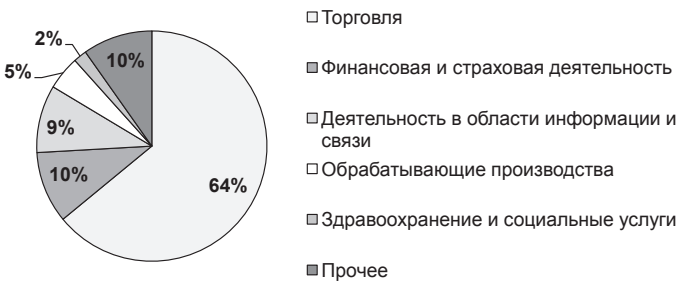

Рис. 3. Организации, имеющие собственные платформы электронной коммерции, по видам экономической деятельности (2023 г.) [6]

приобрела высокую актуальность в связи с необходимостью адаптироваться под изменяющиеся условия нестабильной внешней среды. В наибольшей степени это проявилось в цепочках ценности, связанных с внешней торговлей. Санкционное давление существенно усложнило формирование и сохранение долгосрочных кооперационных взаимодействий, связанных с импортом и экспортом.

Кроме того, возможность динамического перестроения цепочек ценности имеет высокую важность с точки зрения инноваций, поскольку внедрение инноваций во многих случаях приводит к изменению структуры цепочки ценности. В то же время при условии сотрудничества в сфере инноваций кооперационное взаимодействие может эффективно функционировать и на связях цепочки ценности, значительно затрагиваемых инновациями.

При этом нельзя и пренебрегать преимуществами межфирменной кооперации, так как она позволяет существенно повысить эффективность цепочки ценности. Кооперацию, как правило, следует устанавливать на стабильных связях цепочки ценности с надежными контрагентами. При принятии решения об установлении межфирменной кооперации ключевую роль имеет стратегический анализ, в рамках которого следует учитывать прогнозируемые изменения внутренней и внешней среды организации.

Литература:

1. Жуков П.Е. Оценка эффективности электронных торговых площадок B2B для стимулирования малых и средних предприятий и международной торговли // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 3. URL: https://esj.today/PDF/68ECVN319.pdf.
2. Li W., Zhang Ya., Dan B., Zhang X., Sui R. Simulation Modeling and Analysis on the Value-Added Service of the Third-Party E-Commerce Platform Supporting Multi-Value Chain Collaboration // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. 2024. 19(2). P. 846–862.
3. Миголь Е.В. Электронная торговая площадка: новое звено в цепочке создания ценности розничной торговли в интернет-пространстве // Креативная экономика. 2016. Т. 10. № 10. С. 1139–1156.
4. Бижоев Б.М. Цифровая институциональная трансформация электронных торговых площадок в сфере государственных закупок Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 4. С. 416–433.
5. Сафиуллин М.Р., Гурьянов А.И. Электронные торговые площадки сквозь призму теории цепочек ценности // Международный форум Kazan Digital Week. 2024. С. 765–771.
6. Сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 05.09.2024).

Formation of Value Chains on Electronic Trading Platforms

Safiullin M.R., Gurianov A.I.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

The purpose of the article is to study the mechanism of value chain formation on electronic trading platforms (ETP). To achieve this goal, the following tasks were set and solved: development of a classification of approaches to the formation of value chains on ETPs; construction of a scheme for the mechanism of formation of value chains on ETPs; study of the Russian ETP market; analysis of the most common strategies in Russia for the formation of value chains on ETPs.

The relevance of the study is related to the fact that ETPs significantly increase the efficiency of interorganizational links of value chains, and also provide the opportunity to establish intercompany interactions that are difficult to implement without ETPs. The results of the study can be applied by existing and potential ETP participants when making decisions about choosing a strategy for interaction with counterparties. The scientific novelty of the work lies in the fact that none of the currently existing publications has examined the mechanism for the formation of value chains on ETPs.

Some of the key results of the study were the classification of approaches to the formation of value chains on ETPs and the scheme of the mechanism for the formation of value chains on ETPs. The most common strategies for building value chains on ETPs in Russia were also identified, and recommendations were given to existing and potential ETP participants.

Keywords: value chain, intercompany cooperation, electronic trading platform, ETP, B2B, transaction costs

УДК 351.711, 334.021
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-100-103

Цифровизация государственного управления в социальной сфере (на примере здравоохранения)

Сергеева Н.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
и государственного муниципального управления
Московского государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

Полянский А.А.
Аспирант кафедры менеджмента
и государственного муниципального управления
Московского государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

Цифровая трансформация государственного управления в первую очередь ориентирована на внедрение цифровых сервисов в социальную сферу для обеспечения высокого уровня удовлетворенности граждан качеством публичных услуг. Цель исследования заключалась в определении тенденций дальнейшей трансформации социальной сферы в результате внедрения принципа проактивности и использования цифровых технологий. В статье рассмотрен процесс цифровизации социально-значимых услуг на основе поступательного внедрения новых принципов организации их предоставления, смоделирована структура суперсервиса и определены ключевые направления дальнейшей цифровизации услуг в сфере здравоохранения. Представленные результаты могут быть использованы в дальнейших междисциплинарных исследованиях, посвященных вопросам бесшовного взаимодействия государственного управления и частного сектора экономики.

Ключевые слова: *социально-значимые услуги, суперсервис, проактивность*

Для цитирования: *Сергеева Н.В., Полянский А.А. Цифровизация государственного управления в социальной сфере (на примере здравоохранения) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 100–103. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-100-103.*

Реализация концепции сервисного государства, стремительное развитие цифровых технологий, переход от электронного правительства к цифровому (сетевое присутствие) обусловили трансформацию приоритетов социальной политики, а именно переход на сервисную модель обслуживания, так как развитие частных цифровых сервисов (клиентоориентированный и клиентоцентричный подходы вместе с агрессивной коммуникационной стратегией воздействия на рынки) формируют в гражданском обществе запрос на комфортные условия обслуживания, доступность социальных услуг и проактивный характер их предоставления.

Взятый государством курс на цифровизацию экономики затрагивает также сферу публичного управления (федеральный проект «цифровизация государственного управления») и государственный сектор (деятельность организаций и учреждений,

осуществляющих свою деятельность по государственному заданию). Ключевыми индикаторами достижения целей государственных программ и проектов в публичной сфере становятся показатели, связанные с уровнем удовлетворенности граждан качеством и доступностью социально-значимых услуг (образование, здравоохранение, культура, спорт, социальная защита) [1].

С.В. Вобленко понимает под публичной услугой услугу, организация, предоставление которой является обязанностью органа публичной власти. В свою очередь, публичные услуги по функциональной потребности подразделяются на материальные, нематериальные (социально-культурные) и административные [2].

ГОСТ РФ «Услуги населению. Термины и определения» группирует социально-культурные услуги следующим образом:

1) услуги в области здравоохранения и социальные (социальная поддержка);

2) услуги в области образования;

3) услуги в области культуры и искусства, досуга, отдыха, спорта и туризма;

4) предоставление нематериальных продуктов, (например, страхование, банковские, финансовые, экспертные и правовые услуги, консалтинг);

5) сетевые услуги (услуги связи, интернета, телекоммуникаций, телефонной связи и др.).

Социальная значимость услуги определяется не только ее востребованностью среди граждан, но и ролью в обеспечении качества жизни современного общества, а также непрерывности функционирования жизненно-важных подсистем общественной сферы [3].

Услуги здравоохранения в рамках сервисной модели государственного управления должны быть прежде всего ориентированы на здоровьесбережение, предупреждение и профилактику заболеваний граждан.

Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)», входящий в Национальный проект «Здравоохранение», направлен на обеспечение доступности гражданам цифровых сервисов посредством внедрения электронного документооборота [4; 5].

Поступательное развитие сферы публичных услуг в России началось с принятием Федерального закона от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», положения которого касаются только государственных и муниципальных услуг [6]. Однако переход на концепцию сервисного государства затронул и сферу публичных услуг. Еще одной предпосылкой такого бурного развития стала цифровизация частных услуг и появление новых видов цифровых сервисов.

Трансформация условий обслуживания в здравоохранении началась с внедрения электронной очереди, затем появилась электронная регистрация, далее была внедрена возможность получения двух и более услуг за один прием. На следующем этапе внедрение принципа экстерриториальности (возможности получения услуг без физического присутствия) обусловило появление электронной регистратуры и планов предоставления услуг в дистанционном формате. Такие решения позволили мобильно перестроить систему в условиях пандемии ковида [7]. Текущий этап трансформации ставит задачи по реализации принципа проактивности (получение услуг в момент возникновения права на такие услуги) [8].

Проактивность предлагает по-новому взглянуть на процесс организации предоставления услуги, постепенный уход от традиционного заявительного характера. Если основанием для предоставления услуги является личное заявление гражданина, то необходимо рассмотреть все возможные варианты того, что рассматривать в качестве такого заявления:

1) классическая форма заявления в электронной форме. В системе межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) сформировать предварительно заполненную в автоматическом режиме электронную форму. Гражданин может ее подписать с помощью простой электронной подписи и отправить в ведомство;

2) определенное действие, влекущее за собой юридические последствия, в виде нажатия кнопки, отправки текстового или голосового сообщения, факт самого обращения и т.п. Такая форма характеризуется проблемами с идентификацией личности и доступа к его профилю.

Еще одним направлением внедрения проактивности стали цифровые суперсервисы, которые разрабатываются ведомствами по наиболее распространенным жизненным ситуациям. Развитие суперсервисов осуществляется методом снежного кома, когда одно жизненное событие (рождение, смерть родственника, болезнь, переезд и т.д.) влечет за собой необходимость обращения за целой совокупностью взаимосвязанных услуг, то есть одна услуга ведет к другой. Таким образом, на основе карты потребностей заявителя в услугах можно сформировать «путь заявителя», который станет основой для разработки структуры суперсервиса.

На рисунке 1 нами представлена структура пользовательских возможностей сервиса «Мое здоровье». Сервис спроектирован по трем наиболее популярным направлениям запросов граждан, на основе которых была построена маршрутная карта клиентского пути:

1) запись на прием к врачам. Предоставляет возможность самостоятельного удаленного выбора способа приема у врача (личное посещение поликлиники, вызов на дом или дистанционная консуль-

тация). Сервис предлагает выбрать свободные даты, временные слоты, профиль врача и поликлинику;

2) получение документов. Устраняет необходимость самостоятельного посещения гражданами поликлиники в целях получения различных документов (получение результатов медицинских исследований, рецептов, справок и т.п.). Также предоставляет возможность ведения дневника здоровья в онлайн-формате и дистанционного прикрепления к выбранной поликлиники;

3) госпитализация. Предоставляется выбор стационара и возможность оповещения указанных родственников о состоянии здоровья в дистанционном формате.

Дальнейшее развитие сферы публичных услуг, на наш взгляд, будет связано с развитием принципов проактивности и бесшовности информационных систем со следующими тенденциями:

1) расширение поставщиков не только информации, но и услуг. Постановление Правительства РФ от 09.02.2022 г. № 140 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» определяет конкретный перечень таких организаций. На наш взгляд, дальнейшая цифровизация приведет к включению широкого спектра частных компаний, которые на текущий момент работают на рынке частных медицинских услуг (фармкомпании, аптечные сети, сети медицинских частных лабораторий, службы транспортировки и доставки, онлайн-торговля медицинскими товарами и оборудованием и т.п.) [9];

2) интеграция в сервисы возможности совершения транзакций (совершение сделок купли-продажи), подписание электронных договоров на частные услуги и сервисы (полисы, страховка и т.п.);

3) расширение перечня сервисов и услуг, то есть гражданину будет предложен широкий перечень возможных вариантов получения услуги за счет интеграции частного и государственного секторов экономики, в том числе телемедицина [10; 11];

4) продвинутые услуги с применением искусственного интеллекта (конструктор из частных и публичных услуг, проектирование на основе алгоритмов и потребностей, локации заявителя маршрутов и дорожных карт лечения или обслуживания, сопровождение человека с услугой «здоровый образ жизни» на основе индивидуальных особенностей гражданина, комплексы медицинских и оздоровительных услуг и т.п.).

Развитие сферы публичных услуг направлено на активное внедрение цифровых сервисов, которые позволяют ускорить процесс их предоставления, сократить время обслуживания, устранить личное посещение гражданами лечебных заведений, что, в свою очередь, ведет к росту уровня удовлетворенности заявителей качеством обслуживания.

Еще одним немаловажным следствием становится оптимизация фонда рабочего времени трудовых ресурсов, связанная с сокращением участия медицинских работников в процессе обслуживания граждан за счет внедрения электронного документооборота, дистанционных консультаций и самостоятельного выбора способа приема и записи на прием.

Представленные в статье результаты отражают полученные эффекты от цифровизации социально-значимых услуг на основе внедрения принципов проактивности и экстерриториальности при организации их предоставления.

В здравоохранении полученные эффекты нашли отражение в росте уровня комфорта и удовлетворенности граждан, оптимизации финансовых и трудовых затрат, снижении административных ба-

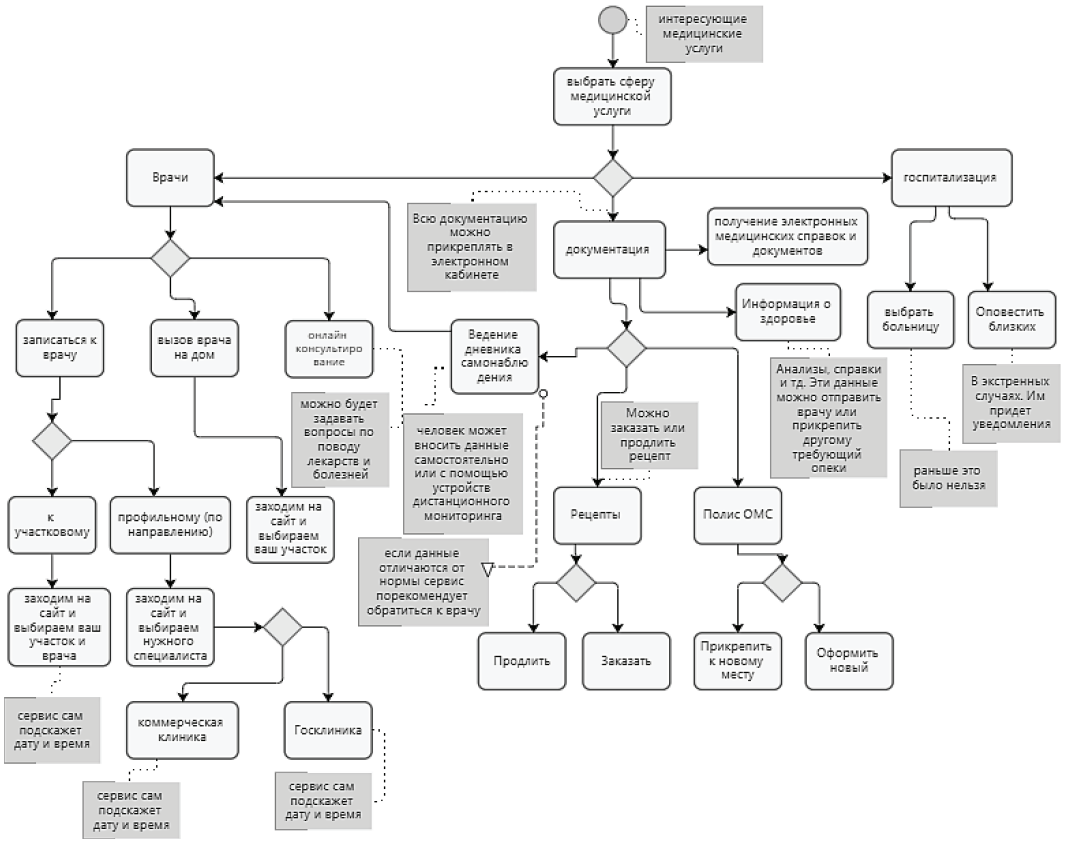

Рис. 1. Структура пользовательских возможностей сервиса «Мое здоровье»

рьеров, а также улучшении доступности отдельных услуг в сфере здравоохранения.

В статье также представлены перспективы дальнейшей интеграции публичного и частного секторов экономики, которые могут стать основой для дальнейших исследований по данной и смежной проблематике.

Литература:

1. Сергеева Н.В. От электронных государственных услуг к цифровым: принципы трансформации в цифровой экономике // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 11-2. С. 285–289.
2. Вобленко С.В. Государственные и муниципальные услуги: учеб. пособие. Рязань: РГРТУ, 2021. 298 с.
3. Баранов Д.Н. Современные тенденции внедрения цифровых технологий в деятельность учреждений здравоохранения Российской Федерации // Противоречия и тенденции развития современного Российского общества: Сб. науч. статей Всеросс. науч.-практ. конференции, Сергиев Посад, 22 апреля 2019 г. Сергиев Посад: Московский ун-тет им. С.Ю. Витте, 2019. С. 44–52.
4. Гузенко Н.В., Бондаренко В.А. Цифровизация сферы здравоохранения России: «умные технологии» в обеспечении качества жизни // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 1. С. 103–113.
5. Егорова А.В. Цифровизация системы здравоохранения регионов в условиях цифровой экономики // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 1(2). С. 256–261.
6. Романова О.А., Рубцова Е.В., Сергеева Н.В., Суптело Н.П. Этапы формирования и развития сети МФЦ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 1-2. С. 94–100.
7. Платонова Н.И. Цифровизация системы здравоохранения в период пандемии // Юрист. 2021. № 1. С. 17–22.
8. Баранов Д.Н., Бушуева Н.В., Черновалов А.В. Цифровизация управления рабочим временем в учреждениях здравоохранения. М.: Московский ун-тет им. С.Ю. Витте, 2019. 193 с.
9. Сергеева Н.В. Интегрированные информационные системы управления государственными финансами: итоги глобального проекта и национальные особенности // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия прикладных научных дисциплин. 2023. № 1. С. 104–118.
10. Андрияшина А.А., Попов А.А., Самусев М.А., Сергеева Н.В. Различные формы государственно-частного партнерства в России: преимущества и недостатки // Муниципальная академия. 2024. № 2. С. 392–399.
11. Клюева А.В., Соболь Т.С. Актуальные аспекты развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации при реализации социально значимых инфраструктурных проектов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33, № 1. С. 81–90.

Digitalization of Public Administration in the Social Sphere (Using the Example of Healthcare)

Sergeeva N.V., Polyansky A.A.
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)

The digital transformation of public administration is primarily focused on the introduction of digital services in the social sector to ensure a high level of citizen satisfaction with the quality of public services. The purpose of the study was to determine trends in further transformation of the social sphere as a result of the introduction of the principle of proactivity and the use of digital technologies. The process of digitalization of socially significant services is considered based on the progressive introduction of new principles for organizing their provision, the structure of a super service is presented, and key directions for further digitalization of services in the healthcare sector are identified. The presented results can be used in further interdisciplinary research on issues of seamless interaction between public administration and the private sector of the economy.

Keywords: socially significant services, super service, proactivity

УДК 339.98
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-104-107

Экономическое взаимодействие Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки в глобальных цепочках создания стоимости в рамках торгового противостояния

Тумашева М.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры международных экономических отношений
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Чатурова Д.И.
Студентка магистратуры Института международных отношений,
истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность исследования обусловлена усилением торгового конфликта между крупнейшими экономиками мира, что нарушает сложившиеся производственно-сбытовые цепочки и вызывает изменения в мировой экономике. Цель исследования – анализ влияния торгового конфликта на участие Китая и США в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС), а также оценка последствий протекционистской политики для двусторонней торговли. В рамках исследования решены задачи по анализу теоретических основ ГЦСС, изучению динамики торгового взаимодействия между странами, а также выявлению изменений, вызванных торговыми ограничениями. Научная и практическая значимость работы заключается в оценке воздействия торгового противостояния на глобальные экономические процессы и выявлении изменений в структуре международной торговли, что может быть полезно для разработки стратегий международной торговли. Делается вывод о негативном влиянии торговых противоречий на динамику двустороннего экспорта, а также на торговлю внутри ГЦСС (путем оценки динамики Индекса участия в ГЦСС для экспорта за 2000, 2007–2022 гг.) и о сохраняющейся важности экономических взаимоотношений США и Китая, особенно в рамках ГЦСС. Новизна исследования заключается в том, что анализируются долгосрочные изменения в структуре ГЦСС и оцениваются последствия политики «разъединения» экономик для глобальных торговых процессов.

Ключевые слова: *КНР, США, глобальные цепочки создания стоимости, «торговая война», экономическое противостояние, протекционизм*

Для цитирования: *Тумашева М.В., Чатурова Д.И. Экономическое взаимодействие Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки в глобальных цепочках создания стоимости в рамках торгового противостояния // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 104–107. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-104-107.*

Мировая экономика в настоящее время переживает непростые времена из-за усиливающегося противостояния между двумя крупнейшими игроками: Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. Конфликт заключается в росте таможенных пошлин и введении запретов на совместную работу американских и китайских компаний. В результате нарушаются уже сложившиеся глобальные цепочки создания стоимости (далее – ГЦСС), а образование новых становится все более трудным. Учитывая взаимозависимость экономик этих стран, вызванную многолетним сотрудничеством, текущее противостояние вызывает серьезные изменения в мировой экономике.

США и Китай имеют долгую историю взаимодействия в рамках ГЦСС, особенно после того как Китай открыл свои рынки для иностранных компаний в рамках реализации политики «открытых дверей», а также вступил в ВТО в 2001 г. Американские транснациональные корпорации (ТНК) перенесли в Китай часть трудоемких процессов производства и сборки, что привело к тесной экономической взаимосвязи между этими странами. Современная протекционистская политика США нацелена на снижение этой зависимости, что является одной из предпосылок торгового конфликта, который также называют «торговой войной» США и Китая. Его уникальность заключается в том, что он затрагивает не только фирмы и отрасли внутри этих стран, но и множество других участников ГЦСС по всему миру, а последствия конфликта проявляются со временем. В связи с этим выбранная тема исследования становится все более актуальной.

Рассмотрим теоретические и методологические основы изучаемой темы. Глобальные цепочки создания стоимости представляют собой процесс разделения производства на этапы, которые выполняются в разных странах [1, с. 14]. Степень вовлеченности стран в цепочки создания стоимости можно оценить с помощью Индекса участия в ГЦСС, который включает прямое, обратное и двустороннее участие. Прямое участие — экспорт продукции собственного производства для дальнейшей переработки в других странах. Обратное — импорт промежуточных товаров для их использования в национальном производстве и последующего экспорта. Двустороннее (объединяет оба вышеуказанных аспекта) — это импорт товаров и услуг, который затем направляется в реэкспорт промежуточной продукции [2, p. 8–10].

Перейдем к анализу экономического взаимодействия Китая и США в ГЦСС в рамках торгового противостояния. В последние два десятилетия под влиянием экономической нестабильности и сопутствующих ей событий начался новый этап развития ГЦСС. Теперь не глобальные производственно-сбытовые цепочки определяют развитие национальных экономик, а наоборот — национальные экономики оказывают существенное влияние на ГЦСС. Одним из таких событий является начавшаяся в 2018 г. «торговая война» США и КНР. Причинами противостояния являются торговый дефицит, протекционистская внешнеторговая политика США, принуждение со стороны китайских властей к передаче интеллектуальной собственности американских фирм в обмен на присутствие на растущем китайском рынке, а также борьба за глобальное лидерство [3, с. 219–220]. Конфликт прошел через несколько этапов (рис. 1), включающих как умеренное повышение тарифов в 2018 г., так и значительное увеличение ставок в 2019 г. Несмотря на торговое соглашение о первой фазе урегулирования конфликта, подписанное в 2020 г. [4], ситуация остается напряженной из-за высоких тарифов и продолжающихся экономических ограничений.

Согласно оценке аналитика Всемирного банка, по состоянию на март 2023 г. были повышены тарифы на китайские товары стоимостью 550 млрд долл. и на американские – стоимостью 185 млрд долл. [5, с. 3].

Конфликт существенно повлиял на объемы внешней торговли между странами. В 2019 г., по сравнению с 2018 г., экспорт Китая в США снизился на 12,5 % (на 60 млрд долл.), а экспорт США в Китай – на 10,8 % (на 13 млрд долл.) [7]. В 2020 г., даже несмотря на ограничения из-за пандемии *COVID*-19, в последующие годы наблюдался рост товарооборота [7], что подчеркивает значение КНР и США друг для друга как торговых партнеров. Однако в 2023 г. показатели снова начали снижаться [7], что может быть связано с политикой «разъединения» двух экономик, проводимой администрацией Президента США Джо Байдена. Эта политика предусматривает перенос производственно-сбытовых цепочек в Мек-

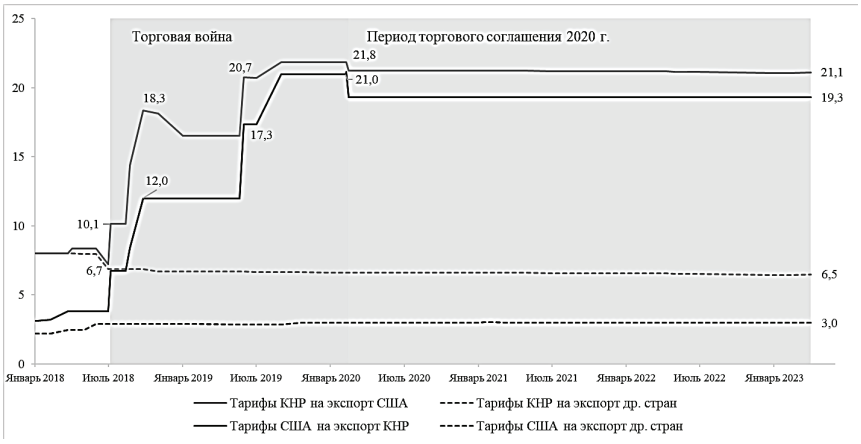

Рис. 1. Средневзвешенные ставки двусторонних пошлин США и Китая и их ставки на продукцию из других стран (%), январь 2018 г. – апрель 2023 гг. [6]

сику, Ирландию и Вьетнам [8, с. 12]. Первая, в свою очередь, сместила Китай с лидера по объему торговли с США в 2023 г. [7].

США и КНР – важные партнеры не только в традиционной торговле, но и в торговле внутри ГЦСС. На рисунке 2 представлена динамика Индекса чистого прямого, обратного и двустороннего участия в ГЦСС для китайского экспорта в США за 2000, 2007–2022 гг.

Несмотря на последние глобальные экономические изменения (финансовый кризис 2008 г. и пандемия *COVID*-19), структура китайского экспорта в США демонстрировала относительную стабильность. На протяжении всего периода, начиная с 2000 г., преобладающей частью экспорта Китая в США является чистое обратное участие в ГЦСС, т.е. значительная часть экспорта КНР в США содержит промежуточные товары, которые были ранее импортированы в Китай для дальнейшей переработки или завершения производственного процесса. Однако с 2007 г. доля чистого обратного участия постепенно снижается, что демонстрирует факт того, что Китай теперь в меньшей степени занимается производственно-сборочной деятельностью для американской продукции. Тем не менее чистое обратное участие сохраняется на высоком уровне. В 2019 г. наблюдалось снижение совокупного показателя, что, вероятно, было связано с действием ограничений из-за торгового конфликта: в 2019 г. – 22,3 %, а в 2018 г. – 23,3 %, т.е. снизился на 4,3%. Можно сделать вывод, что увеличение тарифов негативно повлияло на торговлю готовой продукцией больше, чем на торговлю товарами внутри ГЦСС. На рисунке 2 также заметно влияние пандемии, которое проявляется в большем падении показателей в 2020 г. вследствие глобальных экономических сбоев. Но в 2021 г. наблюдалось восстановление, что может быть частично связано с адаптацией компаний к новым условиям и стабилизацией экономических отношений. Тем не менее влияние текущей политики Джо Байдена на ГЦСС пока трудно оценить из-за отсутствия полных данных за 2023 г. На рисунке 3 представлено обратное направление товарооборота: динамика Индекса чистого прямого, обратного и двустороннего участия в ГЦСС для американского экспорта в Китай за 2000, 2007–2022 гг.

На протяжении рассматриваемого периода значительная часть экспорта США в Китай приходилась на чистое прямое участие, что подразумевает экспорт американской продукции, которая содержит внутреннюю добавленную стоимость без значительной переработки в других странах: это отражает высокую степень самодостаточности и технологической развитости американской экономики.

Однако до мирового финансового кризиса 2008 г. доля прямого участия в экспорте США в Китай была более выраженной, а затем уменьшалась до 2018 г., когда начался активный этап торгового конфликта, стало заметно снижение обратного участия, увеличение пошлин на импортную продукцию из Китая. В 2019 г. значение суммарного показателя сократилось на 6,1 % (2019 г. – 23 %, 2018 г. – 24,5 %), в 2020 г. проявляются негативные последствия пандемии *COVID*-19. Однако в 2021 г. и особенно в 2022 г. виден рост показателей, что может свидетельствовать об адаптации экономик к новым условиям.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что интеграция Китайской Народной Республики в глобальные цепочки создания стоимости сыграла ключевую роль в ее экономическом подъеме. Однако изначальная роль Китая как «мировой фабрики», выполняющей преимущественно трудоемкие процессы с низкой добавленной стоимостью, постепенно менялась. В то время как США всегда занимали позиции с высокой добавленной стоимостью в ГЦСС, Китай, развиваясь, стал продвигаться к более выгодным стадиям производства. Эти изменения и вызвали торговый конфликт, который, хотя и повлиял на динамику двусторонней торговли, не смог полностью разорвать тесные экономические связи между двумя странами.

Перспективные направления изучения данной темы включают анализ долгосрочного влияния по-

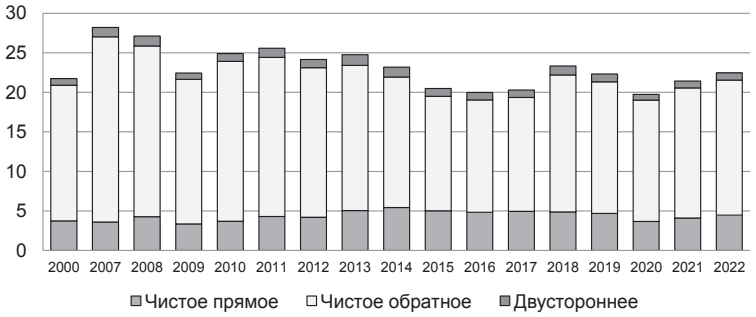

Рис. 2. Экспорт КНР в США в разбивке на чистое прямое, обратное и двустороннее участие в ГЦС (% от валовой торговли), 2000, 2007–2022 гг. [9]

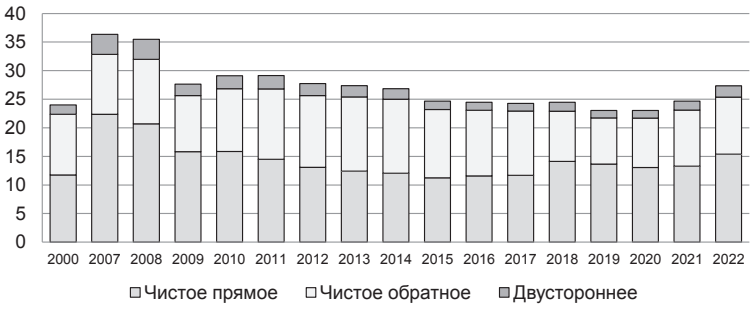

Рис. 3. Экспорт США в КНР в разбивке на чистое прямое, обратное и двустороннее участие в ГЦС (% от валовой торговли), 2000, 2007–2022 гг. [9]

литики «разъединения» на мировую экономику и ГЦСС, роли третьих стран в перестройке ГЦСС, вызванной «торговой войной», а также оценку влияния цифровизации и технологических изменений на участие США и Китая в ГЦСС в условиях политики протекционизма США.

Литература:

1. Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains // Организация экономического сотрудничества и развития (OECD). 274 p. URL: https://www.oecd.org/publications/interconnected-economies-9789264189560-en.htm (дата обращения: 20.09.2024).
2. Borin A., Mancini M., Taglioni D. Economic Consequences of Trade and Global Value Chain Integration: A Measurement Perspective // Policy Research Working Paper 9785 (World Bank). 2021. 50 p.
3. Пак С. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 2. С. 213–235.
4. Economic and Trade Agreement between The Government of The United States Of America and The Government of The People's Republic Of China // Торговое представительство США. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
5. Zhou Y. The US-China Trade War and Global Value Chains // Всемирный банк (The World Bank). 48 p. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/3e5537ac17a795823a3e3c46b12c0351-0050022023/related/54-The-US-China-Trade-War-and-Global-Value-Chains.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
6. Bown C.P. US-China Trade War Tariffs: An Up-to-Date Chart // Peterson Institute for International Economics (PIIE). URL: https://www.piie.com/research/piie-charts/us-china-trade-war-tariffs-date-chart (дата обращения: 20.09.2024).
7. UN Comtrade Database // Организация Объединенных Наций (UN). URL: https://comtradeplus.un.org/ (дата обращения: 20.08.2024).
8. Монитор противостояния США – Китай 2023 / Под ред. В.Ю. Журавлевой, А.А. Бреславцевой. М.: ИМЭМО РАН, 2024. 119 с.
9. Multiregional Input-Output Database // Азиатский банк развития (ADB). URL: https://kidb.adb.org/mrio (дата обращения: 20.09.2024).

Economic Interaction Between the People's Republic of China and the United States of America in Global Value Chains Within the Framework of Trade Confrontation

Toumasheva M.V., Chaturova D.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the paper is determined by the growing trade conflict between the world's largest economies, which disrupts established value chains and causes changes in the global economy. The aim is to analyse the impact of the trade conflict on the participation of China and the US in the Global Value Chains (GVCs) and to assess the consequences of protectionist policies on bilateral trade. The study solves the tasks of analysing the theoretical foundations of the GVCs, studying the dynamics of trade interaction between the countries, and identifying the changes caused by trade restrictions. The scientific and practical significance of the work lies in assessing the impact of trade confrontation on global economic processes and identifying changes in the structure of international trade, which can be useful for the development of international trade strategies. The conclusion is drawn about the negative impact of trade standoffs on the dynamics of bilateral exports as well as intra-GVC trade (by estimating the dynamics of the GVCs Participation Index for exports for 2000, 2007-2022) and the continued importance of the US-China economic relationship, especially within the GVCs. The novelty of the study lies in the fact that it analyses long-term changes in the structure of the GVCs and assesses the implications of the policy of 'decoupling' economies for global trade processes.

Keywords: China, USA, global value chains, "trade war", economic confrontation, protectionism

УДК 330.34.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-108-115

Экономическая безопасность в условиях глобализации ТНК: проблемы и пути повышения

Усманова Т.Х.
Доктор экономических наук, профессор
кафедры государственного и муниципального управления
Пермского государственного национального
исследовательского университета

В статье рассмотрено влияние ТНК на состояние экономической безопасности государств в условиях глобализации мировой экономики. Актуальность темы обусловлена использованием политизированных инструментов регулирования деятельности ТНК в большинстве стран мира и, как следствие, наличием различных форм социально-экономического и индустриально-технологического развития, которое в целях обеспечения экономической безопасности России нуждается в исследовании. Цель работы заключается в оценке глобальных проблем, которые тормозят экономическую безопасность под влиянием деятельности транснациональных корпораций. Научная и практическая значимость исследования заключается в возможности более эффективного решения проблем, возникающих под влиянием ТНК, препятствующих устойчивому и безопасному развитию экономики страны.

Результаты проведенного исследования представлены классификационными характеристиками глобальных проблем и теоретическим анализом их влияния на экономическое развитие и экономическую безопасность. Выявлены угрозы экономическому развитию, возникающие под влиянием ТНК, связанные с ростом глобальных корпораций, перераспределением рынка производства и сбыта, жесткой конкуренцией, выгодным дислоцированием филиалов и структур ТНК.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, социально-экономическая политика, инновации, технологическое развитие, транснациональные корпорации, кризис*

Для цитирования: *Усманова Т.Х. Экономическая безопасность в условиях глобализации ТНК: проблемы и пути повышения // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 108–115. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-108-115.*

Современное социально-экономическое развитие диктует поиск новых теорий развития экономической безопасности цивилизации в условиях глобализации и формирования многополярного мира. Одна из главных задач современного социально-экономического развития – это сохранение «уникального Человека на Земле». При всех девизах Всемирного банка о сокращении бедности и улучшении экологии, в настоящее время наблюдается антропологическая катастрофа, финансирование войн, агрессия над человеком, бесконтрольное использование природных ресурсов и т.д.

Результаты анализа глобальных проблем и их влияния на экономическое развитие достаточно широко обсуждается в научной литературе. Например, М.М. Скибицкий в своем исследовании дал системную характеристику трех групп глобальных проблем, угрожающих развитию человечества:

«…*Первая группа* глобальных проблем – это интерсоциальные глобальные проблемы, связанные с отношениями между основными социальными общностями человечества. К ним принадлежат: предотвращение войн, в первую очередь термоядерной; установление безъядерного и ненасильствен-

ного мира; формирование нового справедливого и разумного мирового порядка; ослабление социально-экономической отсталости беднейших стран мирового сообщества; борьба с международным терроризмом.

Вторую группу глобальных проблем составляют те, которые отражают современный этап взаимодействия человечества и природы: необходимость гармонизации взаимоотношений общества и биосферы; обеспечение человечества природными ресурсами, которые нужны для выживания и прогресса цивилизации (энергетическо-сырьевыми, продовольственными); рациональное освоение Мирового океана и космического пространства.

К *третьей группе* глобальных проблем принадлежат те, которые выражают отношения между человеком и обществом: демографическая проблема; гуманистическое использование достижений научно-технического прогресса (НТП); адаптация человека к динамизму и противоречиям формирующего информационного общества; предвидение отрицательных последствий НТП и создание социально-экономических, юридических, этнических механизмов для их предотвращения» [1, с. 9].

Ришар Жан-Франсуа представил свой укрупненный перечень глобальных проблем, включающий известную триаду: 1 – «*владение планетой сообща*»; 2 – «*проявление человечности сообща*»; 3 – «*использование свода правил сообща*», характеристика которых приведена в таблице 1.

Для перехода к новому безопасному типу цивилизованного развития историческое значение имеет Устав Организации Объединенных Наций (Устав ООН принят в 26.06.1945 г.), который обязал государства решать социально-экономические проблемы, содействовать уважению прав человека, социальному прогрессу. Однако, управление цивилизованным развитием государства остается в настоящее время подверженным влиянию ТНК.

Управление экономическим развитием под влиянием транснациональных корпораций характеризуется глобальным выходом производства и сбыта собственной продукции за государственные национальные границы, что позволяет транснациональным корпорациям осуществлять углубленную интеграцию в экономику других стран и регионов. Так, в Российской Федерации с появлением «большой четверки» аудиторских компаний: *Ernst & Young (EY), Pricewaterhouse Coopers (PwC), KPMG* и *Deloitte Touche Tohmatsu Limited* – началось акционирование крупных российских компаний, таких как РАО ЕЭС, Газпром и др. Глобальное управление осуществляло смену собственников в крупных российских компаниях, заменяя их на собственников зарубежных транснациональных корпораций.

Восстановление рыночной экономики с участием ТНК означало создание новых предпринимательских корпораций на территории России в рамках технологически связанных структур ТНК. Маневренность таких структур, где происходит возникновение новых видов взаимоотношений, взаимозависимых, взаимозамещающих при необходимости, быстрое внедрение инноваций в производственные циклы, в рамках эффективного менеджмента позволяет им поглощать любые желаемые объекты для выполнения глобальных целей и задач. Появление глобальных корпораций и их постоянное увеличение не только по вертикали, но по горизонтали обеспечивает им устойчивое развитие и дальнейшее поглощение других центров производства и распределения. Налаженное трансфертное ценообразование позволяет формировать цепочку формирования добавленной стоимости для дальнейшего экономического роста.

Расширяя рынки сбыта путем интенсивного освоения новых территорий, ТНК активно внедряет свои стандарты качества, управляет умами, знаниями, умениями, навыками на вновь освоенных территориях, концентрирует финансовые ресурсы для повышения результативности проектов, для интенсификации потока инноваций для разработки конкурентной высокотехнологичной продукции с выпуском на мировые рынки.

Таблица 1

Укрупненный перечень глобальных проблем по Ж. Ришару

Укрупненные составляющие триады проблем	Перечень проблем, включенных в триаду
1.«*Владение нашей планетой сообща*» – проблемы, затрагивающие глобально общее	1. Глобальное потепление. 2. Потери биоразнобразия и экосистем. 3. Истощение рыбных запасов. 4. Сведение лесов. 5. Нехватка чистой воды. 6. Сохранность и загрязнение прибрежных вод
2.«*Проявление нашей человечности сообща*» – проблемы, требующие глобальной приверженности	1. Массированное наступление в борьбе с бедностью. 2. Миротворчество, предупреждение конфликтов, борьба с терроризмом. 3. Образование для всех. 4. Глобальные инфекционные заболевания. 5. Цифровой разрыв. 6. Предупреждение и смягчение последствий стихийных бедствий
3.«*Использование нашего свода правил сообща*» – проблемы, нуждающиеся в глобальном регулировании	1. Воссоздание системы налогообложения для XXI века. 2. Нормативное регулирование биотехнологий. 3. Построение глобальной финансовой структуры. 4. Незаконный оборот наркотиков. 5. Правила торговли, инвестирования и конкуренции. 6. Права на интеллектуальную собственность. 7. Правила электронной торговли. 8. Нормы международного труда и миграции

Источник: составлено автором с использованием [2, с. 74].

Конкуренция среди ТНК на мировом рынке очень жесткая, может быть разрушительной, поскольку расходы на борьбу с конкурентами часто превышают допустимые пределы. Поэтому система ТНК «экономит» на расходах на общественное благосостояние, как следствие, это приводит к росту социально-экономического напряжения в разных регионах мира и странах, которые выступают против управления ТНК на их территориях. Понятия гуманизации и гуманитаризации бизнеса для многих ТНК, имеющих частных собственников и акционеров, далеки от применения в разработке стратегий развития на долгосрочную перспективу. Поэтому защиту интересов основного населения стран и регионов могут осуществлять только ТНК с государственной собственностью.

Анализ деятельности ТНК позволяет оценить, насколько максимизирована прибыль в ущерб благосостояния основного населения регионов и территорий, где размещаются корпорации, и какова социальная ответственность бизнеса. Мировое сообщество ежегодно наблюдает за рейтингами ТНК. В таблице 2 приведен список 50 крупнейших компаний, которые публикуют свою отчетность.

Как видно из таблицы 2, в составе 50 крупнейших компаний: 23 – американских, 17 – азиатских и 10 – европейских. Благосостояние территорий, регионов и стран, где расположены эти ТНК, напрямую зависит от уровня их социальной ответственности и

Таблица 2

Крупнейшие компании мира по консолидированной выручке, согласно рейтингу Fortune Global 500

Название компании	Отрасль	Выручка, млн долл. США	Прибыль	Сотрудники	Штаб-квартира	Государственные
1. Walmart	розничная торговля	648125	15511	2100000	США	нет
2. Amazon	розничная торговля, информационные технологии	574785	30425	1525000	США	нет
3. Государственная электросетевая корпорация Китая	электричесство	545948	9204	1361423	Китай	да
4. Saudi Aramco	нефть и газ	494890	129699	7331	Саудовская Аравия	да
5. Китайская нефтехимическая корпорация	нефть и газ	429700	9393	513434	Китай	да
6. Китайская национальная нефтяная корпорация	нефть и газ	476000	25250	1026301	Китай	да
7. Витол	сырьевые товары	400000	13000	1560	Швейцария	Нет
8. Apple	информационные технологии	383482	96995	161000	США	Нет
9. Группа United-Health	здравоохранение	371622	22381	440000	США	нет
10.Berkshire Hathaway	финансовые показатели	364482	96223	396500	США	нет
11. CVS Health	здравоохранение	357776	8344	259500	США	нет
12. Volkswagen Group	автомобильная промышленность	348408	17945	684025	Германия	нет
13. ExxonMobil	нефть и газ	344582	36010	61500	США	нет
14. Shell	нефть и газ	323183	19359	103000	Великобритания	нет
15.Государственная строительная компания Китая	строительная	320431	4272	362894	Китай	да
16. Toyota	автомобильная промышленность	312018	34214	380793	Япония	нет
17. Маккессон	здравоохранение	308951	3002	48000	США	нет
18. Алфавит	информационные технологии	307394	73795	182502	США	нет
19. Cencora	здравоохранение	262173	1745	44000	США	нет
20. Майкрософт	информационные технологии	245122	88136	228000	США	нет
21. Trafigura	сырьевые товары	244280	7393	1247	Сингапур	нет
22. Costco	розничная торговля	242290	6292	316000	США	нет
23. JPMorgan Chase	финансовые показатели	239425	49552	309926	США	нет

Продолжение таблицы 2

Название компании	Отрасль	Выручка, млн долл. США	Прибыль	Сотрудники	Штаб-квартира	Государственные
24. Промышленно-коммерческий банк Китая	финансовые показатели	222484	51417	419252	Китай	да
25. TotalEnergies	нефть и газ	218945	21384	102579	Франция	нет
26. Glencore	сырьевые товары	217829	4280	8342	Швейцария	нет
27. BP	нефть и газ	213032	15239	7940	Великобритания	нет
28. Кардинальное здравоохранение	здравоохранение	205012	261	47520	США	нет
29. Stellantis	автомобильная промышленность	204908	20103	258275	Нидерланды	нет
30. Chevron	нефть и газ	200949	21369	45600	США	нет
31. Китайский строительный банк	финансовые показатели	199826	46990	376871	Китай	да
32. Samsung Electronics	электронная	198257	11082	26786	Южная Корея	нет
33. Foxconn	электронная	197876	4563	621393	Тайвань	нет
34. Cigna	здравоохранение	195265	5164	71413	США	нет
35. Сельско-хозяйственный банк Китая	финансовые показатели	192398	38049	451003	Китай	да
36. Schwarz Gruppe	розничная торговля	180576	16988	575000	Германия	нет
37. Китайская железнодорожная инженерная корпорация	строительство	176563	2152	314149	Китай	да
38. Cargill	конгломерация	177000	17641	160000	США	нет
39. Ford Motor Company	автомобильная промышленность	176191	4347	177000	США	нет
40. Банк Китая	финансовые показатели	172328	32758	306931	Китай	да
41. Банк Америки	финансовые показатели	171912	26515	212985	США	нет
42. General Motors	автомобильная промышленность	171842	10127	163000	США	нет
43. Elevance Health	здравоохранение	171340	5987	104900	США	нет
44. BMW Group	автомобильная промышленность	168103	12205	154950	Германия	нет
45. Группа Tata	конгломерация	165500	12205	1028000	Индия	нет
46. Mercedes-Benz Group	автомобильная промышленность	165638	15417	166056	Германия	нет
47. Китайская железнодорожная строительная корпорация	строительная	160847	1701	336433	Китай	да
48. Baowu	сталь	157216	2494	258697	Китай	да
49. Citigroup	финансовые показатели	156820	9228	237925	США	нет
50. Корпорация Centene	здравоохранение	153999	2702	67700	США	нет

Источник: составлено автором с использованием [3].

обеспечения минимальными потребностями населения этих странах. Для сравнения благосостояния в таблице 3 приведен показатель минимальной заработной платы в некоторых странах.

Как видно из таблицы 3, минимальная заработная плата в разных странах отличается своим уровнем, что свидетельствует о разнице в качестве жизни.

Известно, что регулирование деятельности ТНК политизировано на уровне государств, что отражается на диффузии ТНК, происходящей в регионах в различных формах. При этом минимальная заработная плата формируется ТНК в рамках собственных стратегий. Корректировка минимальной заработной платы в развитых странах значительно выше, чем в развивающихся, куда входит и Россия. Несмотря на лидерство России в поставках многих видов сырья, влияние либеральной политики, продиктованной ТНК, пагубно отражается на экономике страны и социально-экономическом развитии ее территорий. Поэтому стратегической за-

Таблица 3

Минимальная заработная плата в отдельных странах

Страна	долл. США
1.Австралия	34,515
2.Люксембург	32,103
3.Германия	30,529
4.Великобритания	29,690
5.Франция	24,259
6.Канада	24,128
7.Израиль	20,700
8.Испания	17,457
9.Словения	17,070
10.Япония	16,924
11.США	15,080
12.Саудовская Аравия	12,800
13.Чешская Республика	9,959
14.Латвия	8,799
15.Болгария	5,950
16.Боливия	4,444
17.Сербия	3,610
18.Россия	3.135
19.Украина	2.946
20.Китай	2,642
21.Индонезия	2,449
23.Азербайджан	2,435
24.Гондурас	2,420

Источник: составлено автором с использованием [4].

дачей России в сложившихся условиях является *обеспечение экономической безопасности и повышение уровня жизни населения на основе имеющегося потенциала для высокотехнологичного развития.*

Однако сформировавшийся технологический разрыв между развитыми и развивающимися странами все еще остается существенной угрозой экономической безопасности страны. Страны-доноры новых технологий могут диктовать странам-реципиентам свои условия использования поставляемых технологий. Существенная дифференциация в развитии высоких технологий сказывается и на российской экономике. «Россия потеряла множество своих передовых стандартов, которые не имели аналогов в мировом пространстве своей разработанностью и прогрессивностью. Прекращение ГОСТов в постсоветском пространстве привело к внедрению уже устаревших (отстающих) технологий, товаров и продуктов, возникли запреты к выпуску тех или иных высоколиквидных товаров, продуктов и услуг» [5]. Многие информационные технологии разработаны в США. Именно им принадлежат компьютерные технологии, которыми пользуются во всем мире, и разнообразие их достаточно велико. Интенсивность использования информационных технологий можно сравнить с главной жизненно важной артерией. Тотальная цифровизация, предложенная информационными ТНК, охватила все отрасли и системы социально-экономического управления. Для формирования полных инновационных производственных структур в России необходимо создание высокотехнологичных производств, но «не второго и третьего эшелона», как принято говорить. Экономическая безопасность страны не может формироваться без высокотехнологичных производств, тем более что влияние ТНК «для поддержания технологического разрыва» усиливается внутренними проблемами: в российских компаниях отсутствуют собственные средства и силы для их возрождения и развития.

Неполный перечень ТНК в таблице 2 показывает, насколько крупной и мощной должна быть компания, чтобы рассчитывать вывод конкурентной продукции на мировой рынок. Китайские государственные компании за короткий период исторического времени смогли занять достаточно емкие мировые рынки. При этом обеспечивается эффективное социально-экономическое стимулирование на тех территориях, где работают государственные корпорации.

Слияния и поглощения российских компаний за последние 30 лет показали, насколько интеграция в «совместную» деятельность оказалась пагубной для основного населения России. Однако трансформация мирового хозяйства продолжается и при этом нужно учесть территориальное и ресурсное преимущество России. Межотраслевые связи с бывшими союзными республиками в настоящее время в рамках ЕврАзЭС могут быть восстановлены, что обеспечит безопасное развитие и взаимодействие экономик этих стран.

Однако дальнейшая капиталистическая экономическая интеграция ТНК в мировом сообществе – очередное подтверждение теории капитала К. Маркса, согласно которой добавленная стоимость и далее будет аккумулироваться в собственности акционеров ТНК для продолжения борьбы с другими конкурентами и достижения власти на мировом рынке в ущерб интересов основной массы населения. «Под контролем ТНК находятся до 90 % мирового рынка пшеницы, кофе, кукурузы, 85 % рынка меди, 80 % чая, 75 % бананов и натурального каучука. В значительной степени подконтрольны ТНК рынки металлов, энергоносителей, лесоматериалов, вооружений» [6].

В таблице 4 приведен перечень размещения ТНК на мировом рынке в 2012 г. География размещения ТНК имеет глобальный характер, но при этом китайская ТНК представлена только один раз.

Ранее в таблице 2 было продемонстрировано существенное увеличение количества китайских ТНК в 2024 г. При этом китайская концепция Си Цзиньпина [12] действует в рамках унификации научно-технологического развития с выходом на космическое

Таблица 4

Особенности географического размещения ТНК в мире в 2012 г.

Страны мира	Количество ТНК, ед.	Количество филиалов в зарубежных ТНК, ед.	Количество стран размещения ТНК, ед.
1. США	23	66	170
2. Япония	16	53	180
3. Великобритания	13	66	145
4. Франция	13	67	103
5. Германия	10	70	131
6. Голландия	5	70	103
7. Щвейцария	3	58	87
8. Швеция	3	58	105
9. Италия	2	67	66
10. Канада	2	73	58
11. Австралия	2	73	21
12. Испания	2	77	134
13. Китай	1	72	14
14. Финляндия	1	56	34
15. Мексика	1	67	14
16. Норвегия	1	54	42
17. Бельгия	1	70	24
18. Корея	1	55	41

Источник: составлено автором с использованием [7].

пространство, формируя новую форму финансово-институциональных структур для получения положительного эффекта всего населения и спасения человечества. Продвижение экономической многополярности несет в себе элементы благоприятствования для основного населения земли и формирования справедливой формы функционирования государственных транснациональных структур. Современные ТНК усилили свое присутствие на мировом рынке, а некоторые западноевропейские ТНК не вошли в список крупнейших корпораций в 2024 г. Многополярный мир интенсивно меняется, и центры аккумулирования добавленной стоимости также меняют свою географию, в том числе и за счет передачи полномочий ТНК через свои филиалы и представительства в разных странах.

Например, компания *PwC* (ныне «Технологии доверия») работает в 11 российских городах, в ней задействовано 3700 сотрудников. Подразделение нидерландской фирмы *KPMG* (переименовано в АО «КЭПТ») более 30 лет работало на российском рынке. Компания *Deloitte* с 24 мая 2022 г. работает на территории России и Белоруссии под собственным брендом «Деловые Решения и Технологии» [10].

Выгодное дислоцирование филиалов и структур ТНК позволяет им продолжать свою деятельность на территориях других государств, используя трансфертное ценообразование, из-за чего финансовые показатели объема выручки, фактической прибыли, выпуск валовой продукции, выпуск региональной продукции часто являются достаточно приближенными. Повышение процентной банковской ставки используется как инструмент для «передела» собственности. В США, Великобритании и Китае, где расположены основные финансовые ТНК, повышение ключевой процентной ставки стимулирует укрупнение бизнеса и аккумулирование финансовых активов.

В таблице 5 справочно приведена информация о повышении процентных (ключевых) ставок некоторых стран мира.

Таблица 5

Процентные ставки некоторых стран мира в 2020 и 2024 гг.

Страна	2020 г, %	2024 г., %
1. Турция	8,25	50
2. Россия	5	21
3. Великобритания	0,1	4,75
4. США	0,25	4,75
5. Канада	0,25	3,75
6. Евросоюз	0	3,4
7. Китай	2,85	3,1
8. Япония	0	0,25

Источник: составлено автором с использованием [8, 9].

В России повышение ключевой ставки Центральным банком до 21 % считается стремлением снижения инфляции до 4 %. Но при этом кредитные ресурсы для бизнеса могут превышать 30 % годовых. В то же время Банк России информирует: «Денежно-кредитные условия продолжают ужесточаться. С середины сентября повысились ставки денежного и долгового рынка, кредитные и депозитные ставки. Однако рост инфляционных ожиданий сдерживает ужесточение денежно-кредитных условий в реальном выражении. Высокие рыночные ставки поддерживают сберегательные настроения населения. Завершение с 1 июля безадресной льготной ипотеки, рост ставок и ужесточение макропруденциальной политики привели к охлаждению розничного кредитования. Темпы роста корпоративного кредитования, напротив, остаются высокими из-за значимого вклада менее чувствительных к рыночным ставкам операций. В результате общий кредит экономики по-прежнему растет высокими темпами. Принятое Банком России решение ускорит формирование денежно-кредитных условий, необходимых для возвращения кредитования к сбалансированному росту» [11].

Как видно, Центральный банк РФ обеспокоен возможными изменениями в финансовой системе, происходящими слиянием и укрупнением финансовых активов, как в ТНК. Усиление конкуренции

в банковской системе – это механизмы и инструменты глобализации. Однако, все эти попытки не будут иметь положительного влияния на развитие научных технологий и улучшение социально-экономической безопасности и ситуации в нашей стране.

Современный системный кризис в Российской Федерации принял затяжной характер. Увеличение влияния транснациональных корпораций на развитие регионов и территорий России в рамках все более глобализирующейся экономики влияет на ухудшение экономической безопасности.

Несмотря на имеющуюся возможность проводить научные исследования для выпуска высокотехнологичной продукции и выхода на более конкурентные мировые рынки, ТНК в погоне за максимальной прибылью не отвечают требованиям социальной ответственности, что вызывает необходимость формировать новые взаимоотношения между бизнесом и социально-экономической сферой в регионах страны. Существующее в мире значительное расслоение общества (1 % богатых и 99 % бедных без среднего класса) также является угрозой экономической безопасности многих стран.

Нацеленность России на выпуск высокотехнологичной продукции, увеличение научных исследований снизит риски негативного воздействия ТНК на экономическую безопасность в условиях глобализации мировой экономики, цифровизации и ужесточения финансовой политики.

Литература:

1. Скибицкий М.М. Глобальные проблемы современности: М.: Финансовая академия, 2003.103 с.
2. На переломе: Двадцать глобальных проблем – двадцать лет на их решение / Пер. с англ. В.Ф. Мисюченко. М.: Ладомир, 2006. 240 с.
3. Fortune Global 500. URL: https/fortune.com/global500/2022/.
4. World Population Review/ URL: /https/worldpopulationreview.com/country-rankings/minimum-wage-by-country.
5. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего. М.: Книжный мир, 2017. 352 с.
6. Трифонова И.В. Роль транснациональных корпораций в глобализации мировой экономики // Молодой ученый. 2013. № 9 (56). С. 243–245.
7. Булатов А. С. Мировая экономика. М.: Экономистъ, 2009. 407 с.
8. Процентные ставки стран мира 2020.URL: https://vizit-nvk.ru/protsentnye-stavki-stran-mira-2020/
9. Ключевая ставка. URL: https://ru.tradingview.com/markets/world-economy/indicators/interest-rate/
10. Большая четвёрка в России. Жизнь после ухода. URL: https://dzen.ru/a/ZYLtCsXgPUWDtwwX
11. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: //https://www.cbr.ru/
12. Китай обнародовал Концепцию глобальной безопасности, включающую 6 основных принципов международного сотрудничества. URL: https://rg.ru/2023/03/21/davajte-zhit-druzhno.html

Economic Security in the Context of TNK Globalization: Problems and Ways To Improve

Usmanova T.K.
Perm State National Research University

The article examines the influence of TNCs on the state of economic security of states in the context of the globalization of the world economy. The relevance of the topic is due to the use of politicized instruments for regulating the activities of TNCs in most countries of the world and, as a result, the presence of various forms of socio-economic and industrial-technological development, which needs to be studied in order to ensure Russia's economic security. The purpose of the work is to assess the global problems that hinder economic security under the influence of the activities of multinational corporations. The scientific and practical significance of the research lies in the possibility of a more effective solution to the problems arising under the influence of TNCs that hinder the sustainable and safe development of the country's economy.

The results of the conducted research are presented by the classification characteristics of global problems and the theoretical analysis of their impact on economic development and economic security.

The threats to economic development arising under the influence of TNCs related to the growth of global corporations, the redistribution of the production and sales market, fierce competition, and the advantageous location of TNC branches and structures have been identified.

Keywords: economic security, socio-economic policy, innovation, technological development, multinational corporations, crisis

УДК 316.334.2, 316.334.52
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-116-120

Социально-экономические эффекты и перспективы развития межрегионального сотрудничества в сфере туризма в России

Черноморец А.Б.
Кандидат технических наук,
доцент кафедры управления в сфере туризма и гостиничного бизнеса
Северо-Западного института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Шматко А.Д.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Северо-Западного института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью внутреннего туризма в социально-экономическом развитии российских регионов. Цель – выявить ключевые факторы, влияющие на межрегиональное сотрудничество в туристической отрасли, и предложить модель его эффективного развития. В исследовании были поставлены задачи анализа существующих проблем, связанных с инфраструктурой, кадровым дефицитом и сезонностью туризма, а также рассмотрения успешных примеров межрегиональных проектов. Предложена модель развития межрегионального сотрудничества в сфере туризма, что позволит регионам более эффективно использовать их туристический потенциал. Результаты исследования показывают, что успешное межрегиональное сотрудничество способствует повышению привлекательности туристических направлений, развитию инфраструктуры и созданию условий для устойчивого роста.

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, межрегиональное сотрудничество, туризм, туристические маршруты, кадровые проблемы, постковидные тенденции*

Для цитирования: *Черноморец А.Б., Шматко А.Д. Социально-экономические эффекты и перспективы развития межрегионального сотрудничества в сфере туризма в России // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 116–120. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-116-120.*

Туристическая отрасль в России претерпела значительное развитие за последние три десятилетия. В этот период произошли кардинальные изменения как в составе целевых аудиторий, так и в их предпочтениях, что, в свою очередь, отразилось на рынке туристических предложений. В начале 2000-х гг. внутренний туризм находился на периферии интересов как туристов, так и туроператоров: российские туристические компании ориентировались в первую очередь на выездной туризм, так как существовало мнение, что внутренние путешествия не требуют профессиональной организации и российские туристы предпочитают по своей стране путешествовать самостоятельно [1]. Средств размещения вну-

три страны было недостаточно, а имеющиеся также были нацелены на обслуживание преимущественно иностранных туристов [2]. При этом отечественные путешественники в большинстве своем выбирали популярные зарубежные направления, такие как Египет и Турция, а затем и Таиланд, благодаря существующему там более высокому уровню сервиса и приемлемым ценам [3].

Однако за последнее десятилетие ситуация начала меняться и одним из ключевых факторов, оказавших влияние на внутренний туризм, стало активное участие государства в его развитии. В 2011 г. была принята Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)» [4], затем Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 гг.» [5] и «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» [6].

Важной вехой на пути развития туризма в нашей стране стало проведение зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, что существенно изменило туристическую инфраструктуру курорта. Благодаря крупным инвестициям в модернизацию и строительство объектов Сочи приобрел международную известность, а также стал более привлекательным для российских туристов. Через пять лет после проведения Олимпиады в городе фиксировался турпоток в объеме 6,5 млн туристов в год, тогда как до Олимпийских игр всего 3,5 млн [7].

После этого вниманию к внутреннему туризму стало уделяться гораздо больше. С принятием государственной программы «Развитие туризма» до 2030 г., утвержденной в 2021 г. [8], развитие отрасли приобрело новый импульс, включая значительное финансирование из федерального бюджета. В рамках этой программы создаются уникальные условия для развития внутренних туристических направлений, что особенно актуально на фоне постковидных ограничений на международные поездки. В результате в 2022 г. количество туристических поездок внутри страны, по данным Росстата, выросло до 153,9 млн, а в 2023 г. – до 158,7 млн поездок [9].

На сегодняшний день наиболее популярными регионами для внутреннего туризма в России остаются Краснодарский край, Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области, а также Крым и Татарстан. Эти регионы пользуются спросом как у туристов, так и у деловых путешественников. Центральный федеральный округ, в частности, выделяется как основной центр деловых поездок. Региональные столицы становятся ключевыми узлами для внутренних перемещений, что стимулирует развитие делового туризма.

По данным Росстата [9], более половины туристов размещается в коллективных средствах размещения. На рисунке 1 показаны данные о целях туризма лиц, размещенных в коллективных средствах размещения [10].

Из рисунка 1 видно, что на первом месте у россиян стоят поездки с целью проведения досуга и отдыха, а на втором – лечебные и оздоровительные процедуры. Велнес-туризм, сочетающий в себе как проведение досуга и отдыха, так и оздоровление и являющийся фактически разновидностью лечебно-оздоровительного туризма, существенно развился в постпандемийный период. Многие регионы предлагают путешественникам короткие оздоровительные программы, рассчитанные на 3–5 дней пребывания в санатории или спа-отеле и включающие интенсивные лечебно-оздоровительные процедуры: лечебные ванны, душ Шарко, массаж и прочие виды воздействия, позволяющие за короткое время снят стресс и оздоровить организм [11]. Также исследователи [12; 13] отмечают, что одной из ярко выраженных тенденций в развитии внутреннего туризма в последние годы стало сочетание деловых поездок с отдыхом, известное как «*bleisure*» (от английских слов *business* и *leisure*). Этот формат, сочетающий бизнес и отдых, активно набирает популярность среди деловых путешественников, которые продлевают свои поездки, добавляя несколько дней для отдыха или участия в оздоровительных процедурах. Такой подход не только отвечает текущим запросам потребителей на баланс работы и личного времени, но и способствует развитию туризма в регионах. Например, многие курорты предлагают краткосрочные программы, такие как «уставший менеджер», рассчитанные на деловых туристов, которые могут совместить рабочие поездки с оздоровительными мероприятиями. Это создает уникальные возможности для межрегионального сотрудничества, когда деловые мероприятия проводятся в одном регионе, а отдых – в соседнем, что способствует развитию экономик сразу нескольких территорий.

Несмотря на положительные тенденции, развитие межрегионального сотрудничества в сфере туризма сталкивается с рядом значительных проблем [14]. Ключевые из них:

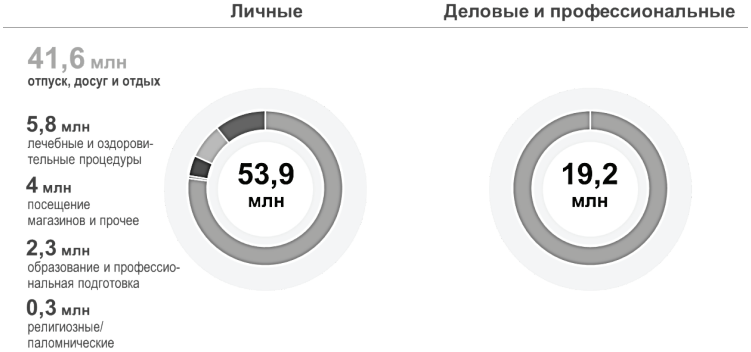

Рис. 1. Цели поездок размещенных лиц в коллективных средствах размещения в 2022 г.

(диаграмма составлена авторами по данным Росстат)

1. Инфраструктурные ограничения: транспортная доступность ряда регионов остается слабым звеном. Плохое состояние дорог, недостаточное развитие железнодорожных узлов и аэропортов усложняет туристические поездки, особенно для больших групп. Это снижает привлекательность некоторых регионов для массового туризма. Проблема становится особенно острой в регионах с низким уровнем развития инфраструктуры [15].

2. Недостаток качественных объектов размещения и сервиса: наличие разнообразных и качественных объектов размещения является важным фактором для туристов, особенно для групповых поездок. Однако в ряде регионов, особенно в удаленных частях страны, выбор таких объектов остается ограниченным. Это тормозит развитие туризма в этих регионах, так как туристы зачастую не готовы к компромиссам в отношении качества размещения [16].

3. Проблемы с квалифицированными кадрами: нехватка профессионалов в туристической сфере — одна из серьезных проблем для многих российских регионов. Несмотря на то что высшие учебные заведения начали предлагать программы по туризму и гостиничному делу, многие регионы по-прежнему испытывают трудности с привлечением и удержанием квалифицированных кадров [17].

4. Сезонность и экстремальные климатические условия: регионы, такие как Сибирь и Арктика, предлагают уникальные туристические программы, но их привлекательность ограничена сезонностью и экстремальными климатическими условиями. Это сужает целевую аудиторию и ограничивает объемы туристических потоков. Тем не менее такие регионы продолжают привлекать интерес нишевых рынков, включая арктический и этнографический туризм [18].

5. Неравномерное распределение туристических объектов: качество и количество туристических достопримечательностей в различных регионах варьируется. В некоторых регионах объекты культурного и природного наследия слабо развиты или недостаточно рекламируются, что снижает их привлекательность. Важно учитывать, что многие регионы сталкиваются с проблемой недофинансирования в области развития туризма [19].

Решение указанных проблем возможно через межрегиональное сотрудничество, которое способно объединить ресурсы и потенциал различных регионов. Совместные усилия по развитию туристической инфраструктуры, созданию новых маршрутов и улучшению качества сервиса могут способствовать превращению внутренних регионов России в конкурентоспособные туристические направления. Например, развитие межрегиональных туристических продуктов может помочь решить проблему транспортной доступности, а также увеличить объемы туристического потока за счет создания комплексных предложений для путешественников [20].

Модель создания и развития межрегиональных туристических продуктов, представленная на рисунке 2, предлагает создание новых смыслов и имиджа туристических направлений, привлечение квалифицированного персонала и разработку маркетинговых стратегий. При этом важной составляющей является интеграция усилий как бизнеса, так и органов государственной власти.

Рис. 2. Модель создания и развития нового межрегионального турпродукта

Авторы считают, что предложенная модель (рис. 2) может внедряться в нескольких ключевых направлениях:

1. Маркетинг и продвижение. Важную роль в продвижении межрегиональных туристических продуктов играют эффективные маркетинговые стратегии. Для повышения спроса необходимо учитывать особенности целевой аудитории, разрабатывая предложения, соответствующие потребностям различных групп, таких как студенты, пожилые люди и семьи.

2. Государственно-частное партнерство. Развитие туризма во многом зависит от взаимодействия государственного и частного секторов. Государственная поддержка в виде улучшения инфраструктуры и предоставления бизнес-стимулов может стимулировать частные инвестиции в туристические проекты.

3. Региональные соглашения. Формализация межрегиональных соглашений создает платформу для долгосрочного сотрудничества. Такие соглашения могут охватывать совместные маркетинговые усилия, проекты по развитию инфраструктуры и координацию действий по привлечению туристов.

Примеры успешных межрегиональных проектов уже существуют в России. Так, туристический маршрут по Шелковому пути, охватывающий несколько субъектов Северо-Кавказского федерального округа, привлекает внимание туристов своей культурной и исторической значимостью. Этот проект демонстрирует, как можно использовать межрегиональное сотрудничество для создания туристического продукта, способного заинтересовать широкую аудиторию.

Круизный туризм – еще одно направление, активно развивающееся благодаря межрегиональным усилиям. Популярные круизы по Волге и Енисею объединяют несколько регионов, предоставляя туристам возможность исследовать разные части страны в рамках одного путешествия.

Культурные и исторические маршруты, такие как «Золотое кольцо» и «Серебряное ожерелье», «Государева дорога», остаются одними из наиболее успешных примеров межрегионального сотрудничества. Эти программы развиваются на протяжении многих лет и продолжают привлекать как российских, так и иностранных туристов. Важно отметить, что такие маршруты охватывают сразу несколько регионов, объединяя их общими темами и целями.

Таким образом, межрегиональное сотрудничество в туризме играет ключевую роль в социально-экономическом развитии российских регионов. Оно способствует укреплению связей между различными частями страны, развитию инфраструктуры и созданию устойчивых туристических продуктов.

Исследования показывают, что туризм оказывает существенное влияние не только на экономику, но и на социальные структуры общества, способствуя изменению миграционных потоков, улучшению условий занятости и стимулированию культурных обменов между регионами, создавая таким образом предпосылки для устойчивого развития региона.

Проблемы, такие как нехватка кадров и неравномерное развитие инфраструктуры, требуют комплексного подхода, включающего как экономические, так и социальные аспекты. Важно учитывать, что дальнейшее развитие межрегионального сотрудничества в сфере туризма зависит от готовности регионов к активной кооперации и совместным проектам. Только в условиях скоординированных усилий возможен рост туристической отрасли в долгосрочной перспективе, что, в свою очередь, приведет к развитию регионов и укреплению социальной стабильности.

Литература:

1. Рябова Т.В., Эртман Е.В. Социально-культурные аспекты самостоятельного туризма // Сервис +. 2016. № 3. С. 3–7.
2. Латышев А.В. Туризм в России в 1990-е годы: профессионально-экспертный дискурс // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2018. № 4 (43). С. 124–133.
3. Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Постсоветский период в истории развития туризма в России: кардинальные преобразования и особенности развития // Genesis: исторические исследования. 2023. № 3. С. 62–72.
4. Постановление Правительства РФ от 02.08.2011 г. № 644 «Об утверждении Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)» // СПС Гарант.
5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма на 2013-2020 годы» // СПС Гарант.
6. Распоряжение Правительства РФ от 31.05.2014 г. № 941-р «Об утверждении «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС Гарант.
7. Город-сказка, город-курорт. Сочи спустя пять лет после Олимпиады. URL: https://tass.ru/v-strane/6081079.
8. Государственная программа «Развитие туризма», утверждена постановлением Правительства от 24 декабря 2021 г. № 2439. URL: http://government.ru/rugovclassifier/899/events/
9. Государственная статистика. Туристский поток (по числу туристских поездок) URL: https://www.fedstat.ru/indicator/62157
10. Государственная статистика. Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31560
11. Заварика Г.М., Федоренко К.С. Велнес-туризм как возможность развития территории в условиях постконфликтна и пандемии // Туризм и гостеприимство. 2020. № 2. С. 28–35.
12. Замятина Н.А., Збарская А.В. Специфика инновационной деятельности в туризме эпохи новой реальности // Вестник ГУУ. 2021. № 9. С. 112–121.
13. Зотов Е. Д. Влияние профессионально-деловых целей и источника финансирования на статус субъекта деловой поездки // Вестник ГУУ. 2021. № 5. С. 69–76.
14. Бутова Т.В., Пухова М.М., Щукин И.А. Проблемы и перспективы становления института межмуниципального сотрудничества в России // Управленческие науки. 2013. № 3 (8). С. 4–15.
15. Игнатьева Т.А. Кризис в отечественном туризма: проблемы и пути выхода // Экономика и управление. 2020. № 12 (182). С. 1360–1366.
16. Суранова О.А. Дифференцированный подход к осуществлению государственной финансовой поддержки современных средств размещения туристов в РФ // Известия БГУ. 2022. № 3. С. 550–561.
17. Жигунова Г.В., Шарова Е.Н. Потребность в кадрах туристической отрасли (на материалах экспертного опроса) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12 (92). С. 33–39.
18. Крюкова Е.М., Горбачевская А.В., Зеленов В.В., Галстян В.В. Характеристика и особенности внутреннего туристского рынка на современном этапе развития экономики России // Инновации и инвестиции. 2021. № 10. С. 173–177.
19. Шулятьева Л.И., Малышева Д.А. Развитие неорганизованного туризма: проблемы и повышения эффективности // МНИЖ. 2022. № 10

(124). DOI: 10.23670/IRJ.2022.124.70. URL: URL: https://research-journal.org/archive/10-124-2022-october/10.23670/IRJ.2022.124.70 (дата обращения: 28.11.2024).

20. Климова Т.Б. К проблематике чрезмерного туризма: поиск путей решения // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022. № 4. С. 15–26.

Socio-Economic Effects and Development Prospects for Interregional Cooperation in Tourism in Russia

Chernomorets A.B., Shmatko A.D.
The North-West Institute of Management branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of the work is due to the growing role of domestic tourism in the socio-economic development of Russian regions. The goal is to identify the key factors influencing interregional cooperation in the tourism industry and propose a model for its effective development. The study set the objectives of analyzing existing problems related to infrastructure, personnel shortages and seasonality of tourism, as well as considering successful examples of interregional projects. A model for the development of interregional cooperation in tourism is proposed, which will allow regions to use their tourism potential more effectively. The results of the study show that successful interregional cooperation helps to increase the attractiveness of tourist destinations, develop infrastructure and create conditions for sustainable growth.

Keywords: socio-economic development, interregional cooperation, tourism, tourist routes, personnel problems, post-covid trends

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-121-126

Реализация решений XVI саммита БРИКС (Казань) как механизм эффективного противодействия внешним угрозам экономической безопасности России

Шлычков В.В.
Начальник Межрегионального филиала
Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Владивостоке

Целью работы является выявление и анализ актуальных внешних угроз экономической безопасности Российской Федерации и разработка рекомендаций по использованию потенциала БРИКС для эффективного им противодействия. Используя ретроспективный анализ, автор раскрывает основополагающие принципы создания БРИКС и объясняет мотивы стран-учредителей, определяя место организации в глобальной социально-экономической системе. Применяя доказательный подход и функциональный анализ, в работе автор дает характеристику текущего состояния потенциала международного экономического объединения и определяет формы и методы его реализации в целях обеспечения процесса развития российской экономики, повышения её устойчивости и уровня безопасности. Опираясь на нормативный анализ и методы научной абстракции, статья демонстрирует механизмы и формы сотрудничества членов БРИКС по коллективному противодействию актуальным внешним вызовам и угрозам. Применив факторный и динамический анализ, исследователь доказывает позитивное влияние этого процесса на достижение целей национального развития всех стран-участниц. Наиболее полное раскрытие заявленной темы позволит снизить негативное воздействие внешних угроз экономической безопасности РФ, повысить устойчивость и надежность её социально-экономической системы.

Ключевые слова: *БРИКС, экономическая безопасность, внешние вызовы и угрозы, национальные цели развития, экономический рост, экономическая устойчивость*

Для цитирования: *Шлычков В.В. Реализация решений XVI саммита БРИКС (Казань) как механизм эффективного противодействия внешним угрозам экономической безопасности России // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 121–126. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-121-126.*

В существующих геополитических и геоэкономических реалиях суверенность и независимость любой страны напрямую зависит от уровня безопасности и устойчивости её экономической системы, т.к. без наличия эффективно функционирующего национального хозяйства ни одно государство просто не сможет исполнять возложенные на него миссии, а наличие необходимых для этого ресурсов прежде всего предопределяется потенциальными возможностями экономики. В связи с этим прикладная задача поддержания и укрепления необходимого для развития уровня экономической безопасности страны на сегодняшний день фактически стала стержнем социально-экономической политики любого государства [1].

Российская Федерация сегодня решает аналогичные задачи, конкурируя с другими субъектами международных отношений, при этом неся значительные дополнительные издержки экономической войны с коллективным Западом и проводимой СВО,

создавшими для экономической безопасности нашей страны целый пул политически мотивированных внешних угроз [2]. И для эффективного противодействия этим вызовам и угрозам РФ необходимо шире использовать потенциал таких международных организаций, как СНГ, ОДКБ, ШОС и прежде всего БРИКС, являющейся на сегодня самым масштабным международным экономическим объединением [3].

Внешние угрозы экономической безопасности России в условиях гибридной войны и обострения противостояния с коллективным Западом

В ответ на неоколониализм 90-х гг. XX в. и не желание Запада строить с нашей страной равноправные и партнерские отношения, в начале текущего века в российском обществе начался поддержанный властью и патриотически настроенной частью элиты процесс переосмысления национальных интересов. Как следствие, в стране были пересмотрены приоритеты социально-экономической политики, задачами которой стали возвращение части утраченного суверенитета и достижение национально ориентированных целей развития [4; 5]. Ответная реакция западных «партнеров» была направлена как на внутреннюю дестабилизацию России, так и на создание очагов напряженности по внешнему периметру её границ [6, с. 11]. Сначала Российская Федерация в 2008 г. была втянута в вооруженный конфликт между Грузией и Южной Осетией, а более «удачный» проект Запада по созданию из братской Украины «фактически враждебного государства «анти-России» [7] в 2022 г. вообще привел к частичной мобилизации и началу Специальной военной операции (далее – СВО), ставшей вынужденной реакцией на физическое уничтожение мирного населения ДНР и ЛНР неофашистским украинским режимом. Под предлогом защиты суверенитета Украины объединившиеся в антироссийскую коалицию западные страны объявили России полномасштабную прокси-войну, целями которой стали нанесение поражения на театре военных действий, разрушение российской экономики, дестабилизация социально-экономической ситуации и последующая за этим смена политического режима.

В качестве основного «оружия» экономической войны были выбраны незаконные санкции и рестрикции, направленные прежде всего на ограничение доступа РФ на глобальные товарные, инвестиционные и финансовые рынки, перекрытие каналов экспортно-импортных операций и поступления в страну валютных средств и инновационных технологий, разрыв устоявшихся логистических цепочек поставок. Вопреки всем нормам международного права, фактически были украдены суверенные золотовалютные резервы, российские финансовые учреждения отключены от системы международных расчетов *SWIFT*, а россияне лишились доступа к платежным системам *Mastercard* и *Visa*. Одновременно Запад ввел потолок цен на российские энергоносители, существенно ограничил возможности страхования их транспортировки и сбыта на своих рынках. Всего против России по состоянию на 15.10.2024 г. было введено 17 347 санкций [8], причем, все эти инструменты экономической войны были дополнены политикой «отмены» нашей страны в области культуры и спорта, ограничениями на участие российских представителей в международных организациях и учреждениях, как правило, находящимися под западным контролем.

Однако, вопреки расчетам инициаторов экономической войны и прогнозам многочисленных аналитиков, российская экономика достаточно быстро преодолела шок от массированного санкционного удара 2022 г. и, продемонстрировав высокие адаптационные способности и устойчивость уже в 2023 г., благодаря оперативной переориентации на рынки стран Азии и Глобального Юга, перешла к стадии экономического роста в 3,6 % [9], превысив при этом аналогичные показатели большинства стран антироссийского блока, что позволило в 2024 г. выйти на 1-е место в Европе и 4-е место в мире по ВВП ППС [10].

Тем не менее экономические санкции безусловно серьезно усложнили деятельность практически всех сфер российской экономики, став главным барьером на пути экономического роста, и, хотя антисанкционная политика Правительства РФ доказала свою эффективность, для нашей страны не только сохранились, но и значительно усилились многие внешние угрозы. Запад по-прежнему в экономической войне делает основной упор на изоляцию России, ограничения инвестиционного сотрудничества и технологических обменов и в 2024 г. более активно стал использовать угрозу вторичных санкций против как действующих, так и потенциальных зарубежных партнеров, запугивая уже их ограничениями доступа на свои рынки.

Как следствие, отечественные товаропроизводители с середины текущего года начали сталкиваться с массовыми отказами в проведении трансграничных платежей и возвратами уже авансированных финансовых средств по значительной доле ранее заключенных внешнеэкономических контрактов, а дебетовые и кредитные карты россиян, имитированные банками дружественных стран, были заблокированы или перестали работать за приделами Российской Федерации, что значительно увеличило транзакционные издержки для всех экономических субъектов. Кроме того, перманентный процесс обесценивания замороженных валютных накоплений граждан России из-за крайне высокой инфляции западных экономик также крайне негативно отражается на уровне доходов и качестве жизни населе-

ния страны. Одновременно с учетом ограниченной конвертации национальных валют стран – покупателей российского сырья со значительным их числом стал увеличиваться положительный торговый баланс, аномальный профицит которого только с Индией в 2023–2024 финансовом году составил 57,2 млрд долл. США [11], которые фактически заморожены и не могут быть задействованы в формировании ВВП. Ну и, конечно, продолжающаяся многовекторная поддержка Западом Украины и регулярные поставки ей летального вооружения и боеприпасов бесспорно повышают эскалацию конфликта и увеличивают сроки продолжения СВО, что в свою очередь снижает уровень экономической безопасности России, пролонгируя негативное воздействие уже существующих угроз.

БРИКС – хронология создания и основополагающие принципы деятельности

В начале XXI в. отказавшиеся от идеологического и военного противостояния с Западом Бразилия, Россия, Индия и Китай столкнулись как с политической, так и с экономической дискриминацией в процессе наметившейся интеграции в геополитическую и геоэкономическую системы, основанных на принципах однополярного мирового порядка. Коллективный Запад фактически отказал этим странам в равноправном партнерстве, рассматривая их исключительно в качестве «фабрики» или «сырьевого придатка» «золотого миллиарда» и отказывая в праве на всеобъемлющий государственный суверенитет и наличие собственных национальных интересов. Именно проводимая неоколониальная политика Запада на фоне увеличения издержек, связанных с последствиями мирового кризиса, стала триггером процесса создания нового масштабного экономического блока «стран-изгоев», на сегодня ставшим альтернативой «Большой семерки» и механизмом гармонизации запросов наиболее динамично развивающихся экономик мира, обладающих значимой долей мирового социально-экономического потенциала.

Объединение БРИКС (*BRICS*) начало свою деятельность в июне 2006 г. во время проведения очередной Генассамблеи ООН со встречи министров иностранных дел Бразилии, Индии, Китая и России, которые выработали и подписали первый совместный официальный документ организации. БРИКС не является юридическим лицом, не имеет жесткой структуры, штаб-квартиры или Устава, и нормативно-правовыми документами, регулирующими деятельность организации, являются протоколы саммитов и международные договоры стран-участниц. У организации нет выбранных руководящих лиц, и её работу поочередно координирует избираемая на год страна-участница, которая традиционно проводит саммит на своей территории, в значительной мере определяя его повестку дня и текущие приоритеты. Первый саммит БРИКС был проведен в 2009 г. в российском Екатеринбурге. Кроме того, участники клуба выработали более 30 форматов взаимодействия таких как совещания министров иностранных дел и руководителей национальных банков, встречи деятелей науки и культуры и т.д.

Страны-учредители определили следующие основные цели организации: повышение качества жизни своего населения; рост объема взаимной торговли и инвестиций, развитие инфраструктуры и содействие экономической интеграции, развитие высоких технологий и внедрение инновационных экономических процессов, развитие нового международного финансового института (Новый банк развития) и создание пула условных валютных резервов для поддержки членов БРИКС в условиях роста турбулентности мировой экономики. Текущая деятельность блока строится в рамках «Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г.», учитывающей интересы всех стран-участниц и направленной на защиту их национальных экономик от геоэкономических вызовов и угроз через выработку коллективных мер противодействия. Документ состоит из трех блоков: торговля, инвестиции и финансы, цифровая экономика и устойчивое развитие. Приоритеты отданы сельскому хозяйству, торговле, инвестициям и минеральному сырью. В 2014 г. появился Новый банк развития, ставший механизмом финансовой стабильности не только для членов организации, но и для стран с низким уровнем дохода. Определяя роль и текущее место объединения в системе мирового хозяйства, Президент РФ В.В. Путин отметил, что «на страны БРИКС приходится 45 % населения Земли», а доля стран-участниц «в глобальном ВВП по паритету покупательной способности по итогам 2024 г. составит 36,7 %, что уверенно превышает долю стран «группы семи», которая составит 30 %» [12].

Очередной XVI саммит организации успешно прошел в Казани с 22 по 24 октября 2024 г. под девизом «укрепления многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» [13] и был ознаменован принятием в нее новых членов – Египта, Эфиопии, Ирана, ОАЭ и Саудовской Аравии, а также установлением нового статуса «стран-партнеров» для 13 государств: Алжира, Белоруссии, Боливии, Вьетнама, Индонезии, Казахстана, Кубы, Малайзии, Нигерии, Таиланда, Турции, Уганды и Узбекистана. В его работе приняли участие делегации из 35 стран и шести международных организаций.

Таким образом, можно уверенно заявлять о том, что на сегодня «БРИКС – это пространственная геоэкономическая система, в которой участвует значительная часть мирового ВВП реального сектора экономики» [14], имеющая значительный потенциал для своего развития и увеличения.

Казанская декларация БРИКС как механизм укрепления экономической безопасности России и повышения устойчивости её экономики

Россия, как страна – организатор работы БРИКС в 2024 г., подготовила и согласовала достаточно внушительный 40-страничный итоговый документ, состоящий из 134 пунктов. Казанская декларация прежде всего зафиксировала приверженность организации заявленным ранее основополагающим принципам: признание многополярности мирового порядка, отказ от применения экономических санкций как инструмента недобросовестной конкуренции и ограничения экономического роста, приверженность дипломатическим инструментам урегулирования международных споров и конфликтов.

Вместе с тем на саммите БРИКС в целях «углубления финансово-экономического сотрудничества в интересах справедливого глобального развития» [13] были приняты и ряд решений, влияющих на практическую реализацию потенциала объединения и активизацию его деятельности. К наиболее важными из них относятся:

– положительно оценив практику расчетов в национальных валютах при взаиморасчетах между странами БРИКС и их торговыми партнерами, участники саммита призывали «к укреплению корреспондентских банковских сетей между странами БРИКС и обеспечению возможности расчетов в национальных валютах в соответствии с Трансграничной платежной инициативой БРИКС (*BCBPI*)» [13] и выступили за дальнейшее развитие независимой о третьих лиц системы двухсторонних платежей;

– признав «ключевую роль Нового банка развития (НБР) в содействии развитию инфраструктуры и устойчивому развитию стран-акционеров», саммит поддержал инициативу по созданию новой инвестиционной платформы, «позволяющей максимально эффективно задействовать существующую институциональную инфраструктуру НБР в целях увеличения притока инвестиций в страны БРИКС и механизмы Глобального Юга» [13, п. 62];

– участники форума подтвердили «необходимость реформирования нынешней международной финансовой архитектуры для решения глобальных финансовых проблем, включая глобальное экономическое управление, чтобы сделать международную финансовую архитектуру всеобъемлющей и справедливой» [13, п. 59], и в рамках усовершенствования международной валютно-финансовой системы (МВФС) приняли решение начать проработку создания платежной системы организации BRICS Bridge, которая позволит на основе использования цифровых финансовых активов стран-участниц эффективно обмениваться финансовой информацией, исключив из процесса банковские организации;

– страны-участницы признали «важность изучения возможности сопряжения инфраструктуры финансовых рынков стран БРИКС» и договорились «обсудить и изучить возможность создания независимой трансграничной расчетно-депозитарной инфраструктуры *BRICS Clear* – инициативы, дополняющей существующую инфраструктуру финансовых рынков, а также независимого перестраховочного потенциала БРИКС, включая компанию *BRICS (Re) Insurance*, с участием на добровольной основе [13, п. 66];

– в целях создания «справедливой системы торговли сельскохозяйственной продукцией и внедрения жизнеспособного и устойчивого сельского хозяйства» была поддержана инициатива российской стороны по созданию в рамках БРИКС зерновой (сырьевой) торговой площадки (Зерновой биржи БРИКС) и ее последующему развитию, в том числе с охватом и других секторов сельского хозяйства» [13, п. 72];

– участники саммита достигли соглашения о запуске Центра промышленных компетенций стран БРИКС и поддержали решение Консультативной группы ПартНИР «о создании семи рабочих групп, в том числе по химической промышленности, горнодобыче и металлургии, цифровой трансформации производства, МСП, интеллектуальному производству и робототехнике, фотоэлектрической промышленности, медицинским приборам и фармацевтике» [13, п. 76];

– страны-участницы признали «необходимость создания устойчивых глобальных цепочек поставок и стабильного, предсказуемого спроса на энергию в целях обеспечения всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии, а также национальной, глобальной и региональной энергетической безопасности» [13, п. 80];

– члены БРИКС приступили к «изучению возможностей создания логистической платформы для координации и совершенствования транспортных услуг в целях обеспечения мультимодальной логистики между странами БРИКС [13, п. 92].

Выводы:

1. Прошедший XVI саммит БРИКС (Казань) наглядно продемонстрировал провал политики коллективного Запада по международной изоляции Российской Федерации, а механизмы организации позволили нашей стране создать новые технологические и логистические цепочки поставок, выйти на рынки азиатских стран и государств Глобального Юга, в значительной мере сохранить экспортный потенциал и интенсивность международного научно-технического сотрудничества, обеспечить поступления необходимых для поддержания уровня производства валютных и инвестиционных ресурсов.

2. Являясь крупнейшим в мире экономическим объединением, БРИКС обладает необходимым потенциалом роста и обеспечивает членам организа-

ции значительные преференций для поступательного развития их национальных экономик, используя преимущества взаимовыгодной международной кооперации стран-участниц и эффективно перераспределяя ресурсы внутри блока.

3. Практически все принятые на саммите решения позитивно влияют на экономическую безопасность РФ и устойчивость её экономики, а их дальнейшая успешная практическая реализация существенно снизят актуальные на сегодня внешние риски экономического роста и достижения целей национального развития.

Литература:

1. Шлычков В.В. Ключевые аспекты обеспечения экономической безопасности России в условиях перманентного санкционного давления коллективного запада и проведения СВО // Современные проблемы и перспективы социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов: сб. статей Межд. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2023. С. 171–176.
2. Зарезнов Д.А. Экономические ограничения как традиционный инструмент сдерживания России и изменение вектора санкционной политики в 2024 г. // Управление устойчивым развитием. 2024. № 4 (53). С. 18–24.
3. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090
4. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Нестулаева Д.Р. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 8. С. 972–986.
5. Морозов И.В. Воспроизводство экономического потенциала региона в условиях цифровой экономики. – Казань: ООО «Эксперт 16», 2023. – 228 с.
6. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
7. Послание Президента Федеральному Собранию. 21 февраля 2023 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70565.
8. Санкции против России: актуальная статистика. URL: https://x-compliance.ru/statistics.
9. Переориентация южного бизнеса на Азию дает заметные результаты. URL: https://rg.ru/2024/06/25/reg-ufo/pereorientaciia-iuzhnogo-biznesa-na-aziiu-daet-zametnye-rezultaty.html
10. Global growth is expected to remain stable yet underwhelming. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024#Projections.
11. Дефицит торговли Индии с РФ вырос до $57,2 млрд в 2023-2024 финансовом году. URL: https://tass.ru/ekonomika/20917909
12. Бикбов А. Три дня, которые потрясли мир: итоги саммита БРИКС в Казани. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/tri-dnya-kotorye-potryasli-mir-itogi-sammita-briks-v-kazani-5962501
13. XVI BRICS Summit Kazan Declaration Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security. URL: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/Kazan_Declaration_FINAL.pdf?1729693488349783
14. Интервью Германа Селявина с Дмитрием Евстафьевым по итогам XVI саммита БРИКС в Казани. URL: https://vk.com/video30825823_456251162

Implementation of the Decisions of the XVI BRICS Summit (Kazan) as a Mechanism for Effectively Countering External Threats to Russia's Economic Security

Shlychkov V.V.
Interregional Branch of the Federal State Institution «Center for Ensuring the Activities of the Treasury of Russia» in Vladivostok

The aim of the work is to identify and analyze current external threats to the economic security of the Russian Federation and to develop recommendations on using the potential of the BRICS to effectively

counter them. Using a retrospective analysis, the author reveals the fundamental principles of the creation of BRICS and explains the motives of the founding countries, defining the organization's place in the global socio-economic system. Applying an evidence-based approach and functional analysis, the paper describes the current state of the potential of the international economic association and defines the forms and methods of its implementation in order to ensure the development of the Russian economy, increase its stability and level of security. Based on normative analysis and methods of scientific abstraction, the article shows the mechanisms and forms of cooperation among BRICS members to collectively counteract current external challenges and threats. Using factorial and dynamic analysis, the researcher proves the positive impact of this process on achieving the national development goals of all participating countries. The most complete disclosure of the withered topic will reduce the negative impact of external threats to the economic security of the Russian Federation, increase the stability and reliability of its socio-economic system.

Keywords: BRICS, economic security, external challenges and threats, national development goals, economic growth, economic sustainability

УДК 340.12
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-127-131

Концепция «Жинеологии» Абдуллы Оджалана как теория женской социальной революции в Курдистане

Абдуллазаде Н.Р.
Магистр международных отношений, ассистент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург)

Данное исследование посвящено социально-политическим идеям лидера курдского революционного движения Абдуллы Оджалана по вопросам женской эмансипации. Цель статьи – раскрыть основные тезисы концепции «жинеологии» (от курдского слова «jin» – женщина) – политической теории женской социальной революции, автором которой является Абдулла Оджалан. Актуальность темы статьи связана с вопросами политического и правового положения женщин на Ближнем Востоке и тем уникальным социальным экспериментом, который сейчас происходит в Сирийском Курдистане. Революционным силам в Рожаве (Сирийский Курдистан) удалось построить общество, основанное на уважении прав человека и равенстве полов. Научная ценность работы заключается в том, что в отечественной науке мало исследований, посвященных идеям женской революции Абдуллы Оджалана. Большая часть материалов – это либо работы зарубежных авторов, либо журналистские, публицистические материалы.

Ключевые слова: *женская эмансипация, Сирийский Курдистан, Абдулла Оджалан, жинеология, критика патриархата, женская революция*

Для цитирования: *Абдуллазаде Н.Р. Концепция «Жинеологии» Абдуллы Оджалана как теория женской социальной революции в Курдистане // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 127–131. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-127-131.*

Идеологической основой самопровозглашенной курдской автономии в Сирии является так называемый демократический конфедерализм. Эта идеология была разработана лидером курдского революционного движения, основателем Рабочей партии Курдистана Абдуллой Оджаланом (родился в 1949 г.). С 1999 г. он отбывает пожизненное заключение на турецком острове Имралы. Созданная им партия (*Partiya Karkerên Kurdistanê – PKK*, Рабочая партия Курдистана) признана террористической организацией в Турции и странах ЕС [1]. В 90-е гг. после развала советского блока Абдулла Оджалан пересмотрел идеологическую основу Рабочей партии Курдистана и дистанцировался от классического марксизма-ленинизма. В изменившихся условиях курдское национально-освободительное движение взяло на вооружение идеологию демократического конфедерализма.

Гражданская война в Сирии (начавшаяся в 2011 г. и продолжающая до сих пор) дала толчок активизации курдского революционного движения в арабской республике. Воспользовавшись ситуацией вакуума власти в ходе боевых действий, политические силы курдского меньшинства установили контроль над территориями их компактного проживания на северо-востоке Сирии. Основной политической силой, представляющей интересы сирийских курдов, является партия «Демократический союз» (*Partiya Yekitiya Demorkrat, PYD*) [2]. PYD входит в зонтичную коалицию политических партий *TEV-DEM*

(курд. T*evgera Civaka Demokratik*) [3], что переводится как «Движение за демократическое общество».

В 2014 г. были провозглашены три автономных кантона: Африн, Джизре и Кобани. 29 января 2014 г. была принята так называемая «Конституция кантонов Рожавы» [4], которая официально именуется «Общественный договор кантонов рожавы» в Сирии (иногда кратко Хартия Рожавы). В Хартии Рожавы отражены принципы идеологии демократического конфедерализма, основанного на идеях автономии, прямой демократии, мультикультурализма, эмансипации женщин и защите экологии [5, p. 30]. На саму концепцию демократического конфедерализма оказали влияние идеи американского левого мыслителя Мюррея Букчина и его идеология либертарного муниципализма [6].

Что касается курдской версии феминизма, то она получила воплощение в концепции *жинеологии («jineology»*) Абдуллы Оджалана [7, p. 55]. Сам А. Оджалан определяет свою идею так: жинеология – это новая наука о роли и истинном освобождении женщин. Согласно этой теории, только свободная женщина формирует свободное общество, а свободное общество, в свою очередь, формирует свободную нацию [7, с. 57]. Абдулла Оджалан считает, что иерархия неравенства сформировалась в древности, когда на смену матриархату пришел патриархат [6].

В своей книге «Демократический конфедерализм» А. Оджалан критикует идею «национального государства», в основе которого лежит классовое, национальное и гендерное угнетение [5, с. 11]. Он считает идеологической основой угнетения в рамках национального государства: национализм, сексизм (подавление женской свободы), позитивизм и религиозность [5, с. 16]. Провозглашенная же им идея демократического конфедерализма представляет собой противоположное явление, в основе которого лежит: интернационализм, эмансипация женщин, запрет любой дискриминации по религиозному, национальному и половому признаку.

Книга «Освобождение жизни: женская революция» Абдуллы Оджалана

Одним из важных программных манифестов курдского революционного движения является книга, точнее собрание статей Абдуллы Оджалана, посвященных вопросу женской эмансипации – «Освобождение жизни: женская революция». Хотя в данном контексте термин «эмансипация» не совсем корректен. Идеи, которые излагает Абдулла Оджалан, можно назвать радикальным социальным освобождением женщин – женской революцией.

Абдулла Оджалан полагает, что для полного национального освобождения необходимо добиться социальной свободы женщин. «Страна не может быть свободной, пока женщины не будут свободны», этой фразой он пытается переосмыслить национальную борьбу курдов не только против иноземных поработителей, но и как борьбу против внутреннего рабства самого общества [7, p. 7].

Как признается сам Абдулла Оджалан, реальное положение дел, которое он наблюдал в разных странах, в том числе и социалистических, а также его собственные теоретические разработки, начиная с 1970-х гг., привели его к выводу, что порабощение женщин стало началом всех других форм порабощения.

В течение многих лет А. Оджалан говорил не только о важности преодоления стереотипов о роли мужчин и женщин; он также поощрял создание женских движений и институтов, чтобы женщины могли перестроить себя, свою жизнь и затем все общество. Таким образом, параллельно с курдской освободительной борьбой в Курдистане наблюдается необычно активное участие женщин во всех сферах жизни. На самом деле, такая активность и жизнеспособность женского движения в Курдистане часто удивляют сторонних наблюдателей, которые не ожидают такого в регионе, считающемся крайне консервативным и патриархальным. Хотя сами революционеры полагают ее частью всеобщей революции и борьбы за освобождение всего ближневосточного общества.

Как пишет сам Абдулла Оджалан в предисловии к своей книге, «Вопрос освобождения женщин интересовал меня всю мою жизнь. Если вначале я рассматривал порабощение женщин на Ближнем Востоке как результат феодальной отсталости, то после многих лет революционной практики и исследований я пришел к выводу, что проблема лежит гораздо глубже. 5000-летняя история человеческой цивилизации – это история порабощения женщин. Следовательно, свобода женщины может быть достигнута только путем борьбы с основами этой системы» [7, p. 9].

Корень современного порабощения и капиталистической эксплуатации необходимо искать в истории древних цивилизаций. А. Оджалан сравнивает иерархическую структуру рабства с древними шумерскими зиккуратами. Однако он идет дальше и объясняет причины порабощения и эксплуатации тем, что в древности произошел переход от матриархата к патриархату и власти «доминантного мужчины». Приведем его цитату: «История утраты свободы – это в то же время история того, как женщина потеряла свое положение и исчезла из истории. Это история о том, как доминирующий мужчина со всеми своими богами и слугами, правителями и подчиненными, экономикой, наукой и искусством захватил власть. Таким образом, падение и потеря женщины – это падение и потеря для всего общества, а в итоге мы имеем – сексистское общество. Порабощение мужчин идет вслед за порабощением женщин» [7, p. 10].

По мнению Абдуллы Оджалана, патриархат существовал не всегда. В своей работе он проводит исторический экскурс и несколько идеализирует общество эпохи позднего неолита. Существовавший в эпоху неолита общественный строй, так называемый «примитивный социализм», был сформирован вокруг роли женщины в обществе. Этому общественному строю не была присуща практика принуждения, свойственная государственному порядку, и все же он просуществовал тысячи лет.

Абдулла Оджалан полагает, что примитивный социализм, характеризующийся равенством и свободой, был жизнеспособен, потому что общественная мораль матриархального строя не допускала частной собственности, которая является основным фактором, способствующим расширению социальных различий.

Однако не все было так идеально в эпоху неолита. С момента возникновения самых ранних общественных групп существовала напряженность между собирательством женщин и охотой мужчин, в результате чего в обществе параллельно шли две отличающиеся культурные эволюции. Здесь Абдулла Оджалан демонстрирует формирование патриархального общества, как он его видит. Корень зла, то есть истоки патриархального общества, А. Оджалан видит в формировании союза доминантного мужчины, шамана (играющего роль протожреца) и старейшины. По роду своей деятельности (охота, защита клана) доминантный мужчина постепенно формирует культуру насилия и подчинения. В союзе с шаманом, оправдывающим культуру насилия, складывается мужская доминантная иерархия.

Далее Абдулла Оджалан раскрывает концепции двух «Больших половых разрывов». Первым таким разрывом он считает захват власти в семейном клане, доминирующем мужчиной, в союзе с протожрецом (шаманом) и старейшиной. Это, как полагает А. Оджалан, был первый случай серьезного применения насилия в человеческом обществе в отношении своих сородичей. То есть узурпация власти в семейном клане доминирующим мужчиной. Собирательство и позднее земледелие – это преобладающие элементы культуры женщины-матери, являются мирными занятиями, не требующими войны. Охота, которой преимущественно занимались мужчины, основана на культе войны и жесткой власти. Именно это и послужило отправной точкой для захвата власти доминирующим мужчиной. Понятно, что сильный мужчина, основной ролью которого была охота, стремился к установлению власти над матриархальным порядком. Установление его господства принесло бы много преимуществ. Организация власти, которую он приобрел благодаря охоте, теперь давала мужчине возможность править и установить самую первую социальную иерархию. Это развитие представляло собой самое первое использование аналитического интеллекта со злыми намерениями; впоследствии это стало системой.

Таким образом, истоки серьезных социальных проблем следует искать в патриархальных обществах. Порабощение женщин подготовило почву для порабощения не только детей, но и мужчин. Для закрепления господства мужчины была создана изощренная, богатая мифология о сотворении мира богами и их роли в иерархии божеств. Ярким примером такой мифологии является религия древних шумеров, где изначально творцом была богиня-мать. Но со временем миф был изменен, где творцом стал бог-мужчина. Показано его соперничество с богиней-матерью. Что отражает унижение женщины в обществе и в дальнейшем развивается в концепцию рабства людей. То есть идею того, что люди являются всего лишь рабами богов. Такое развитие событий Абдулла Оджалан называет «Первым большим половым разрывом» и определяет его как контрреволюцию, установление и закрепление патриархата.

Иерархическая и авторитарная структура – это основа патриархального общества. Процесс перехода к иерархическому обществу был нелегким. Это переходный этап между первобытнообщинным строем и государством. В конечном итоге иерархическое общество должно было либо распасться, либо привести к государственности. Хотя это и сыграло определенную позитивную роль в развитии общества, его форма социализации – альянс между мужскими архетипами придала силу иерархическому патриархату, позволив ему развиться в государственность.

«При матриархальном строе основными приоритетами являются труд, производство и обеспечение, жизнь людей. В то время как патриархальная мораль узаконивает накопление и прокладывает путь к собственности. Были заложены основы жестокого, воинственного общества, основанного на угнетении и эксплуатации» [7, p. 24]. Таким образом, Абдулла Оджалан идеализирует неолитический матриархат и видит корень формирования классового расслоения и эксплуатации в установлении патриархата. Именно мужская иерархия, по его мнению, стала основой сексистского общества.

Абдулла Оджалан критически оценивает формирование монотеистической религии с точки зрения идеологического оправдания патриархального уклада. Он определяет монотеизм как идеологический конструкт, оправдывающий доминирование маскулинного, авторитарного бога и, соответственно, оправдание религией доминирования авторитарного мужчины. Этот период в истории А. Оджалан называет «Второй большой половой разрыв» [7, p. 30].

Мифология уступает место монотеизму и философии. Доминантное положение мужчины в обществе закреплялось божественной волей, «законом,

который повелевает бог». Отношение к женщинам как к низшим существам теперь стало священным повелением единого бога. Превосходство мужчины в новой религии наглядно проиллюстрировано мифом о сотворении женщины из ребра мужчины, мифом о грехопадении и т.д. Был создан институт наложниц; полигамия была одобрена.

Из создательниц они превращаются в сотворенных. Женская сексуальность рассматривается как самое ужасное зло и нечто постыдное. У женщины больше не было никакой социальной роли, кроме как быть хозяйкой в своем доме.

Жинеология – новое учение об освобождении женщин

Итогом своей работы Абдулла Оджалан называет формирование новой науки, изучающей женщину как социальный объект – жинеология (перевод с курдского *jin* – женщина)

Поскольку иерархия и этатизм несовместимы с женской природой, движение за свободу женщин должно стремиться к созданию антииерархических и негосударственных политических формирований. Абдулла Оджалан полагает, что политическая борьба требует создания всеобъемлющей демократической организации женщин. Женщина, как главный моральный и политический компонент общества, призвана сыграть решающую роль в формировании этики и эстетики жизни, отражающих свободу, равенство и демократизацию. Освобождение женщин, достижение ими полного социального, политического и экономического равенства Абдулла Оджалан называет «Третьим большим половым разрывом». Именно этот «Третий большой половой разрыв» он считает той социальной революцией, к которой следует стремиться [7, p. 57].

Исходя из вышесказанного, можно сделать определенные выводы по сформированной Абдуллой Оджаланом концепции женской революции.

Абдулла Оджалан основывает свою концепцию демократического конфедерализма на трудах и идеях Мюррея Букчина [6], однако привносит в них ближневосточную специфику. Одной из основных и даже можно сказать всепоглощающих идей А.Оджалана, которой он посвятил многие годы борьбы и теоретических трудов, является освобождение женщин. Не эмансипация, не классический или радикальный феминизм, а именно обдуманная, основанная на научном подходе женская революция. Этой идее посвящена новая наука, сформированная А. Оджаланом, – жинеология. Наука, изучающая женщин как социальный объект и субъект, роль женщин в социуме и в построении демократического, свободного от гнета общества.

Изучение трудов Абдуллы Оджалана актуально с точки зрения понимания процессов, которые сейчас происходят в Сирийском Курдистане. В Рожаве действительно происходит уникальный политический и социальный эксперимент – создание автономии, основанной на принципах, изложенных Абдуллой Оджаланом, и во многом это касается вопроса равноправия и радикального освобождения женщин. Примером успешной реализации некоторых идей А. Оджалана является формирование вооруженных отрядов *YPJ* (*Yekeniyen Parastina Jin* – Отряды женской самообороны) [8], являющихся частью вооруженных сил автономии *YPG* (*Yekeniyen Parastina Gel* – Отряды народной самообороны).

Можно критически оценивать взгляды А. Оджалана на исторические процессы и формирование патриархального общества. Некоторые его идеи неоднозначны и довольно спорны, к тому же на первый взгляд могут показаться наивными. Однако его идея радикального освобождения женщин является уникальной и революционной для Ближнего Востока. Это сильно отличает жинеологию от попыток эмансипации женщин в кемалистской Турции или шахском Иране.

Однозначно можно сделать вывод о том, что труды Абдуллы Оджалана, такие как «Освобождение жизни: женская революция», являются важной политической литературой для изучения и последующего анализа.

Литература:

1. Силы Женской Самообороны. URL: https://ypjrojava.net/ (дата обращения: 08.10.2024).
2. Движение за демократическое общество. URL: https://tev-dem.com/ (дата обращения: 08.10.2024).
3. Baher Z. “Confederalism, Democratic Confederalism and Rojava” 2018. URL: https://libcom.org/article/confederalism-democratic-confederalism-and-rojava (дата обращения: 08.10.2024).
4. Council Decision (CFSP 2024/332) of 16 January 2024 updating the list of persons, groups and entities covered by Common Position 2001/931 CFSP on the application of specific measures to combat terrorism, and repeading Decision (CFSp) 2023/1514. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024D0332 (дата обращения: 08.10.2024).

5. Ocalan A. Democratic Confederalism. International Initiative Edition. Cologne, Germany. 2017. URL: https://openlibrary.org/books/OL26470927M/Democratic_Confederalism.
6. Bookchin M. The meaning of confederalism. URL: https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-the-meaning-of-confederalism (дата обращения: 08.10.2024).
7. Ocalan A. Liberating Life: Woman's Revolution. 2013. International Initiative Edition. Cologne, Germany 2013. URL: https://www.kurdipedia.org/files/books/2022/439582.PDF?ver=133101588289663126.
8. Партия «Демократический союз». URL: http://pydrojava.org/english/ (дата обращения: 08.10.2024).

Abdullah Ocalan's Concept of "Jineology" as a Theory of Women's Social Revolution in Kurdistan

Abdullazade N.R.
The Russian state pedagogical university of A.I. Herzen (St. Petersburg)

This study is devoted to the social and political ideas of the leader of the Kurdish revolutionary movement Abdullah Ocalan on women's emancipation. The purpose of the article is to reveal the main theses of the concept of "jineology" (from the Kurdish word "jin" – woman) – the political theory of the female social revolution, the author of which is Abdullah Ocalan. The relevance of the topic of the article is related to the issues of the political and legal status of women in the Middle East and the unique social experiment that is currently taking place in Syrian Kurdistan. The revolutionary forces in Rojava (Syrian Kurdistan) have managed to build a society based on respect for human rights and gender equality. The scientific value of the work lies in the fact that there are few studies in Russian science devoted to the ideas of Abdullah Ocalan's women's revolution. Most of the materials are either works by foreign authors, or journalistic materials.

Keywords: women's emancipation, Syrian Kurdistan, Abdullah Ocalan, jineology, criticism of patriarchy, women's revolution

УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-132-137

Возмещение потерпевшим причиненного преступлением вреда (международно-правовой и национальный аспекты)

Абшилава Г.В.
Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса
Ульяновского государственного университета, адвокат

Политико-правовая зрелость современной России как политического и социального государства во многом определяется способностью защитить права и законные интересы жертв преступлений, в том числе возместить причиненный им вред (ущерб). Мировым сообществом накоплен внушительный опыт компенсационной деятельности государств в качестве составляющей их политики в вопросе обеспечения прав потерпевших от преступлений, в том числе в особых ситуациях (неустановление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, совершение деяния невменяемым, истечение сроков давности и др.). Для Российской Федерации решение подобных проблем является одной из первоочередных задач.

Определена цель научного исследования, которая выражается в проведении анализа ряда международных правовых актов, в которых регулируется механизм защиты прав и законных интересов потерпевших по уголовному делу. В этой связи в качестве задач установлено сопоставление и реализация международных норм с аналогичными российскими правовыми предписаниями.

Политическая и правовая зрелость государства во многом определяется не только его самодостаточностью в сфере противодействия преступности, но и способностью обеспечить жертвам преступлений надлежащую защиту их прав как участников уголовного судопроизводства, а также возмещение причиненного преступлением вреда.

Институт возмещения вреда жертвам преступлений базируется на международно-правовой платформе, поскольку существует множество международных нормативных правовых актов и договоров, посвященных данной проблеме [1, с. 350–361].

Ценность проведенного исследования заключается в обосновании необходимости создания специального фонда. Государство за счет средств формируемого для этих целей специального раздела федерального бюджета может компенсировать причиненный потерпевшему ущерб (в разумных пределах, частично), а в дальнейшем императивно взыскать выплаченные суммы с осужденного либо ограничиться выплатой, когда подобное регрессное взыскание невозможно. Введение подобного порядка, в свою очередь, предполагает принятие специализированного федерального закона и внесение соответствующих дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: *жертва, преступление, потерпевший, ущерб, вред, возмещение, компенсация, доступ к механизмам правосудия, уголовное судопроизводство, права, защита, уважение достоинства, граж-*

данский иск, следователь, компенсационная политика, концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства

Для цитирования: *Абшилава Г.В. Возмещение потерпевшим причиненного преступлением вреда (международно-правовой и национальный аспекты) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 132–137. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-132-137.*

«Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью» от 20 ноября 1985 г. [2] (далее – Декларация для жертв преступлений) устанавливает, что к жертвам следует относиться с состраданием и уважать их достоинство. Они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (п. 4). При этом к жертвам преступлений данный международный документ относит лиц, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью (п. 1).

Декларация для жертв преступлений указывает на необходимость создания и укрепления судебных и административных механизмов обеспечения жертвам возможности получать компенсацию с помощью официальных и неофициальных процедур, которые носили бы оперативный характер, являлись бы справедливыми, недорогостоящими и доступными. Жертв, стремящихся получить компенсацию с помощью таких механизмов, следует информировать об их правах (п. 5).

В качестве значимого международного документа, принятого в защиту прав жертв преступлений, по праву могут быть названы принятые ООН 14 декабря 1990 г. Минимальные стандартные правила в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), выражающие стремление государств обеспечивать надлежащее соотношение между интересами и правами правонарушителей, их жертв и интересами общества (правила 1.4, 3.2, 12.1, 12.2).

На европейском пространстве накоплен внушительный опыт правовой защиты жертв преступлений, в том числе разработана жизнеспособная нормативная основа компенсации причиненного им вреда, причем не только причинителем, но и государством. В роли законодательной основы подобного возмещения выступают: «Европейская конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений» (вступила в силу 1 февраля 1988 г., в ней участвуют 10 стран) [3]; Резолюция 77 (27) Кабинета Министров Совета Европы «О компенсации потерпевшим от преступлений» от 28 сентября 1977 г. [4], содержащая рекомендацию государствам-членам делать пожертвования для компенсации потерпевшим, когда она не может быть обеспечена другими средствами (п. 1); Рекомендация № R (85) Комитета Министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 г. [5], призывающая уделять больше внимания в системе уголовного правосудия физическому, психологическому, материальному и социальному ущербу, нанесенному потерпевшему, и рассмотреть, какие шаги желательны для удовлетворения его потребностей в этой связи (Преамбула) и др.

Примечательно, что значимость двух последних актов о защите прав потерпевших от преступлений для разработки и внедрения в правоприменительную деятельность государства мер, направленных на возмещение причиненного этим лицам ущерба, подчеркнул Конституционный Суд РФ (п. 2.1 Постановления от 18 марта 2014 № 5-П) [6].

Конституция Российской Федерации закрепляет значимое в анализируемом контексте положение о том, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). Анализ содержания значительного числа международных нормативных источников и законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что преимущество в констатации состояния, дающего право на компенсации, отдается термину «ущерб» в сравнении с близким к нему по значению термином «вред».

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс) при определении потерпевшего используется термин «вред». Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ, потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Таким образом, законодатель выделил четыре вида вреда, который может быть причинен преступлением: физический, имущественный, моральный и репутационный (причиняемый юридическому лицу). При этом вред, причиненный преступлением, может носить как смешанный (имущественный и физический) характер либо не иметь денежного выражения, а лишь предполагать его [7, с. 284; 8, с. 110–113], в частности, ч. 3 и ч. 4 ст. 42 Кодекса го-

ворится о праве потерпевшего на возмещение имущественного и морального вреда.

В уголовном законе вред используется в трех значениях: для описания преступного деяния; характеристики деяния, которое не признается преступным; и для возмещения того урона, который был нанесен в результате совершения преступления [9, с. 106].

В то же время слово «ущерб» употребляется в УПК РФ почти в 1,5 раза чаще, чем «вред», а, к примеру, основанием для освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ) признается возмещение ущерба.

В настоящей статье мы не ставим в качестве задачи определение и разграничение упомянутых терминов, употребляем их в заявленном авторами цитат или поименованном в законе контексте, ограничиваясь признаем того, что оба эти термина означают урон (потерю, убыток, расход), подлежащий возмещению его причинителем потерпевшему.

Компромиссный правовой механизм возмещения потерпевшему вреда не исключает возможности «встраивания» в этот процесс государства, в частности, на официальном сайте Следственного комитета РФ размещен проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений» [10], ст. 3 которого предусматривает право потерпевшего на доступность: разумного и справедливого возмещения вреда, причиненного преступлением; государственной компенсации в связи с причинением вреда преступлением; социальной и иной помощи. К сожалению, с 2012 г. после рассмотрения Государственной Думой в первом чтении данный законопроект находится в состоянии доработки.

Думается, что одной из причин, в силу которой законодательно закрепить и реализовать на практике компенсационный механизм, предполагающий возмещение причиненного потерпевшим от преступлений ущерба из средств федерального бюджета, является значительный объем данного ущерба. К примеру, ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным делам) в январе–декабре 2020 г. составил 512,8 млрд руб.; 2021 г. – 541,9 млрд руб.; 2022 г. – 339,1 млрд руб.; 2023 г. – 311,1 млрд руб.; в январе–июне 2024 г. – 153,5 млрд руб. [11]. Следует также признать наличие трудностей объективного и субъективного характера, усложняющих исчисление указанного ущерба (фактическая, рыночная стоимость; историческая, художественная и т.п. стоимость похищенного имущества; влияние инфляции и вводимых в отношении нашего государства санкций на финансовую составляющую отдельных видов имущества).

Несмотря на кажущиеся непреодолимыми препоны экономического, политического и правового плана, проблема разработки концептуальных основ совершенствования статуса жертвы преступления является одной из наиболее востребованных и актуальных многие годы в отечественном уголовно-процессуальном праве; она не может не волновать исследователей и ученых, практиков и просто патриотов государства [12, с. 69]. Упомянутые основы, по нашему глубокому убеждению, должны стать значимой составляющей глобального направления процессуальной науки – Концепции государственной защиты участников уголовного судопроизводства, потребность в которой, по обоснованному утверждению профессора О.А. Зайцева, «вызвана, прежде всего, необходимостью разрешения комплекса фундаментальных теоретических и прикладных проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства, требующих доктринального толкования в условиях проведения правовой реформы в нашей стране, а также роста преступности, вызванного создавшейся политической и экономической ситуацией» [13, с. 78]. Кроме того, потерпевшие часто становятся объектом угроз, в связи с чем они подлежат государственной защите [14; 15].

Признание законодателем значимости результатов научных исследований (особенно отраженных в докторских диссертациях), посвященных обеспечению и защите прав участников уголовного судопроизводства, и применение этих результатов в правотворческой деятельности привело к тому, что в уголовно-процессуальном законодательстве появился ряд норм и даже целых институтов, чье предназначение заключается и в реализации компенсационной политики в отношении потерпевших.

В настоящее время в УПК РФ включены следующие положения, обладающие не только исключительно правозащитной, но и финансовой значимостью для потерпевшего:

1) право на присуждение компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ), дополнительно урегулированное Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или на исполнение судебного акта в разумный срок» [16];

2) право на реализацию в защиту финансовых требований потерпевшего мер по обеспечению гражданского иска на основании ч. 1 ст. 160.1 УПК РФ, которое реализуется посредством выполнения следователем, дознавателем обязанности по незамедлительному принятию мер по установлению подлежащего конфискации имущества подозреваемого, обвиняемого или имущества подозреваемого, обвиняемого, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, и имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые, в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред,

причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, а также принятию мер по наложению ареста на такое имущество.

Если имеются сведения, что имущество, указанное в ч. 1 ст. 161.1 УПК РФ, находится на территории иностранного государства, следователь, дознаватель в порядке, установленном гл. 53 УПК РФ, вносят запрос о производстве соответствующих процессуальных действий компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе принципа взаимности;

3) вынесение решения о признании потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела; если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице (ч. 1 ст. 42 УПК в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ) [17];

4) обеспечение дознавателем, следователем или судом по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участия адвоката в качестве представителя такого потерпевшего. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета (ч. 2.1 ст. 45, введена Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ).

Адвокат, являющийся квалифицированным юристом, способен оказать существенную помощь в защите прав данного потерпевшего, в том числе – права на компенсацию в денежном выражении причиненного морального или физического вреда;

5) право суда постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке (при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением) при удостоверении (помимо прочих факторов), что государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства (п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ; введено Федеральным законом от 20.07.2020 № 224-ФЗ) [18].

Ключевая идея принятия решения об особом порядке судебного разбирательства при условии отсутствия возражения потерпевшего против данного порядка производства по уголовному делу усматривается именно в возможной предварительной компенсации обвиняемым причиненного потерпевшему ущерба, что само по себе способно сыграть роль фактора, «смягчающего» неприязненные отношения между потерпевшим и обвиняемым и благоприятно влияющего на судьбу последнего (потерпевший, получивший материальную компенсацию, как правило, не настаивает на суровом наказании для подсудимого).

Значимость согласия (отсутствия возражения) потерпевшего на вынесение приговора подсудимому в особом порядке отметил Верховный Суд РФ, указав в Постановлении Пленума от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [19] на необходимость удостоверения в надлежащем извещении потерпевшего и отсутствия его возражений против заявленного обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (п. 11).

Дополнительно важно отметить, что возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, признается обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Добровольное возмещение обвиняемым причиненного потерпевшему вреда может послужить фактическим (процессуальное предусмотрено в ст. 25 УПК РФ, а материальное в ст. 76 УК РФ) основанием для примирения этих участников, влекущим прекращение уголовного дела. Проблема заключается в том, что процессуально данная процедура не урегулирована. В силу подобного обстоятельства видится оправданным введение в УПК РФ статьи, устанавливающей, что «обвиняемый, подозреваемый, подсудимый добровольно возмещают причиненный потерпевшему вред в случае согласия последнего с размером компенсации, о чем на стадии предварительного расследования следователь, дознаватель составляет протокол в присутствии обвиняемого, подозреваемого, защитника, потерпевшего, его представителя или законного представителя, а на стадии судебного разбирательства указанные действия фиксируются в протоколе судебного заседания» [20].

Протокол должен быть подписан всеми участниками. В последующем, в случае возникновения разногласий между потерпевшим и обвиняемым, лица, присутствовавшие при составлении протокола и удостоверившие этот факт своей подписью, могут быть допрошены в качестве свидетелей.

Факт получения потерпевшим денежных средств от обвиняемого может быть подтвержден распиской потерпевшего, в том числе заверенной нотариально (в зависимости от размера выплаченной суммы), а также выпиской из ее лицевого счета, предоставленной банком по официальному запросу.

А.Г. Хасаншиной предложен компромиссный вариант процедуры возмещения потерпевшему обвиняемым причиненного им ущерба – заключение компенсационно-процессуального договора, суть которого состоит в обосновании процессуальных

решений при полном или частичном возмещении вреда. При этом сумма, которую выплатил обвиняемый, признается одним из факторов усмотрения суда, учитываемым при назначении наказания [21, с. 14, 15].

Представляется, что трудности на пути внедрения данного договора в уголовно-процессуальную деятельность обусловлены его межотраслевым характером (преимущественно гражданско-правовым), при этом невозможно поставить в зависимость от исполнения обязательств финансового характера порядок исполнения уже назначенного судом наказания, а также отменить постановление или определение суда о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, поскольку при принятии подобных решений учитываются и иные обстоятельства (характер совершенного преступления, особенности личности обвиняемого (подсудимого), социальная оправданность поощрения обвиняемого при полной или частичной компенсации причиненного его преступным деянием ущерба).

А.В. Ендольцева справедливо отмечает, что денежная компенсация является универсальным способом возмещения вреда, когда он не может быть возмещен потерпевшему в ином виде. В то же время ученым указывается на наличие существующих проблем, препятствующих либо делающих невозможной подобную компенсацию: неурегулированность в российском законодательстве вопроса о возмещении потерпевшему вреда, если деяние совершило невменяемое лицо, или в ходе досудебного производства по уголовному делу не установлено лицо, совершившее преступление, либо истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, у подозреваемого, обвиняемого может и не быть средств для возмещения вреда, причиненного им потерпевшему в результате совершенного преступления [22, с. 37].

Следует признать, что на сегодняшний день существует необходимость концептуального обоснования, разработки, законодательного урегулирования и внедрения в правоприменительную деятельность особого государственного компенсационного механизма, предусматривающего (по европейскому образцу) «включение» государства в деятельность по возмещению вреда (ущерба), причинного потерпевшему в результате преступления, поскольку установления личности виновного и определения характера (размера) данного вреда (ущерба) явно недостаточно.

Литература:

1. Зайцев О.А., Абшилава Г.В. Конвергенция частного и публичного и ее проявление в уголовном судопроизводстве // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. Пермь, 2015. С. 350–361.
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 20 ноября 1985 г. // Советская юстиция. 1992. № 9–10. С. 39.
3. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS N 116) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 24.11.1983) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 81–85.
4. Резолюция № (77) 27 Комитета министров Совета Европы «О компенсации потерпевшим от преступлений» (принята 28.09.1977 г. на 275-ом заседании представителей министров) // Совет Европы и Россия. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 2004. С. 474–476.
5. Рекомендация № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (принята 28.06.1985 г.) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 114–116.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // СЗ РФ. 2014. № 13. Ст. 1526.
7. Марфицин П.Г., Шанина Ю.Н. Вред, причиненный преступлением: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2013. № 1. С. 282–285.
8. Епихин А.Ю. Повышение уголовно-правовой защищенности имущественных и иных прав потерпевшего // Современное право. 2014. № 6. С. 110–113.
9. Мартыненко Н.Э. Понятие «вред» и «ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии МВД России. 2020. № 2. С. 103–109.
10. Денисова А. Следственный комитет РФ подготовил проект Федерального закона о мерах уголовно-правового характера в отношении юрлиц // СПС КонсультантПлюс.
11. Состояние преступности в России: сборники ГИАЦ МВД России за 2020 г., 2021 г., 2022 г., 2023 г., январь–июнь 2024 г. URL: https:// mvd.rf.
12. Муратова Н.Г. Компенсационная политика в уголовном судопроизводстве // Правовая политика в современном обществе: сб. статей Всеросс. науч.-практ. конф. к 85-летию докт. юрид. наук., проф. З.З. Зинатуллина (Ижевск, 20 января 2023 г.). Ижевск: Изд. дом Удмуртского ун-та, 2023. С. 69–76.

13. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 77–81.
14. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 2004. 167 с.
15. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар: Сыктывк. ун-т, 2000. 164 с.
16. Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.
17. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6997.
18. Федеральный закон от 20.07.2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4750.
19. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. № 286.
20. Михайлов А. Способы возмещения потерпевшему причиненного преступлением вреда. URL: https://www.garant.ru/consult/civil_law/1748719/?ysclid=m28z6t8jf9649769354 (дата обращения 16.10.2024).
21. Хасаншина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 28 с.
22. Ендольцева А.В. Добровольное возмещение подозреваемым, обвиняемым причиненного преступлением вреда как одно из средств восстановления нарушенных прав потерпевшего // Вестник экономической безопасности. 2026. № 5. С. 33–39.

Compensation for the Damage Caused by the Crime (International Legal and National Aspects) Reparation to Victims of Crime (International and National Aspects)

Abshilava G.V.
Ulyanovsk State University

The political and legal maturity of modern Russia as a political and social state is largely determined by its ability to protect the rights and legitimate interests of crime victims, including to compensate for the harm caused to them. The international community has accumulated impressive experience in compensatory activities of States as part of their policy in ensuring the rights of victims of crimes, including in special situations (failure to identify a person to be held criminally responsible, commission of an act by an insane person, expiration of the statute of limitations, etc. Solving such problems is one of the top priorities for the Russian Federation.

The purpose of the scientific research is defined, which is expressed in analyzing a number of international legal acts that regulate the mechanism for protecting the rights and legitimate interests of victims in a criminal case. In this regard, the objectives are to compare and implement international standards with similar Russian legal regulations.

The political and legal maturity of the State is largely determined not only by its self-sufficiency in combating crime, but also by its ability to provide victims of crime with adequate protection of their rights as participants in criminal proceedings, as well as compensation for the harm caused by the crime.

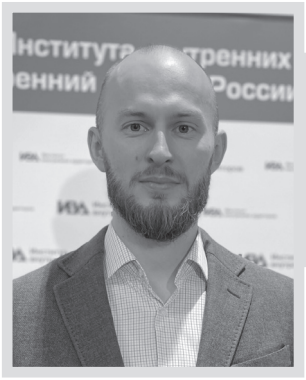
The institute of compensation for harm to victims of crimes is based on an international legal platform, since there are many international normative legal acts and treaties dealing with this problem [1, pp. 350–361].

The value of the conducted research lies in substantiating the need to create a special fund. The state, at the expense of funds from a special section of the federal budget being formed for these purposes, can compensate for the damage caused to the victim (within reasonable limits, partially), and in the future it is imperative to recover the amounts paid from the convicted person or limit itself to payment when such a recourse recovery is impossible. The introduction of such an order, in turn, presupposes the adoption of a specialized federal law and the introduction of appropriate amendments to criminal and criminal procedure legislation.

Keywords: victim, crime, victim, damage, harm, compensation, compensation, access to justice mechanisms, criminal proceedings, rights, protection, respect for dignity, civil action, investigator, compensation policy, concept of state protection of participants in criminal proceedings

УДК 343
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-138-143

Правовой инструментарий антикоррупционной политики коммерческих организаций

Богданов Т.А.
Аспирант кафедры публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва)

Объективная сторона преступлений представляет собой совокупность внешних обстоятельств совершения преступления. Корректное описание признаков объективной стороны для коррупционных составов преступлений позволяет определить совокупность правовых инструментов, использование которых будет способствовать повышению эффективности борьбы с коррупционными правонарушениями, в том числе собственными силами в коммерческих организациях.

Настоящее исследование направлено на выявление общих признаков, присущих внешним обстоятельствам совершения коррупционных преступлений, и определение инструментария, который позволит сформировать антикоррупционную политику коммерческих организаций в целях нивелирования возможностей реализации соответствующими лицами объективной стороны коррупционных преступлений.

В этой связи автором исследуется перечень коррупционных преступлений с целью выявления общих особенностей внешних обстоятельств совершения коррупционных преступлений. На их основе предпринята попытка сформировать перечень инструментов для эффективной реализации антикоррупционных мероприятий.

Ключевые слова: *взятка, подкуп, коррупционные преступления, антикоррупционная политика*

Для цитирования: *Богданов Т.А. Правовой инструментарий антикоррупционной политики коммерческих организаций // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 138–143. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-138-143.*

Термин «коррупция» происходит от латинского *corrumpere*, обозначающего «растлевать», и латинского *corruptio*, что переводится как «подкуп, продажность; порча, разложение; растление».

Законодательный подход к пониманию коррупции определен в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ) [1], в соответствии с которым под коррупцией понимаются отдельные составы преступлений, а именно: злоупотребление служебным положением, дача взятки (ст. ст. 291, 291.2 УК РФ), получение взятки (ст.ст. 290, 291.2 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. ст. 201, 201.1, 202, 285, 285.4 УК РФ), коммерческий подкуп (ст.ст. 204, 204.2 УК РФ) либо иное **незаконное использование** физическим лицом своего **должностного положения** вопреки законным интересам общества и государства **в целях получения выгоды** в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо **незаконное предоставление такой выгоды** указанному лицу другими физическими лицами, а также данные действия, совершенные от имени или в интересах юридического лица.

Необходимо обратить внимание, что законодателем перечень коррупционных преступлений, определенных Законом № 273-ФЗ, оставлен открытым.

Перечень содержит в себе общую характеристику действий (бездействий), нарушающих законные интересы общества и государства в целях получения или незаконного предоставления выгоды для себя или для третьих лиц со стороны других физических лиц, а также указанные действия, совершенные от имени и в интересах юридических лиц.

Определяя перечень составов коррупционных преступлений, необходимо также учитывать, что положения Уголовного кодекса Российской Федерации не раскрывают понятие коррупционных преступлений. В свою очередь исполнительными органами закреплена классификация составов уголовных преступлений в Указаниях Генпрокуратуры России [2], в соответствии с которыми к преступлениям коррупционной направленности отнесены преступления, представляющие собой деяния, имеющие описанные признаки [2, п. 1 Перечня № 23] в части субъекта, субъективной стороны и объективной стороны. Применительно к объективной стороне коррупционных преступлений отмечается, что должна иметь место связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей.

В Указаниях Генпрокуратуры России в качестве исключения предусмотрены преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным, в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды.

Так, к преступлениям коррупционной направленности отнесены преступления, предусмотренные ст.ст. 141.1, 184, 200.5, 200.7, 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст.ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ. Отнесение указанных составов к коррупционным преступлениям осуществляется без каких-либо дополнительных условий. К указанному перечню возможно отнесение также преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ (при его совершении с 25.07.2022 г.[1]).

Весомый перечень составов относится к преступлениям коррупционной направленности в соответствии с Приложением № 23 к Указанию Генпрокуратуры России. В специальных пунктах данного документа определены преступные деяния, способствующие совершению преступлений коррупционной направленности (п. 3, п. 4).

В рамках судебной практики необходимо обратиться к позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении Пленума ВС РФ № 24 [3], в соответствии с которой взяточничество (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) считается наиболее распространённым и опасным коррупционным преступлением, однако помимо него в Постановлении Пленума ВС РФ упомянуты и иные составы коррупционных преступлений, в т.ч. ст.ст. 159, 160, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 292, 304 УК РФ.

Сопоставив законодательный подход к определению коррупционных преступлений с подходами исполнительной и судебной практики применения, можно говорить, что к понятию коррупционных преступлений в узком смысле возможно отнести:

1. Составы, относящиеся к главе 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»:

1.1. Ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп»;

1.2. Ст. 204.2 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп»;

2. Составы, относящиеся к главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»:

2.1. Ст. 290 УК РФ «Получение взятки»;

2.2. Ст. 291 УК РФ «Дача взятки»;

2.3. Ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество».

Объективная составляющая коррупционных преступлений состоит из следующих признаков:

1. **Признак фактического принятия** предмета (взятки или подкупа) в виде одной из альтернативных форм деяния:

– получение предмета (взятки или подкупа) специальным субъектом лично или через посредника;

– дача предмета (взятки или подкупа) специальному субъекту лично или через посредника.

2. **Признак основания** получения предмета, а именно за действия (бездействия) в пользу специального субъекта или представляемых им лиц;

3. **Признак связи**, при котором совершаемые лицом действия (бездействия) входят в специальные полномочия или служебное положение такого лица, либо оно может способствовать указанным действиям (бездействиям).

Применительно к первому признаку схожий подход законодателя усматривается в отношении коррупционных преступлений, предусмотренных главами 23 и 30 УК РФ.

Формы получения взятки или подкупа обусловлены его незаконным предметом и могут быть открытыми (непосредственное получение, наличие

[1] С 25.07.2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 345-ФЗ «О внесении изменения в статью 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации». Внесенные изменения в ст. 200.4 УК РФ исключали из диспозиции указания на иную личную заинтересованность, оставив при этом корыстную заинтересованность.

очевидности в ее получении) и завуалированными (когда получение содержит в себе элемент законности и выражается, например, через наличие между сторонами оформленных трудовых или гражданско-правовых отношений).

Так, например, в деле, изложенном в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2013 г. (п. 3), было установлено, что «Щ., будучи доцентом кафедры физической культуры и спорта государственного университета, получила в качестве взятки подарочную карту сети магазинов на сумму 1000 рублей от студентки С. за выставление ей зачета по физкультуре и спорту» [4].

В свою очередь, в деле, отраженном в Кассационном определении Верховного Суда РФ от 08.08.2012 г. № 84-О-12-15 [5], было доказано, что взятка за получение разрешительных документов получалась не напрямую от поднадзорных организаций, а путем понуждения заключения возмездных договоров с автономной некоммерческой организацией на оказание услуг, которые фактически не оказывались.

Порядок получения выражается как через личное получение, так и получение через посредника.

Необходимо обратить внимание, что адресатами могут выступать не сами специальные субъекты, но и иные физические или юридические лица, которым осуществляется передача по указанию специального субъекта.

Так, в деле, отраженном в Апелляционном определении Московского городского суда от 31.07.2023 г. по делу № 10-11769/2023 [6], взятка была передана в целях конспирации не лично получателю, а путем безналичного перечисления денежных средств на банковскую карту его родственника.

Применительно ко второму признаку выделяются различия между группой коррупционных преступлений, включенных в главу 23 и в главу 30 УК РФ.

Законодатель указывает на необходимость установления основания получения взятки или подкупа специальным субъектом, т.е. форму задействованного служебного деяния специального субъекта в пользу дающего лица.

Различия выражаются в том, что объективная сторона составов преступлений, включенных в главу 30 УК РФ, имеет более широкий «пул» деяний, в отличие от составов преступлений, включенных в главу 23 УК РФ.

Так, объективная сторона составов преступлений главы 23 УК РФ включает в себя обязательное установление признака незаконности предоставления предмета подкупа, получаемого специальным субъектом. Определение признака незаконности получения предмета подкупа применительно к коррупционным составам преступлений в положениях УК РФ не раскрыто. В то же время А.В. Грошев [см.: 7, с. 617] со ссылкой на судебную практику отмечает, что незаконность передачи (получения) вознаграждения означает, что эти действия прямо запрещены законом, подзаконными актами, учредительными документами организации, не предусмотрены трудовым или иным договором либо противоречат интересам той организации, в которой выполняет управленческие функции подкупаемое лицо.

В свою очередь, объективная сторона коррупционных преступлений главы 30 УК РФ не связана только незаконными деяниями специального субъекта.

Объективная сторона коррупционных преступлений главы 30 УК РФ включает в себя:

– правомерные деяния, входящие в служебные полномочия специального субъекта;

– правомерные деяния, которые не входят в служебные полномочия специального субъекта, но он в силу должностного положения может способствовать таким деяниям;

– незаконные действия, которые специальный субъект совершает или способствует их совершению, используя свое должностное положение;

– общее покровительство и попустительство по службе.

Применительно к третьему признаку объективной стороны можно говорить, что, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного суда Российской Федерации, выраженном в Постановлении № 24 [3, п.п. 4, 5], связь деяния специального субъекта с его служебным положением в коррупционном преступлении определяется, если:

– деяния могут быть объективно совершены через использование должностных полномочий;

– действия направлены на способствование деяниям, в случае если специальный субъект не обладает соответствующими полномочиями, но может применить уговоры, обещания, понуждения, авторитет и иные возможности занимаемой им должности для воздействия на иных специальных субъектов в целях способствования необходимым деяниям;

– деяния, выражающиеся в общем покровительстве или попустительстве. При этом последний вид связи характерен только для преступлений, составы которых определены главой 30 УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации [3, п. 5] разъясняет используемые УК РФ понятия «покровительство» или «попустительство» через соответствующие примеры.

Так, под общее покровительство подпадает необоснованное назначение подчиненного, в том числе с нарушением установленного порядка, на более высокую должность, включение его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам.

Под попустительством по службе судом понимается согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем нарушения.

Верховный суд РФ обращает внимание, что относящиеся к общему покровительству или попустительству по службе деяния могут быть совершены должностным лицом в пользу как подчиненных, так и иных лиц, на которых распространяются его надзорные, контрольные или иные функции представителя власти, а также его организационно-распорядительные функции.

Так, из дела, изложенного в Кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2022 г. № 77-5083/2022 [8], следует, что в служебные полномочия А. входило составление протоколов об административных правонарушениях и их направление для принятия решения, что не было сделано А., в свою очередь последний получил взятку.

Выделение в самостоятельный состав коррупционных преступления, составы которых определены ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество» и ст. 204.2. УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп», имеют отличие от ранее рассмотренных составов в сумме, оцениваемой как предмет взятки или подкупа, составляющей менее 10 000 (десяти тысяч) руб. Тем не менее законодатель не осуществил декриминализацию этих составов, не взирая на невысокую сумму взятки или подкупа, что в большей степени связано с опасностью рассматриваемых составов и идентичности их объективной стороны с коррупционными преступлениями. В свою очередь изменение оценки стоимости предмета (более 10 000 руб.) приведет к квалификации совершенных деяний по иным коррупционным составам преступлений.

Исходя из выявленных признаков коррупционных преступлений, целесообразно рассмотреть инструменты нивелирования возможности реализации объективной стороны коррупционных преступлений субъектом коррупционного преступления.

Применительно к признаку основания получения предмета автор ограничивает настоящее исследование составами преступлений, относимых к гл. 23 УК РФ, в которых объективная сторона включает в себя обязательное установление **признака незаконности** предоставления, получаемого специальным субъектом. Данное ограничение связано с поставленной в рамках настоящего исследования задачей – определением инструментария противодействия коррупционным деяниям применительно к деятельности коммерческих организаций.

Инструменты противодействия коррупции в коммерческих организациях возможно разделить по аналогии с установленными ранее признаками объективной стороны коррупционных преступлений на три вида.

К инструментам предупредительного характера могут относиться мероприятия, направленные на нейтрализацию первого признака. Второй и третий признаки могут быть установлены мероприятиями последующего контроля.

Обращаясь более подробно к каждой из обозначенных групп инструментов антикоррупционной политики, необходимо отметить следующее.

Инструментарий антикоррупционной политики, связанный с фактическим принятием предмета подкупа, может представлять собой совокупность **мероприятий формализированного контроля,** в рамках которых осуществляется проверка ранее установленных внутренними актами компании (кодекс этики, антикоррупционные политики) ограничений (правил), в том числе через использование следующих инструментов, но не ограничиваясь:

– декларированием сотрудниками полученных ими доходов, имеющейся недвижимости сотрудника и членов его семьи. Внутренние акты компании могут содержать ограничения по сумме принимаемых сотрудников подарков, обязанности декларирования подарков сверх полученной суммы и иные правила поведения и ограничения;

– организацию каналов информирования о совершенных действиях по получению или даче подкупа (линия доверия). Локальные акты компании должны содержать не только мотивационную составляющую в отношении лиц, сообщивших о фактах проявлении коррупции, но и объяснение, какие именно действия могут квалифицироваться как коррупционные;

– формирование системы контроля за действиями сотрудника компании (например, с использованием *DLP*-системы[2]).

В свою очередь, мероприятия контроля бизнес-процессов, а именно их разработка и внедрение бизнес-процессов, сформируют препятствие для реализации признака основания получения предмета подкупа.

Инструментарий контроля бизнес-процессов включает в себя в том числе, но не ограничиваясь, внешний контроль финансово-хозяйственных операций компании, например, выстраивание взаимодействия с контрагентами через принятие решения об их выборе, исходя из интересов компании в рамках установленных регламентов отбора контрагентов, проверки сделки на рыночность заключаемых условий, исходя из максимизации эффекта для компании, в т.ч. в части цены, условий устанавливаемых взаимоотношений, последующей реализации сделки, гарантийного и постгарантийного обслуживания.

В приведенном примере внешний контроль обеспечивается путем создания тендерного комитета, установления конкурсной процедуры отбора контрагентов с прозрачным алгоритмом принятия решения по выбору победителя с исключением ситуации,

[2] *DLP*-система – это программа, обеспечивающая недопущение несанкционного доступа и утечки конфиденциальной информации третьим лицам.

когда решение зависит от субъективного мнения одного или группы сотрудников, применения автоматизированных систем контроля за закупочной деятельностью на базе искусственного интеллекта и иными инструментами.

Далее в инструментарий включается внутренний контроль за ресурсами компании, например, путем контроля прихода и последующего движения трудовых ресурсов в компании.

В приведенном примере внутренний контроль обеспечивается внедрением многоуровневой системы тестирования и проверок, в т.ч. посредством применения полиграфа с учетом согласия респондента. Кроме того, последующая ротация кадров между подразделениями и локациями позволит исключить создание долгосрочных связей с контрагентами, программа кадрового резерва позволит обеспечить прозрачное продвижение сотрудников по карьерной лестнице.

Третий признак – признак связи – выявляется через **мероприятия ретроспективного контроля, позволяющие установить взаимосвязь** между совершенными незаконными действиями сотрудника с его служебным положением. Основным инструментарием в данном виде мероприятия будут выступать аналитические исследования, проводимые в рамках внутреннего контроля и основанные на собранной информационной базе.

Предлагаемый в настоящей статье перечень признаков, присущих объективной стороне коррупционных преступлений (в их узком понимании), позволяет выработать антикоррупционную политику компании **в целях нивелирования возможностей совершения соответствующими лицами нежелательных для компании действий. Последующее расширение круга коррупционных преступлений позволит выявить дополнительные признаки объективной стороны соответствующих уголовных составов коррупционных преступлений, что позволит разрабатывать мероприятия антикоррупционной направленности и применять их в большем охвате для снижения уровня коррупции в компании**.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.
2. Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС КонсультантПлюс.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года // СПС КонсультантПлюс.
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.08.2012 г. № 84-О-12-15 // СПС КонсультантПлюс.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 31.07.2023 г. по делу № 10-11769/2023 // СПС КонсультантПлюс.
7. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права: учеб. / Отв. ред. И.А. Подройкина, С.И. Улезько. М.: Проспект, 2022. 768 с.
8. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2022 г. № 77-5083/2022 // СПС КонсультантПлюс.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. для бакалавров / Отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2023. 624 с.

Legal Tools of the Anti-Corruption Policy of Commercial Organizations

Bogdanov T.A.
State Academic University for the Humanities (Moscow)

The objective side of crimes is a set of external circumstances of the commission of a crime, including the act, consequences, causal relationship between them, as well as the circumstances of time, place, method, etc. A correct description of the signs of the objective side for corruption offenses allows you to

determine a set of legal instruments, the use of which will contribute to improving the effectiveness of combating corruption offenses, in particular including on their own in commercial organizations.

The present study is aimed at identifying common features inherent in the external circumstances of the commission of corruption crimes and determining the tools that will allow the formation of an anti-corruption policy of commercial organizations in order to level the possibilities for the relevant persons to implement the objective side of corruption crimes.

In this regard, the author examines the list of corruption crimes in order to identify common features of the external circumstances of the commission of corruption crimes, and on their basis an attempt will be made to form a list of tools for the effective implementation of anti-corruption measures.

Keywords: bribery, bribery, corruption crimes, anti-corruption policy

УДК 343.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-144-147

Явность как признак превышения должностных полномочий

Бурганов Р.С.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

Актуальность темы исследования заключается в необходимости четкого определения критериев отграничения превышения должностных полномочий от деяний, не являющихся преступлениями. Уголовный закон одним из условий квалификации деяния как превышения должностных полномочий указывает явность выхода за пределы данных полномочий, однако из текста закона неясно, что понимается под этой явностью.

Научная значимость работы заключается в исследовании правовой доктрины и судебной практики по вопросам квалификации превышения должностных полномочий и критической оценки необходимости существования признака «явности» как обязательного условия квалификации по ст. 286 УК РФ.

Практическая значимость заключается в потенциальных возможностях совершенствования закона, следственной, прокурорской и судебной практики и более эффективной борьбы с должностными преступлениями. Ценность проведенного исследования заключается в анализе и критической оценке признака «явности», который отдельно в уголовно-правовой науке до настоящего времени исследовался крайне редко.

Автор приходит к выводу о том, что использование слова «явно» и условия «явности» выхода за пределы должностных полномочий в диспозиции нормы ч. 1 ст. 286 УК РФ излишне. Это противоречит принципам равенства, вины, презумпции невиновности и задачам уголовного закона.

Ключевые слова: *явность, превышение должностных полномочий, должностные преступления, должностное лицо, явный выход за пределы полномочий, служебные преступления*

Для цитирования: *Бурганов Р.С. Явность как признак превышения должностных полномочий // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 144–147. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-144-147.*

Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) является одним из тех преступлений, которые, хотя и не являются распространенными, но, как правило, носят характер резонансных. Среди осужденных по данной статье значительную долю составляют сотрудники правоохранительных и судебных органов. Так, в 2023 г. из 908 осужденных по ст. 286 УК РФ в Российской Федерации 429 лиц (47,24 %) были сотрудниками правоохранительных и судебных органов. Доля же государственных и муниципальных служащих среди осужденных за преступление, предусмотренное ст. 286 УК РФ, составляет 25,55 % (232 лица), доля военнослужащих 19,49 % (232 лица) [1]. Подобное распределение сохраняется достаточно продолжительный период времени.

Высокая доля сотрудников правоохранительных и судебных органов среди осуждаемых по ст. 286 УК РФ накладывает свой отпечаток на особенности применения уголовного закона, квалификации данных деяний. Говоря о квалификации данных

деяний, следует отметить, что одной из проблем квалификации является применение содержащихся в ней оценочных категорий. Диспозиция ст. 286 содержит, в частности, такую оценочную категорию, как явный выход должностным лицом за пределы его полномочий.

Каковы критерии такой явности, в каком случае совершение действий, выходящих за пределы полномочий, будет явным, а в каком – нет? Однозначного вывода или четких критериев на данный момент законодателем и судебными органами не сформулировано.

В настоящее время в законодательстве и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации нет критериев определения явности выхода за пределы должностных полномочий. В том числе нет таких критериев объективного характера (насколько далеко должностному лицу можно выйти за пределы своих полномочий) и субъективного характера (как лицо должно осознавать, предвидеть и относиться к явности своего выхода за пределы полномочий).

Зачастую сторона защиты по уголовному делу ссылается на неявность выхода подсудимого за пределы своих полномочий в обоснование своих требований об отмене или изменении приговора суда [2; 3]. Реже суды дают отдельную мотивированную оценку таким доводам. Вместе с тем текст уголовного закона должен быть выверен и точен, поскольку он является основой для квалификации преступлений. Каждое слово в тексте уголовного закона должно иметь свой смысл и предназначение для его применения. Все это обуславливает необходимость определения смысла «явности» для квалификации действий как превышения должностных полномочий и актуальность данного исследования. Выясняя причины именно такой регламентации уголовной ответственности за превышение должностных полномочий, можно прийти к выводу, что законодатель как бы предоставляет определенную нейтральную зону для ошибки. Должностное лицо может превысить свои полномочия, но если это превышение не явное, то уголовная ответственность не наступит. Естественно, возникает вопрос: какие действия носят явный характер, а какие – нет.

В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» перечислены примерные случаи превышения должностных полномочий, но в данном постановлении не разъясняется, какие действия относятся к явному нарушению, а какие – к неявному. Судебные акты, в которых затрагиваются вопросы явности, есть, но обширной судебной практики, касающейся признания действий неявно выходящими за пределы полномочий должностного лица, нами не выявлено.

Рассматривая признаки и критерии явности, следует обратить внимание на то, что можно относить ее к объективным признакам деяния и к субъективным признакам. В науке на этот счет сложились разные точки зрения.

Так, С.Г. Айдаев отмечал, что «признак явности имеет не субъективное, а объективное содержание. Превышение полномочий должностным лицом субъективно для него далеко не всегда носит явный характер. Так, часть должностных лиц, привлеченных к ответственности за превышение полномочий, добросовестно заблуждается относительно отсутствия у них тех или иных полномочий. Неявность превышения полномочий для самого виновного не исключает объективно явного характера такого превышения, когда полномочия превышены настолько существенно, что в этом не может возникнуть никаких сомнений» [4]. В данном случае однако неустановление осознания явности для самого лица, превысившего полномочия, означает объективное вменение ему в вину этого деяния, что в силу принципа вины в уголовном праве недопустимо.

Другой позиции придерживается М.А. Любавина, которая по сути относит явность к признакам субъективной стороны преступления. Она пишет, что «явность выхода за пределы полномочий относится к характеристике вины и свидетельствует о том, что должностное лицо со всей очевидностью осознавало, что не обладает полномочиями на совершение тех действий, которые совершает. При злоупотреблении должностными полномочиями виновный также с очевидностью должен сознавать, что использует предоставленные ему полномочия, нарушая правовые предписания по их использованию» [5]. Похожую позицию занимает В.Н. Борков, который, характеризуя «явность», пишет, что «это скорее осознание виновным того, что потерпевшие или другие лица понимают противоправный характер его действий» [6].

Д.И. Аминов и А.А. Бакрадзе пишут в этой связи, что «явный (т.е. очевидный, существенный, грубый) выход действий лица за пределы предоставленных полномочий – понятие оценочное и устанавливается применительно к конкретным обстоятельствам дела. Но о явности следует говорить в тех случаях, когда превышение является очевидным, бесспорным для самого виновного» [7].

Достаточно распространен и подход, относящий явность и к субъективным, и к объективным признакам деяния. Например, в одном из судебных актов суд пришел к следующему выводу: «Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, представлена только действиями, которые должны явно выходить за пределы полномочий должностного лица и повлечь существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов

общества или государства. Явность в рамках указанной диспозиции является оценочным признаком, взаимообусловленным с самим действием, которое должно повлечь указанные последствия. Явность выхода за пределы предоставленных прав и полномочий означает бесспорный характер выхода должностного лица за пределы его компетенции как с точки зрения самого виновного, так и с позиций правовой регламентации этих пределов» [8].

Анализируя текст УК РФ на предмет использования категории «явности» того или иного нарушения, можно обнаружить, что законодатель использует его для регламентации превышения пределов необходимой обороны (ст. 37), крайней необходимости (ст. 39), мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 38), при описании диспозиции норм ст. 148 (Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий), ст. 213 (Хулиганство), ст. 354.1 (Реабилитация нацизма). В случае с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, правоприменителю, например в случае с необходимой обороной приходится сравнивать, с одной стороны, посягательство, с другой – действия обороняющегося. И то, и другое являются фактическими обстоятельствами, действиями людей. В случае же с превышением должностных полномочий сравнивать необходимо, с одной стороны, совершенно конкретные, закрепленные в законе, локальных актах и должностной инструкции полномочия лица, а с другой – его действия. Задача правоприменителя здесь, на наш взгляд, проще, так как границы одного из сопоставляемых явлений четко очерчены. Поэтому в использовании категории «явно» в данном случае необходимости нет.

Среди преступлений, предусмотренных гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» УК РФ, категория «явности» предусмотрена лишь при регламентации превышения должностных полномочий (ст. 286). Незакрепление явности в составах, являющихся специальными по отношению к ст. 286 (ст.ст. 292, 293), и в других составах показывает непоследовательность правовой регламентации уголовной ответственности за должностные преступления.

В литературе и судебной практике слово «явный» объясняется словами «очевидный», «бесспорный». В уголовном праве и процессе выводы в отношении деяний, вменяемых в вину лицу, не могут иметь неявный, неочевидный и небесспорный характер. Это подразумевают принципы законности, вины, презумпции невиновности, многочисленные нормы УК и УПК РФ. Установление явности в качестве условия привлечения к уголовной ответственности в этом смысле излишне. Словом «явно» можно дополнить большую часть статей особенной части УК РФ без изменения их смысла.

УК РФ предусматривает еще один случай уголовной ответственности за превышение полномочий – ст. 203 УК РФ – превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей. Однако в данной статье нет указания на явность выхода за пределы полномочий. На отсутствие этого признака при конструировании состава (ст. 203 УК РФ) указывает ряд авторов. Так, И.В. Чурсина отмечает, что «отсутствие в диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ, указания на явный характер выхода за пределы служебных полномочий объясняется несовершенством законодательной техники конструирования признаков состава преступления» [9]. Следует признать, что такая регламентация уголовной ответственности нарушает принцип равенства, однако мы предлагаем другое решение данного несоответствия. А именно, исключение признака явности из ст. 286 УК РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации дал ряд разъяснений, касающихся понимания возможности привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 286 УК РФ. Данная статья, отмечает КС РФ, предусматривает в качестве объективного признака состава преступления совершение должностным лицом таких действий, которые явно выходят за пределы его полномочий и влекут существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Учитывая многообразие возможных форм такого рода поведения должностного лица и соответствующих последствий, привлечение к уголовной ответственности допускается, когда лицо не просто осознавало, что действует за пределами своих полномочий, но и предвидело возможность наступления указанных последствий и желало их наступления либо не желало, но сознательно допускало эти последствия или же относилось к ним безразлично [10]. Необходимо отметить, что это понимание в целом является переложением определения умысла (ст. 25 УК РФ). Какого-либо отличия деяния, для которого предусмотрено условие «явности», Конституционный Суд РФ для ст. 286 УК РФ в данных актах не приводит.

Само указание на условие явности для квалификации деяния как превышения должностных полномочий не лучшим образом действует на реализацию предупредительной функции уголовного закона. Читая его, можно прийти к выводу, что превышать полномочия можно, если сделать это неявно.

Подводя итог, следует отметить, что, на наш взгляд, использование слова «явно» и условия «явности» выхода за пределы должностных полномочий в диспозиции нормы ч. 1 ст. 286 УК РФ излишне. Это противоречит принципам равенства, вины,

презумпции невиновности и задачам уголовного закона. Случаи неявного превышения полномочий возможно квалифицировать как невиновное причинение вреда либо применить к таким случаям нормы о малозначительности деяния.

Литература:

1. Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690 (дата обращения: 04.09.2024).
2. Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 03.07.2024 г. по делу № 22-72/2024 (УИД 87RS0001-01-2023-000199-05) // СПС КонсультантПлюс.
3. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 26.08.2020 по делу № 22-1283/2020 // СПС КонсультантПлюс.
4. Айдаев С.Г. Превышение должностных полномочий: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.
5. Любавина М.А. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // КриминалистЪ. 2010. № 1 (6). С. 39–46.
6. Борков В.Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2016. № 4. С. 4–8.
7. Аминов Д.И., Бакрадзе А.А. Заключение специалиста по материалам уголовного дела о должностном преступлении // Безопасность бизнеса. 2016. № 4. С. 55–64.
8. Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12.08.2021 г. по делу № 22-1173/2021 // СПС КонсультантПлюс.
9. Чурсина И.В. Субъективная сторона превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Российский следователь. 2015. № 5. С. 27–31.
10. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 2010 г. № 368-О-О, от 24 декабря 2012 г. № 2400-О, от 30 мая 2024 г. № 1426-О // СПС КонсультантПлюс.

Transparency as a Sign of Abuse of Office

Burganov R.S.
Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The relevance of the research topic lies in the need for a clear definition of criteria for distinguishing abuse of official authority from acts that are not crimes. The criminal law, as one of the conditions for qualifying an act as an abuse of official authority, indicates the clearness of going beyond these powers, however, it is unclear from the text of the law what is meant by this clearness.

The scientific significance of the work lies in the study of legal doctrine and judicial practice on the qualification of abuse of office and a critical assessment of the need for the existence of a sign of "clarity" as a prerequisite for qualification under Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. The practical significance lies in the potential opportunities for improving the law, investigative, prosecutorial and judicial practice and more effective fight against official crimes.The value of the conducted research lies in the analysis and critical assessment of the sign of "clarity", which has been studied very rarely separately in criminal law science to date.

The author comes to the conclusion that the use of the word "explicitly" and the conditions for "explicitly" going beyond the limits of official authority in the disposition of the norm of Part 1 of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation is unnecessary. This contradicts the principles of equality, guilt, the presumption of innocence and the objectives of the criminal law.

Keywords: clearness, abuse of official authority, official crimes, official, apparent overstepping of authority, official crimes

УДК 341
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-148-157

О регулировании и практике строительства энергетических объектов иностранными компаниями в Армении

Василькова С.В.
Кандидат юридических наук, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Научно-исследовательского центра «Сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса»

Актуальность темы исследования заключается в усиливающейся роли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергобалансе Республики Армения и тенденции к росту объемов строительства соответствующих объектов генерации, в частности, солнечных электростанций. Научная значимость работы заключается в осмыслении иностранного опыта, в частности, нормативного потенциала энергетики современной Армении. Ценность проведенного исследования заключается в формировании системных положений, способствующих укреплению сотрудничества в сфере строительства энергетических объектов, которые направлены на противодействие недружественным действиям третьих стран, затрудняющих совместную деятельность российских и армянских компаний.

По результатам проведенного исследования предложено рекомендовать Минэнерго России совместно с МИД России, Госкорпорацией «Росатом» и заинтересованными энергетическими компаниями проработать во взаимодействии с армянской стороной вопрос о принятии новой комплексной программы двустороннего сотрудничества в сфере энергетики, включая раздел (подпрограмму) о долгосрочном сотрудничестве в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов российскими компаниями на территории Республики Армения.

Ключевые слова: *энергетические объекты, строительство энергетических объектов, российские энергетические объекты за рубежом, Армения, законодательство Армении, энергетика Армении, ВИЭ в Армении, строительство АЭС в Армении, российско-армянское сотрудничество в энергетике, долгосрочное сотрудничество в сфере строительства энергетических объектов*

Для цитирования: *Василькова С.В. О регулировании и практике строительства энергетических объектов иностранными компаниями в Армении // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 148–157. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-148-157.*

Энергетика современной Армении имеет потенциал существенного развития, реализации которого в стране уделяется значительное внимание на уровне законодательства, стратегических документов и договоренностей с зарубежными партнерами. Созданы условия и наработана практика привлечения значительных иностранных инвестиций и иностранных компаний для реализации проектов в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов.

Характеризуя особенности регулирования энергетики, в том числе сферы проектирования, стро-

ительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов, прежде всего отметим, что Республика Армения разрабатывает и принимает довольно прогрессивные стратегические документы в энергетической сфере.

Так, в 2020 г. принят документ «**Развитие энергетического сектора Республики Армения. Стратегическая программа до 2040 года**» [1] (обратим внимание на интересный горизонт планирования – двадцать лет, до 2040 г., в то время как, например, в России некоторые документы стратегического планирования принимаются до 2030 или 2035 гг., а в некоторых странах в энергетической сфере планирование идет до 2050 г., при этом, по нашему мнению, в целом в современной энергетике, особенно в части развития атомной отрасли и ВИЭ следует в большей степени переходить на горизонт планирования именно до 2050 г.). В этой стратегической программе, в частности, указано, что отраженное в ней видение станет основой для принятия всех решений, связанных с энергетикой, построения отношений с соседними странами в отношении энергетического сектора, интеграции во все большее число глобальных рынков электроэнергии и для дальнейшего развития отношений с ключевыми партнерами. Указано, что максимальное использование потенциала возобновляемых источников энергии, рассматривая его как часть плана развития энергетики с наименьшими затратами, является одним из ключевых приоритетов развития энергетического сектора[1]. При этом подчеркивается, что, учитывая имеющиеся внутренние ресурсы и тенденции развития этой технологии во всем мире, *строительство солнечных электростанций* будет преобладать над остальными типами, учитывая ограничения показателей надежности и безопасности системы. Этот приоритет развития армянской энергетики необходимо учитывать иностранным, в том числе российским компаниям, предлагая свои высокотехнологичные и конкурентоспособные решения в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации объектов солнечной энергетики партнерам в Республике Армения.

В рамках стратегии, разработанной Правительством Республики Армения, ключевыми направлениями являются продолжение работы второго блока атомной электростанции после 2026 г. и стремление к постройке нового атомного объекта после окончания этого периода. Эти меры предпринимаются с целью обеспечения более широкого разнообразия в энергетическом секторе, снижения зависимости от внешних поставок природного газа и уменьшения объема вредных выбросов в атмосферу[2]. Здесь, на наш взгляд, подан достаточно ясный сигнал зарубежным партнерам, обладающим опытом и компетенциями в сфере строительства объектов атомной энергетики, а потому, как представляется, Госкорпорации «Росатом» и всем ее соответствующим структурам следует обратить особое внимание на сотрудничество с армянской стороной по этому направлению. В настоящее время российско-армянские договоренности в этой сфере сохраняются и продлеваются (о чем еще скажем далее), но следует работать на перспективу, учитывая конкуренцию, и наращивать усилия на этом направлении, повышая заинтересованность армянских партнеров.

Обратим также внимание на следующие амбициозные цели, отраженные в названной стратегической программе: полная реализация программы строительства автомобильных коридоров Север – Юг, *линий электропередачи* и инфраструктуры Армения – Иран и Армения – Грузия играют решающую роль с точки зрения наличия энергосистемы регионального значения. Эта программа предоставляет Армении возможность стать связующим звеном для выхода на более глобальные рынки электроэнергии, а также для использования возможностей взаимовыгодной торговли электроэнергией с Ираном и Грузией. Между тем полная реализация Программы повысит надежность и безопасность энергетической системы Армении. Остается только сожалеть, что в числе приоритетных партнеров здесь Российская Федерация не упомянута.

В рамках обозначенной стратегии было подчеркнуто, что на начальном этапе ее реализации в процессе возведения находилось несколько ключевых объектов энергогенерации. Среди них – Ереванская теплоэлектростанция второго типа с производствен-

[1] Заметим здесь, что в Республике Армения достаточно давно уделяется значительное внимание вопросам развития ВИЭ, и такая политика приносит свои позитивные результаты (см. подробно, например: [2; 3]).

[2] Заявлено, что Правительство Республики Армения останется приверженным политике сохранения атомных электростанций в структуре выработки электроэнергии страны. В этом контексте отмечается, что возможность продления срока службы атомной станции гарантирует развитие системы на основе наименьших затрат. В названной стратегической программе было запланировано завершение к 2023 г. инвестиционной программы, направленной на продление проектного срока службы энергоблока № 2 АЭС, что приведет к инвестициям в размере 330 млн долл. США и продлению работы атомной электростанции до 2026 г. В случае, если безопасная эксплуатация энергоблока № 2 АЭС будет оправдана после 2026 г. в соответствии с соответствующими исследованиями, правительство намерено эксплуатировать его как минимум до 2036 г., что, согласно прогнозам, потребует дополнительных инвестиций в размере 150 млн долл. США. Более того, самый низкий уровень выбросов парниковых газов может быть достигнут только в случае доступности атомной электростанции по сравнению с другими сценариями, что согласуется с реализацией долгосрочных целей правительства в области развития при низком уровне выбросов парниковых газов. После истечения срока эксплуатации существующей атомной электростанции (включая продление срока ее эксплуатации) *рассматривается строительство нового ядерного энергоблока с заменой мощности на существующей площадке АЭС*, что предотвратит увеличение зависимости страны от импортируемого природного газа.

ной мощностью в 250 МВт, ожидавшая завершения строительства к середине 2022 г. с финансовыми вложениями в размере 250 млн долл. Также упоминались проекты в области возобновляемых источников энергии, включая солнечную станцию Масрик-1 мощностью 55 мегаватт, планировавшуюся к запуску в тот же период с инвестициями на сумму 60 млн долл., а также комплекс малых гидроэлектростанций общей мощностью 50 МВт и солнечных станций суммарной мощностью в 197 МВт, подготовленных к вводу в эксплуатацию к 2023 и 2022 гг. соответственно, каждый с бюджетом в 60 млн долл. В дополнение в стратегии упоминалась ветроэлектростанция мощностью 4 МВт, ожидаемая к 2021 г.

Было объявлено о планах на скорое осуществление тендеров для начала строительства дополнительных семи солнечных электростанций, которые в совокупности будут иметь мощность примерно в 520 МВт, в том числе две из них будут особенно мощными, с возможностями по 200 МВт каждая. В своих планах к 2030 г. Правительство Армении ставит перед собой амбициозную цель – повысить уровень производства электроэнергии за счет солнечных источников до минимум 15 %, что эквивалентно 1,8 млрд кВт*ч. Для достижения этой задачи предусмотрено возвести солнечные станции с общей мощностью в 1000 МВт, включая и независимые энергетические объекты.

В документе подчеркивается, что в предстоящие годы ожидаются такие изменения в мировой экономике, которые дадут возможность энергетическим установкам, работающим на возобновляемых источниках энергии, включая солнечные станции с системами накопления энергии, конкурировать на равных с теми, что используют традиционные источники. Кроме того, документ уточняет, что Правительство Республики Армения намерено привлекать частных инвесторов для создания крупномасштабных энергетических объектов на основе государственно-частного партнерства (ГЧП), проводя для этого конкурсные отборы. Это предполагает, что доступ этих проектов к электроэнергетическому рынку будет возможен только при наличии определенных гарантий от государства.

Обеспечение Арменией поддерживающей политики и создание благоприятных институциональных условий для развития солнечных и ветровых энергетических технологий становится критически важным. Это следствие их признания как основных компонентов в стратегии сокращения затрат на новую энергогенерацию в различных ситуациях. Такой подход не только позволит снизить расходы на энергию, но также уменьшит зависимость Армении от ввозимых энергоносителей, способствуя повышению энергетической безопасности и усилению экономической конкуренции страны.

Правительство Республики Армения намерено развивать и строительство ГЭС. Отмечается, что, независимо от того, что строительство Мегрийской, Шнохской и Лорибердской ГЭС не рассматривалось в сценариях развития с наименьшими затратами, они останутся актуальными проектами и будут построены как электростанции коммунального масштаба, когда в энергосистеме потребуется строительство таких электростанций.

Что касается ветряных электростанций, заявлено, что Правительство Республики Армения также будет последовательно развивать такие технологии и планирует построить ветряные электростанции коммунального масштаба общей установленной мощностью 500 МВт в 2025–2040 гг., но реализация программ государственно-частного партнерства, ориентированных на строительство таких электростанций, будет определяться исключительно тем фактом, что цены на электроэнергию, поставляемую ветряными электростанциями, конкурентоспособны.

В рамках исследовательских работ выявлено, что Армения выделяется среди стран ЕАЭС наибольшим долевым присутствием возобновляемых источников энергии (ВИЭ), достигая показателя в примерно 33 % [4, с. 88]. Эта цифра, впечатляющая на первый взгляд, в основном была достигнута благодаря интенсивному развитию сектора малой гидроэнергетики. В планах страны стоит задача увеличить долю ВИЭ до 70 % [5], что является амбициозной целью. Успехи и стремления в данном направлении подкрепляются активной государственной поддержкой [6] и эффективной работой Армянского фонда возобновляемой энергетики и энергоэффективности [7].

Приведенные выше показатели и планы иллюстрируют тезис об исключительно важной и возрастающей роли ВИЭ в энергобалансе Республики Армения и тенденции к росту объемов строительства соответствующих объектов генерации, в частности, солнечных электростанций.

В качестве одного из принципов, по которым в XXI в. будут развиваться энергетические системы, исследователи предполагают, что новые безуглеродные источники энергии будут строиться вблизи потребителей и их резервирование будет происходить, прежде всего за счет накопления энергии [8, с. 77]. Учитывая эту перспективу и указанные выше тенденции в энергетической политике Армении в части строительства объектов генерации на ВИЭ, российским компаниям следует формировать и активно предлагать армянским партнерам соответствующие комплексные решения и проекты по строительству (с рациональным территориальным размещением) энергообъектов, соответствующих потребностям и приоритетам армянской энергетики.

Уделяется в Армении значительное внимание и развитию высоковольтных сетей передачи электроэнергии. В частности, в указанной выше стратеги-

ческой программе отмечается, что высоковольтные сети передачи электроэнергии находятся в государственной собственности и их естественное развитие является одним из стратегических вопросов энергетического сектора. Развитие высоковольтной сети электропередачи включает в себя два комплекса действий, направленных на модернизацию существующей инфраструктуры и расширение сети электропередачи. Первый набор действий направлен на модернизацию подстанций высоковольтной сети электропередачи и воздушных линий электропередачи, в то время как второй набор действий сосредоточен на установке системы мониторинга пропускной способности, автоматизации (расширении системы SCADA[3]), а также показателей надежности и безопасности электроэнергетической системы и развитии новых инфраструктур для региональной интеграции. При этом обращает на себя внимание очень широкое участие иностранного и международного банковского капитала в финансировании проектов по строительству таких энергообъектов на территории Республики Армения[4].

Относительно законодательного регулирования в исследуемой сфере необходимо отметить следующее.

Закон Республики Армения от 26 мая 1998 г. ЗР-217 «О градостроительстве»[5] действует с изменениями, регулярно вносимыми на протяжении многих лет, включая 2024 г. Названный закон определяет основы градостроительной деятельности в Республике Армения и регулирует отношения, связанные с этой деятельностью. В нем отражены некоторые весьма любопытные подходы. Так, например, само градостроительство в Республике Армения в ст. 2 названного законодательного акта определяется как совокупность действий государства, физических, юридических лиц и их объединений в целях создания или преобразования благоприятной пространственной среды жизнедеятельности. Обращает на себя внимание комплексность и существенная широта такого подхода. В градостроительство включены разработка программ социально-экономического развития территорий, расселения, размещения производственных мощностей, что, с нашей точки зрения, привычнее воспринимать как относящееся к сфере стратегического планирования, включая планирование пространственного развития (в России эти вопросы входят в предмет регулирования законодательства о стратегическом планировании и отражены в стратегии пространственного развития), а не градостроительной деятельности как таковой. Вместе с тем, поскольку армянским законодателем принят именно такой подход, то и планирование размещения проектируемых и возводимых энергетических объектов тоже в полной мере относятся к градостроительству в Республике Армения, согласно приведенной выше законодательной дефиниции.

Изложенное выше свидетельствует о том, что армянское законодательство подходит к вопросу градостроительства с необычайно широкой перспективы, охватывая не только строительство и модернизацию, но и благоустройство, а также прямую эксплуатацию объектов. Важно подчеркнуть, что в рамках градостроительной деятельности происхо-

[3] *Supervisory Control And Data Acquisition* – диспетчерское управление и сбор данных.

[4] Весьма показательно в анализируемой стратегической программе отражено, например, что в высоковольтной сети электропередачи реконструируются пять подстанций, в частности:

При поддержке Международного банка реконструкции и развития, который выделил 36 млн долл. США в рамках кредитного соглашения «Проект надежности электроснабжения – дополнительное финансирование», в 2019 г. была реконструирована подстанция 220 кВ «Ахтанак»; предусмотрена реконструкция подстанций 110 кВ «Чаренцаван-3», «Ванадзор-1» и подстанции 220 кВ «Зовуни».

При поддержке Азиатского банка развития, который предоставил около 24,02 млн *SDR (Special Drawing Rights* – специальные права заимствования) в рамках кредитного соглашения «Энергетика».

Планируется реализовать «Проект восстановления электропередачи», реконструкцию коммутационного пункта 220 кВ «Агарак-2» на подстанции и реконструкцию подстанции «Синахайр», а также второй этап инвестиционной программы *SCADA* в области систем связи и автоматизации.

При поддержке Международного банка реконструкции и развития:

– компания Development, которая выделила 39,86 млн долл. США в рамках кредитного соглашения «Улучшение сети электропередачи», построила и ввела в эксплуатацию новую подстанцию 220 кВ Ереванской ТЭС, заменив предыдущую подстанцию 110 кВ. В настоящее время ведется реконструкция подстанции 220 кВ «Ашнак», а также планируется осуществить реконструкцию подстанции «Арарат-2»;

– компания Development, которая выделила около 35,5 млн долл. США в рамках кредитного соглашения «Надежность электроснабжения», осуществила модернизацию 230-километровой воздушной линии электропередачи 220 кВ вдоль Норадуз-Личк-ВарденисВайк-Воротан-1 между Разданской ТЭС и подстанцией 220 кВ «Шинухайр», что увеличило экспортную мощность в Иран примерно на 50 МВт. В рамках экономии, полученной в результате заключенных соглашений, направленных на реконструкцию воздушной линии электропередачи, ведется реконструкция около 50-километровой воздушной линии электропередачи «Ларвар» и «Ноемберян» напряжением 110 кВ. Линии, находящиеся в эксплуатации с 1962 г. под воздействием тяжелых химических веществ, подверглись коррозии и оказывают негативное влияние на обеспечение надежного и бесперебойного электроснабжения потребителей.

При поддержке Банка развития экспорта Ирана и «Санир ФЗЕ», которые выделили 107,9 млн евро, ведется строительство двухцепной воздушной линии электропередачи Иран – Армения 400 кВ и подстанции 400 кВ «Нораван». Строительство линии электропередачи и подстанции позволит увеличить мощность обмена электроэнергией между энергосистемами обеих стран с 350 МВт до 1200 МВт также за счет повышения надежности параллельной работы энергосистем и энергетической безопасности Республики Армения.

Последнее, кстати, подтверждает заметный четко выраженный иранский вектор в энергетической политике Армении.

[5] Текст на русском языке согласно публикации на официальном сайте Национального Собрания Республики Армения: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1953&lang=rus#1.

дит не только физическое воздействие на территорию, но и корректировка её функционального предназначения, что включает изменение параметров и границ земельных участков. Эти аспекты традиционно ассоциируются с земельным правом, что указывает на мультидисциплинарный характер градостроительной политики в Армении.

В ст. 3 указанного Закона, принятого в Армении, дается развернутый перечень объектов градостроительной деятельности, относящихся к сектору градостроительства. Этот перечень не только подтверждает наше предыдущее утверждение о том, что градостроительство понимается в широком смысле, но и конкретизирует его объекты. К таковым относятся, среди прочего, объекты промышленности, гидротехнические и энергетические сооружения, научно-технические комплексы, а также инфраструктура для транспорта и инженерные коммуникации. Из этого следует, что и отношения в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов охватываются регулированием градостроительной деятельности в Республике Армения.

В соответствии с законодательством Республики, область градостроительства включает в себя разнообразных участников, начиная от отдельных лиц и компаний из Армении до международных организаций и иностранных предприятий, включая лиц без гражданства. Эти участники могут принимать на себя различные роли, такие как владельцы проектов, строители или разработчики проектной документации. Закон включает в этот список иностранные энергетические компании, подчеркивая их возможность участвовать в градостроительных проектах в Армении, как это оговорено в ст. 4 Закона. При этом определено, что юрисдикция субъектов градостроительной деятельности в отношении недвижимого имущества устанавливается **Гражданским кодексом Республики Армения, Законом Республики Армения «О недвижимом имуществе»** и иными правовыми актами. В соответствии со ст. 15 Закона «О градостроительстве» Республики Армения, система правовых актов, регулирующих нормы градостроения и все сопутствующие отношения, строится на основе упомянутого Закона, включая в себя также другие законодательные акты и различные нормативные документы. Важным аспектом является то, что законодательство регулирует использование ресурсов – таких как земля, вода, леса, воздушное пространство, а также недра, кроме того, включает в себя защиту окружающей среды, объектов исторического и культурного наследия. То же касается осуществления прав собственности, вопросов, связанных с имущественными и авторскими правами[6].

Следует подчеркнуть, что действующие в Армении процессы в сфере градостроительства, включая участие иностранных органов, как физических, так и юридических лиц, а также международных организаций, регулируются на основании ст. 29 изучаемого Закона в дополнение к другим законам и международным соглашениям, подписанным страной. Так, в деятельности, связанной с градостроительством на территории Армении иностранных предприятий, независимо от их статуса, следует руководствоваться указаниями данного Закона, а также других правовых актов и международных договоров. В случае, когда международные соглашения, подписанные от лица Республики Армения, содержат положения, отличающиеся от законов страны, предпочтение отдаётся положениям этих соглашений. Это подтверждает принцип приоритета международного права и договорных статей над национальным законодательством.

Закон Республики Армения от 21 марта 2001 г. ЗР-148 «Об энергетике»[7] регулирует отношения государственных органов Республики Армения, юридических лиц, осуществляющих, в соответствии с этим Законом, деятельность в сфере энергетики, и потребителей электрической, тепловой энергии, природного газа. В ст. 3 названного Закона охарактеризована сфера энергетики Республики Армения. Названный законодательный акт непосредственно затрагивает своим регулированием сферу строительства энергообъектов, и его положения должны учитываться при реализации строительных проектов с участием иностранных компаний. Однако обращает на себя внимание, что в названном Законе отсутствуют нормы о международном сотрудничестве и сотрудничестве с иностранными партнерами в сфере энергетики. При этом в его статье 57 традиционно оговаривается, что если международными договорами Республики Армения установлены иные нормы, чем предусмотренные названным За-

[6] Установлено также, что в Республике Армения система градостроительной нормативно-технической документации – это средство государственного регулирования градостроительной деятельности, устанавливающее необходимые нормы, правила, показатели надежности, охраны окружающей среды, противопожарные, санитарно-гигиенические и иные необходимые нормы, правила, показатели, а также условия обеспечения качества в ходе проектирования, реализации и эксплуатации по предъявляемым к объекту, отдельному зданию, строению, конструкции или строительным материалам требованиям. Выполнение требований градостроительной нормативно-технической документации обязательно для субъектов градостроительной деятельности, а она как таковая служит основанием для экспертизы, контроля за градостроительной деятельностью и, что важно, разрешения спорных вопросов (при этом в ст. 27 названного законодательного акта установлено, что споры, связанные с градостроительной деятельностью, разрешаются в судебном порядке). Это должно учитываться, в том числе при реализации проектов по строительству энергетических объектов на территории Армении иностранными компаниями.

[7] Текст на русском языке согласно публикации на официальном сайте Национального Собрания Республики Армения: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1291&lang=rus.

коном, то применяются нормы международных договоров. Поскольку потенциал именно договорного регулирования в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов с участием иностранных компаний особенно велик и значим, такие положения вышеуказанных законов необходимо учитывать в контексте заключаемых армянской стороной договоров в рассматриваемой сфере.

В отличие от указанного более общего закона, в специальном **Законе Республики Армения от 4 декабря 2004 г. ЗР-122 «Об энергосбережении и возобновляемых источниках энергии»**[8] содержатся положения о международном сотрудничестве, которому посвящена гл. IV, согласно которым основными направлениями международного сотрудничества Республики Армения в области энергосбережения и возобновляемых источников энергии являются: обмен энергоэффективными технологиями и производством устройств; взаимное признание стандартов и результатов сертификации в соответствии с законодательством Республики Армения; обмен информацией в области энергосбережения и возобновляемых источников энергии; участие юридических и физических лиц Республики Армения в международных программах энергосбережения и возобновляемых источников энергии; разработка и реализация совместных программ и проектов в области энергосбережения и возобновляемых источников энергии (ст. 19). Последнее, как представляется, подразумевает и совместные строительные проекты по созданию новых объектов генерации на ВИЭ, что, как показано выше, исключительно значимо для современной армянской энергетики.

Несомненно, важным является и блок сотрудничества в сфере строительства объектов атомной энергетики, в котором Россия обладает серьезными конкурентными преимуществами. В настоящее время, как мы уже упоминали выше, конструктивный диалог в этом направлении у России и Армении сохраняется. На заседании, проведенном 15 декабря 2023 г., между представителями Правительств России и Армении были обсуждены вопросы экономического взаимодействия. В ходе этой встречи было официально оформлено решение о продлении периода работы второго блока Мецаморской АЭС на десятилетие. Этот шаг был предварительно подкреплен одобрением армянским правительством проекта соглашения на сумму в 65 млн долл. с организацией «Русатом Сервис» [9; 10]. Важно отметить, что хотя и было принято решение о продлении работы существующего энергоблока, это не исключает планов по строительству новой атомной станции. К тому же интерес к созданию новой АЭС проявили как Россия, так и Соединенные Штаты, подчеркивая международное значение развития атомной энергетики в Армении. Россия представляет передовую ядерную установку ВВЭР (водо-водяной энергетический ядерный реактор) с выходной мощностью 1200 МВт, в то время как Соединенные Штаты предлагают компактный модульный ядерный реактор [10]. На наш взгляд, здесь очевидно преимущество российского предложения, однако важно, чтобы в решения по подобным альтернативам не вторгались разного рода политические и конъюнктурные факторы[9].

Имеется и альтернативное южнокорейское предложение, способное составить конкуренцию российскому (отмечается, что Южная Корея предложила атомную электростанцию большой мощности – 1400 МВт, в то время как Россия – 1200 МВт [12]), ввиду чего российской стороне необходимо выигрывать в этой серьезной конкурентной борьбе.

Подчеркнем, что в настоящее время активизировался диалог Армении в большей степени с США по данному вопросу, включая обсуждение правовой основы сотрудничества по проекту: Армения и США обсуждают возможность строительства новой атомной электростанции и процесс вошел в предметную фазу [13].

В литературе резонно отмечается, что крупнейшими экспортерами являются страны, которые сооружают атомные станции – Россия, Южная Корея, или имеют развитую атомную промышленность – Германия, Япония [14, с. 38]. Здесь четко видно разделение на экспорт, условно говоря, опыта, включающего непосредственный процесс высокопрофессионального строительства (как это предлагает и реализует Россия), и технологий (как, например, Германия в свое время поставила свои технологии для самостоятельного строительства бразильским государственным монополистам второго энергоблока АЭС в Бразилии). Нам первый подход, который реализует Российская Федерация, видится более перспективным и долгосрочным, ввиду чего именно его и следует придерживаться.

Принятие новаторских методов и укрепление международных связей на основе уже существующих технологических достижений позволило атомной промышленности России зарекомендовать себя как надёжного и конкурентоспособного участника на рынках Азии. Это, в свою очередь, привлекло внимание мировых партнёров к уникальным предложениям России в области строительства атомных энергетических установок. В будущем, благодаря

[8] Текст на английском языке согласно публикации на официальном сайте Национального Собрания Республики Армения: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2119&lang=eng#.

[9] А альтернативность переговоров нередко подчеркивается именно на политическом уровне и, рискнем предположить, в том числе с политическими целями. Например, «Армения проводит переговоры с Россией и США по вопросу строительства в стране новой атомной электростанции, заявил в парламенте премьер-министр республики Никол Пашинян» [11].

этим факторам, атомная энергетика обещает стать ключевой силой, способствующей экономическому прогрессу, повышению энергетической независимости и увеличению объёмов экспорта продукции, не связанной с добычей сырья [15, с. 70].

Представляется, что России в настоящее время целесообразно проявлять больший интерес к предложению и реализации проектов в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации АЭС в Республике Армения, имея в виду интерес страны к строительству новой АЭС, а также принимая во внимание наличие и потенциальную возможность новых конкурирующих предложений от США, Южной Кореи и иных заинтересованных государств.

Подчеркнем, что анализ современной энергетической политики Республики Армения и положений стратегических документов показывает разновекторность армянского энергетического сотрудничества, в значительной степени сориентированного на Запад и на Иран. В частности, в упомянутом выше документе «Развитие энергетического сектора Республики Армения. Стратегическая программа до 2040 года» закреплено: энергосистема Армении в настоящее время подключена к энергосистемам Ирана и Грузии. Через эти страны в Армению импортируется природный газ. В этом отношении текущие энергетические отношения с Ираном и Грузией имеют стратегическое значение. Как член ЕАЭС, Армения вовлечена в процесс создания общего энергетического рынка ЕАЭС. Однако недавно Армения обозначила новый этап в своих международных отношениях, заключив с Европейским союзом «Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве» (CEPA). Среди ключевых аспектов этого соглашения выделяется стремление Армении к интеграции в европейский энергетический сектор через поэтапное принятие европейских директив. Важно отметить, что, оставаясь членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Армения также акцентирует внимание на развитии энергетического сотрудничества не только с ЕС, но и с другими ключевыми партнерами, такими как Иран и Грузия, что свидетельствует о ее стремлении к диверсификации своих стратегических энергетических связей.

Армянские аналитики указывают на сложную динамику внешней политики страны, отмечая, что Армения стремится к экономическому развитию как к стратегии снижения внешнеполитических рисков, что, по их мнению, является оптимальным решением в данных условиях. Это подразумевает отделение экономических интересов от политических амбиций, позволяя стране одновременно налаживать евразийскую интеграцию, несмотря на возникающие политические напряженности в области безопасности с Россией и другими государствами [16, с. 107].

В этом контексте обратим особое внимание на важность большего вовлечения энергетики Армении в сферу регулирования и развития ЕАЭС.

России, по нашему мнению, стоит проявлять на современном этапе большую последовательность и настойчивость в совершенствовании механизмов энергодиалога и стабильного сотрудничества в энергетической сфере с Республикой Армения. Уже в 2019 г. наблюдалась значительная ориентация на азиатские инициативы в контексте российских зарубежных инвестиций, что отражает глобальные сдвиги в распределении экономических и политических сил. Азия, усиливая свои позиции, превращается в ключевой центр привлечения внимания и инвестиций в многополярном мире. Этот стратегический выбор России по укреплению связей с азиатскими странами способствует повышению ее энергетической безопасности и стабильности на фоне геополитических вызовов и нестабильности [17, с. 21–22]. В настоящее время, спустя несколько лет этот тезис не утратил, а, напротив, увеличил свою актуальность. В этом русле следует рассматривать и взаимоотношения России с Арменией. Такие государства, как Армения и Азербайджан, безусловно, находятся в зоне внимания различных третьих стран, таких как, например, Турция [18], Иран и др. Ввиду этого особо важно не снижать интенсивности и продуктивности энергетического взаимодействия Российской Федерации с такими странами постсоветского пространства.

В контексте взаимодействия со странами Центральной Азии акцент предварительно делался на важности России как ключевого партнера, особенно в энергетическом секторе. Это выделяется как критический элемент в свете международных вызовов и опасностей, угрожающих как национальной, так и экономической стабильности. Учитывая, что многие из этих проблем являются общими для наших стран, совместные усилия по их преодолению и строительству конструктивных решений выступают фундаментом для развития долгосрочных и стратегически важных отношений [19, с. 18]. Повторим это суждение применительно к стабильному энергодиалогу с Арменией (хоть и не центральноазиатской, но азиатской страной), поскольку оно абсолютно справедливо и в отношении этой страны, особенно с учетом некоторых ситуативных сложностей в российско-армянских взаимоотношениях, наблюдающихся в последнее время, которые, несомненно, надо стремиться преодолеть.

А.Б. Яновский подчеркивает, что российская энергетическая отрасль выделяется благодаря уникальному сочетанию факторов, способствующих её конкурентоспособности. Среди этих факторов – обилие природных ресурсов, экономическая выгода в производстве, стратегически выгодное расположение рядом с ключевыми рынками, развитая

транспортная сеть, передовые технологии, высокопрофессиональный персонал и уже существующая инфраструктура, которая продемонстрировала свою результативность [20, с. 4]. Эти плюсы и преимущества следует активнее использовать, в том числе для более надежного вовлечения Республики Армения в свою энергетическую «орбиту», учитывая общее прошлое, давние связи и стратегическую важность энергетического и в целом всестороннего экономического сотрудничества России и Армении.

Данные вопросы необходимо рассматривать в широком контексте евроазиатской интеграции и развития иных форматов комплексного энергетического диалога. А.Б. Яновский подчёркивает значимость многоаспектного сотрудничества и его роль в осуществлении планов по расширению Евразийского союза. Суть инициативы ориентирована на развитие экономических связей, основанных на принципах справедливости, прозрачности и учёта обоюдных интересов среди участников ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. Это партнерство, предполагающее взаимное признание и уважение к различиям в национальных стратегиях развития, предвидит создание уникальных условий для сотрудничества на разных скоростях и уровнях, с целью достижения нового уровня интеграции и взаимодействия. Оно также нацелено на интеграцию с другими многосторонними форматами и открыто для участия стран из Азии и Европы, заинтересованных в совместной работе [20, с. 10]. Признавая самобытность и специфику развития энергетики Армении, приоритеты её взаимодействия с партнерами из разных стран в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов, вместе с тем следует, исходя из национальных интересов Российской Федерации, в большей степени вовлекать армянскую сторону в обозначенный выше формат взаимодействия с Россией, задействуя правовые, дипломатические и иные средства, потенциал диалога представителей крупного бизнеса и имея в виду широкие стратегические перспективы.

Немалую роль здесь может сыграть, по нашему мнению, и парламентская дипломатия. По справедливому высказыванию В.А. Язева, для достижения целей формирования общих энергетических рынков и экономических пространств одним из основных направлений деятельности международных парламентских организаций является создание условий для свободного инвестирования в строительство новых объектов энергетики, в том числе использующих местные, нетрадиционные и новые источники энергии [21, с. 80]. На уровне диалога российских и армянских парламентариев также могут и должны обсуждаться в самом конструктивном ключе вопросы развития сотрудничества стран в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов.

В целом анализ показывает обоснованность следующих выводов и предложений.

Представляется важным расширять всестороннее сотрудничество российских и армянских компаний в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов, а при совместной подготовке межгосударственных документов, соглашений и контрактов предусматривать системные положения, способствующие укреплению сотрудничества в названной сфере и направленные на противодействие недружественным действиям, санкциям третьих стран, направленным на затруднение совместной деятельности российских и армянских компаний.

Российским компаниям целесообразно обратить особое внимание на получившую отражение в государственных документах тенденцию к росту объемов строительства в Республике Армения солнечных электростанций и иных объектов генерации на ВИЭ с тем, чтобы своевременно предлагать армянским партнерам свои высокотехнологичные и конкурентоспособные решения в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации таких энергообъектов.

В условиях текущей геополитической обстановки энергетическая дипломатия, включая трек долгосрочного сотрудничества в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов, может и должна, на наш взгляд, стать важным каналом гармонизации и улучшения партнерских отношений между Российской Федерацией и Республикой Армения.

Представляется целесообразным рекомендовать Минэнерго России совместно с МИД России, Госкорпорацией «Росатом» и заинтересованными энергетическими компаниями проработать во взаимодействии с армянской стороной вопрос о подготовке и принятии (подписании) новой комплексной программы двустороннего сотрудничества в сфере энергетики, включая раздел (подпрограмму) о долгосрочном сотрудничестве в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов российскими компаниями на территории Республики Армения.

Кроме того, подчеркнем, что для сохранения и укрепления партнерских взаимосвязей необходимо на системной основе укреплять и развивать научно-образовательное сотрудничество, в том числе в сфере энергетического и предпринимательского права, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для компаний, осуществляющих деятельность в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов, реализации совместных российско-армянских научных проектов в указанной сфере.

Литература:

1. Приложение к Решению Правительства Республики Армения № 2021. URL: https://policy.asiapacificenergy.org/node/4402.
2. Одабашян В., Хачатрян С. Возобновляемая энергетика в Республике Армения // 21-й век. 2007. № 2 (6). С. 143–158.
3. Давтян В. Возобновляемая энергетика Армении в контексте мирового опыта: на пути к энергетической независимости // 21-й век: Информационно-аналитический журнал. 2016. № 3 (40). С. 96–113.
4. Шугуров М.В. Перспективы формирования системы правовых и стратегических основ научно-технологического сотрудничества государств ЕАЭС в сфере возобновляемой энергетики // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 78–112.
5. Общая характеристика энергетики Армении. URL: http://energo-cis.ru/wyswyg/file/news/Энергосистема_ Армении.pdf (дата обращения: 19.10.2021).
6. Углубленный обзор политики Армении в сфере энергоэффективности. 2017. URL: https://www.energycharter.org/ fileadmin/DocumentsMedia/EERR/ARMENIA_IDR_2017_Final_RUS.pdf (дата обращения: 19.10.2021).
7. Фонд возобновляемой энергетики и энергоэффективности Армении. Доступ http://www.minenergy.am/ru/page/544 (дата обращения: 19.10.2021).
8. Холкин Д., Чаусов И. Энергетический переход в контексте «Форсайта столетия» // Энергетическая политика. 2022. № 1 (167). С. 70–91.
9. «Русатом Сервис» проведет работы на $65 млн по продлению эксплуатации Армянской АЭС. URL: https://am.sputniknews.ru/20231213/rusatom-servis-provedet-raboty-na-65-mln-po-prodleniyu-ekspluatatsii-armyanskoy-aes-69987730.html?_ga=2.23418298.1894525968.1723708575-1550428291.1723708575 (дата обращения: 12.08.2024).
10. 10 лет на строительство новой АЭС в Армении – что дадут Еревану договоренности с Москвой. Материал на сайте Sputnik Армения от 16 декабря 2023 года. URL: https://am.sputniknews.ru/20231216/10-let-na-stroitelstvo-novoy-aes-v-armenii--chto-dadut-erevanu-dogovorennosti-s-moskvoy-70136041.html (дата обращения: 12.08.2024).
11. Пашинян сообщил о переговорах с Россией и США о строительстве новой АЭС в Армении. URL: https://www.interfax.ru/world/903023 (дата обращения: 12.08.2024).
12. Армения в течение года должна выбрать страну-партнера для строительства новой АЭС. URL: https://www.atomic-energy.ru/news/2024/02/02/142865 (дата обращения: 12.08.2024).
13. Армения может привлечь США к строительству своей новой АЭС. URL: https://www.atomic-energy.ru/news/2024/07/05/147366 (дата обращения: 12.08.2024).
14. Марченко А.С. Особенности международного рынка строительства АЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 1. С. 29–39.
15. Салыгин В.И, Белодедов М.И. Опыт России в экспорте атомных энергетических технологий в Азиатском регионе как один из ключевых элементов противодействия проблемам устойчивого развития и климатическим рискам // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 12. С. 64–71.
16. Дунамалян Н.А., Давтян В.С., Тавадян А.А. Экономическое развитие как способ компенсации внешнеполитических рисков: пример Армении // Международная аналитика. 2023. Т. 14 (1). С. 92–110.
17. Василькова С.В. Правовое обеспечение строительства энергетических объектов российскими компаниями за рубежом: актуальные задачи науки энергетического права // Правовой энергетический форум. 2019. № 4. С. 20–25.
18. Притчин С.А. Место Центральной Азии и Каспийского региона в энергетической и транспортной стратегии Турции // Геоэкономика энергетики. 2022. № 3 (19). С. 21–36.
19. Василькова С.В. Стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии в области энергетической политики и прав // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4. С. 13–19.
20. Яновский А.Б. Внешняя энергетическая политика России: вызовы времени и вектора развития // Энергетическая политика. 2018. № 6. С. 4.
21. Азиатская парламентская ассамблея и развитие энергетических рынков Азии. М.: Издание Государственной Думы (электронное), 2012. 96 с.

Peculiarities of Legal Regulation and Practice of Construction of Energy Facilities by Foreign Companies in Armenia

Vasilkova S.V.
Saint-Petersburg State University of Economics,
Scientific Research Center for Comparative Law and Strategic Initiatives for the Development of the National Fuel and Energy Complex

The relevance of the research topic lies in the increasing role of renewable energy sources in the energy balance of the Republic of Armenia and the tendency to increase the volume of construction of relevant generation facilities, in particular, solar power plants. The scientific significance of the work lies in the understanding of foreign experience, in particular, the regulatory potential of the energy sector of modern Armenia. The value of the conducted research lies in the formation of systemic provisions that contribute to strengthening cooperation in the field of construction of energy facilities, which are aimed at countering the unfriendly actions of third countries that complicate the joint activities of Russian and Armenian companies.

Based on the results of the study, it was proposed to recommend that the Russian Ministry of Energy, together with the Russian Foreign Ministry, Rosatom State Corporation and interested energy companies, work with the Armenian side on the adoption of a new comprehensive program of bilateral cooperation in the field of energy, including a section (subprogram) on long-term cooperation in the field of design, construction, modernization and maintenance of energy facilities by Russian companies on the territory of the Republic of Armenia.

Keywords: energy facilities, construction of energy facilities, Russian energy facilities abroad, Armenia, Armenian legislation, Armenian energy industry, RES in Armenia, NPP construction in Armenia, Russian-Armenian cooperation in the energy sector, long-term cooperation in the construction of energy facilities

УДК 347.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-158-162

Соотношение права ребенка выражать свое мнение и права на физическую неприкосновенность

Гараева Г.Х.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В работе отмечается, что ребенок самостоятельно приобретает и осуществляет отдельные семейные права, остальные права от его имени осуществляют его законные представители либо он сам с их согласия. Определено, что несовершеннолетний независимо от возраста имеет право выражать свое мнение по вопросам, которые затрагивают его интересы, а учет мнения ребенка становится обязательным при достижении им 10-летнего возраста. Установлено, что данная норма, как правило, не учитывается при решении вопроса о применении обряда циркумцизии в отношении мальчиков и при модификации тела несовершеннолетних девочек с помощью пирсинга (прокола мочек ушей). Приводятся аргументы в пользу того, что необходимо учитывать мнение ребенка, достигшего 10-летнего возраста при принятии родителями или иными законными представителями решения о нарушении физической целостности ребенка. Цель статьи заключается в выработке научного представления о соотношении права ребенка выражать свое мнение и права на физическую неприкосновенность, а также в формировании авторского подхода к решению теоретических и практических проблем в данной сфере. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи исследования: раскрыть соотношение категорий «право ребенка выражать свое мнение» и «право ребенка на физическую неприкосновенность»; выявить теоретические и практические аспекты принятия родителями решений о нарушении физической целостности ребенка с обязательным учетом мнения последнего, достигшего возраста десяти лет. Выявление соотношения права ребенка выражать свое мнение с правом на физическое прайвеси позволит использовать выводы и предложения в правотворческой деятельности в контексте совершенствования семейного и гражданского законодательства, в правоприменительной деятельности судов, в дальнейших научных исследованиях рассматриваемой или смежной проблематики.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, родители, мнение ребенка, физическая неприкосновенность, прайвеси, циркумцизия, модификация тела, пирсинг*

Для цитирования: *Гараева Г.Х. Соотношение права ребенка выражать свое мнение и права на физическую неприкосновенность // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 158–162. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-158-162.*

Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) закрепляет перечень личных неимущественных прав несовершеннолетнего лица. Право ребенка выражать свое мнение закреплено в ст. 57 СК РФ. Но данную статью условно можно разделить на 3 части:

1. Ребенок вправе выражать свое мнение при ре-

шении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства;

2. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам;

3. В случаях, предусмотренных СК РФ, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет [1, с. 46].

Возраст в 10 лет упоминается во второй и в третьей частях ст. 57 СК РФ. В то время как в первой части указанной статьи не закреплен возраст, по достижении которого ребенок может выражать свое мнение по вопросам, затрагивающим его интересы. Однако необходимо отметить, что право выражать свое мнение и учет мнения не являются равнозначными категориями. Свое мнение ребенок может донести любым доступным способом, а учет мнения ребенка упоминается в связке с правом быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства.

В то же время СК РФ не исключает возможность принятия решения, не совпадающего с мнением ребенка, если это противоречит его интересам, но ребенок вправе самостоятельно обратиться в органы опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд за защитой своих прав и законных интересов.

Ст. 57 СК РФ закрепляет необходимость получения согласия ребенка, достигшего возраста 10 лет, на изменение имени и (или) фамилии ребенка, (ст. 59 СК РФ), восстановление в родительских правах в отношении ребенка (ст. 72 СК РФ), усыновление, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 132 СК РФ (ст. 132 СК РФ), передачу в приемную семью (ст. 154 СК РФ) и др. Итак, 10-летний возраст – это законодательное закрепление начала волеизъявления ребенка.

Однако СК РФ не содержит ни одной статьи относительно учета мнения ребенка или получения согласия на реализацию его права на физическую неприкосновенность (прайвеси), которая раскрывается через защиту человеческого тела от постороннего вмешательства [2, с. 26]. Для сравнения, например, согласно ст. 16.1 ГК Франции, каждый имеет право на физическую неприкосновенность, человеческое тело является неприкосновенным [3, с. 163].

Термин «прайвеси» появился после принятия решения по делу «Грисвольд против Коннектикута», в котором Верховный Суд США признал право человека на частную жизнь – на «*privacy*» [4, с. 168]. Данный термин редко упоминается российскими учеными в силу того, что не определено, что входит в содержание данной категории. «Прайвеси» подлежит гарантированной правовой охране от любых посягательств: личные отношения, семейная жизнь, личные права, неприкосновенность личности, жилища, корреспонденции и т.д. [5, с. 55].

В 1890 г. Сэмюэлем Уорреном и Луисом Брандейсом была предпринята попытка дать определение «прайвеси» как право быть оставленным в покое или право быть предоставленным самому себе [2, с. 169]. Право на прайвеси включает в себя достаточно широкий ряд прав, связанных с неприкосновенностью лица, в частности, неприкосновенность личности, неприкосновенность частной жизни [6, с. 52].

Прайвеси делят на информационное (неприкосновенность персональных данных), физическое (неприкосновенность тела), коммуникаций (неприкосновенность сообщений, телефонных переговоров, электронной почты и т.п.), территориальное (неприкосновенность жилища, рабочего места). Личную неприкосновенность делят на физическую (телесную) и внутреннюю (духовную). Нарушение права на физическую неприкосновенность выражается в нежелательном физическом контакте, во внедрении в организм инородного тела, получения биологического материала и др. Нарушение права на физическую неприкосновенность не связано с ограничением (лишением) свободы или нанесением вреда здоровью [7, с. 74].

В то же время отдельные авторы под правом на прайвеси подразумевают только право на неприкосновенность частной жизни, указывая, что это «социально обусловленная и гарантированная мера возможного поведения личности, определенная нормами объективного права (как национального, так и международного), имеющая целью обеспечить автономию человека в сфере частной жизни для удовлетворения его собственных потребностей и интересов относительно уединения и частного общения» [2, с. 26]. Частная жизнь состоит из физической (телесной) и моральной неприкосновенности человека (принудительные медицинские обследования, понуждения к врачебному и психиатрическому лечению) [8, с. 211].

Таким образом, у лица, независимо от возраста и дееспособности, есть право на частную жизнь, физическую неприкосновенность. Однако возникает вопрос о допустимости применения обряда циркумцизии, совершаемого, как правило, иудеями и мусульманами, а также о возможности модификации тела несовершеннолетних девочек с помощью пирсинга (прокола мочек ушей).

Так, в иудаизме, согласно предписаниям в Талмуде, циркумцизия является не правом, а обязанностью, а в Коране она не упоминается, но в священных текстах указано, что пророки совершали этот обряд, тем самым, чтобы уподобиться пророкам, мусульмане прибегают к циркумцизии.

Спорным оказалось специальное постановление Окружного суда германского города Кельн об обряде циркумцизии от 7 мая 2012 г. В постановлении

сказано, что «основополагающее право ребенка на целостность тела превышает фундаментальные права родителей на религиозное воспитание детей», что обряд «наносит телесное повреждения ребенку и его совершение является уголовно наказуемым преступлением» [9]. Немецкий парламент обратился к немецкому правительству с предложением «с учетом конституционно защищенных интересов, прав и благополучия детей, физической неприкосновенности, свободы религии и права родителей на воспитание представить законопроект, которым гарантируется, что медицински профессионально произведенное обрезание мальчиков без причинения лишней боли является, в принципе, допустимым» [10, с. 63].

В настоящее время нет единого мнения относительно пользы или вреда процедуры циркумцизии. По медицинским показаниям циркумцизия рекомендована в случае некоторых заболеваний (например, фимоза), в остальных случаях является лишь косметической процедурой. В то же время в научных исследованиях можно увидеть, что «достаточно высок процент осложнений у данного обряда, таких как кровотечение, деформация полового члена, развитие рубцового фимоза, поражение эрогенных зон, повреждение головки вплоть до ее полной ампутации, свищи уретры» [11, с. 23]. В связи с тем, что могут быть осложнения, многие врачи считают, что данную процедуру следует выполнять после достижения ребенком трехлетнего возраста.

Кроме этого, обряд может нанести вред не только физическому, но и психическому здоровью. Например, В.А. Ермаков считает, что именно последствия циркумцизии выступили отправной точкой для создания теории психоанализа. З. Фрейдом был подробно описан так называемый «кастрационный комплекс», передающийся из поколения поколению [12, с. 140].

Таким образом, учитывая специфику обряда циркумцизии, можно сделать вывод, что праву родителей воспитывать своих детей в соответствии со своими религиозными верованиями и убеждениями часто сопоставляется право ребенка на физическую неприкосновенность. Учитывая, что циркумцизия имеет потенциальные медицинские достоинства, важно, чтобы родители были информированы о подготовке ребенка к вмешательству и последующем уходе, а сам обряд был выполнен в медицинских учреждениях и с участием специалистов.

Если циркумцизия применяется в отношении мальчиков, то девочки практически с рождения подвергаются модификации тела с помощью пирсинга (прокола мочек ушей).

Пирсинг применяют для украшения лица и тела. Под пирсингом понимается введение предметов в отверстия, сделанные с этой целью на теле или лице. Прокол мочек ушей отличается легкостью и безопасностью. Но, например, согласно акупунктуре, в ушной раковине близко расположены друг к другу все точки, связанные с работой органов всего организма. Считается, что прокалывание акупунктурных точек может повлечь за собой ухудшение слуха, нарушение функций внутренних органов. К осложнениям также можно отнести аллергические реакции, воспаление, отек, кровотечение и др. [13, с. 5]. Пирсинг, согласно исследованиям психологов, относят к способу эмоциональной саморегуляции [14] или к протестной телесности [15]. Однако, учитывая, что решение о проколе мочки уха девочек принимают, как правило, родители, то возникает вопрос, каким образом это в дальнейшем отобразится на инстинкте сохранения целостности тела. Необходимо также иметь в виду, что для избежания формирования на месте прокола келоидных рубцов и для асимметричности ушей рекомендуют нарушать целостность кожи мочки уха в возрасте от 3 до 11 лет.

Интерес представляют предложения юристов о введении административной или уголовной ответственности за нанесение несовершеннолетнему татуировок, пирсинга или шрамов, в том числе совершенными родителями или иными законными представителями несовершеннолетних, а также лицами, на которых возложены обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетних. Тем самым, привлечение к ответственности позволит противодействовать распространению татуировок, пирсинга и шрамирования среди несовершеннолетних старшего подросткового возраста [16, с. 424].

Таким образом в обоих описанных случаях родители или иные законные представители ребенка самостоятельно без учета мнения последнего принимают решения относительно распоряжения телом ребенка, в то время как правомочия относительно тела не относятся к вещным. «Право на владение, пользование и распоряжение телом как единым целым – это самостоятельное право, не имеющее вещной природы. Указанное право на собственное тело – это естественное право, данное в силу рождения» [16, с. 425]. Право на физическую неприкосновенность и самоопределение позволяет любому лицу, в том числе несовершеннолетнему, самостоятельно пользоваться и распоряжаться своим телом, в некоторых случаях органами и тканями, а также требовать от других воздерживаться от нарушения указанного права.

Как было сказано ранее, ребенок согласно ст. 57 СК РФ вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В связи с данными по-

ложениями возникла необходимость применения ст. 57 СК РФ при принятии родителями решений о нарушении физической неприкосновенности ребенка, например, при проведении обряда циркумцизии, модификации тела с помощью пирсинга. Однако в целях охраны здоровья [17, ст. 7] мнение ребенка может не учитываться при нарушении его физической целостности, в частности, например, при применении скарификационного метода вакцинации, при котором повреждают поверхность кожи и активизирует местный иммунитет.

Литература:

1. Правоотношения родителей и детей: уч. пособие / Отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Проспект, 2024. 168 с.
2. Серегин В.А. Основные закономерности формирования и развития конституционного права на неприкосновенность частной жизни (прайвеси) // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сб. статей по материалам Межд. науч.-практ. конф. (г. Н.Новгород, 23–24 мая 2013 г.): в 2 т. / Под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. Т. 1. С. 26–36.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592.
4. Сергеева С.Л. Проблемы определения критериев нравственности и защиты частной жизни в США периода судебного активизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 4. С. 168–170.
5. Власихин В. Феномен Верховного суда США: американский ареопаг в первом доме на первой улице // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 55–58.
6. Хазов Е.Н. Права и свободы человека и гражданина, их соблюдение, охрана, защита и роль органов местного самоуправления в их реализации // Государственная служба и кадры. 2014. № 2. С. 51–53.
7. Толстая Е.В. Личная неприкосновенность: гражданско-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4 (35). С. 74–76.
8. Шадрин С.А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 211–217.
9. В Германии обрезание объявили вне закона. URL: http://www.newsru.com/religy/27jun2012/koeln_reisgericht.html (дата обращения: 14.10.2024).
10. Хаймбах-Штайнс М. Религиозная свобода и дебаты по поводу обрезания в Германии // Религия в судах. 2013. № 2(31). С. 63–92.
11. Муртузаалиев З.Н., Махачев Б.М., Муртузаалиев Н.П. Осложнения обряда обрезания и бесшовный метод операции циркумцизии // Детская хирургия. 2014. № 6. С. 23–28.
12. Ермаков В.А. Теория «эдипова комплекса» З. Фрейда в контексте личностных смыслов и переживаний обряда «обрезания» // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 140–145.
13. Арушанова А.И., Антонов А.В. Влияние пирсинга на здоровье молодежи // Вестник науки. 2019. Т.1. №3 (12). С. 5–8.
14. Позднякова М.О. Теоретический подход к психологическому исследованию детерминанту выбора тату и пирсинга в качестве способов эмоциональной саморегуляции // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 20019. № 4. С. 100–111.
15. Бацанова С.В. Протестная телесность // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2015. № 4. С. 246–251.
16. Пикин И.В., Пичугин С.А., Тараканов И.А. Правовая защита нормального физического и нравственного развития несовершеннолетних: вопросы законодательного совершенствования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). №1. С. 424–429.
17. Федеральный закон от 21.11.2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 263.

The Relationship Between the Child's Right to Express His Opinion and the Right to Physical Integrity

Garaeva G.Kh.
Kazan (Volga Region) Federal University

The work notes that the child independently acquires and exercises certain family rights, the rest of the rights are exercised on his behalf by his legal representatives or by himself with their consent. It is determined that a minor, regardless of age, has the right to express his opinion on issues that affect his interests, and taking into account the child's opinion becomes mandatory when he reaches the age of 10. It has been established that this norm, as a rule, is not taken into account when deciding on the use of the circumcision rite in relation to boys and when modifying the body of underage girls with piercing (piercing of earlobes). The argument is given in favor of the fact that it is necessary to take into account the opinion of a child who has reached the age of 10 when making a decision by parents or other legal representatives on violation of the physical integrity of the child.

The identification of the correlation between the child's right to express his opinion and the right to physical privacy will allow using conclusions and suggestions in law-making activities in the context of improving family and civil legislation, in the law enforcement activities of courts, in further scientific research of the considered or related issues.

Keywords: minor, parents, child's opinion, physical integrity, privacy, circumcision, body modification, piercing

УДК 347.963
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-163-168

К вопросу о функциях прокуратуры РФ в современных условиях

Грачёва О.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

Лиходаев Е.Г.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

Статья посвящена анализу основных направлений деятельности органов прокуратуры РФ на современном этапе. Исследуется понятие «функция прокуратуры» с учетом положений современных практических и общетеоретических исследований данной категории, дается определение понятию «функция прокуратуры». Функция органов прокуратуры – это ключевая правовая категория, раскрывающая содержание её деятельности. Но на сегодняшний день в науке не выработан единый подход к определению данного правового явления, что влечет за собой ряд проблем теоретического и практического свойства.

Целью работы является анализ такой категории, как «функция», изучение существующих научных подходов к детерминации понятия «функция прокуратуры», выделение характерных черт данной правовой категории, детально отражающих предназначение прокуратуры РФ как государственного органа в механизме государства.

В результате исследования обоснована авторская позиция относительно характера изучаемой правовой категории. На основе анализа действующего законодательства авторами делаются предложения по совершенствованию действующего законодательства относительно регламентации четкого перечня функций органов прокуратуры и их содержания.

Ключевые слова: *прокурор, органы прокуратуры, функции прокуратуры, прокурорский надзор, направления деятельности*

Для цитирования: *Грачёва О.А., Лиходаев Е.Г. К вопросу о функциях прокуратуры РФ в современных условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 163–168. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-163-168.*

После изменений, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г., вопрос о функциях органов российской прокуратуры приобрел новую актуальность. Согласно ст. 129 Основного закона, «прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением

прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом» [1]. В то же время Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 30.09.2024) (далее – Закон о прокуратуре), дословно воспроизводя конституционные положения, четко не определяет какие именно функции осуществляет прокуратура, а лишь устанавливает, что «на прокуратуру Российской Федерации не может быть возложено выполнение функций, не предусмотренных федеральными законами». Более того, основной Закон о прокуратуре не содержит и общее определение понятия функции, оставляя ответ на этот вопрос науке.

Термин «функция» в толковых словарях детерминируется, как «обязанность, круг деятельности чего-н., подлежащая исполнению работа, значение, назначение, роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому» [2, с. 458]; как «деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений» [2, с. 847]. Такое широко трактуемое определение данной категории в энциклопедических словарях обусловливает и дискуссию в научных кругах по определению понятия «функция прокуратуры».

Обычно под функциями прокуратуры понимают направления её деятельности, с одной стороны, призванные обеспечить реализацию социального предназначения, с другой стороны, характеризующиеся предоставленными органам прокуратуры полномочиями.

В специальной литературе многими авторами были сделаны попытки дать определение данной категории. Так, учеными под данным понятием понимается «круг деятельности, содержание деятельности прокуратуры, а не сама ее деятельность, т.е. можно сказать, что государство наделило прокуратуру рядом или определенной частью своих функций» [3, с. 93; 4, с. 20], «основные направления ее деятельности взаимосвязанные с функциями государства и права, которые предопределяются ее целями и задачами, выражают сущность и социальное назначение прокуратуры данного типа и осуществляются в пределах компетенции прокуратуры в определенных законом сферах правовых отношений через соответствующие им типы деятельности установленных законодательных средств» [5, с. 6], «такой вид ее деятельности, который предопределяется социальным предназначением прокуратуры, выраженным в ее задачах; характеризуется определенным предметом ведения; направлен на решение задач и требует использования присущих ему полномочий и правовых средств» [6, с. 129].

Исходя из анализа вышеуказанных определений, понятие «функция прокуратуры» можно детерминировать как «такой вид ее деятельности, который предопределяется социальным предназначением прокуратуры, выраженным в ее задачах, характеризуется определенным предметом ведения, направлен на решение этих задач и требует использования присущих ему полномочий и правовых средств их реализации» [7, с. 83]. Стоит отметить, что все указанные элементы в определении взаимодополняют и взаимообусловливают друг друга.

Следует согласиться, что «абсолютное большинство теоретиков прокурорского надзора (равно как и исследующих эти вопросы специалистов-практиков) признают, что функции прокуратуры являются ключевой правовой категорией, раскрывающей и объясняющей предмет, содержание, структуру и пределы прокурорской деятельности. Однако при несомненной важности этой категории в науке до сих пор не выработан единый подход к определению этого правового явления: до настоящего времени понятие функции прокуратуры в российском законодательстве не закреплено, что вызывает определенные проблемы» [8, с. 169].

Опять же подавляющее большинство ученых говорят о закреплении функций прокуратуры в ст. 1 Закона о прокуратуре. Однако на этом единство во мнениях не заканчивается.

Как представляется, не закрепляя понятия функции прокуратуры, в силу положений Конституции РФ все-таки необходимо закрепить, какие направления деятельности прокуратуры к ним относятся.

В настоящее время к ним, несомненно, должны относиться:

1) прокурорский надзор (при этом мы не говорим о надзорных функциях, не выделяем отдельные подфункции прокуратуры, оставаясь на позициях существования такой категории, как отрасли прокурорского надзора).

Прокурорский надзор является основной функцией данной системы органов и представляет собой урегулированный нормами права специфический вид государственной деятельности, осуществляемый от имени РФ уполномоченными органами (органами прокуратуры) с использованием установленных законом полномочий и правовых средств их исполнения и заключающийся в проверке соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на территории РФ, принятии мер к предотвращению, пресечению и устранению нарушений закона, а также привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности.

Прокурорский надзор характеризуется такими категориями, как *предмет, объекты и пределы* прокурорского надзора.

Предмет прокурорского надзора – сфера общественных отношений, складывающихся в рамках

соблюдения Конституции РФ и исполнения требований законов, связанных с законностью правовых актов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Объектом прокурорского надзора выступает деятельность органов и лиц, в отношении которых осуществляется прокурорский надзор.

Пределы прокурорского надзора определяют границы прокурорского вмешательства при реализации своих полномочий в той или иной отрасли прокурорского надзора, обусловленные её предметом и объектами.

Основными формами реализации данной функции выступают различного рода прокурорские проверки, участие в заседаниях государственных и муниципальных органов, рассмотрение жалоб и иных обращений и др.

2) уголовное преследование (в данном случае следует вести речь о деятельности прокуратуры в рамках уголовного судопроизводства)[1].

Уголовное преследование представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Особое место среди участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения занимает прокурор, что обусловлено, как уже отмечалось, тем, что прокурор единственный, кто осуществляет уголовное преследование на всех стадиях, а также тем, что обладает полномочиями в отношении других субъектов уголовного преследования, обеспечивая его законность и обоснованность.

Реализация данной функций прокуратуры регламентирована уголовно-процессуальным законодательством.

Прокурором осуществляется функция уголовного преследования как на стадиях досудебного производства, так и в суде. Однако формы его осуществления различны.

3) координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью регулируется соответствующим Положением, утвержденным Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [9].

Координирующая роль прокуратуры в борьбе с преступностью является одним из основных элементов системы предупреждения преступности и противодействия ей[2].

4) участие прокурора в рассмотрении дел судами (при этом речь должна идти не только о гражданском, административном и арбитражном, но и о конституционном судопроизводстве).

Можно утверждать, что органы прокуратуры и суд преследуют общие цели, поскольку к задачам прокурора относится обеспечение верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, суды осуществляют деятельность на основании законности, равенства, обеспечения прав и свобод человека и гражданина [10, с. 441]. Таким образом, суд выносит законное и справедливое решение, а органы прокуратуры оказывают содействие при осуществлении правосудия.

Полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством РФ, при этом в зависимости от особенностей конкретных видов судопроизводства изменяются виды процессуальных режимов, основания участия в суде, полномочия прокурора и правовые средства их осуществления.

5) участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях (понимая под ней не только возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования, но и участие прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях судами и другими юрисдикционными органами, а также опротестование постановлений об административных правонарушениях);

6) участие прокуратуры в правотворческой деятельности (как видится, следует предоставить Генеральному прокурору РФ право законодательной инициативы, что было бы вполне логично в силу осуществления прокуратурой надзора за исполнением законов и законностью правовых актов).

Правовая основа участия прокуратуры в правотворческой деятельности определена п. 4 ст. 1, ст. 9 Закона о прокуратуре. Указанная деятельность осуществляется путем внесения в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложений об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов. При этом следует отметить, что Генпрокурор РФ не назван в Конституции РФ среди лиц, обладающих законодательной инициативой. В то же время, многие конституции и уставы субъектов РФ предоставили такое право в рамках законотворческого процесса прокурорам субъектов РФ.

[1] При этом, говоря о деятельности прокурора в уголовном процессе, по нашему мнению, прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, как и поддержание государственного обвинения выступает формами уголовного преследования.

[2] При этом следует отметить, что координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с терроризмом является прерогативой федеральной службы безопасности и национального антитеррористического комитета.

Формами правотворческой деятельности прокуратуры являются:

– инициативная разработка проектов законов и иных нормативных правовых актов, непосредственно связанных с компетенцией органов прокуратуры;

– участие в подготовке законопроектов и других проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых другими органами государственной власти;

– подготовка правовых заключений по законопроектам и иным нормативным правовым актам;

– участие в обсуждении законопроектов в палатах Федерального Собрания РФ и законодательных органах государственной власти субъектов РФ;

– подготовка предложений по совершенствованию федерального законодательства.

7) международное сотрудничество и представительство Российской Федерации в международных и межгосударственных судебных и иных юрисдикционных органах (как представляется, следует объединить два этих направления деятельности органов прокуратуры в одну функцию).

Функция международного сотрудничества прокуратуры заключается в том, что она осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью на различных территориях.

Кроме того, в соответствии с Законом о прокуратуре Генпрокуратура РФ обеспечивает представительство и защиту интересов РФ в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах).

8) противодействие коррупции (как видится, Закон о прокуратуре не должен ограничиваться лишь упоминанием об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов, речь должна вестись и о других формах противодействия коррупции со стороны органов прокуратуры);

9) государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности.

В соответствии с Законом о прокуратуре осуществляет государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре, проводит федеральное статистическое наблюдение на основе первичных статистических данных, предоставляемых государственными органами.

10) правовое просвещение. В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры РФ от 02.08.2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры РФ работы по правовому просвещению и правовому информированию» правовое просвещение связано с решением задач профилактики и предупреждения правонарушений и реализуется через комплекс взаимосвязанных, логичных и последовательных мероприятий. Она направлена на формирование правовой культуры общества, повышение юридической осведомленности граждан. В тоже время правовое просвещение и правовое информирование – не только одна из форм профилактического воздействия, но и способ привития гражданам уважения к защищаемым правом социальным ценностям.

Как представляется, в силу социального предназначения (обеспечения верховенства закона и прав человека, а также возложенных на прокуратуру полномочий) именно такой перечень функций прокуратуры должен быть закреплен в Законе о прокуратуре, что в свою очередь должно найти свое отражение и в его структуре. Каждой функции должен быть посвящен самостоятельный раздел закона, в рамках которого будут регламентироваться задачи, содержание и пределы деятельности прокурора в рамках реализации соответствующей функции, а также его полномочия (представляется, что большинство норм, регламентирующих полномочия прокурора, могут носить бланкетный характер, отсылающих к процессуальному или иному законодательству). Так, функция уголовного преследования регламентирована УПК РФ, поскольку, исходя из положений ст. 30 Закона о прокуратуре, даже полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством. Что касается функции уголовного преследования, то стоит отметить, что на сегодняшний день на конституционном уровне в ст. 129 Конституции РФ, данная функция выделяется наравне с основной – прокурорского надзора. Стоит предположить, что законодателем это было сделано преднамеренно, поскольку в большинстве зарубежных стран, прокуратура – это, в первую очередь, орган уголовного преследования. В связи с этим, наряду с надзорной функцией, которая характерна именно для российской прокуратуры, уголовное преследование было включено в определение понятия прокуратуры и выделено как основная функция наряду с надзорной.

Если говорить о надзорной функции прокурора, то она, так как осуществляется исключительно органами прокуратуры, должна быть детально закреплена в Законе о прокуратуре, предусматривая предмет, объекты и пределы надзора, полномочия прокурора и формы их реализации в рамка соответствующих отраслей прокурорского надзора.

Говоря о предназначение российской прокуратуры в механизме государственных органов как системы органов с особым статусом, справедливо отмечает И.В. Ткачев, что в настоящее время прокуратура нормативно выведена за рамки законодательной, исполнительной и судебной власти и является особым государственным институтом, призванным

осуществлять полномочия по надзору за законностью во всех сферах общественных отношений [11, с. 20], и в свою очередь прокуратура в механизме государственных органов выполняет особую, свойственную только ей функцию.

Таким образом, в современных условиях видится необходимым внести изменения в действующее законодательство, предусматривающие регламентацию четкого перечня функций прокурорской системы и их содержания, поскольку «предназначение прокуратуры в системе государственных органов, разделения и взаимодействия властей должно предопределяться точностью и полнотой состава функций, необходимых для выполнения возложенных на прокуратуру задач» [12, с. 40].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2020. №11. Ст. 1416.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1994. 907 с.
3. Шалумов М.С. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства: дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 398 с.
4. Бессарабов В.Г. Современные тенденции совершенствования организации и деятельности отечественной прокуратуры // Современные тенденции в развитии правового статуса и основных направлений правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации: Сб. статей. Академия Генеральной прокуратуры РФ. М., 2010. С. 19–24.
5. Клочков В.В. Функции прокуратуры: понятие, соотношение с деятельностью, классификация // Прокуратура. Законность. Государственный контроль: Сб. научных трудов. М., 1995. С. 5–7.
6. Назаров С.Н. Функции прокуратуры: проблемы теоретического обоснования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 3. С. 128–134.
7. Рокитянский С.Г. Место прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации: теоретический, исторический и нормативный аспекты // Право Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 4. С. 81–102.
8. Алеева-Герман Е.А. К вопросу об определении термина «функция прокуратуры» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1. С. 168–178.
9. Указ Президента РФ от 18.04.1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (ред. от 14.06.2024) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1958; СЗ РФ. 2024. № 25. Ст. 3469.
10. Прокурорский надзор: учеб. / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 480 с.
11. Ткачев И. В. Прокуратура как государственный орган с особым статусом // Законность. 2014. № 9. С. 19–21.
12. Воробьев Т.Н. Проблемы определения правового статуса прокуратуры в Российской Федерации // Современное право. 2014. № 6. С. 38–42.

On the Issue of the Functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Modern Conditions

Gracheva O.A., Likhodaev E.G.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the analysis of the main activities of the Prosecutor's office of the Russian Federation at the present stage. The concept of "functions of the prosecutor's office" is studied taking into account the provisions of modern practical and general theoretical studies of this category, and the definition of the concept of "function of the prosecutor's office" is given. The function of the Prosecutor's office is a key legal category that reveals the content of the prosecutor's office. But to date, science has not developed a unified approach to the definition of this legal phenomenon, which entails a number of theoretical and practical problems.

The purpose of the work is to analyze such a category as "function", to study existing scientific approaches to determining the concept of "function of the prosecutor's office", to identify the characteristic features of this legal category, reflecting in detail the purpose of the Prosecutor's office of the Russian Federation as a state body in the mechanism of the state.

As a result of the research, the author's position regarding the nature of the legal category under study is substantiated. Based on the analysis of the current legislation, the authors make proposals to improve the current legislation regarding the regulation of a clear list of functions of the prosecutor's office and their content.

Keywords: prosecutor, prosecution authorities, functions of the prosecutor's office, prosecutorial supervision, areas of activity

УДК 340.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-169-174

Преемственные связи в индивидуально-договорном регулировании частноправовых отношений

Кузюрова Д.Д.
Соискатель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета

Преемственность – многогранное явление, проявления которого можно обнаружить в развитии всех элементов правовой системы и на различных уровнях правового регулирования. Актуальность исследования обеспечивается спецификой правопреемственности, которая заключается в том, что изучение преемственных связей в праве предполагает не только обращение к правовому опыту прошлых лет, но и к действующим правовым положениям, в том числе к таким их проявлениям, как преемственные связи в индивидуально-договорном регулировании частноправовых отношений. В настоящей статье автор исследует направления преемственности в развитии права и иных компонентов правовой системы в рамках индивидуально-договорного регулирования.

Целью исследования автора является выявление и теоретическое изучение такого проявления преемственности в российском частном праве, как преемственность в индивидуально-правовом регулировании. Достижению поставленной цели способствует решение задач по изучению отдельных проявлений преемственности в частноправовом индивидуально-договорном регулировании, в том числе с обращением внимания на римское частное право, рецепция которого является яркий пример преемственности в праве.

Автор делает вывод о том, что развитие права, юридической техники, правосознания и правовой науки в рамках индивидуально-договорного регулирования происходит на преемственной основе. Главным образом преемственность проявляется в укреплении значения индивидуального договора, расширении сферы индивидуально-договорного регулирования.

Ключевые слова: *правопреемственность, правовое регулирование, индивидуально-договорное регулирование, преемственность в праве, частное право, развитие частного права*

Для цитирования: *Кузюрова Д.Д. Преемственные связи в индивидуально-договорном регулировании частноправовых отношений // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 169–174. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-169-174.*

Договор – неотъемлемый инструмент современного мира, порождающий многочисленные связи между всеми членами общества. Используемая с незапамятных времен модель договорных отношений по сей день демонстрирует свою востребованность и незаменимость как в масштабах межгосударственных коммуникаций, так и на уровне решения бытовых вопросов в повседневной жизни каждого человека. Переоценить значение договора для человека, общества и государства практически невозможно, но важно помнить, что эффективное регулирование отношений вызывает необходимость тщательного и непрерывного исследования различных аспектов договорных отношений. Безусловно, немаловаж-

ным является обращение к юридической стороне затрагиваемого вопроса, поскольку именно в форме юридического акта договор выступает в роли регулятора отношений, детерминирующего возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей у субъектов права. Принимая во внимание факт того, что права человека и их защита – высшая ценность современного государства и общества, мы полагаем, что актуальность исследования договорного регулирования не может подвергаться сомнению.

В настоящей статье мы концентрируем внимание на исследовании индивидуально-договорного регулирования частноправовых отношений в российском праве в контексте процессов преемственности, присущих указанному уровню правового регулирования. Данная проблематика представляет для исследователей проблем преемственности в частном праве России особый интерес, так как индивидуально-договорное регулирование, концентрируя в себе диспозитивные начала настолько, насколько это возможно, определяет специфику частного права, позволяющую разграничивать частное и публичное право.

Постановка проблемы с ракурса процессов преемственности обусловлена научным потенциалом такого исследования, так как его результаты способны открывать новые горизонты в рассмотрении развития договорных отношений в российском частном праве. Так, через осмысление преемственных связей в развитии договора становится возможным сделать ряд выводов об эволюции частного права как в целом, так и отдельных его институтов. Помимо этого, исследование преемственных связей в индивидуально-договорном регулировании служит выявлению закономерностей, особенностей, пробелов в его развитии. С точки зрения практической применимости такие результаты исследования могут выступить обоснованным теоретическим подспорьем для разработки мер, повышающих эффективность реализации принципов частного права. Кроме того, договорные отношения тесно вплетены в жизнь каждого человека и исследование развития их регулирования позволит получить информацию о различных социально-правовых, экономических аспектах жизни общества, о развитии правовой культуры и правосознания.

Основная задача настоящей работы заключается в том, чтобы выявить преемственные связи в развитии права и иных элементов правовой системы в рамках индивидуально-договорного регулирования и определить направление процессов этой преемственности.

Методология данного исследования основана на системной диалектике, позволяющей рассматривать преемственность как связь в процессе развития индивидуально-договорных отношений.

Прежде всего целесообразным представляется обратиться к определению принципиально важных для нашего исследования понятий.

Преемственность – неотъемлемая закономерность развития бытия. Правовое развитие как часть общего развития подчиняется тем же законам и, соответственно, неразрывно связано с преемственностью. Явление преемственности в первую очередь составляет предмет философского познания. Немецкий философ Георг Гегель основывает свое учение на представлении материального и духовного мира в виде процесса – беспрерывного движения, изменения, преобразования и развития, где закономерным является наличие внутренней связи этого движения и развития. Момент развития, «в котором соединены как отрицание, так и сохранение, утверждение», обозначаемый философом термином «снятие», на наш взгляд, есть ни что иное, как проявление преемственности, выражающееся в том, что новое состояние вобрало в себя в преобразованном (снятом) виде содержание предшествующего состояния. Иными словами, такое проявление может быть обозначено как преемственная связь. Впоследствии, развивая эти фундаментальные идеи, Э.А. Баллер говорит о преемственности как о «связи между ступенями развития бытия и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы» [1, с. 15]. Именно такой подход мы закладываем в основу рассуждения о правопреемственности, под которой предлагаем понимать объективное явление, предполагающее образование новых правовых материй за счет сохранения и преобразования уже существующих, тем самым обеспечивающее формирование правовой действительности. Правопреемственность выступает в роли центральной закономерности правового развития, фиксирующей связи между этапами развития.

Смежным относительно правопреемственности является понятие преемственности в праве. Основываясь на положениях концепции интегративного понимания права, приверженцами которой мы являемся, под преемственностью в праве мы предлагаем понимать преемственность правовых идей и ценностей, позитивного права и правоотношений.

Не менее важно определиться с общим пониманием правового регулирования.

Правовое регулирование – категория общей теории права, обобщающая воплощение регулятивной функции права в реальности, из чего вытекает связь правового регулирования с реализацией права, с правоприменением. Сущность правового регулирования мы видим в обеспечении связи абстрактного и материального в праве: регулирование становится точкой соприкосновения правотворчества с отношениями, на которое оно направлено, правовых концепций с правовыми механизмами, наконец, правила, изложенного в норме права, с целенаправленной деятельностью человека. Таким образом,

через правовое регулирование правовая материя находит себя в определенном времени, пространстве, отношениях лиц.

Индивидуально-договорное регулирование представляет собой способ юридического воздействия, основанный на волеизъявлении субъектов частного права, свободно реализуемого в пределах, определенных нормативным регулированием. Такое регулирование присуще исключительно частному праву, основополагающим началом которого является применение диспозитивного метода регулирования. Таким образом, индивидуально-договорное регулирование выполняет функцию основного средства обеспечения диспозитивности в частном праве.

Инструментом индивидуально-договорного регулирования является индивидуальный договор. Договор не только устанавливает права и обязанности субъектов частного права, но и играет роль источника иных индивидуальных условий, которые определяют содержание правомочий и обязанностей сторон конкретного правоотношения, предусматривает совершение субъектами предметных действий, содержание которых закрепляется в соглашении. Применение договора как инструмента частноправового регулирования дает возможность реализовать многочисленные интересы участников частноправовых отношений, учесть конкретные жизненные обстоятельства, основанные на правовых гарантиях [2].

Говоря о преемственности в праве, проявляющейся в рамках индивидуально-договорного регулирования частноправовых отношений, мы отмечаем, что таковая практически не проявляется в рамках развития позитивного права, поскольку роль регулятора возложена не на норму права, а на норму индивидуального договора. Преемственность развития здесь обеспечивается спецификой механизма регулирования: на основании принципа свободы договора субъекты договорного правоотношения, всякий раз заключая договор, выводят уникальную правовую формулу. Образующие договор комбинации правового материала, учитывающие особенности частных интересов сторон, благодаря чему разрешающие сложные правореализационные ситуаций путем доурегулирования нетипичных отношений [3], во взаимосвязи формируют вектор развития индивидуально-договорного регулирования и вместе с тем обеспечивают преемственность этого развития.

Использование конструкции индивидуального договора присуще всем самостоятельным отраслям частного права, в числе которых гражданское, трудовое, семейное и международное частное право. Соответственно, развитие индивидуально-договорного регулирования происходит в нескольких направлениях, связанных со спецификой предметов регулирования перечисленных отраслей права.

Исследование преемственных связей в гражданском праве в пределах индивидуально-договорного регулирования обязывает нас обратиться, в первую очередь к истокам – к римскому частному праву, рецепция которого составляет достаточно яркий пример преемственности. Широкое восприятие российским частным правом отдельных правовых идей, понятий, институтов и конструкций римского права носило настолько значимый характер, что перенятая правовая материя задала направление развитию отечественной цивилистике. Особо ценной в рассматриваемом контексте следует считать рецепцию идеи деления договоров на реальные и консенсуальные, конструкций договоров купли-продажи, найма, простого товарищества, поручения, займа, хранения, ссуды и связанных с ними институтов.

Суть идей римского частного права, воспринятых отечественным правом, неизменна и по сей день, но, безусловно, содержание и форма гражданско-правового договора непрерывно эволюционирует. Факторами преемственности здесь главным образом выступают общие тенденции развития права, социально-экономическая, политическая обстановка страны, характерные для различных исторических периодов. В настоящий момент общая картина развития российского гражданского права демонстрирует постепенное усложнение индивидуально-договорного регулирования, плавное укрепление идей частного права в договорных правоотношениях и снижение роли публичных начал в регулировании таких отношений. Исследуя данную область, мы обнаруживаем различные преемственные связи. Прежде всего в частноправовых отношениях. Развитие индивидуального договора непременно влечет за собой развитие договорного правоотношения, поскольку второе возникает на основании первого.

Модели взаимодействия субъектов договорного права с течением времени совершенствуются, так как каждый участник экономического оборота стремится к оптимальному и эффективному удовлетворению своих интересов. Вместе с тем возрастает значение преддоговорных отношений как признак устойчивости и стабильности развития частноправовых начал в праве. На договорных правоотношениях данные тенденции выражаются в распространении специальных договорных конструкций, под которыми понимается особая правовая оболочка с каким-либо специальным условием, применимая к различным видам конкретных правоотношений. Актуальность, подкрепленную в 2015 г. законодательной регламентацией, приобрели конструкции рамочного, опционного и абонентского договоров. Происходящая в то же время тенденция к «переносу» ряда гражданско-правовых договорных отношений в цифровую среду опосредовала законодательное закрепление в ГК РФ конструкции

смарт-контракта в п. 2 ст. 309 ГК РФ, но без упоминания его наименования.

В результате технического, технологического и информационного прогресса стремительно усложняются и объекты правоотношений. Например, передача технического оборудования нередко сопровождается передачей прав на использование программного обеспечения, оказанию информационных услуг сопутствует распределение интеллектуальных прав и т.д. Развитие отношений в данном направлении привело к распространению гражданско-правовых договоров, носящих комплексный характер. Например, довольно распространенными в настоящее время являются конструкции смешанных договоров с элементами поставки, подряда, оказания услуг, дистрибьюторского договора. Будет справедливым отметить также и то, что внедрение информационных технологий в правовую сферу расширило понимание письменной формы договора.

Немаловажным проявлением преемственности в индивидуально-договорном регулировании частноправовых отношений стало также распространение практики заключения непоименованных договоров. Примечательно, что данная тенденция характерна не только для гражданского права, но и других отраслей частного права. Обращаясь к системе отраслей частного права, мы отмечаем, что развитие индивидуально-договорного регулирования направлено на расширение данной сферы регулирования, что также представляет собой проявление процессов преемственности. В пределах семейного права эта черта воплотилась через закрепление возможности заключения субъектами права договоров не только для упорядочения имущественных, но и личных неимущественных отношений, насколько это позволяет сделать их существо (например, договор о суррогатном материнстве), закрепление права субъектов семейного права создавать уникальные по содержанию договорные конструкции, через расширение субъектного состава индивидуально-договорных отношений, который помимо супругов (бывших супругов) включает детей, суррогатную мать, органы опеки и попечительства.

В сфере развития договорных правоотношений трудового характера мы можем констатировать усиление действия принципов диспозитивности, равенства и свободы сторон, защиты субъективных прав. Это выражается через предусмотренную трудовым законодательством возможность субъектов права регулировать многие аспекты трудовых правоотношений не только в рамках трудового договора, но и иных, в том числе непоименованных соглашений. К слову, и сам трудовой договор прошел через значительную, на наш взгляд, трансформацию: от инструмента формальной фиксации правовой связи работника и предприятия в советский период он приобрел нормоустановительный характер индивидуального договора, заключаемого в целях установления баланса интересов работника и работодателя.

Преемственность развития договорных правоотношений в международном частном праве, подобно внутригосударственным гражданско-правовым отношениям, обеспечивается реализацией принципа свободы договора, позволяющего сторонам договора самостоятельно создавать уникальные договорные конструкции, не противоречащие нормативным предписаниям применимого права. Кроме того, преемственность в рамках индивидуально-договорного регулирования международных частноправовых отношений обеспечивается активным взаимодействием правовых систем различных государств, в том числе принадлежащих к различным правовым семьям, взаимодействием национального права и международно-правовых принципов и положений. Тогда как в развитии индивидуально-договорного регулирования семейных и трудовых отношений ощущается историзм преемственности, поскольку значительное влияние на такие отношения оказывают внутриправовые и внутригосударственные процессы (проявления особенностей государственного строя, приоритетов экономико-политического развития, общественного уклада, народного менталитета и т.п.).

Таким образом, преемственность в развитии частного права в рамках индивидуально-договорного регулирования проявляется в эволюции правовых идей, ценностей и отношений в пределах всех частноправовых отраслей. Однако преемственная основа развития характерна не только для права, но и для иных компонентов правовой системы, что так же может быть рассмотрено через призму индивидуально-договорного регулирования.

Значительное развитие в пределах индивидуально-договорного регулирования обретает юридическая техника, так как усложнение договорного правоотношения неизбежно влечет и усложнение договорной конструкции. Преемственность в юридической технике проявляется в разработке сторонами уникальных условий договора, необходимость которых диктуется преобразованиями правоотношений. Так, например, стремление сторон к соблюдению принципов законности и добросовестности выражается во включении в договор антикоррупционных условий и заверений об обстоятельствах, укрепление в обществе ценности персональных данных и тайны проявляется через условия договора о порядке обращения с конфиденциальной информации. Техническая и юридическая возможность заключения договора в форме электронного документа и использования сторонами различных каналов связи обуславливает необходимость уточнения допустимого способа заключения договора и иного взаимодействия сторон. На развитии юридической техники опосредованно отражаются также

процессы общественного развития, происходящие вне правовой сферы. Так, в связи с действующими в настоящее время ограничениями по взаимодействию с иностранными контрагентами меняется содержание правоотношений: стандартный набор прав и обязанностей участников правоотношений корректируется соответствующими требованиями нормативных правовых актов, что в конечном счете перетекает в оптимизацию структуры и содержания индивидуального договора, разработке таких условий, которые позволили бы продолжать взаимодействие в новых обстоятельствах. Для примера обратимся к Указу Президента РФ от 05.03.2022 г. № 95 [4], согласно положениям которого устанавливается ограничение на расчеты в иностранной валюте с контрагентами из недружественных стран. Это означает, что коммерческие отношения с иностранными компаниями изменяются в части ограничения права выбора способа взаиморасчетов, что на практике будет в первую очередь отражено в условиях о порядке взаиморасчетов в рамках конкретных индивидуальных договоров.

Нельзя не обратить внимание также и на преемственность развития правосознания в индивидуально-договорном регулировании частноправовых отношений. Здесь следует подчеркнуть такое проявление преемственности, как повышение уровня правосознания, без которого в принципе не представляется развитие договорных правоотношений, так как сами участники этих отношений определяют и закрепляют их содержание в договоре. Эволюция обыденного правосознания обеспечивается также тем, что люди, становясь участниками договорных отношений, более глубоко и детально касаются специфики юридической сферы.

Преемственность в развитии профессионального правосознания обеспечивается благодаря тому, что, во-первых, люди, обладающие профессиональными юридическими навыками, сопровождают договорные правоотношения, во-вторых, сами выступают в качестве стороны таких правоотношений. Знания, навыки, опыт юристов находят отражение в конкретных договорных отношениях (как в конструкции договора, так и при его исполнении). И наоборот, участие юристов в индивидуально-договорных отношениях способствует накоплению у них опыта и развитию юридических навыков.

Разумеется, развитие в рамках индивидуально-договорного регулирования частного права приобретает и теоретическое правосознание, и оно тоже происходит на преемственной основе. Развитие профессионального и теоретического правосознания непременно сопровождает и развитие правовой науки, ввиду чего мы имеем основание утверждать, что преемственность в индивидуально-договорном регулировании проявляется в правовой доктрине. Так, многие проблемные моменты правового обеспечения тех или иных отношений подсвечиваются именно в рамках индивидуально-договорного регулирования. Рано или поздно несовершенства индивидуального договора выходят на уровень теоретического осмысления.

В завершение настоящего исследования предлагаем следующие итоговые выводы.

Развитие различных элементов правовой системы в рамках индивидуально-договорного регулирования частноправовых отношений происходит на преемственной основе.

Преемственность в праве в индивидуально-договорном регулировании наиболее ярко проявляется в развитии правоотношений. Мы видим, как договорные отношения в гражданском праве изменяются ввиду усложнения объектов правоотношений, информационно-технологического прогресса. В настоящее время развитие получают специальные договорные конструкции, распространяется практика заключения непоименованных и смешанных договоров, расширяется понимание письменной формы договора. В трудовом праве мы отмечаем укрепление нормоустановительной силы трудового договора, распространение частноправового принципа свободы договора в части возможности субъектов трудового права регулировать отношения не только в рамках трудового договора, но и иных, в том числе непоименованных соглашений. Преемственность развития индивидуально-договорного регулирования в семейном праве проявляется в возможности заключения субъектами права договоров для упорядочения как имущественных, так и личных неимущественных отношений (например, договор о суррогатном материнстве), в возможности субъектов семейного права создавать уникальные по содержанию договорные конструкции и расширении субъектного состава договорных отношений. На фоне происходящих процессов повышается и уровень правосознания граждан, что также является проявлением преемственности.

Преемственные связи наблюдаются и в развитии юридической техники. Они проявляются через усложнение договорных конструкций, которое, в свою очередь, выражается в разработке субъектами права новых, ранее неизвестных или неиспользуемых условий договора.

Принимая во внимание динамику развития социально-экономической сферы жизни общества и сопутствующее ему возникновение нетипичных отношений, мы предполагаем, что направление развития права в сторону расширения области индивидуально-договорного регулирования сохранится неизменным. Учитывая зависимость содержания и реализации принципа свободы договора от экономических, социальных и даже политических реалий, колебания в его развитии неизбежны, однако в настоящее время мы продолжаем наблюдать укрепление значе-

ния индивидуального договора и усиления частно-правовых начал в праве.

4Литература:

1. Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1969. 294 с.
2. Шарифуллин В.Р. Частно-правовое регулирование: дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2006. 192 с.
3. Погодин А.В. Ситуационное право и принципы деятельности юриста в сложной правореализационной ситуации // Вестник экономической безопасности. 2011. № 4. С. 110–114.
4. Указ Президента РФ от 05.03.2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Российская газета. 2022. № 49.

Continuity in Individual Contract Regulation of Private Law

Kuzyurova D.D.
Kazan (Volga Region) Federal University

Continuity is a multifaceted phenomenon, the manifestations of which can be found in the development of all elements of the legal system and at various levels of legal regulation. The relevance of the author's research is primarily ensured by the specifics of succession, which lies in the fact that the study of succession relations in law involves not only referring to the legal experience of previous years, but also to current legal provisions, including such manifestations as succession relations in the individual contractual regulation of private law relations. In this article, the author explores the directions of continuity in the development of law and other components of the legal system within the framework of individual contractual regulation.

The purpose of the author's research within the framework of this article is to identify and theoretically study such a manifestation of continuity in Russian private law as continuity in individual legal regulation. The achievement of these tasks is facilitated by solving the tasks of studying individual manifestations of continuity in private law individual contractual regulation, including paying scientific attention to Roman private law, the reception of which is a fairly vivid example of continuity.

The author concludes that the development of law, legal technology, legal awareness and legal science within the framework of individual contractual regulation takes place on a continuous basis. Mainly, continuity is manifested in strengthening the importance of an individual contract, expanding the scope of individual contractual regulation.

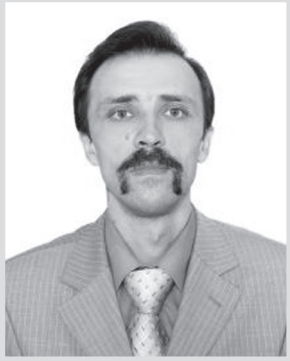
Keywords: legal continuity, succession, legal regulation, individual contractual regulation, succession in law, private law, development of private law

УДК 338.2/343
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-175-181

Систематизация преступлений в сфере экономики в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации

Мирошниченко Н.В.
Доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета

Максимов В.Ю.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета

Экономическое законодательство является одним из самых динамично развивающихся в российской правовой системе последних десятилетий. Явления трансформации системы имущественных, хозяйственных, предпринимательских, финансовых, налоговых и иных подобных отношений требуют своевременного научного осмысления и адекватного, в том числе опережающего, отражения в правовой системе государства. В частности, авторами статьи осуществлена научная рефлексия процессов, происходящих в современном российском уголовно-экономическом законодательстве. Объектом исследования выступило уголовное законодательство Российской Федерации в его динамике за последние три десятилетия, результаты его научных интерпретаций отечественными учеными. В процессе исследования авторами были использованы методы анализа и синтеза, классификации и систематизации, таксономический, исторический, сравнительно-правовой и другие частно-научные методы. Предлагаются научное обоснование и авторская формулировка системы преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. Использование метода многоуровневой классификации облегчит построение единой системы преступлений в сферах как экономической деятельности, так и экономики в целом.

Ключевые слова: *уголовное право, систематизация, классификация, преступления в сфере экономики, преступления в сфере экономической деятельности*

Для цитирования: *Мирошниченко Н.В., Максимов В.Ю. Систематизация преступлений в сфере экономики в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 175–181. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-175-181.*

Формы экономической организации российских общества и государства являются неотъемлемой составной частью их конституционных основ, что зафиксировано в настоящее время в ст. 8 Основного закона нашей страны. Ч. 1 данной статьи содержит положение о том, что в Российской Федерации «га-

рантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [1].

Принятый на основании Конституции Российской Федерации 1993 г. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. содержит крупный блок соответствующих уголовно-правовых норм, объединенных (причем впервые – именно в данном Кодексе [2; 3]) в отдельный раздел VIII (один из шести разделов второй, Особенной части УК РФ) «Преступления в сфере экономики» [4].

«Экономический» раздел УК РФ включает описание около сотни видов и разновидностей преступлений, различающихся между собой как видовым и непосредственным объектами посягательства, так и формой и содержанием преступных деяний, характером и величиной наступающих в их итоге общественно опасных последствий, формами и видами вины, особенностями мотивов и целей, характеристиками субъектов преступлений и так далее. Кроме указанной сложности, данный раздел уголовного закона отличается повышенной динамичностью, что обусловливает цель настоящего исследования – научное познание и адекватное отражение всей совокупности экономических преступлений как единой системы.

Для научного осмысления массива составов преступлений раздела VIII УК РФ особое значение приобретает их систематизация на основе применения общенаучных методов анализа и таксономии, т.е. деления объема понятия по определенному основанию (критерию, признаку), не исключающего своего повторения на каждом новом уровне такого деления. Источниковой базой нашего исследования в данном направлении послужат различные редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (в период от 1996 до 2024 гг.), а также изыскания отечественных ученых постсоветского периода в сфере изучения системы преступлений в сфере экономики и их отражения в современном уголовном законодательстве страны.

Новеллой Уголовного кодекса России явилась не только указанная внешняя, формальная организация его Особенной части, но и содержание раздела VIII: в него были включены три главы – 21: «Преступления против собственности», 22: «Преступления в сфере экономической деятельности» и 23: «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Если две первые из них ранее были распределены по различным главам УК РСФСР, то последняя (в силу особенностей советской экономики) отсутствовала в нем вовсе [5].

Таким образом, раздел VIII представляет собой довольно сложный конгломерат уголовно-правовых норм, объединяющим фактором для которых выступает, наверное, лишь их родовой объект [6]. Это – экономические общественные отношения на современном этапе их развития. В остальном можно лишь указать на то, что объективная сторона этих преступлений выражена, как правило, действиями [7], а субъективная – умыслом с корыстной целью. Среди общественно опасных последствий [8] и санкций преобладают имущественные. В остальном же имеет смысл рассматривать систему норм об экономических преступлениях на уровне глав раздела VIII УК РФ.

Видовой объект преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, – это отношения собственности, практически вне зависимости от ее формы. Почти всегда они характеризуются предметом посягательства.

Что касается объективной стороны преступлений главы 21, то почти все они могут быть совершены только активным деянием, чего, как правило, недостаточно для их юридического окончания, т.к. большинство составов главы материальны. Предусмотренные УК РФ последствия таких преступлений – это чаще всего прямой ущерб законному владельцу имущества.

Обязательными признаками большинства преступлений являются прямой умысел, корыстный мотив и цель извлечения незаконной наживы. Так как почти все они очень распространены в подростковой среде, а уголовно-правовой запрет по их поводу очевиден для понимания даже ребенка, то субъектом их может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста [9].

Обычно все преступления данной главы подразделяют на группы в зависимости от мотива и способов их совершения. Так, в соответствии с преобладающим мотивом они делятся на корыстные и некорыстные, а по способу, во-первых, на тайные и открытые, а во-вторых, на ненасильственные и совершенные с применением насилия [10].

Кроме того, среди корыстных традиционно выделяют хищения и иные корыстные преступления, а в хищениях различают их формы и виды. Форм хищений, по достаточно общему мнению, шесть: кража, мошенничество (во все его проявлениях), присвоение, растрата, грабеж и разбой. Виды хищений дифференцируются в зависимости от размера предмета преступления, и здесь выделяют хищение мелкое, «простое», с причинением значительного ущерба, в крупном и особо крупном размерах, а также хищение предметов, имеющих особую ценность.

Как было сказано, с такой классификацией согласны почти все авторы, за исключением немногих, например, Г.Н. Борзенкова, который, во-первых, относит вымогательство к отдельной группе преступлений, «примыкающих к хищениям», а во-вторых, не делит хищения на виды, считая такую классификацию устаревшей [11].

УК РФ 1996 г. устранил существовавшее прежде неравенство в оценке государством различных форм

собственности, что проявилось не только в формулировках главы 21, но и во включении в Особенную часть УК РФ новой главы 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Видовой объект таких деяний – общественные (прежде всего, экономические) отношения по осуществлению законной деятельности коммерческих, государственных и муниципальных, а также всех негосударственных и немуниципальных организаций на хозяйственном рынке, по осуществлению полномочий их работников – служащих, не являющихся, таким образом, должностными лицами. Данные деяния имеют и дополнительный объект – разнообразные интересы граждан, общества и государства [12].

Описанные в главе преступления совершаются чаще всего путем действий. Вина выражена прямым умыслом, кроме того, как правило, необходима специальная цель. Обязательным элементом составов преступлений этого вида (кроме ч.ч. 1–4 ст. 204, ст.ст. 204.1 и 204.2) являются специальные субъекты их совершения, осуществляющие службу (являющиеся работниками) в названных организациях. Кстати, именно по признаку субъекта И.А. Клепицкий осуществляет деление составов преступлений данной главы на две группы: деяния лиц, выполняющих в коммерческой или иной организации управленческие функции, и иных лиц, подлежащих уголовной ответственности [13].

Однако наибольший интерес для целей настоящей работы представляет система преступлений, сгруппированных законодателем в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» – крупнейшую по объему в рамках не только раздела VIII, но и во всей Особенной части современного Уголовного кодекса России [14]. По состоянию на время написания данной работы в описываемой главе – при исходных 32 статьях – насчитывались уже 61 действующая статей и 4 утративших силу [15].

Видовым объектом характеризуемых преступлений является система общественных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ [16]. Критерием криминализации при формулировке статей главы 22 служили, во-первых, последствия в виде ущерба (как правило, крупного имущественного), во-вторых, способы совершения – обман, подкуп, угрозы и т.д., в-третьих, мотивация (почти всегда корыстная). Таким образом, эти преступления имеют чаще всего дополнительный непосредственный объект – материальные интересы граждан и других субъектов экономической деятельности.

Практически все преступления главы 22 умышленные и совершаются, как правило, с прямым умыслом; иногда обязательным признаком здесь выступают мотив и цель. Субъект преступлений чаще всего специальный – это субъект экономической (предпринимательской и иной) деятельности, достигший 16 лет.

За время действия Уголовного кодекса Российской Федерации попытки классификации преступлений, составляющих главу 22, неоднократно предпринимались различными отечественными учеными на основании достаточно разных критериев [17; 18]. Так, вскоре после принятия нового УК РФ В.Е. Мельникова делила все составы главы на две принципиально различающиеся по типу регулирования составляющих их основу общественных отношений группы:

1) преступления в сфере государственного регулирования экономической деятельности;

2) иные преступления [19].

Руководствуясь классификационным критерием урегулированной уголовным законодательством сферы экономики, Б.В. Яцеленко выделяет в главе 22 УК РФ четыре группы преступлений:

1) преступления в сфере экономической деятельности;

2) преступления в денежно-кредитной сфере;

3) преступления в финансовой сфере;

4) преступления в сфере обслуживания [20].

Близкую к данной позицию занимает коллектив авторов, под руководством Н.А. Лопашенко разработавших теоретическую модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. По их мнению, в новом уголовном законе страны в разделе о преступлениях в сфере экономики можно было бы предусмотреть четыре главы:

1) преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

2) преступления на рынке ценных бумаг и в сфере денежно-финансового и валютного обращения;

3) преступления против налогообложения;

4) преступления против таможенных интересов государства и других лиц [21].

Иной точки зрения придерживается Б.М. Леонтьев. Его классификационная схема по названному признаку выглядит следующим образом:

1) преступления в сфере предпринимательской и банковской деятельности;

2) преступления в сфере банкротства;

3) преступления в сфере оборота денег и ценных бумаг;

4) преступления в сфере таможенного регулирования;

5) преступления в сфере валютного регулирования;

6) преступления в сфере системы платежей;

7) преступления в сфере интересов потребителей [22].

В.В. Похмелкин классифицирует преступления главы 22 в зависимости от различий в объекте преступного посягательства. Его система такова:

1) преступления против свободы экономической деятельности;

2) преступления против общего правопорядка;

3) преступления – злоупотребления экономической свободой;

4) преступления против порядка предоставления услуг и товаров;

5) преступления против финансовой системы;

6) преступления против экономической системы государства;

7) преступления против налоговой системы.

Несколько отличается от приведенной позиция Б.В. Волженкина, который осуществляет деление группы хозяйственных преступлений на подгруппы так:

1) преступления должностных лиц в сфере экономической деятельности;

2) преступления – нарушения порядка осуществления экономической деятельности;

3) преступления, связанные с недобросовестной конкуренцией;

4) преступления в сфере обращения денег и ценных бумаг;

5) таможенные преступления;

6) валютные преступления;

7) налоговые преступления;

8) преступные нарушения прав потребителей [23].

Классификация Н.Н. Афанасьева основывается на использовании критерия объекта преступного посягательства, что позволяет ее автору выстроить следующую систему преступлений в сфере экономической деятельности:

1) преступления против общественных отношений в области регулирования экономической деятельности;

2) преступления против общественных отношений в области регулирования кредитно-финансовой деятельности;

3) преступления против монополии государственного регулирования отдельных общественных отношений;

4) преступления против общественных отношений в области регулирования перемещения людей и грузов через границу;

5) преступления против общественных отношений в области регулирования порядка уплаты налогов;

6) преступления против общественных отношений в области регулирования порядка банкротства;

7) преступления против общественных отношений в области регулирования сферы обслуживания [24].

Н.А. Крайнова и Н.В. Радошнова в своем «Практикуме» приводят схожую с вышеизложенной классификацию преступлений, предусмотренных главой 22 Уголовного кодекса России:

1) преступления, нарушающие отношения, гарантирующие право на занятие предпринимательской деятельностью и обеспечивающие порядок действий должностных лиц в сфере предпринимательства;

2) преступления, нарушающие отношения, обеспечивающие порядок занятия предпринимательской деятельностью;

3) преступления, нарушающие отношения, обеспечивающие порядок совершения сделок и иных операций с имуществом;

4) преступления против интересов кредиторов;

5) преступления, нарушающие отношения, поддерживающие конкурентоспособность хозяйствующих и иных субъектов, право свободного поведения их в рамках закона;

6) преступления, нарушающие установленный порядок выпуска в оборот денег, ценных бумаг и платежных документов;

7) преступления, посягающие на права инвесторов в сфере оборота ценных бумаг и права иных участников хозяйственных обществ в сфере регистрации и учета их прав;

8) преступления, нарушающие отношения, складывающиеся в сфере таможенного регулирования экономической деятельностью по поводу перемещения товаров и уплаты таможенных платежей (таможенные преступления);

9) преступления против установленного порядка обращения драгоценных металлов, драгоценных камней и валюты;

10) преступления, нарушающие отношения, складывающиеся по поводу уплаты налогов, сборов, страховых взносов (налоговые преступления) [25].

Авторы одного из последних изданных на сегодняшний день отечественных учебников для вузов осуществляют такое разделение преступлений рассматриваемой главы УК РФ на группы:

1) преступления, нарушающие общие принципы установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности;

2) преступления, нарушающие общий порядок получения и возврата кредита;

3) преступления, нарушающие отношения добросовестной конкуренции;

4) преступления, нарушающие установленный порядок обращения денег и ценных бумаг;

5) преступления против установленного порядка внешнеэкономической деятельности (таможенные преступления);

6) преступления против установленного порядка обращения драгоценных металлов, драгоценных камней и валютных ценностей, иных особо ценных предметов;

7) преступления, нарушающие установленный порядок осуществления процедуры банкротства;

8) преступления против установленного порядка уплаты налогов и (или) сборов, а также страховых взносов;

9) преступления против установленного порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд [26].

Иным образом группирует преступления внутри главы 22 Т.Ю. Погосян, и в данном случае основным критерием классификации выступает способ совершения деяния:

1) преступления, совершаемые лицами с использованием своих должностных полномочий;

2) преступления, совершаемые путем незаконного использования виновными своих прав;

3) преступления, совершаемые с использованием незаконно приобретенного имущества;

4) преступления, совершаемые с использованием монополистического положения;

5) преступления, совершаемые с использованием обмана либо подкупа;

6) преступления, совершаемые путем злоупотреблений с деньгами и ценными бумагами;

7) преступления, совершаемые во внешнеэкономической деятельности;

8) преступления, совершаемые путем незаконного оборота валютных ценностей;

9) преступления, совершаемые путем уклонения от имущественных обязательств [27].

Как представляется, смешанный критерий классификации применяет А.М. Яковлев, предлагающий следующую систему преступлений в сфере экономической деятельности:

1) преступления должностных лиц;

2) преступные нарушения порядка предпринимательской деятельности;

3) преступления в области кредитных отношений;

4) преступления, выражающиеся в недобросовестной конкуренции и монополизации;

5) преступления в сфере оборота денег и ценных бумаг;

6) таможенные преступления;

7) валютные преступления;

8) преступления, связанные с банкротством;

9) налоговые преступления;

10) обман потребителей [28].

Таким образом, как следует из приведенного – далеко не исчерпывающего – списка мнений отечественных ученых, они предлагают различные основания для классификации преступлений в сфере экономической деятельности, что затрудняет выработку единого подхода к проблеме систематизации данных деяний. Происходящее в последние десятилетия неуклонное расширение объема главы 22 УК РФ и усиливающееся разнообразие вносимых в нее новых статей, на наш взгляд, лишь усугубляют ситуацию.

Избежать громоздкости и разночтений в подходах к построению единой системы уголовных правонарушений, предусмотренных главой 22, позволит, на наш взгляд, введение их двухуровневой классификации. Методологической основой такого деления может послужить фундаментальное диалектическое соотношение категорий «общее – особенное – единичное». При этом как и при разделении всего массива (*mина*) преступлений в сфере экономики (раздел VIII УК РФ) на виды (главы), так и при подразделении рассматриваемого нами *вида* преступлений в сфере экономической деятельности на *подвиды* и *разновидности* мы предлагаем придерживаться единого классификационного признака, а именно объекта преступного посягательства.

В качестве первого основания для такой классификации нами предлагается использовать классическую дихотомию правовых отношений – их деление на частные и публичные, то есть основанные на равенстве субъектов таких отношений – и на их отношениях власти и подчинения (власте-подчинения). В свою очередь, на втором уровне классификации группировка составов преступлений будет обусловлена подразделением двух названных массивов отношений на более мелкие их группы в зависимости от разновидностей общественных отношений в сфере экономической деятельности. В результате мы приходим к комплексной двухуровневой систематизации, представленной на рисунке 1.

Как представляется, сформулированное нами предложение может послужить теоретическим основанием для дальнейшего совершенствования уголовно-материального законодательства при разработке следующего Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, в его разделе, посвященном преступлениям в сфере экономики, кроме главы о преступлениях против собственности (и, возможно, при сохранении их криминализации – против интересов службы в коммерческих и иных организациях), можно предусмотреть не одну, а как минимум две главы, сформированные в соответствии с изложенном нами подходом.

Рис. 1. Пример систематизации преступлений в сфере экономической деятельности

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: http://www.pravo.gov.ru/
2. Власова С.В., Миллер В.Ю. К вопросу о смене доктрины правового регулирования противодействия преступлениям в сфере экономики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1 (33). С. 5–9.
3. Власова С.В. К вопросу о преобразовании теоретико-методологической основы правовой организации противодействия преступлениям в сфере экономики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 97–104. https://doi: 10.36511/2078-5356-2023-1-97-104
4. Уголовный кодекс Российской Федерации (текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 мая 2024 года) // СПС Гарант.
5. Власова С.В. Современная правовая организация противодействия преступлениям в сфере экономики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 59–67.
6. Юсупов У.В., Исаева Л.А. Квалификация преступлений в сфере экономики // Теория и практика современной науки. 2022. № 2 (80). С. 172–176.
7. Петров П.К. Вопросы анализа объективной стороны некоторых составов преступлений в сфере экономики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 35–38. https://doi: 10.14529/law220105.
8. Алексеев А.М. Законодательная регламентация общественно опасных последствий преступлений в сфере экономики в советском уголовном законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 96–101. https://doi: 10.36511/2078-5356-2023-3-96-101
9. Гаврилов М.А., Петрова И.С. Правовое просвещение и правовое информирование граждан как инструмент профилактики преступлений в сфере экономики // Законность. 2023. № 7 (1065). С. 41–44.
10. Крайнова Н.А., Радошнова Н.В., Володарская А.А., Мельник А.О. Предупреждение преступлений в сфере экономики. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 102 с.
11. Российское уголовное право: учеб. / Г.Н. Борзенков и др.; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Проспект, 2011. 682 с.
12. Анищенко Е.В., Анищенко А.В., Советов Д.И. Риск правоприменительной ошибки при квалификации преступлений в сфере экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 6. С. 184–189.
13. Клепицкий И.А. Введение в экономическое уголовное право: учеб. пособие. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. 186 с.
14. Головенчик М.Г. Преступления в сфере экономики: сравнительно-правовой анализ уголовных кодексов государств – участников СНГ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 2. С. 132–143. DOI: 10.12737/jzsp.2023.029.
15. Клейменов И.М., Клейменов М.П. Отсутствие уголовно-правового реагирования на преступления в сфере экономики // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18. № 2. С. 79–87. https://doi: 10.24147/1990-5173.2021.18(2).79-87
16. Черетаева Е.А., Ястребова Л.О. Особенности квалификации некоторых преступлений в сфере экономики и экономической деятельности // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 4. С. 212–217. https://doi: 10.5281/zenodo.6541317
17. Крестинский М.В. О направлениях совершенствования структуры раздела «Преступления в сфере экономики» Особенной части УК РФ // Вестник Национального Института Бизнеса. 2022. № 4 (48). С. 33–38.
18. Крестинский М.В. О направлениях совершенствования структуры раздела «Преступления в сфере экономики» Особенной части УК РФ (часть вторая) // Вестник Национального Института Бизнеса. 2023. № 4 (52). С. 31–36.
19. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. для юрид. вузов. Отв. ред.: Б.В. Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996. 559 с.
20. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / Под общ. ред. Журавлева М.П., Никулина С.И. М.: Проспект, 2014. 784 с.
21. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 109–118. https://doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).109-118
22. Леонтьев Б.М. Развитие норм об уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (1813–1996 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2013. № 3. С. 74–87.
23. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 763 с.
24. Уголовное право. Часть общая. Часть особенная: учеб. для вузов; ред. Ветров Н.И., Ляпунов Ю.И. М.: Юриспруденция, 2008. 751 с.
25. Преступления в сфере экономики: практикум / Н.А. Крайнова, Н.В. Радошнова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 47 с.
26. Преступления в сфере экономики: учеб. для вузов / И.А. Подройкина [и др.]; под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 312 с.

27. Уголовное право: учеб. для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко. М.: НОРМА, 2008. 719 с.
28. Курс российского уголовного права / Звечаровский И.Э., Иванов Н.Г., Борсученко С.А. и др. М.: Экономика, 2010. 665 с.

Systematization of Economic Crimes in Accordance with the Criminal Legislation of the Russian Federation

Miroshnichenko N.V., Maksimov V.Yu.
Stavropol State Agrarian University

Economic legislation is one of the most dynamically developing in the Russian legal system in recent decades. The phenomena of transformation of the system of property, economic, entrepreneurial, financial, tax and other similar relations require timely scientific understanding and adequate, including proactive, reflection in the legal system of the state. In particular, the authors of the article carried out a scientific reflection on the processes taking place in modern Russian criminal and economic legislation. The object of the study was the criminal legislation of the Russian Federation in its dynamics over the past three decades, the results of its scientific interpretations by domestic scientists. In the course of the research, the authors used methods of analysis and synthesis, classification and systematization, taxonomic, historical, comparative legal and other private scientific methods. Scientific substantiation and author's formulation of the system of crimes in the field of economic activity provided for in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation were undertaken. The use of the multilevel classification method will facilitate the construction of a unified crime system, both in the field of economic activity and in the field of economics as a whole.

Keywords: criminal law, systematization, classification, crimes in the field of economics, crimes in the field of economic activity

УДК 341
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-182-186

Регулирование искусственного интеллекта в контексте охраны интеллектуальной собственности

Набиуллин Б.Ю.
Аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В условиях стремительного технологического прогресса искусственный интеллект становится ключевым элементом в развитии экономики. На данный момент отсутствует правовая база, регулирующая деятельность ИИ и интеллектуальную собственность. Основной целью данного исследования является анализ правовых аспектов использования результатов интеллектуальной деятельности при обучении искусственного интеллекта и защиты результатов его работы. Исследование в данной области позволяет выявить значительные пробелы в законодательстве и предлагает рекомендации по их устранению. Результаты работы могут быть полезны для законодателей, исследователей в области права и технологий, а также для представителей бизнеса. Работа подтверждает существование двух противоречивых подходов к правомерности использования информации в интернете. Настоящее исследование комплексно анализирует правовые лакуны в контексте использования искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности. В работе также обозначаются направления для разработки новых законодательных инициатив, направленных на создание сбалансированной системы регулирования.

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, ЕАЭС, ЕС, авторское право, исключительные права*

Для цитирования: *Набиуллин Б.Ю. Регулирование искусственного интеллекта в контексте охраны интеллектуальной собственности // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 182–186. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-182-186.*

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) на данный момент и в ближайшем будущем будут играть большую роль в технологическом и экономическом развитии стран, особенно в связи с трансформацией мировой экономики в сторону четвертой промышленной революции и высоких технологий. Правительства стран ЕАЭС также заинтересованы в развитии ИИ и осознают важность регулирования данной сферы. Так, представители стран ЕАЭС по итогам II Евразийского экономического форума отметили необходимость правового регулирования ИИ и формирования этики его использования. Этими же вопросами задаются правительства стран по всему миру.

Однако сфере ИИ еще предстоит пройти большой путь с законодательной точки зрения, учитывая высокую скорость развития, которое опережает регулирование и приводит к появлению правовых лакун. Одной из таких лакун является взаимодействие ИИ и интеллектуальной собственности. Заключается она в двух аспектах. Первый аспект – использование размещенных в интернете работ третьих лиц с целью обучения ИИ, при этом не получая разрешения в отношении использования данных результатов интеллектуальной деятельности. Второй аспект – предоставление защиты результатам деятельности ИИ, а также рассмотрение вопросов того, кто будет

считаться автором и кому будут принадлежать исключительные права в отношении таких результатов.

Рассмотрим первый аспект – использование ИИ работ третьих лиц. В рамках своей деятельности ИИ постоянно сканирует сеть Интернет и собирает текстовую, аудиальную и визуальную информацию для последующей систематизации и переработки с целью предоставления на основе этой информации какого-либо результата (будь то новая статья, картина, музыкальное произведение, стих, инженерное решение и т.д., в зависимости от поступающего запроса). В таком случае возникает вопрос правомерности использования такой информации. Здесь сталкиваются две позиции: абсолютного запрета на использование без соответствующего разрешения информации, размещенной в интернете, и абсолютной свободы использования такой информации.

Позиция сторонников абсолютной свободы выражается в том, что нормы об охране интеллектуальной собственности не должны препятствовать развитию современных технологий и ограничивать процесс обучения ИИ на основе информации в интернете [1, с. 162]. Правомерность использования информации в интернете обуславливается доктриной добросовестного использования и преобразующего использования, суть которых заключается в том, что ИИ использует информацию из интернета лишь для обучения, а результат деятельности ИИ является не 100 % копией загруженной в него информации, а переработанным, преобразованным продуктом с определенной долей оригинальности [2, с. 5].

Противоположный подход выступает за запрет использования без разрешения результатов интеллектуальной деятельности третьих лиц. В данном случае владельцы ИИ обязаны получать разрешения, чтобы иметь возможность «скармливать» информацию своему ИИ для его обучения. Данный подход уже рассматривается в судебной практике. В 2023 г. компания *GettyImages*, владеющая одноименном фотобанком для хранения фотографий и их последующей перепродажи, предъявила иск в суд штата Дэлавер к компании *Stability AI*, которой принадлежит ИИ по созданию изображений под названием *Stable Diffusion* [3]. Суть претензий *GettyImages* заключается в том, что *Stability AI* для целей обучения своего ИИ без разрешения скопировала с сайта *GettyImages* более 12 млн изображений, защищенных авторским правом [4]. Несмотря на то что с момента подачи иска прошло уже более года, данное дело все еще рассматривается в суде и еще рано говорить о правомерности или неправомерности такого рода действий со стороны компаний, владеющих различными ИИ.

На данный момент единый подход не выработан. С одной стороны, ИИ продолжают обрабатывать абсолютно всю информацию, находящуюся в интернете без какого-либо разрешения. С другой стороны, компании, желая подстраховаться, заключают соглашения с владельцами сайтов для получения возможности обработки находящейся на них информации. Например, в 2024 г. компания *OpenAI*, которой принадлежит *ChatGPT*, и владелец одной из крупнейших социальных сетей – *Reddit Inc.* заключили партнерское соглашение, по которому ИИ от *OpenAI* получал доступ к сайту *Reddit*, тем самым легитимизировав использование информации, размещенной на сайте в целях обучения своего ИИ.

Теперь рассмотрим второй, более объемный и многогранный аспект – защита результатов деятельности ИИ. Данный аспект появился в поле зрения юристов, в частности, после подачи Стивеном Талером в Австралийское патентное ведомство заявки на регистрацию патента на изобретение, которое было создано ИИ под названием «*Device for Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience*», т.е. *DABUS*. Волна дискуссий была поднята в связи с тем, что ИИ *DABUS* был обозначен в заявке в качестве изобретателя, однако ИИ не является субъектом права и не может выступать в заявке как изобретатель. Аналогичную позицию заняло Австралийское патентное ведомство. Однако судья федерального суда Австралии вынес другое решение, отметив, что в соответствии с законодательством ИИ может быть признано в качестве изобретателя, однако ни заявителем на патент, ни получателем патента оно выступать не может [5]. Впрочем, данное решение было отменено в апелляционном порядке [6]. Аналогичную позицию по отсутствию правосубъектности у ИИ и невозможности признания его изобретателем занял также Верховный суд Великобритании [7] и Европейское патентное ведомство [8]. Аналогичная позиция отражена и в национальных законодательствах, например, Закон Аргентины об интеллектуальной собственности от 30.09.1993 г. № 11.723 к обладателям интеллектуальной собственности относит авторов работы, под которыми подразумеваются физические лица [9, с. 13].

Одним из вопросов является рассмотрение того, кто является обладателем прав на результат деятельности ИИ – разработчик, непосредственный пользователь или сама ИИ.

Первый вариант предусматривает наделение правами на результат деятельности ИИ компанию-разработчика данного ИИ. В 2020 г. на территории Китая рассматривалось дело *Shenzhen Tencent Computer System* (далее – *Tencent*) против *Shanghai Yingxun Technology Company* (далее – *Yingxun*). Спор возник из-за текста, написанного ИИ *Dreamwriter* (принадлежит Tencent), которое занимается автоматическим написанием статей в сфере финансов. Tencent подала в суд на основании того, что текст, написанный *Dreamwriter*, был использован в публикации *Yingxun* без разрешения *Tencent*. Суд при-

знал авторские права за *Tencent* и постановил, что *Yingxun* обязана выплатить компенсацию именно в пользу *Tencent* как разработчика *Dreamwriter* [10].

Иным подходом является закрепление прав на результат работы ИИ за пользователем, который отправил запрос к ИИ. В таком случае мы исходим из целеполагательного подхода – права на результат интеллектуальной деятельности должны принадлежать тому, кто поставил цель создать конкретное произведение и осуществил действия для достижения этой цели, используя ИИ как инструмент [11, с. 934]. Можно провести аналогию, что права на дизайн костюма принадлежат дизайнеру, но ни как не техническому инструменту (карандаши, бумага для рисования, манекены, ткань) и не производителю этих карандашей, бумаги, манекенов и тканей. Определяющим для понимания того, кому принадлежат права на объект интеллектуальной деятельности является то, кто имел цель, намерение создать данный объект. Этот подход можно считать развитием позиции Национальной комиссии США по новому технологическому использованию произведений, защищенных авторским правом, в соответствии с которой компьютер не обладает собственным творческим потенциалом и, следовательно, не может быть автором, причем это право принадлежит пользователю [12]. В то же время в науке встречается мнение, что вышеуказанная позиция переоценена и пользователь может получить от ИИ новый результат, даже не прилагая творческих усилий [11, с. 936]. Однако данная позиция сильно упрощает понимание работы с ИИ, который выдает именно такой результат, какой запрос введет пользователь. То есть в ответ на простой запрос (например, рецепт блинов) ИИ выдаст простой результат (рецепт блинов с одного из сайтов в сети Интернет), который не будет содержать принципиально новые результаты (новый рецепт для блинов, который еще не был открыт человеком). В действительности же, чтобы получить от ИИ результат, связанный с творчеством, созданием чего-то нового, пользователь также должен со своей стороны приложить усилия по созданию сложного и творческого запроса, который будет правильно воспринят ИИ. Такой навык по составлению запросов к ИИ получил название промптинг (prompting) [13], а люди, профессионально работающие с запросами к ИИ, стали называться промт-инженерами. Соответственно, аргумент о том, что пользователь не может иметь прав на работу, являющуюся результатом деятельности ИИ в ответ на его запрос из-за отсутствия творческих усилий, можно признать неверным. К тому же, если работа несет в себе творческий элемент, то это значит, что она создана именно человеком, ведь понятие «творчество» связано с оригинальностью, которая является субъективным фактором [14, с. 9], ИИ же не понимает, что именно делает и не имеет творческого сознания [15, с. 51].

Третьим вариантом является наделение ИИ специальным статусом и закрепление за ним прав на результаты интеллектуальной деятельности. Этот вариант связан с тем, что работы, созданные с помощью ИИ, часто характеризуются отсутствием прямого вмешательства человека. Обозначается, что новейшие системы ИИ демонстрируют автономные творческие способности, анализируя большие данные, обнаруживая закономерности и решения без прямого вмешательства человека, что говорит о том, что ИИ демонстрирует определенную форму творчества и может рассматриваться как изобретатель [9, с. 30]. По этой причине в науке предлагается присвоить правосубъектность для ИИ по аналогии с юридическим лицом. Более того, аналогичные рассуждения находят отражение в Европейском союзе, в частности, в своих резолюциях Европейский парламент рассматривает возможность наделить сложных автономных роботов правосубъектностью [16]. Однако на данный момент ни в практике, ни в законодательстве государств данный подход не находит применения. Например, одним из ключевых моментов в процессе подачи заявки на патент является то, что называется обязательством по идентификации изобретателей. Это обязательство является не только юридическим требованием, но и создает прочную основу для защиты прав изобретателей [9, с. 23]. В случае же с ИИ произвести идентификацию достаточно затруднительно в связи с тем, что наименования ИИ не применяются для официального использования. Более того, законодательства государств прямо предусматривают, что автором может быть только физическое лицо. Так, Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» под понятием автор подразумевает физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы, искусства [17]. К тому же, исходя из решений Суда ЕС, можно сделать вывод, что охраноспособный результат интеллектуальной деятельности должен отражать личность своего автора и демонстрировать его свободный и творческий выбор [18]. В случае же с ИИ личностный аспект авторства в работа довольно затруднительно поддается однозначной фиксации.

Некоторыми авторами также выдвигается предложение о переводе всех результатов деятельности ИИ в статус общественного достояния в связи с невозможностью точного определения субъекта, кому принадлежат права на такие результаты [19, с. 5–13]. Однако здесь встает вопрос дальнейшего развития ИИ, ведь если результаты деятельности находятся в общественном достоянии, то пропадает экономическая мотивация разработчиков и пользователей прилагать усилия для совершенствования ИИ [20, с. 331]. К тому же, как мы рассмотрели выше, ИИ не создает результат сам по себе, все же большую

роль в этом играют и разработчики, и пользователи благодаря своим промптам.

Смешанным подходом является присвоение прав на объект интеллектуальной собственности всеми, кто каким-либо образом участвовал в его создании (пользователи, разработчики ИИ, третьи лица, чьи работы использовал ИИ) – фактический подход [11, с. 936]. Однако возникают следующие вопросы. Кто и в какой степени участвовал в создании объекта интеллектуальной собственности? Являются ли эти лица соавторами или обладают иным статусом? Данный подход представляется одновременно простым и сложным. Он прост в том смысле, что наделяет правами абсолютно всех, кто причастен к созданию объекта интеллектуальной собственности, нет необходимости выделять кого-то конкретно и обосновывать, почему именно ему должны принадлежать права. Сложность заключается в определении правового статуса всех этих лиц. Так, если признать права, в том числе за разработчиками ИИ, то получается, что компания *Microsoft* будет обладать правами на все работы, написанные с помощью *Microsoft Word*. Что потянет за собой кризис в регулировании сферы интеллектуальной собственности.

Учитывая сложность и многофакторность рассматриваемого вопроса, можно с пониманием отнестись к тому, что единое мнение о регулировании ИИ еще не выработано. Однако это не означает, что данная сфера должна пройти мимо регулирующих органов в ЕАЭС. В рамках евразийского пространства II Евразийского экономического форума уже сейчас проходят обсуждения о том, как соотнести между собой такое явление, как ИИ и интеллектуальную собственность. Увеличивается количество научных трудов [21; 22]. Также среди стран ЕАЭС наблюдается активное развитие ИИ, что, например, проявляется в виде вхождения России в топ-10 стран мира по внедрению ИИ [23] и принятием национальной концепции по развитию ИИ в Казахстане [24]. В связи с этим на территории ЕАЭС растет стратегическая необходимость согласовать как минимум рамки регулирования ИИ. Более того, в этом процессе можно взять за рассмотрение опыт ЕС, где в 2021 г. Европейский парламент принял резолюцию под названием «Искусственный интеллект: вопросы толкования и применения международного права» [25]. Не обращая внимание на данную сферу, страны ЕАЭС рискуют упустить момент, когда столкнутся вопросы охраны интеллектуальной собственности и интересы технологических компаний. Именно поэтому необходимо сохранять баланс и начать очерчивать контуры решения вместе со всеми заинтересованными сторонами.

Литература:

1. В МЭР сообщили, что Россия вошла в топ-10 стран по внедрению ИИ. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/49745 (дата обращения: 08.09.2024).
2. Егорова М.А. Проблема правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием цифровых технологий // Вестник университета им. О.Е Кутафина (МГЮА). 2023. № 1. С. 127–138.
3. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. № 6-I «Об авторском праве и смежных правах». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798 (дата обращения: 08.09.2024).
4. Морхат П.М. Искусственный интеллект как автор произведений: проблемы правовой квалификации // Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества: тезисы докладов участников XXIII Межд. конф. Роспатента. М., 2019. С. 129–134.
5. Под присмотром чиновников: как будут развивать искусственный интеллект в Казахстане. URL: https://forbes.kz/articles/pod-prismotrom-chinovnikov-kak-budut-razvivat-iskusstvennyy-intellekt-v-kazahstane (дата обращения: 08.09.2024).
6. Azuaje M. Protección jurídica de los productos de la inteligencia artificial en el sistema de propiedad intelectual // Revista Jurídica Austral. 2020. № 1. P. 319–342.
7. Azzaria G. Intelligence artificielle et droit d'auteur: l'hypothèse d'un domaine public par défaut // Les Cahiers de propriété intellectuelle. 2018. № 3. P. 925–946.
8. Binctin N. L'influence de l'intelligence artificielle sur les mécanismes de la propriété intellectuelle // LexisNexis. 2020. 6 ed. P. 1–61.
9. Cardona N. El «uso transformador» de las empresas de IA: entre la libertad creativa y los derechos de propiedad intellectual // Universitat Oberta de Catalunya. 2024. № 40. P. 1–11.
10. Case C-145/10 Eva-Maria Painer v Standard VerlagsGmbH and Others. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62010CJ0145 (дата обращения: 08.09.2024).
11. Complaint filed with Jury Demand against Stability AI, Inc. URL: https://docs.justia.com/cases/federal/district-courts/delaware/dedce/1:2023cv00135/81407/1 (дата обращения: 08.09.2024).
12. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62. URL: https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062 (дата обращения: 08.09.2024).
13. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017IP0051 (дата обращения: 08.09.2024).

14. European Parliament resolution of 20 January 2021 on artificial intelligence: questions of interpretation and application of international law in so far as the EU is affected in the areas of civil and military uses and of state authority outside the scope of criminal justice (2020/2013(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0009_EN.html (дата обращения: 08.09.2024).
15. Final Report of the National Commission on New Technology Uses of Copyrighted Works. URL: https://digital-law-online.info/CONTU/contu17.html (дата обращения: 08.09.2024).
16. Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, Inc. URL: https://www.courtlistener.com/docket/66788385/getty-images-us-inc-v-stability-ai-inc/ (дата обращения: 08.09.2024).
17. Grounds for the decision PK23498. URL: https://register.epo.org/application?documentId=E4B63SD62191498&number=EP18275163&lng=en&npl=false (дата обращения: 08.09.2024).
18. Peralta R. Las invenciones creadas con inteligencia artificial y la problemática de su patentabilidad // Universidad de SanAndres. 2023. № 4. P. 1–38.
19. Randrianirina I. La propriété intellectuelle à l'aune du transhumanisme: vers un renouvellement des concepts? // mare&martin. 2023. № 13. P. 1–17.
20. Ríos R. Los sistemas de inteligencia artificial y la propiedad intelectual de las obras creadas, producidas o generadas mediante ordenador // Revista la propiedad inmaterial. 2001. № 3. P. 5–13.
21. Thaler (Appellant) v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks (Respondent). URL: https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2021-0201-judgment.pdf (дата обращения: 08.09.2024).
22. Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879. URL: https://haugpartners.com/wp-content/uploads/2021/12/Australia-Thaler-v-Commissioner-2021-FCA-879.pdf (дата обращения: 08.09.2024).
23. Vivant M., Bruguiere J.-M. Droit d'auteur et droits voisins // Collection Précis. 2019. 4e édition. 1160 p.
24. Woo D. Effects of a Prompt Engineering Intervention on Undergraduate Students' AI Self-Efficacy, AI Knowledge and Prompt Engineering Ability: A Mixed Methods Study. URL: https://www.researchgate.net/publication/382672680 (дата обращения: 08.09.2024).
25. Zhou Bo. Artificial Intelligence and Copyright Protection, Judicial Practice in Chinese Courts. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/about-ip/en/artificial_intelligence/conversation_ip_ai/pdf/ms_china_1_en.pdf (дата обращения: 08.09.2024).

Regulation of Artificial Intelligence in the Context of Intellectual Property Protection

Nabullin B.Yu.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the context of rapid technological progress, artificial intelligence is becoming a key element in economic development. At the moment, there is no legal framework regulating the activities of AI and intellectual property. The main objective of this study is to analyze the legal aspects of using the results of intellectual activity in training artificial intelligence and protecting the results of its work. Research in this area allows us to identify significant gaps in the legislation and offers recommendations for eliminating them. The results of the work can be useful for legislators, researchers in the field of law and technology, as well as for business representatives. The work confirms the existence of two contradictory approaches to the legality of using information on the Internet. This study comprehensively analyzes the legal gaps in the context of the use of artificial intelligence and intellectual property. The work also identifies areas for the development of new legislative initiatives aimed at creating a balanced regulatory system.

Keywords: intellectual property, artificial intelligence, EAEU, EU, copyright, exclusive rights

УДК 343.341.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-187-191

Организованная преступная деятельность: проблемы законодательной регламентации

Рыбушкин Н.Н.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Дунин О.Н.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Нормы, устанавливающие уголовную ответственность за занятие организованной преступной деятельностью, выступают законодательной основой борьбы с наиболее опасными видами преступности. Система данных норм развивается за счет включения в Уголовный кодекс РФ новых составов преступлений, закрепляющих признаки организованных преступных формирований: ст.ст. 205.4, 205.5, 282.1, 282.2, 281.3. Целью исследования выступает выявление теоретических и практических проблем законодательной регламентации организованной преступной деятельности и формулирование предложений по их разрешению. Задачи исследования: определить соотношение института соучастия и составов преступлений, устанавливающих ответственность за занятие организованной преступной деятельностью; классифицировать данные составы преступлений. Банда, преступное сообщество, террористическое, экстремистское, диверсионное сообщество, террористическая и экстремистская организация не являются формами соучастия в преступлении. Все виды организованных преступных формирований, известных российскому уголовному праву, можно подразделить на особые виды организованных групп (ст.ст. 209, 205.4, 281.3 и 282.1 УК РФ) и на не являющиеся таковыми (ст.ст. 205.5, 208, 210 и 282.2 УК РФ).

Ключевые слова: *организованные формы преступной деятельности, формы соучастия, организованная группа, преступная организация, террористическая организация, террористическое сообщество*

Для цитирования: *Рыбушкин Н.Н., Дунин О.Н. Организованная преступная деятельность: проблемы законодательной регламентации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 187–191. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-187-191.*

Деятельность различных организованных преступных формирований остается серьезным вызовом для обеспечения правопорядка в Российской Федерации, нормы же уголовного закона, устанавливающие ответственность за создание организованных преступных формирований и участие в их деятельности, являются правовой основой для противодействия наиболее опасным формам организо-

ванной преступной деятельности. Система таких норм продолжает развиваться на протяжении всего действия действующего уголовного закона, начиная от включения в Уголовный кодекс РФ ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» 2002 г. до ст. 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем» в 2022 г. [1]. Активная правотворческая деятельность порождает определенные коллизии, ситуации, при которых нормативный материал запутывается, а отдельные статьи начинают противоречить друг другу. Отдельно остановимся на некоторых теоретических и практических проблемах законодательной регламентации ответственности за организованные формы преступной деятельности и правоприменительных коллизиях, которые они влекут.

Очерчивая круг норм уголовного закона, устанавливающих ответственность за создание и участие в деятельности организованных преступных формирований, мы относим к ним: ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем», ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации», ст. 209 «Бандитизм», ст. 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», ст. 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем», ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества», ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» УК РФ.

Первой проблемой теоретического характера выступает вопрос о соотношении норм, устанавливающих ответственность за организацию и участие в деятельности организованных преступных формирований и института соучастия.

Классики уголовного права относили указанные нормы (точнее, те из них, которые уже были включены в состав уголовного закона) к соучастию особого рода. «Соучастие особого рода есть длительное сплочённое соучастие, готовый людской аппарат для совершения преступлений» [2, с. 270]. В современной литературе также можно встретить точку зрения, согласно которой любое организованное преступное формирование следует относить к сложным формам соучастия [см.: 3]. Однако, мы солидарны с авторами, которые различают соучастие в конкретном преступлении и соучастие в организованной преступной деятельности [4]. Преступное сообщество (организация) относится как раз к субъектам организованной преступной деятельности.

Следует привести два довода в пользу проведения демаркационной линии между преступным сообществом (организацией) и формами соучастия в конкретном преступлении. Первый аргумент, который можно назвать юридическим, состоит в простой констатации того факта, что преступное сообщество (организация) не включена, в отличие от иных форм соучастия (группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы), ни в один квалифицированный состав преступления, кроме собственно ст. 210 УК РФ. Второй аргумент основывается на том, что в судебной практике трудно найти примеры, когда *все* участники преступного сообщества соучаствовали в совершении *конкретного* преступления: убийства, вымогательства, организации занятия проституцией и проч. Для преступных сообществ характерно выделение структурных подразделений, специализирующихся на совершении преступлений определенного рода, при этом конкретные преступления совершаются в составе организованной группы.

Смешение форм соучастия с видами организованных преступных формирований обусловлено тем фактом, что законодатель при решении разных задач, стоящих перед уголовным законом, пользуется похожими юридико-техническими приёмами. Первая задача, стоящая в данном контексте перед уголовным правом – установить основания и пределы ответственности лиц, совместно совершивших преступление (соучастие в преступлении); юридическим средством отражения в законе подобного соучастия лиц выступают собственно формы соучастия. Вторая задача: установить основания и пределы ответственности для лиц, занимающихся систематической преступной деятельностью; юридическим средством отражения в законе систематического занятия преступной деятельностью выступают отдельные составы преступлений.

В обоих случаях речь идет о некотором количестве людей, объединившихся для совершения преступлений. Сам же законодатель допускает некоторое смешение данных задач, регламентируя преступное сообщество (организацию) одновременно ч. 4 ст. 35 УК РФ, посвященной формам соучастия в преступлении и ст. 210 УК РФ, устанавливающей ответственность, собственно, за организацию и участие в деятельности преступного сообщества (организации). Думается, для устранения подобного дублирования ч. 4 ст. 35 УК РФ подлежит исключению из уголовного закона.

Теснота взаимосвязи института соучастия в преступлении и института ответственности за организованные формы преступной деятельности состоит также в том, что законодатель использует категорию «устойчивости», характеризующую по общему правилу, в соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ, такую форму соучастия, как организованную группу, в ка-

честве основного признака для целого ряда организованных преступных формирований: ст.ст. 209, 205.4, 281.3 и 282.1 УК РФ. Данные организованных преступных формирований являются частными случаями организованной группы, различающимися между собой преступлениями, для совершения которых они создаются. Для банды характерно наличие цели совершения общеуголовных насильственных преступлений, совершаемых с использованием оружия; для террористического, экстремистского и диверсионного сообществ характерно наличие целей совершения террористических, экстремистских и диверсионных преступлений соответственно.

Заслуживает интереса высказываемое в литературе мнение, согласно которому уголовное законодательство должно содержать общую норму, устанавливающую ответственность за создание и участие в деятельности организованной группы как таковой [5].

Другие формы организованной преступной деятельности закрепляются в ст.ст. 205.5, 208, 210 и 282.2 УК РФ. Практически каждое из данных организованных формирований обладает своеобразным набором признаков (кроме близких по своим юридическим конструкциям террористической и экстремистской организации). Незаконное вооруженное формирование представляет из себя любое вооруженное военизированное объединение людей; преступное сообщество выступает в качестве особого вида организованной группы, вышедшей на качественно более высокий уровень организационной *структуры*; экстремистская же и террористическая организация есть частные случаи юридических лиц, созданных для занятия экстремистской и террористической деятельностью соответственно.

Соответственно, все виды организованных преступных формирований, известных российскому уголовному праву, можно подразделить на особые виды организованных групп (ст.ст. 209, 205.4, 281.3 и 282.1 УК РФ) и на не являющиеся таковыми (ст. ст. 205.5, 208, 210 и 282.2 УК РФ).

Значимым нарушением юридической техники уголовного закона выступает тот факт, что законодатель не выдерживает единообразную терминологию применительно к составам преступлений данной категории.

Преступная организация и преступное сообщество выступают в качестве синонимичных категорий применительно к ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» в силу прямого указания закона и руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ: «закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями ‟преступное сообщество” и ‟преступная организация”» [6]. Следует отметить, что некоторые криминологи не согласны с таким отождествлением. Так, А.И. Долгова понимает под преступным сообществом некую совокупность преступных организаций, взаимно координирующих свою деятельность [7, с. 509].

Отождествляя преступное сообщество и организацию, законодатель разделяет террористическое сообщество и террористическая организацию (экстремистское сообщество и организацию соответственно), которые наделены различным набором признаков, при этом категории «сообщество» и «организация» применительно к ст.ст. 205.4 и 205.5 (ст. ст. 282.1 и 282.2 УК РФ) законодатель использует в смысле, отличном от ст. 210 УК РФ и ч. 4 ст. 35 УК РФ. Таким образом, сложилась ситуация, при которой применительно к ст. 210 УК РФ категории «сообщество» и «организация» синонимичны и обозначают либо структурированную организованную группу, либо объединение организованных групп под единым руководством; применительно к ст.ст. 205.4 и 282.1 УК РФ термин «сообщество» обозначает устойчивую группу лиц, то есть *организованную группу*; а применительно к ст.ст. 205.5 и 282.2 УК РФ термин «организация» означает общественное или религиозное объединение, иную организацию, то есть юридическое лицо, признанное террористическим или экстремистским по решению суда.

Думается, данное терминологическое разногласие подлежит приведению к единообразию. Мы предлагаем исключить из ч. 4 ст. 35 УК РФ и ст. 210 УК РФ термин «организация», сократив наименования структурированной организованной группы до «преступного сообщества». Преступное объединение, ответственность за создание и участие в котором предусмотрено ст.ст. 205.4, 281.3 и 282.1 УК РФ, обозначить в качестве «организованной группы» террористической, диверсионной или экстремистской направленности соответственно. Под «преступной организацией» же следует понимать признанные судом террористическими и экстремистскими религиозные и иные организации в смысле ст.ст. 205.5 и 282.2 УК РФ.

Активная нормотворческая деятельность законодателя, направленная на борьбу с новыми проявлениями организованной преступной деятельности, привела к расширению перечня норм, устанавливающих ответственность за создание и участие в организованных преступных формированиях, закономерно приводит к возникновению коллизий между новеллами уголовного закона и уже существующими нормами. Более того, содержание некоторых норм противоречиво даже внутренне, не говоря уже об их соотношении со смежными составами.

Так, ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем» устанавливает ответственность за создание устойчивой группы лиц в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения

одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 настоящего Кодекса, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Законодатель не включил в перечень преступлений, для совершения которых создается террористическое сообщество, наиболее опасное преступление террористической направленности – ст. 205 УК РФ, с другой стороны, напрямую указанная законодателем цель осуществления террористической деятельности, в соответствии с пп. «а» п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», включает в себя организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта [8].

Таким образом, из содержания уголовного закона невозможно сделать вывод относительно того, может ли террористическая организация создаваться для совершения террористического акта. При утвердительном ответе на данный вопрос возникает проблема разграничения ст.ст. 205.4 и 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. В разъяснениях Пленума ВС РФ отмечается, что целью создания незаконного вооруженного формирования может выступать совершение террористических актов [9].

В литературе неоднократно отмечалось, что подобные противоречия, порождаемые активной нормотворческой деятельностью, влекут формирование противоречивой судебной практики [10]. Для разрешения указанных просторечий высказывались достаточно радикальные предложения вовсе исключить из Уголовного кодекса РФ целый ряд норм, устанавливающих ответственность за занятие организованной преступной деятельностью [11, с. 89].

Думается, по ст. 205.4 УК РФ надлежит квалифицировать создание террористического сообщества с целью совершения преступлений, не связанных непосредственно с совершением террористического акта, по ст. 208 УК РФ создание незаконного вооруженного формирования надлежит, в соответствии с позицией Пленума ВС РФ, квалифицировать как создание вооруженного объединения людей в целях совершения террористического акта, тем более с учетом того факта, что совершение террористического акта требует использования оружия либо же предметов, используемых в качестве оружия. Указание же на цель осуществления террористической деятельности, по нашему мнению, и вовсе надлежит исключить из диспозиции ст. 205.4 УК РФ.

Дальнейшее совершенствование системы норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений, связанных с занятием организованной преступной деятельностью, выступает необходимым условием обеспечения защищенности общества и государства от угроз со стороны организованной и террористической преступности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // СПС Консультант.
2. Трайнин А.Н. Избранные труды: сборник научных трудов. СПб.: Юридический центр, 2004. 898 с.
3. Палий В.В. Соучастие особого рода (sui generis): понятие, сущность и основные черты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. №10 (98). С. 81–88.
4. Балеев С.А., Фатихов Б.Р. Понятие формы соучастия и их классификация в теории уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 54–57.
5. Балеев С.А., Балафендиев А.М. Организованная группа в российском уголовном законодательстве: форма соучастия в преступлении или преступное объединение? // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 2, № 4(100). С. 61–68.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС Консультант
7. Криминология: учеб. для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. 912 с.
8. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС Гарант.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС Консультант.
10. Сипки М.В. О практике применения статей 205. 4 и 205. 5 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86). С. 120–125.
11. Грачева Ю.В. Незаконное вооруженное формирование: состояние и перспективы уголовно-правового регулирования // Lex Russica. 2018. №7 (140). С. 82–91.

Organized Crime: Problems of Legislative Regulation

Rybushkyn N.N., Dunin O.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

The norms establishing criminal liability for engaging in organized criminal activity serve as the legislative basis for combating the most dangerous types of crime. The system of these norms is developing due to the inclusion of new crimes in the Criminal Code of the Russian Federation, which establish the characteristics of organized criminal groups: Articles 205.4, 205.5, 282.1, 282.2, 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The objective of the study is to identify theoretical and practical problems of legislative regulation of organized criminal activity and formulate proposals for their resolution. The objectives of the study are: to determine the relationship between the institution of complicity and the crimes establishing liability for engaging in organized criminal activity; to classify these crimes. A gang, a criminal community, a terrorist, extremist, sabotage community, a terrorist and extremist organization are not forms of complicity in a crime. All types of organized criminal groups known to Russian criminal law can be divided into special types of organized groups (Articles 209, 205.4, 281.3 and 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and those that are not (Articles 205.5, 208, 210 and 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: organized forms of criminal activity, forms of complicity, organized group, criminal organization, terrorist organization, terrorist community

УДК 343.241
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-192-195

Квалификация незаконного культивирования растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ

Сундурова О.Ф.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Университета управления «ТИСБИ» (Казань),
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

В статье исследуются вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным культивированием растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ. Общественная опасность незаконного культивирования таких растений проявляется в способствовании их незаконному обороту и, как следствие, росту наркомании, представляющей угрозу здоровью населения. Предложено уточнить круг растений и грибов, относящихся к предмету преступления ст. 231 УК РФ; рассматривать посев семян наркосодержащих растений в землю и закладывание их в воду способами незаконного культивирования наркосодержащих растений. Цели и задачи научного исследования заключаются в анализе теоретических положений и судебной практики для выявления спорных положений, влияющих на квалификацию незаконного культивирования наркосодержащих растений. Положения и выводы имеют существенное значение для законотворческой практики.

Ключевые слова: *квалификация, незаконное культивирование, наркосодержащие растения, грибы с псилоцибином, незаконный оборот, уголовная ответственность*

Для цитирования: *Сундурова О.Ф. Квалификация незаконного культивирования растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 192–195. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-192-195.*

Уголовная ответственность за незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, установлена в ст. 231 УК РФ. Понятие «незаконное культивирование» наркосодержащих растений охватывает большое количество альтернативных действий по возделыванию таких растений путем создания специальных условий для их посева и выращивания, а также совершенствование технологии произрастания наркосодержащих растений, выведение новых сортов, повышение их урожайности, развитие устойчивости к неблагоприятным погодным условиям, уход за дикорастущими растениями (например, рыхление почвы, полив).

Ответственность за незаконное культивирование растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ установлена законодательствами многих государств. Так, ст. 270 УК Республики Узбекистан называется «Культивирование запрещенных к возделыванию культур» [1]; ст. 300 УК Республики Казахстан – «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества» [2]; ст. 288 УК Кыргызской Республики – «Посев и выращивание растений, содержащих наркотические вещества» [3]; ст. 330 УК Туркменистана – «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества» [4].

Уголовная ответственность по ст. 231 УК РФ за незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, наступает в случае, если они совершены в крупном или особо крупном размере. На это обращается внимание в «Обзоре судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов» от 26 июня 2024 г., в котором указано, что значительный, крупный и особо крупный размеры растений (их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества, определяются для целей ст.ст. 228, 228[1], 229 и 229[1] УК РФ в соответствии с Постановлением Правительства от 1 октября 2012 г. № 1002, а не из массы наркотического средства или психотропного вещества, содержащегося в них [5]. Вывод суда об определении размера частей растений вида конопли как особо крупного на основании списка I по размерам, установленным для содержащегося в их составе наркотического средства тетрагидроканнабинола, является ошибочным. *Так, М. признан виновным в незаконном приобретении и хранении без цели сбыта наркотического средства каннабис массой 221,69 г., а также растений, их частей, содержащих тетрагидроканнабинол массой 613 г. Суд квалифицирует его действия по ч. 3 ст. 228 УК РФ как совершенные в особо крупном размере. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала его действия. Согласно Постановлению Правительства от 1 октября 2012 г. № 1002, конопля массой от 100 г. до 100000 г. образует крупный размер. Приговор изменен и действия М. переквалифицированы с ч. 3 ст. 228 УК РФ на ч. 2 этой статьи* [6].

Известно, что конопля, произрастающая в северных районах России, может содержать лишь следы тетрагидроканнабинолов. И в связи с тем, что массовые данные химических анализов географических образцов конопли отсутствуют, обозначить четкую грань между наркотическими и ненаркотическими формами конопли не представляется возможным [7]. Предметом незаконного оборота (но не культивирования) может быть наркосодержащее растение либо части таких растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ. В случаях, когда умысел лица направлен на совершение незаконных действий и совершается ошибка в оценке предмета преступления, содеянное следует квалифицировать только как покушение на совершение преступления.

Под растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, надлежит понимать включенные в соответствующий Перечень растения в любой фазе их развития, если на определенной стадии созревания из них могут быть получены наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры, в том числе и семена таких растений.

К предмету незаконного культивирования относятся грибы с содержанием псилоцибина и псилоцина. В ст. 231 УК РФ законодатель наряду с растениями не выделяет наркосодержащие грибы. Однако они входят в «Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации». Ст. 260[1] УК РФ наряду с растениями выделяет грибы. Тем самым законодатель не признает грибы растениями. Грибы с содержанием наркотического вещества включены в Перечень растений, утверждаемый Правительством РФ, хотя растениями они не являются. Все незаконные действия, связанные с посадкой спор грибов и их выращиванием, законодатель относит к совершению преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ. Суды указывают в приговоре предметом преступления грибы, а в некоторых местах называют его растениями. Так, Судебной коллегией по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции *рассмотрено дело по кассационной жалобе Уткина. Он осужден по п. «в» ч. 2 ст. 231 УК РФ к 2 годам лишения свободы; ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228[1] УК РФ к 10 годам лишения свободы. В жалобе указано, что суд необоснованно отклонил показания Уткина, что грибы он вырастил для личного употребления, а также объем обвинения в отношении Уткина в связи с включением 213 наркосодержащих растений плодовых тел грибов в квалификацию по обоим преступлениям является завышенным. Просит переквалифицировать действия Уткина на п. «в» ч. 2 ст. 231 и ч. 2 ст. 228 УК РФ.*

Судебная коллегия пришла к выводу, что выводы суда полностью согласуются с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в Постановлении от 15 июня 2006г. № 14. Приговор оставлен без изменения, кассационная жалоба – без удовлетворения [8].

Очевидно, что возможно осуществить незаконное культивирование наркосодержащих грибов, поэтому в приговоре следует указывать именно предмет преступления грибы, а не растения. Тем более что с научной точки зрения грибы к растениям не относятся. Поэтому следовало бы изменить наименование ст. 231 УК РФ на «Незаконное культивирование растений и/или грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры». Дополнить редакцию ч. 1 ст. 231 УК РФ после слов «Незаконное культивирование в крупном размере растений» словами и/или «грибов…» (далее по тексту).

Понятие «каннабис» употребляется как для определения растения конопли, так и наркотического средства – «каннабис (марихуана)».

Растение каннабис в «Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»

не включено, поэтому на практике часто возникает проблема квалификации действий, совершаемых не с каннабисом (марихуаной), а с растением каннабис. В заключениях экспертов указывается, что объектом исследования является растение каннабис, а не наркотическое средство – каннабис (марихуана). При таком заключении привлечение к уголовной ответственности исключается, поскольку растение каннабис предметом наркопреступлений не является.

В теории обсуждается проблема установления состава преступления при выращивании наркосодержащих растений, но без осуществления их посева. Т.М. Клименко и В.Б. Малинин считают, что не является выращиванием уход за растениями, выросшими без посева, «так как состав преступления, связанный с выращиванием наркосодержащих растений, включает в себя действия по уходу за внесенными в почву семенами» [9; 10]. В таком случае следовало бы признать отсутствие состава преступления, если применяется гидропонный способ выращивания растений, либо при выращивании грибов с содержанием псилоцибина у которых вообще нет семян. И.Е. Пожидаев, напротив, считает, что применение гидропонного способа повышает общественную опасность рассматриваемого преступления. Повышенная общественная опасность, по его мнению, заключается в возможности серийного получения урожая растений и качества получаемой продукции [11]. Мы исходим из того, что посев в землю и закладывание семян в воду являются лишь разными способами незаконного культивирования и нацелены на получение одного результата, а именно выращивания и получения урожая желаемых культур. Применение гидропонного способа также требует ухода за растениями, например, следует контролировать количество воды, следить за созреванием растений и др.

Растения проходят несколько фаз развития, поэтому их выращивание может иметь место на любой стадии. Выращивание наркосодержащих растений представляет собой самостоятельную разновидность культивирования, поэтому совершение преступления возможно как при выращивании специально посаженных растений, так и при уходе за дикорастущими наркосодержащими растениями [12, с. 228; 13; 14].

Сбор урожая выращенных наркосодержащих растений выходит за рамки понятия «культивирование», данным составом преступления не охватывается и требуется дополнительная квалификация. А.В. Литвинов исходит из того, что сбор растений с содержанием наркотических веществ для дальнейшего использования этих растений не является изготовлением наркотических средств [14, с. 10], поэтому может быть отнесен к культивированию. В.Н. Курченко сбор урожая рассматривает как приготовление к изготовлению наркотических средств [15, с. 291]. Очевидно, что, осуществляя посев и другие действия, связанные с выращиванием, лицо, их осуществляющее, направляет свою волю на выращивание. С одной стороны, сбором урожая завершается процесс любого культивирования, а с другой стороны, сам сбор урожая в силу своей высокой общественной опасности, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14, относится к незаконному приобретению растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества [16]. Сбор таких растений с чужого участка Пленумом Верховного Суда РФ признается хищением [16]. Поэтому следует сделать вывод, что сбор наркосодержащих растений не входит в объективную сторону незаконного культивирования наркосодержащих растений. Оконченным незаконное культивирование является с момента посева или при осуществлении всех альтернативных действий в отношении наркосодержащих растений и до момента их созревания.

На квалификацию действий по ст. 231 УК РФ не влияют место посадки и размер площади участка – это может быть собственный приусадебный участок, пустующие земли или потайные делянки в лесу, клумба цветов перед домом или даже балкон жилого дома. Если будет установлено, что на приусадебном участке произрастают наркосодержащие растения, но они являются дикорастущими и никаких действий по их культивированию пользователем участка не осуществляется, то в его действиях не содержится состав преступления, предусмотренный ст. 231 УК РФ. В этом случае собственник подлежит административной ответственности (ст. 10.5 КоАП РФ) за непринятие мер по уничтожению дикорастущих наркосодержащих растений после получения официального предписания уполномоченного органа.

В научной литературе обсуждается вопрос о том, является ли незаконное культивирование разновидностью (или этапом) изготовления наркотических средств [17]. А.Ю. Мартынович признает незаконное культивирование одним из способов их приобретения [18, с. 11]. Разделяем это мнение, поскольку в результате незаконного культивирования у лица, которое его осуществляет, через определенное время появляется наркосодержащее растение.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&sub_id=2700000&pos=3462;-54#pos=3462;-54 (дата обращения: 30.05.2024).
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 30.05.2024).

3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22 (дата обращения: 30.05.2024).
4. Уголовный кодекс Туркменистана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=380;-59#pos=380;-59 (дата обращения: 30.05.2024).
5. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов от 26 июня 2024. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33761/ (дата обращения: 11.08.2024).
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 71-УД22-6-К3. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33761/ (дата обращения: 11.08.2024).
7. Выявление и пресечение незаконного оборота наркотиков: справочник сотрудника наркоконтроля / С.Д. Демчук, И.С. Поликарпов, С.Г. Терещенко, В.А. Фадеев; под общ. Ред. С.Г. Терещенко. СПб.: Специальная литература, 2006. 432 с.
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 февраля 2024 г. по делу № 77-355/2024 // Судакт.
9. Клименко Т.М., Малинин В.Б. Преступления в сфере обращения наркотических, психотропных, ядовитых и иных сильнодействующих средств. СПб.: Юрид. центр, 2018. 299 с.
10. Клименко Т.М., Малинин В.Б. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических, психотропных, ядовитых и иных сильнодействующих средств. СПб.: МИЭП при МПА ЕВрАзЭС, 2014. 264с.
11. Пожидаев И.Е. Проблемы уголовно-правового противодействия незаконному культивированию растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2015. 117 с.
12. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 284 с.
13. Федоров А.В. Наркосодержащие растения как предмет преступлений и ответственность за незаконное культивирование наркосодержащих растений // Наркоконтроль. 2011. № 1. С. 14–27.
14. Литвинов А.В. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
15. Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. СПб.: Юридический центр, 2003. 425 с.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ред. от 16.05.2017) // СПС Гарант.
17. Кругликов Л.Л. О регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков // Следователь. 2004. № 12. С. 4–7.
18. Мартынович А.Ю. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: квалификация, освобождение от уголовной ответственности, назначение наказания: автореф. дисс. …канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 21 с.

Qualification of Illegal Cultivation of Plants Containing Narcotic Drugs or Psychotropic Substances

Sundurova O.F.
University of Management «TISBI» (Kazan),
Kazan Branch Russian State University of Justice

The article examines the issues of qualification of crimes related to the illegal cultivation of plants containing narcotic drugs or psychotropic substances. The public danger of the illegal cultivation of such plants is manifested in the promotion of their illegal trafficking, and as a result, the growth of drug addiction, which poses a threat to public health. The article proposes to clarify the range of plants and mushrooms related to the subject of the crime of Article 231 of the Criminal Code of the Russian Federation; consider sowing seeds of narcotic plants in the ground and placing them in water as methods of illegally cultivating narcotic plants. The goals and objectives of the scientific research are to analyze theoretical provisions and judicial practice to identify controversial provisions that affect the qualification of the illegal cultivation of narcotic plants.

Keywords: qualifications, illegal cultivation, drug-containing plants, mushrooms with psilocybin, illegal trafficking, criminal liability

УДК 343.241
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-196-199

Совокупность преступлений при совершении незаконного культивирования растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ

Сундурова О.Ф.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Университета управления «ТИСБИ» (Казань),
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

В статье указывается, что незаконное культивирование наркосодержащих растений обладает повышенной степенью общественной опасности, поскольку ставит под угрозу здоровье населения, особенно при сбыте сырья в виде наркосодержащих растений и их частей, из которых в дальнейшем изготавливают наркотические средства. Поэтому важным является установление всех преступлений, совершаемых лицами, занимающихся незаконным культивированием наркосодержащих растений, а также умысла на совершение иных действий, которые не охватываются объективной стороной ст. 231 УК РФ. В работе сделаны выводы о необходимости внимательного изучения: признаков объективной стороны незаконного культивирования наркосодержащих растений; фактов их незаконного культивирования и дальнейшего распоряжения выращенными наркосодержащими растениями; совершения незаконного культивирования наркосодержащих растений в разное время, но при последующем их хранении в одном месте; срока давности совершенного преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ. Положения и выводы имеют существенное значение для законотворческой практики.

Ключевые слова: *незаконное культивирование, наркосодержащие растения, наркотические средства, уголовная ответственность, совокупность преступлений*

Для цитирования: *Сундурова О.Ф. Совокупность преступлений при совершении незаконного культивирования растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 196–199. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-196-199.*

Незаконное культивирование наркосодержащих растений обладает повышенной степенью общественной опасности, поскольку ставит под угрозу здоровье населения, особенно она повышается, когда осуществляется сбыт выращенного сырья в виде наркосодержащих растений или их частей, из которых в дальнейшем изготавливают наркотические средства. Поэтому, следует внимательно изучать все обстоятельства, при которых осуществляются действия, относящиеся к незаконному культивированию наркосодержащих растений, и происходит формирование умысла на дальнейшее совершение иных преступлений, относящихся к незаконному обороту наркотических средств или психотропных веществ. При формировании нового умысла на совершение иных преступлений образуется совокупность преступлений, что влечет назначение наказания по правилам, предусмотренным ст. 69 УК РФ.

Совокупность преступлений одна из самых распространенных разновидностей множественности преступлений [1, с. 110]. В ст. 17 УК РФ закреплено законодательное понятие совокупности преступлений, в котором указаны ее признаки и два вида (реальная и идеальная). Незаконное культивирова-

ние растений с содержанием наркотических средств или психотропных веществ может быть совершено при реальной совокупности, например, при производстве, хранении и сбыте наркотических средств или психотропных веществ, их контрабанде и др. Трудности в судебной практике возникают при разрешении вопроса об установлении идеальной совокупности применительно к незаконному культивированию запрещенных к возделыванию растений. Идеальная совокупность возможна при нарушении правил культивирования наркосодержащих растений (ст. 228^2 УК РФ). К примеру, когда лицо на одном и том же земельном участке или на смежных земельных участках культивирует часть наркосодержащих растений в нарушение требований лицензии, а на другом – при отсутствии лицензии или с превышением разрешенного объема.

Преступление, предусмотренное ст. 231 УК РФ, является единичным сложным преступлением. Его объективная сторона содержит альтернативные действия, каждое из которых является оконченным преступлением, независимо от того, были совершены какие-либо иные действия или нет. При незаконном культивировании наркосодержащих растений лицо совершает альтернативные последовательные действия, содержание которых разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 [2]. Как было сказано выше, для признания незаконного культивирования наркосодержащих растений оконченным преступлением и квалификации его по ст. 231 УК РФ достаточно выполнения одного из действий. При последовательном совершении нескольких действий, первоначально охватываемых единым умыслом и совершаемых в отношении одного и того же предмета преступления, объективную сторону одного преступления образует совокупность совершенных деяний (сложное единичное преступление). Например, при посеве, а затем выращивании наркосодержащих растений совокупность преступлений отсутствует. Создание специальных условий для посева и выращивания наркосодержащих растений, их последующие посев и выращивание квалифицируются как единичное преступление. Высев семян или рассады наркосодержащих растений с последующим выращиванием этих растений и получением урожая являются стадиями одного процесса – культивирования. Как отмечает М.Л. Прохорова, в данном случае каждый из этих процессов образует в конечном счете единое преступное деяние, направленное к достижению единой преступной цели и охваченное единым умыслом виновного [3, с. 228].

Внимательного рассмотрения требует вопрос о соотношении незаконного культивирования наркосодержащих растений и иных наркопреступлений. Если между осуществлением предыдущих альтернативных действий и настоящих существует промежуток во времени и гораздо позднее возникает новый умысел, например, на сбыт запрещенных растений, к совершению которого привлекается новое лицо, то такие действия представляют собой совокупность преступлений. При формировании у лица нового умысла на незаконное культивирование наркосодержащих растений и в дальнейшем на незаконное хранение, совершенные деяния образуют совокупность преступлений. М.А. Любавина указывает, что совершение незаконных действий в отношении разных предметов преступления и в каждом случае по вновь возникшему умыслу свидетельствует о наличии совокупности преступлений [4, с. 26].

Мы исходим из того, что при осуществлении незаконного культивирования наркосодержащих растений в разное время и их последующем хранении в одном месте образуется совокупность преступлений (ст. 231 и ст. 228 УК РФ). Однако, если по ст. 231 УК РФ уголовная ответственность наступает при незаконном культивировании наркосодержащих растений в крупном размере или особо крупном размере, то по ст. 228 УК РФ за хранение наркосодержащих растений, если оно совершено в значительном, крупном или особо крупном размере. Таким образом, при осуществлении незаконного культивирования наркосодержащих растений в значительном размере и при последующем их хранении совокупность преступлений не образуется.

Суды допускают ошибки при исчислении сроков давности совершенных преступлений. Так, *Судебная коллегия по уголовным делам Кемеровского областного суда рассмотрела апелляционные жалобы ФИО3, действия которого квалифицированы по ч. 2 ст. 228 УК РФ и по ч. 1 ст. 231 УК РФ. ФИО3 умышленно незаконно хранил в принадлежавшей ему бане наркосодержащее средство, включенное в Список I раздела «Наркотические средства» Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в России, общим весом 1716,4 гр., в крупном размере. Наркосодержащие растения были обнаружены и в огороде на приусадебном участке, которые ФИО3 сам высаживал намеренно на протяжении семи-восьми лет.*

Судебная коллегия пришла к выводу о прекращении уголовного дела в отношении ФИО3 в связи с истечением срока давности уголовного преследования за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 231 УК РФ. Судебная коллегия постановила: приговор в отношении ФИО3 отменить и постановить новый обвинительный приговор. На основании п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратить уголовное дело в отношении ФИО3 в связи с истечением срока давности уголовного преследования за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 231 УК РФ [5].

Чаще всего целью незаконного культивирования наркосодержащих растений является совершение

в дальнейшем действий, связанных с незаконным оборотом самих растений, их частей либо извлеченных из них наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, что требует самостоятельной юридической оценки. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. №14 обращается внимание на установление совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228[1] и 231 УК РФ [2]. В нем указывается, что незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и незаконное изготовление (извлечение) из них наркотических средств, их последующие хранение, перевозка в крупных (особо крупных) размерах без цели сбыта, а также независимо от размера пересылка, незаконное производство либо сбыт надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 231 УК РФ и, соответственно, ст.ст. 228 или 228[1] УК РФ.

Осуществление незаконного культивирования наркосодержащих растений и в дальнейшем сбор их урожая представляет совокупность преступлений. Так, *Пушкинский районный суд Санкт-Петербурга рассмотрел уголовное дело по обвинению ФИО2 в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 231, ч. 2 ст. 228 УК РФ. ФИО2 совершил незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства. Он, находясь в помещении ангара, расположенного в 120 метрах от поселка, в котором проживал, действуя умышленно, не имея специального разрешения, осуществил незаконный посев в подготовленные для этой цели емкости с грунтом семян растения конопля. ФИО2 имел цель их последующего незаконного хранения, без цели сбыта. Когда семена конопли проросли, ФИО2 незаконно культивировал наркосодержащие растения конопля в количестве 43 кустов, а именно: постоянно ухаживал за культивируемыми им растениями, поливал землю в емкостях, совершал иные действия, которые способствовали их росту, с целью доведения их до стадии созревания. В помещении ангара было обнаружено и изъято 43 куста с корневой системой, которые, по заключению экспертизы, являются наркосодержащими растениями конопля (растения рода (Cannabis). Он же совершил незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере, а именно: умышленно незаконно хранил без цели сбыта растительное вещество, которое является частью наркосодержащих растений конопля массой 140 г, включенной в Список I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в России.*

Суд квалифицировал действия ФИО2 по ч. 1 ст. 231 УК РФ как незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства, а также по ч. 2 ст. 228 УК РФ как незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере, поскольку ФИО2 незаконно хранил наркотическое средство каннабис (марихуана) общей массой 140 г, то есть в крупном размере [6]. Таким образом, совершение рассмотренных деяний образует совокупность преступлений.

На практике возникают случаи, когда лицо систематически занимается незаконным культивированием наркосодержащих растений, хранит их, сбывает за денежные средства и др. При описании объективной стороны преступления следует указывать конкретно, в чем именно заключалось незаконное культивирование наркосодержащих растений, какие преступные действия совершены лицом и обязательно устанавливать временной промежуток, в течение которого осуществлялось незаконное культивирование наркосодержащих растений.

Проведенный нами анализ установления совокупности преступлений при совершении незаконного культивирования наркосодержащих растений позволяет сделать вывод о том, что разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14, недостаточно, поскольку они не охватывают весь круг проблем, возникающих при квалификации содеянного, например, факты многократного осуществления незаконного культивирования наркосодержащих растений в течение продолжительного времени. По нашему мнению, если процесс культивирования завершен, произведен сбор урожая и через определенное время у лица формируется новый умысел на осуществление следующего цикла культивирования, то такого рода действия следует признавать новым преступлением при установлении его совершения в крупном или особо крупном размере. Такие случаи следует признавать совокупностью преступлений.

Литература:

1. Сундурова О.Ф. Усиление уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации: монография. Тольятти: ВУиТ, 2006. 160 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС КнсультантПлюс.

3. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 284 с.
4. Любавина М.А. Уголовно-правовое противодействие наркотизму: закон, теория, практика. М.: Изд-во: «Юрлитинформ», 2021. 752 с.
5. Приговор Междуреченского городского суда Кемеровской области от 19 декабря 2023 г. № 22-5528/2023//Судакт.
6. Приговор Пушкинского Районного суда г. Санкт-Петербурга № 1-518/2023 от 13 декабря 2023 г. по делу № 1-518/2023 // Судакт.

The Set of Crimes When Committing Illegal Cultivation of Plants Containing Narcotic Drugs or Psychotropic Substances

Sundurova O.F.
University of Management «TISBI» (Kazan),
Kazan Branch Russian State University of Justice

The article indicates that the illegal cultivation of narcotic plants has an increased degree of public danger, since it threatens the health of the population, especially when selling raw materials in the form of narcotic plants and their parts, from which narcotic drugs are subsequently produced. Therefore, it is important to establish all crimes committed by persons involved in the illegal cultivation of narcotic plants, as well as the intent to commit other actions that are not covered by the objective side of Art. 231 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper draws conclusions about the need to carefully study: signs of the objective side of the illegal cultivation of narcotic plants; facts of their illegal cultivation and further disposal of grown drug-containing plants; committing illegal cultivation of narcotic plants at different times, but with their subsequent storage in one place; statute of limitations for the crime committed under Art. 231 of the Criminal Code of the Russian Federation. The provisions and conclusions are essential for legislative practice.

Keywords: illegal cultivation, narcotic plants, narcotic drugs, criminal liability, set of crimes

УДК 343.2.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-200-205

Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: исторические аспекты и современные проблемы уголовно-правового регулирования

Тарасова О.Е.
Кандидат философских наук, доцент
кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

Закирова Э.Ф.
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Латыпова Э.Ю.
Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Гильманов Э.М.
Старший преподаватель,
соискатель кафедры уголовного права и процесса
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Актуальность обсуждаемых в статье вопросов связана с тем, что несанкционированные раскопки уничтожают источники, которые могли бы стать объектом изучения и воссоздания прошлого, соответственно, они лишают общество истории, что губительно для духовного развития личности, социума и государства. Уничтожение объектов археологического наследия может привести к фальсификации истории, что, в свою очередь, отрицательно влияет на геополитические, военно-стратегические и социально-экономические изменения в мире. Целью и задачами данного исследования является разработка и обоснование предложений, направленных на оптимизацию уголовно-правовой охраны предметов археологического наследия с учетом сложившегося исторического опыта в данной сфере. Изученный отечественный опыт уголовно-

правовой охраны археологических предметов позволил авторам обосновать необходимость внесения дополнения в УК РФ. В качестве основных результатов авторы предлагают собственную редакцию ч. 2 ст. 243.2 УК РФ.

Ключевые слова: *археологическое наследие, объекты культурного наследия, объекты археологического наследия, защитные зоны, историко-культурное наследие, «черная археология»*

Для цитирования: *Тарасова О.Е., Закирова Э.Ф., Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М. Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: исторические аспекты и современные проблемы уголовно-правового регулирования // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 200–205. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-200-205*

Вопросам охраны культурного наследия, в том числе и археологического, уделяется должное внимание всеми цивилизованными современными государствами, при этом следует отметить, что довольно длительное время объекты археологического наследия не имели самостоятельной уголовно-правовой охраны и не обособлялись из криминализации посягательств на культурные ценности.

Зарождение уголовно-правовых норм охраны культурного наследия связано с преобразованиями Петра I. Российский император Указом от 13 февраля 1718 г. вводит в правовой оборот термин «старые вещи», под которым понимались вещи особой культурной ценности. Во исполнение данного Указа в том же 1718 г. издается особое Распоряжение «О вознаграждении за археологические находки», где памятники прошлого и археологические находки признаются государственной культурной ценностью, подлежащей сохранению в музее. Соответственно, на законодательном уровне впервые предметы археологических находок признавались памятниками старины и подлежали охране, как и другие предметы культурной ценности. И.А. Халиков в своей монографии отмечает, что благодаря деятельности Петра I была налажена «работа по сбору, учету и сохранению предметов, представляющих научную, культурную и историческую ценность. Так в России зародился институт правовой охраны объектов культурного наследия» [1, с. 37].

Приведенное мнение подтверждается тем, что к моменту издания петровских нормативных актов по охране культурных ценностей в России возникла необходимость регламентировать данные вопросы на государственном уровне путем не только сохранения предметов в музее, но и установления ответственности за хищение исторических археологических ценностей. Петр I, полагая необходимым прекратить «грабеж и хищение предметов археологических находок сибирских курганов», повелел «гробокопателей, что сыскивают золотые стремена и чашки, смертью казнить, ежели пойманы будут». Такие меры были вызваны тем, что в еще XVII в. возникла эпидемия кладоискательства. Сыскные дела того времени зачастую содержали сведения о многочисленных грабительских раскопках курганов в поисках золота и других ценностей. Можно сказать, что в этот период зародилась «черная археология», кладоискатели в народе стали называться «бугровщиками», а скупкой археологических ценностей занимались профессиональные торговцы, которые затем продавали их богатейшим людям страны. Разумеется, такие грабительские раскопки приносили ущерб археологическим памятникам как культурным, историческим ценностям российского государства.

Петр I объявил войну «бугровщикам», закрепив в своих указах и распоряжениях требование бережного отношения к археологическим находкам как вещам, составляющим память о прошлом народа и страны. Археологические раскопки становятся делом государственным и неразрывно связываются с научно-исследовательской деятельностью, так как появляются первые инструкции-анкеты служащих, ведавших археологическими работами; можно сказать, что это были первые должностные инструкции археологов.

Дальнейшее развитие законодательства по охране объектов археологического наследия связано с подъемом национального самосознания после Отечественной войны 1812 г. Среди населения, особенно дворянства, резко повысился интерес к истории, и к тому же в начале XIX в. разграбление археологических памятников достигло огромных масштабов. В Москве в 1864 г. было создано Московское археологическое общество, которое разработало Проект по охране археологических памятников, и даже предложило ввести уголовную ответственность за превышение должностных полномочий, которые могли привести к повреждениям или уничтожению археологических объектов. Но, к сожалению, данные положения не были включены в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», но тем не менее в 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, которой принадлежало исключительное право давать разрешение на проведение археологических раскопок [2, с. 89].

Начало Советского государства ознаменовалось новым всплеском повсеместного разграбления культурного наследия. В результате большевики вынуждены были принять меры в целях пресечения вандализма. В 1918 г. были созданы национальные музеи и принят ряд документов Советской власти в отношении сохранности культурного наследия. Например, Декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» [3], Декрет «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [4]. Данные документы были следствием массового несанкционированного вывоза культурных ценностей за границу [5, с. 16]. В соответствии с принятыми декретами, памятники старины подлежали регистрации, а их продажа не допускалась, так как они входили в перечень товаров, признаваемых контрабандой, и подлежали изъятию.

Широко распространено мнение, что советский период развития уголовной ответственности за посягательства на объекты археологического наследия включает три этапа. Первый этап связан с принятием УК РСФСФР 1960 г.; в этот период формируется квалификация уголовной ответственности в зависимости от формы собственности (частная или социалистическая). Второй этап начинается с момента внесения поправок от 1 июля 1994 г., в течение которого конкретизируется уголовная ответственности, исходя из особенностей ценностных характеристик объекта археологической охраны. Текущий, третий, этап начинается с вступлением в действие с 1 января 1997 г. УК РФ, закрепившим в ст. 243 уголовную ответственность за повреждение и уничтожение объектов культурного наследия, и продолжился в 2013 г. внесением ст.ст. 243.1, 243.2 и 243.3, взявших под уголовно-правовую охрану, в числе прочих, объекты археологического наследия.

Вред, наносимый несанкционированными действиями «черных археологов», можно приравнять к откровенному грабежу памятников культурного наследия, который в последнее время приводит к плачевным последствиям применительно к охране памятников археологического наследия. Для снижения уровня криминализации в данной сфере необходимы действия не только сотрудников соответствующих правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, но и работа законодателя по устранению недостатков правовых норм в данной области.

Заметим, что на необходимость повышенной охраны объектов культурного и, в их числе, археологического наследия от нелегальных раскопок, краж, незаконной продажи и прочего указывалось на XX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 1978 г., проходившей в Париже [6, с. 52], что было закреплено в «Рекомендации об охране движимых культурных ценностей» [7].

Несмотря на исторический опыт противодействия несанкционированным действиям «черных археологов», в действующем уголовном законодательстве имеются недоработки. Важной проблемой охраны объектов археологического наследия является, на наш взгляд, отсутствие в законодательстве защитной зоны, как это установлено применительно к объектам культурного наследия. Законодатель в настоящее время считает, что в отношении предметов археологии данные защитные зоны не нужны.

Понятие «защитные зоны объектов культурного наследия» было введено в 2016 г. Федеральным законом от 05.04.2016 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации и статью 15 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости»». Данные зоны понимаются как «территории, которые прилегают к включенным в реестр памятников и ансамблям и в границах которых в целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия и композиционно-видовых связей (панорам) запрещается строительство объектов капитального строительства и их реконструкция, связанная с изменением их параметров (высоты, количества этажей, площади), за исключением строительства и реконструкции линейных объектов» [8]. Защитные зоны вводятся временно для установления зон охраны территорий с объектами культурного наследия для дальнейшего их сохранения. Основная цель – это защита объектов от негативного влияния хозяйственного освоения земельных участков, градостроительной и дорожностроительной деятельности, а также охрана от преступных посягательств.

Считаем, что включение объектов археологического наследия в защитные зоны крайне необходимо, так как это уменьшит риск грабежа или повреждения (утраты) при ведении хозяйственной деятельности. В то же время УК РФ предусматривает уголовную ответственность за деяния, совершенные «в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия» (ст. 243.2 УК РФ). Законодатель связывает зону охраны именно с реестром объектов культурного наследия. Археологические исследования возможны лишь при наличии специального разрешения (Открытого листа), выдаваемого «специализированным государственным органом в области охраны объектов культурного наследия» [9, с. 295].

Вопрос о необходимости зон охраны объектов археологического наследия подымался не только учеными в научных публикациях, но и в письмах к Министерству культуры РФ. Так, в 2014 г. в Мини-

стерство культуры РФ археологами было сделано обращение о необходимости утверждения проекта зон охраны на памятник археологии «Городище "Семикаракорское"», который находится в Ростовской области. Министерство культуры РФ дало разъяснения, что объекты археологического наследия нецелесообразно в принципе включать в территориальную зону охраны: «Установление зон охраны для скрытых в земле объектов археологического наследия не представляется целесообразным». Согласимся с мнением М.П. Берлизова, что «устранять зоны охраны как вид мер по обеспечению сохранности объектов археологического наследия просто не допустимо» [10, с. 522].

В советский период в законодательстве предусматривалось выделение охраны предметов археологии, что закреплялось в «Положении об охране и использовании памятников истории и культуры». Полагаем необходимым учесть опыт советского законодательства, так как это является логичным с точки зрения практики [11]. Отсутствие зон охраны памятников археологии может привести к повреждению объектов в результате строительных или земляных работ.

Специалистам хозяйственной деятельности очень сложно установить риски повреждения предметов археологии от проводимых работ, так как определением границ территории памятника археологии может заниматься только специалист в данной области. Только археологи при установлении границ археологического памятника имеют необходимые знания и навыки по четкой установке его местонахождения. Для этого следует учитывать «насыпи курганов под влиянием времени (выветривание, распашка и т.д.), ровики и канавки, расположенные вокруг насыпи (на различном расстоянии), а также межкурганное пространство (между насыпями в одной курганной группе)» [12, с. 295]. Отметим, что предлагаемые нами изменения в обязательном порядке повлекут и изменение методики проведения археологических работ, так как нужно будет учитывать сведения не только на исследуемом участке, но и на соседних с ним иных участках земли. Соответственно, возникает конфликт интересов – земельные участки обычно исследуются с целью их дальнейшего хозяйственного использования и научное (историческое, археологическое) исследование такого объекта, как правило, является вторичным. Поэтому для преодоления такого рода конфликтов будет необходимо менять и подход к экономической оценке археологической деятельности при оценке ценности объекта археологического исследования. Отметим, что определение субъекта применительно к содержанию состава ст. 243.2 УК РФ также представляет определенные сложности в следственной и судебной практике [13, с. 211], так как субъектом по части второй данной статьи («должностным лицом с использованием служебного положения») может стать только археолог, имеющий Открытый лист на разработку именно конкретной, указанной в данном листе, территории археологического объекта [14, с. 373]. В этой связи возникает вопрос о необходимости введения усиленного наказания для такого рода специального субъекта, а именно внесение в санкцию ч. 2 ст. 243.2 УК РФ указания на возможность применения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что позволит индивидуализировать в данном случае уголовную ответственность.

Также необходимо учитывать тот факт, что «само по себе изъятие археологизированных предметов культурного слоя сразу влечет уничтожение культурного слоя в данном месте», о чем мы указывали в более ранних работах [13, с. 210]. Соответственно, возникает определенное противоречие – без изъятия археологической находки невозможна ее музеефикация, т.е. дальнейшее сохранение, а при изъятии – происходит уничтожение культурного слоя. Соответственно, здесь необходимо сделать выбор: что именно представляет большую ценность – культурный слой или непосредственно объект археологического наследия.

Отсутствие учета границ расположения памятника археологии может привести к фактическому повреждению, а ответственность в таком случае никто не понесет. Если внести объекты археологического наследия в зону охраны, то при составлении проектной документации, подаваемой на согласование, будет правильно учтена территория, на которой располагаются не только наземные объекты культурного наследия, но и памятники археологии, находящиеся в земле. В отношении объектов археологического наследия будет установлен так называемый археологический надзор, проводимый в зоне строительных работ. Опосредованно государство подтверждает необходимость такого контроля. Так, буквально с 1 ноября 2024 г. вступает в силу Приказ Министерства культуры Российской Федерации, утверждающий индикаторы риска нарушения обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора) за состоянием и охраной объектов культурного наследия [15].

Признание необходимости расширения границ территорий охраны объектов археологического наследия может быть основой внесения дополнения в УК РФ, что, в свою очередь, позволит избежать повреждений ряда объектов археологического культурного наследия. На наш взгляд, ч. 2 ст. 243.2 УК РФ может быть изложена в следующей редакции: «Те же деяния, совершенные в границах территории объекта культурного наследия, *а так же в границах зоны охраны объектов культурного и археологического наследия*, включённых в единый государ-

ственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия, – наказываются штрафом в размере до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо лишением свободы на срок до четырех лет, *с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового*».

В заключение отметим, что территория России насыщена разнообразием культур народов, ее населявших, и является огромным полигоном для проведения археологических раскопок в целях научно-исследовательских работ. Но зачастую объекты археологического наследия представляют не только научный интерес, но и коммерческий, у так называемых «черных копателей». Учитывая тот факт, что политика современного государства направлена на укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение объектов археологического наследия является важным стратегическим направлением в рамках национальной безопасности российского государства [16, с. 22], учитывая влияние нравственно-моральных норм на содержание и специфику уголовно-правовых запретов [17, с. 95]. В первую очередь должна быть сформирована правовая система, при которой охрана археологических ценностей будет носить эффективный и комплексный характер, а нормы уголовного законодательства – отвечать интересам современной действительности.

Литература:

1. Халиков И.А. Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. М.: «Юрлитинформ» , 2019. 144 с.
2. Фомичев С.А. Борьба с контрабандой культурных ценностей. Калуга: Политоп, 2005. 212 с.
3. Декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19.09.1918. // Собрание Узаконений. 1918. № 69. Ст. 751. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12501-19-sentyabrya-dekret-o-zapreschenii-vyvoza-i-prodazhi-za-granitsu-predmetov-osobogo-hudozhestvennogo-i-istoricheskogo-znacheniya (дата обращения: 20.10.2024).
4. Декрет «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 05.10.1918. URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17462#BDdMRSUEjh8uRtdt (дата обращения 20.10.2024).
5. Васкэ П.А. Государственно-правовое регулирование охраны православных церковных памятников истории и культуры в Советской России 1917–1941 гг.: автореф. дисс. …канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 29 с.
6. Гильманов Э.М. Некоторые вопросы уголовной ответственности за повреждение или уничтожение объектов культурного наследия // Oeconomia et Jus. 2019. № 1. С. 47–55.
7. Рекомендация об охране движимых культурных ценностей (принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО на XX сессии) (Париж, 28 ноября 1978) // Комитет Всемирного наследия при ЮНЕСКО. URL: wch.unesco.org.
8. Берлизов М.П. К вопросу о зонах объектов археологического наследия народов Российской Федерации // Мудрый юрист. 2023. URL: https://wiselawyer.ru (дата обращения: 20.09.24)
9. Лавров В.В. Некоторые проблемы правовой охраны объектов археологического наследия // Криминалистъ. 2014. № 2. С. 94–99.
10. Берлизов М.П. К вопросу о зонах охраны объектов археологического наследия народов Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 6(102). С. 520–524.
11. Положение об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 16 сент. 1982 г. № 865 // СП СССР. 1982. № 26. Ст. 133.
12. Латыпова Э.Ю., Закирова Э.Ф. Декриминализация и криминализация деяний в сфере незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2017. Т. 13. С. 292–297.
13. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М. Особенности предмета и субъекта незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIV Межд. науч.-практ. конф. В 4-х т. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. С. 208–213.
14. Григорьев Ю.В., Гильманов Э.М. О субъекте состава незаконного поиск и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на совре-

менном этапе политических и экономических санкций. Сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Отв. ред. Н.В. Хураськина. Чебоксары: Изд-во Чувш. гос. ун-та, 2016. С. 372–374.
15. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 1827 «Об утверждении индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)народов Российской Федерации». URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1763509/.
16. Тарасова О.Е. Гражданское общество: теория и практика. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2012. 69 с.
17. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М., Абдуллина А.Е., Гильманов Р.Э. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе России // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 93–99.

Illegal Search and (or) Seizure of Archaeological Objects and Their Sites: Historical Aspect and Modern Problems of Criminal Law Regulation

Tarasova O.E.
Kazan Branch of the Russian State University of Justice
Zakirova E.F.
Kazan Branch of the Russian State University of Justice,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Latypova E.Yu., Gilmanov E.M.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The relevance of the issues discussed in the article is related to the fact that unauthorized excavations destroy sources that could become the object of studying and recreating the past, respectively, they deprive society of history, which is detrimental to the spiritual development of the individual, society and the state. The destruction of archaeological heritage sites can lead to falsification of history, which in turn negatively affects geopolitical, military-strategic and socio-economic changes in the world. The purpose and objectives of this study is to develop proposals aimed at optimizing the criminal law protection of archaeological heritage items, taking into account the existing domestic experience in this field. The studied domestic experience of criminal law protection of archaeological objects allowed the authors to substantiate the need to amend the Criminal Code of the Russian Federation. As the main results, the authors propose their own version of paragraph 2 of Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: archaeological heritage; cultural heritage sites; archeological heritage sites; protective zones; historical and cultural heritage; «black archeology»

УДК 342.553
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-206-209

Сравнительно-правовой анализ правовой охраны уставов муниципальных образований органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации

Хазиев А.Р.
Аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Проводимый в рамках обозначенного исследования сравнительно-правовой анализ правовой охраны уставов муниципальных образований законодательными и исполнительными органами власти на федеральном уровне власти позволяет понять значимость участия данных органов государственной власти на местном уровне власти.

Целями проводимого исследования являются обозначение ключевых проблем и путей их решения, связанных с правовой охраной уставов муниципальных образований. К основным задачам исследования относятся анализ норм российского законодательства об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации и полномочий, осуществляемых органами законодательной и исполнительной ветвей власти в рамках правовой охраны муниципальных образований.

Автор подчеркивает, что полномочия, связанные с правовой охраной уставов муниципальных образований, относятся только к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации.

Основными результатами проводимого исследования являются выявление ряда ключевых проблем, а также внесение предложений по усовершенствованию законодательства Российской Федерации на федеральном уровне власти.

Ключевые слова: *муниципальное образование, Устав, правовая охрана, законодательные и исполнительные органы власти Российской Федерации*

Для цитирования: *Хазиев А.Р. Сравнительно-правовой анализ правовой охраны уставов муниципальных образований органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 206–209. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-206-209.*

На основании внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. поправок органы государственной власти и органы местного самоуправления составляют единую систему публичной власти в Российской Федерации. Вопрос обеспечения соответствия уставов находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1].

Вопрос участия органов публичной власти в субъектах Российской Федерации по решению задач местного самоуправления регулируется конституционными нормами, положениями Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ) [2], Федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ № 414-ФЗ) [3] и иными нормативными правовыми актами.

Исходя из проведенного анализа норм Федерального закона № 414-ФЗ, важно подчеркнуть, что полномочия, связанные с принятием уставов муниципальных образований, внесенными в них дополнениями и изменениями, не относятся к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Правовое регулирование по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления относится к полномочиям федеральных органов государственной власти.

Для более углубленного сравнительно-правового анализа поставленного вопроса в рамках проводимого исследования считаем необходимым изучить позиции, сформулированные в современной юридической науке.

М.В. Демидов отмечает, что органы публичной власти взаимодействуют друг с другом и призваны решать актуальные вопросы жизнеобеспечения муниципальных образований [4, с. 81], в том числе и по вопросам правовой охраны уставов муниципалитетов.

Л.Т. Чихладде подчеркивает, что государственная регистрация уставов муниципальных образований представляет собой контрольную функцию государства по отношению к муниципальным образованиям. В случае противоречия устава нормативным правовым актам федерального и регионального уровня власти он не будет принят. Исходя из этого факта, речь будет идти о правовой охране муниципалитета, при помощи которой обеспечивается режим законности [5, с. 75].

А.Н. Писарев выделяет признаки, при помощи которых возможно объединить органы государственной власти и органы местного самоуправления в единую систему публичной власти, одним из которых является единая система государственного и муниципального контроля за деятельностью органов, входящих в вышеобозначенную систему [6, с. 70].

Исходя из проведенного анализа, можно сформулировать позицию о том, что контрольная функция правовой охраны уставов муниципальных образований возложена на органы государственной власти Российской Федерации, однако данный вопрос в законодательстве нашего государства формально не закреплен.

Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти.

Палаты, входящие в состав парламента Российской Федерации, наделены правом осуществления парламентского контроля, в частности, имеют право на отправку парламентского запроса руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию данных органов и их должностных лиц.

Помимо законодательных органов власти, в вопросах правовой охраны муниципальных органов власти принимают участие органы исполнительной власти Российской Федерации.

Так, в частности, регистрацию уставов муниципальных образований организует уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в сфере регистрации уставов муниципальных образований. Последующее осуществление регистрации уставов муниципалитетов возложено на территориальные органы уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Министерство юстиции России на основании российского законодательства осуществляет полномочия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере регистрации уставов муниципальных образований [7].

Территориальный орган, исходя из возложенных на него основных задач, осуществляет государственную регистрацию уставов муниципальных образований, проводит их антикоррупционную экспертизу и выполняет иные задачи [8].

На основании проведенного сравнительно-правового анализа полномочий органов законодательной и исполнительной ветвей государственной власти считаем необходимым обозначить ряд ключевых проблем, связанных с правовой охраной уставов муниципальных образований.

1. В конституционных нормах по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов нет точного разъяснения, о каких уставах идет речь, что создает правовую неопределенность.

2. В нормах Федеральных законов № 131-ФЗ и № 414-ФЗ формально не определено понятие правовой охраны муниципальных образований, что также создает правовую неопределенность и неурегулированность обозначенного в исследовании вопроса. При этом в науке муниципального права также точно отсутсвует дефиниция правовой охраны уставов муниципальных образований.

3. Дополнительную трудность в теоретическом осмыслении создает процедура регистрации уставов муниципальных образований, их антикоррупционная проверка территориальными органами Министерства юстиции на уровне субъектов Российской Федерации, так как вопросы правовой охраны уставов муниципальных образований изначально на основании законодательства Российской Федерации отнесены к компетенции органов государственной власти России.

4. В нормах Федерального закона № 131-ФЗ не определены полномочия органов законодательной и исполнительной власти по вопросам правовой охраны уставов муниципальных образований.

Исходя из обозначенных в рамках проводимого исследования проблем, предлагаем сфокусировать внимание на некоторых предложениях, на наш взгляд, раскрывающих юридическое содержание правовой охраны уставов муниципальных образований.

Предлагаем внести в п. «а» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации изменение после слов «автономных округов» дополнить словами «муниципальных образований».

В нормы Федерального закона № 131-ФЗ в ст. 2 ввести дефиницию правовой охраны муниципальных образований, под которой необходимо понимать, на наш взгляд, осуществление контрольной функции органов законодательной (представительной) власти Российской Федерации по вопросам проведения парламентских слушаний, связанных с принятием уставов муниципальных образований, а также контроль органов исполнительной власти Российской Федерации по вопросам последующего урегулирования вносимых изменений и дополнений в содержание уставов муниципалитетов на практике.

3. Законодателю необходимо урегулировать вопрос, связанный с «двойной» регистрацией уставов муниципальных образований, так как, согласно конституционным нормам, вопрос обеспечения соответствия уставов находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, а в нормах Федерального закона № 131-ФЗ данный вопрос отнесен только лишь к полномочиям федеральных органов государственной власти России. В связи с этим возникает правовая неопределенность исследуемой проблематики.

4. На наш взгляд, также необходимо ввести в содержание ст. 5 Федерального закона № 131-ФЗ полномочия законодательных и исполнительных органов государственной власти Российской Федерации по вопросам правовой охраны муниципальных образований, связанные с осуществлением контрольных функций относительно порядка принятия уставов муниципальных образований, внесения в них изменений и дополнений, реализуемых в последующем органами местного самоуправления.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что функции, связанные с правовой охраной муниципальных образований, осуществляемые органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, не потеряют своей актуальности и новизны ввиду проводимых реформ в сфере муниципального законодательства и системного обновления законодательства Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята на всенародном референдуме 12.12.1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 23.03.2024) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822
3. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973
4. Демидов М.В. Конституционно-правовые основы организации и функционирования органов публичной власти в Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2(52). С. 81–86.
5. Писарев А.Н. Правовые основы обеспечения единства публичной власти в субъектах Российской Федерации в свете поправок 2020 года к Конституции Российской Федерации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2023. № 4. С. 63–79.
6. Указ Президента РФ от 13.01.2023 г. № 10 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации») (ред. от 09.10.2023) // СЗ РФ. 2023. № 3. Ст. 553
7. Приказ Минюста России от 29.03.2024 г. № 89 «Об утверждении Положения о Главном управлении (Управлении) Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2024 г. № 77748) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

Comparative Legal Analysis of the Legal Protection of the Charter of Municipalities by Legislative and Executive Authorities of the Russian Federation

Khaziev A.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The comparative legal analysis of the legal protection of the charters of municipalities by legislative and executive authorities at the federal level of government, carried out within the framework of this study, allows us to understand the significance of the participation of these public authorities at the local level of government.

The objectives of the research are to identify key problems and ways to solve them related to the legal protection of the charters of municipalities. The main objectives of the study include the analysis of the norms of Russian legislation on the general principles of the organization of public power in the constituent entities of the Russian Federation and the powers exercised by the legislative and executive branches of government within the framework of the legal protection of municipalities.

The author emphasizes that the powers related to the legal protection of the charters of municipalities relate only to the powers of state authorities of the Russian Federation.

The main results of the ongoing research are the identification of a number of key problems, as well as the introduction of proposals for improving the legislation of the Russian Federation at the federal level of government.

Keywords: municipal formation, Charter, legal protection, legislative and executive authorities of the Russian Federation

УДК 346:52
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-210-214

Правовая категория комплаенс в системе права

Чепарина О.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского и энергетического права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Комплаенс в современных реалиях становится повседневной практикой бизнеса, значимой составляющей в системе управления хозяйствующими субъектами различных видов и сфер деятельности. Интерес юристов к данному явлению определяется целью комплаенса, которая состоит в обеспечении соответствия деятельности хозяйствующего субъекта действующему законодательству, требованиям регуляторов, внутренним документам компании, а также лучшим практикам ведения бизнеса. Цель исследования состоит в уяснении содержания и сущности комплаенса как правовой категории, определении ее места в системе права. Задачами исследования являются анализ правовых особенностей различных видов комплаенса, исследование комплаенса как элемента внутреннего контроля экономического субъекта и как составляющей системы корпоративного управления, обоснование необходимости и/или целесообразности внедрения комплаенса в деятельность хозяйствующих субъектов различных видов.

Научная значимость исследования состоит в установлении содержания комплаенса как правовой категории, практическая значимость – в выработке рекомендаций по внедрению комплаенс-функции в систему управления хозяйствующими субъектами. Научная новизна исследования проявляется в выводах, обосновывающих не только целесообразность, но и обязательность комплаенс-функции как составляющей системы внутреннего контроля и элемента внутриорганизационного (корпоративного) управления хозяйствующего субъекта. Результаты исследования могут использоваться при организации правовой и комплаенс-функций, в подготовке внутренних документов компании в сфере комплаенса, в преподавании дисциплин цикла предпринимательского и корпоративного права.

Ключевые слова: *комплаенс, комплаенс-функция, правовая категория, внутренний контроль, корпоративное управление*

Для цитирования: *Чепарина О.А. Правовая категория комплаенс в системе права // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 210–214. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-210-214.*

Актуальность комплаенса объясняется запросами общества на социальную ответственность бизнеса, культуру добросовестности, неприятия коррупции и мошенничества. Комплаенс, как элемент системы внутреннего контроля по выявлению и предотвращению нарушений действующего законодательства, требований регуляторов, внутренних документов организации и лучших практик в сфере бизнеса, становится незаменимым инструментов для обеспечения законности и прозрачности деятельности юридических лиц. Уяснение смысла комплаенса как правовой категории позволит в

дельнейшем сформировать и нормативно закрепить универсальные стандарты комплаенса для юридических лиц различных организационно-правовых форм и сфер деятельности.

Комплаенс обретает все более четкие черты как правовое понятие, что подтверждается рядом научных исследований [1–4]. Появлению комплаенса как функции в российской бизнес-среде способствовали интеграция российского бизнеса в мировое экономическое пространство, установление тесных экономических отношений с западноевропейскими и американскими корпорациями, где комплаенс стал повседневной бизнес-практикой.

Факторами, способствующими распространению комплаенс-функции в российской бизнес-среде, послужили:

– российская антикоррупционная и антимонопольная политики;

– переход государственного (муниципального) контроля (надзора) на риско-ориентированный подход и поощрение легитимного и добросовестного поведения подконтрольных субъектов;

– усиление имущественной ответственности владельцев компании, ее менеджмента и иных контролирующих бизнес лиц, в том числе в процедурах банкротства;

– запрос со стороны регуляторов, инвесторов и потребителей на социальную ответственность бизнеса.

Несмотря на то, что сегодня в обиход прочно вошли такие понятия, как антикоррупционный, антимонопольный, санкционный и даже уголовно-правовой комплаенс, само понятие «комплаенс» в российских нормативных правовых актах нашло свое закрепление только в отношении кредитных организаций. В силу высоких рисков, присущих банковской деятельности, на уровне банковского сектора экономики особое внимание уделяется функции внутреннего контроля, элементом которого и является комплаенс-функция (п.п. 2.2. и 2.2.1.1 Положения Банка России от 16 декабря 2003 г. № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» [5]).

Понимание комплаенс-функции в деятельности кредитных организаций сформировалось под влиянием документов Базельского комитета по банковскому надзору, в частности рекомендаций «Комплаенс и комплаенс-функция в банках» (апрель, 2005 г.) [6]. В Положении Банка России № 242-П [5] содержится понятие комплаенс-риска, под которым понимается риск возникновения у кредитной организации убытков из-за несоблюдения законодательства Российской Федерации, внутренних документов кредитной организации, стандартов саморегулируемых организаций, а также в результате применения санкций и (или) иных мер воздействия со стороны надзорных органов (регуляторный риск) (п. 4.1.1). Указанный нормативный акт относит управление комплаенс-риском к компетенции службы внутреннего контроля (комплаенс-службы) кредитной организации (п. 4.1.1).

Закон выделяет следующие особенности правового режима комплаенс-функции в кредитных организациях:

– является элементом системы внутреннего контроля;

– к ее сфере деятельности относится управление комплаенс-риском – риском возникновения у кредитной организации убытков из-за несоблюдения законодательства, внутренних документов кредитной организации, стандартов саморегулируемых организаций, а также в результате применения санкций и (или) иных мер воздействия со стороны надзорных органов;

– осуществляется специальным подразделением (службой внутреннего контроля (комплаенс-службой)) на постоянной основе;

– находится в подчинении единоличного исполнительного органа, если иное не предусмотрено уставом кредитной организации (возможно непосредственное подчинение совету директоров);

– со стороны регулятора (Банка России) осуществляется контроль за назначением на должность и увольнением руководителя данной функции;

– законодательное закрепление квалификационных требований и требований соответствия деловой репутации к руководителю функции;

– деятельность комплаенс-службы носит независимый характер.

Таким образом, комплаенс в кредитных организациях, будучи тщательно разработанным нормативно оформленным институтом, может служить ориентиром для построения комплаенс-функции в организациях иных сфер и направлений деятельности.

Отличительной особенностью банковского комплаенса является включение в указанное понятие сразу нескольких комплаенс-функций (санкции, корпоративная этика, комплаенс-риски при разработке новых банковских продуктов, ПОД/ФТ и др.), в то время как традиционные виды комплаенса выделяются по конкретным направлениям деятельности организации (антикоррупционный, антимонопольный, налоговый, санкционный комплаенс).

После длительных согласований и обсуждений 1 марта 2020 г. был принят Федеральный закон № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»» [7]. Он ввел понятие «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» – совокупность правовых и организационных мер, направленных на соблюдение компанией требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения. Указанное понятие в доктрине и в практике рассматривается как «антимонопольный комплаенс».

Закон содержит следующие рекомендации к антимонопольному комплаенсу:

– требования к порядку проведения оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства;

– меры, направленные на снижение хозяйствующим субъектом рисков нарушения антимонопольного законодательства, и меры, направленные на осуществление хозяйствующим субъектом контроля за функционированием системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства;

– порядок ознакомления работников с внутренним актом (актами);

– информацию об ответственном должностном лице;

– принятие и публикацию на сайте организации внутреннего акта (актов), регулирующих антимонопольный комплаенс в организации;

– право на согласование внутреннего акта (актов) в ФАС России.

Таким образом, решение о внедрении антимонопольного комплаенса – выбор самого хозяйствующего субъекта.

Одним из первых законов, который упоминается в контексте комплаенса, является Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8]. В соответствии со ст. 13.3 указанного Закона организации обязаны разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции. При этом положения о мерах по предупреждению коррупции, принимаемых в организации, не носят императивного характера и могут быть избраны организацией по собственному усмотрению. К таким мерам законодатель относит следующие: определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений; сотрудничество организации с правоохранительными органами; разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации; принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации; предотвращение и урегулирование конфликта интересов; недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов. Описание развернутого механизма организации антикоррупционной деятельности в законе отсутствует. Пробел отчасти восполнен рекомендациями Министерства труда и социальной защиты России, в том числе «Методическими рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции», утвержденными 8 ноября 2013 г. [9]. В указанном документе комплаенс определяется как обеспечение соответствия деятельности организации требованиям, налагаемым на нее российским и зарубежным законодательством, иными обязательными для исполнения регулирующими документами, а также создание в организации механизмов анализа, выявления и оценки рисков коррупционно опасных сфер деятельности и обеспечение комплексной защиты организации. Методические рекомендации содержат подробное описание всех бизнес-процессов и процедур по внедрению и организации антикоррупционного комплаенса в организациях независимо от их форм собственности, организационно-правовых форм, отраслевой принадлежности и иных обстоятельств, но в первую очередь документ рассчитан для применения в организациях, в отношении которых законодательством не установлены специальные требования в сфере противодействия коррупции.

Часто в доктрине звучит позиция о добровольности комплаенса для хозяйствующих субъектов как самостоятельных субъектов, действующих в хозяйственном обороте на свой риск. Но нам представляется, что при оценке добровольности комплаенс-функции следует учитывать следующие обстоятельства. Основная цель комплаенса – обеспечение соблюдения требований законодательства, положений внутренних документов организации, стандартов саморегулируемых организаций. В соответствии с ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

В соответствии со ст. 19 Федерального закона от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [10] экономический субъект обязан организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни. Экономический субъект, бухгалтерская (финансовая) отчетность которого подлежит обязательному аудиту, обязан организовать и осуществлять внутренний контроль ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности (за исключением случаев, когда его руководитель принял обязанность ведения бухгалтерского учета на себя). Внутренний контроль в соответствии с «Информационным письмом Минфина № ПЗ-11/2013» [11] (п. 3) – это процесс, направленный на получение достаточной уверенности в том, что экономический субъект обеспечивает: а) эффективность и результативность своей деятельности, в том числе достижение финансовых и операционных показателей, сохранность активов; б) достоверность и своевременность бухгалтерской (финансовой) и иной отчетности; в) соблюдение применимого законодательства, в том числе при совершении фактов хозяйственной жизни и ведении бухгалтерского учета.

В рекомендациях Минфина подчёркивается, что внутренний контроль способствует достижению экономическим субъектом целей своей деятельности. Он должен обеспечивать предотвращение или выявление отклонений от установленных правил и процедур, а также искажений данных бухгалтер-

ского учета, бухгалтерской (финансовой) и иной отчетности (п. 4).

При организации внутреннего контроля необходимо исходить из того, что: а) внутренний контроль должен осуществляться на всех уровнях управления экономическим субъектом, во всех его подразделениях; б) в его осуществлении должен участвовать весь персонал экономического субъекта в соответствии с его полномочиями и функциями; в) полезность внутреннего контроля должна быть сопоставима с затратами на его организацию и осуществление (п. 18).

Внутренний контроль, как правило, осуществляют: а) органы управления экономического субъекта; б) ревизионная комиссия (ревизор) экономического субъекта; в) главный бухгалтер или иное должностное лицо экономического субъекта, на которое возлагается ведение бухгалтерского учета; г) внутренний аудитор (служба внутреннего аудита) экономического субъекта; д) специальные должностные лица, специальное подразделение экономического субъекта, ответственные за соблюдение правил внутреннего контроля, предусмотренного иными федеральными законами; е) другой персонал и подразделения экономического субъекта (п. 18.1).

Учитывая, что одной из целей внутреннего контроля является соблюдение применимого законодательства, в том числе при совершении фактов хозяйственной жизни и ведении бухгалтерского учета, логично усмотреть взаимосвязь между целями и функциями внутреннего контроля и комплаенса. Это обстоятельство в свою очередь подтверждает обязательность формирования комплаенс-функции у любого субъекта экономической деятельности независимо от того, как будет называться указанная функция и указанное подразделение в конкретном субъекте.

Таким образом, обязательность комплаенса для любой организации следует из смысла ст. 19 Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [12], в силу которой любой экономический субъект обязан организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни, а ряд субъектов – также и внутренний контроль ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Ряд исследователей подробно останавливаются на рассмотрении взаимосвязи комплаенса и корпоративного управления. Так, Д.М. Ашфа полагает, что одним из ключевых элементов корпоративного управления является внутренний контроль, включая комплаенс-контроль, который внедряется корпорацией для снижения рисков нарушения законодательства и внутренних правил [1]. При этом автор исходит из смысла ст. 87.1 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», которая устанавливает взаимосвязь между функцией комплаенс и управлением публичным акционерным обществом (корпоративным управлением). По мнению Д.А. Петрова и В.Ф. Попондопуло, комплаенс в юриспруденции – это система управления рисками несоответствия осуществляемой хозяйствующим субъектом деятельности: 1) требованиям нормативных правовых актов, обычаев, обязательных стандартов саморегулируемых организаций; 2) предписаниям контролирующих органов; 3) складывающейся правоприменительной практике; 4) макроэкономическим параметрам; 5) иным значимым для осуществления деятельности факторам [2, с. 108].

По смыслу ст.ст. 53 и 53.1. ГК РФ и сложившейся судебной практики внедрение комплаенс-функции в систему корпоративного управления организации следует рассматривать как пример добросовестных и разумных действий органов управления юридического лица, а комплаенс – как правовое средство обеспечения безопасности юридического лица.

При этом комплаенс и корпоративное управление взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, корпоративное управление выступает организационной основной комплаенса [1, с. 173], с другой стороны, комплаенс является элементом корпоративного управления.

Таким образом, термин «комплаенс» стал обобщающей правовой категорией для характеристики соответствующей функции и элемента системы управления хозяйствующего субъекта, цель которых состоит в обеспечении соответствия деятельности хозяйствующего субъекта требованиям законодательства, регуляторов и лучшим бизнес-практикам. В этом смысле комплаенс логично рассматривать как правовую категорию корпоративного права, а отношения в сфере комплаенса – как разновидность отношений, связанных с управлением корпорацией (ч. 1 ст. 2 ГК РФ). Комплаенс выступает правовым средством обеспечения правовой безопасности корпорации (юридического лица). Одновременно, учитывая основания правовой ответственности органа юридического лица за убытки, причиненные юридическому лицу (неразумные и недобросовестные действия), его внедрение в систему управления корпорацией (юридическим лицом) следует расценивать не столько как целесообразность, но и как необходимость.

Литература:

1. Аудит & комплаенс: закон, доктрина, практика: монография / Отв. редактор И.В. Ершова. М.: Проспект, 2022. 304 с.
2. Попондопуло В.Ф., Петров Д.А. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2020. Право 1. С. 102–114.
3. Гармаев Ю.П. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. М.: Юриспруденция, 2020. 238 с.
4. Аллахвердиев А.Х. Правовое регулирование комплаенса в торговой деятельности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 20 с.
5. Положения Банка России от 16 декабря 2003 г. № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» (с изм. и доп.) // Вестник Банка России. 4 февраля 2004. № 7.
6. Письмо Банка России от 2 ноября 2007 г. № 173-Т «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору» // СПС Гарант.
7. Федеральный закон от 1 марта 2020 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»» // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1125.
8. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2008 г. № 52 (ч. I). Ст. 6228.
9. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции (утв. Министерством труда и социальной защиты РФ 8 ноября 2013 г.). URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:dq1ZzYEaLfMJ:www.rosmintu.ru/docs/mintrud/employment/26+&cd=1&h1=en&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 19.10.2024).
10. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2011. № 278.
11. Информация Минфина России от 25.12.2013 г. № ПЗ-11/2013 «Об организации и осуществлении экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» // Акты и комментарии для бухгалтера. 2014. №7.
12. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 12.12.2023) // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

The Legal Category of Compliance in the Legal System

Cheparina O.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

Compliance in modern realities is becoming a daily business practice, an important component in the management system of business entities of various types and fields of activity. The interest of lawyers in this phenomenon is determined by the purpose of compliance, which is to ensure that the activities of an economic entity comply with current legislation, regulatory requirements, internal documents of the company, as well as best business practices. The purpose of the study is to clarify the content and essence of compliance as a legal category, to determine its place in the legal system. The objectives of the study are to analyze the legal features of various types of compliance, to study compliance as an element of internal control of an economic entity and as a component of a corporate governance system, to substantiate the need and/or expediency of introducing compliance into the activities of economic entities of various types.

The scientific significance of the study is to establish the content of compliance as a legal category, the practical significance is to develop recommendations for the implementation of the compliance function in the management system of business entities. The scientific novelty of the study is manifested in the conclusions substantiating not only the expediency, but also the obligation of the compliance function as a component of the internal control system and an element of the intra-organizational (corporate) management of an economic entity. The results of the research can be used in the organization of legal and compliance functions, in the preparation of internal documents of the company in the field of compliance, in teaching disciplines of the cycle of entrepreneurial and corporate law.

Keywords: compliance, compliance function, legal category, internal control, corporate governance

УДК 316.33
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-215-218

Трудовая субъектность детей в социологии: проблемы теоретической концептуализации*

Авдеева В.П.
Социолог Центра мониторинга качества образования
Санкт-Петербургского государственного университета

Ткач С.
Ведущий социолог Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Актуальность темы проистекает из необходимости поиска новых концептуализаций детской субъектности в рамках традиции новой социологии детства. Цель теоретического исследования заключается в обозначении нового трудового подхода к определению детской субъектности. В рамках обозначенной цели были реализованы следующие теоретические задачи: продемонстрированы ограничения существующих подходов к детской субъектности (философского, политического, правового); изложена история трансформации взаимоотношений детей и труда; продемонстрирована социальная природа объема участия детей в труде; предложена авторская концептуализация связи труда и субъектности детей; обозначены перспективы эмпирический валидация концепции. Научная, а также практическая значимость работы может быть выведена из существующего актуального запроса социологов новой социологии детства в поиске нетривиальных путей концептуализации субъектности, а также в соответствии языка описания актуальным социальным трендам и явлениям (распространение детской занятости, изменение законодательства). Научная новизна заключается в новом авторском взгляде на проблему детской субъектности в ключе экзистенциальной теории отчуждения труда.

Ключевые слова: *детство, детская субъектность, трудовая субъектность, отчуждение труда, экзистенциальное отчуждение, детский труд, новая социология детства*

Для цитирования: *Авдеева В.П., Ткач С. Трудовая субъектность детей в социологии: проблемы теоретической концептуализации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 215–218. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-215-218.*

Самостоятельное исследование детей и детства в социологии долгое время оказывалось в периферии научной повестки. Э. Байфорд видит среди причин такого положения внутренний антагонизм выражения «теории детства». Теоретизирование чего-то предполагает отказ от «детскости» в пользу серьезного и обстоятельного размышления. Изменения происходят с развитием манифеста «новой со-

* Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 121062300141-5.

циологии детства» [1], в которой ключевой является идея агентности детей (или субъектности – в тексте манифеста они используются синонимично [2]), которая в дальнейшем станет основным драйвером исследований детства. Именно с этим решением Э. Байфорд связывает дальнейший теоретический кризис этого направления. Субъектность в правовой интерпретации вызывает противоречие «прав и ответственности» [3], а политическая субъектность видится современным авторам недостаточно эмпирически обоснованной. В частности, речь идет о свидетельствах политической самоорганизации, которые не обнаруживаются исследователями столь широко, как они того ожидают [4].

Означает ли кризис субъектности кризис для всей социологии детства? Вопрос требует проработки, как минимум, еще одного измерения и интерпретации субъектности в общественных науках – трудовой субъектности с привлечением экзистенциального подхода, на что указывают ряд современных авторов [5], а также идеи отчуждения труда. В настоящей статье будет представлен краткий обзор основных положений дискуссии о субъектности детей в сфере труда.

Отстраняясь от направлений развернувшихся дискуссий, мы должны спросить себя – является ли для нас определяющим политическое или философское измерение, когда речь идет о субъектности взрослого человека? Что делает человека субъектом – его политическое действие (участие в пикетах, митингах, выборах и т.д.), философское самосознание или саморефлексия субъектности? Задаем ли мы эти вопросу о взрослых, если хотим спросить то же самое в отношении детей? Вопрос о профессии человека позволяет сделать комплекс выводов (или предположений) о характеристиках его экономического и социального статусов, политических установок [6]. Вопрос профессии и принадлежности к труду оказывается одним из центральных в понимании современной субъектности. Под трудовой субъектностью понимается способность человека распоряжаться своим трудом, приобретать и использовать профессиональные компетенции.

Новая социология детства начинается с критики изменений положения детей в сфере труда. Речь идет о ряде законодательных актов, запрещающих детский труд [7]. Изменения в законодательстве США в конце XIX – начале XX вв., а затем и других стран мира значительно ограничили возможности привлекать детей к труду. Это изменило, в том числе, и отношение в семье. Детей начали видеть менее самостоятельными, а потому и менее субъектными. В то же время возрастает субъективная ценность детей: если раньше они воспринимались как полноценные участники рынка труда и домашней работы, то теперь возрастает их эмоциональная ценность для родителей. Дети начали требовать больше опеки и затрат.

Выводы, к которым приходит В. Зелизер, справедливо поместить в более общий контекст. Современное общество, по Э. Дюркгейму, – это общество органической солидарности, которая производится посредством разделения труда [8]. Оказаться отчужденным от труда означает лишиться места (субъектности) в производстве солидарности. Так, положение детей и их субъектность оказываются напрямую связанными с отчуждением от труда.

Велик соблазн сделать вывод, что отношение детей к работе и труду имеет эссенциалистское объяснение – дети биологически не приспособлены к труду. Такая позиция представлена у ряда авторов в психологии развития. В частности, Д. Эльконин пишет, что основная деятельность, к которой больше приспособлены дети – это игра, а затем учеба. Взрослые же больше пригодны для работы [9]. Впрочем, это утверждение также оказывалось одним из наиболее критикуемых авторами новой социологии детства: детство, по их мнению, – это не эссенциалистская категория, а конструируемая [10].

Также в опровержение эссенциаласитскому объяснению выступают работы в сфере социологии и истории труда. Д. Гребер пишет, что современное представление о работе и наемной карьере формируется именно из детского труда. Первыми наемными рабочими, пишет он, были подростки-подмастерье, которые были лишь частным примером явления возрастного служения, согласно которому практически все подростки так или иначе работали в найме у кого-то. Причем речь шла не только про детей из семей, которые отправляли подростков из нужды, но и про детей аристократии [11]. Более того, как пишет С. Бриджен, оплачиваемый наемный труд был скорее детским занятием. Предполагалось, что освоение техник и навыков, которые будут полезны человеку, должно происходить в детском и подростковом возрасте. В более старшем возрасте люди уже не получали заработную плату за свой труд (получали доход от ренты или иной вариант прибыли, оплату за государственную или военную службу, но не заработную плату от работодателя) [12].

Изменения наступают в два этапа: в индустриальную революцию, когда работа (преимущественно на заводах) начинает казаться слишком опасной для детей; во время законодательных изменений XX в., о которых пишет В. Зелизер, когда даже более легкий и безопасный труд запрещается для детей и подростков.

Фактически, дети постепенно оказываются отчужденными от труда. В работах российских исследователей концепцию отчужденного труда чаще связывают с работами К. Маркса и его пониманием отчуждения как неизбежного явления капиталистических отношений, в которых человек вынужден продавать имманентный ему труд, отчуждая его, таким образом, от самого себя [13]. Однако в кон-

тексте излагаемого выше более близкой и емкой концептуализацией будет экзистенциальная, в которой отчуждение понимается, как утрата контроля над собственной жизнью, утрата идентичности [14]. С. Мадди среди атрибутов экзистенциального отчуждения называет бессилие – убежденность человека в своей неспособности влиять на окружающую действительность [15]. В своем рассуждении мы не отходим от марксистского понимания свободного, неотчужденного труда, как деятельности по творческому преобразованию мира, обретению через это преобразование понимания собственной роли в нем [16]. Отсюда утрата возможности к деятельному и полезному труду не только отчуждает детей от товарно-денежных отношений, но и лишает их понимания сложности окружающего их социального мира и своей роли в нем. Через деятельный труд человек обретает силу и уверенность, что он способен своими действиями изменять окружающее, что он обретает деятельную субъектность, а, вместе с ней – экзистенциальную. В такой трактовке тезис Ж.-П. Сартра о том, что «Гений Пруста — это произведения Пруста» [17, с. 342], можно реинтепретировать, как «субъектность Пруста – это итог работы Пруста».

Обозначенные здесь тезисы возвращают к теоретическому пути, который прошли концепты политической, юридической, философской и трудовой субъектности детей после публикации манифеста «новой социологии детства». Изначально стройные предположения теоретиков новой социологии детства столкнулись с проблемами эмпирических противоречий: дети неохотно создавали политические партии и объединения, рассчитывали риски финансовых сделок, а также работали над рефлексией собственной агентности в мире, о чем пишут А.Ю. Козловская, А.В. Козлова [4], Б.О. Никитинаден [3] и Э. Байфорд [2]. Совокупно это обозначило проблематику и фронтир нынешней социологии детства. Современные социальные изменения позволяют эмпирически проверить обозначенные здесь предположения об обретении детьми субъектности через труд. В частности, речь идет о нормализации и включенности подростков в рынок труда. Согласно актуальным данным, в 20 % семей у подростков есть опыт работы, а 91,2 % россиян положительно относятся к идее подростковой занятости [18]. Рост актуальных вакансий для подростков в 2023 г. по сравнению с 2022 г. составил 198 %, а их общее число достигло 40 тыс. Также изменяется нормативная рамка подростковой занятости, наполняясь новыми нормативными актами, регулирующими условия и возможности для подростковой занятости, что свидетельствует об институционализации явления [19].

Исходя из данного предположения, можно сформулировать ряд гипотез, эмпирическая проверка которых может выступить дальнейшим направлением исследования. Первая из гипотез касается непосредственно связи трудовой деятельности подростков и субъективного ощущения собственной творческой силы и потенции. Опираясь на гипотезу, можно предполагать, что подростки, которые имеют опыт работы в настоящий момент, занимают более активную позицию при возникновении у них жизненных трудностей, так как более уверены в собственных силах и скорее воспринимают себя, как людей, способных изменить окружающие их условия. Также от длительности работы и ее сложности может зависеть степень обретения субъектности. От подростков, которые работают дольше на позиции, требующей больший набор компетенций, можно ожидать более явно выраженную субъектность.

Вторая гипотеза связана с подростками, находящимися в конфликте с законом. М. Русакова с соавторами демонстрируют, что отсутствие проактивной позиции у подростков, находящихся в конфликте с законом, является одним из факторов, препятствующим успешной ресоциализации данной группы [20]. Среди социальных технологий, которые используются в ресоциализации, активно применяется трудовая реабилитация. Можно предположить, что подростки, вовлеченные в трудовую реабилитацию, будут более успешными в ресоциализации за счет сформированной у них проактивнивной позиции, в сравнении с подростками, которые трудовую реабилитацию не проходят, при прочих равных условиях.

Также важно разобрать конкурирующую гипотезу, сформированную с опорой на труды Эльконина и трудах авторов, занимавшихся психологией взросления. Можно ожидать, что подростки, вовлеченные в трудовую занятость, будут меньше внимания уделять учебе и меньше интересоваться ею. Подтверждение этой гипотезы сделает позиции высказанного в рамках данной статьи предположения о трудовой трактовке субъектности подростков более шаткими.

Эмпирическая проверка данных гипотез позволит заметно обогатить дальнейшее теоретическое продвижение в новой социологии детства.

Литература:

1. Ben-Arieh A., Casas F., Frones I., Korbin J.E. Multifaceted concept of child well-being // Handbook of child well-being. 2014. Vol. 1. P. 1–27.
2. Байфорд Э. и др. В поисках детской субъектности // Антропологический форум. 2019. №. 42. С. 9–106.
3. Никитинаден Б.О. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. №. 5. С. 7–24.

4. Козловская А.Ю., Козлова А.В. Детская агентность как предмет теоретической дискуссии и практическая проблема (антропологический комментарий) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 11–25.
5. Parker D.M. Sartre and No Child Left Behind: An existential psychoanalytic anthropology of urban schooling. Rowman & Littlefield, 2015; Thompson N. Child Development: An Existential Journey // Children, Adolescents, and Death. London: Routledge, 2017. P. 121–131.
6. Дуглас М. Как мыслят институты / Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2010. 167 с.
7. Zelizer V.A. Pricing the priceless child: the changing social value of children. Princeton: Princeton University Press: 1994. 576 p.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
9. Эльконин Д.Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / ред.-сост. Б.Д. Эльконин. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 384 с.
10. James A. Constructing childhood: Theory, policy and social practice. Red Globe Press: 2004. 244 p.
11. Гребер Д. Бредовая работа: Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem, 2020. 497 с.
12. Brigden S. Youth and the English Reformation // Past & Present. 1982. № 95. P. 37–38.
13. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение //Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3. №. 4. С. 68–77.
14. Wilson C. The Outsider. Boston: Houghton Mifflin,1956. 328 p.
15. Maddi S.R. Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning / Ed. by P.T.P. Wong, P.S. Fry. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1998. P. 3–26.
16. Маркс К.Г. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Litres, 2023. 224 с.
17. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. 1989. С. 319–344.
18. Подростковая занятость. URL: https://labourforum.ru/translyacii/podrostkovaya-zanyatost-kak-najti-balans-mezhdu-interesami-podrostkov-rabotodatelej-i-gosudarstva/ (дата обращения: 5.11.2024).
19. Социологи СПбГУ на Форуме труда. URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/sociologi-spbgu-na-forume-truda-cennost-truda-dolzhna-zakladyvatsya-v-seme-s (дата обращения: 5.11.2024).
20. Пунгина А.П., Зайнаготдинова А.О., Сенникова М.А., Русакова М.М. «Чтобы не болтался»: внешкольная деятельность как мера профилактики девиантного поведения детей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1. С. 132–167.

Labor Subjectivity of Children in Sociology: Problems of Theoretical Conceptualization

Avdeeva V.P., Tkach S.
Saint Petersburg State University

The relevance of the topic stems from the need to search for new conceptualizations of children's subjectivity within the tradition of the new sociology of childhood. The purpose of the theoretical study is to designate a new labor approach to defining children's subjectivity. Within the framework of the designated goal, the following theoretical tasks were realized: the limitations of the existing approaches to children's subjectivity (philosophical, political, legal) were demonstrated; the history of the transformation of the relationship between children and labor was outlined; the social nature of the volume of children's participation in labor was demonstrated; the author's conceptualization of the relationship between labor and subjectivity of children was proposed; the prospects for empirical validation of the concept were outlined. The scientific and practical significance of the work can be deduced from the existing topical request of sociologists of the new sociology of childhood in the search for non-trivial ways of conceptualizing subjectivity, as well as in the conformity of the language of description with current social trends and phenomena (the spread of child employment, changes in legislation). Scientific novelty lies in the new author's view on the problem of children's subjectivity in the context of the existential theory of alienation of labor. resources.

Key words: childhood, children's subjectivity, labor subjectivity, alienation of labor, existential alienation, child labor, new sociology of childhood

УДК 303.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-219-223

Методологические основания социологии искусственного интеллекта

Алексеев С.А.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления,
истории, социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

Никитина Т.Н.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента
и предпринимательской деятельности Казанского национального
исследовательского технологического университета

В статье рассматриваются вопросы развития методологии социологии искусственного интеллекта. Авторы статьи обращаются к изучению влияния искусственного интеллекта на социальные процессы. Цель исследования – оценка влияния искусственного интеллекта на развитие социального интеллекта молодежи, коммуникативные способности и готовность к межличностному общению. В работе выделены основные теоретические положения концепции искусственного интеллекта. Определены области влияния искусственного интеллекта на различные сферы жизнедеятельности. В статье приводятся результаты эмпирического исследования представлений молодежи о роли искусственного интеллекта в системе образования, развитии когнитивной сферы, коммуникативных практиках. Результаты исследования направлены на приращение знания в области методологии социологии искусственного интеллекта. Практическая значимость состоит в применении результатов исследования для выявления роли искусственного интеллекта в развитии социальной системы, изменении социального поведения молодежи.

Ключевые слова: *социология искусственного интеллекта, методология науки, молодежь как социальная группа, социальный интеллект, когнитивная сфера личности, коммуникативные практики*

Для цитирования: *Алексеев С.А., Никитина Т.Н. Методологические основания социологии искусственного интеллекта // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 219–223. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-219-223.*

Развитие современного общества обеспечивается влиянием современных информационных технологий. Изменение социального ландшафта современного общества включает внедрение цифровых технологий во все сферы социальных взаимодействий. Неизменным фактором таких изменений становится искусственный интеллект (ИИ). Особое, часто неоднозначное отношение к этому цифровому феномену определяет смыслы существования современного человека – искусственный интеллект становится важным социально-технологическим фактором. Ограниченные возможности использования, отсутствие необходимых знаний и неравный доступ к такого рода ресурсам влияют на

появление новых страт в системе стратификации общества.

Искусственный интеллект требует осмысления в разрезе его влияния на социальный интеллект молодых людей, на их готовность к межличностным коммуникациям и их эрудированность. Целью статьи является оценка степени влияния искусственного интеллекта на социальный интеллект молодежи, ее способность к взаимодействию в условиях коммуникативного пространства. Социальный интеллект в рамках социологии требует переосмысления теоретико-методологических подходов и формирования нового исследовательского инструментария в соответствии с современными тенденциями развития общества, цифровизации социальных институтов и переосмысления образовательных задач в социализации молодежи. Одной из задач в указанной области становится прояснение теоретико-методологических подходов к изучению искусственного интеллекта в социологии.

Сегодня в современной научной литературе появляются первые исследования влияния искусственного интеллекта на различные аспекты жизнедеятельности личности и общества, ученые неоднозначно оценивают влияние ИИ, что создает неопределенность в границах проблемного поля. В научном сообществе созрела необходимость в исследовании влияния ИИ на социальное развитие общества. Исследование современных факторов развития общества актуализирует работу на перспективу методологии науки в целом, оказывает влияние на теоретические положения отраслевой социологии.

Хотя в научной литературе пока не существует единого определения искусственного интеллекта, его влияние на все стороны жизни человека очевидно. Сегодня искусственный интеллект активно заходит в пространство «человеческого», его определяют как систему, способную мыслить и принимать решения. Чем полнее человек формирует научное знание в области искусственного интеллекта, тем серьезнее мы должны относиться к социальному в смысле способностей человека к когнитивному анализу и коммуникативному пространству. Отметим, что интерес социологов к ИИ довольно низкий, чаще всего искусственный интеллект становится инструментальной технологией для работы социолога.

В социологической науке искусственный интеллект рассматривается как «искусственная социальность». Чаще всего ИИ формулируется в категориях математических наук применительно к различным научным дисциплинам. Заметим, что при этом ИИ рассматривается как социальный факт.

У ряда авторов существуют опасения, что ИИ может превзойти человеческий интеллект, они ставят мышление ИИ наряду с мышлением человека. Другие авторы склонны учитывать уникальность человеческого разума, непревзойденного по уровню работы когнитивной и эмоциональной сфер личности, ведь ИИ не способен к глубинному анализу социума с позиции эмоционального включения в социальные процессы. Также ИИ не ориентирован на социальный мир, решение задач по гармонизации человеческих отношений, хотя и активно включен в социум. Именно поэтому ИИ рассматривается в социологии в качестве одного из факторов развития социума. Важно подчеркнуть, что ИИ может повлиять на становление одного из видов интеллекта человека, а именно межличностного (социального).

С точки зрения решения образовательных задач искусственный интеллект оказывает влияние на трансформацию социального института высшего образования. Ряд ученых рассматривают проблему применения ИИ в образовании: А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова пишут о теоретико-методологических основах применения технологий искусственного интеллекта в образовании [1]; Л.В. Константинова, В.В. Ворожихин, А.М. Петров и др. изучают аспекты интеграции в образовательное пространство личности и искусственного интеллекта [2]. К вопросам, требующим решений со стороны академического сообщества, относится проблема разработки нормативной базы применения ИИ в образовательном процессе.

ИИ меняет потребности и социальные установки молодежи в направлении актуализации процессов освоения современных технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта. Современные студенты многие учебные задачи решают при помощи ИИ, преподавательский состав подчас не готов к работе со студентами через искусственного посредника. Если преподаватели применяют ИИ в своей работе, сама регламентация такой деятельности и нормативные документы применения ИИ в учебном процессе отсутствуют. Н.В. Корж, В.Н. Супиков провели в 2023 г. опрос на выборке в 295 чел., респондентами которого стали молодые жители Пензенской области. Опрос показал, что 58 % опрошенных были бы не против внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс. При этом большинство опрошенных (72 %) хотели бы улучшить свои навыки пользования искусственного интеллекта [3, с. 17–20].

К проблемной области исследования ИИ в образовании относится непонимание и неумение распознавания технологий ИИ – современные студенты относят к ИИ алгоритмизированные компьютерные программы. Существует потребность в приобретении знаний социологии искусственного интеллекта и их применении знаний в различных видах социальной деятельности. Это актуализирует одну из задач современного образования в области формирования общекультурных компетенций, связанных с цифровизацией. В научных источниках отмечено, что у студентов отсутствуют представления

о рациональном применении ИИ. Так, у студентов вызывают затруднения определения областей для реального использования ИИ, в частности в сферах, связанных с применением научного знания [4].

Обозначенные проблемы находят свои решения в социологии искусственного интеллекта. Знание социальных условий развития ИИ, анализ коммуникативных практик при помощи ИИ, понимание социальных последствий взаимодействия ИИ с человеком и обществом, этическая проблематика внедрения ИИ в различные сферы жизнедеятельности – предмет исследования новой науки. В актуальную проблематику социологии искусственного интеллекта входит как прикладной аспект применения ИИ в образовании, так и вопросы, связанные с экзистенциальным существованием человека, смыслами его жизни. Одновременно неоднозначность определения ИИ говорит о неготовности науки оценивать влияние ИИ на социальные процессы – в теории социологии делаются первые попытки исследовать новый социальный феномен, определить грани его воздействия.

В недостаточной степени в научной литературе представлена и методология исследования влияния ИИ на социальные процессы. Осмысление ИИ как социального феномена и цифрового концепта предполагает наполнение методологии научного исследования теоретическими положениями интегративного подхода. Социология искусственного интеллекта, в первую очередь, обрастает научными изысканиями социологии коммуникаций, социологии молодежи, социологии образования и т.д. Однако пока в современных социологических концепциях не сложилось однозначного взгляда на природу и особенности влияния ИИ на формирование социального интеллекта.

Социальный интеллект являясь важной социально-психологической характеристикой личности оказывает значимое влияние на эффективность межличностного взаимодействия. Методологический подход к исследованию влияния искусственного интеллекта на межкультурные коммуникации включает технические, культурные и этические аспекты применяется для развития межкультурной осведомленности, понимания вербальных и невербальных коммуникативных практик представителей разных культур [5; 6].

От уровня развития социального интеллекта зависит успешность включения личности в социальную жизнь общества как субъекта эффективных коммуникаций. Только социальный интеллект определяет насколько быстро человек способен адаптироваться к изменяющимся условиям. Социальный интеллект определяет степень самореализации личности, уровень его толерантного отношения к окружающим и его самодостаточность.

Работа над раскрытием социального интеллекта как социально-психологического феномена ведется с начала двадцатого столетия, в работах О. Конта (1910), Э. Торндайка (1920), Г. Оллпорта (1937), Дж. Гилфорда (1959), Г. Айзенка (1995) встречаются определения или упоминания о социальном интеллекте. Так, например, О. Конт, обращаясь к природе индивидуального интеллекта и анализируя его взаимосвязь его с социальным, констатировал, что для достижения своего уровня социальному интеллекту требуется длинный и сложный путь. С точки зрения Г. Айзенка, социальный интеллект является продуктом социализации личности [7; 8].

Дж. Гилфорд сконцентрировался на разработке специального инструментария, позволяющего производить измерения социального интеллекта, для описания которого использовалось пространство трех переменных в качестве которых выступали «содержание», «операции», «результаты». Выделив в качестве главной операцию познания, исследователь обратился к познанию поведения. Интерпретация поведения другого является важным элементом социализации, который обеспечивает приспособление к социальной группе [9]. По мнению Ю.Н. Емельянова, социальный интеллект отвечает за социальный опыт и способность понимать себя, других людей, прогнозировать межличностные отношения [10]. Таким образом, социальный интеллект как элемент социализации ведет к адаптации и решению жизненных задач.

ИИ усиливает возможности личности, ее способности к решению задач и анализу ситуаций, но ИИ не предоставляет правильных решений, а только предоставляет весь спектр интерфейса для анализа. Примечательно, что, казалось бы, усиливая возможности человека, ИИ может повлиять на снижение интеллектуального уровня человека, снизить его социальный интеллект. Влияние ИИ на когнитивные и коммуникативные способности личности очевидны. Оценке необходимо подвергнуть вектор влияния и рефлексию актора взаимодействия с ИИ, что мы и попытались сделать в нашем исследовании, результаты которого приведены ниже.

Исследование влияния искусственного интеллекта на когнитивные и коммуникативные способности молодых людей проведено в Казанском национальном исследовательском технологическом университете в 2024 г. Выборочная совокупность – 395 респондентов (59 % – девушки, 42 % – юноши, возраст 18–23 года). Отвечая на вопрос о пользе применения ИИ в образовательной деятельности, 52 % опрошенных ответили утвердительно, 42 % оценили применение ИИ как скорее полезное (рис. 1).

По данным исследования, использование искусственного интеллекта в образовательной деятельности современными студентами широко. Отвечая на вопрос о том, подготовку каких материалов они доверили бы ИИ, большинство указали на подготовку презентаций (64 %) и докладов (60 %). Также

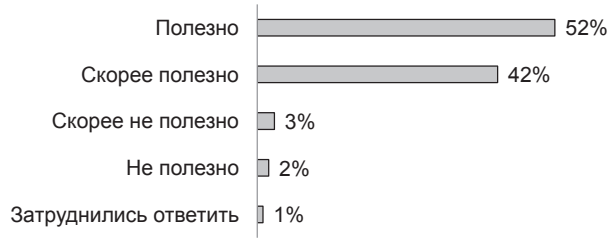

Рис. 1. Оценка полезности применения ИИ в образовательной деятельности

многие применяют ИИ для подготовки рефератов (46 %) и конспектов по заданным темам (45 %). В то же время студенты не рискуют применять ИИ при подготовке работ по аттестации знаний, которые требуют высокой доли самостоятельности – только 3 % опрошенных доверили бы ИИ выполнение дипломной работы (рис. 2).

В ходе исследования были выявлены наиболее востребованные студентами технологии ИИ (рис. 3).

Следующий блок вопрос исследования относился к предмету нашего исследования. Студентам был задан вопрос «Как вы считаете, улучшает ли использование ИИ вашу способность к общению и взаимодействию с окружающими?». Ответы респондентов показывает низкую степень обеспокоенности влиянием искусственного интеллекта на межличностное общение. 62 % респондентов считают, что ИИ не оказывает влияния на коммуникации, а 17 % респондентов полагают, что ИИ незначительно улучшает общение (рис. 4).

При ответе на вопрос «Как вы думаете, может ли чрезмерное использование ИИ негативно повлиять на вашу способность к живому общению?» мнения респондентов разделились – 26 % опрошенных считают, что негативное влияние возможно, 45 % респондентов отрицают такое влияние. В то же время 29 % опрошенных не смогли сделать свой выбор, затруднились ответить. Это показывает, что в настоящее время молодежь не совсем ответственно в силу незнания или примитивности способов использования относится к ИИ как к инструменту по решению повседневных задач и не осознает широту влияния ИИ на социальные процессы (рис. 5).

Похожие ответы получены и на вопрос о влиянии использования ИИ на познавательные способности студентов. 47 % респонденты уверены в снижении познавательных способностей при использовании ИИ (рис. 6).

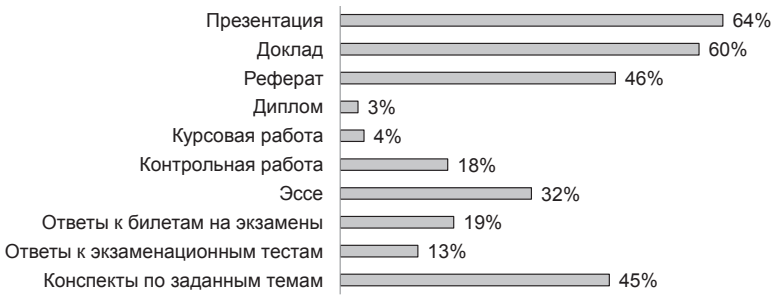

Рис. 2. Материалы, подготовку которых студенты готовы доверить технологиям ИИ

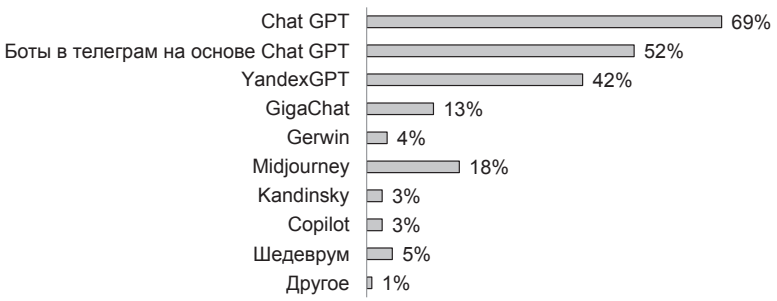

Рис. 3. Какие технологии ИИ вы применяете чаще всего?

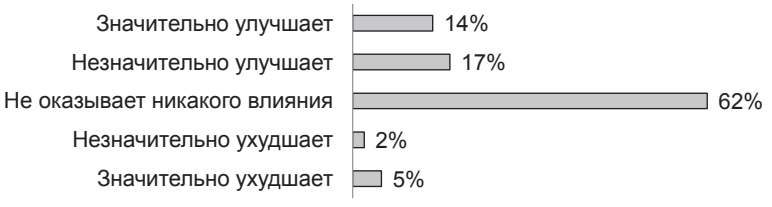

Рис. 4. Оценка влияния использования ИИ на способность к общению и взаимодействию с окружающими

Необходимость в разработке собственного методологического инструмента в исследовании влияния искусственного интеллекта на социальные процессы в общества является актуальной задачей теории социологии. Результаты исследования показали: 1) обеспокоенность молодых людей влиянием ИИ на межличностные

Рис. 5. Как вы думаете, может ли чрезмерное использование ИИ негативно повлиять на вашу способность к живому общению?

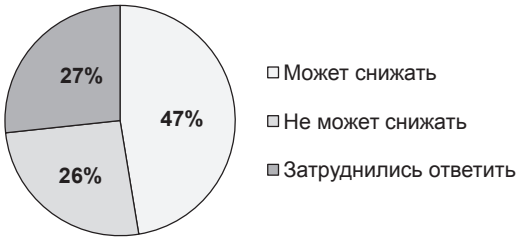

Рис. 6. Как вы думаете, может ли чрезмерное использование ИИ снижать познавательные способности студентов?

коммуникации; 2) высокую степень применения ИИ как инструмента решения образовательных задач. В целом следует отметить, что искусственный интеллект в современной жизни применяется повсеместно, трансформирует повседневные практики молодежи, создает новые перспективы развития социальной сферы. Знания о возможностях применения ИИ, определение факторов влияния на социальные аспекты жизнедеятельности общества будут способствовать развитию методологии исследования с целью определить социальные последствия влияния ИИ. Создание нормативного, социального и технологического пространства применения ИИ – превентивные меры по защите социальных и духовных основ общества, в первую очередь, сохранения социального интеллекта человека.

Литература:

1. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг. 2021. № 1. С. 4–19.
2. Константинова Л.В., Ворожихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штыхно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. № 2. С. 36–48.
3. Корж Н.В., Супиков В.Н. Применение искусственного интеллекта в образовательном процессе: взгляды молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 1. С. 15–26.
4. Ясин М.И. Представления молодежи об искусственном интеллекте и отношение к нему // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2022. № 2. С. 197–201.
5. Молчанова Г.Г. Искусственный интеллект как вызов и как проблема (аналитический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 9–17.
6. Штурмин С.М. Искусственный интеллект и межкультурная коммуникация: новые возможности, вызовы, риски // Молодой ученый. 2024. № 32 (531). С. 26–29.
7. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997. 239 с.
8. Айзенк Г.Ю. Интеллект: Новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.
9. Гилфорд Дж. Структурная модель интеллекта // Психология мышления. М., 1965. 456 с.
10. Емельянов Ю.Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности. М.: Просвещение, 1995. 183 с.

Methodological Foundations of the Sociology of Artificial Intelligence

Alekseev S.A., Nikitina T.H.
Kazan National Research Technological University

The article considers the development of the methodology of the sociology of artificial intelligence. The authors of the article turn to the study of the influence of artificial intelligence on social processes. The purpose of the study is to assess the influence of artificial intelligence on the development of social intelligence of young people, communicative skills and readiness for interpersonal communication. The work highlights the main theoretical provisions of the concept of artificial intelligence. The areas of influence of artificial intelligence on various spheres of life are determined. The article presents the results of an empirical study of young people's ideas about the role of artificial intelligence in the education system, the development of the cognitive sphere, and communicative practices. The results of the study are aimed at increasing knowledge in the field of methodology of the sociology of artificial intelligence. The practical significance lies in the application of the research results to identify the role of artificial intelligence in the development of the social system, changing the social behavior of young people.

Key words: sociology of artificial intelligence, methodology of science, youth as a social group, social intelligence, cognitive sphere of personality, communicative practices

УДК 323
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-224-230

Реализация Концепции государственной семейной политики в России: предварительные итоги

Боброва Д.Н.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Осипова Д.В.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Актуальность рассматриваемых в статье вопросов обусловлена завершением реализации Концепции государственной семейной политики до 2025 г., которая в настоящее время является основным документом, предопределяющим стратегический характер управленческих решений в данной сфере.

Целью проведенного исследования является предварительная оценка степени достижения значений всех плановых индикаторов эффективности реализации государственной семейной политики, содержащихся в данном нормативно-правовом акте.

По результатам проведенного исследования был сделан вывод о том, что из 12 приоритетных направлений, перечисленных в Концепции, к завершению срока действия документа только 9 будут иметь положительный результат, т.к. уже сейчас демонстрируют положительную динамику, остальные 3, на сегодняшний момент показывают отрицательную динамику. Обусловлены эти предварительные результаты как ситуативными, косвенными, так и объективными причинами, вызванными современной социально-экономической обстановкой. В целом с учетом современных реалий проведенный анализ позволяет сделать вывод об успешной деятельности по реализации Концепции, тем более что с 2025 г. начнется реализация нового национального проекта «Семья», в рамках которого будет продолжена деятельность по ряду заявленных в Концепции направлений.

Ключевые слова: *семейная политика, эффективность, целевые индикаторы, государственная поддержка семей, качество и уровень жизни семей, социально-экономическое положение российских семей*

Для цитирования: *Боброва Д.Н., Осипова Д.В. Реализация Концепции государственной семейной политики в России: предварительные итоги // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 224–230. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-224-230.*

Отправной точкой для формирования современной семейной политики в Российской Федерации можно считать Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2006 г., в котором, по сути, впервые было отмечено наличие демографического кризиса в нашей стране, а также заявлена необходимость государственной поддержки семей с детьми, включая реализацию специальных мер, направленных на повышение рождаемости [1].

В развитие этих идей была разработана Концепция государственной политики в отношении молодой семьи 2007 г. [2]. В данном нормативно-правовом акте было сформулировано каким конкретно критериям с точки зрения государства должна соответствовать благополучная молодая семья: зарегистрированный брак, наличие двух и более детей, среднедушевой доход на каждого члена семьи не ниже среднего душевого дохода в целом по конкретному региону, самостоятельность в решении жизненных трудностей и проблем, но при необходимости с поддержкой со стороны государства. При этом преобладающие в стране нормы нравственности должны обуславливать жизненные цели и ценности молодой семьи.

По прошествии семи лет была принята Концепция семейной политики в РФ на период до 2025 г., срок реализации которой истекает в этом году [3]. По сравнению с документом 2007 г., в представлении о том, какими характеристиками должна обладать благополучная молодая семья, появились новые смыслы. На второй план уходит тема доходов семьи и ее самостоятельности в решении возникающих жизненных проблем. Вместо этого акцент смещается на морально-нравственные аспекты семейных отношений, такие как забота и уважение друг к другу, стремление к сохранению совместного быта. В качестве цели создания семьи провозглашается рождение и воспитание детей, желательно нескольких.

В настоящее время мы находимся на пороге заключительного этапа реализации Концепции 2014 г. Кроме того, уходящий год, как известно, был объявлен Годом семьи. При формировании плана основных мероприятий по проведению в России Года семьи ключевыми стали следующие задачи: создание благоприятных условий для рождения первых детей в молодых семьях, укрепление репродуктивного здоровья будущих родителей, поддержка многодетных и многопоколенных семей, формирование здоровой моды на многодетную семью.

Год семьи, а также завершение периода реализации Концепции государственной семейной политики в совокупности подчеркивают необходимость подведения предварительных итогов столь масштабных мероприятий. Согласно тексту Концепции, к 2025 г. должна быть сформирована система мер, направленная на создание условий для удовлетворения интересов и запросов семей, повышения их экономической независимости, роли в самореализации личности, воспитании новых поколений, укреплении престижа брака и семейного образа жизни. Так как в соответствии с поставленными задачами в Концепции были сформулированы целевые индикаторы, представляется целесообразным сопоставить их с имеющимися в открытом доступе соответствующими данными официальной статистики, анализ которых позволит сделать предварительные выводы о результатах реализации Концепции.

Относительно такого показателя, как «**число разводов**», к сожалению, приходится констатировать, что статистические данные на сегодняшний момент выглядят неутешительными. Если до 2020 г. можно было наблюдать некоторое снижение количества разводов, то после 2020 г. видна устойчивая противоположная тенденция (рис. 1). Причины, по которым разводятся наши граждане, неоднозначны. С одной стороны, если обратиться к результатам опросов населения, главными декларируемыми аргументами называются: проблемы с финансами, т.е. простая неспособность прокормить семью; отсутствие взаимопонимания между супругами; ревность или измена одного из супругов [4]. С другой, супруги могут прибегать к расторжению официальных отношений в случае, если изменившееся семейное положение может сулить определенный материальный выигрыш. Так, одинокая женщина с ребенком может рассчитывать на выплату пособия, если официальный средний доход семьи на каждого его члена не превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленный в конкретном регионе. В случае нахождения в официальном браке будет учитываться и доход супруга. Если его уровень не позволяет получить данный вид выплат, то развод иногда используется как чисто формальный акт, не подразумевающий распад ячейки общества. Еще один возможный вариант «сэкономить» в результате бракоразводного процесса – это получение субсидии от государства на оплату услуг ЖКХ. Данная выплата полагается в случае, если доля расходов на жилищно-коммунальные услуги в общем семейном бюджете превышает установленный в регионе максимально допустимый уровень.

Рис. 1. Число разводов, ед.

Источник: данные ЕМИСС.

Есть и так называемые латентные факторы, увеличивающие шансы распада семьи, на которые обращают внимание в силу их характера в первую очередь исследователи. К ним относят: отсутствие детей в браке, ранний возраст вступления в брак (по сравнению с тенденциями в развитых странах), резкое изменение в сторону повышения социального и финансового статуса одного из супругов – проще говоря, должностное повышение.

Обратимся к **динамике демографических показателей**. Как видно из данных представленной таблицы 1, с 2014 г. наблюдается снижение уровня рождаемости: так, если в 2015 г. зафиксировано 13,3 рождений на 1000 чел., то уже в 2022 г. этот показатель составил только 8,9 рождений. И, несмотря на то что уровень смертности снизился за этот период с 13,0 до 12,9 промилле, выйти на положительные показатели естественного прироста населения пока не удается, и на сегодняшний день убыль населения составляет 5 чел. на 1000 чел. населения [5].

Авторитетный демограф Алексей Ракша объясняет причину снижения рождаемости в непродуманных мерах социальной поддержки в случае рождения первого и последующих детей. Речь идет о материнском капитале. По его мнению, перенос в 2020 г. маткапитала со второго на первого ребенка негативно сказался на рождаемости. Женщины, которые получили значительно большую выплату за первого ребенка, не видят смысла в рождении второго, так как последующая за этим сумма выплаты по сравнению с первой слишком мала. Относительно же уровня смертности, то, по предварительным оценкам в уходящем году, приходится констатировать, что снова наблюдается ее рост. В 2024 г. число смертей на 5 % больше, чем в 2023 г. В цифрах это составляет 1 840 000 – 1 850 000 чел. Для сравнения, в 2023 г. умерло порядка 1 765 000 чел. То есть средний прирост составил 80–85 тыс. чел. В качестве причин эксперты называют не только военный фактор, но и нарастающую алкоголизацию населения, а именно повышение спроса среди населения на крепкий алкоголь, а также постковидный синдром в виде обострения многих хронических заболеваний, в первую очередь сердечно-сосудистых и другие причины.

Таблица 1

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения, %

Годы	На 1000 чел. населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост
1950	26,9	10,1	16,8
1960	23,2	7,4	15,8
2014	13,3	13,1	0,2
2015	13,3	13,0	0,3
2016	12,9	12,9	-0,01
2017	11,5	12,4	-0,9
2018	10,9	12,5	-1,6
2019	10,1	12,3	-2,2
2020	9,8	14,6	-4,8
2021	9,6	16,7	-7,1
2022	8,9	12,9	-4,0

Источник: данные Росстат.

Аккумулированием и обнародованием информации, связанной с устройством детей, оставшихся без попечения родителей, занимается Министерство просвещения Российской Федерации. Среди совокупности этих данных есть и информация, которая помогает проанализировать значение следующего необходимого показателя для оценки эффективности реализации государственной семейной политики. Это «**число возвратов детей из замещающих семей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей**».

Так, по результатам 2022 г., на воспитание в семьи было принято 63 185 чел., при этом из них помещены под надзор в организации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за этот же период 175 чел. На 2021 г. – 68 206 и 163 чел. соответственно. На 2020 г. – 63 723 и 170 чел. соответственно. И на 2019 г. – 70 174 и 309 чел. [6]. Из анализа данных становится очевидно, что процент возврата в целом не является значительным для общей численности усыновленных детей в стране. Однако за каждым таким случаем стоит человеческая судьба, поэтому государство и относит этот индикатор к одному из самых значимых для оценки эффективности реализации государственной семейной политики. В процентном соотношении ситуация выглядит следующим образом: самый существенный процент возвратов из рассматриваемых периодов пришелся на 2019 г. – 0,44 %, в последующие годы процент колеблется от 0,22 до 0,27 %. Налицо незначительная, но все же положительная динамика, т.е. реальное сокращение числа возвратов детей из замещающих семей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ярко выраженная положительная динамика наблюдается относительно такого целевого показателя, как уменьшение **числа отказов от новорожденных в родильных домах.** В ноябре 2024 г. газета «Известия» со ссылкой на Министерство здравоохранения РФ опубликовала материал, согласно которому число новорожденных, от которых матери отказались в роддомах, с 2012 г. снизилось на 80 %, а с 2022 г. – на 24 %. При этом есть регионы, где в 2024 г. зафиксировано лишь 1–2 случая отказов. В Минздраве снижение отказов связывают с работой программ профилактики данной проблемы в регионах [7].

Несомненно положительные результаты по данным на 2020 г. были достигнуты относительно увеличения **доли детей-сирот и детей, оставшихся без**

попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан Российской Федерации, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Если в 2014 г. доля таких детей составляла 81,9 %, то в 2020 г. она была уже 89,7 %. Уменьшение доли опекунов и приемных родителей среди лиц, не имеющих гражданства РФ, является результатом принятия поправок в ст. 4 Федерального закона от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ, где гражданам США, а также в пп. 13, п. 1, ст. 127 Семейного кодекса РФ, где гражданам из стран, разрешающих браки между лицами одного пола, прямо запрещено усыновление детей из нашей страны [6].

При этом по данным Министерства просвещения, по итогам 2023 г., наблюдалось снижение **доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения.** Так, по итогам 2023 г. общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в РФ составила 358 006 чел. (2022 г. – 375 699 чел., 2021 г. – 390 949 чел., 2020 г. – 406 138 чел.) [6].

Положительная динамика наблюдается и по показателю **увеличения численности детей в возрасте до 3 лет, охваченных дошкольным образованием и услугами по присмотру и уходу.** Согласно докладу Министерства просвещения РФ по реализации документов стратегического планирования за 2022 г., наблюдается повышение уровня доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 1,5 до 3 лет. Так, по состоянию на 1 января 2023 г. численность детей в возрасте от 1,5 лет до 3 лет, получающих дошкольное образование, составила 1 083 409 чел., что по сравнению с данными на 1 января 2022 г. (1 026 957 человек) больше на 4,5 %. В среднем по РФ доступность дошкольного образования для детей данной возрастной группы на 1 января 2023 г. составила 98,19 %, что по сравнению с показателем доступности дошкольного образования годом ранее (96,25 %) выше на 1,94 %. Показатель доступности дошкольного образования для детей данной возрастной категории выше среднероссийского значения (в интервале от 98,85 до 100 %) обеспечили 67 регионов. Ниже среднероссийского значения показатель ДДО зафиксирован в 18 субъектах Российской Федерации. Для 4 регионов (республик Дагестан и Крым, Забайкальского края и Новосибирской области), не достигших 90 %, вопрос обеспечения доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 1,5 до 3 лет остается наиболее актуальным. Численность детей в возрасте от 1,5 лет до 3 лет, не обеспеченных местами в детских садах по состоянию на 1 января 2023 г., составила 20 026 чел., что на 49,98 % (на 20 006 чел.) меньше, чем по состоянию на 1 января 2022 г. (40 032 чел.) [5].

Обратимся к показателю «**уменьшение доли семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума в субъекте РФ**». Из данных таблицы 2 видно, что с момента принятия Концепции в 2014 до 2018 гг. наблюдалась отрицательная динамика данного показателя. Но с 2019 г. до настоящего времени доля малоимущих семей с детьми до 16 лет поступательно снижается к общей численности семей, среднедушевой доход которых ниже величин прожиточного минимума, установленных в субъектах РФ. Эта ситуация может свидетельствовать как о повышении реальных доходов населения, так и о результатах внедрения новой методологии расчета прожиточного минимума, где главным слагаемым теперь выступает медианный среднедушевой доход населения за предыдущий год, а не реальная стоимость потребительской корзины для конкретной категории населения.

Для анализа следующего показателя, а именно «**сокращение числа неработающих родителей, рост доли трудоустроенных граждан с семейными обязанностями в общем числе трудоустроенных граждан**» обратимся к статистическим данным в сфере занятости. Содержащаяся в открытом доступе информация не позволяет оценить напрямую изменения значения данного показателя, но это можно сделать частично с помощью данных об уровне занятости и безработицы женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей до 6 лет, т.к. именно до указанного возраста ребенка один из родителей, и чаще всего это женщина, оставляет трудовую деятельность в целях воспитания и ухода за ним.

Как видно из представленных в таблицах 3 и 4 данных, с 2014 по 2020 гг. наблюдается устойчивый рост уровня занятости женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей до 6 лет. В 2020 г. уровень за-

Таблица 2

Доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет к общей численности малоимущих домашних хозяйств, %

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет, в процентах к общей численности малоимущих домашних хозяйств	59,7	62,2	72,2	75,5	77,7	78,8	81,0	82,4	80,8	79,9	79,6	75,8

Источник: данные Росстат.

Таблица 3

Уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста (0-6 лет), %

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.[1]	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.[2]
Уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста (0-6 лет)	…	62,8	63,3	63,6	65,1	63,7	64,0	64,0	64,9	65,8	67,1	67,4	65,9	67,8	68,4

Таблица 4

Уровень безработицы женщин в возрасте 20-49 лет, имеющих детей дошкольного возраста (0-6 лет), %

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.[1]	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.[2]
Уровень безработицы женщин, имеющих детей дошкольного возраста (0-6 лет)	…	8,4	7,8	7,5	6,6	6,4	5,8	6,4	6,9	6,8	6,5	5,8	7,7	6,5	5,8

[1] Начиная с 2015 г., данные приведены с учетом сведений по Республике Крым и г. Севастополь.

[2] Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Источник: данные Росстат.

нятости по сравнению с предыдущим годом падает на 2,5 %, а уровень безработицы пропорционально возрастает. Вероятнее всего, это было обусловлено вспышкой заболеваемости вирусом *COVID*-19 и последующим введением рестрикций со стороны представителей властных структур, которые серьезнейшим образом отразились на рынке труда. Уже с 2021 г. ситуация в сфере занятости выходит на показатели, превышающие доковидные значения, и продолжает улучшаться.

Для анализа изменений значений следующего индикатора «**увеличение доли семей, улучшивших жилищные условия, в общем числе семей, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий**» обратимся к данным Росстата, который проводит анализ в этой сфере для двух типов семей: молодых и многодетных. Этот выбор обусловлен в первую очередь тем, что именно данные категории семей в большей степени ориентированы на изменение жилищных условий с точки зрения размера жилой площади, а также с позиции наличия недвижимости в собственности.

Уменьшение количества семей в реальном выражении (единиц), улучшивших свои жилищные условия, может быть обусловлено рядом причин: уменьшением численности данных типов семей в общем объеме семей в стране (уровень жизни вырос, демографический кризис 90-х гг., более позднее заключение браков); кризисом на рынке недвижимости, а именно диспропорциональным увеличением стоимости жилья относительно роста реальных доходов, которое не смягчается даже различными инструментами государственной поддержки, включая льготное ипотечное кредитование и т.д. (табл. 5 и 6).

Пожалуй, один из самых лучших достигнутых результирующих значений с момента принятия Концепции демонстрирует показатель «**сокращения доли детей, не получающих алименты в полном объеме, в общей численности детей, имеющих право на получение алиментов**». С 2015 г. значение этого показателя неуклонно снижалось и достигает на данный момент своего исторического минимума в новейшей истории нашей страны: с 21,3 % в 2015 г. этот показатель снизился до 9,3 % в 2022 г., т.е. более чем в два раза (рис. 2). В первую очередь это, конечно, связано с ужесточением мер ответственности в случае неуплаты установленного судом размера денежных средств на содержание ребенка одним из родителей.

Рис. 2. Доля детей, не получающих алименты в полном объеме, в общей численности детей, имеющих право на получение алиментов, %

Таблица 5

Число молодых семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях и улучшивших жилищные условия в отчетном году, ед.

	2012 г.	2013 г.	2014 г.[1]	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.[2]	2023 г.
Всего	40805	35958	29932	23787	22768	21968	22765	23228	20555	17421	18628	15761

Таблица 6

Число многодетных семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях и улучшивших жилищные условия в отчетном году, ед.

	2012 г.	2013 г.	2014 г.[1]	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.[2]	2023 г.
Всего	5268	6292	6751	5538	6013	4963	4378	5776	5504	5480	5767	5111

[1] Начиная с 2014 г., данные с учетом сведений по Республике Крым.

[2] Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Источник: данные Росстат.

Неудивительно и то, что в зоне внимания государства оказались и услуги, ориентированные на семейное проведение досуга, а именно такой показатель, как «**учет количества организаций и объема услуг, ориентированных на семейное проведение досуга**». Работающие родители, как правило, ограничены во времени, что в итоге может негативно сказываться на воспитательном потенциале семьи в целом. Грамотно организованный совместный семейный досуг помогает объединить семью общими интересами, позитивно влияет на воспитание, приобщает детей к культуре и способствует самореализации всех членов семьи. Поэтому возникла необходимость в разработке комплексных мер для организации бесплатного альтернативного семейного досуга. Государство все больше внимания уделяет этому вопросу, включая предоставление возможности семьям посещать культурные учреждения и занятия, посвященные творческим направлениям. Исполнителями и базой для проведения данных видов услуг для семей определенных категорий в настоящее время выступают Центры социального обслуживания населения или Центры социальной помощи семье и детям. Среди проводимых на базе данных учреждений мероприятий можно выделить следующие: праздники, творческие мастерские, мини-беседы и лекции, художественно-творческие мастерские, экскурсии и т.д. Но в зону внимания попадают в первую очередь определенные категории семей, которые находятся под патронажем – это семьи, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, семьи, находящиеся в социально опасном положении, семьи, имеющие детей с ограниченными возможностями здоровья, многодетные семьи. Остальные семьи с детьми остаются слабо охвачены услугами данных учреждений либо не охвачены вовсе. Более того, в настоящий момент не ведется статистический учет организаций различных форм собственности, ориентированных на семейное проведение досуга. В этой связи представляется целесообразным закрепить в законодательстве определение понятия «услуги, ориентированные на семейное проведение досуга» для возможности дальнейшего сбора актуальных данных и работы в этом направлении.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что из *двенадцати* приоритетных направлений, зафиксированных в Концепции государственной семейной политики в России до 2025 г. как главном документе, предопределяющем стратегический характер реализации государственной семейной политики, к завершению срока его действия *девять* значений показателей будут иметь положительный результат, т.к. уже сейчас демонстрируют положительную динамику. Это: снижение уровня смертности; уменьшение числа отказов от новорожденных в родильных домах; увеличение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан РФ, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; увеличение численности детей в возрасте до 3 лет, охваченных дошкольным образованием и услугами по присмотру и уходу; уменьшение доли семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума в субъекте РФ; сокращение числа неработающих родителей, рост доли трудоустроенных граждан с семейными обязанностями в общем числе трудоустроенных граждан; сокращения доли детей, не получающих алименты в полном объеме, в общей численности детей, имеющих право на получение алиментов. При этом *три* значения показателей на сегодняшний момент демонстрируют отрицательную динамику: число разводов; уровень рождаемости; а также доля семей, улучшивших жилищные условия, в общем числе семей, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий. Объяснить эти результаты можно как ситуативными, косвенными причинами, так и

объективными условиями, обусловленными рядом экономических и социокультурных факторов.

Несмотря на то что по трем целевым показателям наблюдается отсутствие положительной динамики, следует отметить, что с учетом событий, происходящих в последние годы (вирус *COVID*-19, специальная военная операция), наличие положительной динамики по девяти из двенадцати показателей можно оценивать как высокий уровень результативности.

Кроме того, следует понимать, что Концепция 2014 г. представляет собой только один из этапов реализации государственной семейной политики. Так, с 1 января 2025 г. начнется новый период в достижении поставленных целей, но уже в рамках нового национального проекта «Семья», который рассчитан до 2030 г. В него войдут пять федеральных проектов, которые будут направлены на усиление помощи семьям при рождении ребенка на всех этапах его взросления и на выстраивание целостной системы поддержки, в которой будет уделяться особое внимание многодетным.

И, безусловно, работа в рамках нового нацпроекта должна строиться на основе анализа тех результатов, которые уже удалось достичь при реализации Концепции государственной семейной политики до 2025 г., и тех сложностей, которые были выявлены.

Литература:

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 10.05.2006 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819.
2. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 мая 2007 года № АФ-163/06 «О концепции государственной политики в отношении молодой семьи» // СПС Гарант.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Гарант.
4. Данные опроса «От брака до развода». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021.
5. Росстат «Семья, материнство и детство». URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13807.
6. Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». URL: https://docs.edu.gov.ru/#activity=74.
7. Материнский вердикт: россиянки реже бросают детей в роддомах. URL: https://iz.ru/1784861/alisa-orlova/materinskii-verdikt-rossianki-rezebrosaut-detei-v-roddomah.

Implementation of the Concept of State Family Policy in Russia: Preliminary Results

Bobrova D.N.
The Russian state pedagogical university of A.I. Herzen
Osipova D.V.
The North-West Institute of Management branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of the considered issues is due to Conception of State Family Policy completion by 2025, which Conception by the moment is the main strategic document in the domain.

The purpose of the study was the preliminary assessment of reaching planned indicators set by the Conception document, As a result of the study it was revealed that 9 out of 12 indicators are going to be met, as they have positive dynamic at the moment, while 3 the rest show negative dynamic as of today.

These preliminary results caused by both situational and objective reasons due to socio-economic background.

As a whole, keeping in mind modern realities, the study lets us consider the execution of the conceptions as rather successful. Moreover, there is a new national project «Family» starting by 2025, which is expected to continue improvements in some directions stated by the Conception.

Keywords: family policy, efficiency, target indicators, state support for families, quality and standard of family living, socio-economic status of Russian families

УДК 316.351
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-231-237

Репродуктивная функция в условиях институциональной динамики современной российской семьи

Богданова И.Н.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Артамонова Я.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

В рамках данной статьи исследование репродуктивной функции в условиях институциональной динамики современной российской семьи осуществляется на основе вторичного анализа данных, собранных в рамках выборочного наблюдения репродуктивных планов населения России. Авторы работы подчеркивают, что деторождение остается не только важнейшим макропоказателем развития общества, обеспечивая воспроизводство населения страны, но и является скрепом семейно-брачных отношений, обеспечивая возможность первичной социализации молодого поколения, формирования правильных ценных установок. Анализ результатов выборочного наблюдения репродуктивных планов населения России в 2022 г. позволил выявить особенности репродуктивного поведения россиян, среди которых авторы фиксируют тенденцию распространения гражданских браков, особенно среди молодежи, старения материнства и ориентацию на малодетность. Ориентация на отложенное родительство и малодетность обусловлена как материально-экономическим положением семьи, так и внутрисемейными ценностями эпохи индивидуализирующегося общества. Практическая значимость работы состоит в том, что анализ особенностей репродуктивного поведения, проведенный в рамках данного исследования, может быть использован региональной властью при разработке государственной семейной и демографической политики.

Ключевые слова: *семья, семейно-брачные отношения, репродуктивное поведение, репродуктивная функция, детность, рождаемость*

Для цитирования: *Богданова И.Н., Артамонова Я.В. Репродуктивная функция в условиях институциональной динамики современной российской семьи // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 231–237. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-231-237.*

В конце XX столетия социологи выделили несколько основных особенностей общества современного типа, отметив, что его облик преимущественно имеет процессуальный характер. Постклассическая социология или социология постмодерна сплошь и рядом актуализирует идею социальных изменений как главный вектор исследования современной социологии. П. Штомпка назовет современную социологию социологией социальных изменений, подчеркивая, что сегодня она должна реагировать прежде всего на те значительные трансформации, которые претерпевают социальные институты и социальные группы [1]. Нельзя в этой связи не вспомнить основные теоретические концепции З. Баумана и Дж. Урри. З. Бауман, как известно, называет современность «текучей», что позволяет при ее описании подчеркнуть очевидный переход от социальной структурированности с четкими социальными условиями и обязательствами к плавающей социальности, свободной во многом от барьеров и границ в условиях фрагментации «рассыпающегося мира» (Н. Луман) [2]. Этот переход, сопровождаясь глубокими изменениями, затрагивает все сферы жизни, меняя институциональную структуру современного общества, типичные практики индивидов и групп, функционирующих в условиях «множества конкурирующих ценностей, норм и стилей, без твердой и надежной гарантии своей правоты» [2, с. 229].

Институт семьи и брака в условиях текучей, подвижной социальности реагирует своими структурными и функциональными изменениями, представляя собой исторически обусловленную систему отношений между мужчиной и женщиной, их социальными статусами и ролями. Макроуровень рассмотрения семьи и брака как социальных институтов неизбежно предполагает внимание как к структурным элементам данного феномена, так и к их функциональной взаимосвязи [3]. Институциональная динамика семейно-брачных отношений предполагает изменение содержательного наполнения всех функций семьи, важнейшей из которых остается репродуктивная функция. Деторождение остается важнейшим макропоказателем развития общества. В рамках данной работы мы рассмотрим основные особенности репродуктивного поведения, характерные для современных семей.

Вопросы семьи, материнства и детства являются весьма актуальными как для государственных органов власти, так и для общественности в целом. Отметим, что с целью популяризации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей 2024 г. объявлен в России Годом семьи [4]. Сегодня спектр направлений исследований, проводимых отечественными фамилистами, является довольно разнообразным: сюда входит рассмотрение трансформации семейно-брачных отношений в российском обществе [5], исследование семейно-брачных практик в регионах России [6; 7; 8], большое внимание со стороны ученых уделяется молодым семьям [9], помимо этого сегодня ученые обращаются к исследованию практик материнства и отцовства, в рамках которых выделяют немодальное родительство [10]. Рассматривая вопросы семейно-брачных отношений в России, отдельные исследователи и научные коллективы часто измеряют демографические настроения общества и рассматривают репродуктивные установки российских семей [11].

Касаясь репродуктивного поведения в российском обществе, мы не можем не затронуть всестороннего изменения семейно-брачной сферы, которая напрямую отражается на выполнении репродуктивных функций, возложенных на семью.

Исследование репродуктивной функции в условиях институциональной динамики современной российской семьи осуществляется на основе вторичного анализа данных, отражающих суть изучаемого вопроса. Рассматривая семью и брак с точки зрения исследования репродуктивной функции, мы обращаемся к изучению данных, представленных Федеральной службой государственной статистики (см.: «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения» (ВНРП) [12]).

Если говорить о ценности семьи как таковой, то она остается по-прежнему для большинства граждан России непреходящей терминальной ценностью. Об этом свидетельствуют результаты всероссийских социологических опросов: по данным ВЦИОМ за 2024 г., крепкая семья занимает лидирующие позиции в системе ценностных координат 68 % населения России [13]. Однако модель современной семьи выглядит далеко не так однозначно и представляет собой совокупность разных моделей воплощения, что позволяет говорить о ее многовариантности. Заметим, что здесь сочетаются совершенно разнообразные типы семейных отношений. Традиционная семья, определяемая, как правило, триединством супружество – родительство – родство, существует наряду с альтернативными ее формами – консенсуальный (гражданский) брак, гостевой брак, сезонный брак, мезальянс и другими формами. Семьи многодетные и семьи чайлд-фри становятся показателем перехода от детоцентристской к семьецентристкой семье. Патриархальные отношения с разделением семейных ролей функций на мужские и женские уступают место семье партнерского, супружеского типа, где оба супруга стремятся в одинаковой степени реализоваться в профессии. Все это многообразие семейно-брачных отношений приводит к тому, что порой утрачивается один или даже все параметры традиционной семьи.

Очевидно, что традиционная семья не прекращает своего существования, сосуществуя и конкурируя с ее альтернативными формами. В социологическом

дискурсе сегодня поэтому много споров относительно роли института семьи и брака и значения семьи как малой социальной группы. Есть мнение, согласно которому в условиях институциональной подвижности возрастает именно роль семьи как малой группы [14]. Вместе с тем социологи, как бы странно это ни звучало, выражают свои опасения относительно того безусловного предпочтения семьи в ценностной иерархии, которое наблюдается в индивидуализирующемся обществе, полагая, что это может быть и самостоятельным показателем «схлопывания» социального пространства, характерного для современной молодежи [15]. Семья становится лишь еще одним способом «атомизации» и индивидуализации молодых людей.

Несмотря на обозначенные выше процессы, отражающие институциональную динамику семьи, она, как и все институты, продолжает выполнять ряд предписанных ей функций, тем самым удовлетворяя потребности людей, среди которых можно выделить репродуктивную функцию, потребность в детях как продолжении рода, осуществление первичной социализации индивидов, приобретение ими статусно-ролевой позиции в обществе, психологическую, эмоциональную поддержку в межличностных отношениях и т.д. Выполнение семьей своей репродуктивной функции определяет демографическую ситуацию в стране. Именно поэтому столь важна демографическая политика, проводимая государством. Но, как было замечено выше, индивидуализирующееся общество – это акцент прежде всего на удовлетворение индивидуальных желаний: «оторваться по полной», «брать от жизни все», как выражение характерной для современного общества Я-ориентации современной молодежи. Такой подход к жизни оказывается трудно совместим с семейной жизнью в ее традиционном смысле, с рождением, воспитанием детей, чувством ответственности не только за себя, но и за других. Именно поэтому растет число альтернативных форм семьи, в которых реализуется «невероятная легкость бытия», свойственная молодежи [16].

Репродуктивные настроения россиян не остаются неизменными [17; 18]. Они столь же подвижны, будучи неотъемлемой частью трансформирующегося института семьи. Количество детей в современной семье становится самостоятельным критерием еще одной типологизации семьи – многодетные семьи, малодетные семьи с 1–2 детьми и бездетные семьи, в том числе те, кто реализует в своих семейно-брачных отношениях сознательную бездетность – чайлд-фри [19].

Как меняются и меняются ли репродуктивные настроения в обществе, где институт семьи становится очень хрупким (З. Бауман)? И все же стоит ли с оптимизмом смотреть на призывы к возвращению к семейным ценностям? Обратимся к данным, полученным в 2022 г. в рамках проекта ФСГС «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения» (ВНРП) [12].

Для начала обратимся к тенденциям семейно-брачных отношений, которые фиксируются в российском обществе. Социологи отмечают феномен отсроченного (отложенного) брака: об этом свидетельствует тенденция увеличения среднего возраста молодых людей, вступающих в первый брак [17].

Обращаясь к данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» (ВНРПН), мы видим, что в среднем возраст вступления в брак увеличился на 5 лет. Более того, если для женщин возрастной параметр все-таки более подвижен, то у мужчин он стабильно повышается, достигая 30 лет и выше (табл. 1, 2).

По данным ВНРП, представленным в таблицах 1 и 2, количество вступающих в первый брак мужчин и женщин старше 25 лет является действительно

Таблица 1

Возраст вступления женщин в первый брак, %

Возраст вступления в первый брак (лет)	2000-2004 гг.	2005-2009 гг.	2010-2014 гг.	2015-2017 гг.	2018-2022 гг.
до 18	5,67	3,87	1,74	1,24	1,19
18-19	24,58	17,00	10,38	9,91	13,07
20-22	51,15	38,35	27,35	20,89	27,58
23-25	17,64	25,84	28,90	26,67	25,90
26-28	0,95	11,21	18,87	17,92	12,51
29-30	0,00	3,44	6,42	10,50	6,39
более 30 лет	0,00	0,30	6,33	12,88	13,36
Средний возраст	21,1	22,6	24,4	25,6	25,0

Таблица 2

Возраст вступления мужчин в первый брак, %

Возраст вступления в первый брак (лет)	2000-2004 гг.	2005-2009 гг.	2010-2014 гг.	2015-2017 гг.	2018-2022 гг.
до 18	1,58	0,90	0,73	0,38	1,13
18-19	8,16	6,65	3,67	2,22	4,74
20-22	27,51	20,95	17,11	12,54	15,52
23-25	29,71	30,37	29,42	25,66	26,11
26-28	17,60	20,94	23,26	25,83	20,69
29-30	5,94	7,71	9,54	11,33	9,31
более 30 лет	9,49	12,48	16,26	22,04	22,50
Средний возраст	25,0	25,8	26,8	28,0	27,6

высоким, что в целом подтверждает тенденцию отсроченного брака, характерную для последних десятилетий.

Нельзя не отметить также то, что в настоящее время в российском обществе фиксируется высокая доля незарегистрированных браков (консенсуальных или гражданских). Значительная доля таких браков, как и ожидалось, приходится на возрастную когорту до 25 лет: 41,25 % женщин и 56,04 % мужчин этого возраста отметили, что состоят в незарегистрированном браке [12]. Молодежь предпочитает в этом возрасте не обременять себя семейными хлопотами, выбирая более свободные отношения. Очевидно, что рождение детей в таком браке скорее всего не планируется.

К 35–39 годам показатели незарегистрированных браков уменьшаются до 11,71 % у женщин и 12,76 % у мужчин. Надо полагать, что это во многом связано с пониманием необходимости создания прочной семьи, рождения детей, а также, возможно, с улучшением финансовых и материальных возможностей людей более старшего возраста.

Рискогенный, мобильный неоднозначный меняющийся социум находит свое проявление в многообразных формах семейно-брачных отношений, трансформируя внутрисемейные ценностные установки.

Как меняются репродуктивные настроения и, как следствие, какие функциональные изменения имеют место быть в части воспроизводства населения, в контексте вышесказанного?

В России происходит значительное снижение доли женщин и мужчин, имеющих более 1 ребенка. 4–5 детей в семье, согласно полученным данным ВНРП, продолжает быть скорее исключением. Граждане, которые имеют 3-х детей, составляют небольшой процент. Вместе с тем внушительными выглядят и цифры, свидетельствующие об отсутствии детей. Остается лишь надеяться, что это скорее всего молодые люди 18–22 лет, еще не вступившие в брак. В настоящее время это возраст, когда молодежь получает образование (высшее и профессиональное) и не торопится обзаводиться семьей и детьми, хотя и не против пожить гражданским браком, не обременяя себя ответственностью за других членов семьи.

Данные ВНРП указывают на то, что средний возраст рождения первого ребенка по возрастным когортам увеличивается в среднем с 22 лет до почти 25 лет. К 30 годам приближается возраст рождения второго ребенка. Что касается третьего ребенка, то здесь возраст матери оказывается старше 30 лет, составляя в среднем 33–34 года. Данные возрастные рамки рождения детей вполне соответствуют сложившейся ситуации. Феномен отсроченного брака порождает тенденцию более позднего рождения детей. И естественно, чем позже вступают в брак мужчины и женщины, тем в более позднем возрасте у них родятся дети.

Вместе с тем даже пары, зарегистрировавшие брак, теперь тоже не спешат обзаводиться детьми. Если в 1999 г. в среднем через 10 месяцев рождался ребенок, что может косвенно подтверждать значительную долю браков, заключенных по причине беременности женщины, то к 2018–2022 гг. время рождения первенца отсрочено уже более чем на 2 года после регистрации брака. Возможно, это как раз и объясняется тем, что в брак вступают теперь люди более зрелые, степень рационализации, мотивы выбора брачного партнера и брачного возраста, а следовательно, и рождения детей – обдуманный шаг.

Сравнительный анализ возраста матери по годам подтверждает обозначенную выше тенденцию отложенного родительства. Данные ВНРП фиксируют, что средний возраст рождения первого ребенка увеличился с 19 лет в 1999 г. до почти 27 лет к 2018–2022 гг. [12]. Соответственно, увеличился и возраст рождения второго ребенка с 23 лет до 30 лет. Возраст рождения женщиной третьего ребенка перешагнул за отметку 33 года. Налицо и увеличение интервала между рождением первого и второго ребенка. В 1999 г. интервал составлял в среднем 2 года, к 2018–2022 гг. он увеличился до 5 лет и более.

Следует отметить, что доля женщин, имевших аборты, все еще очень высока. Почти половина опрошенных женщин старше 40 лет отметили, что делали аборты, в том числе до вступления в брак. Порядка 10 % из них делали аборты до рождения первенца. При этом нельзя не отметить, что все-таки и мужчины, и женщины в браке используют контрацепцию почти в 70 % случаев – и это характерно для всех возрастных когорт.

Касаясь желаемого количества детей в семье, мы можем заметить, что без малого половина опрошенных мужчин и женщин заявили, что хотели бы иметь двух детей: 48,54 % женщин и 45 % мужчин выразили такое желание. Что же касается третьего ребенка, то здесь только 18,94 % женщин и 18,2 % мужчин высказались в пользу рождения третьего ребенка. Немногим более 2,5 % опрошенных в среднем высказали желание иметь более трех детей. За двух детей в семье высказались представители практически всех возрастных когорт, что подтверждает преобладание в России двухдетных семей.

Надо сказать, что современные женщины всех возрастов высказались за двух детей в семье, причем как до вступления в брак, так и после.

Как влияет на количество желаемых детей в семье уровень образования респондентов? Результаты выборочного наблюдения репродуктивных планов населения практически не зафиксировали какой-то значимой закономерности в этом смысле. Не очень ярко, но все-таки прослеживается тенденция к меньшему количеству желаемых детей для женщин,

которые не имеют образования, и женщин из числа кадров с высшей квалификацией. Данное обстоятельство нам показалось вполне закономерным. Женщины без образования вынуждены заниматься порой тяжелым физическим трудом, не имея возможности частичной занятости или фриланса. Женщины высшей квалификации потратили слишком много сил для ее достижения. Совмещать серьезную научную работу в условиях серьезного конкурсного отбора с рождением и воспитанием детей проблематично.

Что касается влияния уровня жизни на количество желаемых мужчинами и женщинами детей, то и здесь нет какой-то выраженной корреляции. И те, кто обозначил свой уровень жизни как «очень хороший», и те, кто отметил как «плохой», все-таки не выходят в среднем показателе на уровень больше двух детей. Более того, показатели «хотели бы» и «реально будет» отличаются в сторону снижения реальности последнего. Закономерный результат снижения количества ожидаемых меньше двух детей у тех, кто обозначил свой уровень жизни как «очень плохой»: 1,66 у женщин и 1,54 у мужчин. Выделение жилищных условий как самостоятельного показателя в целом также не выявило неожиданности. Если не считать того, что средний показатель желаемых детей оказался несколько выше у тех, кто оценил свои условия как «средние» и «плохие», составив соответственно 2,11 и 2,06. У тех же, кто оценил жилищные условия как «очень хорошие», показатель снизился до 2,1.

Говоря о репродуктивной функции семьи, мы не можем не коснуться репродуктивных мотивов (мотивов рождаемости) супругов, куда относятся условия и средства, стимулирующие или ограничивающие людей к достижению своих личных целей путем зачатия и рождения определенного количества детей независимо от того, осознают они эти условия и средства или же нет.

Согласно результатам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, россияне в массе своей готовы поверить, что рождение второго ребенка укрепит брак. Так думает почти половина опрошенных – 40,37 % женщин и 43,38 % мужчин. И все же 48,01 % женщин и 48,07 % мужчин так не считают. Ощущается забота государства о семье с детьми, а иначе как объяснить тот факт, что и мужчины, и женщины полагают, что рождение второго ребенка позволит им улучшить благосостояние семьи в целом и жилищные условия, в частности: так думают около 20 % опрошенных. Стоит все же отметить, что так же 20 % так не считают.

Большинство опрошенных все же высказались за то, что на их семью никак не повлияет (не повлияло) рождение второго ребенка, ну разве что затруднит «общение с друзьями» – те же 20 % для обоих полов. И еще станет препятствием для интересного полноценного отдыха – 26,06 % женщин и 24,48 % мужчин.

В случае же рождения третьего ребенка мужчины и женщины надеются улучшить жилищные условия – 24,66 и 28,35 % соответственно, ощутить уважение со стороны родственников и окружающих – 22,23 и 20,55 %. Интересно и полноценно отдыхать, считают мужчины и женщины, станет сложнее. Относительно влияния на укрепление брака наметился легкий скепсис.

На основе анализа количественных результатов выборочного наблюдения репродуктивных планов населения мы отмечаем следующее: для представителей разных возрастных когорт, но в особенности для молодежи характерно предпочтение такой формы альтернативного брака, как гражданский брак. Это подтверждает ярко выраженную индивидуалистическую составляющую в ценностных ориентациях российской молодежи. В российском обществе прослеживается тенденция смещения брачного возраста в сторону увеличения. Феномен отложенного («отсроченного») брака увеличил возраст вступления в первый брак мужчин и женщин за последние десятилетия в среднем на 5–7 лет. Отложенный брак неизбежно порождает тенденцию отложенного родительства, увеличивая также интервал между рождением первого и последующих детей. Стареют не только женихи и невесты, но и родители, предпочитая, по-видимому, решать другие проблемы – получение образования, самореализацию вообще и профессиональную, в частности, решение материальных проблем и т.д. Обозначенные тенденции влияют на репродуктивные настроения россиян таким образом, что социальная норма относительно размера семьи и количества детей в ней уже на протяжении долгого времени остается достаточно низкой – в среднем, желаемом аспекте и женщины, и мужчины предпочитают иметь не больше двух детей в семье. Несмотря на то что уровень жизни и жилищные условия не отмечены россиянами как наиболее важный фактор, влияющий на возможное количество детей в семье, однако решение иметь второго и особенно третьего ребенка чаще всего связывают именно с возможностью улучшения жилищных условий. Последнее, безусловно, связано с теми шагами, которые предпринимает правительство по поддержке семей с детьми. На количество детей влияют почти одинаково как отсутствие уровня образования, так и высокий уровень образования. Некоторые высказывания, которые мы слышим в последнее время о том, что женщины перестали рожать детей из-за стремления к получению образования, не подтверждается. Этот аспект, выявленный нами в ходе исследования, требует самостоятельного серьезного изучения. Мы отмечаем, что, действительно, для большинства респондентов семья как малая группа скорее всего остается приоритетной и

поэтому, решая в целом свои собственные внутрисемейные проблемы, респонденты высказались за то, что государство должно лишь помогать семье иметь столько детей, сколько она захочет, но не решать, сколько она должна иметь детей.

Литература:

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 414.
2. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ.; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Маннанова А.Г. Семья и брак как социальные институты: тенденции развития // Наука без границ. 2017. № 5. С. 95–98.
4. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013
5. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Самыгин П.С. Трансформация института семьи в России в методологических границах социокультурного подхода // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 20–24.
6. Загирова Э.М. Многоженство в семейно-брачной сфере народов Дагестана: историко-социологический анализ // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5. № 1(15). С. 32–40.
7. Ильдарханова Ч.И. Институциональные ресурсы достижения устойчивости семьи (опыт Республики Татарстан) // Семья в современном обществе, Москва, 18 мая 2018 г. / Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: ООО «Издательство "Экон-Информ"», 2018. С. 222–225.
8. Саралиева З.Х.М., Судьин С.А. Многопоколенная семья в фокусе социологических исследований (опыт нижегородских социологов) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 86–95.
9. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Государственное регулирование поддержки молодой детной семьи в странах ЕАЭС // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1(69). С. 102–107.
10. Янак А.Л. Типология немодального родительства // Теория и практика общественного развития. 2021. № 9(163). С. 25–31.
11. Демографическое самочувствие регионов России: Национальный демографический доклад – 2023 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова, А.Р. Абдульзянов [и др.]. Вологда : Вологодский научный центр, 2024. 336 с.
12. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html
13. Семья как ценность // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost
14. Верещагина А.В. Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 82–93.
15. Бабинцев В. П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1.С.109–115.
16. Егорова Н.Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. № 2. С. 18–32.
17. Гудкова Т.Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. № 4. С. 83–103.
18. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 172–189.
19. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.

Reproductive Function in the Context of the Institutional Dynamics of the Modern Family

Bogdanova I.N., Artamonova Ya.V.
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Within the framework of this article, the study of reproductive function in the context of the institutional dynamics of the modern Russian family is carried out on the basis of a secondary analysis of data collected as part of a selective observation of the reproductive plans of the Russian population. The authors of the work emphasize that childbearing remains not only the most important macro-indicator of the development of society, ensuring the reproduction of the country's population, but also is a staple of family and marriage relations, providing an opportunity for the primary socialization of the younger

generation, the formation of correct valuable attitudes. The analysis of the results of selective observation of the reproductive plans of the Russian population in 2022 made it possible to identify the peculiarities of the reproductive behavior of Russians, among whom the authors record the trend of the spread of civil marriages, especially among young people, the aging of motherhood and the orientation towards small children. The practical significance of the work lies in the fact that the analysis of the characteristics of reproductive behavior carried out within the framework of this study can be used by the regional authorities in the development of state family and demographic policy.

Keywords: family, maritalrelations, reproductive behavior, reproductive function, childhood, fertility

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-238-242

Социально-демографические аспекты цифровизации высшего образования: социологический анализ

Бурганова Л.А.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Юрьева О.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье выявляется специфика использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) преподавателями, представляющими различные возрастные группы. Исследование является продолжением предшествующей работы, в которой были продемонстрированы эвристические возможности анализа социально-демографических особенностей цифровизации высшего университетского образования с акцентом на влиянии фактора пола преподавателей на методологической базе рефлексивной модели суммарной оценки шкалы Лайкерта. По результатам эмпирического исследования обосновывается, что различия в уровне владения цифровыми компетенциями преподавателей университетов в значительной степени определяются не только их возрастом, но и опытом работы. Делается вывод, что среди всех возрастных преподавательских групп использование ИКТ в обучении студентов должно быть направлено на интеграцию цифровых и профессионально-педагогических компетенций.

Научная и практическая значимость исследования заключается в углубленном понимании влияния возрастного фактора и профессионального опыта на использовании ИКТ преподавателями вузов, что в дальнейшем позволит развивать теорию и практику цифрового обучения, создавая основы для дальнейших исследований в социологии и педагогике.

Ценность и новизна исследования состоит в том, что в результате анализа социально-демографических факторов получены ценные эмпирические данные, которые не только расширяют теоретическую базу вопроса, но создают и практическую основу для эффективного внедрения цифровизации в образовательный процесс. Выявление необходимости интеграции цифровых и педагогических компетенций, адаптируя методы и подходы к нуждам различных возрастных категорий, открывает новые возможности для разработки образовательных программ, способствующих повышению квалификации преподавателей в современной цифровой эпохе.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая компетентность, профессионально-педагогическая компетентность, DigCompEdu, шкала Лайкерта, возраст преподавателей*

Для цитирования: *Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Социально-демографические аспекты цифровизации высшего образования: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 238–242. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-238-242.*

В современных условиях активной цифровизации российского общества цифровая компетентность представляет собой критический фактор для эффективной работы преподавателей университетов. За последние годы как в России, так и за рубежом вышло немало публикаций, посвященных анализу различных аспектов, факторов и условий становления профессиональных цифровых компетенций преподавателей высшей школы [1]. Вместе с тем до сих пор ощущается дефицит исследований, посвященных влиянию на цифровую компетентность такого фактора, как возраст преподавателей, что имеет своим следствием отсутствие специальных индивидуальных программ обучения цифровым технологиям для сотрудников вузов. На наш взгляд, образовательная политика должна учитывать специфику использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) преподавателями, представляющими различные возрастные группы, осуществлять персонализированные программы обучения.

В связи с этим выдвигается гипотеза о том, что различия в уровне владения цифровыми компетенциями преподавателей университетов в значительной степени связаны с их социально-демографическими характеристиками: более молодые сотрудники университетов проявляют большую склонность к использованию ИКТ в учебном процессе в силу специфики своей социализации и более ранней вовлеченности в использование цифровых технологий в повседневной жизни. Выявление указанной причинно-следственной зависимости выступает целью данного исследования.

Исследование является продолжением предшествующей работы, в которой были продемонстрированы эвристические возможности анализа социально-демографических особенностей цифровизации высшего университетского образования с акцентом на влиянии фактора пола преподавателей на методологической базе рефлексивной модели суммарной оценки шкалы Лайкерта [2].

Цель исследования: на базе социологического опроса выявить влияние фактора возраста на уровень владения ИКТ преподавателей. Опрос анонимный, он проводился с помощью сервиса онлайн-анкетирования на платформе Анкетолог в сентябре 2024 г. Выборка неслучайная (целенаправленная), квотная; всего в исследовании приняли участие 102 преподавателя из различных вузов г. Казани, осуществляющих занятия на социальных и гуманитарных направлениях бакалавриата и магистратуры. Возрастные группы в выборке представлены следующим образом: от 20 до 25 лет – 7 чел. (6,7 %), от 26 до 30 лет – 17 чел. (16,7 %), от 31 до 35 лет – 20 чел. (20,01 %), от 36 до 40 лет – 5 чел. (5,0 %), от 41 до 45 лет – 10 чел. (10,0 %), от 46 до 50 лет – 9 чел. (8,30 %), от 51 до 55 лет – 14 чел. (13,3 %), от 56 до 60 лет – 3 чел. (3,0 %), от 61 до 65 лет – 7 чел. (6,70 %), от 66 до 70 лет – 3 чел. (3, 0 %), от 71 и выше – 7 чел. (6,7 %).

Инструментом исследования стала шкала развития цифровых навыков у преподавателей, разработанная в рамках Общеевропейской рамочной программы цифровых компетенций – *DigCompEdu*, которая направлена на оценку следующих аспектов: 1) профессиональная вовлеченность; 2) цифровые ресурсы; 3) преподавание и обучение; 4) оценивание; 5) расширение возможностей учащихся; 6) развитие цифровой компетенции учащихся.

Анкета содержит 18 вопросов, в совокупности отражающих указанные шесть областей профессиональных цифровых компетенций. Первая область исследования сосредоточена на вопросах, связанных с организационной коммуникацией, профессиональным сотрудничеством, рефлексивной практикой и цифровым обучением и охватывает вопросы 1–3. Вторая – ориентирована на выбор источников, создание и модификацию цифровых ресурсов, а также на управление их защитой и их совместное использование – вопросы 4–5. Третья – выявляет как управлять и координировать использование цифровых инструментов в преподавании и обучении – вопросы 6–9. Четвертая – о цифровых инструментах и стратегиях улучшения оценки – вопросы 10,11. Пятая – связанна с обеспечением цифрового доступа студентов, предлагая учебные мероприятия, адаптированные к их уровню компетентности – вопросы 12–15. Шестая – вопросы 16–18 соответственно, посвящена цифровой коммуникации и сотрудничеству, созданию цифрового контента, ответственному использованию и сохранению технологий, а также цифровым решениям проблем.

Для проведения описательного статистического анализа использовался язык программирования *Python* в среде *Jupiter Notebook*. Основными инструментами для анализа и визуализации данных стали следующие библиотеки: *Pandas* – для работы с табличными данными, *Matplotib* – для построения графиков, таких, как столбчатые диаграммы.

Результаты исследования. Значения различий в вышеуказанных шести областях компетенций преподавателей, в соответствии с социально-демографическими переменными данных, представлены в таблице 1.

Как видим, опрошенные преподаватели различных возрастных групп показали значительные раз-

Таблица 1

Средние числовые значения владения цифровыми компетенциями преподавателями по возрастным группам

Возраст	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5	Вопрос 6	Вопрос 7	Вопрос 8	Вопрос 9	Вопрос 10	Вопрос 11	Вопрос 12	Вопрос 13	Вопрос 14	Вопрос 15	Вопрос 16	Вопрос 17	Вопрос 18
20-25	3,25	2,75	3,00	2,75	1,50	2,75	2,50	2,75	2,25	1,50	1,75	3,25	2,00	2,25	2,50	2,50	2,25	2,50
26-30	3,10	2,80	3,10	3,40	2,30	2,70	2,50	3,00	2,40	1,50	2,10	2,80	2,80	3,00	2,30	2,90	2,00	2,70
31-35	2,75	2,67	2,67	2,83	2,25	2,08	1,92	2,67	2,25	2,17	2,00	2,92	2,58	2,17	2,75	2,58	2,08	2,83
36-40	3,33	3,00	2,67	2,67	2,33	2,67	2,00	3,00	2,33	2,33	2,33	3,33	2,33	2,67	3,33	2,67	1,67	2,67
41-45	3,00	3,33	2,83	3,17	2,00	2,00	1,83	2,33	2,17	1,50	2,00	2,50	1,83	2,67	2,83	2,50	2,17	3,17
46-50	3,00	3,20	3,20	3,20	2,60	2,60	2,60	3,00	2,40	2,40	2,20	3,20	3,20	3,00	3,00	2,60	2,40	3,40
51-55	3,25	3,50	2,88	2,86	2,50	2,13	2,25	3,00	2,25	2,63	1,38	2,88	2,38	2,38	2,63	2,75	2,38	3,50
56-60	3,00	3,00	2,00	2,50	1,00	2,00	1,50	2,00	1,00	1,50	1,00	2,50	1,00	1,50	1,50	2,50	1,50	2,50
61-65	2,75	2,75	3,00	3,50	2,50	2,75	1,75	3,75	2,50	2,00	2,00	3,00	2,00	2,25	2,00	3,50	3,00	3,00
66-70	2,50	2,50	1,50	4,00	1,50	1,50	2,50	2,50	3,00	2,50	2,50	2,50	1,50	2,00	3,00	2,50	2,00	3,00
71 и больше	2,60	2,40	2,40	2,80	1,60	1,80	1,40	1,60	1,60	2,00	1,00	2,20	1,20	1,80	2,20	2,00	2,60	2,60

личия почти в каждой области компетенции – это особенно видно по вопросам 2–7; 10–15; 17–18.

На основе предоставленных данных можно сделать следующие выводы о различиях в уровне владения цифровыми компетенциями преподавателями в зависимости от возраста:

1. **От 20 до 25 лет:** Начинающие преподаватели демонстрируют низкие оценки по вопросам 5, 10, 11 (1,5, 1,5 и 1,75 балла соответственно), что может свидетельствовать о меньшем использовании ими собственных образовательных ресурсов в преподавании и обучении, при цифровом оценивании и анализе данных студентов (вопросы 10–11). Зато они получили высокие оценки за использование ИКТ в общении с коллегами, за активное использование веб-сайтов и стратегий поиска, творческое использование ИКТ, что дает основание охарактеризовать уровень их общей цифровой компетентности как высокий, а компетенции в области цифрового обучения студентов – как недостаточно развитые.

2. **От 26 до 30 лет.** Молодые сотрудники дают высокие и стабильные оценки практически по всем вопросам, кроме вопроса № 10. Особенно это характерно для ответов на вопросы 1, 3, 4, 8, 14 и 16 (оценки 3 балла и выше), что может говорить об активном использовании молодежью цифровых инструментов и ресурсов в коммуникациях с коллегами и в обучении студентов, широком внедрении их в преподавательской деятельности. В целом они чувствуют себя уверенно в указанных аспектах.

3. **От 31 до 35 лет.** Возрастная группа, также относящаяся к молодежи, как и предыдущая категория преподавателей, показывает стабильные и равномерные оценки. Они особенно высоко оценивают себя по вопросам 1, 4, 12, 15, 18 (2,7; 2,8; 2,9; 2,83 балла соответственно) , что свидетельствует об активном использовании ИКТ для работы с коллегами, использования веб-сайтов и стратегий поиска, для индивидуализации и активного участия студентов, творческого использования ИКТ.

4. **От 36 до 40 лет.** Эта возрастная группа демонстрирует более высокие оценки, чем у других, по таким вопросам, как 1, 2, 8, 13, 15 (3,3; 3,0; 3,0; 3,33; 3,33 балла соответственно). Особенно низкие оценки обнаруживаем по вопросам 7, 17, 18 (2; 1,67; 1,67 балла соответственно), что указывает на возможные проблемы с использованием ИКТ для взаимодействия со студентами, оценки надежности информации и творческого использования.

5. **От 41 до 45 лет.** В этой группе преподавателей обнаружились высокие показатели особенно по вопросам 1, 2, 4, 18 (3,0; 3,33; 3,17; 3,17 баллов соответственно), что свидетельствует об активном использование ИКТ для работы с коллегами, опоре на задействовании цифровых каналов для улучшения общения, веб-сайтов и стратегий поиска, творческое использование ИКТ. Вместе с тем преподаватели данной группы слабо опираются на ИКТ при взаимодействиях со студентами, цифровом оценивании и анализе данных студентов, а также в процессах индивидуализации и активного участия студентов.

6. **От 45 до 50 лет**. Сотрудники этого возраста высоко оценивают вопросы 1, 2, 3, 4, 8, 12, 13, 14, 15, 18 (3,0; 3,2; 3,2; 3,2; 3,0; 3,2; 3,2; 3,0; 3,0; 3,4 баллов соответственно), что характеризует их уровень вовлеченности в цифровые процессы и оценочные стратегии как высокий.

7. **От 51 до 55 лет**. Преподаватели данной возрастной группы дают себе высокие оценки особенно по вопросам 1, 2, 8 и 18 (3,25; 3,50; 3,0; 3,5 баллов

соответственно), остальные показатели в среднем не ниже 2,5 балла, что демонстрирует достаточно стабильный и высокий уровень вовлеченности в цифровые процессы и оценочные стратегии, высокий уровень креативного использования ИКТ в образовательном процессе.

8. **От 56 до 60 лет.** В этой возрастной группе обнаружились всего две высокие оценки, характеризующие уровень использования ИКТ для работы с коллегами, а также цифровых каналов для улучшения общения – 1 и 2 вопросы (3,0; 3,0 балла соответственно); зато семь показателей с очень низкой оценкой использования ИКТ: вопросы 5, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 17 (1,00; 1,50; 1,50; 1,0; 1,0; 1,50; 1,50; 15,0 баллов соответственно).

9. **От 61 до 65 лет.** Эта группа преподавателей отличается своей установкой на высокие результаты, особенно по вопросам 3, 4, 8, 12, 16, 17, 18 (3,0; 3,5; 3,75; 3,0; 3,53; 3,0; 2,88 баллов соответственно), что указывает на их стабильность при планировании и использовании цифровых ресурсов в обучении студентов.

10. **От 66 до 70 лет.** Преподаватели, входящие в эту группу, демонстрируют разнонаправленные результаты: как высокие оценки по вопросам 4, 9, 15, 18 (4,0; 3,0; 3,0; 3,0 балла соответственно), так и низкие по вопросам 3, 5, 6, 15 (по каждому из них = 1,5 балла). Это может говорить о том, что они активно используют веб-сайты и стратегии поиска, опираются на ИКТ при взаимодействии со студентами, ориентированы на творческое взаимодействие со студентами, однако преподавателями уделяется недостаточно внимания развитию своих цифровых компетенций, использованию собственных образовательных ресурсов, использованию ИКТ для индивидуализации и активного участия студентов

11. **От 71 года и больше**. Самая старшая возрастная группа преподавателей характеризуется самым низким уровнем вовлеченности в процессы цифровизации учебного процесса: самые высокие оценки здесь даны вопросам 1, 4, 17, 18 (2,60; 2,80; 2,6; 2,0 балла соответственно), а самые низкие получили вопросы 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14 (1,60; 1,80; 1,40; 1,60; 1,0; 1,20; 1,80 балла соответственно). Среди высоких показателей те, что фиксируют ориентированность преподавателей на использование ИКТ для работы с коллегами, активное обращение к веб-сайтам и стратегиям поиска, на безопасное поведение студентов в интернете и творческое использование ими ИКТ. Вместе с тем преподаватели самого старшего возраста недостаточно используют собственные образовательные ресурсы, мало обращают внимания защите конфиденциального контента, использованию ИКТ для взаимодействия со студентами, почти не занимаются цифровым оцениванием и анализом данных студентов, недостаточно внимания уделяют использованию ИКТ для индивидуализации и активного участия студентов.

Подведем итог. Можно сделать вывод, что наша гипотеза подтвердилась лишь отчасти. Прямая зависимость между установкой на активное использование ИКТ в учебном процессе и возрастом преподавателей была обнаружена лишь на примере с возрастной группой от 71 года и старше, у которой самые низкие показатели владения цифровыми компетенциями почти по трем из шести областей компетенций (3, 4, 5 области). Это особенно проявляется в использовании цифровых инструментов при оценивании и анализе данных студентов, а также при решении возможных проблем, например, таких, как обеспечение равного доступа к устройствам и цифровым ресурсам. С другими возрастными группами такой закономерности не было выявлено.

Самые высокие и стабильные показатели почти по всем областям цифровой компетентности были обнаружены среди возрастных групп преподавателей от 46 до 50 лет (9 наилучших показателей по различным компетенциям) и от 61 до 65 лет (8 наилучших показателей). Самая молодая группа от 20 до 25 лет, принадлежащая к поколению *Z*, которое характеризуется более значительным уровнем владения цифровыми технологиями, хотя и демонстрирует стабильно высокие результаты в большинстве показателей – она имеет пять самых высоких показателей в первой и пятой областях компетенций, но во второй и третьей, связанных непосредственно с самим процессом преподавания и обучения, заметно уступает более возрастным группам. По четыре наилучших показателя результативности цифровых навыков имеют две группы: от 66 до 70 лет и от 26 до 30 лет. Обратим внимание и на такой интересный факт: группа от 61 до 65 лет ближе к цифровым технологиям по многим показателям, чем группа от 56 до 60 лет. Так что говорить о том, что чем меньше возраст преподавателей, тем выше уровень уверенности в использовании ИКТ не приходится. Результаты нашего исследования дают основание для предположения, что наличие даже небольшого опыта работы приводит к более высоким результатам в использовании цифровых технологий. Следовательно, необходимо внедрять специальные учебные программы для развития цифровых компетенций не только для преподавателей старшего возраста, но и для самой молодой генерации педагогов. Среди всех возрастных преподавательских групп использование ИКТ в образовании должно быть направлено на интеграцию цифровых и профессиолнально-педагогических компетенций.

Литература:

1. Kameneva I. The actual questions of the realization of the personality-oriented educational paradigm in the context of digitalization // E3S Web of Conferences. 2021. № 273. 8 p. (12060). DOI: 10.1051/e3sconf/202127312060. URL: https://www.e3sconferences.org/articles/e3sconf/abs/2021/49/e3sconf_interagromash2021_12060/e3s conf_interagromash2021_12060.html (дата обращения: 24.02.2023).
2. Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В., Ларионова Н.И. Рефлексивная модель анализа цифровых компетенций университетских преподавателей // Вестник экономики, права, социологии. 2024. № 3. С. 272–276.

Socio-Demographic Aspects of Digitalization of Higher Education: Sociological Analysis

Burganova L.A., Yurieva O.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article reveals the specifics of the use of ICT by teachers representing different age groups. The study is a continuation of previous work, in which heuristic possibilities of analyzing the socio-demographic features of digitalization of higher university education were demonstrated, with an emphasis on the influence of the gender factor of teachers on the methodological basis of the reflexive model of the summary assessment of the Likert scale. Based on the results of an empirical study, it is proved that differences in the level of proficiency in digital competencies of university teachers are largely determined not only by their age, but also by their work experience. It is concluded that among all age groups of teaching staff, the use of ICT in teaching students should be aimed at integrating digital and professional pedagogical competencies.

The scientific and practical significance of the study lies in an in-depth understanding of the influence of the age factor and professional experience on the use of ICT by university teachers, which will further develop the theory and practice of digital learning, creating the basis for further research in sociology and pedagogy.

The value and novelty of the research lies in the fact that as a result of the analysis of socio-demographic factors, valuable empirical data have been obtained, which not only expand the theoretical basis of the issue, but also create a practical basis for the effective implementation of digitalization in the educational process. Identifying the need to integrate digital and pedagogical competencies, adapting methods and approaches to the needs of different age categories, opens up new opportunities for the development of educational programs that contribute to the professional development of teachers in the modern digital era.

Keywords: digitalisation, digital competence, professional pedagogical competence, DigCompEdu, Likert scale, age of teachers

УДК 316.334:314.6-053.6(470.331)
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-243-246

Тенденции упадка института семьи и семейных ценностей в современном российском обществе в представлениях молодёжи (на примере молодежи Конаковского района Тверской области)

Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

В статье рассматриваются проблемы формирования семейных ценностей современной российской молодежи, вызванные влиянием западных ценностей и разрывом поколений. Приводится сравнительный анализ упадка семейных ценностей среди молодежи западного и восточного социумов. Увеличение индивидуализма, снижение коммуникаций, утрата традиционных ценностей, дифференциация общества признаны причинами упадка семейных ценностей. Приведены результаты прикладного социологического исследования, в ходе которого выявлены мнения молодежи об основных причинах и последствиях упадка института семьи и семейных ценностей. Результаты данного исследования имеют большую практическую значимость и могут быть использованы для формирования молодежной политики в образовательных организациях и средствах массовой информации для пропаганды семейных ценностей. Выявлены мнения о необходимости повышения престижа института семьи и ключевые пути повышения престижа семейного образа жизни среди молодежи путем пропаганды и рекламы в средствах массовой информации. Исследованы отрицательные тенденции развития института семьи и семейных ценностей в российском обществе в виде отказа от создания семьи, развития движения чайлдфри. Выявлены репродуктивные планы молодежи на будущее по созданию собственных официальных семей. Средствами развития в детях семейных ценностей признан собственный пример поведения и поддержание семейных отношений, привлечение к просветительским мероприятиям.

Ключевые слова: *молодежь, ценности, семья, Тверская область*

Для цитирования: *Вайсбург А.В. Тенденции упадка института семьи и семейных ценностей в современном российском обществе в представлениях молодёжи (на примере молодежи Конаковского района Тверской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 243–246. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-243-246.*

Семейные ценности современной молодежи формируются довольно бессистемно и спонтанно, так как прививаются в условиях полной неопределенности, деградации семьи и отсутствия социального контроля, что проявляется в противоречиях между ценностными и поведенческими ориентациями молодых людей в семейной области и, как следствие, разрушительной составляющей отражаются на последующей реализации молодыми людьми семейных ориентаций и потребностей в семейной практике [1].

Упадок семейных ценностей среди молодежи характерен как для западного социума, так и для восточного. Однако в большей мере кризис свойстве-

нен западной модели организации семейной жизни, что обусловлено гуманистическим подходом, являющимся главной причиной тотальной перестройки семейных ценностей и явствует собой смешение установок на индивидуальность и личностное удовлетворение потребностей в наслаждении и получении удовольствий с минимизацией, а по возможности и полным отсутствием семейных обязательств и ответственности. В восточном социуме, несмотря на трансформации института семьи, прослеживается многовековая передача классических семейных ценностей [2, с. 32].

Сегодня отечественная семья находится на границе между западным и восточным социумом, вследствие чего остро встает проблема выбора в отношении классических семейных ценностей, поддержка и развитие которых станет источником ликвидации назревшего в российском обществе социального и демографического кризиса [3].

Так, отдельные исследователи констатируют, что упадническое состояние современной русской семьи выступает индикатором неблагополучия социализации будущего поколения, трудных внутренних межпоколенных взаимных отношений, роста количества случаев семейного насилия и иных панических составляющих. Подобную модернизацию семьи вызывают такие негативные тенденции, как: старение населения, существенное расслоение российского социума по возрастам и между семьями, повышение общественной уязвимости молодого и старшего поколения, рост количества семей, выпавших из своей социальной среды, опустившихся, конфликтных семей, демонстрируют обострение семейных отношений и повышение проблем современной семьи в целом [4, с. 2].

Появлению выше приведенных обстоятельств упадка института семьи и семейных ценностей способствуют ряд причин, среди которых можно указать:

– распространение в российском социуме таких явлений, как анонимность, недолговечность и поверхностность контактов в общении между индивидами;

– существенное расширение свободы индивида при одновременном снижении общественного контроля;

– трудные социальные и экономические условия жизни людей: повышение цен, финансовые и экономические кризисы, рост безработицы либо отсутствие хорошей работы с достойным заработком, преступность;

– упадок нравственной и духовной области, разрушение традиционной идеологии и системы ценностей и отсутствие новой;

– снижение существенности роли семьи, уничтожение фундаментальных семейных ценностей;

– трудности социальной определенности индивида, утрата ценности человеческого жизненного опыта;

– затухание существенности соседских и родственных связей;

– наличие большого числа разнообразных культурных шаблонов;

– нестабильность социального статуса индивида и рост социальной мобильности;

– общественная и профессиональная неоднородность, деление людей по уровню материального достатка (богатые – бедные);

– разделение социума на формальное и неформальное, производственное и непроизводственное;

– снижение воздействия традиций как механизма регулирования поведения индивида, значительная психологическая свобода от общественного контроля в каждодневной жизни;

– многообразие трудовой и досуговой деятельности людей [5, с. 208].

В 2023 г. было проведено разовое пилотажное исследование методом интервью на тему: «Мнение молодежи Конаковского района Тверской области о причинах и последствиях упадка института семьи и семейных ценностей в российском обществе». В опросе участвовало 6 девушек и 4 юноши различных возрастных категорий: 3 чел. – от 18 до 24 лет; 6 чел. – от 24 до 30 лет и 1 чел. – от 31 до 35 лет. Семейное положение информантов следующее: холост/не замужем – 3 чел.; замужем/женат – 4 чел.; 3 чел. – состоят в «гражданском браке». Опрошенные имеют различный уровень образования: полное среднее образование – 4 чел., среднее специальное – 5 чел. и 1 чел. – незаконченное высшее образование. 7 чел. пока не имеет детей, 2 чел. имеют одного ребенка, 1 чел. имеет двух детей. У 5 информантов уровень материального положения – средний, у 1 – низкий и еще 1 – высокий.

Большинство информантов считает, что сегодня в российском обществе существует упадок института семьи и семейных ценностей (7 чел.), но есть и те, кто считает, что такого явления не наблюдается в российском обществе (3 чел.). И следует отметить, что эта категория информантов относится к группе студентов в возрасте от 18 до 24 лет.

Среди главных причин упадка института семьи и семейных ценностей большинством опрошенных было отмечено: обособление людей друг от друга (7 чел.), развитие индивидуальности и свободы личности (7 чел.), развитие ценза материального и карьерного успеха личности (7 чел.), либерализация семейных, личных и интимных отношений (7 чел.), разделение полового, брачного и репродуктивного поведения (6 чел.), эмансипация женщин, гендерное изменение ее роли (6 чел.), а также деградация моральных и нравственных устоев общества (5 чел.).

Кроме того, среди причин упадка института семьи и семейный ценностей информантами были отмечены отрицание общественной и воспитательной функции семьи (4 чел.), нежелание молодого

поколения брать на себя семейные обязательства и ответственность (3 чел.), отсутствие поддержки родственных связей (1 чел.) и развитие ценностей потребительского общества и прагматичные установки жизнеобеспечения (1 чел.).

В качестве основных последствий упадка института семьи и семейных ценностей опрошенными единодушно отмечены отказ от создания семьи и семейного образа жизни (10 чел.) и добровольная бездетность, то есть добровольный отказ от рождения и воспитания детей (10 чел.). Кроме того, большинство информантов среди таких последствий видят доминирование в российском обществе гражданских браков как альтернативы семьи и брака (8 чел.), искоренение моральных и культурно-нравственных устоев личности (5 чел.).

Также значимыми последствиями упадка института семьи и семейных ценностей, по мнению информантов, являются снижение численности населения (5 чел.), будущая одинокая старость и личностная дезорганизация индивида (3 чел.), снижение социальной значимости материнства и материнского поведения (2 чел.), развитие преступности в стране (2 чел.). По одному человеку были отмечены в качестве последствий: признание добрачных отношений и допустимость множественных сексуальных связей, снижение показателей рождаемости, повышение смертности, обострение демографических проблем.

Информанты единодушны во мнении о необходимости повышать в российском обществе престиж семейного образа жизни, авторитетность института семьи, положительный образ родительства (10 чел.). Среди целей повышения престижа семьи большинством опрошенных было отмечено формирование здорового, морально-нравственного устойчивого российского общества (6 чел.), а также воспроизводство населения страны (4 чел.).

При этом, по мнению большинства информантов, необходимо повышать преимущества семейного образа жизни (6 чел.), а также пропагандировать традиции семейного воспитания (4 чел.), моральные, нравственные и духовные ценности человека (3 чел.), повышать репродуктивные установки молодого поколения (2 чел.), создавать условия для сбалансированного сочетания интересов семьи и отдельной личности (1 чел.) посредством организации информационно-просветительных мероприятий и акций (6 чел.), освещаемых в социальной рекламе (7 чел.), на Интернет-сайтах и в социальных сетях (6 чел.), публикациях в средствах массовой информации (1 чел.), проведения воспитательной работы в семье, учебных заведениях, летних оздоровительных учреждениях (5 чел.), разработке адекватной государственной семейной политики (1 чел.).

По мнению большинства информантов, первоочередным направлением повышения престижа института семьи и семейных ценностей должно стать повышение моральных, нравственных и духовных ценностей человека (4 чел.), так как именно от них зависит отношение человека к семье и семейному образу жизни, целомудрие в половых отношениях, уважение к старшему поколению и приверженность к их мудрости и жизненному опыту, взаимопонимание и доверие родителей и детей и т.д. Среди опрошенных есть те, кто считает первоочередной задачей повышение престижа института семьи и семейных ценностей, развитие репродуктивных установок (3 чел.), формирование общественного мнения о положительной роли семьи в жизни каждого человека (2 чел.), а также разработку такой государственной семейной политики, которая бы способствовала снятию большинства проблем современных семей, в частности, материальных и жилищных проблем, она должна помогать семье и особенно семьям с детьми (1 чел.).

Несмотря на отмеченные информантами отрицательные тенденции развития института семьи и семейных ценностей в российском обществе, большинство опрошенных планируют создание семьи в будущем и рождение детей либо намерены сохранить и развивать уже созданную семью (6 чел.). Есть более прагматические планы, а именно – получить образование, найти хорошую работу с достойным заработком, а потом создать семью с хотя бы двумя детьми, что отметил 1 информант. Но есть и те, у кого в планах на будущее отсутствует намерение создание семьи (3 чел.), среди мотивов такого решения доминирует удовлетворенность свободной и независимой жизнью. Примечательно, что эта категория информантов относится к самой молодой группе опрошенных студентов, возраст которых составляет от 18 до 24 лет.

Что касается приоритетности развития в собственных детях семейных ценностей, большинством опрошенных отмечено развитие в ребенке моральных и нравственных ценностей (8 чел.), в том числе целомудрия в отношениях с партнером (3 чел.), а также необходимость поддержки старшего поколения, уважения их мудрости и жизненного опыта, то есть преемственность поколений (4 чел.), создание, приобщение, развитие и поддержание семейных традиций (2 чел.), положительный смысл семейного образа жизни (2 чел.), эмоционально-ценностные представления (2 чел.) и материальная обеспеченность семьи (1 чел.).

Среди способов и средств развития в ребенке семейных ценностей большинством информантов отмечены личный либо жизненный пример (6 чел.), развитие семейных традиций (6 чел.), поддержание родственных связей (6 чел.), а также знакомство детей с литературно-художественным творчеством (5 чел.), информационно-просветительные мероприятия и акции (4 чел.), воспитательная, просве-

тительская пропаганда положительного семейного образа жизни в телевизионных и радиопередачах (2 чел.), социальная реклама (1 чел.).

Таким образом, акцентируясь на фундаментальной сущности семьи для развития и поддержания стабильности и порядка в социуме, полноценного воспитания и социализации будущего поколения, нужно повышать престиж института семьи и семейных ценностей в российской молодежной среде посредством пересмотра государственной семейной политики в сторону ориентации молодежи на долгосрочные и доверительные семейный отношения, чтобы семья в современном российском социуме выступала высшей ценностью с её основными традиционными функциями и семейными ценностями.

Литература:

1. Кравченко Ю.В. Основные социологические концепции осмысления устойчивости молодой семьи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 5. С. 14–19.
2. Порохнюк Е.В. Ведущие социальные факторы, оказывающие влияние на процесс трансформации традиционной модели семьи и брака: социологический аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С 31–43.
3. Витковский Е.О., Кузнецова О.З. Современное отношение молодежи к семье и браку // Вестник Омского государственного университета. 2019. № 6. С. 33–46.
4. Ляушева С.А. Влияние модернизации общества на институт семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. 2020. № 4. С. 1–6.
5. Малимонов И.В., Король И.Г., Синьковская Л.Г., Рахинский Д.В. Проблемы брачного поведения студенческой молодежи // Российский педагогический и психологический журнал. 2019. № 10. С. 202–218.

Trends in the Decline of the Institution of Family and Family Values in Modern Russian Society in the Views of Young People (on the Example of the Youth of the Konakovsky District of the Tver Region)

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

The article examines the problems of the formation of family values of modern Russian youth caused by the influence of Western values and the generation gap. A comparative analysis of the decline of family values among the youth of Western and eastern societies is given. An increase in individualism, a decrease in communications, the loss of traditional values, and the differentiation of society are recognized as the causes of the decline of family values. The results of an applied sociological study are presented, during which the opinions of young people about the main causes and consequences of the decline of the institution of family and family values are revealed. The results of this study are of great practical importance and can be used to form youth policy in educational organizations and the media to promote family values. The opinions on the need to increase the prestige of the institution of the family and the key ways to increase the prestige of the family lifestyle among young people through propaganda and advertising in the media are revealed. The negative trends in the development of the institution of family and family values in Russian society in the form of refusal to create a family, the development of the Childfree movement are investigated. The reproductive plans of young people for the future to create their own official families have been revealed. The means of developing family values in children is recognized as their own example of behavior and maintaining family relations, involvement in educational activities.

Keywords: youth, values, family, Tver region

УДК 314.372.4:316.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-247-250

Эффективность системы льгот для многодетных семей: социологический анализ

Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

В следствии роста естественной убыли населения в России остро стоит вопрос о повышении рождаемости и разработке эффективных мер для создания большего количества многодетных семей. Проанализирована динамика мер поддержки многодетных семей в России. В статье представлены результаты социологического исследования с целью анализа образа многодетных семей среди молодежи Тверского региона. Результаты данного исследования помогут сформировать наиболее эффективную политику мер для повышения рождаемости и создания многодетных семей среди молодежи. Выявлена достаточная степень информированности о существующих льготах для многодетных семей. Основными льготами, которые могли бы побудить молодежь для создания собственной многодетной семьи, являются льготная ипотека, выделение бесплатного земельного участка, снижение налогов. Определены меры, которые предложили респонденты ввести дополнительно для развития многодетности в России.

Ключевые слова: *многодетная семья, льготы, молодежь, Тверской регион*

Для цитирования: *Вайсбург А.В. Эффективность системы льгот для многодетных семей: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 247–250. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-247-250.*

В настоящее время демографическая ситуация в России является одной из ключевых проблем. Согласно данным Росстата, естественная убыль населения (превышение числа умерших над числом родившихся) в РФ за последние годы оценивается следующим образом: в 2019 г. – 317,2 тыс. чел.; в 2020 г. – 688,7 тыс. чел.; в 2021 г. – 1 млн 042,7 тыс. чел.; в 2022 г. – 599,6 тыс. чел.; в 2023 г. – 500,3 тыс. чел. [1].

Пути повышения рождаемости, внедрение целого ряда новых мер поддержки для рождения детей активно формируются.

В дореволюционной России ключевую роль в поддержке деторождения играла христианская религия и многодетность считалась нормой. При правлении Петра I были введены первые системные меры по поддержке детей-сирот. С 1724 г. стала возможна передача детей из приютов в богатые семьи в качестве слуг [2]. Екатерина II продолжила и углубила развитие мер поддержки многодетных и беременных; в конце XIX в. была введена система их социального страхования [3].

С 1918 г. в Советской России формируется система страховых гарантий для беременных женщин и молодых матерей. Многодетные семьи получают социальные выплаты от государства: ежегодные пособия, получали «семьи, в которых родился 7-й и каждый последующий ребенок до достижения им возраста 5 лет» [4]. С 1944 г. трактовка понятия «многодетная» семья была трансформирована. Пособия выплачивались при рождении 3-го и каждого последующего ребенка по прогрессивной шкале (аналогично до достижения ребенком возраста 5 лет) [5, с. 20]. С 1991 г. наблюдалась стагнация

мер поддержки многодетных семей, сокращение их количества. Вплоть до 2005 г. структура поддержки многодетных семей была очень скудной и адресной [6]. С 2005 г. введен материнский капитал и расширен еще ряд мер [7]. Далее с 2019 г. были приняты ковидные/постковидные меры, включающие в себя денежные выплаты, натуральные льготы, улучшения условий проживания, предоставления земельных наделов и др. для многодетных семей [8].

Таким образом, во все времена существовали меры поддержки многодетных семей, однако их содержание и структура изменялись. Однако в последнее время в связи с многолетней политикой наращивания мер поддержки многодетности общественность все больше стала воспринимать распространение многодетных семей как погоню за прибылью и выгодой. По результатам исследования на тему «Образ жизни многодетной семьи в России и задачи демографической политики» в 2015 г. [9] россияне заявляли, что многодетные мамы характеризуются социальным неодобрением, переходящим в отторжение. Многодетных оценивают как иждивенцев, зависимых от льгот государства. Наиболее эффективными мерами поддержки респонденты считают: «быстрое предоставление многодетным отдельных квартир (62,4 %), совершенствование системы государственных пособий (54,3 %), выплата после рождения третьего ребенка семейной заработной платы (52,9 %), освобождение многодетной семьи от уплаты налогов (51,5 %)» [10, с. 114].

Летом 2024 г. при содействии магистрантов направления «Социология» Тверского государственного технического университета К. Рубичевой, С. Дометиной, Д. Добрякова, С. Степановой был проведен онлайн-опрос, посвященный изучению образа многодетных семей среди молодежи Тверского региона в возрасте от 14 до 35 лет. В пилотажном, разовом исследовании приняли участие 550 чел. 81,5 % опрошенных – представители городов и поселков городского типа Тверской области, 18,5 % – жители деревень, сел, поселков сельского типа. Были опрошены жители городов Тверь, Бежецк, Ржев, Торопец, Старица, Белый, пгт. Сонково, а также поселков сельского типа Калининского, Максатихинского, Бельского, Конаковского районов. 52 % женщин, 48 % мужчин. Среди них 60 % лиц в возрасте 26–35 лет, 23,1 % – 19–25 лет, 16,9 % – 14–18 лет. 55 % молодежи холосты или не замужем, 40% – женаты, замужем или имеют «гражданский брак», 5 % – разведены. Большинство опрошенных (80,9 %) из полной семьи, в которой имеются оба родителя. Но каждый пятый представитель молодежи Тверского региона из неполной семьи, имеющий только одного из родителей. 81,3 % респондентов имеют средний уровень материального достатка, 11,8 % – высокий и 6,9 % – низкий.

Согласно результатам исследования, молодежи Тверского региона известны в различной степени все перечисленные в анкете льготы (рис. 1) для многодетный семей. Около половины опрошенных знают о таких льготах, как: пособия на детей, материнский капитал (56,2 %), бесплатное школьное питание и школьная форма (54,4 %), скидка на оплату коммунальных услуг (48,5 %), льготная ипотека (47,3 %), льготное поступление детей в детские сады (45,1 %), льготы на проезд, парковку, авиабилеты, акции от «РЖД» (44,5 %). Каждый 3–4-й опрошенный знает о следующих льготах: получение бесплатного земельного участка (39,3 %), бесплатный проход в музеи, парки культуры, на выставки раз в месяц (38,2 %), медаль «Мать-героиня» и «Родительская слава» (36,7 %), уменьшение налогов (34 %), трудовые гарантии родителя (досрочная пенсия, нерасторжение трудового договора, отпуск в удобное время) (32,5 %), бесплатные рецептурные лекарства для детей до 6 лет (31,6 %), льготные кредиты на покупку стройматериалов и строительство жилья (27,8 %).

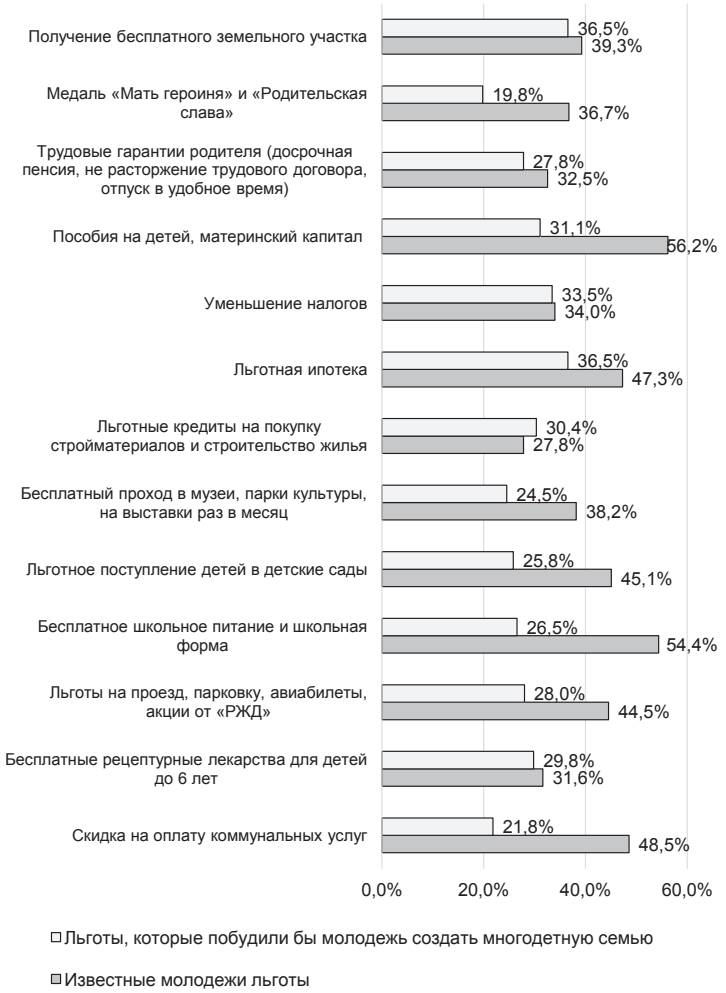

Рис. 1. Система льгот для многодетных семей глазами молодежи Верхневолжья

В качестве льгот, которые побудили бы молодежь Верхневолжья в будущем создать многодетную семью, наиболее действенными были названы: льготная ипотека (36,5 %), получение бесплатного земельного участка (36,5 %), уменьшение налогов (33,5 %). В меньшей степени стимулировали бы к рождаемости примерно каждого третьего респондента такие меры, как: пособия на детей, материнский капитал (31,1 %), льготные кредиты на покупку стройматериалов и строительство жилья (30,4 %), бесплатные рецептурные лекарства для детей до 6 лет (29,8 %), льготы на проезд, парковку, авиабилеты, акции от «РЖД» (28 %), трудовые гарантии родителя (досрочная пенсия, нерасторжение трудового договора, отпуск в удобное время) (27,8 %), бесплатное школьное питание и школьная форма (26,5 %), льготное поступление детей в детские сады (25,8 %). Наименьшее стимулирующее воздействие отмечает примерно каждый пятый опрошенный посредствам таких мер, как: бесплатный проход в музеи, парки культуры, на выставки раз в месяц (24,5 %), скидка на оплату коммунальных услуг (21,8 %), медаль «Мать героиня» и «Родительская слава» (19,8 %) (рис. 1). Однако все перечисленные меры опрошенные в различной степени признали как льготы, побуждающие их на создание многодетной семьи.

Респондентам было предложено указать дополнительные льготы, которые могли бы побудить их к созданию многодетной семьи. Однако при ответе на данный вопрос более половины представителей молодежи (58,5 %) заявили, что не знают или что никакие меры не стимулируют их на создание многодетной семьи. Среди тех, кто назвал дополнительные льготы, предложены были следующие варианты:

1. Жилищные льготы: на покупку жилья, выделение квартиры ребенку, выделение бесплатного земельного участка, скидка на коммунальные услуги, льготы на покупку материалов для строительства.

2. Экономические льготы: увеличение существующих выплат, льготы на покупку машины, льготы на путешествия, льготы на продукты, льгота на няню для детей, дополнительное финансирование на протяжении 18 лет каждого ребенка, льготы и скидки в детских магазинах.

3. Социальные льготы: сокращение рабочих часов для многодетных родителей, льготы на лечение родителей и детей, бесплатный проезд на общественном транспорте для детей из многодетных семей, психологическая помощь квалифицированных специалистов для матерей и отцов многодетных семей.

4. Образовательные льготы: льготы на образование детей, бесплатные культурно-образовательные программы.

Таким образом, меры поддержки многодетных семей существовали с давних времен и претерпели многочисленные изменения в зависимости от политики государства и демографической ситуации в стране. Согласно результатам исследования, молодежь Верхневолжья знает о всех льготах для многодетный семей. Каждого третьего опрошенного может побудить на создание собственной многодетной семьи льготная ипотека, получение бесплатного земельного участка, уменьшение налогов. Большинство респондентов никакие меры не подтолкнут на многодетность. Молодежь также предлагает введение ряда дополнительных льгот, которые могли бы содействовать построению более эффективной демографической политики в стране и повысить уровень рождаемости среди молодежи.

Литература:

1. Численность населения России по годам: 1992–2024. URL: http://global-finances.ru/chislennost-naseleniya-rossii-po-godam/ (дата обращения: 29.08.2024).
2. Басов Н.Ф. Развитие призрения и помощи семьям в дореволюционной России // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. № 1. С. 149–153.
3. Мухин И.В., Малых И.В. Право работающей женщины на пособие по уходу за ребенком до полутора лет: история и современность // Право и политика. 2019. № 3. С. 75–96.
4. Елизаров В.В. Теория и практика демографической политики в СССР // Статистика и Экономика. 2017. № 5. С. 71–84.
5. Ромайкин П.Д. Система социальной поддержки семей с детьми: первый опыт и история развития // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 1. С. 16–27.
6. Ромайкин П.Д. К вопросу об усилении адресности мер социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации // Самоуправление. 2021. № 1. С. 405-408
7. Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Материнский (семейный) капитал как программа поддержки семей с детьми: итоги реализации и перспективы развития (часть первая) // Уровень жизни населения регионов России. 2020. № 3. С. 38–48.
8. Помощь многодетным семьям в 2019 году: чем регулируются права многодетных родителей? URL: https://zakonguru.com/izmeneniya/pomoshh-mnogodetnym.html (дата обращения 22.08.2024).

9. Чижикова Е.С. Факторы, детерминирующие установку на деторождение // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 12. С. 107–112.
10. Бухтиярова И.Н., Грудина Т.Н. Образ многодетной семьи глазами общественного мнения // Социодинамика. 2017. № 5. С. 108–119.

The Effectiveness of the Benefits System for Large Families: a Sociological Analysis

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

As a result of the growth of natural population decline in Russia, the issue of increasing the birth rate and developing effective measures to create more large families is acute. The dynamics of measures to support large families in Russia is analyzed. The article presents the results of a sociological study aimed at analyzing the image of large families among the youth of the Tver region. The results of this study will help to form the most effective policy of measures to increase the birth rate and create large families among young people. A sufficient degree of awareness about the existing benefits for large families has been revealed. The main benefits that could encourage young people to create their own large family are preferential mortgages, allocation of free land, and tax cuts. The measures proposed by the respondents to introduce additional measures for the development of large families in Russia have been identified.

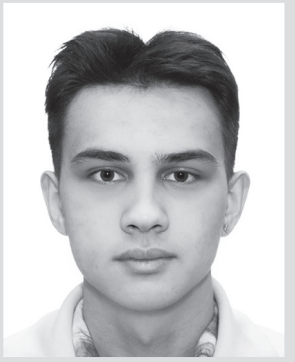
Keywords: large family, benefits, youth, Tver region

УДК 316.34
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-251-255

Социальная типология личности: «человек – одинокий»

Волкова Е.В.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательского технологического университета

Шарифулин Д.Т.
Студент Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета

Мухаметшин А.Р.
Студент Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета

Данная статья направлена на изучение проблем одиночества. В исследовании выделен феномен «человек–одинокий» и предложено его толкование. В статье решены задачи по определению причин одиночества и путей решения этой проблемы на основании проведенного социологического опроса. Доказано, что социальная среда является сегодня основным условием распространения этой проблемы. Новизна исследования заключается в том, что современный молодой человек пытается решить проблему одиночества через призму одиночества, таким образом загоняя себя дальше от истинного пути решения этого вопроса.

Ключевые слова: *одиночество, феномен «человек-одинокий», пути решения проблем одиночества, социальная типология личности, социализация, изменение ценностных ориентиров*

Для цитирования: *Волкова Е.В., Шарифулин Д.Т., Мухаметшин А.Р. Социальная типология личности: «человек – одинокий» // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 251–255. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-251-255.*

Вопрос одиночества всегда волновал не только психологов, социологов, но и других представителей науки, занимающихся исследованиями в различных областях, и часто становился проблемой для простого обывателя. Сейчас, когда в современном мире идет целенаправленная атака на человеческую личность, а «мир одиноких людей» – не просто фраза, а окружающая нас действительность, данная проблема становится наиболее актуальной для научных изысканий.

В нашем исследовании мы рассматриваем проблему одиночества с позиций трех научных подхо-

дов: философского, психологического и социологического.

Философский подход связывает одиночество со смертью. В работах У. Сандлера показано, что человек вне общества действительно был бы обречен на смерть с большой вероятностью [1]. В средневековой философии из-за влияния института религии на общество появилась идея, что одиночество можно рассматривать как способ единения с Богом. Однако генезис научной мысли все же привел к идее, что изменения в образе жизни людей порождают стремления у человека дистанцироваться друг от друга.

Психологический подход, в свою очередь, рассматривает одиночество как «состояние мучительных переживаний» [2]. Интересная мысль прослеживается в статье Е.В. Алексеевой о представлении «одиночества» как состояния и своего рода, показателя сформированности и зрелости личности в психологическом плане. Суть этой идеи в том, что человек «в идеале» должен быть полностью морально независим от общества и не испытывать никакого дискомфорта в одиночестве с самим собой [2].

Социологический подход в нашем исследовании представлен работой американского социолога Р. Вайсса, который описывает одиночество как «отсутствие доступного круга общения и удовлетворения социальных связей» [3]. Это определение раскрывает одиночество как неудовлетворенность собственным социальным положением, отсутствием «полезных» межличностных связей. Человек чувствует себя неуютно, поскольку не может в достаточной степени социализироваться и удовлетворять свои социальные потребности. Раскрывая феномен одиночества, социолог вводит понятие «эмоциональное одиночество», которое характеризуется как «состояние, вызванное отсутствием близкой психологической привязанности» и которое могут испытывать даже люди высокого социального статуса с широким кругом межличностных связей [3].

Работы Е.В. Волковой по социальной типологии и определению понятия личности интересуют нас в том аспекте, что личность человека, сама по себе, рассматривается как гибкая человеческая эмоциональная целостность, которая может изменяться при определенных социальных обстоятельствах и при изменении условий окружающей среды [4]. Увеличение одиноких людей в обществе с точки зрения социальной типологии как инструмента управления социумом ведет к ослаблению социальной системы, делает общество более податливым к изменениям различного рода, ведь одинокими людьми в таком обществе легко манипулировать [5].

Таким образом, теоретический анализ трудов различных исследователей позволил нам сформулировать научную проблему, которая заключается в том, что увеличение числа одиноких людей в обществе может привести как к гибели самого общества, так и к его переформатированию, навязыванию самых разных идеологических фальсификаций и ложных ценностных ориентиров.

Ориентируясь на обозначенную научную проблему, мы определили задачи нашего исследования:

1) провести социологический опрос по вопросам проблемы одиночества;

2) дать определение понятиям «одиночество» и «человек – одинокий»;

3) выявить основные причины одиночества, основываясь на результатах социологического опроса;

4) определить пути решения проблемы одиночества.

Для проведения социологического опроса мы разработали анкету с авторским банком тематических вопросов на основе требований, представленных в работе Ж.В. Пузановой, И.В. Троцюк, М.И. Витковской [6]. В качестве цифрового инструментария мы использовали Google-форму. В опросе приняли участие 200 респондентов, из которых 67 % составляли мужчины и 33 % – женщины, в основном проживающие на территории Российской Федерации. Возраст участников опроса колеблется от 18 лет до 60 лет, а именно 28 % респондентов (56 чел.) – это люди старше 50 лет, 24 % респондентов (48 чел.) – это представители поколения от 20–30 лет и, наконец, самая массовая часть участников опроса, а именно 48 % респондентов (96 чел.) – это студенты Казанского национального исследовательского технологического университета в возрасте от 18 до 20 лет. Им было предложено ответить на следующие типы вопросов:

1. По-вашему мнению, одиночество – это:

• состояние личности, при котором человек чувствует себя никому ненужным, не видит перспектив своей жизни, замкнут, находится в депрессивном состоянии;

• состояние души «человека», при котором ему спокойно и ему никто не нужен, это комфортное состояние для творческих людей;

• комбинация чувств человека, которую он может ощущать в зависимости от эмоционального состояния и ситуации;

• другое: …

2. С каким из предложенных утверждений феномена «человек – одинокий» Вы согласны? (Сделать свой выбор или дать свое заключение).

3. Какие из причин одиночества Вы считаете наиболее значимыми? Проранжируйте Ваш ответ от 1 до 6, где 1 – наименее значимые показатели, 6 – наиболее значимые. Используйте каждую оценку только один раз.

4. В чём Вы видите пути решения проблемы одиночества? (Выберите 2-3 варианта):

• популяризация семейных ценностей в обществе;

• психологическая самотерапия, принятие своих чувств, поиск общения, повышение личной мотива-

ции для решения этого вопроса, поиск причин личного состояния;

• переключение внимания на любовь к животным;

• вмешательство со стороны человека и создание специализированных социальных программ;

• вмешательство со стороны государства и создание специализированных социальных программ;

• другое: …

5. Считаете ли вы себя одиноким человеком? (Да/Нет)

6. Испытывали ли вы чувство одиночества в жизни? (Да/Нет)

7. Укажите Ваш возраст, пол, гражданство.

Задача по определению такого социального феномена, как «одиночество», решалась следующим образом: нами были составлены несколько авторских формулировок этого феномена, из которых респондентам было предложено выбрать наиболее отвечающую их взглядам.

Мы обратили внимание на тот факт, что респонденты старше 50 лет поставили этот вопрос под сомнение, поскольку научились воспринимать жизнь в позитивном ключе. Они просто предложили заменить этот термин в исследовании на «капитализацию душевного состояния человека». Данное поколение воспринимает все жизненные неурядицы лишь как повод применить по отношению к ним различные социальные инструменты и разрешить вопрос соответствующим образом. Однако, почти 41 % респондентов считают, что одиночество – это «состояние личности, при котором человек чувствует себя никому ненужным, не видит перспектив своей жизни, замкнут, находится в депрессивном состоянии».

Задача по определению феномена «человек – одинокий» как социального типа личности решалась через выбор предложенного утверждения. Большинство респондентов, а именно около 38 %, связывают это понятие с внутренним состоянием личности человека и стараются избегать определенных клише. Респонденты представляют человека–одинокого как «социальный тип личности, чьё поведение отражает комбинацию различных состояний личности в зависимости от жизненной ситуации». Целостную картину об ответах респондентов можно увидеть в таблице 1.

Стоит обратить внимание на следующую особенность, сформировавшуюся в ходе ответов респондентов на третий вопрос и заключающуюся в попытке политизировать феномен одиночества через перекладывание ответственности за данную социальную проблему на государство. Такая точка зрения, которую, в какой-то степени, можно трактовать как проявление радикализма, наблюдается менее чем у 1 % респондентов.

Задача по определению причин одиночества была решена следующим образом. По результатам опроса, к наиболее значимым причинам одиночества респонденты отнесли социальные и личностные. Возросшая роль социальных сетей в жизни человека совершенно не смущает респондентов, что говорит о том, что скорее всего они видят и рассматривают их как инструмент социализации, а не изоляции личности. Низкая позиция феномена «психологических границ» наталкивает нас на мысль, что они могут позиционироваться респондентами как средство борьбы с социальными причинами одиночества и отгораживать человека от абьюзивных отношений, буллинга и др. В ходе опроса стало ясно, что высокая степень урбанизации является наименее значимой причиной одиночества скорее всего потому, что большая часть участников опроса привыкла к жизни в больших городах, а соответственно, к ее высокому темпу. Полную картину причин одиночества в ответах респондентов можно увидеть в таблице 2.

Задача по определению путей решения проблем одиночества также решалась на основании результатов опроса. На этот вопрос почти 90 % респондентов ответили, что видят ее решение в психологической самотерапии, что, по-нашему мнению, закономерно в силу доступности и популярности психологической помощи населению на сегодняшний момент. Далее, в порядке убывания расположились следующие позиции в решении вопросов, связанных с одиночеством: популяризация семейных ценностей в обществе (37 %), переключение внимания на любовь к животным (33 %) и вмешательство со стороны государства (20 %). Низкая оценка

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на определение понятия «человек – одинокий»

Вариант ответа	Количество респондентов, выбравших данный вариант
Человек одинокий – это социальный тип личности, внутреннее состояние которого ощущается личностью как покинутость, изолированность, опустошённость	33,5 %
Человек одинокий – это индивидуум, вся энергия которого направлена на развитие своего внутреннего «Я», как правило, «интроверт», ведущий замкнутый и нелюдимый образ жизни, но одновременно позиционирующий себя как развитая личность	28 %
Человек одинокий – это социальный тип личности, чьё поведение отражает комбинацию различных состояний личности в зависимости от жизненной ситуации	37,5%
Состояние души, когда человек чувствует себя одиноким и брошенным в силу жизненных обстоятельств	0,5%
Брошенный государством	0,5%

Таблица 2

Распределение ответов респондентов по степени значимости их видения причин одиночества

Позиция для респондентов по степени значимости	Причина
1	Социальные причины (проблемы в семье, абьюзивные отношения, буллинг, тяжёлая жизненная ситуация и т. д.)
2	Страх быть отвергнутым
3	Зацикленность на личном успехе
4	Повышение значимости социальных сетей, перемещение личных коммуникаций в виртуальное пространство
5	Феномен «психологических границ личности» (т.е. человек расставляет чёткие внутренние границы, за которые никого к себе не подпускает)
6	Высокая степень урбанизации населения, где человек теряется в городском пространстве

третьего варианта в контексте решения проблемы одиночества говорит о том, что респонденты рассматривают пути выхода из состояния одиночества сквозь призму личностно-ориентированного подхода к данному феномену и невозможности государства выступить ее эффективным регулятором.

Также стоит отметить, что в ответах на этот вопрос наблюдаются свободные ответы респондентов [7]. Среди вариантов можно увидеть следующие: «обращение в негосударственные центры реабилитации», что частично подтверждает наш предыдущий тезис; «изучение феномена одиночества и поиск людей, страдающих от него»; «борьба с буллингом»; «самообразование»; «расширенное преподавание в общеобразовательных учреждениях дисциплин, затрагивающих область человеческих отношений»; «психотерапия».

Менее 1 % респондентов поставили под сомнение позиционирование одиночества как проблемы. Также менее 1 % участников опроса в качестве альтернативы в решении проблемы одиночества видят использование таких социальных сетей, как *TikTok*.

В ходе анализа результатов исследования выяснилось, что 17 % респондентов, преимущественно студентов Казанского национального исследовательского технологического университета, испытывают чувство одиночества. На самом деле, это довольно большой процент и тревожный факт, если учитывать возраст участников до 25 лет, ответивших утвердительно на этот вопрос. При этом стоит отметить, что 77 % респондентов ответили, что испытывали чувство одиночества, однако одинокими людьми себя не считают.

Итак, если рассматривать социальную типологию личности как инструмент управления обществом, то наше исследование абсолютно оправдано и результативно.

Во-первых, данные исследования показали, что одна из причин одиночества – это социальная. А социальная среда включает не только всю нашу жизнь с ее заложенными ценностями в семье, но и влияние различных идеологий от ЛГБТ сообществ до движений чайлдфри, квадроберов, всего того, что разрушает полноценную природную жизнь человека и превращает его в человека одинокого, легко управляемого и без определенной жизненной опоры.

Во-вторых, исследование выявило так же противоречивую тенденцию по влиянию городской и цифровой среды на человека. Нам иногда кажется, что цифровые инструменты и продвинутые технологии, все эти многочисленные нейросети направлены на поиск быстрых решений. А на самом деле, они воруют наше свободное время, делая нас опустошенными и не имеющими сил для вербальной коммуникации. В социальной типологии среда – это именно тот фактор, который формирует и развивает человеческую личность. Однако исследование также выявило такую особенность, что процессы урбанизации и цифровизации населения нашего пространства уже не воспринимаются молодежью как деструктивно влияющие на него, молодое поколение живет в этом пространстве и не замечает порой, его вредоносного влияния.

В-третьих, исследование показало степень актуальности решения проблемы одиночества в современном мире. Почти 90 % респондентов видят выход из состояния одиночества черед психологическую самотерапию, где ключевым является приставка «само-», что фактически говорит нам о том, что молодые люди отдают предпочтение одиночеству как способу решения этой проблемы. И здесь есть о чем задуматься и определить поле для дальнейшего расширения научного поиска этой проблемы.

Литература:

1. Садлер У. От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 21–51.

2. Алексеева Е.В. К анализу сущности понятия «одиночество» как социально культурного феномена // XVIII Межд. конф. памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 22–28.
3. Вайсс Р.С. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 114–128.
4. Волкова Е.В. Научный генезис феномена «личность» // Перспективы науки. 2020. № 4(127). С. 164–168.
5. Волкова Е.В. Социальная типология личности: современный формат // Управление устойчивым развитием. 2021. № 2(33). С. 90–95.
6. Пузанова Ж.В., Троцюк И.В., Витковская М.И. Практикум по курсу «Методология и методика социологических исследований». М: Издательский дом «Высшее образование и наука», 2016. 272 с.
7. Волкова Е.В. Экспериментальная оценка динамики межкультурной коммуникативной компетенции у студентов технического университета // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 22. С. 377–380.

Social Typology of Personality: «a Lonely Person»

Volkova E.V., Sharifulin D.T., Muhametshin A.R.
Kazan National Research Technological University

This article focuses on studying the problems of loneliness. The research identifies the phenomenon of "a lonely person" and offers its interpretation. The article solves the problems of determining the causes of loneliness and ways to solve these questions based on a sociological survey. It is proven that the social environment is the main condition for the spread of the problem of loneliness today. And the novelty of this study lies in the fact that a modern young person tries to solve the problem of loneliness through the prism of loneliness, thus driving himself further from the true path to solving this issue.

Key words: loneliness, the phenomenon of the "a lonely person", ways to solve the problems of loneliness, social typology of personality, socialization, change of value-based orientations

УДК 502.131.1:316.334.52
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-256-260

«Устойчивое развитие сельских территорий» в многонациональном российском регионе: конфессиональный аспект реализации концепции*

Галлямов Р.Р.
Доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Ураев Р.Р.
Кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета (Уфа)

На основе анализа новейших подходов к характеристике концепта «устойчивое развитие сельских территорий», сформулированных в отечественных научных исследованиях и нормативно-правовых документах, авторы предлагают оригинальное определение понятия, акцентируя внимание на его социально-гуманитарной составляющей, считая ее определяющей в исследуемом феномене. Именно социальное содержание и функции устойчивости сельских территорий являются ключевыми характеристиками рассматриваемого концепта в связи с тем, что задают его базовое целевое значение и доказывают необходимость развития синергетических механизмов совершенствования общественного устройства в сельской местности. Между тем в отечественных публикациях практически не рассматриваются такие важнейшие составляющие социально-гуманитарного и духовно-идеологического развития сельских территорий, во многом задающие ее устойчивость, как: сохранение и возрождение этничности, взаимодействие субэтносов и межэтнические отношения, ренессанс религиозности в сельской местности, внутри- и межконфессиональные взаимоотношения. Целью статьи является анализ конфессионального аспекта реализации социально-гуманитарной составляющей концепта «устойчивое развитие сельских территорий» применительно к такому полиэтничному российскому региону, как Республика Башкортостан, разработка конкретных способов его реализации. В статье предлагается осуществление различных направлений деятельности в качестве основных мероприятий по реализации конфессионального аспекта концепции «устойчивое развитие сельских территорий».

Ключевые слова: *устойчивое развитие сельских территорий, социально-гуманитарная составляющая концепции, многонациональный российский регион, конфессиональный аспект реализации*

* Р.Р. Галлямовым статья выполнена в рамках осуществления государственного задания № АААА-А21–121012290084–6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений» (дата гос. регистрации 22.01.2021 г.).

Для цитирования: *Галлямов Р.Р., Ураев Р.Р. «Устойчивое развитие сельских территорий» в многонациональном российском регионе: конфессиональный аспект реализации концепции // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 256–260. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-256-260.*

В течение последних двух десятилетий в отечественной обществоведческой науке чрезвычайно активно разрабатывается проблематика исследований феномена устойчивого развития (англ. «*sustainable development*») сельских территорий. Естественно, что этот процесс является результатом актуализации проблем устойчивого развития в современной мировой науке, получившей, в свою очередь, мощный толчок к развитию под влиянием ведущих международных правовых документов, в том числе документов Организации Объединенных Наций, сформулировавшей семнадцать основных целей устойчивого развития, в которых ставится задача «восстановления нарушенного современной цивилизацией баланса между странами, социально экономическими группами, между природой и обществом, между обществом и человеком» [1].

Интенсивное исследование проблемы привело к появлению многочисленных научных работ, в которых анализируются ее различные аспекты. О степени интенсивности разработки данной проблемы в отечественной науке говорит хотя бы тот факт, что, только по нашим, далеко не полным подсчетам, в течение последних пятнадцати лет российскими авторами было защищено свыше пяти докторских и около этого количества кандидатских (то есть в совокупности – более десяти) диссертаций, посвященных непосредственно проблеме устойчивого развития сельских территорий.

Наряду с результатами интенсивных научных исследований, проблеме «устойчивое развитие сельских территорий» повезло и с точки зрения разработки нормативно-правового обеспечения этого процесса: отечественными законодателями создано и принято к исполнению несколько важных федеральных документов по указанной тематике. Наибольшей фундаментальностью в этом смысле отличается «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 г. № 151-р [2].

Вместе с тем, как показывает проведенный нами компаративный анализ всех основных подходов к определению понятия «устойчивое развитие сельских территорий», зафиксированных как в научных разработках [3; 4; 5], так и в нормативных документах [2], практически все предлагаемые определения отличаются преимущественно экономической или институциональной ориентацией, игнорируя или затрагивая лишь вскользь социальное значение рассматриваемой нами категории. При этом именно социальное содержание и функции устойчивости сельских территорий, на наш взгляд, являются ключевыми характеристики рассматриваемого концепта, так как: во-первых, задают именно его целевое (то есть чего достигнуть), а не инструментальное (при помощи чего достигнуть) значение; во-вторых, выводят на необходимость создания самоуправляющихся, синергетических механизмов совершенствования общественного устройства в сельской местности.

В экономических разработках проблемы «устойчивого развития сельских территорий» превалируют детерминации воспроизводства аграрной экономики и населения, в лучшем случае – качества жизни селян. Лишь в определениях экономистов А.Н. Грекова и Н.В. Мурашовой встречаются размышления о необходимости «повышения уровня и улучшения качества жизни сельского населения при сохранении природно-ресурсного, историко-культурного и духовно-нравственного потенциала сельской местности» [6, с. 12] и «сохранения и приращения социально-этнического и историко-культурного потенциала населения» [7, с. 11].

За пределами внимания большинства российских ученых остаются такие важнейшие составляющие социально-гуманитарного и духовно-идеологического развития сельских территорий, во многом задающие ее устойчивость, как: сохранение и возрождение этничности, взаимодействие субэтносов и межэтнические отношения, ренессанс религиозности в сельской местности, внутри- и межконфессиональные взаимоотношения.

Вышеизложенный краткий анализ основных отечественных определений смысла и содержания концепции «устойчивое развитие сельских территорий» [3; 4; 5; 8; 9] позволяет нам сформулировать его авторскую дефиницию. *Устойчивое развитие сельских территорий,* на наш взгляд, *представляет собой целенаправленный и системный процесс, комплексно организуемый государственными и муниципальными органами, бизнесом и институтами гражданского общества на основе осуществления экономически эффективного и экологически оптимального аграрного воспроизводства посредством сбалансированного пространственного и других направлений социально-экономического развития села с целью достижения высокого и непрерывно улучшающегося образа жизни при сохранении и возрождении традиционных этнокультурных и этнорелигиозных ценностей, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений.*

Как показывает практика общественного развития территориальных образований нашей страны,

специфическая картина возрождения и развития этноконфессионального фактора устойчивого развития наблюдается в таких российских регионах, как Республика Башкортостан, которая отличается высоким уровнем многоэтничности и поликонфессиональности проживающего здесь населения, в том числе – в сельской местности.

Наибольшую актуальность приобретает на современном этапе, в условиях, с одной стороны, усиливающейся мировой глобализации, с другой – возрождения традиционных этнокультурных и религиозных ценностей, проблема реализации социально-гуманитарного аспекта устойчивого развития сельской территории в многонациональных российских регионах и макрорегионах. Практически эксклюзивное положение, не только в Российской Федерации, но и в масштабах всего бывшего Советского Союза, занимает в этом смысле Республика Башкортостан, расположенная на территории Приуралья и Южного Урала. Этот российский регион, как показывают расчеты, является одной из наиболее полиэтничных и многоконфессиональных территорий нашей страны, по показателям этнической смешанности (мозаичности) населения уступая только Дагестану на Северном Кавказе. На территории современного Башкортостана отложились в сельской местности множество этносов и этнических групп. Эти народы, начиная с середины XIX в. и вплоть до эпохи нацстроительсва в советском государстве, в этом макрорегионе сформировались в общности этнонационального типа. В результате, согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., три самых многочисленных народа в Республике Башкортостан – это русские (36,9 %), башкиры (31,0 %) и татары (23,9 %), которые вместе составляют 91,8 % населения. Кроме того, на территории республики мирно сосуществуют несколько народов, включая тюркские (чуваши – 1,9 %), финно-угорские (марийцы – 2,1 %, удмурты – 0,4 %, мордва – 0,3 %) и славянские (украинцы – 0,4 %, белорусы – 0,1 %), которые проживают на этой территории уже многие века, начиная с середины XVI в. [10].

В советские и постсоветские времена переписи населения не учитывали религиозную принадлежность людей, поэтому мы можем только приблизительно определить конфессиональную принадлежность жителей определенной территории, основываясь на данных этнического состава традиционных религиозных общин. На основе этнографических данных, зафиксированных статистически, можно группировать население Башкирии в три категории: «потенциальные православные» (русские, украинцы, белорусы, мордва и чуваши), которые составляют более 40,5 % населения, «потенциальные мусульмане» (башкиры и татары, исповедующие суннитский ислам) – почти 55 % населения и «потенциальные язычники» (марийцы и большинство удмуртов) – 3,1 % населения. Исходя из этого, религиозное возрождение на территории Башкирии объективно могло предположительно изменяться за последние сорок пять лет следующим образом: в течение всего этого периода у мусульман оно могло вырасти на 6,14 %, у православных – сократиться на 9,3 %; у язычников – тоже уменьшиться [11, с. 56–61].

В сельской местности Башкортостана в структуре этноконфессионального состава населения за последние сорок пять лет наблюдалась другая ситуация. Во-первых, мусульмане уже в 1979 г. кратно преобладали над представителями других конфессий, в том числе – над православными. Это было вызвано тем, что в ходе масштабной урбанизации, проходившей в республике в 1930 – 1950-е гг., «православные» этносы в значительной степени мигрировали в города, особенно – в крупные агломерации. Русские, украинские и белорусские деревни опустели, а многие даже прекратили существование, исчезнув с географических карт. В то время как татарские и особенно башкирские деревни демографически развивались динамично вплоть до начала процессов «перестройки». Во-вторых, абсолютное большинство башкирских и татарских (т.е. потенциально – мусульманских) населенных пунктов сохранило моноэтничный состав населения и поэтому в них процесс постсоветского исламского религиозного возрождения происходил более стремительно, чем в городах и сельских населенных пунктах, заселенных представителями других конфессий [12, с. 81–90].

Православные храмы и приходы имеют в Башкирии преимущественно городской характер, так как расположены в восстановленных и вновь воздвигнутых церквях в основном в городах и при монастырях. В сельской местности православных храмов насчитываются единицы, равно как и действующих приходов. Несмотря на их малочисленность, некоторое возрождение переживают группы, проповедующие языческие вероисповедания, особенно в районах республики, традиционно заселенных марийцами и удмуртами.

Так или иначе, масштабное возрождение религиозного самосознания, развернувшееся уже с конца 1980-х гг. в Башкортостане, поставило на повестку дня необходимость обязательного учета этноконфессионального аспекта при осуществлении концепции «устойчивое развитие сельских территорий». Это, наверняка, потребует и соответствующей корректировки социальных технологий в рассматриваемом смысле [13, с. 57–58].

Невзирая на то что результаты некоторых новейших опросов населения республики демонстрируют не очень «оптимистичные» результаты возрождения религиозности [11, с. 56–61], потенциал ее ренес-

санса, особенно в сельской местности, остается высоким. Так, по результатам опросов 2014 и 2019 гг., не более пятой части представителей преобладающих в республике этносов продекларировали свою твердую, активную религиозность. Причем по всем категориям верующих в различной степени заметна тенденция увеличения религиозности [14, с. 103–111]

Резюмируя вышеприведенный анализ проблемы реализации конфессионального аспекта концепции «устойчивое развитие сельских территорий» в многонациональном российском регионе, авторы приходят к следующим выводам.

Первое. Несмотря на то что в отечественной науке в течение последнего двадцатилетия проблематика темы «устойчивое развитие сельских территорий» приобрела беспрецедентную популярность, а государство как на федеральном, так и на региональном уровнях разработало и приняло к исполнению несколько нормативно-правовых актов по данной проблематике, практически все предлагаемые определения и описания данного феномена имеют в основном экономический или институциональный характер, оставляя за пределами внимания его социальное, а еще более – социально-гуманитарное значение. На наш взгляд, именно социальное содержание и функции устойчивости сельских территорий являются ключевыми характеристиками рассматриваемого концепта в связи с тем, что задают именно его базовое целевое значение и выводят на необходимость развития синергетических механизмов совершенствования общественного устройства.

Второе. Практически не рассматриваются в отечественных публикациях такие важнейшие составляющие социально-гуманитарного и духовно-идеологического развития сельских территорий, во многом задающие их устойчивость, как: сохранение и возрождение этничности, взаимодействие субэтносов и межэтнические отношения, ренессанс религиозности в сельской местности, внутри- и межконфессиональные взаимоотношения. На наш взгляд, устойчивое развитие сельских территорий представляет собой целенаправленный и системный процесс, комплексно организуемый государственными и муниципальными органами, бизнесом и институтами гражданского общества на основе осуществления экономически эффективного и экологически оптимального аграрного воспроизводства, посредством сбалансированного пространственного и других направлений социально-экономического развития села с целью достижения высокого и непрерывно улучшающегося образа жизни при сохранении и возрождении традиционных этнокультурных и этнорелигиозных ценностей, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений.

Третье. Значительную актуальность приобретает на современном этапе проблема реализации социально-гуманитарного аспекта устойчивого развития сельских территорий в многонациональных российских регионах, в том числе – в Республике Башкортостан, которая по показателям этнической смешанности (мозаичности) населения, высокой дисперсности и чересполосности проживания этносов, в том числе – в сельской местности, лидирует в России. Поэтому, возрождение религиозного самосознания, развернувшееся в Башкортостане уже с конца 1980-х гг., выдвигает необходимость обязательного учета этноконфессионального аспекта при осуществлении концепции «устойчивое развитие сельских территорий», что в свою очередь потребует и соответствующей корректировки используемых для этого социальных технологий.

Четвертое. В качестве основных мероприятий по реализации конфессионального аспекта концепции «устойчивое развитие сельских территорий» необходимо и возможно осуществление следующих направлений деятельности и социальных технологий, как: а) содействие возрождению традиционных для каждого села религиозных организаций через максимально беспрепятственную регистрацию и выделение земельных участков для строительства храмов (мечетей) для верующих; б) узаконение налоговых и других финансовых преференций для сельских религиозных общин и для их спонсоров; в) создание и реализация специальных образовательных программ по целевой подготовке высокообразованных служителей церкви традиционных конфессий на бюджетной основе с последующей отработкой по принципу «земский учитель», «земский врач» – «сельский священник»; г) законодательное закрепление в трудовых графиках и организационная поддержка региональными государственными и муниципальными органами при праздновании наиболее выдающихся религиозных праздников, поддержка паломничества; д) организация пропаганды традиционных этнорелигиозных ценностей жителей данного региона и их поддержка в системе образовательных учреждений (выделение молельных комнат и т.п.).

Литература:

1. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. URL: www.alor.org (дата обращения: 25.08.2024).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 г. № 151-р «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.

3. Меренкова И.Н. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика. Воронеж: ГНУ НИИЭОАПК ЦЧР России, 2011. 265 с.
4. Стовба Е.В. Стратегия устойчивого развития сельских территорий региона (на материалах нечерноземной зоны Республики Башкортостан): автореф. дисс. … докт. экон. наук. Екатеринбург, 2021. 48 с.
5. Агибалов А.В. Формирование и реализация стратегии устойчивого развития сельских территорий: дисс. … докт. экон. наук. Орел, 2022. 389 с.
6. Греков А.Н. Совершенствование механизма устойчивого развития сельских территорий (на материалах Тамбовской области): автореф. дисс. … канд. экон. наук. Мичуринск, 2014. 24 с.
7. Мурашова Н.В. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий в условиях цифровой трансформации: автореф. дисс… канд. экон. наук. Княгинино, 2022. 26 с.
8. Муравьева М.В. Мотивационный механизм социально-экономического развития сельских территорий. Саратов: ЦеСАин, 2021. 250 с.
9. Макурина Ю.А. Совершенствование управления развитием сельских территорий (на материалах Новосибирской области): дисс. … докт. экон. наук. Новосибирск, 2022. 274 с.
10. Материалы Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 11.10.2024).
11. Галлямов Р.Р. Емелин С.М. Религиозная идентичность жителей полиэтничного российского региона в современных условиях: основные этапы развития (на материалах Республики Башкортостан) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья, 2023. Т. 13. № 1. С. 56–61.
12. Галлямов Р.Р. Этноязыковые процессы в Волго-Уральском макрорегионе России в XX веке (на примере Башкортостана и Татарстана) // Вестник БИСТ. 2020. № 3. С. 81–90.
13. Ураев Р.Р. Региональные аспекты государственной политики в области развития сельских поселений (на примере Республики Башкортостан) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 57–58.
14. Галлямов Р.Р., Емелин С.М., Сафин Ф.Г. Религиозная идентичность жителей полиэтничного российского региона на современном этапе: тенденции развития (на материалах Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башк. ин-та социальных технологий). 2022. № 4. С. 103–111.

«Sustainable Rural Development» in a Multinational Russian Region: the Confessional Aspect of the Concept's Implementation

Gallyamov R.R.
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Uraev R.R.
Bashkir State Agrarian University (Ufa)

Based on the analysis of the latest approaches to the characterization of the concept of "sustainable development of rural areas" formulated in domestic scientific research and regulatory documents, the authors offer an original definition of the concept, focusing on its socio-humanitarian component, considering it to be decisive in the phenomenon under study. It is the social content and functions of sustainability of rural areas that are the key characteristics of the concept under consideration, due to the fact that they set its basic target value and prove the need to develop synergetic mechanisms for improving the social structure in rural areas. Meanwhile, domestic publications practically do not consider such important components of the socio-humanitarian and spiritual-ideological development of rural areas, which largely determine its sustainability, as: the preservation and revival of ethnicity, the interaction of sub-ethnic groups and interethnic relations, the renaissance of religiosity in rural areas, intra- and inter-confessional relations. The purpose of the article is to analyze the confessional aspect of the implementation of the social and humanitarian component of the concept of "sustainable development of rural areas" in relation to such a multi-ethnic Russian region as the Republic of Bashkortostan, and to develop specific methods for its implementation. The article proposes the implementation of various areas of activity as the main measures to implement the confessional aspect of the concept of "sustainable development of rural areas".

Keywords: sustainable development of rural areas, socio-humanitarian component of the concept, multinational Russian region, confessional aspect of implementation

УДК 316.472
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-261-268

Этнокультурные просветительские практики как механизм сохранения этнического многообразия в Удмуртской Республике

Касимов Р.Н.
Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

Кудрявцева И.К.
Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

Целью данной статьи является анализ имеющихся просветительских практик по сохранению и расширению этнокультурной составляющей в системе образования Удмуртской Республики. Актуальность исследования вызвана тем, что анализ этнокультурной составляющей в полиэтничной республике важен не только для предупреждения конфликтов на национальной почве, но и в связи с происходящими процессами ассимиляции, перехода носителей миноритарных языков на язык большинства, размывания этнических характеристик народов Удмуртии. Для системной работы в области этнокультурного и этноязыкового просвещения и образования необходимо задействовать не только возможности школ, но и современные информационно-коммуникационные технологии; включать элементы проектно-исследовательской деятельности в популярные досуговые формы работы с детьми и молодежью; работать над комплексом мероприятий по этнокультурному и этноязыковому просвещению и образованию в сети Интернет. Проведенный анализ «этнического интернет-пространства» позволяет сделать вывод, что содержащийся в виртуальном пространстве арсенал инструментов этнокультурного просвещения в ближайшем будущем станет одним из высокоэффективных комплексов сохранения и развития этнической и территориальной идентификации представителей регионального социума.

Научная значимость работы заключается в том, что авторами представлен и детально описан спектр этнокультурных просветительских практик и рассмотрена специфика их бытования и реализации в Удмуртской Республике. Практическая значимость и ценность проведенного исследования заключается в том, что в статье анализируется система этнокультурных просветительских практик образовательно-методического и поисково-исследовательского плана; художественно-творческого и досугово-развлекательного характера, направленная на формирование этнической и региональной идентичности жителей республики и способствующая прак-

тической передаче этнокультурных и этноязыковых знаний и преемственности механизмов сохранения этнического многообразия в Удмуртской Республике.

Ключевые слова: *Удмуртская Республика, этнокультурное образование, этноязыковые практики, просветительские практики*

Для цитирования: *Касимов Р.Н., Кудрявцева И.К. Этнокультурные просветительские практики как механизм сохранения этнического многообразия в Удмуртской Республике // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 261-268. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-261-268.*

Актуальность исследования этнокультурной составляющей в региональном социуме продиктована усиливающимися процессами глобализации, связанными с интеграцией и унификацией механизмов взаимодействия индивидов в различных сферах жизни, приводящими к стиранию культурных границ и этнического своеобразия отдельных народов. В современной России такие процессы влекут за собой трансформацию этнического своеобразия отдельных этнических культур в регионах многонациональной страны.

На территории Удмуртской Республики уже несколько столетий в условиях диалога культур проживают удмурты, русские, татары, марийцы, бесермяне и другие народы. Каждый из народов, традиционно населяющих Удмуртию, имеет своеобразную этническую культуру, испытывает взаимное влияние других этносов. Традиционно маркерами этничности выступают такие базовые характеристики, как язык, история и территория, общность происхождения, обряды и обычаи, этноконфессиональные особенности, стереотипы поведения и восприятия. В этом списке языковое своеобразие по праву занимает первое место. Именно язык в большинстве случаев выступает наиболее универсальной и показательной характеристикой этнической идентичности в мире.

Однако кроме языковой специфики, другие характеристики этничности тоже важны. В зависимости от ситуации они могут играть ведущую роль в процессах оформления различных идентичностей. Например, рассуждая о своеобразии этнической мозаики народов Удмуртии, мы имеем в виду не только особенности языка титульного этноса республики, но и традиционные религиозные ценности этносов, представления людей о духовной культуре и истории. Соответственно, специфику формирования этнической самоидентификации народов конкретной территории следует рассматривать не только в контексте сохранения языкового разнообразия, но и в связи с другими этническими характеристиками.

Предметом исследования в данной статье являются современные этнокультурные образовательные и просветительские практики в Удмуртии, способствующие развитию и функционированию этнокультуры в условиях, когда этническое своеобразие трансформируется под воздействием постмодернистских тенденций в жизни современного российского общества.

Основное содержание исследования составляет анализ имеющихся просветительских практик, реализуемых через актуализацию этнокультурной составляющей в системе образования Удмуртской Республики как части многонациональной Российской Федерации. Авторы сделали акцент на тех элементах, которые дают жителям территории наиболее полное представление «о богатстве национальной культуры, укладе жизни народа, его истории, языка, литературы, его духовных целях и ценностях» [1, с. 80].

Целью данной статьи является анализ имеющихся просветительских практик по сохранению и расширению этнокультурной составляющей в системе образования Удмуртской Республики.

Для успешного достижения цели авторам потребовалось решить **ряд важных задач**:

– изучить общие тенденции развития этнокультурных и этноязыковых просветительских практик в Удмуртии;

– рассмотреть проекты по популяризации этнокультурного своеобразия на современном этапе; описать опыт работы с этнокультурной составляющей вне образовательных организаций (работа воскресных этнокультурных школ, проведение национально-культурными объединениями мероприятий с этнокультурной спецификой);

– проанализировать некоторые электронные ресурсы в сети Интернет, способствующие популяризации особенностей культуры, истории и духовных традиций, языков наиболее многочисленных народов Удмуртской Республики.

Основой для исследования стали полевые материалы авторов (ПМА) и экспертные интервью со специалистами из различных сфер (связи с общественностью, наука и образование, средства массовой информации). Также в работу включены неопубликованные материалы, хранящиеся в фондах Научного архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН[1].

При подготовке статьи использовались материалы тематических ресурсов сети Интернет, которые

[1] НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, РФ, оп. 2-Н, д. 1710.

отражают важные статистические данные, содержат нормативные и правовые документы и законодательные акты, дают представление о специфике практик этнокультурного просвещения.

Теоретическую базу исследования составили работы В.В. Барановой [2], Н.В. Борисовой [3], С.М. Малиновской [4], М.И Григорьевой и Н.Н. Журавлевой [5], В.С. Воронцова [6], Д.А. Черниенко [7]. Они сформулировали суть этнокультурного образования и воспитания, их функции, основные направления работы и обозначили проблемы, существующие в этой области. Управлению в сфере этнокультурного образования посвящен сборник материалов мониторингового исследования, составленный коллективом авторов из Научно-исследовательского института национального образования при Министерстве образования Удмуртской Республики. В нем поднимаются вопросы обеспеченности кадрами образовательных организаций, материально-технической базы и взаимодействия с родителями учеников по вопросам изучения миноритарных языков региона [8]. Изучению этнодемографических процессов на территории Удмуртии в советский и современный периоды посвящены работы С.Н. Уварова и В.С. Козловского [9]. Авторами отмечаются тенденции к увеличению межнациональных браков, мирное соседство этносов.

Практическая значимость работы заключается в выявлении роли этнокультурных и просветительских практик в вопросах формирования этнической и региональной идентичности, в оценках внедрения новых форм деятельности, которые могут способствовать сохранению этнического многообразия народов в Удмуртской Республике.

По данным переписи 2020 г., в Удмуртии проживали представители более 120 этносов. Однако самую многочисленную группу составили русские (57, 9 %); далее удмурты (20,6 %); татары (4,6 %), марийцы (0,41 %) и другие этносы [10]. Таким образом, на современном этапе этническая структура населения республики стабильна. Хотя в Удмуртии и появляются представители новых этнических групп (армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики и др.), но вряд ли они существенно изменят сложившуюся этнодемографическую ситуацию на изучаемой территории в ближайшей перспективе. В современной Удмуртии, по данным социологических исследований, «на первом месте в брачных предпочтениях указывается личное отношение (любовь и влюбленность), на втором находится имущественный фактор и лишь на третьем – национальность и религия (отмечалось стремление передать знание родного языка и культуры). Круг общения большинства респондентов не является замкнутым ни по национальному, ни по религиозному признаку. Среди друзей опрошенные указывают наличие как православных, так и мусульман, как русских, так и удмуртов, татар и т.д.» [9, с. 172]. С одной стороны, такая толерантность в отношениях жителей Удмуртии имеет свои позитивные результаты – люди знакомятся с проявлениями различных этнических культур и с готовностью принимают их, не вступая в конфликты и споры. С другой стороны, это способствует росту ассимиляционных процессов, ведёт к разрушению традиционных стереотипов поведения и восприятия, к размытию этнической и языковой специфики.

Государственными языками Удмуртской Республики являются удмуртский и русский языки. Статус их юридически закреплён в Конституции УР (1994 г.) и в Законе «О государственных языках Удмуртской Республики и иных народов Удмуртской Республики» (2001 г.) [11]. Однако сегодня на территории республики продолжаются процессы ассимиляции, а роль русского языка является ведущей, в том числе и в сельской местности.

В ходе проведенного исследования, на фоне усиления роли русского языка как наиболее распространенного в сфере межнациональной коммуникации в Удмуртии, кроме негативных тенденций, вызванных ассимиляционными процессами, были выявлены и некоторые позитивные тенденции в функционировании удмуртского языка как государственного в республике. Речь следует вести прежде всего о расширении общественных функций удмуртского языка (мультимедийные проекты по популяризации языка, истории и культуры; практики этнокультурного образования в детских садах и школах Удмуртии); сохранение практик преподавания удмуртского языка вне образовательных организаций (работа воскресных этнокультурных школ, проведение активами национально-культурных объединений республики национальных праздников и фестивалей); появление тематических электронных ресурсов в сети Интернет, способствующих популяризации удмуртского языка, особенностей культуры, истории и традиций. В частности, наш эксперт обратил внимание, что для продвижения удмуртского языка большим подспорьем является информационно-образовательный портал КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования» «Удмурт Кылдунне»[2]. Следует отметить, что такие тенденции являются общими не только для удмуртов, но и для других наиболее многочисленных народов Удмуртской Республики, в частности, татар и марийцев. Также преуспели на этом поприще евреи, армяне и азербайджанцы. Такая работа становится возможной благодаря активной работе национально-культурных объединений Удмуртской Республики.

Большинство инициатив по развитию этнокультурной специфики относятся к деятельности об-

[2] ПМА. Андрей Александрович Клементьев, главный редактор научно-методического журнала «Вордскем кыл» (Родное слово), г. Ижевск, запись 12.03.2024 г.

разовательных и научных организаций. Например, работа Научно-исследовательского института национального образования в Удмуртии (Казенное научное учреждение Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования») связана с осуществлением научно-исследовательской и организационно-методической деятельности, направленной на проведение, координацию и обеспечение фундаментальных и прикладных исследований по проблемам сохранения и продвижения регионального этноязыкового и этнокультурного просвещения.

Удмуртским институтом истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН в 2019 г. разработана информационно-справочная система «Национальный корпус удмуртского языка» [12], основанная на собрании удмуртских текстов в электронной форме. Ресурс содержит электронные версии удмуртско-русского (2008 г.) и русско-удмуртского (2019 г.) словарей и предназначен для профессиональных лингвистов, преподавателей языка, обучающихся образовательных организаций и т.д.

Традиционно в Удмуртской Республике особое внимание уделяется преподаванию удмуртского языка в школах. Удмуртский язык как предмет изучается с 1 класса в подавляющем большинстве школ в районах с компактным проживанием удмуртов. В Ижевске удмуртский язык преподают в Удмуртской государственной национальной гимназии им. Кузебая Герда, созданной в 1994 г. На сегодняшний день это единственная в республике гимназия, в которой реализуется четыре ступени образования (от дошкольного до профильного среднего) и имеется два детских сада, пришкольный интернат[3].

Также «предметное изучение удмуртского языка и этнокультурных особенностей Удмуртии организовано в ряде школ. Особый интерес представляет опыт работы в МБОУ СОШ № 11 и в МБОУ СОШ № 59 города Ижевска»[4]. В некоторых школах городов Можги и Глазова открыты классы по изучению удмуртского языка. Особенно показательна практика МБОУ «СОШ № 17 им. И.А. Наговицына» (г. Глазов): «там всё больше желающих записаться в удмуртские классы, во многом это заслуга директора, она очень эффективно работает в этом направлении»[5].

В подавляющем большинстве (в 420 общеобразовательных организациях) в качестве родного обучающиеся изучают русский язык. В 2022–2023 гг. родной (удмуртский) язык и литературу выбрали 15913 учащихся в 169 школах, родной (татарский) язык и литературу – 369 учащихся в 6 школах, родной (марийский) язык и литературу – 177 учащихся в 4 школах [8, с. 53]. Это значит, что в образовательных организациях создаются условия для изучения этнокультурного своеобразия народов республики, но доминирование русского языка очевидно, что обусловлено прежде всего усилением федеральной «вертикали власти», федеральными образовательными стандартами, высоким процентом межнациональных браков и процессами культурной ассимиляции.

Наш эксперт отмечает, что «в Удмуртии есть школы, в которых изучается удмуртский язык, например, в Можге, Глазове, Воткинске, в отдельных районах республики. Удмуртский язык изучается в нескольких детских садах. Удмуртский язык преподаётся в Удмуртском государственном университете, Глазовском инженерно-педагогическом университете, в Можгинском педагогическом колледже. При поддержке Министерства национальной политики Удмуртской Республики ежегодно организуются курсы для всех желающих изучать удмуртский язык. Видеокурсы по продвижению удмуртского языка представлены на интернет-платформах и в социальных сетях»[6].

В последние годы все больше школ республики активно включаются в реализацию моделей комплексного этнокультурного образования, делающих упор не столько на изучение языка, сколько на актуализацию иных этнических маркеров. Например, МКОУ «Орловская ООШ» (Сюмсинский район) и МБОУ «Тарасовская ООШ» (Сарапульский район). Здесь педагоги занимаются вместе с обучающимися изучением истории, культуры, языка наиболее многочисленных народов Удмуртской Республики. Большая работа по формированию комплексного этнокультурного образования в условиях сельской школы осуществляется педагогами Каракулинского района, где компактно проживают марийцы в Удмуртии [13].

Эксперты отмечают, что практики популяризации этнокультурного своеобразия находят своё широкое применение в системе дополнительного образования для детей. Например, «более 30 лет в Удмуртии работает республиканский проект «Шундыкар» (Солнечный город) – организация межрегиональных лагерных смен для творческих детей. Удмуртская молодежная общественная организация «Шунды» («Солнце») на протяжении многих лет направляет свою деятельность на поддержку талантливых детей из сельской местности. Проект «Шундыкар» является одним из брендовых проектов деятельности УМОО «Шунды». Он направлен на изучение удмуртского языка и культуры

[3] ПМА. Татьяна Геннадьевна Волкова, директор Удмуртской государственной национальной гимназии им. Кузебая Герда, г. Ижевск. Запись 17.04.2024 г.

[4] ПМА. Татьяна Федоровна Юмина, руководитель фонда «Культурный капитал Ижевска», г. Ижевск. Запись 17.11.2023 г.

[5] НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, рф, оп. 2-Н, д. 1710. л. 46.

[6] ПМА. Владимир Александрович Байметов, заместитель главного редактора газеты «Удмуртская правда», г. Ижевск. Запись 22.02.2024 г .

путём овладения традиционными удмуртскими ремеслами, изучения фольклора, а также освоения современных актуальных навыков – журналистского мастерства, в том числе в видеоформате, социального проектирования, дизайна одежды и многих других направлений. В настоящее время реализуются еще несколько локальных проектов, работающих на популяризацию удмуртского языка и традиционной культуры удмуртов: «Эру» (Праздник совершеннолетия), «Егит тулкым» (Молодая волна). Ежегодно организуемая лагерная смена «Тулкым» (Волна) рассчитана на детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, при этом национальность и этническая идентичность здесь не являются главными»[7].

Кроме детей и молодёжи, в деятельность по продвижению и популяризации этнокультурной специфики Удмуртии включается и широкая общественность. Даже за пределами республики получил свою известность «Всемирный день пельменя» – это этногастрономический фестиваль, проходящий ежегодно с 2015 г. Его цель – поддержание позитивного имиджа региона, узнаваемости республики за её пределами, пропаганда удмуртской национальной культуры. На фоне этого, известного в разных субъектах РФ, события, в 2023 г. уже в 12-й раз состоялось написание «Большого удмуртского диктанта» (Бадзым удмурт диктант). Такой опыт – это возможность проверить свои знания удмуртского языка. Цель акции – пропаганда изучения удмуртского языка, способ повышения грамотности представителей титульной нации в республике. Наш эксперт отметил, что «в 2023 г. было организовано 175 площадок для написания, в прошлом году их было 155, плюс кто-то пишет онлайн. К мероприятию подключаются удмурты Башкортостана, Татарстана, Пермского края, Кировской области. Похожие по формату диктанты есть и в соседних республиках. Например, марийцы пишут диктант 7 декабря, в День марийской письменности, а татарский диктант проходит в сентябре–октябре»[8].

На сегодняшний день «этнический интернет» формирует свой весьма заметный сегмент в информационном и образовательном пространстве Удмуртской Республики [14, с. 35]. В той или иной мере сведения о народах и их культурах представлены, например, на ресурсах Министерства национальной политики УР, республиканского Дома дружбы народов, АЭМЗ «Лудорвай», ряда других электронных ресурсов. Удмуртская культура представлена на специальных виртуальных площадках, таких как «Воршуд», «История Удмуртии», «Удмуртология», «Удмурт кылдунне» и многих других. С культурой других народов Удмуртской Республики можно познакомиться в рамках проектов Национальной библиотеки Удмуртской Республики «Народы Удмуртии» и «Продвижение национального культурного наследия народов Удмуртии в интернет-среде» [14, с. 36]. Данные виртуальные проекты предусматривают трансляцию культурных достижений всех этнических сообществ, проживающих на территории республики, для этого создается текстовый и мультимедийный контент, обеспечивается его публикация на тематических ресурсах. Впрочем, анализ системной работы новой информационной среды «этнически окрашенного интернета» в настоящее время требует более пристального внимания и изучения.

Один из наших экспертов, говоря о важности продвижения языковых практик в виртуальном пространстве, обратил внимание, что «в Удмуртской Республике есть интересные разработки в сети Интернет, которые могут быть интересны и полезны разным аудиториям. Например, потенциал есть у ресурса "Удмурт кылдунне". Полезны видеокурсы удмуртского языка, разработанные удмуртской молодёжной общественной организацией "Куара". Полезен ресурс, созданный общественной организацией "Центр этнокультурного образования – Артэ". Интересны и полезны ресурсы, созданные на базе гимназии им. Кузебая Герда»[9].

Большую пользу при изучении и сохранении этнокультурного и этноязыкового многообразия имеют образовательные и просветительские ресурсы сети Интернет. Один из наших респондентов отмечает, что «в Удмуртии есть электронные ресурсы, обеспечивающие поддержание интереса к изучению этнического многообразия в Удмуртии. В частности, «основной такой ресурс – сайт республиканского Дома дружбы народов. Информация и новости об этнокультурном многообразии есть также на официальном сайте Министерства национальной политики УР. В газете "Удмуртская правда", в том числе и в версии для сети Интернет есть регулярные рубрики "Удмуртский мир" и "Татарский мир", где публикуются материалы о деятельности Миннаца УР и интервью с руководителями национально-культурных объединений, деятелями национального искусства и культуры»[10].

Татарский язык изучают в МБДОУ «Детский сад № 107» г. Ижевска, а как предмет он преподаётся в МБОУ «Гимназия № 6 им. Габдуллы Тукая» (г. Ижевск). В Балезинском районе татарский как предмет изучается в МБОУ «Кестымская средняя школа», МБОУ «Падеринская ООШ». Кроме того, этот язык изучается в двух школах Сарапульского и трех школах Юкаменского районов. Для желающих повысить уровень знания языка организованы

[7] НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, рф, оп. 2-Н, д. 1710, л. 49.

[8] НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, рф, оп. 2-Н, д. 1710, л. 52.

[9] ПМА. Татьяна Геннадьевна Волкова, директор Удмуртской государственной национальной гимназии им. Кузебая Герда, г. Ижевск. Запись 17.04.2024 г.

[10] ПМА. Владимир Александрович Байметов, заместитель главного редактора газеты «Удмуртская правда», г. Ижевск. Запись 22.02.2024 г.

курсы, в том числе при мечетях[11]. Один из наших экспертов отметил, что «на сегодняшний день в республике нет масштабных ресурсов, обеспечивающих изучение всего многообразия языков в Удмуртии. Но для людей, изучающих татарский язык, есть образовательные ресурсы в сети Интернет на татарском языке. Например: "Туган тел. Методические материалы, учебники, словари, переводчики и разговорники"; "Учим татарский язык, играя"; "Изучаем татарский язык". Обучающие курсы для школьников и взрослых, желающих изучать татарский язык и культуру татарского народа, есть на видеохостингах»[12].

Марийский язык как предмет изучают в школах Каракулинского, Алнашского, Граховского районов, в местах компактного проживания марийцев. Первой ступенью к познанию и изучению родного марийского языка является детский сад, далее школа. По данным на начало 2022/2023 учебного года, марийский язык как предмет изучали «12 человек в Алнашском районе (деревни Мари-Гондырево, Варали), 49 – в Граховском (деревни Мари-Возжай, Большая Ерыкса, Иж-Бобья), 116 – в Каракулинском (деревни Ныргында, Быргында, Усть-Сакла)»[13]. В Ижевске ежегодно организуются курсы по изучению марийского языка, на республиканском уровне ежегодно проходит марийский национальный праздник «Семык». Действенным вариантом решения проблемы нехватки региональных краеведческих знаний на занятиях может стать опыт педагогов д. Быргында (Каракулинский р-н Удмуртии), например, на уроках географии [15].

Иврит и особенности иудейской религиозной культуры изучают две группы детского сада в МБДОУ «Детский сад № 284». Благодаря сотрудничеству с общественной организацией «Общинный центр еврейской культуры Удмуртской Республики» (руководитель – М.Э. Гольдин) на базе детского сада организуются праздники, фестивали, конкурсы. Кроме того, в Доме дружбы народов функционирует воскресная этнокультурная школа, где организовано преподавание иврита для школьников. Стараниями актива еврейской диаспоры работают курсы изучения языка по программе «Ульпан»[14].

В Удмуртии успешно функционируют воскресные этнокультурные школы армян и азербайджанцев, в чем немалая заслуга руководителей этих национально-культурных объединений и их филиалов. В выходные дни в учебных классах республиканского Дома дружбы народов у всех желающих есть возможность изучать армянский и азербайджанский языки, познать искусство танца этих народов, услышать игру на музыкальных инструментах.

Язык, как объединяющее начало этнической идентичности, является главным этнодифференцирующим фактором для многочисленных НКО республики, поскольку обеспечивает коммуникативный процесс, поддерживающий этнокультурное своеобразие конкретного народа. Организация активами диаспор мероприятий, посвященных национальным праздникам и семейным обрядам, способствует отождествлению носителей этнокультуры со своим этносом, что формирует чувство единства и сплоченности в условиях поликультурного многообразия Удмуртской Республики.

К маркерам этничности относятся не только язык и краеведческие знания о родном крае, но религиозная специфика. Представители многочисленных народов в Удмуртии демонстрируют желание сохранить свою самобытную этническую культуру и добились в этом определенных успехов, в том числе при изучении традиционных религиозных культур. Воскресные школы, где наряду с изучением татарского и арабского языков, рассматриваются и особенности исламской культуры, функционируют при мечетях республики. Действуют воскресные школы, посвященные изучению особенностей истории и культуры русского народа и основ православной культуры и при Ижевской и Удмуртской епархии. Наш эксперт обратил внимание, что «есть электронные ресурсы, обеспечивающие поддержание интереса к изучению этнического многообразия в России и в Удмуртии. Изучение этнического многообразия – это обязательная часть этнокультурного просвещения. К таким ресурсам можно отнести, например, сайт Министерства национальной политики Удмуртской Республики; сайт Государственного музея истории религий; виртуальная площадка – "*Meras*" – единая фольклорно-этнографическая онлайн площадка; сайт Национального музея Удмуртской Республики имени Кузебая Герда; сайт Российского этнографического музея; сайт Кунсткамеры; сайты историко-краеведческих музеев национальных республик и областей Российской Федерации; электронный реестр объектов нематериального культурного наследия народов России»[15]. Ещё один эксперт обратил внимание, что «в Удмуртии есть электронные ресурсы, которые обеспечивают поддержание интереса к изучению религиозного многообразия в нашей республике, что тоже является частью системной работы по этнокультурному просвещению. К таким можно отнести, например: сайт

[11] НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, рф, оп. 2-Н, д. 1710, л. 47.

[12] ПМА. Татьяна Геннадьевна Волкова, директор Удмуртской государственной национальной гимназии им. Кузебая Герда, г. Ижевск. Запись 17.04.2024 г.

[13] НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, рф. оп. 2-Н, д. 1710, л. 47.

[14] НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, рф, оп. 2-Н, д. 1710, л. 46-47.

[15] ПМА. Наталья Владимировна Борлукова, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного и этнокультурного образования Автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования Удмуртской Республики «Институт развития образования» – АОУ ДПО УР ИРО, г. Ижевск. Запись 01.03.2024 г.

Удмуртской и Ижевской епархии и сайт Духовного управления мусульман в Удмуртской Республике»[16].

Таким образом, можно сделать вывод, что «национальный Интернет», «этнический Интернет» – это действенный культурологический информационный инструмент для поддержания и сохранения этнической, региональной и общефедеральной идентичности жителей Удмуртской Республики.

Анализ этнокультурных просветительских практик в Удмуртии (деятельность в школах, системе дополнительного образования для детей, активности национально-культурных объединений и отдельных энтузиастов в сети Интернет) показал, что национальная политика в области этнокультурного образования реализуется в рамках федерального и республиканского законодательства, регламентирующего изучение родных языков, краеведения и своеобразия религиозных культур.

Реалии таковы, что число людей, изучающих миноритарные языки, с каждым годом сокращается, предпочтение отдается русскому языку как основному при реализации государственной языковой политики. Школьное образование и существующие практики воскресных школ помогают сохранить эритажные языки, формируют этническую идентичность. Разнообразные просветительские практики вряд ли резко увеличат количество носителей языка, но будут способствовать сохранению его престижа и сплочению этнических сообществ. Говоря об этнокультурном колорите, кроме сохранения языковой специфики, важно помнить о том, что этнокультурное своеобразие характеризуется этническими и конфессиональными особенностями многочисленных народов Удмуртии. Исторически именно религия, язык, традиции и обряды народов, система образования стали важными инструментами формирования государственной идентичности жителей многонациональной России, состоящей из различных территорий. Знания об этом можно почерпнуть из сети Интернет и эффективно использовать в практиках системы образования, в работе национально-культурных объединений республики.

Можно сделать вывод, что только предметное изуение (отдельная дисциплина на занятиях) миноритарных языков не всегда эффективно обеспечивает преемственность и коммуникацию носителей этнокультуры. Концепция государственной языковой политики Российской Федерации, принятая в 2024 г., утверждает, что «широкие возможности для поддержки языков народов Российской Федерации дает развитие современных информационных технологий. Но при этом сегодня потенциал информационной среды используется недостаточно эффективно»[16]. Следует обратить внимание и на другие формы популяризации маркеров этнической идентичности, в том числе и языка. Таковыми могут быть практики проектной деятельности по изучению этнической и конфессиональной культуры своего народа в деятельности системы дополнительного образования; работа тематических клубов внутри общественных организаций, проводящих мероприятия этнокультурной направленности. Такие инновации с обязательным использованием современных информационно-коммуникационных технологий могли бы стать эффективным стимулом к изучению языка, истории и традиций своего народа при сохранении выраженной федеральной идентичности граждан многонациональной страны. Важно обратить внимание на потенциал этнически окрашенного контента сети Интернет. Его дальнейшее развитие может стать действенным инструментом для оформления этнической, региональной и общефедеральной идентичностей жителей Удмуртской Республики как граждан многонациональной Российской Федерации.

[16] ПМА. Владимир Николаевич Осипов, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного и этнокультурного образования АОУ ДПО УР ИРО, г. Ижевск. Запись 01.03.2024 г.

Литература:

1. Ибрагимова Л.А., Салаватова А.М. Этнокультурный компонент в деятельности современных школ региона // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2013. № 4. С. 78–82.
2. Баранова В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 238 с.
3. Борисова Н.В. Языковая политика в регионах современной России: ресурсные возможности, общественный запрос и политические ограничения // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 7–16.
4. Малиновская С.М. Концептуальные основания этнокультурного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 1 (79). С. 59–64.
5. Григорьева М.И., Журавлева Н.Н. Этнокультурное образование: сущность, подходы, опыт реализации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (6). С. 28–34.
6. Воронцов В.С. Этнолингвистические характеристики жителей Удмуртии (по данным переписей населения) // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 3. Вып. 4. С. 516–522.

7. Черниенко Д.А. Этическая культура Удмуртии в региональном медийном и интернет-пространстве (на примере славянских народов) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2. С. 80–87.
8. Ураськина Н.И., Бородина А.Е., Бусыгина Л.В., Ямаева Н.П. Управление в сфере этнокультурного образования Удмуртской Республики: современное состояние, проблемы и перспективы // Социально-гуманитарные знания: научно-образовательное издание. 2023. № 9. С. 29–35.
9. Уваров С.Н., Козловский С.В. К вопросу о межэтнической ситуации в Удмуртской Республике // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 169–177.
10. Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.
11. Закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных народов Удмуртской Республики». URL: https://docs.cntd.ru/document/960005009.
12. Национальный корпус удмуртского языка. URL: https://udmcorpus.udman.ru/home.
13. Касимов Р.Н., Култашева Н.В. Формирование знаний о «малой родине» с помощью тематических электронных ресурсов сети Интернет на занятиях по географии в сельской школе // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107 (Ч. 1). С. 104–108.
14. Черниенко Д.А. Национально-культурные объединения Удмуртии в пространстве интернета: опыт социальной репрезентации этничности // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 2 (11). С. 35–43.
15. Актуализация этнокультурной составляющей при тематическом планировании уроков географии. 5–9 классы: методические материалы / Сост.: Р.Н. Касимов, Э.В. Осипов, В.Л. Паркачёв. Ижевск: АОУ ДПО УР ИРО, 2021. 80 с.
16. Концепция государственной языковой политики. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.06.2024 г. №1481-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406140048?index=9.

Etnocultural Educational Practices as a Mechanism for Preserving Ethnic Diversity in the Udmurt Republic

Kasimov R.N., Kudryavtseva I.K.
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The purpose of this article is to analyze existing educational practices to preserve and expand the ethnocultural component in the education system of the Udmurt Republic. The relevance of the study is due to the fact that the analysis of the ethnocultural component in a multi-ethnic republic is important not only for preventing conflicts on national grounds, but also in connection with the ongoing processes of assimilation, the transition of speakers of minority languages to the language of the majority, and the erosion of the ethnic characteristics of the peoples of Udmurtia. For systematic work in the field of ethnocultural and ethnolinguistic awareness and education, it is necessary to use not only the capabilities of schools, but also modern information and communication technologies; include elements of design and research activities in popular leisure forms of work with children and youth; work on a set of activities for ethnocultural and ethnolinguistic awareness and education on the Internet. The analysis of the "ethnic Internet" allows us to conclude that the arsenal of tools of ethnocultural education contained in the virtual space in the near future will become one of the highly effective complexes for the preservation and development of ethnic and territorial identification of representatives of regional society. The significance of the article for science lies in the fact that the authors present and describe in detail the range of ethnocultural educational practices and consider the specifics of their existence and implementation in the Udmurt Republic. The significance and value of the study for everyday practice lies in the fact that the article analyzes the system of ethnocultural educational practices of the educational, methodological and search and research plan; artistic, creative and leisure-entertainment nature, aimed at forming the ethnic and regional identity of the inhabitants of Udmurtia and contributing to the practical transfer of ethnocultural and ethnolingual knowledge and continuity of mechanisms for preserving ethnic diversity in the Udmurt Republic.

Keywords: Udmurt Republic, ethnocultural education, ethnolinguistic practices, educational practices

УДК 316.723
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-269-275

Тюремная субкультура как фактор формирования экстремистских идей в российском социуме

Касимов Р.Н.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела междисциплинарных и прикладных исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

Поздеев И.Л.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела междисциплинарных и прикладных исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

Одной из важнейших задач, стоящих перед отечественной гуманитаристикой, является изучение причинно-следственных связей между различными процессами и явлениями в субкультурах, оказывающих влияние на современный социум. К их числу можно отнести обычаи и традиции криминальной тюремной субкультуры. Тюремная субкультура всячески поощряет асоциальные модели поведения в исправительных учреждениях; ориентирована на поддержание идей противозаконной деятельности, которые распространяет среди обычных граждан, оказывая значительное влияние на повседневную жизнь российского социума.

Целью исследования является анализ проявлений тюремной субкультуры в процессе её интеграции в общественное сознание, выявленной среди типичных носителей такой культуры. Для достижения поставленной цели авторам статьи необходимо было решить следующие задачи: дать определение понятию «тюремная субкультура» (в ключе общего культурологического понятия «субкультура»); рассмотреть характерные и особенные черты тюремной субкультуры; привести примеры формирования носителями тюремной субкультуры экстремистских идей в российском социуме.

Научная значимость работы заключается в том, что на основании анализа фактологического материала выявляются основные тенденции, протекающие среди носителей тюремной субкультуры. Практическая значимость работы видится в том, что сотрудники исправительных учреждений, представители органов власти смогут использовать в своей деятельности обоснования и выводы авторов статьи. Они могут помочь специалистам в выявлении механизмов воздействия тюремной субкультуры на осужденных; осознать степень асоциального потенциала конкретного сообщества; выявить негативные явления тюремной субкультуры, присутствующие в жизни простых граждан.

Авторы приходят к выводу, что протекающая интеграция тюремной субкультуры в массовую культуру ведёт к проникновению её норм в повседневную жизнь граждан и формирует специфический язык вражды и агрессии в культуре повседневности. В настоящее время наблюдается ситуация, при которой тюремная субкультура начинает вбирать и интегрировать в себя «культурные коды» других экстремистских направлений. Приравнивание всей тюремной субкультуры к экстремистскому движению «АУЕ» приводит не только к усилению противостояния между администрацией исправительных учреждений и контингентом заключенных, но и формирует нездоровый интерес к экстремистским идеям в российском обществе, особенно среди подростков и молодёжи.

Ключевые слова: *тюремная субкультура, экстремистская идеология, экспертиза, асоциальное поведение, татуировки*

Для цитирования: *Касимов Р.Н., Поздеев И.Л. Тюремная субкультура как фактор формирования экстремистских идей в российском социуме // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 269–275. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-269-275.*

Современная антропология, как отрасль научных знаний, представляет собой совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением феномена человека во множестве его проявлений: происхождение, развитие культуры и цивилизации, существование человека в природной (естественной) и культурной (искусственной) среде. Антропология субкультур – отдельное направление в современных исследованиях, которое изучает специфические сообщества с точки зрения их отличительных признаков, закономерностей возникновения и бытования в прошлом и на современном этапе, ценностей и стереотипных моделей поведения, взаимосвязи с развитием всего общества, а также места среди других социальных групп в культурном пространстве социума. Полученные в результате исследований материалы дают представления о том, каким образом в формах проявления субкультуры отражается система ценностей их носителей, а также позволяют проанализировать особенности поведения и потребности представителей тех или иных субкультур в современном обществе. В этой связи все большую теоретическую актуальность и практическую значимость приобретает комплекс вопросов, связанных с изучением тюремной субкультуры.

Деятельность пенитенциарной системы порождает и формирует специфическую субкультуру, внутри которой оформляются асоциальные модели поведения, культивируется культ насилия и язык вражды. На данный момент наблюдается ситуация, когда нормы деструктивной субкультуры, в том числе через сообщество «АУЕ» («Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство»[1]), её особенный язык и символы активно проникают сегодня в социокультурную сферу российского социума. Проявления романтизации и популяризации «жизни по понятиям» можно наблюдать в СМИ, в сети Интернет, на телевидении и в кино (чего только стоит высокий рейтинг сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте»), в языке повседневного общения вполне законопослушных граждан, в способах выстраивания иерархии взаимодействия между отдельными индивидами и группами людей, в философии повседневности.

В этой связи в работе делается попытка выявления и анализа процессов, протекающих среди носителей тюремной субкультуры в контексте формирования и распространения криминальной идеологии в российском обществе. К сожалению, такое влияние становится почвой формирования языка вражды, проявлений ксенофобских и экстремистских идей, прежде всего среди молодёжи. Источниковой основой исследования послужили запросы Центра по противодействию экстремизму МВД по Удмуртской Республике, поступавшие в Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН с ноября 2023 г. по октябрь 2024 г., на проведение исследования (экспертизы) текстовых, фото и видеоматериалов. Материалы не содержат служебную информацию и персональные данные, сформированы в архивное дело и переданы на хранение в Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН [1].

Укоренению и «врастанию» в культуру граждан современной России ценностей тюремной субкультуры и АУЕ-идеологии способствуют некоторые негативные явления, характерные для социальной и культурной жизни страны на современном этапе. Начиная с 90-х гг. прошлого века, к ним прежде всего следует отнести: финансово-экономическую нестабильность; обнищание населения и, как следствие, рост преступности; формирование культа «золотого тельца»; отказ от ценностей коллективизма и интернационализма. Проблемы эти остаются

[1] Признана Верховным Судом Российской Федерации экстремистской организацией, деятельность на территории РФ запрещена.

актуальными и сегодня, в том числе на фоне проведения Специальной военной операции. Они и порождают потребность населения в поиске простой и понятной картины мира с эффективной системой объяснения жизни. Такой простой и логичной схемой объяснения роли человека в социуме зачастую может выступать идеология тюремной субкультуры, где мир безапелляционно разделяется на чёрное и белое, где всё подчиняется строгой иерархии, а для любого явления найдется понятное объяснение.

Кроме того, следует учитывать стойкость архетипических представлений в духовной сфере современного российского социума. Известно, что общественное бытие обладает пространственно-временным потенциалом, который подпитывается исторической приобщённостью человека к культурным стереотипам, к архаическим традициям и ритуалам, что особенно усиливается в кризисных условиях. Так, С.Б. Пономарев, исследовавший тюремный социум как сложный социобиологический феномен и самоорганизующуюся систему [2], отмечает: «Длительное пребывание личности в пенитенциарном пространстве, которое характеризуется конфликтогенностью, непредсказуемостью и опасностью, потребность в адаптации к экстремальным условиям существования, созданию социальной структуры, в которой существуют пусть жестокие и античеловеческие, но понятные правила, а также желание неким магическим образом воздействовать на ситуацию для получения желаемого результата (в том числе с помощью символических действий) – все это способствует созданию и развитию системы устойчивого трехчленного тюремного цикла "архетип – тотем – табу", который в условиях мест лишения свободы отличается высокой степенью оформленности и завершенности» [3, с. 139–140]. По мнению другого исследователя экстремальных сообществ К.Л. Банникова, «Речь ... об универсальных архетипических парадигмах социальных организаций, которые принимают на себя функции правовых институтов там, где эти институты пребывают в состоянии затянувшегося кризиса. … архетипы культуры помогают пережить кризис культуры» [4, с. 7].

Имеющиеся в доступе материалы показывают тесную связь между тюремной субкультурой современности и традиционной культурой архаичных сообществ, которая прослеживается не только на уровне аналогий между укладом и ритуалами, между отношением к символам и знакам, но и на уровне жёсткой социальной иерархии и дифференциации общественных отношений. В сентябре 2024 г. из Министерства внутренних дел по Удмуртской Республике поступил для исследования изъятый из мест лишения свободы документ «Уклад», в котором идет обращение к лицам, находящимся за решеткой: «Приветствуем Всех Порядочных Арестантов, Мужиков, тех, кто впервые вне воли, всех тех, кто живет нашей Жизнью Воровской, всех тех, для кого Воровские Традиции святы и незабвенны. В данном Прогоне все изложенное касается Уклада Жизни Нашей» [1, л. 203] (орфография документа сохранена – прим. авторов). Это типичный пример описания жизни и поведения (Уклад Жизни Воровской) для человека, оказавшегося в тюремной субкультуре (Дома Нашего Общего). Основная идея документа – подчинение определенным правилам поведения («понятиям»), оказание помощи «общаку», как необходимому органу управления организованным преступным сообществом, поддержка «дорог» – «это кровеносные сосуды Нашего Дома… по этим Дорогам идут слова Воров» [1, л. 204]. В документе упоминается сложившаяся в тюрьмах трехчастная социальная структура: 1) «авторитетные воры» и связанные с ними «арестанты», «старые каторжане»; 2) не имеющие богатого криминального прошлого «мужики»; 3) «обиженные», от которых «тоже есть реальная помощь Общему».

Однако, выполнение тех или иных предписаний «воровских прогонов», следование стереотипам восприятия и поведения далеко не всегда ведёт к поддержанию равновесия социальной структуры «зоны», сохранению статуса «сидельца». Современная тюремная субкультура в большей степени соответствует структуре постмодернистского общества, характеризующегося непостоянством и прерывистостью социальных связей «каторжан», двойными стандартами и многообразием смыслов и значений знаков и символов, идеологических установок тюремной субкультуры. Например, знаки фашисткой свастики, или руны «*SS*», часто употребляемые в сочетании символов тюремных татуировок, нашими согражданами воспринимаются однозначно как образы нацистской, фашистской идеологии, но для самих арестантов, это прежде всего аллегория противопоставления себя органам государственной власти. К примеру, наиболее типичными материалами, направляемыми на проведение экспертизы, выступают фотоизображения татуировок заключенного [1, л. 65–69]. Среди них большая часть ассоциируется с классическими тюремными татуировками, в том числе: изображения в виде витого эполета, оскала животного, черепов, паутины, а другая часть – с нацистской символикой (разнообразные свастики; кресты, сходные с нацистской символикой; иные знаки и символы).

Исследователи отмечают, что тюремная субкультура является разновидностью криминальной субкультуры, сформированной в местах лишения свободы. Впрочем, как уже говорилось выше, такое явление проявляет себя не только в специальных изолированных культурах тюрьмы или лагеря, но и в современной культуре граждан, когда ценности и нормы поведения тюремной субкультуры «преодолели барьеры пенитенциарных учреждений

и стали неотъемлемой частью легитимных социальных и культурных практик» [5, с. 230]. Пребывание в местах лишения свободы для российского заключённого в большинстве случаев не означает прерывание криминального опыта, но способствует его расширению и трансформации в опыт тюремный.

Культивирование ценностей (абстрактных идеалов) в любой культуре означает наличие определенного типа мировоззрения и регламентированных моделей поведения. Отличительной характеристикой ценностей тюремной субкультуры является то, что их формирование происходит в условиях противостояния двух систем ценностей: официальной, выраженной режимными правилами и культурой администрации тюрем, и неофициальной «жизни по понятиям» со стороны осужденных. Другими словами, в местах лишения свободы АУЕ-идеология, став частью субкультуры вне закона, усилила конфронтацию между заключёнными и представителями власти. Примером может послужить следующий запрос на проведение экспертизы и оформление консультативного заключения [1, л. 170–173]. При изучении фотоизображений помещения наблюдаются буквы А У Е, изображённые на стене, вероятно, куском хозяйственного мыла. Аббревиатура выступает знако-символьным определителем субкультуры «АУЕ». Такое сочетание букв (АУЕ – Арестантский уклад един, Арестанское уркаганское единство) означает принцип коллективного существования в тюрьме. С точки зрения «авторитетов на зоне», это один из важнейших принципов тюремной субкультуры. Он заключается в том, что все конфликты в местах лишения свободы должны разрешаться только мирным способом, т.е. без каких-либо драк и поножовщины. Сокамерники обязаны понимать, что их объединяет общая беда и никто из них не попал в тюрьму по своему желанию. Все, оказавшиеся под одной крышей, все понимающие, что значит АУЕ, обязаны относиться друг к другу по-товарищески. Об этом упоминается и в цитируемом ранее «прогоне». В тюремной субкультуре такие позиции, как «жизненный комфорт», «социальная стабильность», «личностный успех», характерные для массовой культуры, объединяются среди осужденных идеалами «уклада жизни воровской». Это значит, что под жизненным комфортом осуждённые понимают доступ к благам «воровского общака»; под социальной стабильностью понимается «уважаемая масть» и усилия по сохранению себя в ней; под личностным успехом понимается дерзкое поведение по отношению к представителям тюремной администрации, к сотрудникам уголовно-исполнительной системы. Кто достигает успеха «на зоне», тот становится уважаемым «отрицалой» с правом ношения «эполетов» и «воровских звёзд» на своем теле.

Примером также может послужить следующий материал: на полученных фотоизображениях татуировок заключенного были зафиксированы две наколки, ассоциируемые с классическим тюремным символом в виде восьмиконечной «розы ветров», который в тюремной субкультуре называют «звездой воров». Среди «блатных» татуировок такой символ существует давно. Как правило, такую символику носят признанные «лагерные авторитеты». Накалывают ее обычно «злостные отрицалы», то есть те, кто постоянно нарушают тюремные порядки, они отказываются от работы, нарушают распорядок и т.д. [1, л. 138–140]. Еще пример: на левом надплечье заключенного наблюдается изображение, ассоциируемое с классической тюремной татуировкой в виде эполета сложной композиции. Такой рисунок с эполетом могут делать те заключенные, чей авторитет внутри тюремной субкультуры не подлежит сомнению. Также такая татуировка может быть сделана тому, кто отбывал свой срок в колонии строгого режима. Различные «эполеты» (погоны) являются отличительными знаками лагерной субкультуры наряду с «воровскими звездами», которые также наблюдаются на груди мужчины. Они как бы удостоверяют право осужденного, который их носит, на применение силы по отношению к другим заключенным [1, л. 183–186].

Как видим, ни о каком уважительном отношении к личности отдельного человека речи не идёт, всё решают коллективные установки и стереотипы восприятия «арестантского уклада». Другими словами, в интерпретации тюремной субкультуры ценности традиционной общины и современной массовой культуры, сохраняя свою формализованную оболочку, реализуются через асоциальные практики, нарушающие законы государства и противоречащие моральным установкам большинства населения страны. Язык вражды, культивируемый в местах лишения свободы и выраженный идеологической установкой «Б.А.Р.С. – Бей Актив – Режь Сук», которую можно видеть в виде татуировок на пальцах заключённых, подразумевает, что «актив» и «суки» – это большинство законопослушных граждан, подчиняющихся правилам и законам государства. Им противостоят «уважаемые воры» и «отрицалы». Это находит своё отражение ещё в одной достаточно распространенной татуировке на пальцах с аббревиатурой «Л. Х. В. С.», которую можно читать как: «Легавым Хер – Ворам Свободу» или «Людскому Ходу – Ворам Свободу» [1, л. 177–180].

Социальный аспект влияния тюремной субкультуры определяется субъективным распределением ответственности за какой-либо поступок между несколькими членами тюремного сообщества. При этом наблюдается зарождение и развитие самобытных традиций, её репрезентации в сложных художественных формах изобразительного искусства и фольклора [4, с. 23]. Ясно, что в местах лишения свободы оказываются, преимущественно «мужи-

ки», «первоходы» – представители разных этносов и конфессий, различных социальных страт, которые в условиях коллективной системы содержания не отделены от преступников-рецидивистов, «пересидков», «отрицал» и «авторитетных воров» и вынуждены принимать «уклад воровской жизни». Это, безусловно, способствует масштабному распространению и закреплению ценностей тюремной субкультуры даже среди тех, кто не является сторонниками АУЕ-идеологии. Надо понимать, что идеология АУЕ является частью тюремной субкультуры, она служит своеобразной «витриной» в массовой культуре, но она не тождественна идеологии российской организованной преступности. Свои идеологические основания и ценностные установки «АУЕ» берёт из «воровских понятий», но при этом особенный язык, знаки и символы этой организации присутствуют на сегодняшний день в большинстве сфер деятельности российского социума, в том числе в различных молодежных сообществах. В «молодёжной версии» экстремистской организации доминируют не столько глубинные принципы «воровского уклада», сколько внешние его проявления: специфический жаргон и язык вражды (лозунги и призывы в социальных сетях и мессенджерах и пр.); знаки и символы тюремной субкультуры (татуировки, «патчи», «аватарки» в сети Интернет и пр.); романтизация и идеализация «жизни по понятиям»; черно-белая картина мира с «реальными пацанами» и «чушпанами» на разных полюсах примитивного мироощущения.

Также наблюдается взаимодействие и интеграция АУЕ-идеологии с идеологией других экстремистских групп, в том числе неонацистских и неоязыческих. Примером может послужить следующий запрос на проведение экспертизы и оформление консультативного заключения: при изучении фотоизображений татуировок заключенного наблюдаются татуировки, ассоциируемые с классическими тюремными (в виде витого эполета, оскала животного, черепов, паутины). Кроме того, присутствуют татуировки, сходные с нацистской символикой: разнообразные свастики, кресты. На животе наблюдается крупная надпись полукругом «Славянин», выполненная в готической стилистике. На его левом плече и левой руке хорошо прочитывается надпись на немецком языке – «*Wir haben sieg unsere sein*», которую можно перевести примерно так: «Победа будет нашей». Эта надпись располагается ниже двух крестов сложной формы, напоминающих награды Третьего рейха, в частности, «Германский орден» (высшая государственная награда нацистской Германии). На правом плече видим «эполет» со свастикой, как символ, удостоверяющий право человека, который его носит, на применение силы по отношению к другим заключенным. Ниже – плохо читаемая надпись, видимо, на немецком языке и плохо прочитываемый образ Мадонны с младенцем на руках. Изображения Богородицы с младенцем Иисусом Христом имеют, как правило, два значения: «Тюрьма – мой дом» и указание на заключение в исправительное учреждение до совершеннолетия. Ниже, под изображением Богоматери, крупная надпись на немецком языке – «*Jedem das Seine*» («Каждому своё»). Эта фраза – лозунг, который вывешивался над входом в некоторых нацистских концлагерях. В частности, наибольшую известность эта надпись получила в связи с историей лагеря «Бухенвальд». На правой руке мужчины множество татуировок. Здесь и череп, и сочетание свастик, «шагающих» как по часовой стрелке, так и против часовой стрелки, надписи на английском языке и на латыни. Надписи на английском языке восхваляют «белую расу» и призывают к уничтожению представителей охраны правопорядка. Читается надпись на латыни, выполненная с ошибками. Видимо, это известное изречение «*Si vis pacem, para bellum*» – латинское крылатое выражение, которое можно перевести как: «Хочешь мира, готовься к войне». Также на руке есть изображения трех скандинавских рун. Предположительно, слева направо: Альгиз, Отал (Одал), Тейваз. Руна «Альгиз», означает «жизнь и рождение детей». В период Третьего рейха эта руна часто использовалась, например, возле даты рождения на надгробии. Некоторые праворадикальные течения могут использовать данную руну похожим способом и сегодня. Руна «Одал» толкуется как «наследие предков». А руна «Тейваз» или «Тир» трактуется в значении «воинская доблесть и мужество». Руна является эмблемой Северного движения сопротивления – североевропейской неонацистской организации, цель которой состоит в построении национал-социалистического тоталитарного правления в современной Скандинавии. Кроме того, на теле можно увидеть ряд других текстов, связанных с националистической и неофашистской тематикой. В частности, надпись, представляющая странное сочетание слов на немецком языке «*Russland nicht caput nict capitulieren*» (Россия не сдается и не капитулирует), которое окружает знак – круг с фашистской свастикой, явно отсылающий к партийному знаку НСДАП. Среди прочих разнообразных изображений возможно разглядеть изображение морды бульдога с оскалом, вокруг которой размещаются множественные надписи на латинице, которые плохо читаются; изображение рун «*SS*», вписанное в круг; на локте «паутина» со свастикой в центре; кресты, выполненные в различной стилистике [1, л. 37–41].

Еще один пример: скриншоты с видеозаписи показывают у заключенного открыто демонстрируемую на левой кисти татуировку в виде паутины с черной полосой вдоль костяшек пальцев, а на правой кисти – татуировка в виде венка, в середине которого расположен рисунок кастета [1, л. 190–198].

Паутина четко ассоциируется с тюремной субкультурой: обычно «паутина» – это татуировка наркоманов [6, с. 59], паук без паутины может обозначать вора-карманника [7]. Наколка на правой руке имеет более сложное значение. Известно, что, татуировку кастета в венке могут сделать те люди, которые имеют отношение к сторонникам националистического движения под наименованием «*National socialism/ White Power*» («*NS/WP*»). В 1990-е гг. в России появились первые неонацистские организации, в том числе «Белая сила» (*White Power – WP*»). Только если в Европе «избранными» считают представителей романо-германских народов, то российские неонацисты к арийской расе относят славян. «*National socialism/White Power*» («*NS/WP*») – одна из самых радикальных неонацистских организаций России, возникшая в середине 2000-х гг., признана Верховным Судом Российской Федерации террористической организацией. В сети Интернет есть тематические *Telegram*-каналы, объясняющие идеологию и символику *National-Socialism/White Power* (*NS/ WP*). Например, пользователь под именем Неизвестный Потрошитель в сети Интернет (в свободном доступе) пишет, что символ кастета в венке обозначает поддержку «уличного террора как главного метода борьбы «за наши священные идеи». Оригинальный эскиз был придуман одним из создателей *NS/WP* в 2006 г. Любой, кто демонстрирует его ради бестолкового эпатажа, для извлечения прибыли или иной личной выгоды, трактует иначе – враг, с которого при первой возможности должен быть произведен соответствующий спрос» [8].

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Пропаганда и агитация «воровского уклада», внедрение тюремной субкультуры в массовую культуру ведёт к проникновению её норм в повседневную жизнь граждан и формирует определенный язык вражды и агрессии в культуре повседневности.

Наблюдается ситуация, при которой тюремная субкультура начинает вбирать и интегрировать в себя «культурные коды» других экстремистских направлений, прежде всего неонацистского. Нередким становится явление, когда на теле человека к традиционно тюремным татуировкам добавляются символы других, запрещенных в России организаций. Думается, это во многом обусловлено притоком людей, осужденных по «экстремистским» статьям и вынужденным взаимодействовать друг с другом в условиях заключения.

В современной массовой культуре татуировка начинает играть роль своеобразного знака уникальности личности, отделяющего его от социума. Это знак «ее семантической атомизации, распада общества на «мыслящие атомы», сообщающие друг другу: «Я – не вы» [9, с. 104]. В то же время, попадая в места заключения, такие люди сталкиваются с ситуацией, где татуировка выполняет совершенно противоположную функцию, идентифицируя её носителя как представителя криминального мира, и позволяя посвященным «расшифровать» биографию и жизненные принципы индивида.

Юридическое приравнивание всей тюремной субкультуры, имеющей многолетнюю историю, свои сложившиеся на протяжении десятилетий ценностные установки, обрядовую и семантическую специфику, к экстремистскому движению «АУЕ» ставит его носителей (в том числе и носителей татуировок) вне «закона», что приводит к эскалации насилия, усилению противостояния между администрацией пенитарных учреждений и контингентом заключенных. Поэтому среди заключенных усиливается поддержка идей АУЕ как основной идеологии противостояния государству, а также интеграция с другими экстремистскими группировками.

Литература:

1. Консультативные заключения экспертов УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН на запросы Центра по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел по Удмуртской Республике (ЦПЭ МВД по УР) и документы к ним // Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Дело 1707а. Л. 1–204.
2. Пономарёв С.Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем: монография. Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2017. 144 с.
3. Пономарёв С.Б. Анализ триады «архетип – тотем – табу» в пенитенциарной субкультуре: монография. Ижевск: Управление информационных ресурсов ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2021. 160 с.
4. Банников К.Л. Антропология экстремальных групп: Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 402 с.
5. Тищенко Н.В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности // Вестник СГТУ. 2013. №1 (70). С. 229–233.
6. Балдаев Д.С. Татуировки заключенных: Альбом. СПб.: Лимбус Пресс. 168 с.

7. Энциклопедия бандитских татуировок // Бюро научно-технической информации. URL: http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=760&lvl=05.&ysclid=m1jgqz1fn786728654 (дата обращения: 26.09.2024).
8. Telegram-канал контакта «Неизвестный Потрошитель Forwarded from ODERINT DUM METUANT». URL: https://t.me/s8s8jaysson/5869 (дата обращения: 26.09.2024).
9. Банников К.Л., Чианкони П. Татуировка: конфликтный треугольник тела, социума, знака // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 1. С. 91–109.

Prison Subculture as a Factor in the Formation of Extremist Ideas in Russian Society

Kasimov R.N., Pozdeev I.L.
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The most important task facing Russian humanities is to study the logical connections between various processes and phenomena in subcultures that influence modern society. These include the customs and traditions of the criminal prison subculture. The prison subculture in every possible way encourages asocial behavior patterns in correctional institutions; it is focused on supporting the ideas of illegal activity, which it spreads among ordinary citizens. By definition, it is incompatible with the implementation of constitutional rights of citizens, but has a significant impact on the everyday life of Russian society.

The purpose of the research is to analyze the manifestations of the prison subculture in the process of its gradual integration into public consciousness, identified among typical bearers of such a culture. To achieve this goal, the authors of the article need to solve the following tasks: to define the concept of «prison subculture» (in the context of the general cultural concept of «subculture»); to consider the characteristic and special features of the prison subculture; to provide examples of the formation of extremist ideas in Russian society by bearers of the prison subculture.

The scientific significance of the work lies in the fact that, based on the analysis of factual material, the main trends occurring among the bearers of the prison subculture are revealed. The practical significance of the work lies in the fact that employees of correctional institutions, representatives of government agencies will be able to use the theoretical justifications and conclusions of the authors of the article in their activities. They can help competent specialists in identifying the mechanisms of the impact of the prison subculture on convicts; understand the degree of asocial potential of a particular community; identify the negative phenomena of the prison subculture present in the lives of ordinary citizens.

The authors come to the conclusion that the introduction of prison subculture into mass culture leads to the penetration of its norms into the everyday life of citizens and forms a specific language of hostility and aggression in the culture of everyday life. At present, there is a situation in which the prison subculture begins to absorb and integrate the «cultural codes» of other extremist movements. Equating the entire prison subculture to the extremist movement «AUE» leads not only to increased confrontation between the administration of correctional institutions and the contingent of prisoners.

Keywords: prison subculture, extremist ideology, expertise, antisocial behavior, tattoos

УДК 316.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-276-280

Моделирование социального конфликта

Каштанова О.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии науки и социальной работы
Казанского национального исследовательского
технологического университета

В рамках статьи обсуждается специфичная тема. Важность ее изучения подтверждается выделением нескольких ключевых моментов. Во-первых, не все конфликты легко поддаются изучению. Наличие же их модельных описаний позволяет проанализировать возможное развитие ситуации и найти оптимальный способ её урегулирования. Во-вторых, моделирование, в том числе и математическое, открывает перед исследователем возможность использовать современные вычислительные технологии для просчёта различных вариантов развития конфликта. Это позволяет прогнозировать вероятный исход и его влияние на ожидаемый результат. Наконец, моделирование на примере взаимодействия двух индивидов помогает понять, как социальная дистанция в обществе влияет на условия возникновения подобных процессов. Мы можем учесть внешнее воздействие и случайный фактор, что делает моделирование особенно ценным инструментом для исследования конфликтов. Цель настоящей статьи – оценить возможности применения моделирования к анализу семейных отношений и конфликтов. Предложенная модель, представляющая собой образ или схему развития конкретного конфликта, была продемонстрирована на основе реального случая. Этот пример, основанный на данных эмпирического исследования, наглядно показывает, насколько эффективно можно изучать конфликты. Он также дает представление о том, является ли моделирование главным или вспомогательным инструментом в процессе анализа.

Ключевые слова: *конфликт, инициатор и повод для конфликта, конфликтная ситуация, модель конфликта, моделирование, сценарий развития конфликта*

Для цитирования: *Каштанова О.В. Моделирование социального конфликта // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 276–280. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-276-280.*

Каждый из нас хотя бы раз оказывался в ситуации, когда приходилось быть свидетелем, участником или даже инициатором конфликта. В такие моменты мы можем побуждать или провоцировать других людей на определённые действия.

На основе своих чувств, восприятия и реакции на происходящее у нас формируется представление о конфликте. Другими словами, мы создаём для себя образ конфликта и несём его через всю жизнь, периодически корректируя его в зависимости от обстоятельств.

Постепенно этот процесс становится для нас необходимым, и мы начинаем уделять ему всё больше внимания. Анализ ситуаций и поиск в них элементов конфликта позволяют нам определять способы реагирования, которые помогут предотвратить или разрешить конфликт. Таким образом, мы создаём в своём сознании модель конфликта. Но что это значит? Это означает «формирование некоего образа», способного помочь изучить и понять особенности конфликта. Анализируя модель конфликта, можно

найти способы управления, урегулирования или предотвращения конфликта.

Понятие «модель конфликта» впервые появляется примерно в 40–80-х гг. XX в. в работах Т. Парсонса, Л. Козера, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга и др. исследователей. Однако его использование связано как с описанием общества, так и с теорией, которая рассматривает социум сквозь призму конфликтного взаимодействия [1, с. 25–36]. Поэтому ещё до того, как конфликтология оформилась в отдельную научную область, в различных сферах знаний, таких как биология, математика и социология, уже разрабатывались специальные модели конфликтов, в том числе математические.

«*Математическая модель* – это упрощённое представление реальных объектов, процессов или систем, выраженное в математических терминах и сохраняющее ключевые особенности оригинала» [2, с. 44].

В начале XXI в. были достигнуты значительные успехи в создании различных моделей социальных и политических процессов. Ученые Нижегородского государственного университета А.Ю. Петухов, А.О. Мальханов, В.М. Сандалов, Ю.В. Петухов выделили следующие группы моделей:

1. Модели, характеризующиеся высокой степенью абстракции, но не являющиеся строго математическими. Они основаны на выявлении и изучении общих исторических закономерностей; представляют собой логические диаграммы, отражающие взаимосвязи между различными факторами, влияющими на исторические события (Дж. Голдстайн, И. Валлерстайн, Л.Н. Гумилёв, Н.С. Розов и др.).

2. Модели, в которых основное внимание уделяется тщательному учёту и описанию факторов и процессов, влияющих на рассматриваемые события и явления (Ю.Н. Павловский, Л.И. Бородкин, Д. Медоуз, Дж. Форрестер и др.).

Такие модели, как правило, не предназначены для прогнозирования на долгосрочную перспективу.

3. Модели, характеризующие определенные социальные явления и процессы, без учета особенностей конкретного исторического события. Их цель – выявить общие закономерности, свойственные рассматриваемым явлениям [3, с. 67–68].

Применительно к конфликту модель представляет собой систему формальных связей между внешними условиями, относительно стабильными характеристиками и внутренними уникальными особенностями, которые отличают конфликт от неконфликтных ситуаций.

При желании модели могут быть использованы для анализа различных видов конфликтов, в том числе и международных. Как пример – работы Е.Г. Барановского и Н.Н. Владиславлевой, в которых авторы предлагают специфичный вариант изучения международных конфликтов, но без возможности применения подобного алгоритма к другим типам социальных конфликтов [4, с. 144].

Таким образом, использование моделей для изучения и анализа конфликтов даёт возможность вместо непосредственного их изучения сосредоточиться на анализе характеристик и свойств их моделей. Именно поэтому моделирование становится важным инструментом в исследовании и анализе конфликтов.

Среди дополнительных преимуществ моделирования конфликтов выделим:

1. Модель – надёжный помощник в принятии участниками конфликтных ситуаций взвешенных решений, в выявлении возможных исходов и определении наиболее эффективных стратегий поведения.

2. Модель помогает предсказать, к каким результатам может привести выбранная стратегия управления.

При разработке модели конфликта важно принимать во внимание не только общие принципы моделирования, но и уникальные особенности конкретной ситуации. В этом контексте рассмотрим примеры моделей (в том числе и математических) конфликта, которые можно встретить в литературе:

1. Модель Вито Вальтерра – модель, описывающая специфику конфликтного взаимодействия двух биологических видов в замкнутой среде, один из которых – хищник, а другой – жертва [5, с. 107–108].

2. Модель Льюиса Фрая Ричардсона – характеристика соперничества двух противоборствующих государств, не желающих проиграть войну ввиду отсутствия преимуществ [6, с. 238–244].

3. Модель Фредерика Ланчестера – система дифференциальных уравнений для анализа степени интенсивности воюющих сторон в анализируемой ситуации [7, с. 122–123].

4. Модель Томаса Саати – динамическая модель ядерной войны, которая объясняет причины её начала и завершения, а также позволяет рассмотреть стратегии поведения, способные привести к желаемому результату [8, с. 103–109].

5. Модель центр-периферийных отношений А.Н. Бордовских, в которой «страны «центра» и страны «периферии» рассматриваются как взаимные источники политического риска друг для друга» [9, с. 21]. В таких условиях появляющиеся разногласия создают предпосылки для возникновения различного рода конфликтов, модель анализа которых внесет несомненный вклад в их разрешение.

Не стоит забывать и о классиках отечественной конфликтологии – А.Я. Анцупове и А.Н. Шипилове, в работах которых можно встретить трактовку моделирования как одного из вариантов прогнозирования конфликтных ситуаций. На вопрос о том, как связаны между собой моделирование и прогнозирование, можно ответить следующим образом. Создание модели, основанной на существующем

конфликте в определённой сфере, может стать основой для прогнозирования возможных будущих конфликтов и их своевременного предотвращения. И наоборот, прогноз может послужить основой для создания модели потенциального конфликта. При этом не стоит называть моделирование инструментом прогнозирования, поскольку не каждая модель может быть использована для прогнозирования, также как не всякое моделирование позволяет достоверно предсказать развитие ситуации.

Возможен также еще один вопрос: «Какой конфликт мы моделируем: реально возникший где-либо конфликт или же скорее воображаемый, который в данный момент не имеет места?». Отвечая на этот вопрос, стоит отметить следующее: любой конфликт важен для изучения. Однако реальный конфликт разбирать гораздо эффективнее, так как, применяя полученные знания к его разрешению, можно избежать не только нежелательных последствий, но и реальных катастроф в будущем.

Возвращаясь к теме моделирования, выделим такие его особенности:

1. Моделирование – это процесс создания модели, позволяющей представить наблюдаемое явление в наиболее удобном для изучения виде.

2. Модель конфликта представляет собой любой образ, который был создан для его дальнейшего изучения. Она служит его заменителем и позволяет объяснять или предсказывать конкретные события.

3. Модель конфликта – специфичный способ познания объекта изучения, позволяющий получить о нем новую информацию.

4. Модель конфликта представляет собой прописанный сценарий, описывающий развитие конфликтной ситуации с учётом заранее определённых количественных и качественных показателей.

Сценарий развития конфликта – план, по которому разворачивается конфликтная ситуация. Он представляет собой последовательность событий, происходящих в определённое время. Сценарий определяет, как будут развиваться события, кто будет вовлечён в конфликт и как они будут себя вести. При создании сценария важно учитывать не только общие принципы моделирования, но и уникальные особенности конкретного конфликта.

В качестве примера приведем сценарий развития семейного конфликта, а точнее конфликта в молодой семье *между супругами на почве ревности* (тем самым максимально сузив предмет нашего исследования).

Необходимость подготовки именно такого сценария подтверждается данными, приведенными в работе Е.В. Куфтяк. Она утверждает, что «для 80–85 % семей характерны частые ссоры и конфликты» [10, с. 84].

Именно поэтому автор данной статьи провёл собственное исследование, в котором приняли участие 10 молодых семей, состоявших в браке от 1 до 3 лет. Эмпирической базой исследования послужили результаты глубинного интервью.

Полученные результаты позволили построить следующий вариант сценария (с опорой на выделенные в ходе исследования «блоки»):

1 блок: причины возникающих конфликтов и характеристика ситуации в целом. Ревность – одна из основных причин конфликтов в молодых семьях. Возникающий на почве ревности конфликт сопровождается выплеском эмоций, оскорблениями в адрес супруга/супруги и продолжается не менее 30 минут, периодически то затухая, то возникая вновь. Заканчивается битьем посуды и хлопаньем дверью.

2 блок: выяснение того, что провоцирует участников действовать именно так, и не иначе. В ходе исследования стало ясно, что чаще всего это:

– стереотипы о мужчинах и женщинах и предназначенных им социальных ролях, позволяющие супругам довольно резко реагировать на критику в их адрес по поводу частых командировок, работы по выходным, частых звонков с просьбой поработать в выходной день или вообще звонков от незнакомок и т.д. (если мы приводим позицию жены, описывающей своего мужа) или по поводу мужского коллектива, откровенных нарядов, большой загруженности работой, важности быть хорошей хозяйкой, любимой женой и матерью и т.д. (в случае описания мужем своей жены).

– Слова и люди – конфликтогены, провоцирующие участников на дополнительный выплеск эмоций, увеличение протяженности конфликта и его конечный исход.

3 блок: характеристика этапов развития семейного конфликта; выделение в нем часто возникающих ситуаций и эмоций сторон. В 8 из 10 случаев конфликт начинался с разного рода расспросов и придирок, усугублялся «переходом на личности» и заканчивался взаимными претензиями, высказываем обид в адрес друг друга и выплеском эмоций.

В остальных случаях конфликт развивался и заканчивался одинаково, а его участники вели себя единообразно. При этом каждая из сторон могла описывать ситуацию как вполне нормальную и естественную.

4 блок: размышления о том, как бы могла развиться ситуация, если бы одна из сторон повела себя несколько иначе обычного. Влияет ли это в таком случае на общий эмоциональный фон? Иными словами, необходимо было описать возможное развитие событий в будущем, отвечая на вопрос: «Что будет, если…».

В результате было установлено следующее: около 45 % опрошенных ответили, что, возможно, не стали бы так остро реагировать на выпады оппонента, если бы в нужный момент он промолчал, сменил тему или повел себя иначе.

5 блок: оценка возможности возникновения угроз, лжи и попыток манипуляции партнёром. Если это возможно, то стоит задуматься о причинах таких действий и о том, как их можно предотвратить или устранить. Если эти действия направлены на то, чтобы доминировать над партнёром, а не на достижение согласия, то, возможно, стоит создать условия для взаимодействия сторон, учитывая при этом первопричины недовольства собой и другим. Проведенное исследование позволило установить факты манипуляции чувствами партнеров в угоду собственным желаниям и интересам.

6 блок: оценка стратегий поведения сторон в конфликте с точки зрения их эффективности в сложившихся обстоятельствах. В ходе проведения исследования установлено следующее соотношение выбираемых стратегий: в 50 % случаев супруги предпочитают прибегать к стратегии соперничества; в 40 % (20 + 20) случаев – к избеганию или приспособлению и лишь в 10 % – к компромиссу.

7 блок: планирование переговоров сторон – подготовка сторон к взаимодействию и выработке оптимального решения. В данном блоке нас интересовала сама возможность проведения переговоров и установления долгосрочного мира. К сожалению, на подобное предложение утвердительно ответили лишь 30 % респондентов, большая же их часть стремилась либо доминировать и управлять, либо отстаивать свои права и защищаться. Поэтому переговоры воспринимались не как метод взаимодействия равноправных участников, а как поле битвы сторон с неравными силами и поэтому отвергались. Однако вариант с семейным психологом был отмечен положительно.

8 блок: оценка полученных результатов и подготовка отчета о проделанной работе. В процессе работы, при соблюдении определенных условий и достигнутых договоренностей, количество подобных конфликтов может быть существенно снижено.

Безусловно, этот блок будет особенно полезен для тех, кто выступает в роли посредника, а не для непосредственных участников конфликта. Тем не менее, если супруги будут регулярно возвращаться к анализу ситуации и оценке роли конфликта в своих отношениях, это поможет им избежать многих ошибок и сделать их семейные узы ещё крепче.

Подводя итог, выделим следующие моменты:

– Разработка модели конфликта предполагает учет не только общих принципов моделирования, но и специфичных характеристик конкретной конфликтной ситуации.

– Моделирование конфликта опирается на информацию, сбор и обработка которой происходят в несколько этапов. На каждом этапе уровень оторванности от реальности увеличивается, что приводит к потере уникальных признаков конфликта. Вероятно, поэтому встречается точка зрения, согласно которой построение моделей является скорее больше вспомогательным, нежели основным инструментом как для изучения, так и для прогнозирования конфликтов.

Литература:

1. Нечипоренко Л.А. Буржуазная «социология конфликта». М.: Политиздат, 1982. 142 с.
2. Нахман А.Д. Основные аспекты обучения математическому моделированию в системе «школа-вуз» // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 5. С. 41–56.
3. Петухов А.Ю., Мальханов А.О., Сандалов В.М., Петухов Ю.В. Моделирование конфликта в социальной системе с помощью диффузионных уравнений // Известия вузов Прикладная нелинейная динамика. 2016. Т. 24. № 6. С. 65–83.
4. Овчинникова Т.М. Моделирование как метод регулирования конфликта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). В 2-х ч. Ч. II. С. 143–146.
5. Ризниченко Г.Ю. Лекции по математическим моделям в биологии. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. 560 с.
6. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 296 с.
7. Митюков Н.В. Определение жертв войн через ланчестерские модели // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 122–140.
8. Саати Т. Математические модели конфликтных ситуаций / Пер. В.Н. Веселова и Г.Б. Рубальского; под ред. и с предисл. И.А. Ушакова. М.: Сов. радио, 1977. 302 с.
9. Бордовских А.Н. Политические риски: современные проблемы оценки и теоретического моделирования: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009. 30 с.
10. Куфтяк Е.В., Сизова М.А. Развитие семейного совладания и функциональности семьи. Кострома: КГУ, 2009. 119 с.

Modeling of Social Conflict

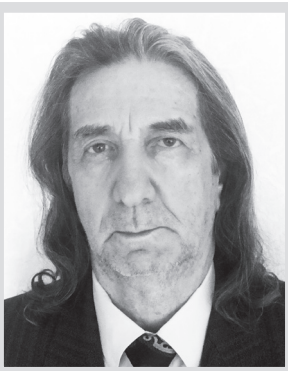
Kashtanova O.V.
Kazan National Research Technological University

The article discusses a specific topic. The importance of studying it is confirmed by highlighting several key points. First, not all conflicts are easy to study. The presence of their model descriptions allows us to analyze the possible development of the situation and find the best way to resolve it. Secondly, modeling, including mathematical modeling, opens up the possibility for the researcher to use modern computing technologies to calculate various options for the development of a conflict. This allows you to predict the likely outcome and its impact on the expected outcome. Finally, modeling on the example of the interaction of two individuals helps to understand how social distance in society affects the conditions for the emergence of such processes. We can take into account external influences and random factors, which makes modeling a particularly valuable tool for conflict research. The purpose of this article is to evaluate the possibilities of applying modeling to the analysis of family relationships and conflicts. The proposed model, which represents an image or scheme of the development of a particular conflict, was demonstrated on the basis of a real case. This example, based on empirical research data, clearly shows how effectively conflicts can be studied. It also gives an idea of whether modeling is the main or auxiliary tool in the analysis process.

Keywords: conflict, initiator and reason for conflict, conflict situation, conflict model, modeling, scenario of conflict development

УДК 316.023.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-281-285

Границы малой группы в социологическом рассмотрении (не количественный аспект ее состава)

Крейк А.И.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления

В отечественной социологии границы малых групп, как правило, рассматриваются, исходя из их количественного состава: минимального числа членов группы (нижняя граница) и максимального числа (верхняя граница). Но в действительности границы малых групп могут иметь не только эти количественные выражения. Недостаточная исследованность данного аспекта предопределяет актуальность темы исследования. Соответственно, цель данной работы – рассмотреть границы малых групп без учета количественного аспекта их состава. Задачи, которые автор ставит перед собой: определение совокупности границ у малых групп; углубленное рассмотрение феномена социальных границ; роль их границ для малых групп. Рассмотрение границ малых групп, в соответствии со сформулированной целью, позволит уточнить социологическое понимание данного феномена, что может оптимизировать проведение социологических исследований в этой области. Результатом представленной работы является акцентирование внимания исследователей на границах малых групп не в количественном аспекте их состава. Ценность данной работы – актуализация различных действительных аспектов границ малых групп.

Ключевые слова: *малые группы, границы, виды границ, функциональные ипостаси границ малых групп, социальные маркеры, уровни жизни малых групп, определяемые их границей*

Для цитирования: *Крейк А.И. Границы малой группы в социологическом рассмотрении (не количественный аспект ее состава) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 281–285. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-281-285.*

Малые группы, существуя в социальном пространстве, которое П.А. Сорокин определил как некую вселенную, состоящую из людей, живущих на земле [1, с. 3], отделены друг от друга, от других форм социальной организованности и иных феноменов внешнего мира своими границами. Распространенность границ в социуме такова, что вполне справедливым будет следующее утверждение: «Границы пронизывают все наше бытие…» [2]. Тем не менее в отечественной социологической справочной литературе этот термин не получил признания. В русском языке граница – это та грань, которая представляет собой линию раздела, отделяющую одно от другого [3, с. 236–237]. Граница может пониматься и как предел, допустимая норма [4, с. 134].

Функционируя, малые группы могут иметь следующие границы:

– ***Пространственные границы.*** Они есть, поскольку малая группа, как феномен, существует, имея определенное местоположение в определенном пространстве (конкретная географическая территория, сеть Интернет, виртуальное пространство и т.п.). Причем конкретная малая группа может

одновременно иметь несколько пространственных границ (например, располагаться на определенной географической территории и иметь свои координаты в системе Интернет; в обеих случаях иметь соответствующие границы).

– ***Временные границы.*** Малая группа, каким бы образом она себя не проявляла, существует на протяжении определенного времени. Соответственно, начало и окончание ее существования – это временные границы малой группы. Кроме того, могут быть определенные временные границы отдельных отрезков существования малой группы.

– ***Социальные границы.*** Являясь социальным феноменом и существуя в социуме, малые группы имеют социальные границы. Причем конкретная малая группа, исходя из различных критериальных оснований для определения социальной природы, может иметь различным образом определенных несколько различных социальных границ.

О.А. Полюшкевич считает, что существуют и другие виды границ, «но на их пространство могут вступить не все члены социума» [5, с. 33]. Однако она не конкретизирует свою мысль.

Граница для малой группы выступает в следующих ипостасях:

– как ее ограничение в социальном пространстве;

– как механизм поддержания единства группы.

Таким образом, кроме непосредственно отграничивающей функции для малых групп, *социальная граница* может функционально выступать в качестве инструмента организации группы в социальном пространстве.

Для социальных границ может быть дано следующее определение: ***социальные границы*** – это установленные деятелями, в соответствии с существующими в социуме социальными регуляторами (ценностями, формальными и неформальными нормами, санкциями, статусами и ролями, символами и т.п.) линии, определяющие внутренние пределы социальных целостностей и отграничивающие их одну от другой.

По мнению А.О. Малахова, «социальная граница в широком смысле может быть определена как первичная категория, служащая инструментом при организации группы в пространстве» [6, с. 139].

Социальные границы многогранны. Традиционно они могут формироваться следующим образом:

– законом (определять легитимность тех или иных действий);

– моралью (определять «правильность» или «неправильность» поступков);

– институциональными структурами (семьей, образованием и т.п.), определяющими нормы и правила развития;

– материальными ресурсами, в т.ч. финансовыми (доступность, т.е. открытость границ при наличии денег и ограниченность при их отсутствии);

– социальным положением человека или группы в социуме (определенным положением в системе социальных координат) [5, с. 34].

Современный цивилизационный процесс породил разрушение некоторых границ в социуме, другие подверглись изменениям, появились новые. В целом «групповые социальные границы существенно расширились» [5, с. 34]. Тем не менее, является фактом, что «границы сохраняются, невзирая на то, что люди их постоянно нарушают» [7, с. 10].

Повседневная жизнедеятельность малой группы нередко актуализирует функциональную необходимость определить искомые социальные границы. Ниже А.О. Малахов излагает логику своего понимания данного явления [6, с. 140–143].

Граница малой социальной группы является предметом осмысленной активности людей. Например, «простейший способ отличать своих от чужих состоит в возведении барьера между двумя группами» [8, с. 63]. Активность членов группы не привносится извне, не имеет надындивидуальную природу. При этом именно в малой группе у индивида появляется еще больше возможностей для подобной активности. Таким образом, малая социальная группа является особым конструктом социальной реальности.

В отличие от больших социальных образований, малая группа может быть эмпирически зафиксированной. Эмпирическая фиксация малой группы через ее социальные границы, прежде всего, выражается в определении культурного кода группы, а именно – разделяемых ее членами ***социальных маркеров***, служащих инструментом идентификации.

Хотя, по сути, социальные границы установлены и закреплены в правилах и конвенциях общества [9, с. 89], индивиды в большей степени идентифицируют себя именно с малой группой, чем с большими социальными образованиями. Причиной этого может служить очевидная ограниченность и социальная «осязаемость» малой группы. Выявление социальных маркеров малой группы является менее сложной задачей, чем маркеров крупных групповых образований.

Набор социальных маркеров той или иной группы определяется самими индивидами. Мнение аналитиков по этому поводу является второстепенным. Чтобы понять культурное содержание групповой деятельности, ее культурный код и смысл необходимо обратиться к самим индивидам, входящим в состав этой группы. То есть понимание и определение социальных маркеров возможно только в ходе непосредственного контакта с членами группы. Наблюдение в данном случае не даст значимых результатов. Малая же группа облегчает процесс этого понимания вследствие небольшой численности и большей однородности во мнении, чем в более крупной форме социальной организованности. Социальные маркеры малой группы приобретают бо-

лее четкий и структурированный характер именно благодаря границе. Чтобы отграничить свою группу в пространстве, ее члены стремятся создать свой уникальный набор маркеров. У малой группы этот набор будет скорее всего четким, структурированным и однородным, разделяемым практически всеми членами группы.

Таким образом, чтобы очертить границу малой группы, необходимо прежде всего обратиться к социальным маркерам, используемым ее членами в процессе идентификации. Целью конструирования таких маркеров является не только отграничение группы в социальном пространстве, но и облегчение процесса идентификации индивидов. Кроме того, при выделении социальной группы в пространстве и определении ее границ большую роль приобретает субъективное восприятие индивидами своего членства в ней, то есть своей идентичности. Фактически ***идентичность*** выступает *инструментом выстраивания границы группы*. Итак, очевидны следующие две значимые характеристики малой социальной группы, определяемые посредством ее социальных границ:

– набор маркеров (внешнее оформление границы);

– субъективное восприятие границы индивидами.

Важным является то, что «границы представляют собой подвижные, динамические образования – их можно провести, стереть, разрушить, передвинуть, открыть» [9, с. 91]. Границы «могут и сжиматься, и расширяться в зависимости от актуализации того или иного мотива и исходя из особенностей социальной ситуации» [10, с. 59]. Т.е. социальная граница имеет гибкий, трансформирующийся характер.

Является фактом, что «установление границ неразрывно связано с их пересечением» [2]. И действительно, в повседневной жизни человек переходит из одной малой группы в другую. При этом он не испытывает значительных трудностей в понимании кодов этих групп, адаптации в них. Причина этого в гибкости, открытости границ различных социальных групп, социальные маркеры которых индивид способен легко усваивать.

Однако часто в малых группах наблюдается обратный процесс, когда граница группы является закрытой. Так, многие закрытые группы являются малыми группами, которые требуют полного подчинения индивида и восприятия только одного культурного кода. Это касается, например, сект, различных тайных обществ.

Данный тезис выводит проблему контроля над процессом формирования и поддержания групповых границ. Возможно, что ведущая роль в процессе конструирования границ может принадлежать не рядовым членам группы, а лидерам, задающим его направление. В закрытых малых группах граница теряет гибкий, открытый характер в силу жесткой централизации и категорично установленным маркерам. Большую роль в них приобретают лидеры, которые берут на себя всю инициативу в формировании социальной границы.

В соответствии с логикой Ф. Барта, рассматривавшего этническую границу на трех уровнях [7, с. 20], можно выделить следующие три уровня «жизни» малой социальной группы, исходя из ее социальных границ [6, с. 141–142].

Первый уровень – это уровень субъективного восприятия социальной границы. Индивиды воспринимают социальные маркеры, культурные символы, правила или предписания социальной группы. В малой группе этот процесс может носить достаточно кратковременный характер в силу конечности и структурированности социальных маркеров. Это есть уровень *групповой идентификации*. Его можно назвать ***индивидуальным уровнем.***

Второй уровень – это уровень непосредственной организации группы, уровень конструирования и модификации социальной границы. Именно это *уровень активной деятельности лидеров. Кроме того, на этом уровне наблюдается взаимодействие границ различных социальных групп, переход индивида из одной группы в другую, межгрупповые процессы*. Его можно назвать ***групповым уровнем.***

Третий уровень – это ***социетальный уровень***. На этом уровне социальная группа и социальная граница рассматриваются относительно *крупных социальных образований* – государств, социальных институтов, социальных процессов.

Малая группа прежде всего может быть рассмотрена на первом и втором уровнях.

Можно обозначить следующие *эмпирические индикаторы* социальных границ социальных групп:

• обшегрупповая солидарность;

• индивидуальная идентичность членов группы;

• уровень открытости/закрытости социальной группы;

• психологическое состояние членов группы;

• культурные характеристики группы;

• характер внутригрупповых мобилизационных процессов [6, с. 142].

Теперь можно охарактеризовать социальные границы малой группы через обозначенные индикаторы.

Очевидно, что в малой социальной группе уровень *общегрупповой солидарности* будет выше, чем в крупных групповых образованиях. В связи с этим следует учитывать высокую степень доверия между членами группы, сплоченность, значимость группы для индивидов. В этом случае социальная граница приобретает более оформленный характер, сравнительно высокую степень выраженности.

Из этого, в свою очередь, складывается *идентичность* каждого отдельного члена малой группы. Относительно четко выраженная граница предполагает, в свою очередь, относительно четкий набор социальных маркеров, что облегчает процесс иден-

тификации. Более того, для индивидов, являющихся членами малых групп, будет характерно стремление подчеркнуть свою идентичность, укрепить ее. Это можно связать прежде всего с той же выраженностью границы малой группы. Но объяснить данный факт можно и чисто утилитарными факторами. Например, индивиду проще идентифицировать себя с малой группой и воспринимать ее границы, чем границы крупных социальных образований.

Проблема *открытости* и *закрытости* малой социальной группы рассматривалась выше, поэтому можно к этому не возвращаться.

Следующий индикатор – это *психологическое состояние* малой группы. Небольшой размер такой группы в данном случае облегчает задачу определения такого состояния. По нему можно судить о степени устойчивости социальных границ малой группы.

Культурные характеристики малой группы также были затронуты выше.

Поэтому можно сразу перейти к последнему индикатору – *характеру внутригрупповых мобилизационных процессов.* Естественным является то, что малую группу легче мобилизовать для достижения каких-либо целей.

Таким образом, обобщая изложенное выше, можно охарактеризовать малую социальную группу с позиции ее социальных границ. *Малая социальная группа* есть продукт конструирующей деятельности индивидов, которые принимают активное участие в ее обособлении в социальном пространстве через организацию ее социальной границы.

Сама малая группа может быть описана через термины ее социальной границы, эмпирической интерпретацией которой выступает охватываемый ею культурный материал в виде социальных маркеров и субъективное восприятие индивидами границ группы. Маркеры, в свою очередь, выступают главным инструментом идентификации индивидов, распознании ими своей групповой принадлежности.

Через социальные маркеры возможно описание той или иной социальной группы. Но при этом необходимо помнить, что эти маркеры не существуют спонтанно. Наличие социальной границы обеспечивает индивидам приобретение оформленного характера, и тогда они организуются в конечном итоге в социальную группу. Социальная граница в этом случае выступает инструментом конструирования малой группы. Соответственно, созданная малая группа будет иметь выраженные социальные границы и четко обозначенный и структурированный набор маркеров.

При рассмотрении границ малых групп может быть полезным иметь в виду следующую парадоксальную точку зрения Гегеля, который выразился следующим образом: «Граница есть то, в чем ограничиваемые в той же мере суть, в какой и не суть …» [11, с. 237]. Такого же мнения придерживается и Кен Уилбер: «Все линии, которые мы находим в природе или создаем сами, не просто разделяют разные противоположности, но также и связывают их вместе в нераздельном единстве. Иными словами, линия не является границей. Границы претендуют на разделение того, что на самом деле неразделимо» [12, с. 57]. Такова же природа и малых групп.

Литература:

1. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.
2. Калиненко В.К. Границы в анализе. Юнгианский подход. М.: Когито-Центр. 326 с.
3. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 1022 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2013. 874 с.
5. Полюшкевич О.А. Социальные границы в структуре социокультурной солидарности // Дискуссия. 2012. № 1 (19). С. 33–41.
6. Малахов А.О. Категория социальных границ в анализе малых социальных групп // Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты: в 2 т. Т. 1 / Под ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2004. С. 139–143.
7. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. 198 с.
8. Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ, 2016. 221 с.
9. Рягузова Е.В. Виды и функции границ в психологических исследованиях // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 89–94.
10. Марцинковская Т.Д. Психологические границы: история и современное состояние // Мир психологии. 2008. № 3. С. 55–61.
11. Гегель Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 502 с.
12. Уилбер Кен. Никаких границ. Восточные и западные пути личностного роста. М.: Изд-во АСТ, 2004. 283 с.

Boundaries of a Small Group in Sociological Consideration (not a Quantitative Aspect of its Composition)

Kreyk A.I.
Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH»

In Russian sociology, the boundaries of small groups are usually considered based on their quantitative composition: the minimum number of group members (lower limit) and the maximum number (upper limit). But in reality, the boundaries of small groups can have not only these quantitative expressions. Insufficient research of this aspect determines the relevance of the research topic. Accordingly, the purpose of this work is to consider the boundaries of small groups without taking into account the quantitative aspect of their composition. The tasks that the author sets for himself: determining the totality of boundaries in small groups; in-depth consideration of the phenomenon of social boundaries; the role of their boundaries for small groups. Considering the boundaries of small groups in accordance with the formulated goal will clarify the sociological understanding of this phenomenon, which can optimize the conduct of sociological research in this area. The result of the presented work is the emphasis of researchers on the boundaries of small groups not in the quantitative aspect of their composition. The value of this work is the actualization of various real aspects of the boundaries of small groups.

Keywords: small groups, boundaries, types of boundaries, functional hypostases of boundaries of small groups, social markers, life levels of small groups determined by their boundary

УДК 316.422
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-286-290

Влияние развития рыночной экономики в Китае на экономическую социологию: конкретизация условий*

Лебединцева Л.А.
Доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры экономической социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Дерюгин П.П.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Сюй Луньхуэй
аспирант кафедры экономической социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Лю Тяньси
аспирант кафедры экономической социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

В статье впервые проводится систематизации значимых периодов в развития рынка в Китае в практической и теоретической плоскостях. Целью статьи является анализ фактического развития рыночной экономики в Китае, начиная с 80-х гг. XX в., во взаимосвязи с научным осмыслением происходящих процессов в китайской экономической социологии. Проблемы, связанные с рынком, всегда были основной темой экономической социологии. В процессе исследования формирования рынка экономическая социология развивает множество различных точек зрения. Особое внимание уделяется изменениям на китайском рынке под влиянием политики, культуры и структуры после начала периода реформ. Подчеркивается важность индигенизированных (локальных) теорий для понимания уникальности и траекторий развития китайского рынка: делается вывод о перспективах будущих исследований китайской экономической социологии, особенно в контексте новой политики единого общенационального рынка.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (№ 24-28-01448).

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях китайской социологии в целом, и экономической социологии, в частности, для изучения характерных черт и особенностей институциализации отраслей социологического знания.

Ключевые слова: *китайская экономическая социология, теории рынка, теория индигенизации*

Для цитирования: *Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Сюй Луньхуэй, Лю Тяньси Влияние развития рыночной экономики в Китае на экономическую социологию: конкретизация условий // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 286–290. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-286-290.*

Развитие дисциплины экономической социологии и академических исследований в Китае практически совпадает по времени с созданием современной рыночной системы и развитием рыночной экономики. История экономической социологии в Китае неразрывно связана с социальной историей, которая во многом отражает историю государства [1, p. 5–6].

Восстановление статуса социологии как научной дисциплины в начале 1970-х гг., начала политики реформ и открытости в 1978 г., что означало переход Китая к рыночной экономике, заложили предпосылки для развития экономической социологии [1, p. 6; 2, p. 55]. Считалось, что до этого момента в Китае не существовало рыночной экономики, а были лишь различные формы товарной экономики [3]. Таким образом, наряду с развитием экономической социологии, рынок Китая также вступил на путь развития [4].

Подходы к анализу процесса развития экономической социологии как науки

При рассмотрении возможных этапов развития экономической социологии явно видна тенденция китайских социологов дробить временные отрезки на более мелкие сегменты в зависимости от времени, которое прошло с момента возникновения какого-либо периода. Другими словами, чем раньше социологи начинают теоретизировать на предмет истории и этапов развития, тем более короткими будут эти периоды; и, как правило, они четко укладываются в одно десятилетие. Например, по мнению китайских социологов Фу Пин и Ян Диан, первый условный период появления и развития экономической социологии ограничивается 80-ми гг. XX в. Своеобразной точкой отсчета здесь становится публикация Ян Цзимина в 1985 г., который представил теорию экономической социологии японского социолога К. Томинаги [5]. Далее следует второй этап, который, соответственно, помещается внутри десятилетия 90-х гг. XX в. Утверждается, что в этот период китайские социологи осваивали переводы западных статей и учебников, западные теории и концепции в области экономической социологии. За ними следует третий этап, условно ограниченный первым десятилетием XXI в. На наш взгляд, выделять какие-либо этапы за менее чем пятидесятилетний период в развитии какой-либо науки сложно, если не невозможно, так как в это время может происходить (и происходит по сути) институциализация научной отрасли, в данном случае, экономической социологии: переводные с других языков учебники, монографии, статьи; попытка апробации западных теорий и концепций к китайским социально-экономическим реалиям; организация секций на конференциях и рубрик в журналах; введение предмета с одноименным названием в учебные программы социологических факультетов; появление специалистов, специализирующихся в сфере экономической социологии в ведущих университетах страны (Народный университет Китая, Пекинский университет и др.). Все перечисленные процессы происходят и в последние два десятилетия XX в. и продолжаются в начале XXI в. Не разделяя отрезок времени, насчитывающий около 40–45 лет истории экономической социологии в Китае, на строго очерченные этапы, можно говорить об изменении профиля современной китайской экономической социологии. В частности, о приобретении более самостоятельного статуса индигенизированных концепций и теорий, учитывающих специфику китайского социума. Эта тенденция явно проявляется и усиливается в последние годы. И если раньше была повсеместная имитация западных новейших парадигм, слепое следование за иностранными теориями и западными академическими дискурсами, то теперь экономическая социология критически переосмысливает новые направления в экономической социологии, уделяя больше внимания местным условиям, стремясь создать теории и концепции, основанные на местных реалиях [6; 7].

Осмысление рынка и рыночных процессов в экономической социологии в Китае

Как уже было отмечено, благодаря началу процессов реформ и открытости в конце 1970-х гг., в Китае начинает развиваться рыночная экономика. Последние исследования экономических социологов Фу Пин и Дуань Синьсин сосредоточены на изучении процесса развития рыночных систем в Китае и попытке структурирования процесса построения современной рыночной системы [8]. В частности, 1978–1991 гг. – начальный период создания рыночных систем, когда, несмотря на укрепление роли рынка, реформы все еще проводились в рамках плановой экономики; за 1992–2012 гг. – роль

рынка в экономике значительно увеличилась, что сопровождалось реформами, затрагивающими государственные, коллективные, частные предприятия, иностранный капитал и рынки всех видов производственных факторов [9]. Этот период конструируется как двадцатилетний, следующий за ним год – 2013 г. – обозначается в китайских экономико-социологических исследованиях как год начала глубокой реформы рыночных систем. Что означает именно такое конструирование во временном разрезе? Известно, что с 2010 г. китайская экономика начинает замедляться, рост ВВП снижается с 10,6 % в 2010 г. до 3 % в 2022 г. Объективно говоря, очередной этап логично было бы обозначить как берущий начало в 2011 г. Однако здесь важны два момента: стремление китайских ученых, с присущим им менталитетом, к гармонии и балансе во всем, а также в необходимости осмысления изменений и начала принятия мер со стороны государства.

В обобщенном виде экономические социологи конструируют развитие рынка в Китае и одновременно взаимоувязывают его с возникновением и развитием экономической социологии как науки следующим образом:

1) Период зарождения (1980 – 1990-е гг.)

Рынок: китайский рынок только начинает свое формирование, все еще находится в рамках плановой экономики [9].

Экономическая социология: в Китае переводятся учебники и научные публикации иностранных ученых по экономической социологии, что сыграло просветительскую роль для китайских ученых и первичное накопление знаний.

2) Период совершенствования и подъема (1990 – 2010-е гг.)

Рынок: в течение этого времени делаются шаги вперед в реформировании рыночной экономической системы и построении социалистической рыночной экономики китайского образца [10].

Экономическая социология: реальные процессы, происходящие в экономике, способствуют накоплению знаний китайскими исследователями, особенно учитывая тот факт, что рост китайского рынка в эти годы стимулировал развитие исследований, начиная с конца 1990-х гг. Исследования местных экономических явлений, таких как реформы совместных и государственных предприятий, активное развитие частного сектора и других форм собственности, привели к всплеску научной активности. С конца 1990-х гг. происходит серьезное изменение в исследовательских подходах: впервые западные теории начинают критически переосмысливаться и предлагаться новые идеи для анализа китайского рынка [7].

1) Период углубленного исследования (с 2013 г. до н/в)

Рынок: в академических кругах преобладает мнение, что саморегулирующийся рынок – это миф, другими словами, рынок «создается», а не существует сам по себе [11]. Это также объясняет, почему мы рассматриваем развитие китайской экономической социологии и китайского рынка как взаимосвязанные процессы. Современный китайский рынок, будь то рынок с китайскими социалистическими особенностями или китайская экономическая социология, – все это «сконструировано». Без глубоких изменений, произошедших в Китае в 1970 – 80-е гг., не было бы современного китайского рынка, также как и китайской экономической социологии. Китай начал строить экономику, основанную на рыночном спросе и стимулировании внутреннего и международного рынков.

Экономическая социология: развитие экономической социологии в Китае, простимулированное экономическими реформами и расширением рынка, обогатило научную отрасль необходимыми материалами для дальнейшего развития и помогло построить теории, учитывающие местные условия, что привело к возникновению многочисленных теоретических подходов, основанных на реалиях Китая. В этот период исследователи экономической социологии в Китае начали конструировать индигенизированные теории и концепции с учетом местных, локальных условий.

Рынок: взгляд изнутри китайской экономической социологии

Теоретические и эмпирические исследования функционирования рынка показывают, что такие аспекты рыночной экономической деятельности, как система прав собственности, производственные отношения, организация производства, конкуренция и порядок сделок, неизменно находятся под влиянием нерыночных факторов, таких как государственное устройство, социальная структура и культурные традиции [7]. В социально-экономическом развитии Китая не наблюдается дихотомии между государством и обществом или между государством и рынком – либо одно, либо другое, т.к. рыночные и государственные учреждения не исключают, а взаимодополняют друг друга. В китайской экономической социологии актуализируются дискуссии о самой сущности рынка, к имеющимся социальным отношениям, присутствующих в рыночных действиях/деятельности. Методология, которую используют китайские экономические социологи, основывается на необходимости встраивания политических, культурных и институциональных переменных, в частности, государства и правительства, в анализ экономических процессов и рынка в Китае [12]. Во многом китайские социологи опираются на политико-культурный подход Н. Флигстина, который может предложить осмысление многих рыночных проблем с политической точки зрения [1; 11]. В рамках этого подхода политическая сила (государственные учреждения и соответствующие системы) конструирует основы

понимания рынка и правила взаимодействия для участников рынка. В результате рынок начинает выглядеть как организованное пространство (или поле – Флигстин использует это понятие вслед за П. Бурдье), в котором акторы соревнуются за властные статусы. Подход Н. Флигстина получил широкое признание среди китайских экономических социологов при анализе китайской рыночной системы. Развивая эти идеи, экономические социологи Фу Пин и Дуань Синсин отмечают, что в таких полях действуют коллективные акторы, которые стремятся создать доминирующую систему, и для этого необходимо разработать и предложить «правила игры», основываясь на местной культуре, которая определяет локальные социальные отношения между акторами [8]. В этом процессе экономически действующие лица на рынке используют социальные связи и политическую силу для борьбы за власть, чтобы обеспечить или получить преимущественное положение на рынке. В конечном итоге создается полное понимание того, кто обладает властью и почему; что помогает поддерживать стабильность экономической формы рынка, формируя таким образом представление о контроле над рынком [7; 8].

Исследования китайских экономических социологов показывают, что в случае участия государства в экономической сфере политическая и культурная силы объединяются, что приводит к формированию доминирующего контрольного представления государственными предприятиями, демонстрирующих сильную зависимость от государственной политической власти. При этом государственная политическая сила играет ведущую роль, а административная поддержка правительства становится ключевым условием для получения монопольного положения государственными предприятиями в определенных рыночных сегментах. В целом политическая и культурная сила формируют уникальные рыночные элементы и рынки товаров для государственных предприятий, помогая им утвердить доминирующее положение на рынке и их рыночное поведение. Основными теоретическими подходами в рамках современной китайской экономической социологии являются политико-структурный подход (Фу Пин, Дуань Синсин, Чжоу Яньдун), институциональный подход (Чэнь Вэньцзян, Ван Сюнцзян, Лин Йифу), а также теоретический подход, основанный на типах отношений и способах транзакций (Вэй Хайтао и др.).

Китайские социологи предполагают, что экономические агенты на рынке взаимодействуют с государственной политической силой, конструируя таким образом контрольное представление, которое в конечном итоге приводит к формированию различных экономических форм рынка, что напрямую влияет на уровень экономического развития страны и социальное благосостояние. Основные результаты исследований показывают, что непосредственное влияние государства на экономические процессы позволит объединить политические и культурные силы, что приведет к доминированию на рынке представлений государственных предприятий, имеющих сильную зависимость от государственной политической власти. Таким образом, государственная политическая сила играет ведущую роль, а административная поддержка правительства становится ключевым условием для получения монопольного положения государственными предприятиями в определенных рыночных сегментах. В целом, политическая и культурная силы формируют уникальные рыночные элементы и рынки товаров для государственных предприятий, помогая им утвердить доминирующее положение на рынке и их рыночное поведение. Что касается частных предприятий, считается, что их способность развиваться и формировать доминирующее положение на рынке также зависит от политико-культурной структуры рыночной системы, например, от справедливости рыночной системы, установленной правительством, и желания правительства предоставлять поддержку (например, субсидии).

Таким образом, на основе знаний об особенностях развития рыночной экономики в Китае, учитывая структуру центрального и местного управления Китая, а также структуру экономической собственности, можно анализировать роль, статус и механизмы действия политических и культурных факторов в рыночной экономике в китайском контексте, раскрывая динамические отношения между рыночной структурой и государственной политикой, социальной и культурной структурами.

Государственное влияние, национальные стимулы и изменения в экономической системе стали ключевыми факторами современного китайского рынка и одновременно – экономической социологии. Критически важным аспектом для понимания индигенизированных теорий, связанных с китайским рынком, является социокультурный и исторический контекст, в котором происходили эти изменения. За последние полвека китайская рыночная экономика претерпела сильнейшие трансформации. Однако многие исследователи отмечают, что применение иностранных (как правило, западноевропейских) теорий для анализа китайского рынка зачастую не приносило ожидаемых результатов, что привело к смене научных подходов – от заимствования зарубежного опыта к разработке собственных индигенизированных методологий, основанных на учете местных условий.

Как показала практика, рыночные преобразования в Китае часто опережают теоретическое осмысление этих процессов. Например, с переходом от плановой экономики к рыночной, формирование теорий идет параллельно с практическими изменениями. С созданием в 2022 г. национального единого рынка, направленного на формирование

новой экономической структуры Китая, открываются новые возможности для анализа, китайские экономические социологи получают уникальный опыт, который может послужить основой для разработки комплексной теоретической модели анализа китайского рынка. Это, в свою очередь, способствует более тонкому и всестороннему исследованию рыночных процессов в стране. Таким образом, китайская экономическая социология продолжает развиваться, обогащаясь новыми данными и методами, что позволяет не только глубже понимать специфику местного рынка, но и активно влиять на формирование глобальных экономических теорий.

Литература:

1. Fu Ping, Yang Dian. Economic sociology in China: Past and promises // Economic Sociology.
2. Perspectives and Conversations. 2021. Vol. 23(1). P. 5–10.
3. Roulleau-Berger L. Issues of Chinese economic sociology // Economic Sociology. Perspectives and Conversations. 2010. Vol. 11. № 3. P. 54–65.
4. Tian Guang, Liu Yu, Lin Xiaoyan, Kathy Tian. The Development of Market Economy in China // Advances in Management and Applied Economics. 2014. Vol. 4(4). P. 1–7.
5. Tisdell C. Economic Reform and Openness in China: China's Development Policies in the Last 30 Years // Economic Analysis and Policy. 2009. Vol. 39. № 2. P. 271–294.
6. Ян Цзимин. Индустриализация и модернизация общества постразвития — Введение в экономическую и социологическую теорию Кеничи Томинаги // Тяньцзиньские социальные науки. 1985. № 3. С. 53–57.
7. Wang Hejian. Rethinking of "Economy and Society": Issue and Choice of Shift Development of Economic Sociology // Jianghai Academic Journal. 2021. № 1. P. 112–122.
8. Fu Ping, Dian Yang. Editors. Forty years of Chinese economic sociology (1979–2019). Beijing: Social Sciences Academic Press. 2020. P. 7–11.
9. Фу Пин, Дуань Синьсин. Исследование рыночной системы в Китае: экономико-социологическая перспектива // Журнал Центрально-Китайского педагогического университета (гуманитарные и социальные науки). 2023. Т. 62. № 2. С. 81–95.
10. Хун Инь. Развитие социалистической рыночной экономики: практика китайской рыночной экономической трансформации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 2. С. 25–30.
11. Ван Линь, Фэн Лу, Ли Цзяо. Исследование, посвященное углубленному изучению процесса реформирования системы социалистической рыночной экономики с китайской спецификой // Журнал Шанхайского университета финансов и экономики. 2019. № 21(4). P. 41–53.
12. Fligstein N. The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. NJ: Princeton Univ. Press. 2001. 288 p.
13. Вэй Хайтао. От внедрения к реляционному функционированию: два направления исследований в экономической социологии. // Социальные науки провинции Гуандун. 2022. Vol. 5. P. 213–223.

The Impact of the Development of the Market Economy in China on Economic Sociology: Concretization of Conditions

Lebedintseva L.A., Deriugin P.P., Xu Lunhui, Liu Tianxi
Saint Petersburg State University

For the first time, the article systematizes significant periods in the development of the market in China in practical and theoretical terms. The purpose of the article is to analyze the actual development of the market economy in China, since the 80s of the XX century, in conjunction with the scientific understanding of the ongoing processes in Chinese economic sociology. Problems related to the market have always been the main topic of economic sociology. In the process of researching market formation, economic sociology has developed many different points of view. Special attention is paid to the changes in the Chinese market under the influence of politics, culture and structure after the start of reforms and opening. The importance of indigenous (local) theories for understanding the uniqueness and development trajectories of the Chinese market is emphasized: the conclusion is made about the prospects for future research of Chinese economic sociology, especially in the context of the new policy of a single national market.

The results obtained can be used in further studies of Chinese sociology in general, and economic sociology in particular, to study the characteristic features and features of the institutionalization of branches of sociological knowledge.

Keywords: Chinese economic sociology, market theory, indigenization theory

УДК 331.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-291-295

Привлечение молодежи на государственную гражданскую службу посредством кадрового резерва

Макушева А.П.
Аспирант кафедры государственного
и муниципального управления Российского экономического
университета имени Г.В. Плеханова (Москва)

В статье рассматривается актуальная проблема привлечения молодых специалистов на государственную гражданскую службу посредством формирования и эффективного использования кадрового резерва. Цель исследования заключается в анализе и обобщении опыта внедрения инновационных кадровых практик в различных регионах России. В работе представлены результаты изучения кадровых стратегий Москвы, Санкт-Петербурга, Татарстана и Калининградской области. Особое внимание уделяется механизмам отбора, обучения и продвижения молодых специалистов в системе государственного управления. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе региональных подходов к формированию кадрового резерва и выявлении наиболее эффективных практик. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию системы привлечения молодежи на государственную службу, которые могут быть использованы органами власти различных уровней. В заключении предлагаются перспективные направления дальнейшего развития кадровой политики в сфере государственного управления.

Ключевые слова*: государственная гражданская служба, молодежный кадровый резерв, молодые специалисты, инновационные кадровые практики, региональный опыт, профессиональное развитие*

Для цитирования: *Макушева А.П. Привлечение молодежи на государственную гражданскую службу посредством кадрового резерва // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 291–295. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-291-295.*

Адаптация молодежи на рынке труда очень часто сопровождается многими препятствиями: отсутствие опыта работы по направлению подготовки/специальности; желание многих работодателей получить «готового сотрудника», только что выпустившегося из вуза; завышенные ожидания молодых соискателей к содержательной части работы и к заработной плате и многое др.

На сегодняшний день молодежная политика – одно из приоритетных направлений развития государства. Фокус внимания государства на развитии молодежной политики определен потребностью в охвате всех категорий молодых людей и реализации их потенциала. Именно системное взаимодействие с молодежью является гарантом успешного будущего страны.

Президентом страны неоднократно поднималась тема трудоустройства молодежи, отмечалась их особенность «не повторять и даже не улучшать что-то, а находить новое и следовать по этому новому пути» [1].

В современных условиях динамично развивающегося общества и постоянно усложняющихся задач государственного управления привлечение молодых, талантливых и мотивированных специалистов на государственную гражданскую службу становится одним из ключевых факторов эффективности работы органов власти. Актуальность данной темы обусловлена несколькими важными аспектами.

Во-первых, наблюдается тенденция старения кадров в системе государственного управления, что создает риск потери преемственности и снижения эффективности работы госаппарата.

Во-вторых, стремительное развитие технологий и изменение социально-экономических условий требует новых подходов и свежих идей в управлении, которые могут привнести молодые специалисты.

В-третьих, существует необходимость повышения престижа государственной гражданской службы среди молодежи и формирования позитивного образа госслужащего в обществе.

Цель исследования заключается в комплексном анализе инновационных подходов к формированию кадрового резерва как инструмента привлечения молодежи на государственную службу на примере опыта нескольких регионов России. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучение теоретических основ и нормативно-правовой базы формирования кадрового резерва на государственной гражданской службе.

2. Анализ опыта внедрения кадровых практик по привлечению молодежи в системе государственного управления в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан и Калининградской области.

3. Выявление наиболее эффективных механизмов отбора, обучения и продвижения молодых специалистов в рамках кадрового резерва.

4. Разработка рекомендаций по совершенствованию системы привлечения молодежи на государственную гражданскую службу с учетом региональных особенностей и лучших практик.

Кадровый резерв на государственной гражданской службе представляет собой сформированную на конкурсной основе группу лиц, обладающих необходимыми профессиональными и личностными качествами для замещения должностей государственной гражданской службы [2]. Правовую основу формирования кадрового резерва составляет ряд нормативно-правовых актов, иерархия которых представлена на рисунке 1 [3–6].

Основными целями формирования кадрового резерва являются [7]:

– обеспечение непрерывности и преемственности государственного управления;

– своевременное замещение вакантных должностей;

– содействие должностному росту государственных гражданских служащих;

– стимулирование повышения профессионализма и компетентности кадров.

Особое значение в контексте привлечения молодежи имеет формирование молодежного кадрового резерва, который позволяет создать условия для профессионального развития и карьерного роста перспективных молодых специалистов. Важной частью исследования стала обработка интернет-ресурсов государственных и муниципальных организаций. Это помогло оценить, насколько открыто и активно ведомства работают с молодежью и кадровым резервом.

Комплексный анализ интернет-ресурсов обеспечил всестороннее изучение проблемы и позволил сформировать объективную картину текущей ситуации с привлечением молодежи на государственную гражданскую службу через механизм кадрового резерва. Ниже представлены наиболее успешные и популярные региональные проекты по работе с молодыми кадрами.

Стажерская программа «Старт карьеры в Правительстве Москвы». Начать нужно с того, что в 2023 г. эксперты бизнес-премии *WOW!HR* признали данный проект лучшим по работе с молодыми кадрами [8]. Годом ранее, в 2022 г., Всероссийским конкурсом *Graduate Awards* данный проект признан победителем в части работы со студентами [9].

Стоит признать, что программа «Старт карьеры в Правительстве Москвы» успешно функционирует уже более 10 лет и помогает студентам последних курсов и выпускникам вузов получить реальный опыт работы в структурах ведомства. Таким способом ведомство решает сразу две задачи: первая – создание кадрового резерва Правительства Москвы, вторая – молодые и талантливые специалисты, которые готовы предлагать новые идеи и реализовывать их на практике.

Путь стажера начинается с заполнения заявки на карьерном портале, далее проводится онлайн-тестирование и видеоинтервью; выполняется практическое задание и выбирается место стажировки. Результатом успешного прохождения стажировки

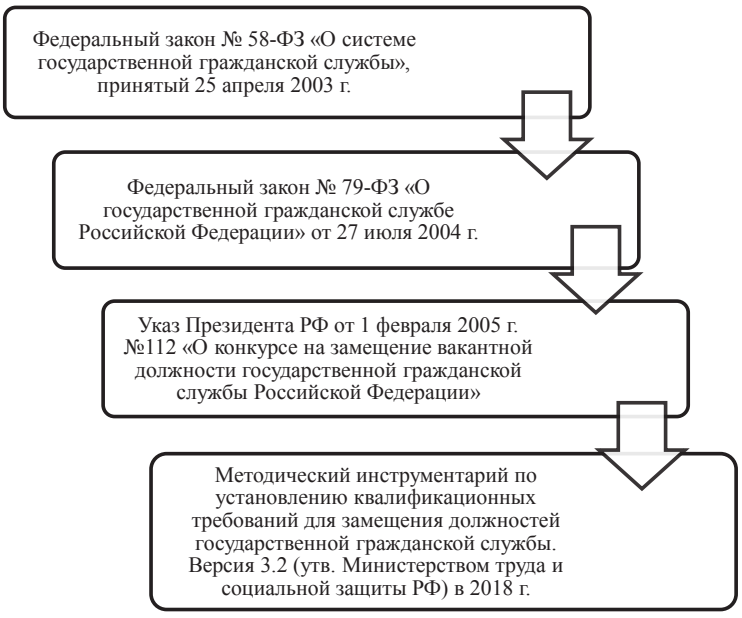

Рис. 1. Нормативно-правовые акты, регулирующие поступление на государственную гражданскую службу

является предложение о работе в структурах Правительства Москвы.

Особенностью такой стажерской программы является то, что в течение полугода молодые специалисты могут стажироваться в нескольких столичных органах власти. Деятельность стажеров юридически оформлена в соответствии с трудовым законодательством и является оплачиваемой. Более того, стажерам предлагается на выбор два графика работы 20 и 40 часов в неделю [10].

Ежегодно Правительство Москвы получает до 15 тыс. запросов в рамках стажерской программы. Перед каждым новым отбором поступают заявки от более 100 организаций. 50 стажеров в год участвуют в проектах ведомства. Более 60 % выпускников проекта получают предложения о работе в Правительстве Москвы [10].

Программа «Молодежный кадровый резерв Санкт-Петербурга» – инициатива Администрации Санкт-Петербурга, направленная на привлечение талантливой молодежи в сферу государственного управления. Данная программа предоставляет уникальную возможность молодым людям, включая студентов старших курсов и недавних выпускников вузов, получить практический опыт работы в органах государственной власти и внести свой вклад в развитие города.

Отбор участников проходит в несколько этапов. Первый этап заключается в проверке базовых знаний и навыков кандидатов (грамотность, умение пользоваться офисными программами) посредством тестирования и собеседования, в случае их успешного прохождения кандидат становится участником молодежного кадрового резерва. Второй этап – прохождение обучения, где резервисты изучают основы государственной гражданской службы, систему органов власти города, а также основы коммуникации и командной работы. Экспертами курсов могут быть действующие госслужащие города, а также тренеры Корпоративного университета Санкт-Петербурга. Третий этап – распределение специалистов на стартовые позиции в органы власти [11].

Ежегодно более 140 участников проекта получают предложения по трудоустройству. Более 1200 молодых людей стали госслужащими, а некоторые из них заняли руководящие должности [11].

«Кадровый резерв» Республики Татарстан». Республика Татарстан известна своими инновационными подходами в сфере государственного управления, в том числе и в вопросах привлечения молодежи на государственную гражданскую службу. Одной из ключевых инициатив в этой области является Республиканский проект «Кадровый резерв». Стоит отметить, что 2024 г. является юбилейным (15 сезон) для проекта [12].

В текущем году отборочный тур состоит из трех очных и двух дистанционных этапов, которые реализуются в рамках следующих направлений: первое – «Пробую и создаю» – направление для будущих участников проекта, которые активно принимают участие в сфере молодежной политики; второе – «Маштабирую и развиваю» – направление для действующих специалистов государственной молодежной политики Республики, которые уже имеют опыт деятельности в данной области более 2 лет [12].

Участники проекта получают следующие возможности [12]:

– обучение по авторской программе;

– участие в проектной деятельности (возможность персональной грантовой заявки);

– прохождение стажировки в организациях по молодежной политике;

– трудоустройство.

Отборочный тур состоит из следующих этапов [12]:

– подача заявки на официальном сайте в установленные сроки;

– очное тестирование в формате деловой игры;

– первый очный этап – личный уровень развития потенциала участника (5 дней);

– первый дистанционный этап;

– второй очный этап – работа в команде и проектный менеджмент (4 дня);

– второй дистанционный этап – стажировка в республиканских организациях и проектах;

– третий очный этап – защита проделанной работы (4 дня);

– подведение итогов.

За 14 лет существования данного проекта в нем приняло участие 15 700 чел.; 5 финалистов возглавили отделы по делам молодежи и спорту; более 210 чел. трудоустроены в органы государственной власти; более 85 проектов реализовано [12].

Молодежный резерв управленческих кадров Калининградской области. Проект реализуется Министерством по молодежной политике области и включает в себя список лиц от 21 до 35 лет, прошедших отбор в соответствии с утвержденным Губернатором «Положением о молодежном резерве управленческих кадров области». Молодежный резерв формируется комиссией по формированию и подготовке резервов управленческих кадров области [13].

Нахождение в резерве допускается до 3 лет и содержит в себе следующую программу [13]:

– обучение по программе посредством курсов повышения квалификации, тренингов, круглых столов и т.д.;

– прохождение резервистами стажировки в государственных органах по утвержденному индивидуальному плану;

– участие резервистов в деятельности Правительства области, подготовка проектных и аналитических работ.

Проведенный анализ опыта различных регионов позволяет выявить как общие тенденции, так и

уникальные подходы к привлечению молодежи на государственную службу. Данный анализ отображен в таблице 1.

На основе изученного опыта регионов можно выделить наиболее эффективные механизмы работы с молодыми кадрами. Ключевыми элементами являются многоступенчатая система отбора, оценивающая как профессиональные знания, так и личностные качества кандидатов, а также индивидуальный подход к развитию каждого участника кадрового резерва. Важно сочетание теоретического обучения с практической работой над реальными проектами и внедрение системы наставничества.

В большинстве из представленных регионов наблюдаются схожие черты в работе с молодыми кадрами. Повсеместно используется конкурсный отбор для формирования кадрового резерва, что обеспечивает привлечение наиболее талантливых и мотивированных кандидатов. Особый акцент делается на практическое обучение и вовлечение молодых специалистов в проектную деятельность, что позволяет им быстрее адаптироваться к работе в государственных структурах. Широко применяется система наставничества, обеспечивающая передачу опыта от старшего поколения госслужащих к молодым специалистам. Также распространена практика организации стажировок в органах власти, дающая возможность молодежи ознакомиться с работой государственного аппарата изнутри. При этом каждый регион имеет свои уникальные особенности в подходе к работе с молодыми кадрами.

На основе проведенного исследования можно сформулировать ряд рекомендаций для улучшения системы привлечения молодых кадров на государственную гражданскую службу. В качестве ключевых направлений совершенствования предлагаются следующие мероприятия:

1. Цифровизация процессов отбора и обучения. Внедрение современных цифровых технологий в систему кадрового резерва позволит оптимизировать процессы отбора, оценки и обучения молодых специалистов. Это может включать использование онлайн-платформ для проведения тестирований, виртуальных симуляторов для отработки практических навыков и систем искусственного интеллекта для персонализации образовательных траекторий.

2. Развитие системы наставничества и менторства. Создание эффективной системы наставничества, где опытные государственные служащие будут делиться своими знаниями и опытом с молодыми специалистами. Это поможет ускорить адаптацию новых сотрудников, передать неформальные знания и навыки, а также создать более тесные межпоколенческие связи в государственных органах.

3. Усиление практической ориентированности подготовки. Увеличение количества стажировок, проектных работ, кейс-чемпионатов и практических заданий в программах подготовки кадрового резерва. Это позволит молодым специалистам получить реальный опыт работы в государственных структурах, лучше понять специфику государственной гражданской службы и развить необходимые компетенции непосредственно на практике.

Эти предложения помогут сделать систему кадрового резерва более привлекательной для молодежи и эффективной для государственной гражданской службы в целом.

Перспективными направлениями дальнейшего развития системы привлечения молодежи на госслужбу являются: усиление межрегионального и международного сотрудничества в сфере подготов-

Таблица 1

Ключевые особенности программ привлечения молодежи на государственную гражданскую службу в рассмотренных регионах

Критерий	Москва	Санкт-Петербург	Республика Татарстан	Калининградская область
Название программы	«Старт карьеры в Правительстве Москвы»	«Молодежный кадровый резерв Санкт-Петербурга»	Республиканский проект «Кадровый резерв»	«Молодежное правительство Калининградской области»
Возраст участников	18–35 лет	20–35 лет	16–35 лет	21–35 лет
Длительность проекта	6 месяцев	Варьируется	6 месяцев	До 3 лет
Наставничество	Да	Да	Да	Да
Проектная работа	Да	Да	Да	Да
Особый фокус	Возможность проявить себя в 3 разных организациях (из 2500)	Комплексное обучение от лучших бизнес-тренеров Корпоративного Университета	Авторская программа обучения; возможность персональной грантовой заявки с лучшими экспертами Республики	Подготовка проектно-аналитических и исследовательских работ по заказу Правительства области
Карьерная платформа	Да	Да	Да	Нет

ки кадров; расширение использования цифровых технологий в работе с кадровым резервом; развитие проектного подхода и создание межведомственных команд с участием молодых специалистов; совершенствование системы оценки эффективности программ кадрового резерва и их влияния на качество государственного управления.

В целом опыт регионов показывает, что системная работа по привлечению и развитию молодых кадров способствует повышению эффективности государственного управления и формированию нового поколения профессиональных и мотивированных государственных служащих.

Литература:

1. Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70565.
2. Маслова О.Б. Кадровая политика: учеб. пособие. М.: Издат. дом Юрайт, 2018. 101 с.
3. Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
5. Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Указ Президента РФ от 01.03.2017 г. № 96 «Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа» // СЗ РФ. 2017. № 10. Ст. 1473.
7. Методический инструментарий по формированию кадрового состава государственной гражданской службы российской федерации (Вер. 3.1). Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: https://rosmintrud.ru/uploads/editor/ac/65/Методический_инструментарий_по_формированию_кадрового_состава_ГГС_(Версия_3.1).docx.
8. Информационно-образовательный портал TheHRD // Стажировка в Правительстве Москвы: возможность получить реальный опыт работы над городскими проектами. URL: https://thehrd.ru/articles/stazhirovka-v-pravitelstve-moskvy-vozmozhnost-poluchit-realnyj-opyt-raboty-nad-gorodskimi-proektami.
9. Программа стажировки в Правительстве Москвы стала победителем конкурса Graduate Awards // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: https://www.mos.ru/news/item/104213073.
10. Карьерный портал правительства Москвы // Старт карьеры в Правительстве Москвы. URL: https://talent.mos.ru/internships.
11. Молодежный кадровый резерв Санкт-Петербурга. URL: https://mkr.gov.spb.ru.
12. Молодежный кадровый резерв // Республиканский проект «Кадровый резерв». URL: https://rezervrt.ru/projects/personnel-reserve.
13. Министерство молодежной политики Калининградской области // Стажировки и кадровые резервы для молодежи. URL: https://molod.gov39.ru/projects/stazhirovki-i-kadrovye-rezervy-dlya-molodezhi/.

Attracting Youth to Public Service Through a Personnel Reserve

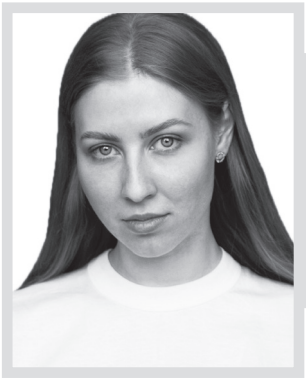
Makusheva A.P.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

This article addresses the pressing issue of attracting young professionals to public service through the formation and effective use of a talent pool. The study aims to analyze and summarize the experience of implementing innovative HR practices in various regions of Russia. The paper presents the results of examining HR strategies in Moscow, St. Petersburg, Tatarstan, and the Kaliningrad region. Special attention is paid to the mechanisms of selection, training, and promotion of young specialists in the public administration system. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of regional approaches to talent pool formation and identification of the most effective practices. The practical significance of the work is in developing recommendations for improving the system of attracting youth to public service, which can be used by authorities at various levels. In conclusion, promising directions for further development of HR policy in public administration are proposed.

Keywords: public service, talent pool, young professionals, innovative HR practices, regional experience, professional development

УДК 331.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-296-299

Стажировка как механизм формирования кадрового резерва государственной гражданской службы

Макушева А.П.
Аспирант кафедры государственного
и муниципального управления Российского экономического
университета имени Г.В. Плеханова (Москва)

В статье рассматривается возможность применения стажировки для привлечения кандидатов в кадровый резерв государственной гражданской службы. Целью работы является исследование стажировки как механизма пополнения кадрового резерва государственной гражданской службы. В работе представлены несколько определений кадрового резерва. Особое внимание уделяется понятию «стажировка» и его регулированию со стороны трудового законодательства. Научная новизна исследования состоит в выявлении существующих проблем стажировки как механизма пополнения кадрового резерва государственной гражданской службы. Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию процесса стажировки, которые могут быть использованы в работе как органами власти, так и вузами.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, кадровый резерв, стажировка, стажерские программы, наставничество*

Для цитирования: *Макушева А.П. Стажировка как механизм формирования кадрового резерва государственной гражданской службы // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 296–299. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-296-299.*

Происходящие на рынке труда изменения повлияли на сферу образования – классический вариант понятия «профессия» претерпевает трансформацию. На смену привычной специальности приходит комплекс компетенций, посредством которых специалист становится универсальным: может подключаться к разного рода выполнению работ, а работодатель готов в сжатые сроки обучить сотрудника нужной профессии. Так, по данным свежего исследования сервиса Работа.ру, 26 россиян, которые ранее работали по профессии, на сегодняшний день трудятся в другой сфере; 24 респондента работают по профильному образованию; 23 опрошенных никогда не работали по образованию; 10 работают по смежному направлению [1]. Все это определяет актуальность темы исследования – неопределенность на рынке труда создает сложности для кадровых служб государственных органов, которым необходимо подбирать квалифицированных специалистов, имеющих профильное образование. Целью работы является исследование процесса стажировки как механизма пополнения кадрового резерва государственной гражданской службы.

Одним из инструментов решения кадровых проблем на государственной гражданской службе является кадровый резерв. На сегодняшний день не сформировано единое мнение среди научного сообщества в части формулировки понятия кадрового резерва государственной гражданской службы, а также нет официального закрепления данного понятия в действующем законодательстве. В отечественной науке существуют различные взгляды и подходы к определению сущности кадрового резерва [2].

Так, при обращении к Словарю русского языка можно найти понятие «резерв», что означает «запас, откуда черпаются новые силы» [3].

Ряд исследователей считают, что кадровый резерв – это группа работников для выдвижения на руководящие должности, которая обладает установленными профессиональными и деловыми качествами, имеет специальную подготовку и подобранная на основе индивидуального отбора [4].

Некоторые исследователи подразумевают под рассматриваемым понятием группу сотрудников, которые заранее проходят подготовку для замещения ключевых должностей или руководящих позиций в организации. Как правило, это опытные и талантливые сотрудники, которые прошли специальную подготовку или обучение по лидерству [5].

Анализируя вышеуказанные определения, можно заключить, что кадровый резерв – это группа лиц из числа гражданских служащих и граждан, которые по своим профессиональным и личным характеристикам могут претендовать на замещение определенных должностей гражданской службы.

Формулировка понятия кадрового резерва во многом зависит от цели, которую под собой подразумевает данное понятие. С одной стороны, кадровый резерв нацелен на создание механизма преемственности кадров аппарата управления, то есть снижения кадровых рисков, с другой – повышения гибкости организации посредством решения задач «завтрашнего дня» [6].

Однако следует понимать, что основная цель формирования кадрового резерва – обеспечение государственного органа кадрами в планируемые сроки с минимальными издержками [7].

На сегодняшний день одним из наименее ресурсно-затратных механизмов пополнения кадрового резерва является стажировка. Стажировка – это временная деятельность, направленная на получение теоретических знаний, приобретение практических навыков, требуемых для выполнения определенной работы. В более широком смысле под стажировкой подразумевается деятельность на рабочем месте под присмотром опытного наставника [8; 9]. Такой механизм отлично подходит для вовлечения молодых специалистов, например, обучающихся в вузах или выпускников, которые заинтересованы в получении опыта по направлению подготовки/специальности и способны предложить свежие нестандартные решения существующих проблем.

В соответствии с действующим законодательством прием сотрудников осуществляется на конкурсной основе. Однако, согласно Федеральному закону от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе», по решению представителя нанимателя конкурс может не проводиться при назначении на должности гражданской службы, относящиеся к группе младших должностей гражданской службы [10]. Это еще раз подтверждает, что различные стажерские программы могут стать началом карьерной траектории для молодых специалистов на начальных позициях государственной гражданской службы.

Как правило, стажерская программа может состоять из двух блоков. Первый блок – ознакомительный, когда стажер знакомится со структурой органа, его структурными подразделениями, нормативно-правовой базой, регулирующей деятельность данного органа, а также локальными нормативными актами. Второй – проектная деятельность, когда стажер принимает непосредственное участие в деятельности конкретного структурного подразделения, создает готовый продукт или предлагает свежие идеи под наблюдением своего куратора. Таким образом, руководитель конкретного структурного подразделения может оценить навыки и компетенции стажера, а также его умения работать в команде.

Для того, чтобы оценить успешность проведения стажерской программы, можно использовать критерии, представленные на рисунке 1.

Сложность реализации механизма стажировок заключается в следующем.

1. Дополнительная нагрузка на сотрудников (наставников). Излишняя загруженность отдельных сотрудников ввиду неравномерного распределения поручений может повлиять на качество взаимоотношений наставника и стажера. Более того, зачастую действующие сотрудники лишены мотивации и интереса к работе, тем самым демонстрируют не самый лучший пример для стажера, у которого может сформироваться неоднозначное мнение об органе и государственной гражданской службе целом.

2. Неэффективная коммуникация вузов и кадровых служб государственных органов. В таком случае центры карьеры вузов не аккумулируют информацию по стажерским программам, а государственные органы недостаточно информируют об их наличии. Более того, излишняя бюрократия оформления обучающихся на места прохождения стажировки в рамках трудового законодательства также усложняет процесс принятия обучающихся для прохождения стажировки.

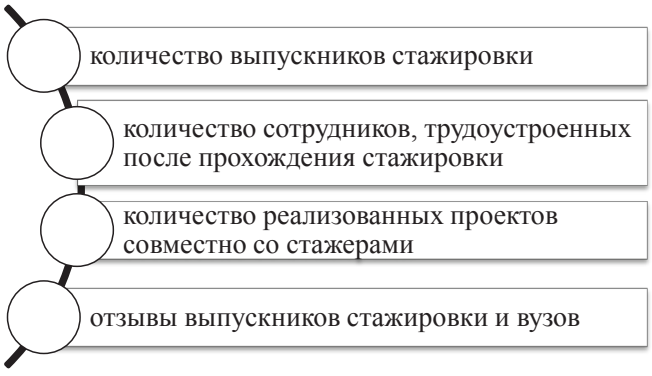

Рис. 1. Критерии оценки успешности реализации стажерских программ

3. Недостаточное регулирование процесса стажировки законодательством. Трудовое законодательство не содержит четкого определения понятия стажировки. Зачастую сотрудники ведомств и обучающиеся путают понятия «стажировка» и «практика», тем самым принимают на стажировку обучающихся без заключения договорных отношений, которые подразумевают оплату за отработанное время, что является нарушением трудового законодательства. В таких случаях, в зависимости от конкретной ситуации, для оформления стажера заключают такие типы договоров, как срочный трудовой договор, ученический договор или договор гражданско-правового характера.

4. Отсутствие локальных нормативных актов ведомств, регулирующих порядок проведения стажировок: положения о наставничестве, положения о конкретной стажерской программе; инструкции для стажера и т.д.

Для решения обозначенных проблем можно предложить следующие направления.

1. Разработка ведомствами, которые реализуют стажерские программы, рейтинговой системы наставников, например, в рамках Положения о наставничестве. Рейтинговая система позволит исключить из группы наставников сотрудников, которые неохотно идут на контакт с людьми, имеют дисциплинарные и иные нарушения.

2. Увеличение совместных карьерных мероприятий вузов и государственных органов: карьерные экскурсии на базе ведомств, карьерные консультации кадровыми службами ведомств, круглые столы, конференции, ярмарки вакансий и др.

3. Внесение изменений на законодательном уровне в рамках трудового законодательства: введение понятия «стажировка», «инициативная практика», с помощью которых обучающиеся по собственному желанию официально смогут трудиться на базе ведомств в свободное от учебы время на безвозмездной основе.

4. Утверждение необходимых локальных актов ведомств для регулирования стажерских программ.

Таким образом, стажировка как механизм формирования кадрового резерва имеет ряд преимуществ, однако в настоящее время требует доработки как на законодательном уровне, так и на уровне государственных органов, реализующих стажерские программы.

Стоит отметить, что текущая турбулентность на рынке труда способствует нехватке квалифицированных молодых кадров во многих областях. Однако больше всего такая тенденция отмечается в сфере сельского хозяйства, промышленности, государственном и муниципальном секторе и органах местного самоуправления [11]. Сложившаяся ситуация является одним из факторов, препятствующих региональному развитию и подрывающих национальную безопасность страны в будущем. Именно поэтому государственным органам важно оперативно реагировать на современные вызовы и развивать помимо консервативных методов пополнения кадрового резерва государственной гражданской службы (конкурсная основа) иные, например, стажерские программы.

Литература:

1. Сервис «Работа.ру» // Треть россиян работает по специальности. URL: https://press.rabota.ru/tret-rossiyan-rabotayet-po-spetsialnosti (дата обращения: 12.09.2024).
2. Фотина Л.В. [и др.] Технологии кадровых практик на государственной службе: мастер-класс: учебник и практикум для вузов. М.: Издат. дом Юрайт, 2022. 392 с.
3. Толковый словарь русского языка. URL: https://ozhegov.slovaronline.com (дата обращения: 15.09.2024).
4. Заборовская С.Г. Кадровый менеджмент на государственной гражданской и муниципальной службе: учеб. пособие для вузов. М.: Издат. дом Юрайт, 2021. 209 с.
5. Злобина К.С. Современные инструменты формирования кадрового резерва на государственной гражданской службе // Новеллы права, экономики и управления. Сб. науч. трудов по материалам VI межд. науч.-практ. конф. В 2-х т. Т. 2. 2021. С. 460–464.
6. Фотина Л.В. [и др.] Кадровая политика на государственной службе: учеб. для вузов. М.: Издат. дом Юрайт, 2022. 362 с.
7. Одегов Ю.Г., Павлова В.В., Петропавловская А.В. Кадровая политика и кадровое планирование: учеб. и практикум для вузов. М.: Издат. дом Юрайт, 2021. 575 с.
8. Зачем нужна стажировка перед наймом и как правильно её организовать. URL: https://vc.ru/hr/437046-zachem-nuzhna-stazhirovka-pered-naymom-i-kak-pravilno-ee-organizovat (дата обращения: 06.09.2024).
9. Стажировка с точки зрения Трудового кодекса. URL: https://prosto.rabota.ru/post/stazhirovka-s-tochki-zreniya-trudovogo-kodeksa/ (дата обращения: 09.09.2024).

10. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
11. Компания HeadHunter – HH.ru. URL: https://hh.ru (дата обращения: 05.09.2024).

Internship as a Mechanism for Forming a Personnel Reserve for the State Civil Service

Makusheva A.P.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

This article examines the possibility of using internships to attract candidates to the personnel reserve of the state civil service. The purpose of the study is the internship process as a mechanism for replenishing the personnel reserve of the state civil service. The work presents several definitions of the personnel reserve. Particular attention is paid to the concept of "internship" and its regulation by labor legislation. The scientific novelty of the study consists in identifying the existing problems of internships as a mechanism for replenishing the personnel reserve of the state civil service. The practical significance lies in the development of recommendations for improving the internship process, which can be used in the work of both government agencies and universities.

Keywords: state civil service, personnel reserve, internship, internship programs, mentoring

УДК 311.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-300-303

Метод парсинга текстовых данных и его потенциал для тематического анализа как инструмент разведывательного анализа*

Мальцева А.В.
Доктор социологических наук, профессор, доцент
кафедры социального анализа и математических методов в социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Гуриева С.Д.
Доктор психологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социальной психологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Машаро Т.С.
Лаборант-исследователь факультета психологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающими запросом исследователей к разработке и апробации методологии, направленной на получение пилотных результатов на основе данных социальных сетей. Цель исследования заключается в демонстрации потенциала разработанного дизайна исследования в решении обозначенной проблемы. Для достижения цели был решен ряд исследовательских задач: разработан дизайн исследования, решающий рассматриваемую проблему; дизайн был апробирован для анализа музыкальных сообществ; данные были сопоставлены с исследовательскими и аналитическими работами в данной области. Научная и практическая значимость заключается в разработке оригинального исследовательского дизайна, пригодного для решения рассматриваемой методической проблемы. Научная новизна результата подтверждается отсутствием единых общепризнанных подходов в решении обозначаемой методической проблемы, которые могли бы быть реплицированы ограниченными исследовательскими ресурсами.

Ключевые слова: *текстовые данные, парсинг, тематическое кодирование, искусственный интеллект, ВКонтакте, анализ естественного языка, онлайн сообщества*

Для цитирования: *Мальцева А.В., Гуриева С.Д., Машаро Т.С. Метод парсинга текстовых данных и его потенциал для тематического анализа как инструмент разведывательного анализа // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 300–303. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-300-303.*

* Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2.

Современные проблемы в социологии требуют развития нетривиальных для дисциплины методов сбора и анализа данных, что вызвано ростом объема эмпирического материала, с которым сталкивается социолог, о чем пишут С. Ткач и др. [1]. В работе С. Ткача с соавторами отмечается, что это обусловлено трансформацией социального пространства, которое обретает гибридные формы при его преломлении в цифровых социальных сетях. Среди актуальных направлений работы в данной проблематике исследователи выделяют специфично работу с текстовыми данными и их парсинг [2]. Под парсингом данных понимается алгоритмизированный сбор интернет-данных, выполняемый в соответствии с заранее написанными командами. Команды могут включать в себя переменные, описывающие значимые для исследователя характеристики требуемых данных: их объем, адрес размещения и др. [3]. Собранная посредством парсинга текстовых данных информация может быть структурирована и проанализирована в относительно сжатые сроки, что позволит обнаружить неочевидные для исследователей паттерны в тексте, выделить основные тематические и семантические коды [4]. На парсинг текстовых данных возлагаются значительные ожидания, как на релевантный метод сбора социологических данных [5]. Так как он не предполагает активного взаимодействия с пользователем, с этим методом также связываются надежды на преодоление недоверия опросам со стороны респондентов – предполагается, что результаты, которые иначе могли бы быть получены в опросе, могут быть агрегированы в комментариях пользователей в социальных сетях [6].

Цель данной статьи – представить возможный дизайн социологического исследования, в котором получаются разведывательные (пилотные) данные о тематической области музыкальных предпочтений пользователей социальной сети ВКонтакте. Предлагаемый дизайн обладает рядом преимуществ в простоте и оперативности его воспроизведения, что позволяет достаточно быстро получить пилотное представление исследователю об изучаемом объекте.

Дизайн исследования и его обоснование

Исследование включало в себя 3 этапа: онлайн-опрос респондентов, парсинг и визуализацию данных. Визуализация данных проводилась с целью показать возможности, открывающиеся при анализе данных, полученных в рамках предыдущего этапа.

Во время первого этапа сбора данных был проведен опрос молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет в социальной сети ВКонтакте. В опросе участвовало 200 чел. Респондентам было предложено назвать 15 сообществ на музыкальную тематику, которые, по их мнению, являются самыми популярными среди молодежи. Респонденты были выбраны случайным образом из пользователей социальной сети в разделе: «Могут быть Вам знакомы». Каждому респонденту задавался вопрос: «Какие, по Вашему мнению, 15 музыкальных групп в социальной сети ВКонтакте, являются наиболее популярными?». Также уточнялось: «Укажите ссылки на паблики, пожалуйста». Данный этап будет релевантным и для других тематик при корректировке метода отбора выборочной совокупности. К примеру, если речь идет о какой-то более узкой теме, в опросе могут принять участие эксперты, которые могут предоставить данные о тематических сообществах социальной сети ВКонтакте. Соответственно, процедура отбора респондентов будет неслучайной, будут использованы методы экспертного отбора.

Ответы были систематизированы в таблицу *Excel*. В таблице содержались несколько столбцов: *ID* сообщества, ссылка на него, характеристика респондента. Характеристика респондента включала в себя: пол, возраст, место работы/направление учебы. После объединения результатов сбора данных были удалены дубликаты, а данные о характеристиках респондентов сохранены.

Следующим этапом стала выгрузка количества подписчиков каждого сообщества с использованием метода *groups.getById* (здесь и далее – программного интерфейса ВКонтакте), после чего группы были отсортированы по убыванию числа подписчиков. Далее, с помощью метода *wall.get* были выгружены данные о 500 постах каждого сообщества. В результате была получена информация о постах, включая записи, количество лайков, комментариев и репостов, а также приложенные к постам фотографии, видео, ссылки, иные медиафайлы. Объект, получаемый в ответ на запрос *wall.get*, включал в себя определенные характеристики постов, такие как *artist* (исполнитель), *title* (название), *main_artists name* (имя основного исполнителя), *featured_artists name* (имя соисполнителя). *Title* и *text* были скопированы в отдельные файлы *Excel*. Для каждого из файлов было создано облако часто встречающихся слов при помощи библиотек *wordcloud*, *matplotlib* и *nltk* языка *Python*. Предобработка текста постов для последующего анализа включала в себя приведение текста к нижнему регистру, удаление пунктуации, а также тензорных слов (союзов, предлогов, местоимений и др.). Для предобработки использовалась библиотека *nltk*. Построение облаков слов происходило при помощи библиотеки *wordcloud*. Для графической отрисовки изображений использовалась библиотека matplotlib. Полученные облака слов учитывали частоту встречаемости слова в исходном корпусе, а сами слова в облаке слов были тем больше, чем более встречаемым было слово.

Результаты

Рассмотрим облака слов, полученные для некоторых из характеристик групп.

На рисунке 1 представлено облако часто встречающихся слов из столбца *text*, полученного методом

Рис. 1. Облако слов, полученных из столбца «text»

wall.get. Оно демонстрирует ключевые слова, которые часто используются в записях, опубликованных в сообществах *ВКонтакте*. Столбец *text* содержит текст записи, которая была опубликована в сообществе или на странице пользователя. Это может включать в себя комментарии, описания фотографий, видео, аудиозаписей, ссылок и других типов контента, которые были размещены на стене сообщества или профиля. Текст записей может быть написан на разных языках и содержать различные элементы, такие как эмодзи, смайлики, хештеги и ссылки. В данном случае самое часто встречающееся слово «комментарии» отражает актуальность и важность комментариев для сообществ и участников, а слово «сегодня» может указывать на актуальность информации или текущие события. Слово «просто» может использоваться для подчеркивания простоты или естественности сообщений. Другие ключевые слова, такие как «реально», «серьезно», «песня», «фото», «реп» и так далее, могут отражать тематику и интересы сообществ, а также стиль общения их участников.

В данном случае, если рассматривать столбец *title* как хранилище исполнителей музыкальных произведений, то облако часто встречающихся слов, полученных с помощью метода *wall.get*, может показать следующее (рис. 2). Самое часто встречающееся слово в данном столбце может быть «*Oxxxymiron*», что указывает на то, что этот исполнитель является наиболее популярным или часто упоминаемым в сообществах *ВКонтакте*, относящихся к молодежной музыкальной тематике. На втором месте может стоять «*Og Buda*», что говорит о том, что этот исполнитель также имеет значительное количество

Рис. 2. Облако слов, полученных из столбца «title»

упоминаний и, возможно, популярности в данных сообществах. На третьем месте может находиться «*Alexander Komarov*», что также указывает на его значимость и упоминаемость в контексте молодежных музыкальных сообществ *ВКонтакте*.

Заключение и дискуссия

Полученные результаты относительно музыкальных вкусов могут быть интерпретированы с опорой на выводы, полученные авторами в аналогичных работах. В исследовании М. Кашиной и коллег упоминается ряд исполнителей, отмеченных в облаке слов, в частности, исполнители лейбла *Black Star* (в частности, Anna Asti и др.). Они свидетельствуют о возрастной популярности *k-pop* музыки среди молодежи, упоминание о которой также есть в облаке слов [7]. К сходным выводам приходят Н.Г. Тагильцева и М.Н. Курлапов [8], а также А.В. Захваткин и Е.Ю. Темникова [9].

Также релевантным будет сопоставление полученных результатов с официальными статистическими сводками, публикуемыми социальной сетью ВКонтакте. Здесь однако нужно указать на ограничение такого сопоставления. *ВКонтакте* публикует данные о наиболее прослушиваемых исполнителях – множество, которое может не совпадать с наиболее популярными исполнителями. Как пишет Дж. Фиске, популярность современного автора большей частью может обеспечиваться не вниманием к его творчеству, а интересом к его личной жизни [10]. Также речь идет о популярности среди всех пользователей, а не только молодежи. Тем не менее самостоятельно такая валидация может пониматься как косвенная. Авторы, а также лейблы, указанные в облаке слов, встречаются в официальном рейтинге, полученном на основе внутренней продуктовой аналитики ВКонтакте за 2023 г. [11]: в основном это касается принадлежности значительной части авторов как в нашем исследовании к жанрам рэп и хип-хоп, а также в принадлежности многих авторов к лейблу *Black Star*.

Совокупно это позволяет говорить об удачности описываемого дизайна исследования с точки зрения получения содержательно значимых пилотных результатов на большом изначальном массиве данных с использованием небольших трудовых затрат.

Литература:

1. Ткач С., Воробьева П.Д., Русакова М.М. Опыт реализации дискурс-анализа и концептуального картирования сообществ здорового питания

// Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2023. № 56. С. 143–172. DOI: 10.19181/4m.2023.32.1.4.
2. Kaushik A., Naithani S. A comprehensive study of text mining approach // International Journal of Computer Science and Network Security (IJCSNS). 2016. Vol. 16. №. 2. Art. 69.
3. Miller S. Fox H., Ramshaw L., Weischedel R. A novel use of statistical parsing to extract information from text // 1st Meeting of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics. 2000. P. 226–233.
4. Radovanović M., Ivanović M. Text mining: Approaches and applications // Novi Sad J. Math. 2008. Vol. 38. №. 3. P. 227–234.
5. Alwidian S.A., Bani-Salameh H.A., Alslaity A.N. Text data mining: a proposed framework and future perspectives // International Journal of Business Information Systems. 2015. Vol. 18. №. 2. P. 127–140.
6. Splichal S. In data we (don't) trust: The public adrift in data-driven public opinion models // Big Data & Society. 2022. Vol. 9. №. 1. Art. 20539517221097319.
7. Белая Е.К., Кашина М.А. K-pop, социальные сети, гендерные представления: проблемы презентации и восприятия (на примере творчества группы BTS) // Управленческое консультирование. 2022. № 11(167). С. 67–85.
8. Тагильцева Н.Г., Курлапов М.Н. Музыкальные предпочтения студентов негуманитарных специальностей технического университета // Педагогическое образование в России. 2024. № 2. С. 232–238.
9. Захваткин А.В., Темникова Е Ю. Музыкальные предпочтения молодежи как индикатор их психоэмоционального состояния // Ученые записки НТГСПИ. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 4. С. 84–93.
10. Fiske J. The cultural economy of fandom // The adoring audience. – Routledge, 2002. P. 30–49.
11. VK Музыка рассказывает, кого слушали в 2023 г. // ВКонтакте. URL: https://vk.com/press/music-2023 (дата обращения: 06.10.2023).

Text Data Parsing Method and its Potential for Thematic Analysis as a Tool for Exploratory Research

Maltseva A.V., Gurieva S.D., Masharo T.S.
Saint Petersburg State University

The relevance of the research topic is due to the increasing demand of researchers for the development and testing of a methodology aimed at obtaining pilot results based on social network data. The purpose of the study is to demonstrate the potential of the developed research design in solving the designated problem. To achieve the goal, a number of research tasks were solved: a research design was developed that solves the problem under consideration; the design was tested for the analysis of musical communities; the data were compared with research and analytical works in this area. Scientific and practical significance lies in the development of an original research design suitable for solving the methodological problem under consideration. The scientific novelty of the result is confirmed by the absence of uniform generally accepted approaches to solving the designated methodological problem that could be replicated by limited research resources.

Keywords: text data, parsing, topic coding, artificial intelligence, VKontakte, natural language analysis, online communities

УДК 316.4.06
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-304-308

Языковые установки жителей Республики Татарстан: сходство и дифференциация по уровню образования

Низамова Л.Р.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

В интересах мониторинга межэтнических отношений и этнокультурной динамики в регионах России статья фокусирует внимание на влиянии образования как культурного капитала на языковые представления, ориентации и практики жителей Республики Татарстан. Поставлена цель выявления меры расхождения или, напротив, схожести языковых установок татарстанцев со средним и высшим образованием, решаемая на материалах массового репрезентативного опроса по месту жительства с выборкой 2000 чел. Исследование включает задачи оценки актуальных вопросов языкового самоопределения, поведения и языковой политики в России и Татарстане сквозь призму различий образовательного потенциала населения. В проводившихся ранее исследованиях фактор образования оставался в стороне без специального рассмотрения. В результате проведенного анализа установлено, что по значительному массиву замеренных переменных языковых установок, компетенций и поведения позиции жителей республики со средним и высшим образованием схожи. Однако некоторые различия просматриваются в отношении обязательного изучения английского и татарского языков как учебных предметов и личного желания изучать татарский язык – обладатели вузовских дипломов демонстрируют более высокую расположенность к другим языкам, свидетельствующую об их непредвзятости и ориентированности на знание. Это не означает снижения для них роли русского языка, главенствующего в российских вузах и науке. К преимущественно татарскому языку на практике чаще прибегают обладатели среднего образования.

Ключевые слова: *языковые установки, речевое поведение, Республика Татарстан, среднее образование, высшее образование, культурный капитал, массовый опрос*

Для цитирования: *Низамова Л.Р. Языковые установки жителей Республики Татарстан: сходство и дифференциация по уровню образования // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 304–308. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-304-308.*

Социологические исследования показывают, что независимыми переменными, во многом определяющими языковые представления, ориентации и поведение россиян в регионах, выступают прежде всего этничность, территория проживания (мегаполис, города разной людности, село), отчасти возраст (молодежь, среднее и старшее поколения). Это же можно утверждать и в отношении языковой ситуации в Республике Татарстан [1–3]. Учеными реже оценивается влияние других индикаторов: уровня образования, половой принадлежности, материального положения респондентов или наличия детей, посещающих детский сад или школу, и других на языковые установки и практики. Цель данной статьи – восполнить имеющиеся пробелы, а именно: на основе данных массового репрезентативного со-

циологического опроса 2018 г. (последнего из имеющихся[1]) взрослого населения Республики Татарстан в возрасте 18 лет и старше раскрыть степень сходства или, напротив, дифференциации мнений и представлений жителей территории, различающихся по уровню образования, по вопросам языкового развития в историческом и современном ракурсах. Мы исходим из гипотезы, что обладающие высшим образованием (законченным и незаконченным), включая получивших ученые степени, имея более высокий уровень культурного капитала и компетентности, могут демонстрировать большую информированность, открытость, заинтересованность, включенность и толерантность в вопросах языкового развития, дву- и многоязычия в сравнении с большинством обладателей дипломов об общем и профессиональном среднем образовании.

Языковые ориентации и уровень образования в научном дискурсе. Социолингвистика осуществляет изучение связи между личными склонностями, системой культурных ценностей говорящего и его языковым поведением еще с 1960-х гг. [4], однако тема взаимосвязи языковых представлений и практик и уровня образования пока недостаточно раскрыта в литературе, хотя имеется огромное количество публикаций и исследований, в более широком плане посвященных роли образования в воспроизводстве языка и языковой социализации, в изучении и сохранении родного языка [2; 5].

Влиятельный социальный теоретик П. Бурдье показал, что культурный капитал не сводится к количественным параметрам, например, продолжительности обучения, но становится неотъемлемой частью личности, ее габитусом, проявляет себя как результат культивирования, воспитания и самовоспитания. Он, как и другие формы капитала, есть условие продуктивной деятельности, кроме того, культурный капитал «при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций» [6, с. 60]. Российскими учеными доказательно установлена связь между уровнем образования и получаемыми доходами: россияне с высшим образованием имеют более высокую заработную плату, чем обладатели общего среднего и среднего профессионального образования; кривая роста доходов у первых заметно более выраженная и максимум заработков приходится на более зрелые годы, что является преимуществом [7]. При этом обнаружено, что по денежной отдаче два вида среднего образования мало различаются между собой [7].

Исследования этнически смешанных браков в Татарстане постсоветского времени позволили выявить, что люди с высоким уровнем образования и культурного капитала более открыты и непредвзяты с точки зрения выбора брачного партнера из числа представителей другой национальности [8, с. 253], т.е. отличаются более высоким уровнем толерантности. Вместе с тем имеющиеся знания о влиянии уровня образования и культурного капитала на языковые и этнокультурные установки граждан довольно противоречивы и формируются в разных предметных областях: исследованиях не только разных стран и регионов, но и тематики – проблем роста ксенофобии и национализма в постсоветской России, отношения к этнически-смешанным бракам и др. Авторам не всегда удается разделить и адекватно оценить вклад фактора образования в отличие от других независимых переменных, например, территории проживания в силу того, что горожане де-факто более образованны, чем сельчане, и живут в социально разнородной среде, поощряющей межкультурные контакты и терпимость к другому.

Помимо эффектов интерсекциональности, т.е. взаимного влияния и даже усиления/нивелирования со стороны ряда независимых переменных, важна роль языковых идеологий, оформляющихся и функционирующих на макроуровне и вместе с тем способных влиять и подсознательно. Сила языковой идеологии в том, что она не явно, но глубоко запечатлевается в сознании людей, а ее изменение выступает длительным по времени процессом [9, с. 116]. Признано, что языковые идеологии – это «социально, исторически и политически сформированные представления о языке, которые часто оказывают далеко идущее и необратимое воздействие на языковые установки и языковую практику» [10, с. 117]. Это убеждения, чувства, предрассудки и стереотипы о языке, которые разделяются обществом [9].

В последние десятилетия в России доминирующей стала идеология русского языка как языка государствообразующего народа и родного языка для всего проживающего на ее территории населения; языка, который должны знать и использовать все, независимо от того, местные они или приезжие. Она заметно потеснила ориентации 1990-х гг. на сохранение и развитие языкового плюрализма в многонациональной стране, ревитализацию статистически малочисленных языков и поощрение языкового разнообразия в регионах. В поликультурных и многоязычных территориях, таких как Республика Татарстан, наблюдается плюрализация и конкуренция различающихся языковых идеологий.

Восприятие языковой темы жителями Татарстана со средним и высшим образованием.

[1] В статье использованы данные за 2018 г., т.к. более поздних и сравнимых по величине выборки (2000 респондентов по Республике Татарстан) и столь масштабных по количеству замеряемых переменных (более 100 переменных в 72-х вопросах) исследований нет. Это последнее из проводившихся исследований по языковой проблематике по всему Татарстану с применением массового опроса, позволяющего давать объяснения касательно всей республики.

Следует принимать во внимание значительную инерционность и устойчивость языковых процессов во времени.

Массовый опрос населения Татарстана (выборка составила 2000 чел.) включал большой перечень замеряемых переменных. Среди них были: отражающие оценки исторических перемен постсоветского времени и событий относительно недавнего времени, связанные с «языковым конфликтом» и изменением порядка преподавания родных языков в школе 2017 г. и изучения государственных языков национальных республик. А также характеризующие реалии современности: самооценки языковых компетенций, восприятие языков и языковых процессов, социальные ожидания от языковой политики на перспективу. Двумерный анализ полученных данных позволил сопоставить меру совпадения или расхождения взглядов обладателей среднего образования (общего и специального – 1427 чел.), включая незначительную численность менее образованных (начальное и неполное среднее), с получившими высшее образование (незавершенное, законченное и имеющими ученые степени) (573 чел.). Доля последней категории составила 28,7 %.

В целом распределения ответов татарстанцев с разным уровнем образования схожи. Например, почти совпадают ответы не имеющих и имеющих высшее образование о родном языке: соответственно, 45–42 % назвали родным русский язык, 39–41% – татарский язык, 13–15 % – и русский, и татарский, около 2 % – другой язык (здесь и далее не приводится доля затруднившихся с ответом и малочисленный вариант ответа «другое», если они не несут значимой для проверки гипотезы информации). Аналогично и те, и другие массово разделяют мнение, что можно быть человеком своей национальности, не владея вообще ее языком (50–51 %), реже встречается противоположное мнение (33–35 %). Схожи распределения ответов на вопрос «Может ли татарский язык сохраниться только с помощью семейного воспитания и личных усилий родителей?»: 63-64 % ответили на него утвердительно, но около четверти (24 %) с такой стратегией языковой трансмиссии не согласны. Не просматриваются различия в оценке того, что в Республике Татарстан все школьники ранее изучали татарский язык: более половины (54–57 %) воспринимали это положительно, а каждый пятый (20 %) – отрицательно при значительной доле затруднившихся с ответом (26–23 %).

Не обнаруживаются значимые расхождения в оценках состояния межнациональных (межэтнических) отношений в России и Республике Татарстан, которые в 2018 г. преимущественно квалифицировались как гармоничные и спокойные. Около двух третей опрошенных не согласны с утверждением, что «в Татарстане существует конфликт на языковой почве» (67–63 %). На вопрос «Кем Вы себя больше чувствуете – татарстанцем или россиянином?» прежде всего отвечали: «в равной мере татарстанцем и россиянином» – 47–46 %, «больше татарстанцем» – 23–24 %, «больше россиянином» – 28–27 %. Однако по некоторым переменным можно видеть различия, превышающие величину статистической погрешности.

Опрос позволил выяснить, на каком языке респонденты пользуются масс-медиа, читают и пишут, общаются в формальном и неформальном кругах и т.п. Среди прочего был задан и вопрос: «На каком языке Вы получили среднее образование?». Данные свидетельствуют, что подавляющее большинство (около 2/3) получили его преимущественно на русском языке, однако доля учившихся преимущественно на татарском на 7 % выше среди обладателей среднего образования (20 %), при этом у имеющих высшее образование почти на 5 % выше доля отучившихся на русском и татарском языках в равной степени. Среди обладателей среднего образования больше читающих газеты и журналы (в два раза – 12 %), слушающих радио преимущественно на татарском языке (14 %), они охотнее (на 5 %) прибегают к преимущественно татарскому языку в общении с продавцами в магазинах (14 %), с незнакомыми пожилыми людьми (15 %), с друзьями (21 %), – в целом лучше владеют преимущественно татарским языком (20 %), например, умеют писать на татарском языке (18 %). Вместе с тем среди опрошенных с высшим образованием чуть выше доля билингвов, получивших образование на татарском и русском языках (19 %) и прибегающих к обоим языкам в равной степени для общения с друзьями (24 %) и дома с семьей (22 %), в присутствии татароязычных людей (22 %), для обращения к незнакомым пожилым людям (28 %). В целом каждый четвертый из них отмечает, что лучше владеет и татарским, и русским языками в равной степени.

Что касается самооценки языковых компетенций (владения двумя, наиболее распространенными языками в регионе), то имеющие высшее образование на 8 % чаще сообщали о свободном владении русским языком (77 %), тогда как в отношении знания татарского языка (свободного, достаточно хорошего, плохого и отсутствующего) распределения между представителями двух групп были в целом схожими, а свободные навыки назвали 34–32 %. Опрос позволил конкретизировать характер владения языками за счет дифференцированной оценки умений понимать, разговаривать, читать и писать. Если доли свободно понимающих татарский язык составили 40 и 43 % у имеющих среднее образование и обладателей вузовских дипломов, то показатели свободного понимания русского оказались в обеих категориях много выше – соответственно 78 и 87 %.

Отношение населения с разным уровнем образования к овладению языками тоже существенно не различалось за исключением чуть большей ориентированности высокообразованных на обязательное владение не только русским (90 %) и отчасти татарским (47 %), но и английским языком: они на 7 %

чаще (32 %) уверенно ответили «да» на вопрос об обязательности изучения последнего. Кроме того, высокообразованные чаще отвечали утвердительно на вопрос, «обязательно ли в средней школе изучать как отдельные дисциплины» татарский и английский языки: на 7 % (65 %) в отношении татарского языка и на 11 % (86 %) в отношении английского языка. Среди обладателей дипломов о высшем образовании на 5 % выше доля, желающих начать изучать татарский язык, если они его не знают (32 %), тогда как у имеющих среднее образование более половины заявили о своем нежелании (53 %, у высокообразованных респондентов эта доля составила 47 %). Интересно, что самые образованные в целом позитивнее относятся к ЕГЭ, чем имеющие среднее образование. Хотя более половины из закончивших вуз (54 %) оценивают его «отрицательно» и «скорее отрицательно», этот показатель на 6 % ниже, чем у другой категории, а суммарная доля воспринимающих ЕГЭ «положительно» и «скорее положительно» на 8 % выше (35 %), чем у обладателей среднего образования.

Подавляющее большинство (две трети) обеих исследуемых категорий, различающихся по уровню образования, готовы применить в отношении проживающих в своем селе, городе и Татарстане в целом понятие «билингвы», обозначающее людей, использующих и русский, и татарский языки. Однако более половины опрошенных не считают билингвами население России, причем среди высокообразованных полагающих так на 4 % больше (62 %).

Предпринятый анализ данных массового опроса жителей Республики Татарстан позволил установить, что в отношении языковых ориентаций и языкового самоопределения, восприятия мер и эффектов языковой политики просматриваются черты как сходства, так и некоторых различий при явном преобладании переменных, свидетельствующих о близости позиций граждан с разным уровнем образования. Зачастую этничность, место проживания или возраст оказываются более весомыми детерминантами мнений о языковых процессах, чем уровень образования или, например, половая принадлежность. Вместе с тем в целом подтвердилась гипотеза о несколько большей открытости, толерантности и непредвзятости обладателей высшего образования в отношении других языков и культур, эрудированности и потребности в знании, чему свидетельством выступили заинтересованность в обязательном изучении в школе английского и татарского языков как отдельных предметов, более высокая готовность изучать татарский язык.

Вместе с тем, в отличие от ограничившихся получением аттестата зрелости в средней школе, жители Татарстана с вузовскими компетенциями и дипломом реже прибегают к использованию татарского языка в повседневной жизни и чаще заявляют о свободном владении русским языком. Огромную роль в этом играет сугубо русскоязычный характер высшего образования в России и убежденность большинства, что русский язык – это язык науки и научной литературы, то есть высокой культуры. Поэтому среди закончивших вуз чуть выше доля тех, кто считает, что русский язык должен быть единственным государственным языком в республике и стране.

Величина выборочной совокупности данного исследования (2000 единиц наблюдения) и характер распределения населения Татарстана по независимым переменным, таким как этничность и территория проживания (Казань, другие города, сельская местность), позволили осуществить двумерный анализ данных. Однако, к сожалению, не удалось охватить более сложное пересечение переменных, открывающее возможности трехмерного анализа – не только по уровню образования, но еще и по этничности и месту жительства, что остается задачей будущих проектов с более масштабными выборками. Хотя языковые процессы обладают значительной инерционностью, требуется актуализация сведений о языковой ситуации в регионах в режиме мониторинга; это позволит отслеживать имеющиеся подвижки под влиянием текущих социально-политических событий и процессов.

Литература:

1. Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. 236 с.
2. Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Монография / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Л.В. Сагитовой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2015. 268 с.
3. Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 208 с.
4. Warkentyne H.J. Attitudes and Language Behaviour // Canadian Journal of Linguistics // Revue canadienne de linguistique. 1983. № 28(1). P. 71–76. DOI:10.1017/S0008413100010069.

5. Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. 620 с.
6. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
7. Гимпельсон В.Е., Зинченко Д.И. Цена возраста: заработная плата работников в старших возрастах // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 35–62.
8. Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 314 с.
9. Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation // Olko J., Sallabank J. (eds.) Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 104–117. DOI: https://doi.org/10.1017/9781108641142.
10. Bilić Meštrić K. and Šimičić L. Language Ideologies in an Endangered Language Context: A Case Study from Zadar Arbanasi in Croatia // Olko J., Sallabank J. (eds.) Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 117–119. DOI: https://doi.org/10.1017/9781108641142.

Language Attitudes of Residents of the Republic of Tatarstan: Similarity and Differentiation by Level of Education

Nizamova L.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the interests of monitoring interethnic relations and ethno-cultural dynamics in the regions of Russia, the article focuses on the impact of education as a cultural capital on the linguistic representations, orientations and practices of residents of the Republic of Tatarstan. The aim of the study is to identify a measure of discrepancy or, on the contrary, similarity of the language attitudes of Tatarstan residents with secondary and higher education, solved on the basis of materials from a mass representative survey at the place of residence with a sample of 2,000 people. The research includes the tasks of assessing topical issues of linguistic self-determination, behavior and language policy in Russia and Tatarstan through the prism of differences in the educational potential of the population as far as previous studies left the education factor aside without special consideration. As a result of the analysis, it was revealed that according to a significant array of measured variables of language attitudes, competencies and behavior, the positions of residents of the republic with secondary and higher education are similar. However, some differences can be seen with regard to the compulsory study of English and Tatar languages as academic subjects and a personal desire to study the Tatar language – holders of university diplomas demonstrate a higher disposition towards other languages, indicating their open-mindedness and focus on knowledge. However, this does not mean that the role of the Russian language, which dominates Russian universities and science, is reduced for them. It is the holders of secondary education who more often resort to the predominantly Tatar language in practice.

Keywords: language attitudes, speech behavior, Republic of Tatarstan, secondary education, higher education, cultural capital, mass survey

УДК 316.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-309-314

Роль рэп-музыки в формировании жизненных миров, культурных и ценностных предпочтений студенческой молодежи в 2000 – 2010-е гг. (по материалам социологических исследований)

Равочкин Н.Н.
Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова (Кемерово)

Кравченко С.Н.
Доктор технических наук, доцент, профессор кафедры агроинженерии Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова (Кемерово)

Актуальность исследования обусловлена перманентным возрастанием популярности и увеличением широты рецепции музыкальных продуктов отечественных рэп-исполнителей среди представителей молодежи в XXI в. Определено, что наибольшее влияние на формирование жизненных миров и аксиологических ориентаций рэп-музыка осуществляет именно на заявленную социальную группу, что объясняется их сущностными характеристиками. Цель исследования заключается в рассмотрении воздействия рэп-музыки на конституирование жизненных миров, культурных и ценностных ориентаций российской молодежи в 2000–2010-е гг. Проанализировано развитие рэп-музыки в отечественном социокультурном пространстве. Выявлены факторы политизации искусства в российском обществе. Осуществлен содержательный анализ релевантных социологических исследований. На основе обобщения результатов имеющихся данных авторами выделены магистральные направления культурных и ценностных ориентаций, а также выделен блок антиценностей, которые формирует творчество рэп-исполнителей для российской молодежи в современных социокультурных реалиях. Научная новизна проведенного исследования определяется авторской классификацией ценностей и антиценностей в формировании аксиологических ориентаций и жизненных миров российской молодежи в начале XXI в.

Ключевые слова: *молодежь, ценности, рэп-музыка, антиценности, культура, общество*

Для цитирования: *Равочкин Н.Н., Кравченко С.Н. Роль рэп-музыки в формировании жизненных миров, культурных и ценностных предпочтений студенческой молодежи в 2000–2010-е гг. (по материалам социологических исследований) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 309–314. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-309-314.*

Как культурное явление рэп-дискурс оформился в США в 70-х гг. прошлого столетия [1]. Популярность нового музыкального течения во многом была обусловлена вирусным распространением многочисленных молодежных протестных субкультур: «Протест ради протеста как формы самопрезентации подростков и молодежи» [2, с. 61]. Данные настроения, необходимость в выражении протеста потребовали новых форм самовыражения, способных бросить концептуальный эстетический вызов сложившейся культуре [3]. Протестная основа формировала такие отличительные характеристики рэп-культуры, как антимодернизм, маскулинность, антифеминизм [4, с. 70].

На протяжении относительно недавнего в историческом плане периода своего существования рэп-культура продемонстрировала высокий уровень умений адаптации к постоянно меняющимся условиям социокультурной реальности, не только сохраняя, но и существенно расширяя свою аудиторию. Как отмечают исследователи, «первоначально андеграундная, почти криминальная, рэп-культура вышла из подполья, собирает сегодня десятки тысяч зрителей в концертных залах и на стадионах по всему миру и миллионы просмотров в интернете» [2, с. 61].

Говорить о российском рэпе можно лишь после 2000 г., когда он превратился в самостоятельное культурное явление, которое вписывается в текущий процесс развития национальной поэзии и литературы. Становление музыкального направления ученые связывают с именами Оксимирона, Басты, Гуфа, группы *Bad Balance*, Кирпичи. Превращение рэп-культуры в самостоятельное явление было во многом обусловлено появлением площадок для проведения рэп-баттлов, в качестве наиболее известных из которых следует назвать *Slovo* и *Versus* [6; 7].

Именно рэп-баттлы способствовали популяризации культуры, их распространение стало настолько высоким, что «может сложиться впечатление, что российское общество заражено вирусом рэп-баттлов» [8, с. 130]. Шоу стали средством «реабилитации» рэп-культуры, сделав очевидной для широкой общественности, что произведения – это не просто синтез языка улицы и «низовой» тематики, но «серьезная поэзия, исследующая средствами искусства историю, картину мира, самосознание человека, живущего на сломе эпох и говорящего на русском языке» [2, с. 63].

Важно подчеркнуть, что усиление роли и значения рэп-культуры в музыкальном пространстве было во многом вызвано усилением протестных настроений в российском обществе. Принимая во внимание то, что в основании рэп-культуры – протест молодых людей против тех или иных норм, правил, практик, сформировавшихся в обществе, содержание произведений чаще всего затрагивает политические, социальные, религиозные вопросы. Как отмечают ученые, «современный рэп остается рупором протеста, выразителем наиболее острых проблем молодежи, предельно (а нередко избыточно) эмоциональным, но при этом приобретает эстетические черты, присущие высокому искусству, и этим привлекает к себе еще больше поклонников» [2, с. 65]. Стало быть рэп-культура является «политизированной» в своем роде, затрагивающей самые различные, сложные аспекты жизнедеятельности общества и места личности в нем, полем молодежного протеста против консерватизма общества и наличных архаизирующихся институтов, что находит свои репрезентации в музыкальном творчестве и немузыкальных перфомансах. Под «политизацией» художественного дискурса понимается «интерес к социально-политическим проблемам, вне зависимости от того, выражает ли автор протестные или провластные настроения» [8, с. 4]. К политизированным относятся также тексты, которые затрагивают не столько политические аспекты, но освещают жизнь провинциальной молодежи, проблемы безработицы, социального неравенства, нищеты (например, «Каста», «Ю.Г.»).

В качестве факторов, которые обусловливают высокую степень политизации искусства, исследователи называют следующие [8, с. 3]:

1. Тесный контакт представителей творчества и власти с начала 2000 гг.;

2. Д. Голынко-Вольфсон отмечает, что «в начале 2000-х гг. в результате кризиса постмодернистской эстетики возникает и становится чрезвычайно влиятельным феномен “политического искусства”. Под “политическим” здесь подразумевается не спонтанная реакция на сиюминутную новостную ленту, а готовность принять участие в процессах производства Истин..., причем не абстрактных, а вполне конкретных, включенных в живые и открытые социальные конфигурации» [9].

3. Рост социальной напряженности в 2000–2010 гг. и оформление интереса к первоочередным государственным проблемам (бюрократия, миграция, социальная стратификация) [8, с. 5]. Помимо всего прочего, сам рост интереса к вопросам управления косвенно отражают формирование, становление гражданского общества в РФ, которое стремится принимать более активное участие в социально-политических процессах, влиять на выработку политических решений. Иными словами, можно говорить о формировании у молодых людей субъектности, «демонстрирующей перманентный переход от преимущественного свойства быть объектом общественного воздействия к преимущественному свойству быть субъектом социально-преобразующей деятельности» [10, с. 33].

Важно подчеркнуть, что всплеск политической активности, сознательности россиян приходится

именно на указанный раннее период, в последующем критичность восприятия действий политических элит в стране снижается, следовательно, выбранный временной промежуток «является тем периодом, когда недовольство представителями власти значительно увеличилось по сравнению с предыдущим и последующим этапами» [8, с. 5].

Можно предположить, что в той или иной степени все указанные факторы оказали влияние на политизацию произведений искусства.

В качестве дополнительного фактора, который обусловил высокий рост популярности рэпа и его политизацию, следует назвать особенности целевой аудитории. Основной аудиторией рэп-музыки исследуемого периода выступали «неповзрослевшие подростки», т.е. молодые люди, которые откладывают «принятие серьезных решений. Получают одно образование за другим, путешествуют, живут без штампа в паспорте» [11, с. 89]. У таких людей не решены основные психологические проблемы: самоопределения, овладения мирными способами выражения агрессии, нахождения себя в кругу сверстников. Именно эти люди остро испытывают потребность в поиске найти «свою игру», продемонстрировать собственную уникальность. Важно подчеркнуть, что целевая аудитория рэпа не ограничивается рамками подросткового возраста, но включает людей до 30 лет и старше.

При этом если отдельные исследователи полагают, что «в современном российском обществе практически все направления искусства с середины 2000-х гг. становятся политизированными» [8, с. 3], другие полагают, что острой социально-политической направленностью отличается именно рэп, который, в отличие от поп-культуры, дает возможность говорить о психологических и социальных проблемах всерьез [7, с. 131].

В рамках данного исследования более оправданной представляется вторая точка зрения, согласно которой политизированностью отличается прежде всего рэп, ряд других музыкальных жанров и направлений, выступающих средством репрезентации протестных настроений молодых людей. При этом в современной российской музыкальной культуре представлены многочисленные направления, которые не затрагивают острых социально-политических проблем, прежде всего поп-культура, в большей степени сосредоточенная на личных переживаниях, а не социальной проблематике.

В то же время не следует забывать, что музыкальная индустрия – одна из наиболее прибыльных, соответственно, как подчеркивает Д.В. Ткачук, «в контексте общества потребления и функционирования музыкальной индустрии как коммерческого института, нацеленного, в первую очередь, именно на получение прибыли, возникают сомнения в том, что остросоциальная проблематика, на которую обращают внимание отдельные музыканты, не является лишь инструментом аккумуляции их социального и экономического капиталов» [4, с. 70–71].

В качестве отличительных характеристик рэп-музыки ученые называют следующие:

1. Множественное функционирование обсценной лексики, которое выводит рэп за рамки этических и эстетических норм русского языка, позволяет рассматривать его как яркое проявление «культуры бесстыдства» [7, с. 130].

Поэзия рэпа, по словам исследователей, – «это язык городских подворотен, молодежных “тусовок”, где использование нецензурной лексики, нравится это кому-то или нет, стало не только языковой нормой, но и важным элементом идентификации, позволяющим различать “своих” и “чужих”» [2, с. 62]. Использование нецензурной лексики является одной из отличительных характеристик рэпа, сформированной под влиянием протеста против существующих литературных норм, требований «высокой», книжной культуры, что стало «для молодых слушателей символом свободы и искренности» [2, с. 62], тем знаком, «при помощи которого молодые судят других и сами получают оценку» [12, с. 257].

Широкое использование ненормативной лексики не самоцель, но инструмент усиления эмоционального накала выступления, является попыткой сочетать несочетаемое, средством идентификации, приобщения к рэп-культуре как культуре избранных, противостоящих устаревшей системе, продажным политикам и медиа.

Обсценная лексика становится неотъемлемым компонентом культуры бесстыдства, благодаря которой «мы признаем новые и новые социальные формы: семьи, культурного поведения, быта, одежды» [13].

2. Множественное использование англоязычных терминов, в результате чего человеку, «не владеющему рэп-сленгом, понять рэп-тексты довольно сложно, а понять досконально невозможно в принципе» [2, с. 62];

3. Самобытность музыкального направления находит свое отражение в технике подачи, чтения, отличающегося беглостью и информационной насыщенностью;

4. Высокая интертекстуальность дискурса [2, с. 62].

Результаты ранее проведенного контент-анализа позволяют в качестве ведущих ценностей рэп-дискурса выделить следующие: 1) молодость, свобода, 2) инициативность, самостоятельность, сила, смелость, 3) творчество как средство самореализации, саморазвития и заработка, 4) протест как таковой и как средство обновления устаревших социально-политических систем и практик, 5) избранность лирического героя или нации, их противостояние «толпе» и системе, 6) правда, достоверность информации, транслируемой медиа или политическими деятелями [14].

В свою очередь, социологический анализ текстов целого ряда отечественных рэп-исполнителей дискурса исследуемого периода позволил выявить и антиценности российского рэпа:

1) **продажность, коррумпированность, вседозволенность**, прежде всего политиков, представителей силовых структур, истеблишмента, потребительство как таковое: *Я заставляю нервничать людей с болезнью звездною/ Фигачу словно розгами* (Dino MC 47 «Вдохновение»); *Запреты лишь на бумаге* (Dino MC 47 «Нефть»); *Она нужна и Путину, и Обаме/ За нее сидят и в Гуантанамо, на Магадане* (Dino MC 47 «Нефть»); *Роскошь магнатам затуманила головы/ Президенты обещают победить терроризм – все это ложь/ Нефть остается главным призом* (Dino MC 47 «Нефть»); *И мы могли бы потреблять и тратить,/ Скупая в долг, покуда денег хватит брать в прокате,/ Чтобы показывать всем, чем не обладаем* (25/17 «Линия фронта»);

2) **фашизм, нацизм:** *Нам просто не сказали то, что в сорок пятом/ Флаг над рейхстагом стал для быка красной тряпкой* (25/17 «Линия фронта»);

3) **ложь политиков и СМИ**: *Реклама образа жизни, баранов/ На радио, на TV наставили капканы* (Dino MC 47 «Вдохновение»); *Из народа и нации готовить безмозглое стадо/ Так мало стало правды* (Dino MC 47 «Нефть»); *Не верь их словам/ А что останется, когда пойдут по головам?* (Dino MC 47 «Нефть»); *Телеканалы нас зомбируют – Ток-шоу,/ Жвачки, пиво и стиральный порошок* (Dino MC 47 «Багдад»); *Новости про президента, что все хорошо,/ Но стоит выйти на улицу – наступает шок!/ Дяди-телемагнаты, вы что, с другой планеты?* (Dino MC 47 «Багдад»); *Предупреждаю сразу – это не про политику,/ Это скорей для юзеров, а не для телезрителей* (Dino MC 47 Мастера трагедии»);

4) **социальная несправедливость:** *Когда один хохочет, другой громко рыдает* (Dino MC 47 «Вода камень точит»); *Пока идут новости, реалити-проекты,/ Целые кварталы превратились в гетто* (Dino MC 47 «Багдад»); *Какая жалость кому-то не досталось кого-то сгубила жадность/ Кого-то слабость* (Dino MC 47 «Багдад»); *Едва на памперсы хватило пособия сына* (Карандаш «Все любят Родину»); *Мы скалим зубы от холода за чертой города,/ Бодряков ловим, потирая нос, да бороду./ Потому и злые. Бедные, но гордые* (25/17 «Место под солнцем»).

5) **война** как историческое событие и как символ социально-политических процессов, хаоса: *Моя война опасна, сторона монеты/ Разгадывая секреты в странствиях по свету/ Я ищу свою победу, я благодарный Богу/ По городским дорогам* (Dino MC 47 «Вдохновение»); *Война миров, мы постоянно что-то делим:/ Землю, деньги, огонь, воздух и воду/ Природу отдали в руки могучему сброду* (Dino MC 47 «Нефть»); *Идет война без капли сострадания/ Солдаты охраняют вышки, месторождения/ Караваны бензовозов в сопровождении/ Все прикрывается светлыми идеями/ За демократию и будущее поколения!* (Dino MC 47 «Нефть»); *Издавна, люди грызлись из-за благ/ Искренне, полюбив себя истреблять* (25/17 «Линия фронта»); *Умы хотят войны и пожаров,/ Руки – винтовок…* (Dino MC 47 «Триада» («Паранойя»)).

В целом анализ ценностей и антиценностей рэп-дискурса позволяет сделать вывод, что последний формируется под влиянием сознания, миропонимания «миллениалов», в котором «перемешаны прагматизм и потребность в “высоком”, негативизм и поиск справедливости, недоверие старшим поколениям (их лозунг: “не врите нам”), детская доверчивость и максимализм» [11, с. 88]. Рэп становится для них средством выражения отношения к себе и обществу, государству.

Следовательно, на основании контент-анализа можно сделать вывод, что русский рэп 2000–2010 гг. отличается высокой степенью политизированности, поднимает самые различные актуальные вопросы социально-политического уклада государства. В основании произведений – протест против существующих политических, социальных реалий. Критике подвергаются политики, которые представлены коррумпированными, продажными, медиа, зависящие от рекламы, собственников каналов. В качестве основных ценностей рэп-дискурса можно назвать молодость, свободу, независимость, творчество, правду. Важное место в иерархии ценностей молодых людей занимает протест как таковой, прослеживаются мотивы избранности лирического героя или нации.

Антиценности рэп-дискурса представлены следующими: 1) продажность, коррумпированность, вседозволенность представителей истеблишмента, 2) фашизм, нацизм, 3) ложь, манипуляции общественным сознанием со стороны медиа и политиков, 4) социальная несправедливость, бедность, социальная стратификация общества, 5) война как историческое событие и как символ хаоса в социально-политической жизни страны.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что достаточно сложно однозначно ответить: являются ли ценности рэп-дискурса отражением ценностей, функционирующих в обществе, или рэп-дискурс оказывает влияние на формирование иерархии аксиологем молодых людей. Можно предположить наличие взаимного влияния: ценности, культивируемые в обществе, находят свое отражение в содержании рэп-композиций. В свою очередь, популярность рэп-культуры сопровождается интериоризацией указанных ценностей молодыми людьми.

Говоря о ценности свободы, можно сделать вывод, что ее интериоризация осуществлялась под непосредственным влиянием рэп-культуры: в 2000 г. она не обладала такой значимостью, приоритет от-

давался материальному благополучию, богатству. В результате культивации указанной аксиологемы она стала приоритетной для 26,6 % молодых россиян. При этом в сознании россиян свобода, творчество, инновационность не связаны с достижением жизненного успеха, материального благополучия.

Инициативность, сила, смелость, самостоятельность – указанные личностные качества на протяжении всего исследуемого периода воспринимались молодыми людьми как ценность, как значимые, что позволяет говорить, что у «миллениалов», в отличие от предыдущих поколений, которые во многом полагались на государство, сформировалась особая трудовая этика, отличающаяся крайней индивидуальностью, инициативностью, самостоятельностью и готовностью преодолевать трудности, вызовы.

Творчество: в данном отношении формируется разрыв между ценностями и восприятием ценности молодыми россиянами и представленным пониманием творчества в рэп-культуре. В последней ценности творчества и самореализации не входят в противоречие с жизненным успехом; большинство же россиян полагают, что творчество, инновации не способны его обеспечить. Важно подчеркнуть, что во многом полученные результаты отличаются объективным восприятием, оцениванием как собственных сил, возможностей, талантов, так и условий социокультурного окружения. Т.е. молодые люди понимают, что для того, чтобы творчество принесло материальное благополучие, нужно действительно иметь талант, не каждый человек может быть успешным на творческом поприще, что не означает отсутствия успешности в любых иных сферах жизнедеятельности.

Протест как таковой, как средство ломки устоявшейся системы: протестные настроения сохраняются на протяжении всего исследуемого периода. Более того, несмотря на снижение уровня романтизации бандитизма, преступности, даже в 2010 г. нормативный релятивизм, готовность переступить социальные и правовые нормы были характерна для большинства молодых людей, рекрутирование в организации и сообщества с негативной программой протекало более интенсивно, чем в просоциальные течения, объединения.

Правда: требование к достоверности представленной в медиа информации выступает одним из ключевых ценностей начала нового тысячелетия. В рамках рэп-дискурса лживость медиа неоднократно вызывала острую критику со стороны исполнителей.

Отсутствие доверия к официальным телеканалам привело к снижению численности молодежной аудитории. В то же время необходимо также отметить, что сами телеканалы приложили усилия для того, чтобы максимально полно отвечать потребностям молодых людей, следствием чего стал наиболее высокий уровень удовлетворенности представленным контентом именно в молодежной среде.

Изучение особенностей репрезентации антиценностей в рамках рэп-дискурса и сознании молодых людей позволяет сделать вывод, что **антиценность коррумпированности, вседозволенности, продажности чиновников и силовых ведомств** представлена и в обществе, и в искусстве. Молодые россияне негативно воспринимают указанные антиценности на протяжении всего исследуемого периода, оценивают отношение государства к себе как потребительское, неудовлетворительное. Подобное восприятие способствует сохранению и усилению протестных настроений в молодежной среде.

Социальная несправедливость: указанная антиценность функционирует в рамках рэп-дискурса, подвергается острому осуждению со стороны исполнителей, однако в массовом сознании представлена не столь явно, большая часть молодых людей не стремится к устранению несправедливости, восстановлению социального благополучия.

Война: указанная антиценность, к сожалению, широко представлена и в рэп-дискурсе, в общественном сознании молодых людей. Стереотипы войны и насилия глубоко укоренились в сознании людей, нашли свою репрезентацию в рэп-культуре. Отмечается медленное атрофирование воинственности в обществе. В рэп-дискурсе критике, осуждению подвергаются действия отдельных генералов, политиков, а не война как таковая, как трагедия.

Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что мотив избранности лирического героя или нации, противостояния «толпе», антиценности фашизма, нацизма в проанализированных социологических исследованиях изучению не подвергался.

Литература:

1. Adaso H. The history of hip-hop: 1925 to now. URL: https://www.liveabout.com/historyof-hip-hop-1925-to-now-2857353 (дата обращения: 21.07.2024).

2. Завалишин А.Ю., Костюрина Н.Ю. Русская рэп-культура: специфика научного анализа // Журнал интегративных исследований культуры. 2020. Т. 2. № 1. С. 60–68.
3. Вершинин М.С., Макарова Е.В. Современные молодежные субкультуры: рэперы. М.: Норма, 2006. 350 с.
4. Ткачук Д. В. Факторы формирования и функционирования музыкально-художественных вкусов современной российской молодежи: дисс. … канд. соц. наук. СПб., 2020. 306 с.
5. Туп Д. Рэп-атака: От африканского рэпа до глобального хип-хопа. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 340 с.
6. Черняков А. Сколько поэзии в русском рэпе? URL: https://www. youtube.com/watch?v=vdVG9d7EtVU (дата обращения: 14.08.2024).
7. Лассан Э. Рэп-баттлы как культурный и лингвокультурный феномен // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 129–143.
8. Фролова Е.В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009–2013 гг.). Препринт. URL: препринт WP20/2015/02 (Дата обращения 21.07.2024).
9. Голынко-Вольфсон Д. По ту сторону иерархии // НЛО. 2008. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/dmitrij-golynko-volfson.html (дата обращения: 12.09.2024).
10. Тесленко А.Н. Рэп как индикатор протестного настроения поколения Z // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 3. С. 33–40.
11. Гришина Е.А. Русский рэп как саморефлексия поколения // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 3. С. 86–96.
12. Шапинская Е.Н. Музыка как фактор формирования эстетических вкусов и этических ценностей в молодежных субкультурах // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 253–260.
13. Гинтаутас М. Люди всегда были товаром, просто не хотели в этом признаваться... // Политика & Деньги. 2018. URL: https://paperpaper.ru/gintautas_mazeikis/ (дата обращения: 12.09.2024).
14. Равочкин Н.Н., Боганков М.Д. Аксиологемы рэпа в контексте культуры современного российского общества // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 106. № 5. С. 39–43.

The Role of Rap Music in Shaping the Life Worlds, Cultural and Value Preferences of Student Youth in the 2000s – 2010s (Based on Sociological Research)

Ravochkin N.N.
Kuzbass State Technical University named T.F. Gorbachev,
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov (Kemerovo)
Kravchenko S.N.
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov (Kemerovo)

The relevance of the study is due to the permanent increase in popularity and the increase in the breadth of reception of musical products of domestic rap performers among young people in the 21st century. It has been determined that rap music has the greatest influence on the formation of life worlds and axiological orientations on the declared social group, which is explained by their essential characteristics. The purpose of the study is to consider the impact of rap music on the constitution of life worlds, cultural and value orientations of Russian youth in the 2000-2010s. The development of rap music in the domestic socio-cultural space is analyzed. The factors of politicization of art in Russian society are revealed. A substantive analysis of relevant sociological studies is carried out. Based on the generalization of the results of the available data, the authors identified the main directions of cultural and value orientations, as well as identified a block of anti-values that form the creativity of rap performers for Russian youth in modern socio-cultural realities. The scientific novelty of the conducted research is determined by the author's classification of values and anti-values in the formation of axiological orientations and life worlds of Russian youth at the beginning of the 21st century.

Keywords: youth, values, rap music, anti-values, culture, society

УДК 316.334:37
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-315-319

Образ Китая в представлении российских студентов (по материалам опроса)

Сергеева З.Х.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Сергеев С.А.
Доктор политических наук, профессор кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность данного исследования обусловлена растущим значением экономических, культурных и политических связей Российской Федерации с Китайской Народной Республикой, тем значением, которое приобретает для российского общественного мнения изменяющийся образ Китая, и роли, которую в формировании образа Китая играет российская молодежь, в частности, студенчество. Целью статьи является анализ результатов прикладного социологического исследования, проведенного среди студентов двух ведущих вузов Татарстана (Казанского федерального университета и Казанского национального исследовательского технологического университета), посвященного восприятию образа Китая студенческой молодежью. Новизна данного исследования состоит в том, что были выявлены основные особенности и характер восприятия образа Китая студенческой молодежью: Китай воспринимается в основном позитивно, и в первую очередь как экономическая и технологическая сверхдержава. Практическая значимость работы состоит в том, что на основании опроса были сформулированы рекомендации по развитию российско-китайских отношений.

Ключевые слова: *Китай, молодежь, российско-китайские отношения, образ Китая, восприятие, стереотипы*

Для цитирования: *Сергеева З.Х., Сергеев С.А. Образ Китая в представлении российских студентов (по материалам опроса) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 315–319. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-315-319.*

В последние десятилетия Китайская Народная Республика стала ключевым экономическим и политическим партнёром России, что отразилось на усилении культурных, образовательных и гуманитарных связей между двумя странами. На фоне этого растущего взаимодействия особое значение приобретает восприятие Китая среди молодого поколения – студентов, которые будут определять будущее двусторонних отношений. Важную роль в формировании образа Китая играют различные факторы: от медийного освещения до личного опыта студентов, участвующих в образовательных и культурных обменах. В статье рассматриваются особенности восприятия Китая российскими студентами, анализируются их стереотипы, мнения и ожидания, а также роль медиа и образования в создании этих представлений.

Понятие «образ» часто используется представителями социальных, политических и гуманитарных

наук как методологический инструмент изучения различных аспектов социальной сферы – стран, народов, государств, представлений о прошлом, настоящем и будущем. Среди теоретических подходов, используемых при изучении образов социальных явлений, следует выделить теорию стереотипов (У. Липпман, Г. Олпорт, Г. Тэджфэл и др.) [1] , теорию символического взаимодействия (Г. Блумер, Дж.Г. Мид, Э. Гофман и др.) [2; 3] и теорию повестки дня (М. Маккомбс, Д. Шоу, Г. Вейвер и др.) [4; 5]. Теория стереотипов исходит из того, что для упрощения сложной социальной информации люди формируют, поддерживают и применяют упрощенные когнитивные схемы (стереотипы), что нередко приводит к искажённым и предвзятым представлениям о других группах или отдельных личностях. Теория символического взаимодействия (символический интеракционизм) фокусируется на том, как социальная реальность формируется через символические значения, придаваемые людьми своим действиям, словам и объектам. Теория повестки дня предполагает, что на восприятие людьми значимости тех или иных событий и тем влияют масс-медиа, формирующие как повестку дня, так и интерпретацию тех или иных событий или проблем. В отечественной науке значительный вклад в исследование образов зарубежных стран, а также образов российской власти и образов идеального будущего внес исследовательский коллектив под руководством Е. Шестопал [6; 7]. Образ Китая в России (как и образ России в Китае) в последние два десятилетия активно исследуется как российскими [8; 9], так и китайскими учеными [10; 11], обращающимися к различным массивам эмпирических данных: историческим документам, СМИ, опросам общественного мнения.

Авторами статьи в сентябре 2024 г. в Казанском федеральном университете (КФУ) и Казанском национальном исследовательском технологическом университете (КНИТУ) методом анкетирования был проведен опрос студентов на тему: «Образ Китая в представлении российских студентов». В опросе приняли участие 162 студента (в том числе 98 из КФУ и 64 – из КНИТУ), обучающиеся по социальным, политическим и гуманитарным специальностям. Возраст респондентов варьировался от 18 до 25 лет (в том числе 91 % – в возрасте от 18 до 23 лет), 54 % из них составляли девушки, а 46 % – юноши. Распределение ответов на вопросы анкеты студентов КФУ и КНИТУ практически не отличалось (за исключением ответов на 1–2 вопроса), поэтому анализ ответов приводится ниже в обобщенном виде. Кроме анкетирования, использовался также метод проективного рисунка: студентам предлагалось метафорически изобразить свое представление об отношениях России и Китая. Результаты рисуночного теста заслуживают, однако, специального рассмотрения, поэтому ниже анализируются лишь итоги анкетирования.

Анкетирование выявило, что студенты достаточно самокритично оценивают свои знания о Китае: почти две трети (61,73 %) охарактеризовали свои знания о Китае как поверхностные, а «хорошо» и «очень хорошо» осведомленными о Китае считают себя 32,1 % опрошенных (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы оцениваете свои знания о Китае?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Очень хорошо осведомлен(а)	4,32
Достаточно хорошо осведомлен(а)	27,78
Знаю поверхностно	61,73
Почти ничего не знаю	6,17

Эти данные говорят о том, что значительная часть респондентов имеет некоторое представление о Китае. Но при этом более двух третей опрошенных (67,9 %) признались, что их знания о Китае поверхностны или практически отсутствуют. Это может свидетельствовать о необходимости более активного распространения информации о Китае в российских средствах массовой информации.

Интерес студентов к новостям и событиям, связанным с Китаем, нельзя назвать высоким: регулярно следят за этими новостями и событиями 7,41 %. Среди них есть те, чей интерес можно назвать профессиональным или полупрофессиональным: в частности, в каждом потоке политологов есть несколько человек, углубленно занимающихся китайской тематикой. Но половина опрошенных редко обращает внимание на новости о Китае или вообще не интересуется ими (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Интересуетесь ли вы новостями и событиями, связанными с Китаем?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Да, регулярно слежу за новостями	7,41
Иногда читаю или смотрю материалы о Китае	42,59
Редко обращаю внимание на новости о Китае	41,36
Не интересуюсь новостями о Китае	8,64

При этом большинство студентов оценивают образ Китая, представленный в российских СМИ, как положительный (63,58 %); противоположного мнения придерживаются менее 5 % опрошенных (табл. 3). Это может говорить о том, что российские СМИ в целом формируют положительное представление о Китае.

Среди связанных с Китаем тем внимание респондентов чаще всего привлекали российско-китайские политические отношения, экономика и торговля,

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы воспринимаете образ Китая, представленный в российских СМИ?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Позитивный	63,58
Нейтральный	26,54
Негативный	4,94
Затрудняются	4,94

а также технологии и инновации: их отметили 90, 85 и 71 % студентов соответственно (можно было выбрать до трех вариантов ответов). Туризм и культура Китая привлекают внимание молодежи в меньшей степени (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие темы, связанные с Китаем, наиболее часто встречаются в российских СМИ?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Политические отношения между Россией и Китаем	90,12
Экономика и торговля	85,19
Технологии и инновации	71,60
Культура и традиции	19,14
Экологические проблемы	3,70
Права человека и политика	5,56
Туризм и путешествия	20,99

Ответы на следующий вопрос подтверждают предположение, что Китай воспринимается студентами в первую очередь как экономический и технологический гигант: эти варианты ответа выбрали соответственно 71,6 и 67,9 % принимавших участие в опросе (табл. 5). С культурным богатством Китай ассоциируется у 38,89 % респондентов, а 17,28 % выразили опасение в связи с растущей мощью Китая (при ответе на этот вопрос также можно было выбрать до трех вариантов ответов).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой образ Китая у вас сформировался?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Экономический гигант	71,60
Инновационный и технологичный	67,90
Культурно богатый	38,89
Политически влиятельный	41,36
Экологически проблемный	17,28
Могущественный и опасный	17,28
Экспансивный	12,96
Традиционный и закрытый	22,22
Другое:	2,47

Среди стереотипов о Китае и китайцах, распространенных в России, более половины респондентов (51,6 %) отметили такие, как «древнейшая цивилизация в мире», «китайцы едят только рис»; немногим менее половины отметили стереотип «страна подделок» (48,6 %) и «все китайцы занимаются боевыми искусствами» (32,6 %). Среди стереотипов, названных самими студентами, были, в частности, следующие: «страна трудоголиков», «страна, живущая красиво и стабильно, но добившаяся этого большими жертвами», «перенаселение» и др.

По результатам ответов студентов на вопрос о желании ближе познакомиться с различными сферами жизни в Китае можно сделать вывод, что наиболее интересными аспектами для них являются история и культура страны (43,21 %), экономика и бизнес, туризм и природа (по 30,86 %), образование и наука (19,14 %) и политическая система (23,46 %) (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «Если бы вам представилась возможность познакомиться с Китаем, то с какими аспектами жизни в Китае вы бы хотели познакомиться ближе?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
История и культура	43,21
Политическая система	23,46
Экономика и бизнес	30,86
Образование и наука	19,14
Туризм и природа	30,86
Другое	3,09

Это показывает, что студенты проявляют интерес к различным аспектам китайской жизни, включая как культурные и исторические, так и экономические, и политические. Такой интерес может быть связан с желанием лучше понять страну, её ценности, традиции, а также её роль в мировом сообществе.

Результаты ответов студентов на вопрос об их общем отношении к Китаю и китайцам показывают, что большинство студентов относятся к этой стране положительно. Около трети студентов ответили, что их отношение скорее положительное или очень положительное (61,11 %). Доля студентов, выбравших варианты «скорее отрицательное» и «очень отрицательное», значительно меньше (9,26 %). Более четверти опрошенных выбрали вариант «нейтральное», что может говорить о том, что они не имеют ярко выраженных эмоций по отношению к Китаю и китайцам (табл. 7). Это один из немногих вопросов, в ответах на который заметно различие между респондентами из КНИТУ и из КФУ: студенты КНИТУ чаще отмечали свое нейтральное отношение к Китаю и реже – отрицательное, студенты КФУ – наоборот.

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос «Ваше общее отношение к Китаю и китайцам?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Очень положительное	21,60
Скорее положительное	39,51
Нейтральное	28,40
Скорее отрицательное	7,41
Очень отрицательное	1,85
Затрудняюсь ответить	0,62

Серия вопросов касалась влияния Китая на Россию в различных сферах: экономики, политики, культуры и науки. Большинство опрошенных положительно оценили влияние Китая на Россию во всех этих сферах, кроме политической. Наиболее положительным студенты сочли влияние Китая в сфере науки (72,84 %), а также экономики (54,1 %). Мнение о положительном культурном влиянии поддержала половина респондентов, при этом значительная их доля (41,98 %) выбрали ответ «нейтральное». Что же касается влияния Китая на Россию в политической сфере, то положительным и скорее положительным его считают лишь 45,07 % опрошенных; в ответах на этот вопрос также наиболее велика доля тех, кто считает влияние Китая отрицательным и очень отрицательным (10,49 %).

Большинство студентов (72,84 %) согласилась с тем, что Китай является стратегическим партнером России [12], хотя безусловно согласны с этим лишь 25,93 %. Однако есть и те, кто скептически относится к этой официальной формулировке и не считает Китай стратегическим партнёром России (17, 28 %). Меньшинство опрошенных (9,88 %) затруднились ответить на вопрос о стратегическом партнёрстве России и Китая (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли вы Китай стратегическим партнером России?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Да, безусловно	25,93
Скорее да	46,91
Скорее нет	8,64
Нет, не считаю	8,64
Затрудняюсь ответить	9,88

Какими бы ни были представления студентов об образе Китая и их отношение к этой стране, важно учитывать, насколько эти представления и отношение были сформированы СМИ и насколько – пусть небольшим, но личным опытом от посещения Китая и общения с гражданами КНР. Хотя лично посещали Китай немногие студенты (4,32 %), существенная доля опрошенных (41,36 %) имеют опыт общения с китайцами. Относительное большинство респондентов отметили, что личный опыт не повлиял на уже сформировавшийся у них образ Китая (35,8 %) или же затруднились ответить (43,21 %). При этом образ Китая при личном общении или посещении страны улучшился у 16 % опрошенных, а ухудшился – у 5 % (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Ваш личный опыт общения с китайскими гражданами или посещения Китая повлиял на ваше восприятие Китая?»

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Мой образ Китая улучшился	16,05
Мой образ Китая остался таким же	35,80
Мой образ Китая ухудшился	4,94
Затрудняюсь ответить	43,21

Таким образом, наш опрос не дал определенного ответа на вопрос, влияет ли посещение страны и общение с ее гражданами на изменение уже сложившегося образа этой страны. Слишком малая доля респондентов посещала Китай (7 человек, или 4,32 %), чтобы можно было делать какие-то выводы на основании высказанных ими мнений. Но примечательно, что хотели бы посетить Китай 48,77 % опрошенных, что свидетельствует об интересе студенческой молодежи к Китаю (не планируют посещать Китай 5,56 %).

Среди ответов на открытый вопрос о том, какую информацию о Китае вы считаете наиболее важной для освещения в российских СМИ, чаще всего упоминались проблемы сотрудничества, экономических и торговых связей между Россией и Китаем, информация о торговых отношениях, экспортных и импортных товарах, инвестиционных проектах, новых технологиях и инновационных решениях, взаимодействия России и Китая в политической сфере, а также необходимости знакомства с историей и культурой Китая.

Этому могут способствовать, по мнению студентов, культурные обмены (организация культурных мероприятий, выставок, фестивалей и концертов для знакомства россиян с китайским искусством, традициями и стилем жизни), создание новых информационных платформ для освещения новостей и событий в Китае с разных точек зрения, уменьшения стереотипов, проведение встреч с представителями Китая, показ китайских фильмов в кинотеатрах, расширение программ по изучению китайского языка, введение изучения китайского языка в школах, расширение обмена студентами с возможностью изучения китайского языка, что должно вести к углублению культурной интеграция между Россией и Китаем, налаживанию культурных коммуникаций между гражданами России и Китая.

Литература:

1. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение, 2004. 384 с.
2. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с.
3. Гоффман Э. Поведение в публичных местах. М.: Элементарные формы, 2017. 382 с.
4. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109–119.
5. McCombs M. et al. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. N.Y.: Praeger, 1981. 227 p.
6. Шестопал Е.Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 4. С. 16–28.
7. Шестопал Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20.
8. Лукин А.В. Образ Китая в российском общественном сознании: преемственность и эволюция // Полис. Политические исследования. 2004. № 6. С. 70–88.
9. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XIX вв. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с.
10. Ливэй Чжан. Восприятие в Китае образа России в контексте «Один пояс и один путь» // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 180–185.
11. Ся Линь. Конструирование имиджа России в газете «Жэньминь жибао» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С.130–140.
12. Лу Чуньюе, Дацышен В.Г. Россия и Китай в 1990-е годы: от «дружественных стран», через «конструктивное партнерство» к «стратегическому партнерству» // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 127–135.

The Image of China in the Perceptions of Russian Students (based on survey data)

Sergeeva Z.K.
Kazan National Research Technological University.
Sergeev S.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of this study is due to the growing importance of economic, cultural and political ties between the Russian Federation and the People's Republic of China, the importance that the changing image of China is acquiring for Russian public opinion, and the role that Russian youth, in particular students, play in shaping the image of China. The purpose of the article is to analyze the results of an applied sociological study conducted among students of two leading universities in Tatarstan (Kazan Federal University and Kazan National Research Technological University), dedicated to the perception of the image of China by student youth. The novelty of this study is that the main features and nature of the perception of China's image by student youth were identified: China is perceived mainly positively, and primarily as an economic and technological superpower. The practical significance of the work is that, based on the survey, recommendations were formulated for the development of Russian-Chinese relations.

Keywords: China, youth, Russian-Chinese relations, image of China, perception, stereotypes

УДК 316.334.22
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-320-323

Влияние условий труда на социальное одиночество*

Ткач С.
Ведущий социолог Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Распространение одиночества является актуальной социальной проблемой, которая вызывает снижение качества жизни, повышает риски смертности и др. Это делает актуальным исследовательскую тематику поиска причин для формирования социального одиночества. Среди причин в отечественной литературе редко рассматриваются условия труда, что подталкивает к более детальному анализу в этой области. Целью настоящей работы было выделить вклад условий труда в формование социального одиночества. Это позволит заполнить существующую лакуну в области общих закономерностей о связи условий труда и развития социального одиночества. Практическая значимость состоит в возможности опираться на полученные результаты при разработке профилактических социальных программ.

Ключевые слова: *социальное одиночество, условия труда, цифровые навыки, профессиональные навыки, удовлетворенность доходом, рабочее время, отчуждение*

Для цитирования: *Ткач С. Влияние условий труда на социальное одиночество // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 320–323. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-320-323.*

Одиночество самостоятельно является важной социальной проблемой. Исследователи демонстрируют его рост и распространение среди более молодых поколений [1; 2]. Ученые связывают одиночество с падением качества жизни [3], ростом смертности от всех причин [4] и др. Это делает поиск факторов роста и распространения одиночества важной темой в исследованиях. Среди актуальных факторов приводятся ценностные ориентации [5], общественное давление [6] и условия труда [7]. Последний фактор видится особенно актуальным для исследования, так как он изучен фрагментарно в отечественных работах, и границы его вклада в одиночество отсюда сложно оценить. Целью настоящей работы является попытка выделить вклад условий труда в формирование социального одиночества. Социальное одиночество будет рассмотрено с опорой на работы И. Забаева и др. [8], Л. Почебут и др. [9], под ним будет пониматься отсутствие значимых социальных связей у человека, таких, к которым он мог бы обратиться в случае необходимости.

Проблема соотнесённости труда и одиночества оказывается в фокусе внимания социальных философов и ученых второй половины XX в. Актуальность тематики рождается из трансформации сложных структур, которые возникают между экономикой и социальными связями человека, о которых пишет Г. Маркузе в работе «Одномерный человек». Философ демонстрирует, что общество гиперпотребления толкает людей работать больше, чем им было бы необходимо, откажись они от гиперпотребления. Последствиями выступают изоляция и одиночество людей [10]. О связи между трудом и одиночеством пишет и З. Бауман. Британский социолог полагает, что работа и одиночество связаны через общее для них состояние текучей неопределенности и недоверия, которое оно рождает. От гарантированного и понятного жизненного пути карьерного роста в эпоху модерна общество пришло в текучей современности к фрустрации и тревоге за свою судьбу и жиз-

* Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 121062300141-5.

ненный путь. Состояние неопределенности рождает недоверие к окружающим и, соответсвенно, закрытость от них [11]. Похожие мысли высказывает британский философ Г. Стэндинг, когда пишет о прекаризации труда. Лишение гарантий сотрудников, разрушение профессиональных объединений и союзов, ненормированный труд приводят к разрыву существующих социальных связей у людей и невозможности заводить новые [12]. Среди отечественных работ можно привести исследования о связи труда и отчуждения человека к человеку – близкой для одиночества категории. Среди них можно упомянуть исследования Е. Тарандо [13], В. Ельмеева [14] и др.

Однако исследования, направленные узко на проблему соотношения одиночества и труда, в современной отечественной социологии преимущественно рассматривают отдельные социальные группы, а не явление целиком. Среди таких исследований можно привести работу В. Гневашевой и Ч. Ильдархановой, которые пишут, рассматривая вопрос одиночества женщин, что «прерогатива материального достатка во имя перспектив будущего семейного благополучия в условиях современного рынка труда в ряде случаев приводит к социальному одиночеству» [15, с. 29]. А. Бурдяк и А. Тындик исследуют факторы одиночества для людей с инвалидностью и показывают, что занятость не оказывает какого-либо значимого влияния на одиночество [16]. О положительном эффекте, который оказывает работа на переживаемое одиночество, пишут А. Смирнова в контексте пожилых граждан [17], А. Никитин и др. в отношении безработных [18]. Однако в работах, как правило, не анализируются более детально условия труда и сам характер занятости. Работа, которая рассматривала бы явление целиком для населения и детально в аспекте условий труда, позволила бы закрыть существующую лакуну в данной области, попытка чего и будет предпринята в данной статье.

Базовым предположением теоретической модели является наличие связи между условиями труда и социальным одиночеством. Социальное одиночество измеряется посредством ранговой переменной. К социально одиноким были отнесены те респонденты, которые ответили «нет такого человека» на хотя бы один из вопросов: «Какому количеству людей вы можете позвонить в любое время суток, посоветоваться о важном, поделиться личными, своими проблемами и переживаниями?»; «Какое количество людей может обратиться к вам в любое время суток, посоветоваться о важном, поделиться личными, своими проблемами и переживаниями?». Таких респондентов оказалось 63 чел. Подход к определению социального одиночества происходит из положений работы И. Забаева и др. [8], Л. Почебут и др. [9] Условия труда в рамках исследования понимаются многокомпонентным концептом, состоящим из следующих элементов: уверенность респондентов в наличии у них достаточных профессиональных навыков [19], цифровых навыков [20], удовлетворённость доходом [21], количеством времени, проводимом на работе [22], и работой целиком [23].

Эмпирические данные были собраны методом телефонного опроса в пяти регионах России: Санкт-Петербурге, Свердловской области, Тамбовской области, Республике Алтай, Приморском крае. Выборочная совокупность составила 3000 чел. (по 600 чел. в каждом регионе), репрезентативная по двум переменным: полу и возрасту. Выборочная совокупность собиралась в два этапа: в период апрель – май 2023 г. и в период апрель – август 2024 г. За каждый этап собрано по 1500 анкет. Среднее значение возраста респондентов составило 45,24 года (стандартное отклонение – 15,39 года). Минимальный возраст респондентов составлял 18 лет, максимальный – 80 лет. Доля женщин составила 54,8 %. Доля городского населения составила 78,4 %, доля сельского населения – 21,6 %. Высшее образование имели 46 % респондентов, неоконченное высшее – 7 %, среднее профессиональное – 26,5 %, начальное профессиональное – 9 %, среднее общее – 9,5 %, начальное – около 1 %.

При анализе данных использовалась мера сравнения Манна – Уитни. При помощи данной меры сравнения определялись статистическая значимость различия между двумя подвыборками. В первую подборку попали люди, которые хотя бы на один из вопросов о социальном одиночестве выбрали ответ «Нет такого человека». Во вторую подвыборку попали респонденты, которые на эти вопросы ответили «Более 5 человек» – таких людей определённо нельзя назвать социально одинокими. Переменные, которые были отобраны для анализа, приведены в таблице 1.

В таблице 2 приведены описательные статистики для переменных, используемых в анализе.

В среднем, респонденты довольно высоко оценивают собственные цифровые навыки, профессиональные навыки и удовлетворенность своей работой – средняя оценка выше 4. Ниже респонденты оценивают удовлетворенность соотношением времени, которое они тратят на работу и другие дела, а также размером своего дохода — оценка и там, и там несколько больше 3.

Анализ средних мер позволяет получить следующие результаты (табл. 3):

Как мы видим из результатов, респонденты, которые имеют много друзей, отмечают более высокие значения по всем переменным условий труда. Статистически значимое отличие не наблюдается только в отношении общей оценки респондентами своих профессиональных навыков.

Полученные результаты позволяют подтвердить изначальную гипотезу о существовании значимых

Таблица 1

Используемые переменные в анализе

Переменная	Формулировка вопроса	Варианты ответа
Навыки	Хватает ли Вам знаний и навыков, для того чтобы уверенно чувствовать себя на рабочем месте?	1 – Полностью не хватает, 2 – Скорее не хватает, 3 – Возможно, хватает, возможно, нет, 4 – Скорее хватает, 5 – Полностью хватает
Соотношение времени	Насколько вы удовлетворены соотношением между временем, которое вы тратите на работу, и временем, которое занимают другие стороны вашей жизни	1 – Полностью не удовлетворен, 2 – Скорее не удовлетворен, 3 – В чем-то удовлетворен, в чем-то нет 4 – Скорее удовлетворен, 5 – Полностью удовлетворен
Удовлетворенность работой	Вы удовлетворены своим основным местом работы?	1 – Полностью не удовлетворен, 2 – Скорее не удовлетворен, 3 – В чем-то удовлетворен, в чем-то нет 4 – Скорее удовлетворен, 5 – Полностью удовлетворен
Цифровые навыки	Достаточно ли вам имеющихся цифровых навыков для того, чтобы успешно выполнять рабочие и повседневные задачи?	1 – Полностью не хватает, 2 – Скорее не хватает, 3 – Возможно, хватает, возможно, нет, 4 – Скорее хватает, 5 – Полностью хватает
Доход	Вам хватает доходов для того, чтобы обеспечить свои базовые нужды, не прибегая к кредитам или займам?	1 – Полностью не хватает, 2 – Скорее не хватает, 3 – Возможно, хватает, возможно, нет, 4 – Скорее хватает, 5 – Полностью хватает
Социальное одиночество	I переменная – Какому количеству людей вы можете позвонить в любое время суток, посоветоваться о важном, поделиться личными, своими проблемами и переживаниями?; II переменная – Какое количество людей может обратиться к ВАМ в любое время суток, посоветоваться о важном, поделиться личными, своими проблемами и переживаниями?	1 – Нет такого человека 2 – Один 3 – От 2 до 5 человек 4 – Более 5 человек

различий между одинокими людьми и теми, кто имеет большое число социальных связей, в оценке условий труда. Полученные результаты подтверждают тезисы, указанные в литературном обзоре. В частности, Стэндинг, рассуждая о прекариате, указывает, что эта группа людей, кроме того, что является более одинокой и изолированной, также значительно менее уверена в оценке собственных навыков и имеет более плохие условия труда. Неравенство, которое существует в условиях труда и, шире, в самой работе, формирует иное неравенство в социальных связях человека. Полученные результаты позволяют задать направление для дальнейших исследований, которое может заключаться в оценке социальных эффектов рисков одиночества среди людей на менее престижных и привлекательных работах, а также исследование механизмов, которые лежат в основе обнаруженного эффекта.

Таблица 2

Описательные статистики независимых переменных

	навыки	соотношение времени	удовлетворенность работой	цифровые навыки	доход	социальное одиночество, I п.	социальное одиночество, II п.
Ср.знач.	4,34	3,54	4,06	4,25	3,06	2,93	3,32
Ст.откл.	0,89	1,22	1,06	0,99	1,09	0,74	0,66
Мин.	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Медиана	5,00	3,00	4,00	5,00	3,00	3,00	3,00
Макс.	5,00	5,00	5,00	5,00	5,00	4,00	4,00

Таблица 3

Результаты анализа и средние значения для переменных

Переменные	Статистика Манн-Уитни	*p*-значение	Одинокие, *p*.знач.	Имеющие друзей, ср.знач.
навыки	24592	0,10	4,33	4,51
соотношение времени	22276	0,01	3,39	3,74
удовлетворенность работой	20765	0,00	3,82	4,27
цифровые навыки	22521	0,02	4,12	4,44
доход	22925	0,01	2,78	3,15

Литература:

1. Snell K.D.M. The rise of living alone and loneliness in history // Social History. 2017. Т. 42. № 1. P. 2–28.
2. Twenge J.M. et al. Worldwide increases in adolescent loneliness // Journal of adolescence. 2021. Т. 93. P. 257–269.
3. Ekwall A.K., Sivberg B., Hallberg I.R. Loneliness as a predictor of quality of life among older caregivers // Journal of advanced nursing. 2005. Т. 49. № 1. P. 23–32.
4. Rico-Uribe L.A. et al. Association of loneliness with all-cause mortality: A meta-analysis // PloS one. 2018. Т. 13. № 1. P. e0190033.
5. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 719–730.
6. Jeste D.V., Lee E.E., Cacioppo S. Battling the modern behavioral epidemic of loneliness: suggestions for research and interventions // JAMA psychiatry. 2020. Т. 77. № 6. P. 553–554.
7. Slater P. The Pursuit of Loneliness: American Culture at the Breaking Point. Boston, MA: Beacon, 1976. 208 p.
8. Забаев И., Орешина Д., Пруцкова Е. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 40–66.
9. Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л., Мараруца Л.В., и др. Социальный капитал личности. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2014. 250 с.
10. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «Refl-book», 1994. 368 с.
11. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 238 с.
12. Standing G. The Precariat. London: Bloomsbury Academic. 2011. 248 p.
13. Тарандо Е.Е., Никифорова О.А., Таранова О.А. Распределение как механизм взаимосвязи труда и собственности // Проблемы современной экономики. 2016. № 2 (58). С. 79–82.
14. Ельмеев В.Я. Человек труда вместо человеческого капитала // Перспективы человека в глобализирующемся мире / Под ред. Парцвания В.В. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 319–351.
15. Гневашева В.А., Ильдарханова Ч.И. Считают ли современные российские женщины себя одинокими? // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 29–38.
16. Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Социальное положение инвалидов: проблема одиночества // Народонаселение. 2016. № 2 (72). С. 26–37.
17. Смирнова Т.В. Перспективы занятости пожилых в условиях демографического постарения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 2. С. 123–133.
18. Никитин А.Н. и др. Одиночество и потеря работы: связь и социально-опасное влияние // Московский экономический журнал. 2022. № 2. С. 750–758.
19. Abikenova S.K. et al. The role of professional competencies in developing a culture of safety in the workplace // European Journal of Sustainable Development. 2023. Т. 12. №. 4. С. 237–237.
20. Oberländer M., Beinicke A., Bipp T. Digital competencies: A review of the literature and applications in the workplace // Computers & Education. 2020. Т. 146. P. 103752.
21. Poggi A. Job satisfaction, working conditions and aspirations // Journal of Economic Psychology. 2010. Т. 31. №. 6. С. 936–949.
22. Peters P., Den Dulk L., Van Der Lippe T. The effects of time-spatial flexibility and new working conditions on employees' work–life balance: The Dutch case // Community, Work & Family. 2009. Т. 12. № 3. P. 279–297.
23. Bakotic D., Babic T. Relationship between working conditions and job satisfaction: The case of Croatian shipbuilding company // International journal of business and social science. 2013. Т. 4. № 2.
24. Ward D.E. et al. Can't buy me love (or friendship): Social consequences of financially contingent self-worth // Personality and Social Psychology Bulletin. 2020. Т. 46. № 12. P. 1665–1681.

The Impact of Working Conditions on Social Loneliness

Tkach S.
Saint Petersburg State University

The spread of loneliness is a pressing social problem that causes a decrease in the quality of life, increases the risk of mortality, etc. This makes the research topic of searching for the causes of social loneliness relevant. Among the causes, working conditions are rarely considered in domestic literature, which prompts a more detailed analysis in this area. The purpose of this work was to highlight the contribution of working conditions to the formation of social loneliness. This will fill the existing gap in the field of general patterns of the relationship between working conditions and the development of social loneliness. The practical significance lies in the possibility of relying on the results obtained when developing preventive social programs.

Keywords: social loneliness, working conditions, digital skills, professional skills, income satisfaction, working hours, alienation

УДК 316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-324-329

Ключевые направления современной американской социологии: символический интеракционизм, феноменология и этнометодология

Ткачев А.А.
Кандидат социологических наук,
генеральный директор ООО «АПНИ» (пгт. Северный Белгородская обл.)

Современная американская социология – это сложное, многогранное поле исследования. Актуальность исследования ее ключевых направлений обусловлена тем, что в настоящее время возрастает интерес к социокультурным процессам, которые формируют индивидуальное и групповое поведение человека. Цель статьи – раскрыть сущность ключевых направлений современной американской социологии: символического интеракционизма, феноменологии и этнометодологии. Основные задачи, решаемые в статье, заключались в характеристике таких направлений современной американской социологии, как символический интеракционизм, феноменология и этнометодология, и углублении понимания сложной и разнообразной сущности социальной реальности с помощью указанных теоретических подходов. Научная и практическая значимость состоит в том, что изучение данных направлений с теоретической точки зрения способствует развитию социологии как науки, а с практической – обладает огромным значением для применения полученных знаний в реальной жизни социума.

В статье анализируются суть основных концептуальных идей и методологических подходов каждого из рассматриваемых направлений, а также их историческая эволюция и значение теоретической и практической социологии. В процессе написания статьи сделаны следующие выводы: направление символического интеракционизма, акцентирующее внимание на анализе значения символов и взаимодействий в повседневной жизни, предлагает глубокое понимание того, как индивидуумы создают и интерпретируют социальные реальности. Феноменология, сосредотачиваясь на исследовании субъективного опыта и восприятия, раскрывает то, каким образом человек осмысляет и переживает свой мир, обогащая социологическую теорию новыми перспективами. Этнометодология же, рассматривая познавательные процессы, посредством которых индивиды конструируют смысл и порядок повседневной жизни, позволяет выявить сдерживающие факторы и повседневные механизмы, которые управляют социальным взаимодействием. Таким образом, в современных условиях глобализации и культурных трансформаций, исследуемые подходы приобретают особенную актуальность, поскольку способствуют лучшему пониманию динамики социального взаимодействия, культурных конфликтов и процессов идентификации.

Ключевые слова: *социология, американская социология, современная социология, символический интеракционизм, феноменология, этнометодология, социум, социальные взаимодействия, символы, социальная реальность*

Для цитирования: *Ткачев А.А. Ключевые направления современной американской социологии: символический интеракционизм, феноменология и этнометодология // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 324–329. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-324-329.*

На развитие социологии в её современном понимании повлияли исследования, проводившиеся учёными на протяжении веков, направленные на изучение человеческого общества и роли в нём индивида. Однако формирование социологии как самостоятельной науки с собственным предметом исследования произошло относительно недавно и было обусловлено невозможностью осмысления современного общества, возникшего и развивающегося в Европе, с точки зрения существовавших социально-философских течений, а также сложностью прогнозирования его становления и развития.

Новая индустриальная цивилизация привела к радикальным изменениям в образе жизни общества и взаимоотношениях социальных групп, перераспределению власти и влияния, что усложнило систему социального управления. В результате были пересмотрены традиционные представления об устройстве общества, возникли вопросы о личности человека и принципах общественного строительства и воспроизводства. И хотя в полной мере классические представления, касающиеся природы человека и устройства социума, не были опровергнуты, их оказалось недостаточно для того, чтобы объяснить устройство этого нового общества, с новыми, неизвестными до той поры правилами.

По мнению О. Конта, основоположника новой науки и автора самого термина «социология», введенного ученым в 30-х гг. XIX в., в социологии должна была объединиться и получить строго научное обоснование вся совокупность знаний об обществе. Таким образом, автор считает, что социологическая наука подходит к исследованию процессов, происходящих в обществе как к целостной системе, используя при этом позитивные (научно-инструментальные) методы. В отличие от философских исследований, в ходе которых применяются умозрительные методы исследования, в социологии используется строгий анализ фактов и научное обобщение, а в отличие от психологической науки, целью которой является изучение индивидуальных проявлений, направлена на исследование свойственных всему социуму поведенческих особенностей и способов взаимодействия [1].

Используемые современной социологией подходы и способы решения научных проблем разнообразны и существует множество научных социологических школ и научных направлений [2, с. 38]. Среди них выделяются две основные группы – это макросоциологические и микросоциологические теории. В основу данного исследования лягут микросоциологические направления.

Все вышесказанное определяет высокую актуальность данной темы. В контексте данной статьи будут рассмотрены такие основные микросоциологические теории, как символический интеракционизм, феноменология и этнометодология.

Научная новизна статьи заключается в исследовании ключевых направлений современной американской социологии, таких как символический интеракционизм, феноменология и этнометодология. Эти подходы акцентируют внимание на изучении взаимодействия индивидов с символами, социальными явлениями и конструировании социального мира через повседневные практики.

Рассматриваемые направления социологической науки основываются на интерпретативных парадигмах, которые одинаково истолковывают явления и процессы в современном обществе, акцентируя внимание на исследовании способов деятельности и поведения людей. С точки зрения рассматриваемого подхода развитие общества как системы определяется двумя основными концептами. Во-первых, современное общество может пониматься как совокупность символов, отражающих текущую социальную ситуацию. Во-вторых, оно может рассматриваться как процесс межличностного взаимодействия, основанного на повседневном опыте. Эти подходы в современной социологии берут начало от «понимающей» социологии М. Вебера. Современный социум понимается либо как совокупность символов, включенных в текущую социальную ситуацию, либо как процесс межличностного взаимодействия, базирующегося на повседневном опыте.

Символический интеракционизм, развивавшийся на основе трудов Дж. Герберта Мида, уделяет особое внимание тому, как посредством символов происходит взаимодействие между людьми и как эти символы приобретают значение в социальном контексте. Основой для дальнейших трактовок его теории послужили изданные позднее конспекты его лекций, так как при жизни Дж. Мида было опубликовано немного его работ. Главным источником является его работа «Разум, Я и Общество», изданная в 1934 г. Дж. Мид считал, что разум и самосознание формируются через социальные процессы, делая социальные взаимодействия ключевыми для понимания психики человека.

Дж. Мид, основываясь на позициях социального бихевиоризма, утверждал, что социальное взаимодействие между индивидами является основой всех явлений и процессов в обществе. Согласно его мнению, социальное имеет приоритет над индивидуальным. Для изучения формирования сознания индивида Дж. Мид предлагал двигаться от внешнего к внутреннему, обращая внимание на «символическое окружение». Он подчеркивал важность символов, таких как жесты и языковые символы, в процессе общения между людьми, так как они обладают значением и вызывают ответную реакцию. Именно на этом основании его теория была названа «символический интеракционизм» [3, с. 124].

Основная идея, присущая направлению символического интеракционизма, заключается в том,

что человеческая деятельность может быть объяснена при помощи социальных факторов, которые возникают в ходе социального взаимодействия. Тот смысл, который придается участниками такого взаимодействия совокупности объектов и событий, формируется не в индивидуальном плане, а в коллективном, в ходе обмена некими символами и их интерпретации в рамках конкретной культурно-исторической среды. В данном контексте в число таких символов могут включаться язык, жесты и даже эмоциональные реакции.

Достаточно часто направление символического интеракционизма именуется как «теория действия» либо же «ролевая теория».

Концепция межиндивидуального взаимодействия, разработанная Дж. Мидом, основывается на идее, что восприятие каждым индивидом социальной реальности зависит от его личного опыта, полученного в процессе коммуникации. Этот опыт включает особенности восприятия окружающего мира и представление о себе в этом мире, которые воспринимаются через призму восприятия другими участниками общения и значений символов, используемых в коммуникации [4, с. 22].

По мнению Дж. Мида, поведение человека в социальной группе определяется усвоением установок других людей по отношению к себе, что формирует образ так называемого «обобщенного другого». Поведение индивидов зависит от их личностной структуры, роли в обществе и восприятия установок этого «обобщенного другого». Дж. Мид разработал ролевую теорию личности, в которой сущность самой личности человека выражается через социальные роли, представляющие собой типичные и устойчивые шаблоны социального поведения [5, с. 71]. В структуру социальной деятельности индивида входит совокупность таких ролей, фиксируемых языковыми и другими, используемыми в процессе коммуникации символами.

Теория символического интеракционизма была расширена в исследованиях, результаты которых опубликованы в работах американского социолога и социального психолога Г. Блумера, показавшего, что люди в своей деятельности по большей части ориентируются на значения, придаваемые различным социальным объектам. Эти значения формируются в процессе социального взаимодействия и постоянно меняющаяся социальная реальность является результатом постоянных согласований этих значений между участниками взаимодействия, которые, по сути, являются их авторами [6, с. 14]. Особым вкладом Г. Блумера в социологическую науку стало исследование характерных нюансов коллективного поведения, в особенности в неорганизованных или слабоорганизованных группах, таких как абстрактная толпа или разнообразные социальные движения. Далее, отталкиваясь от того, существуют ли такие общие для значения в поведении обследуемой группы, а также от того, насколько значимой является выявленная исследователем степень их присутствия, им была составлена общая классификация подобных групп с описанием присущих им форм социального взаимодействия.

Феноменология, как одно из направлений современной американской социологической науки, тесно перекликается с направлением символического интеракционизма, рассмотренного выше. С точки зрения сторонников этого направления, социальная реальность воспринимается как результат деятельности человека, а общество отождествляется с его представлениями о собственной сущности. Исследователи этого течения уделяют основное внимание выявлению тех универсальных структур, которые позволяют участникам социальной активности понимать и интерпретировать смысл происходящих социальных явлений и процессов в структуре социального взаимодействия.

В рамках данной статьи было признано важным изучить социальную феноменологию А. Шюца, который акцентировал внимание на понимании действий индивидов в обществе, основываясь на концепции «понимающей социологии». Его основной труд – это «Феноменология социального мира» [7, с. 7].

Подход А. Шюца базируется на теории Э. Гуссерля, который, благодаря своему оригинальному подходу, разработал концепцию феноменологии, стремясь определить основу или сущность реальности в человеческом сознании. Однако А. Шюц применяет феноменологическую философию Э. Гуссерля при изучении социального мира. По мнению А. Шюца, именно межсубъективные отношения придают смысл объективному социальному миру. Он утверждает, что социальное взаимодействие возможно благодаря языку и «запасу знаний», содержащимися в нем.

Каждое социальное взаимодействие требует, чтобы индивиды воспринимали себя как единое целое, и с помощью их опыта эта задача становится актуальной. Основная цель социальной феноменологии заключается в раскрытии «взаимных взаимодействий», происходящих во время человеческого общения, ситуационного структурирования и конструирования реальности. Задача феноменологов заключается в том, чтобы придать смысл отношениям между действием, ситуацией и реальностью в обществе.

Учение о способах познания социальной реальности через анализ обыденного, иначе говоря, повседневного знания и деятельности человека, – это наиболее ценная и специфическая сторона феноменологии А. Шюца [8, с. 201]. С точки зрения данного направления науки, само по себе событие, произошедшее в обыденной реальности, ничего не значит, а смысл имеет только лишь то, какое именно значение придается данному событию участвующими в нем людьми, в результате чего у них выраба-

тываются некие представления, именуемые автором «разделяемыми всеми значениями».

Не вызывает сомнений то, что феноменология А. Шюца оказала влияние как на труды различных социологов (таких как Г. Гарфинкель, П. Бергер, Т. Лукман, И. Гофман и др.) и разрабатываемые ими научные направления, так и на развитие всей социологии XX–XXI вв. Учение о познании социальной реальности через анализ обыденного знания и деятельности является наиболее ценной и специфической стороной феноменологии А. Шюца [9, с. 138].

Разновидностью феноменологии, непосредственно примыкающей к ней, является этнометодология, которую основал и впоследствии разрабатывал известный американский социолог Г. Гарфинкель, опубликовавший в 1967 г. известную работу «Исследования по этнометодологии» [10].

Как самостоятельное направление социологической науки этнометодология, по мнению специалистов, начала формироваться в 70-е гг. XX в. Ключевая идея данного направления заключается в создании методов, которые превращают повседневные человеческие действия в действия, явно разумные и логически объяснимые. Эти методы касаются таких областей знаний, как этнография и социальная антропология [11, с. 90]. Если А. Шюц в своих исследованиях в основном рассматривал эту проблему в абстрактно-теоретическом ключе, то Г. Гарфинкель сосредоточился на применении эмпирических данных, полученных им в ходе проведения уникальных актов социального взаимодействия, смоделированных самим ученым с использованием актов речевой социальной коммуникации. Г. Гарфинкель провел оригинальный эксперимент с участием его студентов, в процессе которого им предлагалось вести себя в своем собственном доме таким образом, как будто бы они не члены семьи, а случайные квартиранты. Последовавшая за таким поведением участников реакция их родителей и прочих родственников поначалу отражала их недоумение, а впоследствии и враждебность, так как родственники не могли понять суть происходящего, не вписывающего в рамки их привычных представлений об обыденности. В итоге, после проведения такого эксперимента, Г. Гарфинкелем был сделан вывод, что весь устоявшийся социальный порядок, привычно воспринимаемый человеком в его каждодневной жизни, очень легко нарушить, так как эта структура настолько хрупка, что может быть уничтожена посредством случайного изменения тех, ставших привычными и обыденными, социальных взаимоотношений, которые сложились и устоялись в жизни человека [2, с. 20]. Ключевые исследования, предпринимаемые в данной отрасли социологической науки, сосредоточены на изучении сформировавшихся в структуре повседневного социального взаимодействия установок его участников, содержащих привычные всем нормы и правила коммуникации, а также устоявшиеся смыслы символического языка социального общения, при помощи которых организуется и регулируется взаимоотношение между членами исследуемого социума, а помимо этого – изучение имеющихся процедур интерпретаций, а также скрытых от обыденного сознания и очень часто неосознанно используемых в межличностном социальном взаимодействии механизмов.

Исследования в сфере современной американской социологии продолжаются и данные научные направления активно разрабатываются нашими современниками. Целесообразно упомянуть некоторых основных представителей каждого из анализируемых направлений, продолжающих работу их основателей.

Символический интеракционизм. В данном направлении работает социолог из Университета Калифорнии Беркли Э. Свидлер. В ее трудах исследуется то, какое влияние на социальное поведение оказывается культурой и символами. На исследованиях в области символического интеракционизма, этнографии и культурной социологии специализируется социолог, представитель Северо-Западного университета, Г.А. Файн. Исследования жизни городских жителей, а также их интерперсональных взаимодействий и символов, обусловленных расой и социальным статусом человека, проводятся профессором Йельского университета Э. Андерсоном.

Феноменология. К числу наших современников, работавших в данном научном направлении, можно по праву отнести Т. Лукмана, труды которого, хоть он и не представлял собой центральную фигуру феноменологии, активно переосмысливаются и используются современными исследователями. Преподаватель Йельского университета, автор книги «Смыслы социальной жизни: культурсоциология», основоположник культурной социологии, зачастую взаимодействующей с феноменологией и изучающей символы и коллективный опыт, Д. Александер. Представитель направления феноменологии, автор философских исследований в области опыта и сознания Ш. Галлахер.

Этнометодология. Преподаватель, почетный профессор Калифорнийского университета Д. Херитидж, проводивший исследования в области разговорного анализа, взаимодействия и этнометодологии. Социолог и почетный профессор Корнеллского университета, предмет исследований которого этнометодология, наука и технологии, М. Линч.

Труд данных исследователей продолжает вносить вклад в формирование и развитие теоретических и методологических аспектов социологической науки, основы которых были заложены представителями соответствующих научных направлений предыдущих поколений.

Таким образом, в данном исследовании были рассмотрены основные направления современной

американской социологии – это символический интеракционизм, феноменология и этнометодология. По результатам проведенного анализа были сделаны следующие выводы.

Объектом изучения символического интеракционизма является социальное поведение. В русле данного подхода изучается личность человека, а также то, как каждый индивид в процессе своих взаимоотношений с окружающим его социумом становится именно тем, кем он и есть на самом деле. Отталкиваясь от основ символического интеракционизма, можно утверждать, что связь индивида с его партнерами по коммуникации осуществляется посредством определенных устоявшихся символов (языковых, невербальных и т.д.), с помощью которых каждый индивид может «осмыслить» создавшуюся ситуацию и объяснить для самого себя смысл происходящего. Сточки зрения данного подхода нет какой-либо единой социальной реальности, так как люди могут придать одним и тем же действиям разный «смысл». К недостаткам данного социологического направления можно отнести то, что в нем не уделяется достаточного внимания вопросам объективного ограничения социальной коммуникации, а к достоинствам – то, что в русле данного социологического направления проводится наиболее углубленный анализ социальных ролей, присущих индивиду, вопросов, связанных с его личностным становлением, особенностей его коммуникативного взаимодействия и т.п. Данное социологическое направление было взято за основу такими разделами науки, как юридическая и медицинская социология и т.п.

В рамках следующего социологического подхода – феноменологии анализируются нюансы интеллектуальных и мыслительных процессов, с помощью которых каждый человек формирует своё понимание мира и осознаёт окружающую действительность. Согласно этому направлению, сами по себе вещи или события не имеют какого-либо значения, важным становится лишь то, что они означают для членов общества, в котором создаются «общепринятые значения».

Последний рассмотренный в статье подход – этнометодология – изучает, каким образом люди вырабатывают эти «общепринятые значения», другими словами, методы, которые они используют в процессе социальной коммуникации, чтобы осмыслить происходящее и передать это понимание другим, тем самым «создавая» свой социальный мир. Недостаток этнометодологии заключается в том, что она пропагандирует «чрезмерную упорядоченность» повседневной жизни, не учитывая наличие конфликтов и недоразумений между членами общества, а также не признаёт экономических, политических и социальных различий между различными группами людей. В дальнейшем методы этнометодологии нашли применение в более традиционных социологических исследованиях, например, в работах Э. Гидденса.

Таким образом, проанализированные направления современной американской социологии, в сущности, исследуют возможности управления человеческими ресурсами. Но время идет, требования общества меняются, и в соответствии с ними социологическая мысль также изменяет свое направление. Вероятнее всего, на дальнейшее развитие социологической науки будут оказывать влияние текущие особенности мировой экономико-политической обстановки, как такового общественного положения самой науки, способов ее финансирования и руководства.

В настоящее время продолжается процесс становления социологической науки, поэтому актуальны как проблемы, связанные с социологической парадигмой, так и вопросы, касающиеся определения предмета социологии.

Литература:

1. Конт О. Курс положительной философии. В 6 т. URL: https://socioline.ru/files/5/44/g.garfinkel_issledovaniya_po_etnometodologii.pdf.
2. Иванова А.С. Этнометодологический проект Г. Гарфинкеля и современная «Этнография науки» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 4. С. 16–25.
3. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издат. группа «Прогресс-Политика», 1992. 606 с.
4. Могилевич Б.Р. Межкультурная коммуникация в контексте социологии культуры // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2009. № 4. С. 21–24.
5. Современная американская социология: [Сб. ст.] / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 293 с.
6. Горбунова М.Ю. Символический интеракционизм как методологическое основание исследования эмоций в социологии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. № 2. С. 10–15.

7. Ненашев М.И. Идеи социальной феноменологии Альфреда Шюца // Вестник ВятГУ. 2010. № 2–1. С. 6–11.
8. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: РОИ Реабилитация, 2009. 400 с.
9. Слобода Н.М. А. Шюц и его роль в формировании феноменологической социологии // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2021. № 1 (18). С. 136–144.
10. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. URL: https://socioline.ru/files/5/44/g.garfinkel_issledovaniya_po_etnometodologii.pdf.
11. Буравой М. Развитие американской социологии: дилеммы институционализации и профессионализации // Рубеж (альманах социальных исследований). 1991. № 1. С. 74–95.

Key Areas of Modern American Sociology: Symbolic Interactionism, Phenomenology and Ethnomethodology

Tkachev A.A.
LLC «Agency for Advanced Scientific Research»

Modern American sociology is a complex, multifaceted field of study. The relevance of the study of its key areas is due to the fact that there is currently an increasing interest in socio-cultural processes that shape individual and group human behavior. The purpose of the article is to reveal the essence of the key areas of modern American sociology: symbolic interactionism, phenomenology and ethnomethodology. The main tasks solved in the article were to characterize the directions of modern American sociology, such as symbolic interactionism, phenomenology and ethnomethodology, and to deepen the understanding of the complex and diverse essence of social reality using these theoretical approaches. The scientific and practical significance of this article lies in the fact that, from a theoretical point of view, the study of these areas contributes to the development of sociology as a science, and from a practical point of view, it has great importance for the application of acquired knowledge in the real life of society.

The article analyzes the essence of the main conceptual ideas and methodological approaches of each of the areas under consideration, as well as their historical evolution and the importance of theoretical and practical sociology. In the process of writing the article, the following conclusions were drawn: the direction of symbolic interactionism, focusing on the analysis of the meaning of symbols and interactions in everyday life, offers a deep understanding of how individuals create and interpret social realities. Phenomenology, focusing on the study of subjective experience and perception, reveals how a person comprehends and experiences his world, enriching sociological theory with new perspectives. Ethnomethodology, on the other hand, considering the cognitive processes through which individuals construct the meaning and order of everyday life, allows us to identify the constraining factors and everyday mechanisms that control social interaction. Thus, in the modern conditions of globalization and cultural transformations, the approaches under study become particularly relevant, since they contribute to a better understanding of the dynamics of social interaction, cultural conflicts and identification processes.

Keywords: sociology, American sociology, modern sociology, symbolic interactionism, phenomenology, ethnomethodology, society, social interactions, symbols, social reality

УДК 342.59
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-330-333

Технология блокчейн и зарубежный опыт ее практического применения в государственном управлении

Апон М.Е.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Цель статьи заключается в исследовании технологии блокчейн, её апробации и применении в государственном управлении за рубежом. Со временем блокчейн может стать одной из самых передовых и востребованных информационных технологий в сфере государственных услуг. В статье рассматриваются плюсы и минусы блокчейн-технологии, а также возможности её использования.

Применение блокчейн-технологии в государственном управлении может ускорить принятие управленческих решений, сократить процедуры подачи и получения необходимой информации, уменьшить количество государственных служащих, снизить бюджетные расходы на реализацию государственных процессов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные проблемы применения технологий цифровизации в системе государственного управления зарубежных стран и предложенные рекомендации могут способствовать более быстрому и успешному внедрению таких технологий в систему российского государственного управления.

Ключевые слова: *блокчейн-технология, цифровизация, электронное правительство, государственное управление, государственная услуга*

Для цитирования: *Апон М.Е. Технология блокчейн и зарубежный опыт ее практического применения в государственном управлении // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 330–333. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-333.*

Все большее количество стран развивает цифровую экономику, вследствие чего информация начинает выступать в качестве ресурса в процессах хозяйственного и общественного характера. Информация в современном мире – это не только товар, отличающийся повышенным спросом, но и инструмент, использующийся в конкурентной борьбе. К тому же информация сегодня становится основным ресурсом интеллектуальной деятельности, что обусловливает ее важную роль в промышленности, производстве, а также в государственном управлении.

Россия, как и большинство государств, стремится к внедрению на практике инновационных технологий: в рамках реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» все большее число государственных услуг активно переводится на цифровую платформу.

Не возникает сомнений, что для эффективного применения технологий цифровизации в данной сфере необходимо учитывать зарубежный опыт, а также проблемы, с которыми сталкивались зарубежные страны в ходе внедрения цифровизации в систему государственного управления. Этим и определяется актуальность темы данной научной статьи.

Сегодня одной из самых популярных технологий цифровизации, которая становится всё более распро-

странённой, является блокчейн. Технология блокчейн позволяет хранить данные посредством распределенного реестра. Она выступает в качестве потенциальной альтернативы всем решениям по электронным правительствам, которые на сегодняшний день существуют в данной отрасли, поскольку эта технология является сверхнадежной и открытой. Основу технологии блокчейн составляет то, что действия, которые предпринимаются в отношении данных, внесенных в систему, являются максимально прозрачными, а информация, которая уже внесена в «блоки» не может подвергнуться изменениям [1, с. 151].

Блокчейн-технология считается хорошо изученной и, по мнению экспертов, имеет огромный потенциал, обеспечивая безопасность, эффективность, скорость для широкого спектра услуг и процессов. Этот метод распределённого хранения и обмена данными был проверен в частном секторе, что позволило определить ключевые особенности и систематизировать ожидания. Успешное решение бизнес-задач с использованием блокчейна в мировой практике побудило государство провести соответствующие эксперименты в области государственного управления [2, с. 97].

По мере того, как технологии цифровизации получают все большее развитие, власти разных стран находят им все больше применения, в том числе и во взаимодействии с населением. Многие государства, которые являются ведущими в области электронного правительства (ЭП), стремятся получить выгоду от переноса ЭП либо его отдельных составляющих на технологию блокчейн [3, с. 41].

Один из наиболее успешных государственных проектов в Европе – это единая государственная электронная система Эстонии. Несмотря на то, что Эстония не входит в число мировых инновационных лидеров, она успешно внедрила технологию блокчейн в здравоохранение, судебную систему, законодательную власть и безопасность. Благодаря созданию именно такой структуры, упростился процесс по встраиванию в нее новых сервисов и приложений, перевести которые на технологию блокчейн можно с наименьшими издержками.

Успех эстонского государственного проекта объясняется созданием уникальной инфраструктуры, в которой единая централизованная система была преобразована в открытую децентрализованную, объединяющую разнообразные сервисы и базы данных. Благодаря этой структуре, упростилась интеграция новых сервисов и приложений, а внедрение технологии блокчейн стало менее затратным.

Эта инфраструктура позволила:

• упростить интеграцию новых сервисов: благодаря децентрализованной структуре, новые сервисы и приложения могут быть легко интегрированы в систему без необходимости значительных изменений в существующей инфраструктуре;

• снизить затраты на внедрение блокчейн-технологий: открытая архитектура позволила минимизировать затраты на перевод существующих сервисов на блокчейн, что ускорило процесс внедрения и снизило общую стоимость проекта;

• повысить гибкость и масштабируемость системы: децентрализованная система обеспечивает гибкость и масштабируемость, что позволяет адаптировать систему под изменяющиеся требования и условия.

Таким образом, создание такой инфраструктуры стало ключевым фактором успеха данного проекта, обеспечив его эффективность и устойчивость в долгосрочной перспективе.

Внедрение всей рассмотренной системы в государственное управление Эстонии привело к следующим основным результатам:

– 94 % граждан получили электронные удостоверения для использования системы;

– благодаря переходу на безбумажную работу государство сэкономило 2 % от ВВП;

– более 4000 услуг стали доступны в электронном формате;

– страна находится на первом месте во всем мире по сбору налогов и Индексу электронной экономики [4, с. 111].

Технология блокчейна уже активно внедряется в государственное управление правительствами многих зарубежных государств. Например, в Швеции, Эстонии и Грузии блокчейн используется для регистрации земельных участков, в ОАЭ – для регистрации бизнеса и торговых операций, в Сингапуре – для регистрации бизнеса и т.д.

Серьезную озабоченность во всем мире вызывает «действительность» избирателей, что является основой демократического избирательного процесса. При помощи системы голосования, основой которой является технология блокчейн, может быть обеспечена такая возможность регистрации избирателей и их идентификации, которая обусловит невозможность в дальнейшем подделать результаты голосования.

Как отмечает генеральный директор Платформы мобильного голосования *Votem* П. Мартин, применение в избирательном процессе технологии блокчейн позволяет создать такую систему, в которой каждый голос может с исключительной достоверностью быть отслежен от самого источника, при этом анонимность выбора, сделанного избирателем, сохраняется. Избиратель при помощи таких систем голосования, являющихся полностью проверяемыми, получает возможность проверить верность записи и подсчета своего голоса [5, с. 22].

В настоящее время блокчейн и иные интернет-технологии применяются более чем в десяти государствах, как в качестве эксперимента, так и на постоянной основе (например, для голосования со-

отечественников, находящихся за границей) в таких государствах, как: Австралия, США, Швейцария, Испания, Армения, Канада, Мексика, Новая Зеландия, Панама, Таиланд, Финляндия, Эстония, Япония, Франция [6, с. 32].

Технология блокчейн также имеет потенциал для того, чтобы оптимизировать процесс подачи налоговых деклараций, который зачастую сопровождается фактором человеческих ошибок. Использование рассматриваемой технологии является гарантией хранения достоверных сведений в бухгалтерской публичной книге. Как считает мировой лидер в сфере технологий и Международный налоговый партнер Е.Ч. Флинн, блокчейн представляет собой открытость, которая обусловливает доверие налогоплательщиков благодаря снижению затрат и высокой эффективности. Для налоговых органов основными преимуществами использования технологии блокчейн является рост ликвидности, увеличение скорости поступления налоговых платежей в бюджет, уменьшение затрат на аудиторов [5, с. 23].

Главным преимуществом блокчейна является фактор децентрализации, который практически полностью устраняет риск возникновения единой точки отказа. Формирование бухгалтерской распределенной книги уменьшает возможность для кибератак, которые являются очень рискованными для таких баз данных, которые используют централизованные записи.

Таким образом, первый опыт использования блокчейн-технологии зарубежными правительствами показывает, что эта технология может быть интегрирована практически в любой сегмент государственных услуг, где требуется документальное оформление или подтверждение действий граждан.

Одним из элементов правовой поддержки внедрения технологии блокчейн в деятельность государственных органов является система нормативно-правового регулирования. Однако на сегодняшний день нормативно-правовое регулирование в зарубежных странах развито недостаточно и применение блокчейн-технологии, как и в целом цифровых технологий в системе государственного управления, затронуто в законодательстве данных стран лишь поверхностно.

Для урегулирования юридической значимости записей, подтверждённых с помощью блокчейн-технологии, и легализации блокчейн-реестров необходимо выполнить следующие шаги:

1. Разработать и принять законодательные акты, регулирующие использование блокчейн-технологий и их применение в различных сферах деятельности.

2. Определить порядок регистрации и учёта данных в блокчейн-реестрах, включая требования к содержанию информации и процедуре её внесения.

3. Установить правила контроля и мониторинга операций в блокчейн-системах, а также механизмы проверки достоверности и полноты информации.

4. Определить ответственность субъектов за нарушение законодательства в области использования блокчейн-технологий, включая случаи включения неполной или недостоверной информации в распределённый реестр.

5. Разработать механизмы защиты персональных данных и медицинской тайны при использовании блокчейн-технологий для хранения и обработки информации.

6. Обеспечить соответствие действующих правовых норм возможностям и условиям внедрения блокчейн-технологии в государственные органы и другие организации.

7. Организовать обучение и повышение квалификации специалистов, работающих с блокчейн-технологиями, для обеспечения соблюдения законодательства и эффективной работы с новыми технологиями.

Нельзя не отметить, что до сих пор открыт вопрос о заинтересованности непосредственно государственных органов в применении блокчейн-технологии. Кроме того, предприниматели, занимающиеся государственными закупками, также не проявляют однозначного интереса в использовании данной технологии из-за полной прозрачности цепочек поставок, обеспечиваемой блокчейном.

Во многих странах, осознающих запросы, которые предъявляет современный мир, проводятся соответствующие исследования и осуществляется решение данных проблем при помощи активного реформирования системы государственного управления. В наиболее передовых странах технология блокчейн (распределенный реестр) внедряется в деятельность государственных органов все глубже и шире [7, с. 147].

Рассмотрев особенности зарубежного опыта применения технологии блокчейн в государственном управлении, можно сделать следующие **выводы**:

1. Одним из наиболее успешных государственных проектов в Европе является единая государственная электронная система Эстонии. Успех её реализации был достигнут благодаря созданию особой инфраструктуры, где единая центральная система была заменена открытой децентрализованной системой, объединяющей различные сервисы и базы данных.

Эта структура значительно упростила интеграцию новых сервисов и приложений, а также сделала их перевод на технологию блокчейн менее затратным. Кроме того, в разных странах технология блокчейн успешно применяется в сфере медицины, страхования, государственных закупок и поставок, электронного документооборота.

2. Основные проблемы использования технологии блокчейн в системе государственного управления включают:

• несовершенство законодательной базы: отсутствие четких правовых норм и стандартов для регулирования блокчейн-технологий;

• статичность и неповоротливость механизма государственной службы: традиционные государственные структуры часто медленно адаптируются к внедрению новых технологий;

• дефицит кадров: недостаток специалистов, квалифицированных в области блокчейн-технологий, что затрудняет эффективное внедрение и управление системами;

• непонимание сущности и специфики технологии лицами, принимающими решения: отсутствие глубокого понимания технологии среди лиц, ответственных за принятие решений, что может приводить к неправильному использованию и недооценке её потенциала;

• организационные трудности: проблемы в оказании услуг участникам системы электронного документооборота, включая технические и административные сложности.

Эти проблемы требуют комплексного подхода и значительных усилий для их преодоления, чтобы успешно интегрировать блокчейн в систему государственного управления.

Литература:

1. Шаститко А.Е. Организационные рамки предоставления публичных услуг // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 150–153.
2. Талапина Э.В. Применение блокчейна в государственном управлении: перспективы правового регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 96–113.
3. Словикова М.С. Современные подходы к определению и реализации государственных услуг // Фундаментальные исследования. 2016. № 12. С. 40–43.
4. Шарифьянова З.Ф., Загер А.Е., Фазетдинова Э.В. Применение технологии блокчейн в государственном-финансовом контроле // Вектор экономики. 2019. № 12 (42). С. 111–119.
5. Кузнецов В.А., Якубов А.В. О подходах в международном регулировании криптовалют (Bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях // Деньги и кредит. 2016. № 3. С. 20–29.
6. Алексеев Р.А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее, будущее // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 4. С. 25–38.
7. Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сб. / Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М.: Волтерс Клувер, 2017. 652 с.
8. Апон М.Е., Апон Т.А. Проблемы и перспективы применения информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных служащих // Государственное и муниципальное управление социально-экономическим развитием страны: монография. СПб.: АНО ВО «Национальный открытый институт», 2021. С. 179–182.

Blockchain Technology and Foreign Experience of its Practical Application in Public Administration

Apon M.E.
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

The purpose of this article is to study blockchain technology, its approbation and application in public administration abroad. Over time, blockchain may become one of the most advanced and in-demand information technologies in the field of public services. The article discusses the pros and cons of blockchain technology, as well as the possibilities of its use.

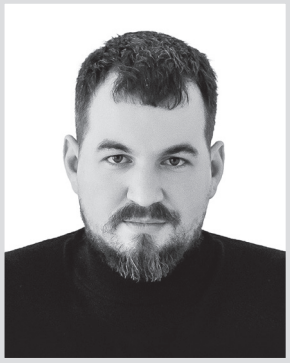
The use of blockchain technology in public administration can: speed up management decision-making; reduce the procedures for submitting and receiving necessary information; reduce the number of civil servants; reduce budget expenditures for the implementation of government processes.

The practical significance of the study lies in the fact that the identified problems of using digitalization technologies in the public administration system of foreign countries and the proposed recommendations can contribute to a faster and more successful introduction of such technologies into the Russian public administration system.

Key words: blockchain technology, digitalization, e-government, public administration, public service

УДК 338.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-334-341

Исследование путей развития и трансформации спа и санаторно-курортного лечения и отдыха: региональные особенности*

Бурлов Д.И.
Старший преподаватель кафедры управления в сфере туризма и гостиничного бизнеса Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

Яковлев А.Р.
Преподаватель кафедры управления в сфере туризма и гостиничного бизнеса Северо-Западного института управления – Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Черноморец А.Б.
Кандидат технических наук, доцент кафедры управления в сфере туризма и гостиничного бизнеса Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Каменских Э.А.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления в сфере туризма и гостиничного бизнеса Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Статья рассматривает историческое развитие и современное состояние санаторно-курортного лечения и отдыха, начиная с зарождения данной системы в России и заканчивая анализом различных международных подходов в Европе, Азии и Америке. Особое внимание уделяется адаптации санаторно-курортных комплексов к современным тенденциям и потребностям, включая инновации в здравоохранении, устойчивое развитие, а также интеграцию традиционной и альтернативной медицины. Авторы исследуют социально-экономические преимущества санаторно-курортного туризма для регионов, таких как создание рабочих мест и продвижение местной культуры, а также перспективы дальнейшего развития отрасли.

* Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы СЗИУ РАНХиГС № 124020200078-2 от 02.02.2024

На основе сравнительного анализа международного опыта подчеркивается значимость индивидуальных программ лечения, экологических практик и адаптации к рыночной конкуренции, что становится необходимым в условиях глобализации и роста популярности альтернативных видов туризма. Статья акцентирует внимание на ключевых направлениях совершенствования санаторно-курортных комплексов в России, таких как необходимость модернизации инфраструктуры, привлечение инвестиций и развитие стратегии медицинского туризма.

Ключевые слова: *санаторно-курортное лечение, оздоровительный туризм, медицинский туризм, устойчивое развитие, традиционная и альтернативная медицина, региональное развитие, международный опыт, социально-экономические преимущества, модернизация инфраструктуры, индивидуальные программы лечения*

Для цитирования: *Бурлов Д.И., Яковлев А.Р., Черноморец А.Б., Каменских Э.А. Исследование путей развития и трансформации спа и санаторно-курортного лечения и отдыха: региональные особенности // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 334–341. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-334-341.*

В обществе важное место занимает формирование устойчивого производственного потенциала страны, в результате чего возникает необходимость поддержания эффективности основного фактора производства – трудоспособного населения.

Исследователи А.Е. Архипов, Э.Н. Климова, Н.А. Лучина и др. отмечают, что за годы существования СССР в нашей стране сложилась не имевшая аналогов в мировой практике система санаторно-курортного лечения и оздоровления, являющаяся частью общей структуры эффективной реабилитации населения с соблюдением принципов преемственности: поликлиника – больница – санаторий [1]. При этом понятия «спа» отдельно от медицины в СССР не существовало (как это было принято за рубежом), тогда как бани были широко распространены, предоставляя клиентам широкий спектр услуг, сравнимый с зарубежными спа.

Историческое развитие санаторно-курортного лечения и отдыха в России можно проследить с XVIII в., когда при Петр I разведали для лечебных целей Брагунские и Липецкие минеральные источники [2]. Со временем понятие санаторно-курортных комплексов эволюционировало и стало включать в себя не только медицинскую реабилитацию и лечение, но и различные оздоровительно-развлекательные мероприятия.

В Советском Союзе была создана система санаторно-курортного отдыха и лечения, в которой особое внимание уделялось доступности и качеству услуг. Эта система продолжает развиваться и адаптироваться к современным потребностям и тенденциям, интегрируя элементы как отечественного, так и зарубежного опыта [3].

После социально-политических изменений в России с 1991 г. государство значительно сократило свои социальные обязательства и приостановило развитие санаторно-курортного комплекса страны. В таблице 1 приведены данные по состоянию санаторно-курортного комплекса России до пандемии. За период с 1990-х гг. до 2018 г. количество санаторно-курортных организаций в стране сократилось в 4 раза. При этом количество мест в санаториях за период 2005–2018 гг. уменьшилось на 4 тыс., однако среднегодовая численность пациентов увеличилась почти на 800 тыс., что достигалось за счет сокращения продолжительности пребывания пациента в санатории и снижения общей длительности лечения.

Развитие здравоохранения, как одной из экспортоориентированных отраслей, включено в перечень национальных целей развития страны на шестилетний период в соответствии с поручением Президента Российской Федерации в майском Указе от 7 мая 2018 г. № 204 и с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г.

Санаторно-курортное лечение и отдых играют важнейшую роль в укреплении здоровья и благополучия населения. Исследования показали, что этот вид лечения обеспечивает ряд социально-экономических преимуществ как для отдельных лиц, так и для регионов, где расположены эти комплексы [4].

Президент Национальной курортной ассоциации, академик А.Н. Разумов предлагает трехмерную концепцию эффективной системы здравоохранения

Таблица 1

Санаторно-курортный комплекс России до пандемии

	90-е гг. XX в.	2005 г.	2018 г.
Количество санаториев и курортов	7431	2173	1802
Количество мест в санаторно-курортных учреждениях	н/д	432 000	429 000
Количество посетителей, год	32 000 000	6 348 000	7 134 000

Источник: данные Национальной курортной ассоциации – www.rusnka.ru.

нации, которая может быть реализована преимущественно на платформе курортной, адаптивной и регенеративной медицины и включающая следующие аспекты:

– здоровье для здоровых – профилактика негативных последствий стресса с помощью современных антистрессовых, восстановительных и адаптационных программ как способ решения медицинских, спортивных, военных, социальных и экономических проблем;

– здоровье выздоравливающих – использование современных антистрессовых, восстановительных и адаптационных программ для ускорения выздоровления и возвращения к полноценному здоровью;

– здоровье пациентов – оказание доступной высокотехнологичной медицинской помощи, применение современных антистрессовых и адаптационных программ лечения заболеваний с последующей реабилитацией [5].

Зарубежные авторы [6] подчеркивают, что предложение продуктов санаторно-курортного и оздоровительного туризма в каждом регионе мира формировалось в первую очередь под влиянием социальных, национально-культурных традиций и особенностей, которые в свою очередь базируются на исторических традициях и географических особенностях конкретного региона. Европейские страны в целом имеют схожие взгляды на оздоровительный туризм, хотя можно выявить некоторые региональные различия.

Европейский подход к санаторно-курортному лечению и отдыху развивался с течением времени и в настоящее время ориентирован на инновационные концепции в спа- и оздоровительном туризме [7]. Этот сдвиг характеризуется интеграцией современных технологий и методов наряду с традиционными методами лечения, чтобы обеспечить посетителям всесторонний и целостный опыт. Одним из аспектов этого нового подхода является внедрение устойчивых практик и экологически чистого жилья, которые становятся все более популярными в последние годы [8]. Более того, европейская индустрия оздоровительного туризма подчеркивает важность индивидуальных и персонализированных планов лечения, позволяющих удовлетворить уникальные потребности каждого гостя [9].

В Германии развитие санаторно-курортного лечения и отдыха стало ведущим направлением медицинского туризма и здравоохранения [4]. В стране еще с XIX в. начала развиваться практика санаторного лечения для туберкулезных больных, при этом удалось выявить и реализовать основные социально-экономические тенденции и подходы к формированию и развитию курортно-рекреационного комплекса [10]. В XX в. популярность «отдыха на водах» немецких спа-курортов можно объяснить следующими факторами:

– особое внимание качеству медицинских услуг и учреждений;

– возможность привлечения как отечественных, так и иностранных туристов для лечения и курортного отдыха;

– интеграция альтернативных и традиционных медицинских практик для целостного подхода к оздоровлению[1].

Напротив, азиатские страны уже давно отдают приоритет традиционной медицине и целостному подходу к здоровью в своих санаторно-курортных учреждениях лечения и отдыха [9]. Эта точка зрения основана на убеждении, что физическое, психическое и духовное благополучие взаимосвязаны и должны решаться одновременно для достижения оптимального здоровья [4]. В результате азиатские оздоровительные центры часто используют древние методы лечения, такие как иглоукалывание, фитотерапия и йога, наряду с современными методами, чтобы обеспечить комплексное и сбалансированное лечение [11]. Кроме того, эти учреждения, как правило, уделяют большое внимание природной среде, включая местные ландшафты и ресурсы в свои предложения по лечению [9].

Таиланд стал новым направлением для оздоровительного туризма и альтернативной медицины, привлекая туристов со всего мира, ищущих оздоровления и релаксации. На подход страны к развитию санаторно-курортного лечения и отдыха повлияли мировые тенденции и растущий спрос на альтернативные варианты здравоохранения. По данным Всемирной туристской организации ООН, Россия занимает пятое место среди стран по привлекательности медицинских и санаторно-курортных услуг, что, вероятно, повлияло на стратегию Таиланда по развитию собственной санаторно-курортной отрасли [12]. Некоторые из факторов, способствующих успеху Таиланда в этой области, включают:

– ориентацию на предоставление широкого спектра альтернативных и традиционных медицинских услуг;

– наличие доступных медицинских услуг и санаторно-курортного отдыха;

– акцент на создании расслабляющей и омолаживающей среды для туристов, стремящихся к оздоровлению и исцелению.

Американский подход к санаторно-курортному лечению и отдыху характеризуется ориентацией на природный и приключенческий туризм. Примером этого является популярность активного отдыха, такого как походы, катание на горных велосипедах и водные виды спорта, которые часто интегрируются в оздоровительные и развлекательные программы [11]. Кроме того, американские оздоровительные центры часто предлагают уникальные и иннова-

[1] https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/tourismus/hotels/spa-in-deutschland-2088638

ционные процедуры, такие как флотационная терапия и криотерапия, чтобы предоставить гостям передовые методы лечения, дополняющие отдых на свежем воздухе. Помимо этих уникальных предложений, американские санаторно-курортные учреждения, как правило, отдают приоритет устойчивому развитию и сохранению окружающей среды, продвигая среди посетителей экотуризм и ответственную практику путешествий [12].

Во всем мире одна из ключевых тенденций последних лет – это здоровый образ жизни, который стал результатом смены социального фона и некоторых общих социальных тенденций [13]. Все больше и больше людей получают возможность вести тот образ жизни, который им нравится, вне зависимости от собственного экономического или социального положения. Так, например, склонность к более позднему браку и рождению детей, увеличение продолжительности обучения или «*life-long education*». Также люди стали понимать, что сами несут ответственность за собственное здоровье, поэтому получили широкое распространение здоровое питание, фитнес и другие полезные привычки.

Упражнения и питание также являются частью концепции «здорового старения», принятой Всемирной организацией здравоохранения. Пожилые люди хотят прожить более долгую и наполненную жизнь, а так как существует связь между ростом продолжительности жизни и тенденцией к улучшению здоровья, то здесь наблюдается большой интерес к здоровому питанию, методам релаксации и концентрации, а также пищевым нутриентам, таким как витамины, суперфуды и т.д.

Анализ [14; 15] позволил выявить основные тенденции, свойственные потребителям услуг спа – предприятий разного типа:

1. Программы, направленные на отдых и восстановление, такие как «Здоровый сон в спа», «Усталый менеджер» и т.п. Подобные программы в сочетании со сном предлагают пациентам правильное питание, физические упражнения и практики управления стрессом. Отели и курорты традиционно уделяют большое внимание организации качественного сна гостей, среди профессионалов отрасли утвердилась концепция «мы продаем сон». Но в спа-программе создается более качественная, практически идеальная, среда для сна с минимизацией света, звука, ароматерапией и ультра-расслабляющими спа процедурами. Еще один тренд – это детокс в спа-центре, программы которого обычно включают релаксацию, полностью органические диеты, методики для повышения потоотделения, физические упражнения, паровые ванны и сауны и пр.

2. Следующим направлением являются спа-ретриты. В течение многих лет спа-курорты предлагали «специальные недели» йоги, ментального здоровья, повышения осознанности или отказа от зависимостей, таких как, например, табакокурение. Сейчас курорты и спа начинают заниматься ретритным бизнесом, добавляя специальные программы или специальные условия, которые вновь привлекут старых и заинтересуют новых клиентов.

3. Медицинский туризм стал трендом последних лет. Жители западных стран путешествуют по всему миру, часто в красивые, культурно богатые азиатские страны, такие как Китай, Южная Африка и Индия, где лечение более доступно, чем в своей стране. В последние десятилетия широкое распространение получил также медицинский туризм в Россию из стран бывшего СССР и Скандинавии, т.к. уровень медицинского обслуживания был достаточно высоким, а цены значительно ниже, чем в Европе. Однако внешнеполитические события последних лет существенно изменили ландшафт медицинского туризма в России.

В России понятия санатория (курорта) и спа существенно отличаются от европейских. Российский санаторий, по сути, является европейским вариантом лечебного спа, но с гораздо более усиленной лечебной составляющей. В то же время в Европе не принято понимание спа-услуг как исключительно косметической направленности. Европейские курорты предлагают частично медицинские услуги.

Международная классификация *Global Wellness Institute* включает следующие виды велнес-индустрии [16]: спа-салон; спа-отель; медицинский спа; спа-дестинация; минеральное спа (mineral – *SPA*) и некоторые другие.

В таблице 2 представлено сравнение характеристик объектов санаторно-курортной отрасли по международной и российской классификациям. Так как в международной практике отсутствует понятие «санаторий», то за основу взяли термин «*SPA*» (далее – спа). Сравнение проводили по таким характеристикам, как оказываемые услуги спа-предприятия, персонал, расположение, посетители, наличие медицинской лицензии.

Анализ источников [5–7; 11; 17 и др.] показал, что международная классификация объектов санаторно-курортного хозяйства в настоящее время малопримениима в России и требует дальнейшего осмысления.

– объекты санаторно-курортного комплекса, в том числе санатории и пансионаты, в 2020 г. в соответствии с изменениями в законодательстве стали учитываться в индустрии гостеприимства как вид гостиницы. При этом они подчиняются требованиям Минздрава и выполняют все его указания;

– санаторно-курортное направление, как правило, не выделяется в отдельный вид санаторно-курортного лечения и представляет собой либо санаторий, либо курортную гостиницу. Также относится к санаторно-курортному комплексу;

– городские, салонные санатории и санатории при гостиницах, не имеющих медицинской лицен-

Таблица 2

Сравнение объектов оздоровительного туризма в международной и российской классификации (составлено авторами)

Тип санаторно-курортного объекта по Международной классификации / российской классификации	Услуги СПА предприятия	Персонал СПА-предприятия	Расположение / Посетители СПА-предприятия	Наличие медицинской лицензии
Salon SPA / СПА салон	Массаж, обертывания, аюрведа, восточные лечебные комплексы, ароматические ванны, косметология и др.	Косметологи , массажисты, др.	Город / Местные жители и туристы	Обычно не имеет
Hotel SPA / СПА отеля	Массаж, обертывания, аюрведа, восточные лечебные комплексы, ароматические ванны, косметология и др.	Косметологи, массажисты, др.	Гостиница / Гостиница Гости	Обычно не имеет
Medical SPA / Санаторий, пансионат	Комплексные программы здоровья и лечения	Медицинский персонал – врачи, медсестры, массажисты и т.д.	Санаторий / пациенты санатория	Как правило, требуется
Destination SPA / Курорт, город-курорт, курортный регион	Комплексные лечебно-оздоровительные программы, лечебные процедуры, массаж, обертывания, аюрведа, восточные лечебные комплексы, косметология и др.	Широкий спектр персонала разного уровня, как медицинского, так и немедицинского	Wellness – туристы, местные жители	Зависит от типа назначения, как правило, одни объекты имеют, другие нет.
Mineral SPA / Курорт	Программы и процедуры оздоровления с применением минеральной воды, лечебных грязей и других лечебных факторов	Широкий спектр персонала разного уровня, как медицинского, так и немедицинского	Wellness – туристы, местные жители	Как правило, имеет

зии, – это, по сути, те санаторно-курортные учреждения, которые в мировой практике отнесены к санаторно-курортным. Однако без медицинской лицензии они могут предлагать только эстетические процедуры;

– бюджетные «спа-отели», которые на самом деле не предоставляют никаких спа-услуг;

– бани и сауны, которые могут входить в состав санаторно-курортного комплекса или существовать отдельно, обеспечивая массаж и другие общеоздоровительные процедуры, не требуют медицинской лицензии;

– лечебные курорты высокого уровня, как в отелях, так и отдельно стоящие, изначально спроектированные и открытые в соответствии с международными стандартами.

Следует добавить, что «в странах Европы и США санатории возникли и длительное время существовали только как места для лечения и профилактики туберкулезных заболеваний, что наложило отпечаток на их места расположения и функциональные структуры, между тем как в России санаторно-курортная сеть формировалась на основе учреждений для отдыха и реабилитации, и во второй половине XX в. происходила дальнейшая модернизация существующих и строительство новых санаторных комплексов, отражающих социальные, экономические и другие изменения, происходящие в стране» [10]. Таким образом, к основным преимуществам российской системы санаторно-курортного лечения и отдыха можно отнести:

1) улучшение физического и психического состояния пациентов;

2) доступ к специализированному медицинскому лечению и реабилитационным услугам;

3) возможности для отдыха и досуга;

4) экономическое и социальное развитие региона [17].

Несмотря на многочисленные преимущества санаторно-курортного лечения и отдыха, в нашей стране существует ряд современных проблем и тенденций, влияющих на отрасль. Одним из важных вопросов является необходимость увеличения инвестиций в современную инфраструктуру и оборудование для удовлетворения растущего спроса на высококачественные услуги. Кроме того, существует необходимость дальнейших исследований и инноваций, чтобы санаторно-курортные комплексы оставались в авангарде медицинских достижений и передовых практик [18]. Еще одной проблемой является усиление конкуренции со стороны других форм туризма и оздоровительных услуг, что требует от санаторно-курортной отрасли адаптации и диверсификации своих предложений.

К современным тенденциям и перспективам развития курортного бизнеса можно отнести:

– интеграцию практик традиционной и альтернативной медицины;

– сосредоточенность на индивидуальных программах лечения и оздоровительных услугах;

– акцент на экологической устойчивости и ответственном туризме;

– сотрудничество с государственным и частным секторами для улучшения доступа и ценовой доступности [3; 4].

Как уже отмечалось выше, развитие санаторно-курортного лечения и отдыха в России можно проследить еще с советской эпохи, когда существовало богатое наследие санаториев, служащих как оздоровительными, так и развлекательными учреждениями. С годами концепция санаториев развивалась, адаптируясь к современным потребностям и включая новые разработки в области здравоохранения и оздоровления [3]. Российский рынок санаторно-курортных услуг в значительной степени оправился от последствий пандемии, хотя пока не продемонстрировал сильной динамики роста [18].

Статистика посещения российских санаториев и курортов, по данным Ассоциации туроператоров России, такова: целевая аудитория санаториев – гости 40–65 лет, от 50 до 80 % клиентов составляют женщины. Туристов от 18 до 30 лет – около 12 %. Длительность пребывания в здравницах год от года сокращается: теперь гости проводят в них около недели [19].

В то же время статистика, приводимая экспертами российской спа-индустрии несколько иная: в России 65 % посетителей спа – женщины в возрасте от 25 до 34 лет. Мужчины чаще всего посещают спа в возрасте 35-44 лет. Среди женщин старше 35 лет спа посещают только 23 %. Исследование также показало, что почти 63 % клиентов посещают спа раз в месяц, 25 % – раз в неделю, а 12 % – чаще, чем раз в неделю. Более половины опрошенных (62 %) хотят расслабиться и отдохнуть в спа, а 34 % – побаловать себя. Мужчины чаще всего преследуют другую цель – улучшить свое физическое состояние. С точки зрения удовлетворенностью услугами 66 % женщин являются полностью удовлетворены, в то время как среди мужчины только 50 % удовлетворены предоставляемыми услугами. И 13 % клиентов являются в целом разочарованными услугами. При этом 38 % респондентов считают, что за рубежом качество спа-услуг выше, хотя 15 % считают, что, наоборот, в России услуги лучше [20].

Если рассмотреть, по аналогии с зарубежными странами, санаторно-курортный комплекс страны как спа-индустрию, представляющую собой совокупность лечебных учреждений санаторного типа и все виды спа, то можно выделить ее следующие сильные и слабые стороны (табл. 3).

Из анализа результатов таблицы 3 видно, что объединение сегментов санаторно-куроротных и спа услуг имеют в нашей стране несомненный потенциал роста, несмотря на такие слабые стороны и угрозы, как устаревшая материально-техническая база или отсутствие четких стандартов для спа-индустрии.

В заключение отметим, что санаторно-курортное лечение и отдых, включая спа-индустрию, имеет богатую историческую основу и развивалось во времени. Важность и польза этого вида лечения и отдыха неоспоримы, но перед отраслью стоят современные задачи. Изучив различные регионы и страны, мы можем увидеть разные подходы к санаторно-курортному лечению и отдыху. В Европе действуют инновационные концепции спа- и оздоровительного туризма, в Азии – традиционный подход к медицине и целостный подход к здоровью, а Америка уделяет особое внимание природе и приключенческому

Таблица 3

Анализ сильных и слабых сторон СПА и санаторно-курортной отрасли в России

Ключевые сильные стороны / возможности	Ключевые недостатки / угрозы
Богатые традиции поддержания здоровья	Низкий процент населения с достаточной покупательной способностью
Сильная медицинская наука	Высокие цены на СПА-услуги
Богатство природных лечебных ресурсов	Практически 100 % импорт оборудования и косметической продукции
Тенденция здорового образа жизни в обществе	Отсутствие четких стандартов и регламентов для СПА-индустрии
Богатство медицинских специалистов с отличной базовой квалификацией	Отсутствие единой классификации и требований к предприятиям СПА-индустрии
Низкий уровень конкуренции	Отсутствие информации для профессионалов и населения
Огромные инвестиционные ресурсы от частного бизнеса	Отсутствие системных образовательных программ для специалистов
Большой потенциал для внедрения высокотехнологичных медицинских технологий в оздоровительную сферу	Отсутствие управляющих компаний для СПА-индустрии
Легкая адаптация международных СПА-методик на российский рынок	Отсутствие устойчивых навыков сервисного обслуживания у российского персонала
Тысячи устаревших санаторно-курортных учреждений ждут редевелопмента	Завышенные ожидания клиентов

туризму. В целом отрасль продолжает развиваться, и важно учиться на опыте различных регионов и стран, чтобы обеспечить ее дальнейший успех.

Литература:

1. Рынок потребительских товаров и услуг: современное состояние, проблемы, тренды / А.Е. Архипов, Э.Н. Климова, Н.А. Лучина [и др.]; под ред. А.Е. Архипова, Э.Н. Климовой, Н.А. Лучиной. М.: Русайнс, 2017. 160 с.
2. Гайдук С.В., Головина С.М. Развитие и проблемы санаторно-курортного комплекса в РФ. Место ведомственных санаторно-курортных учреждений в данном сегменте здравоохранения // Актуальные вопросы современной медицины: сб. науч. трудов по итогам III Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 10 марта 2016 г. Вып. III. Екатеринбург: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 79–83.
3. Десятниченко Д.Ю., Десятниченко О.Ю., Шматко А.Д. О проекте стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации (анализ проблемной ситуации и целеполагания) // Управленческое консультирование. 2017. № 12 (108). С. 120–129.
4. Кривенко Н.В., Цветков А.И., Кича Д.И. Медицинский туризм как фактор эффективного использования потенциала регионального здравоохранения // Народонаселение. 2022. № 4. С. 136–150.
5. Разумов А.Н. Курорты России: стратегия на здоровье! // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2021. Т. 98. № 3–2. С. 21–29.
6. Smith M., Ferrari S., Puczkó L. Service Innovations and Experience Creation in Spas, Wellness and Medical Tourism // Handbook of managing and marketing tourism experiences. Bingley (UK): Emerald, 2016. P. 299–318.
7. Тимиргалеева Р.Р., Ланковская Е.К. Аналитический обзор зарубежного и отечественного опыта развития курортно-рекреационного комплекса // Евразийский союз ученых. 2014. № 8-1. С. 157–160.
8. Burlov D.I., Shamakhov V.A. Innovative directions for the development of digital technologies in the tourism industry // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Vol. 11/2. № 140. P. 176–182. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.11.02.022
9. Shikhmagomedov Ju.M., Kartashova D.V. Analysis of the competitive environment and resort business on the market of health tourism of the republic of Dagestan. URL: https://ssrn.com/abstract=3107523.
10. Калугин А.Н., Разин А.Д. Факторы, повлиявшие на формирование сети санаторных учреждений в различных странах // Вестник Евразийской науки. 2018. № 1. URL: https://esj.today/PDF/34SAVN118.pdf.
11. Чудновский А.Д., Агасиев М.Г. Управление санаторно-курортным комплексом: отечественный и зарубежный опыт // Инновации и инвестиции. 2023. № 6. С. 366–369.
12. Полянская Е.Е. Влияние потребностей туристов различных возрастных групп на развитие отдельных видов туризма // Международный и российский туризм в условиях новых вызовов: Сб. статей / Под науч. ред. д.э.н., проф. М.Ю. Шерешевой. М.: Экономический факультет МГУ, 2020. С. 83–94.
13. Положихина М.А. Перспективы развития в России лечебно-оздоровительного туризма // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 4 (56). С.184–203.
14. Синдяшкина Е.Н. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в контексте десятилетия здорового старения ООН // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 1. С. 40–49.
15. Иванов В.Д., Бардина М.Ю. Рынок оздоровительного туризма в России // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2023. № 2. С. 100–104.
16. Глобальная экономика здорового образа жизни: взгляд за пределы COVID. URL: https://globalwellnessinstitute.org/wp-content/uploads/2021/11/GWI-WE-Monitor-2021_final-digital.pdf.
17. Никитин М.В., Чичерин Л.П., Мелехин О.Ю., Щепин В.О. Государственная политика развития курортного дела в России: правовые и организационные аспекты реализации, в том числе в экстремальной ситуации // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2021. № 98(5). С. 66–73.
18. Фесюн А.Д. Современное состояние и перспективы развития санаторно-курортного комплекса российской федерации // Вестник восстановительной медицины. 2023. № 1. С. 8–15.
19. Мужчины и работа по воскресеньям: какое будущее ждет российские санатории? //Официальный сайт АТОР. URL: https://www.atorus.ru/node/49618
20. Тенденции рынка спа. URL: https://spamanagement.su/practice/experts/291-tendentsiya-rynka-spa

Research of Development of Spa and Sanatorium Treatment and Recreation: Regional Features

Burlov D.I.
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (St. Petersburg)

Iakovlev A.R., Chernomorets A.B., Kamenskikh E.A.
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

The article examines the historical development and current state of health resort treatment and recreation, from the inception of this system in Russia to the analysis of various international approaches in Europe, Asia, and America. Special attention is paid to the adaptation of health resort complexes to modern trends and needs, including healthcare innovations, sustainable development, and the integration of traditional and alternative medicine. The authors explore the socio-economic benefits of health resort tourism for regions, such as job creation and promotion of local culture, as well as prospects for further industry development.

Based on a comparative analysis of international experience, the article emphasizes the importance of individual treatment programs, environmental practices, and adaptation to market competition, which becomes necessary in the context of globalization and growing popularity of alternative types of tourism. The article focuses on key areas for improving health resort complexes in Russia, such as the need for infrastructure modernization, attracting investments, and developing medical tourism strategy.

Keywords: health resort treatment, wellness tourism, medical tourism, sustainable development, traditional and alternative medicine, regional development, international experience, socio-economic benefits, infrastructure modernization, individual treatment programs

УДК 338.012
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-342-345

Социально-экономические эффекты цифровой трансформации экономических систем

Горбач Л.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры инновационного предпринимательства,
права и финансового менеджмента Казанского национального
исследовательского технологического университета

Широкое освоение и активное вовлечение цифровых технологий в различные социально-экономические процессы отечественной экономики вызывает множество дискуссий в научной среде по поводу достигаемых выгод и возможных угроз. Кроме того, весьма неоднозначными представляются и результаты цифровизации в сопоставлении с общими показателями экономического развития. Значительное влияние цифровая трансформация оказывает на социальные процессы, обуславливая совокупность качественных изменений, которые могут быть рассмотрены как возможности, так и угрозы для общества. В этой связи исследование социально-экономических последствий трансформационных процессов обретает особую актуальность и научно-практическую значимость, поскольку понимание различных аспектов цифровизации необходимо в процессе разработки эффективной государственной политики.

Цель исследования состоит в обнаружении ключевых последствий реализации цифровой трансформации экономической системы России в первую очередь с позиции выявления позитивных результатов цифровизации. В работе проводится систематизация основных социальных и экономических эффектов, приводятся статистические данные, подтверждающие полученные выводы, производится их сопоставление, на основании которых можно констатировать целесообразность дальнейшего развития цифровых технологий в отечественной экономике.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, социально-экономические эффекты, ключевые вызовы*

Для цитирования: *Горбач Л.А. Социально-экономические эффекты цифровой трансформации экономических систем // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 342–345. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-342-345.*

Цифровизация, которая на протяжении последнего десятилетия остается мейнстримом развития различных секторов экономики и определяет уровень конкурентоспособности страны в международном сопоставлении, с каждым годом наращивает темпы развития, устанавливая все новые ориентиры для целенаправленного движения технологического развития государств.

Трансформационные процессы независимо от сферы их приложения несут в себе множество различных эффектов, позитивно и негативно влияющих на жизнедеятельность общества. По-другому их можно назвать ключевыми вызовами цифровизации, которые могут иметь воздействие на экономические, социальные и политические процессы. Довольно много научных трудов на сегодняшний день посвящено отрицательным последствиям внедрения цифровых технологий, поэтому в данной статье мы сосредоточим внимание на совокупности позитивных эффектов, достигаемых благодаря

трансформационным процессам в действующих социально-экономических условиях.

Первичные позитивные сдвиги можно было наблюдать в сфере науки и образования, поскольку тогда еще только информационные технологии без элементов цифровизации давали возможность обеспечить интенсификацию познавательных процессов благодаря расширению доступа к различного рода информации, обеспечению возможностей выстраивания коммуникаций, в том числе и на международном уровне, что способствовало диффузии знаний между научными сообществами и повышению доступности образования для населения. На этот аспект особенное внимание обращает в своих трудах М.Г. Лазар [1], подчеркивая значимость интернета в современных реалиях. В свою очередь цифровые технологии, например широкое применение искусственного интеллекта или компьютерное моделирование, позволяют совершенствовать методы теоретического воспроизведения действительности в рамках конкретной науки, создают технические условия для интеграции знаний во всех его областях, что способствует выходу процессов познания на принципиально новый уровень, расширению и углублению информационных процессов.

Помимо сферы образования, в рамках совокупности социальных эффектов цифровизация способствовала повышению качества жизни населения за счет расширения доступа к государственным услугам, доля которых, по данным Министерства цифрового развития РФ, к началу 2024 г. достигла 90 %. При этом число пользователей платформы «Госуслуги» превысило 90 млн чел., что может свидетельствовать о высокой степени вовлеченности граждан в цифровое взаимодействие с государством [2].

Значимый социальный эффект также проявляется в возможности дистанционного получения медицинской помощи, консультаций от узких специалистов для жителей дальних регионов, где с учетом малой численности населения количество медицинских сотрудников невелико и привлекать на постоянной основе широкий круг узких специалистов высокой квалификации не представляется возможным. Также в рамках государственного сектора в качестве одного из социально значимых инновационных решений следует обозначить перевод части медицинских учреждений на цифровые платформы при ведении индивидуальных медицинских карт пациентов, что повышает надежность хранения медицинской информации, дает возможность синхронизации, ее оперативного использования разными специалистами, то есть упрощает процесс доступа к необходимым данным.

Развитие цифровых процессов формирует глобально значимую проблему кибербезопасности, одновременно выводя на новый уровень обеспечение физической безопасности населения, поскольку эффективность работы правоохранительных органов повышается благодаря возможности мониторинга состояния дорожного движения, порядка на улицах, выявления потенциально опасных лиц через социальные сети, получения различного рода оперативной информации и т.д. Как показывает официальная статистика МВД, последние несколько лет сохраняется устойчивая тенденция снижения преступности. В частности, по итогам 2023 г. количество зарегистрированных на территории РФ преступлений сократилось на 1 % по сравнению с 2022 г., при этом 6,1 % всех преступлений выявляется органами внутренних дел на стадии подготовки, следовательно, часть уголовно наказуемых деяний удается таким образом предотвратить [3].

Определенные социальные эффекты следует наблюдать в развитии цифровых компетенций и цифровой грамотности населения, что повышает степень вовлеченности различных слоев в современные процессы, расширяет возможности выстраивания эффективных коммуникаций, сглаживает негативные последствия структурной безработицы, обеспечивая альтернативными источниками дохода, и т.д. Базовый уровень цифровых навыков и грамотности сегодня демонстрирует 63 % населения России, причем наблюдается снижение данного числа (на 6 п.п. по сравнению с 2022 г.) в пользу лиц, освоивших цифровые навыки на продвинутом уровне (33 % населения). Причем, согласно данным Аналитического центра НАФИ, в первую очередь растут навыки информационной и коммуникативной грамотности (то есть умение пользоваться информацией и выстраивать работу с различными видами данных, а также онлайн-сервисов и электронных устройств для общения) [4].

Надо отметить, что если социальные эффекты в большинстве своем имеют и обратную сторону в виде негативных последствий, изменяющих культурные ценности общества, формирующих проблемы межличностного взаимодействия, усиливающих социальное напряжение и т.д., то экономические последствия цифровизации по большей части имеют исключительно позитивные результаты.

Главная задача, которую должна обеспечить цифровизация отечественных предприятий, – выступить в качестве драйвера экономического роста благодаря широкому применению технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, технологии интернета вещей, *Dig Data* и других, которые должны способствовать росту производительности труда и позитивно влиять на динамику ВВП. Данная тенденция вполне себя оправдывала до 2020 г., когда темпы роста инвестиций в цифровизацию и результативность цифровой отрасли примерно совпадали с динамикой экономического роста. Однако в последние несколько лет эта закономерность не соблюдается. Так, мы видим четкую корреляцию производительности труда и ВВП, ког-

да изменения варьируются от резкого сокращения к повышению и обратно при неизменно стабильном росте показателей цифровой отрасли (например, в 2020 и 2022 гг. наблюдается снижение показателей). Однако у такой закономерности есть объективное обоснование, не имеющее связи с темпами цифровизации, как результат социально-экономических и политических кардинальных изменений, с которыми столкнулась наша страна в последние несколько лет, начиная с локдауна 2020 г., заканчивая серьезными экономическими санкциями и резким падением курса национальной валюты, а также сокращением добычи нефти в России в 2022 г. и др.

Внедрение цифровых технологий может серьезно повысить эффективность управленческих процессов на предприятиях благодаря внедрению различных автоматизированных систем, позволяющих аккумулировать необходимую информацию, своевременно предоставлять требующиеся данные, то есть переведя часть рутинных работ в автоматизированный режим, сокращая число ошибок и высвобождая время на решение более значимых задач.

Цифровой подход способствует эффективному продвижению товаров на рынке и повышению конкурентоспособности предприятий. Сегодня традиционные маркетинговые стратегии активно сменяются инструментами цифрового маркетинга, что становится неотъемлемым атрибутом успешности реализации продукции и значительно усиливает конкурентную борьбу. Формируется стратегия клиентоориентированности, широко распространяется возможность кастомизации продукции, что значительно повышает удовлетворенность потребителей. При этом расширяются рынки сбыта благодаря возможности продвижения и реализации продукции в другие регионы и даже страны, следовательно, любая компания может смело заявить о себе на глобальном рынке и реализовать свой потенциал, что открывает возможности для огромного числа инновационных решений.

Для систематизации полученных результатов проведем группировку совокупности отмеченных позитивных эффектов, которые могут быть получены в социально-экономических процессах при активном развитии цифровых технологий (табл. 1).

Посмотрим на отдельные показатели цифровизации отечественной экономики как индикаторы получаемых эффектов. Заметные результаты цифровизации демонстрирует промышленный сектор, где, согласно статистическим данным, более 70 % крупных российских предприятий в рамках технологий Индустрии 4.0 широко используют цифровые решения для повышения эффективности производства, в частности Интернет вещей (*IoT*), технологии искусственного интеллекта и автоматизированные системы управления. Наибольших результатов внедрения робототехники в производственные процессы достигли автоконцерны КАМАЗ и АвтоВАЗ, оптимизировав процесс сборки и сократив операционное время. Следовательно, внедрение цифровых технологий позитивно сказывается на совокупных издержках производственных предприятий и повышает результаты их деятельности [5].

Необходимо отметить, что в межстрановом сопоставлении по ряду интегрированных показателей Россия в последние годы имеет довольно внушительные результаты. В частности, высокие значения показателей цифровизации и полная трансформация организационных процессов наблюдается в секторе государственного управления России. Так, по итогам подсчета международного рейтинга «*GovTech Maturity Index*» (*GTMI*), представленного Всемирным банком, в 2022 г. Россия попала в десятку лидеров среди 198 стран мира. По-другому данный индекс называют индексом зрелости, и в основе расчета принимается совокупность показателей по четырем приоритетным направлениям, таким как развитие основных государственных систем, качество предоставления государственных услуг, уровень вовлеченности населения в цифровую среду и оценка институционального обеспечения процесса цифровизации [6].

По результатам исследования «Мониторинг глобальных трендов цифровизации в 2022 году», проведенного «Ростелекомом» в 2021–2022 гг., Россия вошла в число 20 стран по ряду показателей цифрового развития, в частности, заняв 14-е место по уровню технологического развития, уступив явным лидерам, таким как Китай, Япония и США; вошла в десятку стран по научной и изобретательской активности в области искусственного интеллекта,

Таблица 1

Социальные и экономические эффекты цифровизации

Экономические эффекты	Социальные эффекты
– рост производительности труда; повышение эффективности административно-управленческих процессов; – оптимизация производственных процессов и снижение издержек; – рост конкурентоспособности продукции и предприятий; – расширение рынков сбыта; – повышение степени удовлетворенности покупателей благодаря клиентоориентированности и кастомизации продукции; – обеспечение экономического роста	– повышение доступности государственных услуг; – возможность получения альтернативных способов заработка благодаря освоению цифровых компетенций; – рост качества жизни населения за счет повышения доступности услуг образования и здравоохранения; – повышение эффективности научно-исследовательской деятельности за счет возможностей выстраивания коммуникаций между научными сообществами разных стран; – повышение эффективности работы правоохранительных органов, снижение преступности

робототехники и квантовых технологий. При этом в сфере цифровизации топливно-энергетического комплекса Россия вошла в тройку лидеров по числу научных публикаций и зарегистрированных патентов [7].

Следует также обратить внимание на превышение фактически достигнутых значений индикаторов цифровой экономики относительно плановых. Это касается и указанного ранее уровня цифровой зрелости, который составил 65,8 % против плановых 56,2 %, доли массовых социально значимых услуг в электронном виде – 99,97 %, в то время как плановый показатель должен был достигнуть 65 %, распространения широкополосного доступа домохозяйств к интернету (86,1 % против запланированных 80 %) и т.д. [8]. При этом отдельно следует отметить инвестиционную активность отечественных предприятий в генерирование и внедрение *IT*-решений. Так, совокупно в развитие данного направления было вложено 521,9 млрд руб. (прирост составил 157,4 % относительно предыдущего периода и 1,5 п.п. относительно планового значения) [8].

Это лишь часть индикаторов, с помощью которых можно оценить масштаб цифровизации отечественной экономики. Однако представленные тенденции вполне позволяют судить о позитивных сдвигах в реализации задачи цифровой трансформации России, а выявленные позитивные социально-экономические эффекты обусловливают целесообразность дальнейшего освоения и развития цифровых технологий отечественной экономикой.

Литература:

1. Лазар М.Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4(34). С. 170–181.
2. Учетную запись на «Госуслугах» подтвердили 90 миллионов россиян. URL: https://ria.ru/20211206/gosuslugi-1762362624.html (дата обращения: 20.11.2024).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 г. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 20.11.2024).
4. Индекс цифровой грамотности 2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций. URL: https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvinutm-urovnem-tsifrovoy-gramotnosti/ (дата обращения: 12.11.2024).
5. Цифровизация в России: новые векторы развития в 2024 г. URL: https://www.sostav.ru/blogs/277074/50927 (дата обращения: 20.11.2024).
6. GovTech: Putting People First. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi (дата обращения: 12.11.2024).
7. Россия вошла в двадцатку стран по вкладу в развитие цифровых технологий. URL: https://ria.ru/20230118/reyting-1845771122.html (дата обращения: 11.11.2024).
8. Чернышенко заявил о перевыполнении планов по программе «Цифровая экономика». URL: https://ria.ru/20230119/chernyshenko-1845934339.html (дата обращения: 12.11.2024).

Socio-Economic Effects of Digital Transformation of Economic Systems

Gorbach L.A.
Kazan National Research Technological University

The widespread development and active involvement of digital technologies in various socio-economic processes of the domestic economy causes a lot of discussions in the scientific community about the benefits and possible threats. In addition, the results of digitalization are very ambiguous in comparison with the general indicators of economic development. Digital transformation has a significant impact on social processes, causing a set of qualitative changes that can be considered both opportunities and threats to society. In this regard, the study of the socio-economic consequences of transformational processes is becoming particularly relevant and of scientific and practical importance, since an understanding of various aspects of digitalization is necessary in the process of developing effective public policy.

The purpose of the study is to identify the key consequences of the implementation of the digital transformation of the Russian economic system, primarily from the perspective of identifying the positive results of digitalization. The paper systematizes the main social and economic effects, provides statistical data confirming the conclusions reached, and compares them, based on which it is possible to state the expediency of further development of digital technologies in the domestic economy.

Keywords: digital transformation, socio-economic effects, key challenges

УДК 34.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-346-350

Прерывание беременности: пути совершенствования отечественного законодательства

Гурылева М.Э.
Доктор медицинских наук, профессор
кафедры биоэтики, медицинского права и истории медицины
Казанского государственного медицинского университета МЗ РФ

Карданова Л.Д.
Кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой
виртуально-симуляционных и информационных технологий
в медицине ФГБОУ Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик)

В современной российской государственной демографической политике актуализировалась проблема правового регулирования репродуктивного выбора женщины. Цель и задачи данного научного исследования – рассмотреть эффективность норм законов и подзаконных актов, регулирующих профилактику прерывания беременности в РФ как на федеральном, так и региональном уровне (на примере Республики Татарстан и Кабардино-Балкарской Республики). Практическую значимость исследования представляет анализ механизма реализации данных норм, выявление пробелов законодательства в сфере охраны репродуктивного здоровья женщины. В результате научного осмысления профилактических мероприятий, их правового регулирования органами исполнительной власти сделан вывод о необходимости принятия законодательной нормы в Федеральный закон «О рекламе» об информировании пациенток о возможностях прерывания беременности исключительно в медицинской организации, исключив информирование через официальные информационно-коммуникационные ресурсы медицинской организации.

Ключевые слова: *аборт, репродуктивный выбор, правовые проблемы, правовое регулирование, этические проблемы, экономическое состояние*

Для цитирования: *Гурылева М.Э., Карданова Л.Д. Прерывание беременности: пути совершенствования отечественного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 346–350. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-346-350.*

Среди глобальных проблем человечества все большую значимость приобретает демографическая проблема: экономически развитые страны не первое десятилетие показывают отрицательную динамику роста населения. У этого явления есть много причин: численность населения репродуктивного возраста, уровень доходов, социокультурные и демографические установки молодежи, меры государственной поддержки, ситуативные факторы.

Россия в настоящее время также проходит этап «демографической ямы», по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в 2023 г. был достигнут многолетний минимум [1]. Несмотря на все усилия государства по поддержке

материнства, отцовства и детства, и без того малочисленная группа женщин, достигших фертильного возраста, стремится отложить свое материнство, создать материальный фундамент, профессионально вырасти, как следствие, средний возраст женщины в нашей стране при рождении первого ребенка составляет 26,8 лет. Если посмотреть на динамику за последние 20 лет (в 2002 г. максимальное число рожениц было в возрасте 20–24 года и 25–29 лет, в 2022 г. – 25–29 лет и старше [2]), то не за горами достижение среднеевропейского уровня 29,7 лет.

Национальный проект «Демография», действующий в рамках Государственной программы «Развитие здравоохранения», воспринимается как один из ключевых в рамках майских указов 2018 г. Президента РФ, где в целом формируется концепция преодоления демографического кризиса в РФ [3]. К сожалению, промежуточные итоги его реализации, подведенные в 2024 г., не показали ожидаемых результатов. Поэтому 7 мая 2024 г. был принят Указ Президента № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который ставит целью «*сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержку семьи» путем повышения суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 (к 2030 г.) и до 1,8 (к 2036 г.), в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей…*» [4].

Многообразие ценностных установок в современной России способствует тому, чтобы государство в соответствии со своими стратегическими интересами формулировало ключевые смыслы. Последние десятилетия широкое распространение приобрела «идеология добровольной бездетности» («идеология чайлдфри»). Действуя в указанном направлении, в ноябре 2024 г. в Кодекс об административных правонарушениях РФ в ст. 6.21 внесены изменения, которые предполагают административную ответственность за пропаганду отказа от деторождения, выражающуюся в распространении информации и/или совершении публичных действий, направленных на формирование представлений о привлекательности отказа от деторождения (размер штрафа составит для граждан 100–200 тыс. руб., для должностных лиц – 200–400 тыс. руб., для должностных лиц – 1–4 млн руб.) [5].

Среди прочего в ключе обсуждения проблем депопуляции обращает на себя внимание удручающая статистика абортов (репродуктивных потерь). Сегодня в нашей стране разрешено искусственное прерывание беременности по желанию женщины на сроке до 12-й недели гестации, по социальным показаниям – до 22-й недели и по медицинским – бессрочно. В ст. 56 «Искусственное прерывание беременности» Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлено, что искусственное прерывание беременности проводится «*не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности: а) при сроке беременности четвертая – седьмая недели; б) при сроке беременности одиннадцатая – двенадцатая недели, но не позднее окончания двенадцатой недели беременности; не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности при сроке беременности восьмая – десятая недели беременности*» [6].

Наиболее часто женщину побуждают прервать беременность следующие причины: конкуренция жизненных планов («не вовремя», «сначала карьера», «хочу пожить для себя»), жизненная неустроенность, неудовлетворительное финансовое положение и жилищные условия, отсутствие поддержки близких и родных, проблемы во взаимоотношениях с партнером, неуверенность в отце будущего ребенка или нестабильность в семейных отношениях, реже – проблемы собственного здоровья или опасения относительно здоровья будущего ребенка. Таким образом, именно психологические и аксиологические факторы заставляют женщину делать выбор не в пользу рождения потомства. Следовательно, профессиональное, направленное, должным образом организованное психологическое консультирование может стать базисом в принятии ею положительного репродуктивного выбора. Для этого важны различные формы работы: круглосуточно доступный телефон доверия, различные платформы в социальных сетях, пропагандирующие позитивное отношение к родительству, реклама «моды на семью» и ценности родительских чувств и отношений, «моды на детей», организация поддержки врачами-психотерапевтами женщин в период беременности и многое др.

15 октября 2015 г. МЗ РФ в Письме № 15-4/10/2-6120 «Клинические рекомендации (протокол лечения) «Медикаментозное прерывание беременности» сформулировало рекомендацию для медицинских организаций: врачу-гинекологу предлагается при первичном обращении женщины для искусственного прерывания беременности по ее желанию (!) направлять беременную в кабинет медико-социальной помощи для консультирования с психологом (специалистом по социальной работе) [7; 8].

С июля 2017 г. психологическое консультирование женщин, планирующих искусственное прерывание беременности, стало обязательным на основании Письма Министерства здравоохранения РФ от 17 июля 2017 г. № 15-4/10/2-4792 «О направлении методического письма «Психологическое консультирование женщин, планирующих искусственное прерывание беременности» [9]. В этом документе разъясняется, что психологическая консультация

«*производится в начале "недели тишины"*», чтобы обеспечить женщине достаточный срок для рефлексии и принятия осознанного мотивированного решения без постороннего влияния. Перед психологом ставится конкретная задача разбора всех особенностей жизненной ситуации беременной, разъяснения вариантов возможной помощи, возможна семейная консультация, беседа с отцом ребенка. Гинеколог обязывается выдержать временной промежуток «*(неделю "тишины"), так как это позволяет эмоциям успокоиться, за это время можно через Центр помощи уже получить определенную поддержку*». И усилия в этом направлении принесли результаты. Федеральная служба государственной статистики приводит следующие цифры: если в РФ в 2015 г. на 100 родов приходилось 44 аборта, то в 2018 г. – 19, а в 2022 г. – 14,7 [10] (втрое меньше), что показало, что воздействовать на процесс можно и нужно.

В 2023 г. Департамент медицинской помощи детям, службы родовспоможения и общественного здоровья Минздрава России разработал для использования в работе врачей женских консультаций речевые модули, подготовленные во исполнение поручений Совета при Правительстве Российской Федерации по вопросам попечительства в социальной сфере от 17.03.2023 г. № 1, п. 6.5 Перечня поручений Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голиковой от 28.03.2023 г. № ТГ-П45-4330, п. 6.3 Плана мероприятий (дорожной карты) по обеспечению народосбережения и поддержке семей с детьми на 2023–2025 гг. и п. 8 перечня поручений Президента Российской Федерации от 24.04.2023 № Пр-826 по итогам совещания о мерах по повышению рождаемости в Российской Федерации. Речевые модули призваны помочь врачам, психологам, социальным работникам, юристам правильно построить разговор, сделать нужные акценты при консультировании женщины, обратившейся в медицинскую организацию с желанием прервать беременность [11].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в ведении РФ находится установление единых правовых основ системы здравоохранения (ст. 71 п. е), а в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ находится координация вопросов здравоохранения, в т.ч. обеспечение доступной и качественной медицинской помощи, формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью (ст. 72 п. ж) [12].

С 2013 г. еще одной государственной мерой, которая должна способствовать снижению репродуктивных потерь, является запрет на рекламу искусственного прерывания беременности в любых СМИ, за исключением специализированных медицинских изданий (Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» ст. 7 п. 9). Рекламировать искусственное прерывание беременности можно только на территории медицинских организаций и лишь на официальном сайте медицинской организации, проводящей такие операции [13]. Но, по данным Фонда «Общественное мнение», только около трети молодых респондентов (а молодежь является главным репродуктивным потенциалом) используют как основной источник информации телевидение и почти 60 % – интернет; основными источниками информации для молодёжи в настоящее время являются социальные сети, видеоплатформы, подкасты и интерактивные приложения, т.е. информацию о прерывании беременности на сайте медицинских организаций очень просто найти в интернете – она является легкодоступной. Поэтому, с нашей точки зрения, для реализации вышеуказанного законодательного запрета необходимо дополнительно сформулировать норму о доступности информации о прерывании беременности исключительно в стенах специализированной медицинской организации после проведения всех консультационных мероприятий.

Безусловно, культура народностей, населяющих Российскую Федерацию, неоднородна и социокультурные особенности населения играют существенное значение в репродуктивных установках женщины. Мы взяли два региона – Республику Татарстан (РТ) и Кабардино-Балкарскую Республику (КБР) для сравнения. Это территории с разной степенью урбанизации (на 1.01.2023 г. доля сельского населения в РТ составляла 23,3 % населения республики, в КБР – 48,1 %), но схожим консервативным взглядом на семейные ценности. Если в РТ число прерываний беременности по желанию женщины – 25 на 100 родов, то в КБР – 7,6, что в 3,3 раза меньше [10]. Несмотря на цифровую разницу, проблема существует на обеих территориях, и ее необходимо решать.

Республика Татарстан последовательно реализует профилактические меры по прерыванию беременности по желанию женщины. На основании Приказа Министерства здравоохранения Республики Татарстан от 11 декабря 2023 г. № 2972 «Об оказании медицинской помощи женщинам в состоянии репродуктивного выбора в Республике Татарстан» совершенствуется система профилактики: создан Республиканский центр кризисной беременности с филиалами в райцентрах [14], который расширит работу открытых ранее (2007 г.) кабинетов медико-социальной помощи для консультирования по вопросам социальной защиты; всех беременных направляют в кабинет психологической помощи для проведения консультирования и мотивационного анкетирования, где женщины имеют возможность обсудить проблемы с психологом, социальным работником, юристом, другими специалистами. В их работе используются алгоритмизированные рекомендации МЗ РФ.

В Кабардино-Балкарии также Министерством здравоохранения реализуются профилактические

меры, сформулированные в Приказе МЗ КБР от 28 апреля 2023 г. № 154-П «О мероприятиях по профилактике абортов в Кабардино-Балкарской Республике» [15]. На основании данного приказа в структуре женских консультаций для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, открыты кабинеты психологической, правовой и медико-социальной помощи, в которых работают квалицированные кадры, владеющие умениями в данной области, они обеспечены необходимыми возможностями.

Решения, принимаемые как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта федерации, должны быть эффективными. Существующие законодательные меры профилактики прерывания беременности необходимо поступательно совершенствовать, используя комплексную работу всей системы здравоохранения, в первую очередь внести изменения в Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»: сформулировать отдельную статью (ст. 24.1 «Реклама отдельных видов медицинских услуг») о запрете рекламы методов прерывания беременности в информационно-коммуникационной сети Интернет, в том числе и на официальном сайте медицинской организации. Также необходимо использовать профилактический ресурс межведомственного взаимодействия как на федеральном, так и на региональном уровне: Министерству просвещения РФ совместно с Министерством здравоохранения РФ разработать комплексную программу школьного модуля «Охрана репродуктивного здоровья человека», Министерству здравоохранения РФ подготовить соответствующее Методическое письмо для медицинских работников субъектов РФ, участвующих в реализации данной программы.

Таким образом, в условиях депопуляции и «демографической ямы», в которых сейчас находится наша страна, принятие мер по снижению репродуктивных потерь является важной государственной задачей.

Литература:

1. Какие факторы поддерживают рождаемость, а какие замедляют. URL: https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e?ysclid=m3ptryyxi3564544509.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС Гарант.
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС Гарант.
6. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп. с 01.09.2024) // СПС Гарант.
7. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 15 октября 2015 г. № 15-4/10/2-6120 О клинических рекомендациях (протокол лечения) «Медикаментозное прерывание беременности» // СПС Гарант.
8. Письмо Министерства Российской Федерации от 17.07.2017 г. № 15-4/10/2-4792 О направлении методического письма «Психологическое консультирование женщин, планирующих искусственное прерывание беременности» // СПС Гарант.
9. Здравоохранение в России. 2023: Стат.сб. / Росстат. М., 2023. 179 с.
10. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 29 июня 2023 г. № 15-4/2503 О направлении речевых модулей для создания у женщин, находящихся в ситуации репродуктивного выбора, положительных установок на рождение детей для внедрения в работу врачей женских консультаций // СПС Гарант.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Гарант.
12. Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС Консультант.
13. Приказ Министерства здравоохранения Республики Татарстан от 11 декабря 2023 г. № 2972 «Об оказании медицинской помощи женщинам в состоянии репродуктивного выбора в Республике Татарстан» // СПС Гарант.
14. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 17 июля 2017 г. № 15-4/10/2-4792 О направлении методического письма «Психологическое консультирование женщин, планирующих искусственное прерывание беременности» // СПС Гарант.
15. Приказ Министерства здравоохранение Кабардино-Балкарской Республики от 28 апреля 2023 г. № 154-П «О мероприятиях по профилактике абортов в Кабардино-Балкарской Республике» (с изм. на 14.09.2023 г.) (в ред. Приказов Минздрава Кабардино-Балкарской Республики от 27.06.2023 г. № 206-П, от 14.09.2023 г. № 286-П). URL: https://docs.cntd.ru/document/406705365?ysclid=m3ycdx3j1n108255996

Termination of Pregnancy: Ways to Improve Domestic Legislation

Guryleva M.E.
Kazan State Medical University
Kardanova L.D.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The problem of legal regulation of a woman's reproductive choice has become relevant in modern Russian state demographic policy. The purpose and objectives of this scientific research is to study the effectiveness of laws and regulations governing abortion prevention in the Russian Federation at both the federal and regional levels (using the example of the Republic of Tatarstan and the Kabardino–Balkarian Republic). The practical significance of the study lies in the analysis of the mechanism of implementation of these standards, identifying legislative gaps in the field of women's reproductive health. As a result of scientific understanding of preventive measures and their legal regulation by the executive authorities, it was concluded that it is necessary to adopt a legislative norm in the Federal Law "On Advertising" on informing patients about the possibility of termination of pregnancy exclusively in a medical organization, excluding information through official

Keywords: abortion, reproductive choice, legal problems, legal regulation, ethical problems, economic condition

УДК 343.9.018.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-351-354

Демографические изменения как факторы, обуславливающие рост террористической и насильственной преступности

Иванов А.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета

Изменение численности населения государства является одной из причин, обусловливающих количественное и качественное изменение преступности. Возникает необходимость в научном исследовании взаимозависимости данных явлений. Цель и задачи исследования заключаются в изучении демографических причин, оказавших влияние на рост террористической и насильственной преступности молодежи. Научная значимость работы заключается в том, что в ней исследуются демографические последствия перехода человечества от «традиционного» к индустриальному и постиндустриальному обществу, взаимосвязь между «демографическим взрывом» в Российской Империи начала прошлого века и революциями 1917 г., влияние европейского «бэби-бума» на уровень преступности молодежи 60-х – 80-х гг. XX в. Результатом исследования является следующее: «демографический взрыв» может оказать негативное влияние на уровень преступности, если социально-экономическое устройство государства не основано на справедливых началах и не предоставляет молодому поколению возможности для самореализации.

Ключевые слова: *демографические изменения, демографический «взрыв», коэффициент рождаемости, террористическая преступность, молодежные преступные организации*

Для цитирования: *Иванов А.В. Демографические изменения, как факторы, обуславливающие рост террористической и насильственной преступности // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 351–354. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-351-354.*

Преступность, как социальное явление, обусловливается целым комплексом разного рода причин, в том числе причинами социально-демографического характера. К последним относятся численность населения, плотность его проживания, национальный состав, миграция и пр. Т.н. «демографический взрыв», то есть резкое увеличение численности населения, имеет как позитивные, так и негативные последствия. Например, в совокупности с другими причинами и условиями это может значительно ухудшить криминогенную обстановку в государстве.

Переход основной части человечества от «традиционного» (сельского) общества к обществу индустриальному, а далее к постиндустриальному явился причиной падения рождаемости. Так, в позднем СССР коэффициент рождаемости по сравнению с 20-ми и 30-ми гг. XX в. упал почти в два раза. Рождаемость оставалась высокой только в республиках Средней Азии, население которых сохраняло обычаи доиндустриального общества [1]. В Италии в 2022 г. родилось 393 тыс. детей, что составляет минимальный показатель за всю полуторавековую историю государства, возникшего в 1861 г. [2]. В Южной Корее коэффициент рождаемости в настоящее время составляет всего 0,8: молодые люди отказываются заводить детей из-за экономического спада и высоких цен на жилье. Это происходит несмотря на то, что с 2006 г. правительство стра-

ны предпринимало меры для решения демографических проблем и выделило на эти цели к 2021 г. 221 млрд долл. [3]. Аналогичная ситуация с рождаемостью сложилась и в других зарубежных государствах. Высокая фертильность сохраняется только в наиболее неразвитых регионах мира, находящихся в стадии «традиционного уклада»: Центральной Африке, Пакистане, Афганистане, Таджикистане.

В начале XX в. царская Россия стояла на пороге демографического взрыва, и ученый Д.И. Менделеев в 1906 г. предсказывал, что к концу века население страны может составить до полумиллиарда человек. Однако этого не произошло, поскольку Российская Империя оказалась в классической «мальтузианской ловушке», т.е. ситуации, при которой рост населения опережает возможности общества и государства по обеспечению этого населения продовольствием и другими необходимыми продуктами производства. Что, в свою очередь, приводит к голоду, войнам и другим общественным бедствиям, которые сокращают численность населения. Главной проблемой, стоявшей перед дореволюционной Россией (подавляющее большинство жителей которой было сельским), являлось хроническое «малоземелье» крестьян. Премьер-министр П.А. Столыпин, выступая на заседании Государственной думы, пояснил, что даже если раздать крестьянам всю имеющуюся в стране пахотную землю, это все равно не решит проблем, связанных с голодом и неурожаями. «Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 чел. 15,1 в год, таким образом, это даст на одну Европейскую Россию всего на 50 губерний 1 650 000 душ естественного прироста в год, или, считая семью в 5 чел., 341 000 семей. Так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 дес. на один двор, потребно было бы ежегодно 3 500 000 дес. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану» [4]. Единственным путем спасения являлась механизация труда, внедрение в сельскохозяйственный процесс современных технических средств и способов обработки земли. Но это было невозможно сделать в рамках существования крестьянской общины и множества мелких хозяйств. Результатом неразрешимого демографического кризиса стали революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война с огромным количеством человеческих жертв и массовой преступностью. Начавшаяся в конце 20-х гг. прошлого века индустриализация СССР через несколько десятилетий превратила сельскую страну в городскую.

После окончания Второй мировой войны в США и ряде стран Европы происходит экономический подъем, совпавший с очередным демографическим взрывом (т.н. «бэби-бум»). Кроме того, в некоторые европейские страны (Франция) начинают активно привлекать мигрантов из бывших африканских колоний. В результате этого население во Франции растёт с 40,5 млн чел. в 1946 г. до 50 млн чел. в 1968 г. Одновременно с этим существенно увеличивается число студентов высших учебных заведений. К началу 60-х гг. происходит возрастание удельного веса молодежи в общем составе населения, вырастает т.н. «поколение бэби-бумеров». Следствием чего является «разрыв поколений»: молодежная мода, музыкальные пристрастия, идеология, сексуальная жизнь молодых людей коренным образом отличаются от взглядов и обычаев консервативных родителей. Начинается «молодежная революция», главными идеологическими установками которой являлись резкое неприятие консервативно-буржуазных ценностей, отказ от «общества потребления», протесты против агрессивных войн, расовой и сексуальной дискриминации, сексуальная раскрепощенность, употребление наркотических средств. «Пиком» протестного молодежного движения становится 1968 г., когда массовые акции парижской молодежи (в первую очередь студентов) привели к социальному кризису во Франции и отставке президента Шарля де Голля. В ходе протестов имели место открытые уличные бои демонстрантов с полицией [5]. Однако существенно большую опасность для общества представляло участие молодежи в экстремистских организациях леворадикального и праворадикального направлений. Вот что говорила участница террористической организации РАФ (Фракция Красной армии) Биргит Хогефельд: «В 68-м мы поднялись на борьбу за справедливый и гуманный мир, а наши родители почти сплошь были нацистскими преступниками или их пособниками... Наше отношение к людям в этой стране долгое время определялось еще и тем, что мы, живущие в богатых странах, строим свое благополучие на нищете и страданиях "третьего мира": ради нашего благосостояния бесчисленное множество людей умирает от голода или от вполне излечимых болезней, даже маленькие дети вынуждены работать в условиях жесточайшей эксплуатации, грабежу и разрушению подвергаются целые регионы – и большинству это представляется вполне нормальным» [6].

Следует учитывать, что на тот момент многие нацистские преступники в ФРГ или вообще не были привлечены к юридической ответственности, или же им было назначено чрезмерно мягкое наказание, явно не соответствовавшее тяжести совершенных преступлений. Так, генерал СС Йозеф Дитрих, являвшийся активным участником «Ночи длинных ножей», был приговорен лишь к 18 месяцам тюремного заключения и освобожден досрочно из-за «слабого здоровья». Врач концлагеря «Освенцим»

Иоганн Кремер был признан виновным в пособничестве убийств заключенных и приговорен к 10 годам каторжных работ. Однако немецкий суд зачел ему срок лишения свободы, отбытый ранее в польской тюрьме, и освободил от наказания. Имперский уполномоченный в оккупированной Дании обергруппенфюрер СС Вернер Бест в ФРГ вообще не был осужден и работал юридическим консультантом в адвокатском бюро [7]. Подобных примеров было множество, и они являлись для молодых леворадикалов «моральным оправданием» при совершении ими террористических актов. В течение нескольких лет боевики «РАФ» взорвали Берлинский яхт-клуб и штаб-квартиру Западного корпуса армии США. Ими был убит генеральный прокурор ФРГ, председатель «Дрезднер-Банка», министр хозяйства Баварии и главнокомандующий НАТО в Европе (всего организация была ответственна за 34 убийства). Боевики взорвали немецкое консульство в Стокгольме, захватили пассажирский самолет «Ландсхут», нанесли ракетный удар по базе ВВС НАТО. Молодые радикалы совершили серию ограблений банков, при этом их «фирменным почерком» было «угощение» банковских служащих кремовыми пирожными под дулами автоматов. В 1998 г. террористическая организация «РАФ» объявила о самороспуске.

Другой известной европейской террористической организацией, состоявшей из поколения «бэби-бумеров», являлась итальянская группировка «Красные бригады». Численность леворадикалов, действовавших в 70-е и 80-е гг. прошлого века, доходила до 25 тыс. чел. Наиболее известными преступлениями, совершенными террористами, были похищение и убийство председателя Христианско-демократической партии, бывшего премьер-министра Италии Альдо Моро весной 1978 г.; похищение бригадного генерала Джеймса Ли Дозиера (последний был освобожден в результате операции итальянских спецслужб), убийство судьи Франческо Коне с двумя телохранителями в Генуе, расстрел журналиста и писателя Карло Казаленьо, освещавшего судебные процессы над членами «бригад» и осуждавшего терроризм и пр. В середине 80-х гг. усилиями сотрудников итальянских правоохранительных органов «Красные бригады», практически, прекратили своё существование. На другом «полюсе» террористической преступности Италии находились ультраправые и неофашистские группировки, также состоявшие из молодежи. Так, молодые неофашисты, входившие в преступную организацию «Революционные вооруженные ячейки» (*NAR*), совершили ряд насильственных посягательств против «левых» активистов, итальянских коммунистов, представителей власти и коммерческих организаций. Например, 28 февраля 1978 г. неофашистами была расстреляна группа молодых коммунистов, 17 мая 1978 г. захвачен армейский склад, 7 мая 1979 г. заложено взрывное устройство у штаб-квартиры Феминистского клуба и совершено множество других преступлений террористического и насильственного характера. Уровень преступности ультралевых, ультраправых и других преступных организаций в Италии семидесятых годов прошлого века был настолько высоким, что данный период времени получил название «свинцовое десятилетие» [8].

Демографический взрыв и появление большого процента молодежи оказали негативное влияние не только на террористическую, но и на общеуголовную, организованную преступность. Например, в Великобритании конца 50-х – начала 60-х гг. серьезную проблему для общественного порядка стали представлять молодежные банды т.н. «теддибойз» – уличных хулиганов из «рабочих кварталов», выделявшиеся определенным стилем одежды, музыкальными пристрастиями к рок-н-роллу и устраивавшие массовые беспорядки в общественных местах. Так, Ричард Старки, участник популярной группы «Битлз», объяснял, почему он в юношеском возрасте стал членом сообщества «тедди-бойз»: «В нашем районе, если ты не являлся членом банды, то не мог поручиться за свою собственную жизнь, потому что неоткуда было ждать защиты... Или мы били кого-нибудь, или нас били, мы все время дрались» [9, с. 61]. Схожие явления имели место в СССР в рамках так называемого «казанского феномена» и подмосковного движения «люберов» 70-х и 80-х гг. В Казани на тот момент существовал большой процент подростков и людей молодого возраста (почти половина жителей Казани), которые образовывали молодежные банды, совершавшие насильственные и корыстные преступления.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. «Демографический взрыв» может иметь для общества и государства как позитивное, так и негативное значение. Последнее выражается в росте преступности, в том числе, организованной, значительную часть которой составляют люди молодого возраста.

2. Несправедливость государственного устройства, социально-экономическая отсталость общества, отсутствие возможности для самореализации и интеллектуальная неразвитость являются «питательной средой» для террористической преступности.

Литература:

1. Рождаемость в СССР. URL: https://su90.ru/birth.html.
2. Рождаемость в Италии упала до минимума за 160 лет. URL: https://www.rbc.ru/society/08/04/2023/643141e99a794790b08991f5?ysclid=m2t9cfdw4w353555939.
3. Власти Южной Кореи представили меры по повышению рождаемости. URL: https://www.interfax.ru/world/878942.
4. Пайпс Р. Русская революция. Агония старого режима. 1905–1917. URL: https://royallib.com/book/payps_richard/russkaya_revolyutsiya_agoniya_starogo_regima_1905_1917.html.
5. Майские события 1968-го года во Франции. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Майские_события_1968_года_во_Франции#:~:text=Ма́йские%20собы́тия%201968%20года%2C%20или,почти%2010-миллионную%20всеобщую%20забастовку.
6. Хогефельд Б. К истории РАФ // Скепсис. URL: https://scepsis.net/library/id_718.html (дата обращения: 07.11.2024).
7. Тарасов А.Н. Вьетнам близко, или партизанская война на берегах Рейна. Журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_658.html.
8. Свинцовые семидесятые в Италии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Свинцовые_семидесятые_в_Италии.
9. Росс Б., Маккартни П. Личность и миф. М.: Издат. дом Victor Gollancz Ltd, 1993. 352 с.

Demographic Changes as Factors Causing the Growth of Terrorist and Violent Crime

Ivanov A.V.
Kazan Branch of the Russian State University of Justice

Changes in the population of a state are one of the reasons determining the quantitative and qualitative changes in crime. There is a need for a scientific study of the interdependence of these phenomena. The purpose and purpose of the study is to study the demographic reasons that influenced the growth of terrorist and violent crime among youth.The scientific significance of the work lies in the fact that it examines the demographic consequences of humanity's transition from "traditional" to industrial and post-industrial society, the relationship between the "demographic explosion" in the Russian Empire at the beginning of the last century and the revolutions of 1917, the influence of the European "baby boom" on crime rate of youth in the 60s – 80s of the twentieth century. The result of the study is the following: a "population explosion" can have a negative impact on the crime rate if the socio-economic structure of the state is not based on fair principles and does not provide the younger generation with opportunities for self-realization.

Key words: demographic changes, population explosion, birth rate, terrorist crime, youth criminal organizations

УДК 347.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-355-359

Объекты интеллектуальной собственности в сфере медицины: теоретические и практические аспекты

Макаров Т.Г.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Ситникова И.Е.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Щурикова Л.Г.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета

Актуальность статьи обуславливается тем, что в настоящее время вопросы интеллектуальной собственности становятся ключевыми для здравоохранения, поскольку организации и учреждения здравоохранения, создавая соответствующие объекты, заинтересованы не только в управлении интеллектуальной собственностью, но и в защите и охране результатов своего творческого труда.

Целью статьи является проведение анализа теоретических и практических аспектов объектов интеллектуальной собственности в сфере медицины. Задачами исследования выступает теоретическое изучение конкретных объектов интеллектуальной собственности в сфере медицины, а также выявление проблемных сторон реализации их охраны и защиты.

Практическая значимость исследования состоит в рассмотрении актуальных вопросов интеллектуальной собственности в сфере медицины, направленных на безопасное и эффективное функционирование сферы здравоохранения. Результаты исследования могут быть интересны практикующим специалистам в сфере здравоохранения, а также научному сообществу, занимающемуся проблемами медицинского права.

Проведенный анализ показал, что интеллектуальная собственность, ее охрана и защита играет весьма весомую роль в медицине, так как дает возможность не только защитить свои автор-

ские и иные охраняемые права учреждениям здравоохранения, но и позволяет повысить авторитет и эффективность здравоохранения в целом.

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, медицина, авторское право, патентное право, патент, методика лечения, медицинское изделие, регистрационное удостоверение*

Для цитирования: *Макаров Т.Г., Ситникова И.Е., Щурикова Л.Г. Объекты интеллектуальной собственности в сфере медицины: теоретические и практические аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 355–359. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-355-359.*

Медицина – это та сфера, в которой нуждается абсолютно любой гражданин. Все мы обращаемся за медицинской помощью. От того, насколько квалифицированно и качественно нам оказывается данная помощь, можно судить об уровне жизни граждан в нашем государстве. Уровень качества медицинской помощи, медицинских услуг напрямую зависит от того, насколько медицинские организации оснащены современным медицинским оборудованием, медицинской техникой, от того, какие методы лечения применяются ими, развивается ли в них медицинская наука и учитываются ли ими в работе последние достижения в области медицины. Все это неизбежно сопряжено с созданием и использованием в сфере медицины результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Согласно отечественному гражданскому законодательству, результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана, являются: произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); базы данных; фонограммы; сообщения в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения и другие объекты.

Какие же объекты интеллектуальной собственности создаются и используются в сфере медицины? Безусловно, в области медицины практически каждый день создается масштабное количество объектов авторского права. Отношения, связанные с их созданием и использованием, регулируются законодательно, а именно гл. 70 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ). Также в медицинской сфере создаются и активно используются такие объекты патентного права, как изобретения и полезные модели (гл. 72 ГК РФ).

Поговорим об этих объектах подробнее. И начнем с объектов авторского права. К их числу можно отнести различные научные труды: диссертации, монографии (независимо от того, коллективные они или индивидуальные), статьи и тезисы в журналах и сборниках трудов, носящие научно-проблематичный и актуальный характер, учебники, учебные пособия, учебно-методические разработки, используемые в образовательном процессе медицинских учебных заведений, институтах повышения квалификации и усовершенствования врачей, компьютерные программы и некоторые другие. Здесь необходимо отметить тот факт, что правовой защите подлежат любые подобные объекты независимо от доли актуальности и правильности. Если, конечно, они не представляют собой компиляцию. Кроме того, сюда можно также отнести технологическую и конструкторскую документацию на медицинские приборы, инструменты; рекламные проспекты; методические пособия и руководства для врачей, типовые формы опроса пациентов, аудиовизуальные демонстрационные версии оперативных вмешательств и компьютерные версии этапов моделирования оперативного вмешательства и др. Следует отметить, что данный перечень не является закрытым и может быть расширен с учетом потребностей медицинской сферы.

Ключевой особенностью данных объектов является то, что интеллектуальные права на них возникают в силу их создания. Для возникновения интеллектуальных прав не требуется соблюдение каких-либо формальностей. В то же время необходимо помнить, что ГК РФ в ст. 1229 говорит нам о том, что гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на объект интеллектуальной собственности, в том числе объект авторского права (правообладатель), вправе использовать такой объект по своему усмотрению, а также вправе распоряжаться исключительным правом на него. Например, распорядиться можно путем заключения договора об отчуждении исключительного права на объект авторского права в сфере медицины (ст. 1285 ГК РФ), по которому правообладатель производит отчуждение исключительного права в полном объеме приобретателю и при этом теряет статус правообладателя. Правообладатель может заключить лицензионное соглашение с пользователем (ст. 1286 ГК РФ), по которому пользователю будет предоставлено право использования объекта авторского права в области медицины. При этом пользователь не приобретет исключительное право. В сфере авторского права возможно заключение

еще и договора авторского заказа на создание объекта авторского права (ст. 1288 ГК РФ). Например, это может быть заказ медицинской организации на создание для нее автором компьютерной программы для использования этой программы врачами в своей профессиональной деятельности. При этом по такому договору медицинская организация может стать правообладателем, а может – только пользователем, так как судьба интеллектуальных прав на объект авторского права, создаваемый по договору авторского заказа, может быть решена как по модели договора об отчуждении исключительного права, так и по модели лицензионного соглашения.

Весьма актуальны в настоящее время компьютерные программы, связанные с использованием информации в сфере здравоохранения. Они востребованы в таких сферах, как мониторинг и контроль физиологических параметров пациентов, реализация мероприятий по ранней диагностике и предотвращению заболеваний, телекоммуникационная связь между организациями здравоохранения по внутриведомственной системе взаимодействия, методы амбулаторного наблюдения пациентов до и после выписки из стационара и в некоторых других [2; 3].

Что касается объектов патентного права в сфере медицины, они, безусловно, как и объекты авторского права, имеют свою специфику. Являясь показателем квалифицированности соответствующего эксперта, патенты в сфере медицины выдаются либо на методики лечения, либо на новые медицинские изделия. С одной стороны, патент является итогом творческого труда автора, принося ему моральное удовлетворение от вложенных интеллектуальных усилий по созданию объекта интеллектуальной собственности. С другой стороны, патент приносит огромную пользу медицинской организации, так как применение новых методик лечения или новых медицинских изделий позволяет ускорить выздоровление пациентов [4]. Несомненно, наличие у медицинской организации патентов повышает ее рейтинг, позволяет ей выигрывать в различного рода конкурсах и тендерах [5, с. 236], а также делает более востребованными ее услуги у населения за счет повышения уровня доверия пациентов. То, что организация обладает патентами, говорит о высоком уровне исследований, проводимых в ней. Целью получения патента, наряду с дальнейшим получением прибыли от использования тех или иных разработок, является документальное закрепление авторства за их создателями [6, с. 274–275].

Помня, что наличие патента у учреждения здравоохранения не является обязательным, одновременно нужно понимать, что патенты отменять никак нельзя, особенно если речь идет о способах лечения – они гарантируют те самые «новизну», «изобретательский уровень» и «промышленную применимость», которые свойственны изобретению [4]. Кроме того, это один из действенных способов защиты интеллектуальных прав.

Отношения интеллектуальной собственности в области медицины, вне всякого сомнения, нуждаются в эффективном правовом регулировании и обеспечении со стороны государства. Ведь после того, как итоги творческой деятельности становятся известны другим людям, обществу в целом, они при отсутствии правовой охраны могут быть использованы для получения дохода каждым членом общества [5, с. 237], а поскольку медицинская среда по известной причине требует особого контроля и мониторинга, подобные действия могут нанести не только большой материальный ущерб, но и повлечь куда более серьезные последствия в виде причинения вреда жизни и здоровью граждан. Здесь имеется ряд проблем, связанных в первую очередь с недостаточной нормативно-правовой базой, с юридическими коллизиями.

Хотелось бы подчеркнуть, что российское законодательство, к сожалению, содержит закрытый перечень объектов интеллектуальной собственности. По нашему мнению, наиболее целесообразным представляется открытый перечень, т.к. на современном этапе развития науки и техники разрабатываются новые объекты интеллектуальной собственности, прежде всего в области компьютерных технологий, биотехнологий, нанотехнологий, генной инженерии и др.

Отдельно хотелось бы отметить проблему регистрационных удостоверений на медицинские изделия. Государственная регистрация медицинских изделий гарантирует их безопасное применение в медицинской практике. Государственным органом, ответственным за регистрацию на территории Российской Федерации, является Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор). Процедура государственной регистрации позволяет не допустить в гражданский оборот фальсифицированные медицинские изделия, которые сопровождаются искаженной информацией об их основных характеристиках и свойствах. Также это позволяет снизить долю контрафактных объектов.

На сегодняшний день существует немного российских научно-исследовательских медицинских организаций, медицинских учреждений и иных юридических лиц, самостоятельно производящих медицинские изделия. При этом некоторые из таких организаций, производя медицинские изделия, не подают заявки на получение патентов. Чаще всего используется регистрационное удостоверение, являющееся разрешением для применения в медицинских учреждениях [7, с. 124]. Регистрационное удостоверение подтверждает только факт производства медицинского изделия конкретным юридическим лицом и безопасность его использования для конечных потребителей – медицинских учреждений

и пациентов. Обладание регистрационным удостоверением для юридического лица не означает одновременную защиту интеллектуальных прав на произведенное медицинское изделие.

Для решения данной проблемы подобным организациям необходимо активно включаться в процесс подачи заявок на патенты. Безусловно, речь идет о патентовании разработок, отвечающих критериям патентоспособности. Патентная защита позволяет обеспечить компенсацию времени и инвестиционных вложений на создание, производство и применение медицинских изобретений [8]. Кроме того, патент даст гарантию защиты от незаконного присвоения прав на данное медицинское изделие.

Говоря об интеллектуальной собственности в сфере медицины, следует помнить, что существует ряд объектов, на которые не распространяется правовая защита – медицинские открытия, связанные с особенностями организма человека, научные доктрины и теории (например, приоритетная роль тех или иных факторов в возникновении заболеваний), математические методы при лечении заболеваний. Медицинские технологии, которые не являются изобретениями, не получают правовую защиту. Возникает определенная проблема, когда речь идет о тех или иных способах реализации медицинской технологии. Например, когда медицинская организация создает уникальный метод расчета дозы препарата или формулу подсчета изменений на ЭКГ. Тогда возникает ситуация, что сама по себе технология не подлежит правовой охране, а ее способ – да. Подобный пример свидетельствует о существовании некоторых коллизий в законодательстве, требующих устранения путем детального регулирования нетипичных способов защиты интеллектуальных прав.

Помимо рассмотренных объектов интеллектуальной собственности в сфере медицины существуют и иные объекты, требующие на сегодняшний день не только детального законодательного регулирования, но и правовой охраны и защиты.

В заключение хочется отметить, что интеллектуальная собственность играет ключевую роль в сфере медицины, поскольку медицинская практика и система здравоохранения постоянно находится в интенсивном динамическом развитии, создаются различные объекты интеллектуальной собственности, обеспечивающие не только финансовое благополучие учреждений здравоохранения, но и сохранение жизни и здоровья людей.

Литератур:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая / Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.
2. Жумакаева К.Н., Алибиева Д.Т. Экспертные системы – информационная технология в медицине // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 25. С. 79–82.
3. Стародубов В.И., Кузнецов С.Л., Куракова Н.Г., Цветкова Л.А., Арефьев П.Г. Исследовательские компетенции мирового уровня в области клинической медицины в российской академии медицинских наук // Вестник РАМН. 2012. № 6. С. 27–35.
4. Бизяева Л.Н., Ягудин Р.Х., Малеев М.В. Интеллектуальная собственность в медицине // Актуальные проблемы медицины. 2013. Т. 1. № 1-2 (69). С. 20–21.
5. Кореняко Л.Б., Мейбалиев М.Т. Авторские права и промышленная собственность в медицине // International Scientific Review. 2016. № 4 (14). С. 235–237.
6. Кореняко Л.Б., Мейбалиев М.Т. Правовые основы патентно-информационных исследований в области медицины // X International Science Conference “International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education” (Boston. USA, 7-8 February, 2016). P. 274–275.
7. Мешочкова М.В., Онуфрейчик Е.Н., Богданова Е.Л. Информационные технологии в медицине: правовая охрана и защита интеллектуальной собственности // Экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 123–125.
8. Герцик Ю.Г., Семёнов В.И., Герцик Г.Я. Охрана прав на интеллектуальную собственность как фактор экономического и технологического развития фармацевтической и медицинской промышленности // Вестник Росздравнадзора. 2012. № 3. С. 64–70.

Intellectual Property Objects in the Field of Medicine: Theoretical and Practical Aspects

Makarov T.G.
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan branch of the Russian State University of Justice

Sitnikova I.E.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov,
Kazan branch of the Russian State University of Justice

Shchurikova L.G.
Kazan National Research Technological University

The relevance of the article is due to the fact that intellectual property issues are currently becoming key for healthcare, since healthcare organizations and institutions, creating relevant objects, are interested not only in managing intellectual property, but also in protecting and safeguarding the results of their creative work.

The purpose of the article is to analyze the theoretical and practical aspects of intellectual property in the field of medicine. The objectives of the study are the theoretical study of specific intellectual property objects in the field of medicine, as well as the identification of problematic aspects of the implementation of their protection and defense.

The practical significance of the study is to consider current issues of intellectual property in the field of medicine, aimed at the safe and effective functioning of the healthcare sector. The results of the study may be of interest to practicing specialists in the field of healthcare, as well as the scientific community dealing with problems of medical law.

The analysis showed that intellectual property, its protection and defense plays a very significant role in medicine, since it makes it possible not only to protect their copyright and other protected rights to healthcare institutions, but also to increase the authority and effectiveness of healthcare in general.

Keywords: intellectual property, medicine, copyright, patent law, patent, treatment method, medical product, registration certificate

УДК 339.982
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-360-364

История антироссийских санкций и их влияния на экономику

Моисеев В.В.
Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета

Колесникова Ю.С.
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Западные антироссийские санкции – это многолетнее политическое, экономическое и иное давление недружественных стран на Российскую Федерацию. Актуальность исследования возрастает с усилением санкционного давления на экономику РФ, заключается в классификации санкционного воздействия, оценке эффективности антисанкционных мер на экономическое развитие. Целью статьи является исследование трансформации санкций во времени, поиск путей преодоления санкционного давления с опорой на накопленный опыт прошлого. Новизна исследования состоит в классификации санкций по периодам развития и видам. Санкции трансформировались во времени в прямое вмешательство в политику и экономику, приобрели иррациональный характер для стран, их вводящих. Проведенный анализ показал, что выраженный эффект введения различных видов санкций получается только от гомеостазных и ограничивающих социально-экономическое развитие, тогда как другие виды санкции не достигают поставленных целей.

Ключевые слова: *антироссийские санкции, отрасли экономики, параллельный импорт, антикризисные меры, запрет на ввоз высококвалифицированных кадров*

Для цитирования: *Моисеев В.В., Колесникова Ю.С. История антироссийских санкций и их влияния на экономику // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 360–364. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-360-364.*

Постановка проблемы изучения антироссийских санкций вызвана возросшей актуальностью в свете последних событий как в нашей стране, так и в мире. Изучение антироссийских санкций и их эволюции вызывает интерес историков и экономистов, порождая оживленные дискуссии не столько о содержании и целесообразности тех или иных санкционных мер, сколько об их влиянии на политику, экономику и социально-экономическое развитие России.

Санкции – меры воздействия одной стороны на другую, применяемые за несоблюдение договоров, общепринятых правил, угрозы безопасности. В рамках данной статьи будут рассмотрены международно-правовые санкции, направленные против России. Наибольший акцент будет сделан на экономические санкции, которые включают торговые и финансовые санкции, направленные против России, однако невозможно упускать из

внимания политические санкции, тесно связанные с ними.

Важно отметить, что необходимо различать санкции и протекционизм. Меры протекционизма направлены, как правило, в защиту экономики страны, их вводящей, и распространяются на все зарубежные страны или группы стран, тогда как санкции направлены против конкретной страны, могут быть иррациональны с точки зрения экономической эффективности для страны их вводящей.

Вопросы теории и практики санкционной политики освещены в ряде зарубежных публикаций, монографий и научных статей. Среди них, в частности, исследования A. Addis [1], M.S. Dajani [2], M.P. Doxey [3], S.A. Grupy Azoty [4], G.C. Hufbauer [5], G.C. Hufbauer, J.J. Schott, K.A. Elliott [6] и др.

Влияние санкций на российскую экономику изучали такие отечественные ученые, как: Ф.А. Басов [7], С.В. Бахин и И.Ю. Еременко [8], И.Ф. Газизов и Р.М. Галиев [9], В.Л. Иноземцев [10], М.В. Клинова, Е.А. Сидорова [11], А.П. Кошкин [12], В.В. Саюнов [13] и др.

Анализ опубликованной научной литературы показал, что проведенные исследования глубоко не анализировали долгосрочное воздействие антироссийских санкций на социально-экономическое развитие нашей страны. Эти и другие проблемы авторы попытались осветить в данной статье.

Если классифицировать санкционное давление на Россию по целям воздействия, то условно можно выделить 4 группы санкций: гомеостаза (поддерживающие национальные интересы стран, их вводящих), ограничивающие (направленные на сдерживание экономического развития России); политическое принуждение (направленные на принятие конкретных политических решений) и революционные (стимулирующие политические волнения внутри страны) (табл. 1).

История применения санкций против России достаточно обширна. Если анализировать применение санкций до XX в., то они выражались в препятствии ввоза иностранных высококвалифицированных специалистов, ограничениях торговли. По условиям Парижского мирного договора 1856 г. России запрещалось иметь флот на Черном море, что также классифицируется как политические санкции, направленные на принятие конкретных политических решений [14].

После Первой мировой войны союзники по Антанте ввели полный запрет своим компаниям и предприятиям на все экономические отношения с СССР [14]. Страны Запада также активно ограничивали платежные способности России, отказываясь принимать в качестве платежного средства золото, настаивая на расчетах сырьем: нефтепродуктами, лесом, зерном. Далее, стали применять меры по заморозке активов, применялись запреты на получение кредитов. Помимо индивидуальных санкций применялись также и коллективные – инициированные группами стран, например, направленные на снижение цен на нефть. Тем не менее санкции до XXI в. в большей степени носили экономический характер и имели в своей основе цель – сдерживание экономического развития нашей страны, тогда как в настоящее время они эволюционировали к санкциям политического принуждения и революционным.

Таблица 1

Классификация санкций и их применение в разные исторические периоды

период	гомеостазные		ограничивающие				политического принуждения			революционные	
	запрет на вооружение	запрет на ввоз технологий и кадров	запрет на экономическое взаимодействие	ограничение платежных систем	заморозка активов государства	ограничение в получении кредитов и инвестиций	ценовой сговор	исключение из международных организаций и сообществ	визовые санкции, заморозка счетов и имущественные санкции против отдельных граждан, приближенных к руководству страны	визовые ограничения для граждан РФ	ограничение параллельного импорта
1.Санкции на Россию до XX в.	■	■	■								
2.Санкционное давление на СССР	■	■	■	■	■	■	■				
3.Санкции на Российскую Федерацию до 2014 г.	■	■				■	■				
4.Санкционное давление в связи с Российско-Украинским конфликтом (2014–2022 гг.)	■	■	■		■	■		■	■		■
5.Санкционное давление в связи с началом специальной военной операции (СВО)	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■

Источник: Составлено авторами

Очередной этап санкционного давления на Российскую Федерацию начался в связи с присоединением Крыма и событиями на Донбассе весной 2014 г. Изначально санкции были направлены на группы физических лиц и блокировали их активы и собственность, отказывали в визах. Позже ограничительные меры коснулись также финансового, энергетического и оборонного секторов российской экономики (табл. 1). В России началось падение реальных доходов населения и снижение потребительского спроса.

После были введены санкции в отношении отдельных отраслей экономики России: энергетики, нефте- и газодобычи и др. Далее санкции запретили американским компаниям поставлять товары, услуги и технологии государственным корпорациям «Газпром», «Газпромнефть», «Роснефть» и частным нефтяным компаниям «Лукойл» и «Сургутнефтегаз». К началу военной спецоперации в санкционном списке находились около 90 российских юридических лиц [15, с. 612].

С началом Специальной военной операции России на Украине США, государства Евросоюза разработали и применили против России целый комплекс политических, экономических и иных санкций, добиваясь ее отмены. Санкции устанавливали запрет на сделки с ценными бумагами федерального займа РФ, остановили сертификацию магистрального газопровода «Северный поток – 2», заблокировали банковские счета России в своей юрисдикции, запретили продавать самолеты и запасные части к ним, передавать их в лизинг, страховать. Для российской авиации закрыли полетные зоны над Европой. Следует отметить, что санкции в отношении российских авиаперевозчиков, сделавших много лет назад ставку не на национальные, а зарубежные авиалайнеры, оказались одними из самых болезненных и действенных. Согласно данным Росстата, производство отечественных самолетов в 2005 г. составляло всего 6, а в 2010 г. – 9 самолетов. Серийное производство пассажирских и транспортных самолетов на всех российских авиазаводах в 2021 г. не превышало 20 шт. [16].

Ощутимым ударом по финансовой системе России стали санкции, предложенные США в конце февраля 2022 г., которые предусматривали заморозку международных резервов Центрального банка РФ на сумму более 300 млрд долл. США. Позднее, в июле 2022 г., Евросоюз ввел также запрет на импорт из России золота, а часть российских банков была отключена от мировой платежной системы *SWIFT*, что затрудняло их международные платежи. Достойный ответ Правительство РФ и Центробанк РФ нашли во внедрении платежной системы «Мир». Был запрещен импорт из нашей страны алкоголя, древесины, морепродуктов, ограничен ввоз удобрений, введен запрет на поставки российского угля в страны ЕС.

С введением с декабря 2022 г. европейского эмбарго на российскую нефть госбюджет понес ощутимые финансовые потери: по прогнозам агентства *Bloomberg*, до 22 млрд долл. в год [17]. В этой ситуации пришлось перенаправлять потоки нефти в Китай, Индию и другие страны, продавая ее с большим дисконтом. На сегодняшний день дисконт в ряде случаев достигает 30–35 долл. за баррель. Добыча нефти почти достигла досанкционных показателей – 10,8 млн баррелей в день, при этом благодаря мировой конъюнктуре цен углеводородов, потери для российского госбюджета минимальны, по данным агентства *Bloomberg* [17].

Вследствие ограничительных мер, введенных Евросоюзом в 2022 г., общий экспорт газа в Европу сократился в 4–5 раз, упав с 380 млн м^3 в сутки до 70–80 млн [18]. Однако планируется строительство газопровода «Союз Восток», который позволит поставлять в Китай дополнительно до 50 миллиардов кубометров газа в год. Разрыв транспортно-логистических цепочек привел к резкому сжатию всего экспортно-импортных операций; только импорт сократился почти на треть. Это повлияло на рост цен и инфляцию, которая в России в 2022 г. достигла, даже по официальным данным, 11,94 %, что свидетельствует о кризисных явлениях в экономике [19].

По данным Минпромторга РФ, доля импорта по состоянию на начало 2022 г. в станкостроении превышала 90 %, в тяжелом машиностроении – 60–80 %, в легкой промышленности – 70–90 %, в радиоэлектронной промышленности – 80–90 %, в фармацевтике и медицинской промышленности – 70–80 % [15, с. 614].

Таким образом, надо признать, что антироссийские санкции в какой-то мере достигли своих целей: банковский, энергетический и оборонный секторы российской экономики заметно пострадали от введенных ограничений и запретов. Однако санкциям в целом так и не удалось разрушить нашу экономику, заставить руководство Российской Федерации отказаться от Специальной военной операции на Украине, не привело к революционным волнениям. Следовательно, санкционная политика стран Запада во главе с США не достигла своих главных целей, а именно политического принуждения и провоцирования революции. Была сформирована специальная Правительственная комиссия, разработаны первоочередные антикризисные меры, сыгравшие ключевую роль в устойчивости российской экономики. Министерством промышленности и торговли РФ был разработан документ о параллельном импорте, который оказался способным не только наладить новую логистику, но и увеличить поставки в страну, находящуюся под санкциями, недостающие товары и комплектующие. К началу 2023 г. в страну по параллельному импорту было ввезено 2 млн т различных товаров и комплектующих на сумму в 17 млрд долл. [20].

Выводы.

1. Санкции как мера воздействия задумывались для поддержания гомеостазного состояния мировой безопасности мирным путем, однако они эволюционировали и переросли из гомеостазных в ограничивающие социально-экономическое развитие, а затем и в санкции политического принуждения. С 2014 г. санкции в отношении России трансформировались в революционные, т.е. группы стран оказывают прямое воздействие на качество жизни граждан РФ, пытаясь провоцировать революционные настроения. Санкции трансформировались в прямое вмешательство в политику и экономику суверенного государства, кроме того, приобрели иррациональный характер для стран, их вводящих, т.е. ухудшают институциональную среду не только страны, по отношению к которой вводятся, но и стран, их вводящих.

2. Наиболее страдают от санкционного давления банковский, энергетический и оборонный секторы российской экономики. Бюджетные доходы к июлю 2022 г. сократились на 26 % по сравнению с 2021 г. Российский бизнес недополучил 1,5 трлн руб. выручки за счет перестройки логистики, импорт сократился на треть. Снижение экономики РФ во втором квартале 2022 г. составило 4,1 %, а в третьем квартале – 3,7 % [20].

3. Выраженный эффект введения различных видов санкций получается только от гомеостазных и ограничивающих социально-экономическое развитие, другие виды санкций не достигают поставленных целей, т.е. санкционное давление влияет определенным образом на экономику России, но не достигают главных целей: отказа от Специальной военной операции и революционного устранения действующей российской власти.

Литература:

1. Addis A. Economic Sanctions and the Problem on Evil // Human Rights Quarterly. 2003. № 25. P. 573–623
2. Dajani M.S. Economic Sanctions: Ideals and Experience. London: Routledge & Kegan Paul, 1983. 263 p.
3. Doxey M.P. International Sanctions in Contemporary Perspective. London, Macmillan Press, 1987. 175 p.
4. Grupy Azoty S.A. Informacja. URL: https:// grupaazoty. com/ (дата обращения: 23.08.2022).
5. Hufbauer G.C. Revision of economic sanctions: history and current policy: monograph. Washington: Institute of International Economics, 1985. 248 p.
6. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. 2nd ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 1990. 934 p.
7. Басов Ф.А. Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. С. 62–68.
8. Бахин С.В., Еременко И.Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162–175.
9. Газизов И.Ф., Галиев Р. М. Анализ влияния санкций на экономику России // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2015. № 6 (50). С. 46–54.
10. Иноземцев В.Л. Возможная ошибка в санкционной политике // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2021. № 4 (138). С. 23–36.
11. Клинова М.В., Сидорова Е.А. Экономические санкции Запада против России: развитие ситуации // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 159–170.
12. Антироссийские санкции: история и современность / Под ред. А.П. Кошкина. Вып. 7. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2016. 92 с.
13. Саюнов В.В. О секторальных санкциях в нефтегазовой отрасли // Минерал. ресурсы России: экономика и управление. 2018. № 2. С.71–78.
14. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI – XVII вв. URL: http://dugward.ru/library/platonov/platonov_moskva_i_zapad.html. (дата обращения: 31.01.2024)
15. Моисеев В.В. Кризисы в России: причины и последствия: монография. М.: Директ-Медиа, 2022. 300 с.
16. Производство и импорт авиационной техники // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b07_68/IssWWW.exe/Stg/01-22.htm (дата обращения: 30.05.2024).
17. Bloomberg узнал о желании Индии покупать нефть из России дешевле $70. URL: https://www.rbc.ru/economics/ 04/05/2022/627260a69a7947113f542ad3 (дата обращения: 21.08.2022 г.).
18. Макеев Н. Строительству газового хаба Россия – Турция предрекли огромные сложности. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/10/21/stroitelstvu-gazovogo-khaba-rossiyaturciya-predrekli-ogromnye-slozhnosti.html (дата обращения: 20.10. 2022).
19. Об индексе потребительских цен в декабре 2022 года // Росстат. URL:https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3_13-01-2023.html#:~:text= (дата обращения: 06.02.2024).
20. 534 заседание Совета Федерации. URL: http://council.gov.ru/activity/meetings/140114/transcript/ (дата обращения: 10.01.2023 г).

21. Fakhrutdinova E., Severyanov O., Shigabutdinov A., Fakhrutdinov R. The crisis of 1998 in Russia: Political intervention and its implications // Life Science Journal. 2014. Vol. 11. № 6s. P. 442–447.
22. Fakhrutdinova E., Kirshin I., Kolesnikova J., Salyakhov E. The influence of cross-country technological transfer on economic profit formation // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 17. № 12. P. 1632–1634. DOI 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.12.12347.
23. Fakhrutdinova E.V., Kolesnikova J.S., Fakhrutdinov R.M., Yagudin R.H. Shadow economy in Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. №. 1 S3. P. 67–72. DOI 10.5901/mjss.2015.v6n1s3p67.

History of Anti-Russian Sanctions and Their Impact on the Economy

Moiseev V.V.
Belgorod State Technological University
Kolesnikova Ju.S.
Kazan (Volga Region) Federal University

Western anti-Russian sanctions are many years of political, economic and other pressure from unfriendly countries on the Russian Federation. The relevance of the study increases with increasing sanctions pressure on the Russian economy; it consists in classifying the impact of sanctions and assessing the effectiveness of anti-sanctions measures on economic development. The purpose of the article is to study the transformation of sanctions over time, to find ways to overcome sanctions pressure based on the accumulated experience of the past. The novelty of the study lies in the classification of sanctions by periods of development and types. Sanctions have transformed over time into direct interference in politics and economics and have become irrational for the countries imposing them. The analysis showed that the pronounced effect of introducing various types of sanctions is obtained only from homeostasis and limiting socio-economic development, while other types of sanctions do not achieve their goals.

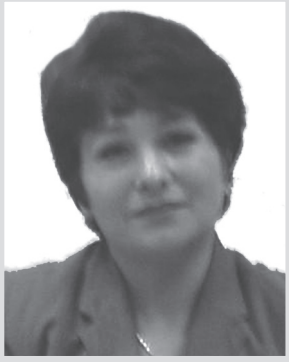
Keywords: anti-Russian sanctions, economic sectors, parallel imports, anti-crisis measures, ban on the import of highly qualified personnel

УДК 34
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-365-368

Государственный доклад как элемент механизма формирования правовой политики государства

Смирнова О.М.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины Казанского государственного медицинского университета

Амирова Р.Р.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы определяется процессом трансформации российского законодательства в условиях формирования стратегий национального развития Российской Федерации. Цель и задачи исследования – определить место Государственного Доклада в механизме правовой политики. Научное осмысление содержания Докладов в контексте отраслевой специфики даёт возможность выявить проблемы межведомственного взаимодействия, устранить их через принятие законодательной нормы. Поэтому аналитические данные, выводы Государственного Доклада – важнейший инструмент совершенствования правовой деятельности органов публичной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: *правовая политика государства, Государственный доклад, общественное развитие, взаимовлияние политики и права, система правовых и нравственных ценностей*

Для цитирования: *Смирнова О.М., Амирова Р.Р. Государственный доклад как элемент механизма формирования правовой политики государства // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 365–368. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-365-368.*

Российская Федерация, в соответствии с Конституцией РФ, – правовое государство [1], политика которого должна реализовываться правовыми средствами. Все органы государственной власти, местного самоуправления, должностные лица, общественные организации и граждане, принимая решения, должны руководствоваться законодательной нормой. Это ключевое положение современного демократического общества создаёт упорядоченность функционирования механизма государства и общества в целом.

Правовая политика – особая форма выражения государственной политики, воля ее официальных лидеров и властных структур [2, с. 647]. Она является органической частью общегосударственной политики, вырабатывается Президентом РФ, Парламентом, Правительством РФ, Конституционным судом РФ, а также самыми разнообразными институтами гражданского общества и, безусловно, гражданами [2, с. 649].

Четких и застывших границ правовой политики не существует. Каждый период развития общества объективно, в соответствии с логикой изменения потребностей общества и государства, формирует свои уровни и формы выражения правовой политики.

В научной литературе существует многообразие подходов к определению понятия правовой политики, содержание которой определяется главным образом, исходя из функциональности его применения к анализу правовой действительности [3–5].

Государственный доклад является документированным систематизированным сводом аналитической информации о текущем состоянии дел (как правило, за один год) в какой-либо сфере жизни. Начиная с 90-х гг XX в., он постепенно интегрируется в правовую жизнь исполнительных органов государственной власти. Одним из первых органов, который стал ежегодно готовить Государственный доклад – Министерство экологии и природных ресурсов РФ. К 2023 г. – это уже 32 выпуск ежегодного официального документа, характеризующий экологическую обстановку в стране, состояние природных ресурсов, воздействие хозяйственной деятельности на экологию, тенденции их изменения, а также предпринимаемые меры для уменьшения негативного воздействия на экологическую среду [6].

Основа любого Доклада – существующее законодательство. Так, Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды РФ в 2023 году» подготовлен во исполнение Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», «Основ государственной политики в области экологического развития на период до 2030 г.», утверждённых Президентом РФ 30.04.2012 г., Постановления Правительства РФ от 24.09.2012 г. № 966 «О подготовке и распространении ежегодного государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды» [7].

Государственный доклад, его форма и содержание утверждается Постановлением Правительства РФ [8–13].

В 2014 г. был принят Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [14]. Он явился значимым событием политико-правовой жизни российского общества, стал документом, который преодолел конфликт между уже существующей практикой разработки планов управления государством и недостаточностью её нормативного регулирования. Управление государством всегда требует координации планов огромного народного хозяйственного комплекса.

В новых условиях Государственный доклад, как документ исполнительного органа государственной власти, ведомственный периодический аналитический документ, приобрёл особую значимость в системе элементов правовой политики государства, на основе которого становится возможным корректировать шаги государства, учитывая общественно-политическую обстановку, и своевременно принимать нормативные акты, изменять уже существующие в зависимости от внутренних и внешних политических факторов.

В октябре 2023 г. Заместитель Председателя Правительства РФ Т.А. Голикова представила Государственной Думе Федерального Собрания РФ Государственных доклад «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации». Анализ правовых актов, их реализация в сфере государственной поддержки семей, детей (за период 2022 г.), фактические данные еще раз подтвердили эффективность реализации государственных гарантий. При этом глубокий анализ жизни семей с детьми выявил необходимость сформулировать понятие «студенческая семья». Это даст возможность определить ее правовой статус, что в свою очередь определит основание для создания системы нормативных правовых актов как на федеральном, так и на региональных уровнях, способствующих возможности своевременной всесторонней поддержке молодежи, стремящейся одновременно к профессиональному росту и созданию семьи [15]. Через год, 26 ноября 2024 г., в Государственной думе РФ в первом чтении были приняты изменения в Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в РФ»: закреплено понятие «студенческая семья» и в ряд статей внесены соответствующие поправки [16]. Таким способом аналитические данные, выводы, сделанные в Государственном докладе, способствуют информационно-правовому взаимодействию органов власти на всех уровнях управления и, соответственно, скоординированному своевременному принятию нормативно-правовых актов.

Каждый из Докладов указывает и тенденции трансформаций в соответствующей содержанию Доклада (экология, дети, семья, культура и т.п.) сфере общественной жизни.

Сегодня, в условиях когнитивной войны, как никогда ранее, огромную роль приобретает правовая значимость государственной политики в культурной сфере.

Культурный суверенитет предопределяет создать внутренне единую непротиворечивую нормативную систему в сфере образования, воспитания, культуры. Именно в этой сфере сегодня кристаллизуется система ценностных ориентиров, традиционных для всей истории развития российского общества, предопределяющая систему безопасности нашего государства.

В апреле 2013 г. в Федеральный закон от 09.10.92 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» введена ст. 40.1, в которой подчеркивается, что ежегодный Государственный доклад о состоянии культуры в РФ имеет цель представить объективно и систематизировано в аналитической форме информацию не только о состоянии культуры, направлениях развития, но и обязательно содержит выводы оценочного характера, результаты реализации политики государства в сфере культуры; он подлежит опубликованию и общественному обсуждению [17].

В Государственном докладе 2015 г. в отдельный раздел выделено «приоритетное направление законопроектной деятельности в сфере культуры», которая определяется как одна из важнейших функций Министерства культуры РФ. В нем отмечена необходимость устранения противоречий, пробелов в законодательстве, создание терминологического единства актов из всех отраслей права, регулирующих культуру. Итог работы за 2015 г. – 14 федеральных законов (хотя с 2004–2011 гг. при участии Министерства культуры РФ было принято всего 6 законов) [17, с. 248–254].

Еще одна ключевая дата в политико-правовом развитии нашего государства: 9 ноября 2022 г. принят Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Он определил вектор законодательных изменений в парадигме стратегического планирования в сфере культуры.

Государственный доклад о состоянии культуры в РФ в 2023 г. отмечает, что аксиоматичность приоритета традиционных ценностей – главный критерий процесса законотворчества и реализации законодательства в сфере культуры [18]. В Постановлении Государственной Думы Федерального собрания РФ от 14.12.2023 г. № 5515-8 ГД «Об информации министра культуры РФ О.Б. Любимовой о Государственном докладе о состоянии культуры в Российской Федерации и о ходе реализации государственной культурной политики Российской Федерации» дана рекомендация Правительству РФ (обладающему правом законодательной инициативы) ускорить подготовку «Концепции развития отечественной кинематографии на период 2030 года», при формировании проекта федерального бюджета на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг. актуализировать вопрос разработки Программы «Земский работник культуры», при актуализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2023 г.» опираться на обеспечение культурного суверенитета. 11 сентября 2024 г. Распоряжением Правительства РФ утверждена «Стратегия государственной культурной политики на период 2030 года». В ней подчеркнуто, что государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений.

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены изменения. Так, в ст. 75.1 сформулирована норма-принцип о создании в РФ условий для взаимного доверия государства и общества [1].

Нравственно-философская категория «доверие» в правовом поле регулирования процессов общественной жизни должна быть сформулирована как чёткое правовое понятие. На сегодняшний день в соответствии с выработанными позициями учёных-юристов и отдельных норм законодательства можно с уверенностью сказать, что доверие как правовая категория включает в себя единообразие официальной информации, достоверность официальной информации, открытость официальной информации [19].

9 февраля 2009 г. был принят Федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [20]. В ст. 4 данного Закона сформулированы основные принципы, которые регулируют доступ к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Среди прочих важными на основании ст. 6 являются принципы открытости, доступности и достоверности. Способы обеспечения доступности – обнародование (опубликование), размещение в сети «Интернет».

Государственный Доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2023 году» – это наиболее полное отражение реализации правовой политики в области открытости и гласности деятельности органов публичной власти [21]. В нём – отдельный раздел «Развитие системы информирования и консультирования потребителей». Исходя из анализа внутриведомственных информационных систем и ресурсов, действующих на основании существующего законодательства, сформулированы стратегические направления качественного улучшения информационных материалов для потребителей (на основе 170 тыс. информационных материалов). Доступ к ним обеспечивают 10 специализированных модулей. Среди них особого внимания заслуживает анализ судебной практики (39 тыс. актов).

Достоверность предоставляемой информации – ключевое направление в формировании правового законодательного поля цифрового государства, и отраслевые Государственные доклады являются важнейшим элементом этого процесса.

Таким образом, в условиях развития информационно-коммуникационных технологий современного информационного общества актуализировалось значение качества правовой политики. Среди множества источников официальной информации Государственный доклад является достоверным документом не только статистических данных, но и аналитических выводов, которые верифицированы с высокой степенью надёжности. Безусловно, данная «презумпция достоверности» определяется статусом и компетентностью органа государственной власти, который создает Государственный доклад.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
2. Малько А.В., Мальтузов Н.И. Теория государства и права: Курс лекций М.: Юристъ, 2000. 776 с.
3. Марченко М.Н. Правовая политика: понятие, субъекты, механизм реализации Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 5. С. 26–37.
4. Рудковский В.А. Основы правовой политики: проблемы понимания и практическое значение // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 5. С. 82–90.
5. Коробова А.П., Сорокин А.Г. О понятии правовой политики // Вопросы экономики и права. 2013. № 6. С. 7–11.
6. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды РФ в 2023 году». URL: https://2023.ecology-gosdoklad.ru/
7. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды РФ в 2022 г. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022.
8. Постановление Правительства РФ от 23 мая 2012 г. № 513 «О государственном докладе о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в РФ» // СПС Гарант.
9. Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2012 г. № 966 «О подготовке и распространении ежегодного государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды» // СПС Гарант.
10. Постановление Правительства РФ от 28 марта 2012 г. № 248 «О государственном докладе о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации» // СПС Гарант.
11. Постановление Правительства РФ от 29 июня 2015 г. № 645 «О подготовке и представлении Федеральному Собранию РФ ежегодного доклада Правительства РФ о реализации государственной политики в сфере образования» // СПС Гарант.
12. Постановление Правительства РФ от 5 апреля 2012 г. № 283 «О государственном докладе о защите прав потребителей в РФ» // СПС Гарант.
13. Постановление Правительства РФ от 11 июня 2015 г. № 585 «О порядке подготовки доклада о мерах, принимаемых для выполнения обязательств Российской Федерации по Конвенции о правах инвалидов» // СПС Гарант.
14. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
15. Государственный доклад «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации». URL: https://mintrud.gov.ru/docs/2670
16. Постановление от 26 ноября 2024 г. № 7395-8 ГД о Проекте Федерального закона № 729247-8 «О внесении изменений в федеральный закон «О молодежной политике в РФ» // СПС Гарант.
17. Государственный доклад о состоянии культуры в РФ в 2015 г. URL: https://www.muscollege.ru/images/doki/Gosudarstvenniy_doklad.pdf
18. Государственный доклад о состоянии культуры в РФ в 2023 г. URL: https://culture.gov.ru/documents/gosudarstvennyy-doklad-o-sostoyanii-kultury-v-rossiyskoy-federatsii-v-2023-godu.
19. Степкин С.П. Доктрина «доверия» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы её развития и оценки // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10. С. 30–44.
20. Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС КонсультантПлюс.
21. Государственный доклад «Защита прав потребителей в РФ в 2023 году». URL: https://rospn.gov.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=27780.

The State Report as an Element of the Mechanism of Formation of the Legal Policy of The State

Smirnova O.M.
Kazan State Medical University
Amirova R.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the topic is determined by the process of transformation of Russian legislation in the context of the formation of national development strategies of the Russian Federation. The purpose and objectives of the study are to determine the place of the State Report in the mechanism of legal policy. Scientific understanding of the content of the Reports in the context of industry specifics makes it possible to identify problems of interdepartmental interaction and eliminate them through the adoption of legislation. Therefore, analytical data and conclusions of the State Report are the most important tool for improving the legal activities of public authorities in the Russian Federation.

Keywords: the legal policy of the state, the State Report, social development, the mutual influence of politics and law, the system of legal and moral values

УДК 338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-369-373

Управление лояльностью потребителей в условиях цифровизации экономики

Соболева Ю.П.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и поведенческой экономики
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Мещанкин И.А.
Аспирант факультета бизнеса
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

В эпоху цифровой трансформации управление лояльностью потребителей приобретает особую значимость для бизнеса. Стремительное развитие информационных технологий, рост электронной коммерции и изменение потребительского поведения в цифровой среде создают новые вызовы и возможности для компаний в области построения долгосрочных отношений с клиентами. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью адаптации традиционных подходов к управлению лояльностью с учетом специфики цифровой среды. Новые цифровые инструменты и технологии открывают широкие возможности для персонализации взаимодействия с клиентами, анализа их поведения и предпочтений, создания уникального клиентского опыта.

Целью исследования является анализ современных подходов к управлению лояльностью потребителей в условиях цифровой экономики, а также разработка рекомендаций по повышению эффективности программ лояльности с использованием цифровых технологий. Для достижения указанной цели в статье рассматриваются современные подходы к управлению лояльностью потребителей в условиях цифровой экономики. Анализируются ключевые факторы, влияющие на формирование лояльности в цифровой среде, и инновационные инструменты ее повышения. Особое внимание уделяется роли персонализации, омниканальности и цифровых технологий в построении долгосрочных отношений с клиентами.

Методологической основой исследования послужил системный подход к изучению проблемы управления лояльностью потребителей в цифровой среде. В работе использованы методы теоретического анализа научной литературы, синтеза, обобщения, сравнения и систематизации данных. Информационную базу исследования составили научные публикации отечественных и зарубежных авторов по проблемам управления лояльностью потребителей, маркетинга взаимоотношений, цифрового маркетинга. Также были проанализированы аналитические отчеты и статистические данные по развитию электронной коммерции и цифровых технологий в России.

Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по формированию эффективных стратегий управления лояльностью в цифровом пространстве. В этой связи

современным компаниям рекомендуется разработать комплексную стратегию управления клиентским опытом во всех цифровых и офлайн-каналах; внедрить системы сбора и анализа данных о поведении клиентов для создания персонализированных предложений; использовать инновационные цифровые инструменты (чат-боты, технологии дополненной реальности, геолокационные сервисы) для повышения вовлеченности клиентов; обеспечить высокий уровень защиты персональных данных клиентов и прозрачность их использования; регулярно проводить анализ эффективности программ лояльности и корректировать их на основе полученных данных.

Ключевые слова: *лояльность потребителей, цифровая экономика, управление лояльностью, персонализация, омниканальность, цифровые технологии, клиентский опыт*

Для цитирования: *Соболева Ю.П. Мещанкин И.А. Управление лояльностью потребителей в условиях цифровизации экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 369–373. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-369-373.*

Цифровая экономика характеризуется высокой конкуренцией, прозрачностью рынка и доступностью информации для потребителей. В таких условиях лояльность клиентов становится ключевым фактором устойчивого развития бизнеса. Компании, способные эффективно управлять лояльностью в цифровом пространстве, получают значительные конкурентные преимущества [1].

Цифровизация существенно меняет характер взаимодействия между компаниями и потребителями. Развитие электронной коммерции, социальных сетей и мобильных технологий создает новые возможности для построения долгосрочных отношений с клиентами, но в то же время ставит перед бизнесом новые вызовы.

Одним из ключевых трендов в управлении лояльностью становится персонализация взаимодействия на основе анализа больших данных. Компании стремятся создавать индивидуальные предложения и контент, учитывающие предпочтения и поведение каждого клиента. Другим важным аспектом является омниканальный подход, обеспечивающий единый клиентский опыт во всех точках контакта с брендом.

Современные исследования по вопросам управления лояльностью потребителей в цифровой среде достаточно обширны и охватывают изучение различных вопросов, среди них: особенности формирования лояльности в цифровой среде, влияние цифровых технологий на взаимодействие с потребителями, инновационные инструменты повышения лояльности, роль персонализации и омниканальности в управлении клиентским опытом, методы анализа и оценки лояльности в цифровом пространстве. Данная работа углубляет и расширяет научное знание по исследуемой проблеме.

На основе изученных источников [2–5] авторами настоящего исследования систематизированы основные факторы, влияющие на лояльность потребителей в цифровой среде, и их относительная значимость (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, наибольшее влияние на лояльность потребителей в цифровой среде оказывают такие факторы, как персонализация, омниканальность, скорость реакции на запросы и обеспечение безопасности данных. Это подчеркивает важность комплексного подхода к управлению клиентским опытом в цифровой экономике.

Для эффективного управления лояльностью компании активно внедряют различные цифровые инструменты и технологии. В таблице 2 систематизированы наиболее популярные из них.

Анализ данных показывает, что наиболее распространенными инструментами управления лояльностью в цифровой среде остаются *email*-маркетинг и мобильные приложения. Эти инструменты также демонстрируют высокую эффективность. Персонализированные рекомендации и программы лояль-

Таблица 1

Ключевые факторы, влияющие на лояльность потребителей в цифровой экономике [2–5]

Фактор	Степень влияния	Описание
Персонализация	Высокая	Индивидуальный подход к каждому клиенту на основе анализа данных
Омниканальность	Высокая	Единый клиентский опыт во всех каналах взаимодействия
Качество цифровых сервисов	Средняя	Удобство, скорость и функциональность цифровых платформ
Программы лояльности	Средняя	Наличие и привлекательность бонусных программ
Контент-маркетинг	Средняя	Предоставление релевантного и полезного контента
Скорость реакции	Высокая	Оперативные ответы на запросы в цифровых каналах
Защита данных	Высокая	Обеспечение безопасности персональных данных клиентов

Таблица 2

Использование цифровых инструментов в управлении лояльностью [4; 6]

Инструмент	Доля компаний, использующих инструмент	Эффективность
Email-маркетинг	80 %	Высокая
Мобильные приложения	65 %	Высокая
Персонализированные рекомендации	55 %	Средняя
Программы лояльности в соцсетях	50 %	Средняя
Геолокационные сервисы	40 %	Средняя
Чат-боты и виртуальные ассистенты	35 %	Низкая
Технологии дополненной реальности	15 %	Низкая

ности в социальных сетях используются более чем половиной компаний и показывают среднюю эффективность.

Стоит отметить, что, несмотря на относительно низкое распространение таких инновационных технологий, как чат-боты и дополненная реальность, эксперты прогнозируют рост их популярности и эффективности в ближайшие годы [5].

Таким образом, эффективное управление лояльностью потребителей в цифровой экономике требует комплексного подхода, сочетающего персонализацию взаимодействия, омниканальность, использование современных цифровых инструментов и обеспечение высокого качества клиентского опыта во всех точках контакта с брендом.

Следовательно, цифровая трансформация радикально меняет ландшафт взаимодействия с клиентами. Современные потребители ожидают «не просто качественных продуктов или услуг, но и уникального, персонализированного опыта на всех этапах взаимодействия с брендом». В этих условиях компании вынуждены переосмысливать свои подходы к управлению лояльностью [7].

Интеграция голосовых технологий и виртуальных ассистентов в программы лояльности открывает новые возможности для взаимодействия с клиентами. Голосовые интерфейсы позволяют сделать процесс управления бонусами и получения информации о программе более естественным и удобным для пользователей. Согласно исследованиям, 41 % потребителей готовы использовать голосовые помощники для участия в программах лояльности [5].

Анализ больших данных становится ключевым инструментом в управлении лояльностью. Компании используют передовые аналитические инструменты для создания детальных профилей клиентов, прогнозирования их поведения и разработки персонализированных предложений. Это позволяет значительно повысить эффективность маркетинговых кампаний и увеличить уровень удовлетворенности клиентов [5].

Геймификация программ лояльности приобретает все большую популярность. Внедрение игровых механик, таких как уровни, достижения и соревнования между участниками, позволяет повысить вовлеченность клиентов и сделать процесс накопления бонусов более увлекательным. Исследования показывают, что программы лояльности с элементами геймификации демонстрируют на 30 % более высокие показатели активности участников [8].

Растет значимость социальной ответственности брендов в формировании лояльности. Потребители все чаще отдают предпочтение компаниям, которые разделяют их ценности и вносят позитивный вклад в общество. Программы лояльности, интегрирующие элементы социальной и экологической ответственности, позволяют компаниям укрепить эмоциональную связь с клиентами и повысить их приверженность бренду [9].

Трансформируется и сама концепция программ лояльности. На смену традиционным схемам «покупай больше – получай больше» приходят более сложные и многогранные модели, учитывающие не только финансовые транзакции, но и другие формы взаимодействия с брендом. Например, участие в социальных инициативах компании, создание пользовательского контента или рекомендации друзьям [3].

Использование технологии блокчейн открывает новые перспективы в управлении лояльностью. Децентрализованные программы лояльности на базе блокчейна обеспечивают высокий уровень прозрачности и безопасности, а также позволяют создавать глобальные экосистемы лояльности, объединяющие различные бренды и сервисы [1].

Персонализация выходит на новый уровень благодаря применению технологий машинного обучения и предиктивной аналитики. Компании не просто реагируют на действия клиентов, но и предугадывают их будущие потребности, предлагая релевантные продукты и услуги еще до возникновения явного запроса [10].

Мобильные приложения становятся центральным элементом программ лояльности. Они обеспечивают мгновенный доступ к информации о бонусах, персональным предложениям и позволяют интегрировать программу лояльности в повседневную жизнь клиентов. Статистика показывает, что пользователи мобильных приложений программ лояльности совершают покупки на 25 % чаще, чем другие клиенты [6].

Развитие интернета вещей (*IoT*) создает новые возможности для сбора данных о поведении потребителей и автоматизации процессов начисления бонусов. Например, умные устройства могут автоматически регистрировать покупки и начислять

баллы, делая участие в программе лояльности максимально удобным для клиента [5].

Эмоциональная составляющая лояльности приобретает все большее значение. Компании стремятся создавать не просто программы накопления бонусов, а целостные экосистемы, обеспечивающие уникальный опыт и эмоциональную связь с брендом. Это включает в себя эксклюзивные мероприятия, персональные консультации, доступ к закрытым сообществам и другие нематериальные преимущества [2].

Внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности открывает новые горизонты в создании иммерсивного опыта для участников программ лояльности. Эти технологии позволяют организовывать виртуальные туры по производству, проводить онлайн-мастер-классы и создавать интерактивные каталоги продукции [11].

Межотраслевые партнерства становятся ключевым трендом в развитии программ лояльности. Компании из различных секторов объединяют свои усилия для создания комплексных предложений, охватывающих различные аспекты жизни потребителей. Это позволяет увеличить ценность программы для клиентов и расширить возможности для использования накопленных бонусов [6].

В контексте растущей конкуренции за внимание потребителей, скорость и удобство становятся критическими факторами успеха программ лояльности. Компании внедряют технологии бесконтактных платежей, биометрической идентификации и автоматического начисления баллов для минимизации усилий, требуемых от клиента для участия в программе [4].

В ходе исследования были проанализированы современные подходы к управлению лояльностью потребителей в условиях цифровой экономики. Результаты анализа научной литературы и статистических данных позволили выявить ключевые тенденции и факторы, влияющие на формирование лояльности в цифровой среде.

Проведенное исследование показало, что управление лояльностью потребителей в условиях цифровой экономики требует новых подходов и инструментов. Ключевыми факторами успеха становятся персонализация взаимодействия, омниканальность, использование инновационных цифровых технологий и глубокий анализ данных о поведении клиентов. Цифровая трансформация открывает широкие возможности для повышения эффективности программ лояльности. Компании могут использовать большие данные и искусственный интеллект для прогнозирования потребностей клиентов, создавать персонализированные предложения и контент, внедрять интерактивные механики взаимодействия. При этом важно помнить, что в основе лояльности по-прежнему лежат базовые принципы – высокое качество продуктов и услуг, эмоциональная связь с брендом, доверие. Цифровые технологии должны дополнять и усиливать эти фундаментальные элементы, а не заменять их.

В заключении стоит отметить, что управление лояльностью в цифровой экономике – это непрерывный процесс адаптации к меняющимся потребностям клиентов и технологическим инновациям. Компании, способные эффективно использовать возможности цифровых технологий для укрепления связей с потребителями, получат значительные конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Прозоров Д.М. Повышение лояльности потребителя образовательных услуг путем проведения дополнительных активностей и послеучебного сопровождения в условиях рыночной экономики // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 7. С. 146–150.
2. Балабанова Л.В., Анциферова Е.А. Управление лояльностью потребителей. Донецк: ИП Клеймёнов, 2023. 190 с.
3. Кант М.Д.Р. Лояльность потребителей в условиях цифровизации экономики как объект исследования // Инновации и инвестиции. 2022. № 12. С. 293–298.
4. Плещенко В.И. Проблема обеспечения лояльности промышленных потребителей в условиях цифровизации и развития экономики совместного потребления // Логистика сегодня. 2022. № 4. С. 298–303. DOI 10.36627/2500-1302-2022-4-4-298-303.
5. Щетинина Е.А., Куркис М. Новые аспекты и методы управления лояльностью корпоративных потребителей в условиях расширения цифровой среды // Белгородский экономический вестник. 2022. № 1(105). С. 33–42.
6. Цифровой маркетинг в 2024 году. URL: https://vc.ru/marketing/1138556-cifrovoi-marketing-v-2024-godu-polnoe-rukovodstvo (дата обращения: 24.09.2024).

7. Беланова К.А. Обзор и систематизация подходов к управлению лояльностью конечных потребителей на рынке e-pharma // XII Конгресс молодых ученых: сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 03-06 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: Нац. исслед. ун-тет ИТМО, 2023. С. 272–277.
8. Горелова Т.П. Управление лояльностью потребителей в социальных сетях // Вестник Академии. 2021. № 4. С. 7–15.
9. Оразметова А. Маркетинг в «зеленой» экономике: повышение лояльности потребителей // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 12(69). С. 227–230.
10. Кетова Н.П. Учет факторов и критериев лояльности потребителей продовольственных товаров при управлении их покупательскими предпочтениями // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 6. С. 1865–1876. DOI: 10.18334/epp.13.6.117789.
11. Устюжина А. Ю. Управление лояльностью потребителей услуг: программы лояльности // Чита: Забайкальский государственный университет. Материалы XIV Международной научно-практической конференции ««Инновационные технологии в технике и образовании». 2022. С. 337–340.

Managing Consumer Loyalty in the Conditions of Digitization of the Economy

Soboleva Yu.P., Meshchankin I.A.
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

In the era of digital transformation, customer loyalty management is of particular importance for business. The rapid development of information technology, the growth of e-commerce and changes in consumer behavior in the digital environment create new challenges and opportunities for companies in the field of building long-term relationships with customers. The relevance of the research topic is due to the need to adapt traditional approaches to loyalty management taking into account the specifics of the digital environment. New digital tools and technologies open up wide opportunities for personalizing interactions with customers, analyzing their behavior and preferences, and creating a unique customer experience.

The purpose of the study is to analyze modern approaches to managing consumer loyalty in the digital economy, as well as to develop recommendations for improving the effectiveness of loyalty programs using digital technologies. To achieve this goal, the article considers modern approaches to managing consumer loyalty in the digital economy. The key factors influencing the formation of loyalty in the digital environment and innovative tools for increasing it are analyzed. Particular attention is paid to the role of personalization, omnichannel and digital technologies in building long-term relationships with customers.

The methodological basis of the study was a systems approach to studying the problem of managing consumer loyalty in the digital environment. The work uses the methods of theoretical analysis of scientific literature, synthesis, generalization, comparison and systematization of data. The information base of the study was made up of scientific publications of domestic and foreign authors on the problems of consumer loyalty management, relationship marketing, digital marketing. Analytical reports and statistical data on the development of e-commerce and digital technologies in Russia were also analyzed.

The practical significance of the work lies in the development of recommendations for the formation of effective loyalty management strategies in the digital space. In this regard, modern companies are advised to develop a comprehensive strategy for managing customer experience in all digital and offline channels; implement systems for collecting and analyzing data on customer behavior to create personalized offers; use innovative digital tools (chatbots, augmented reality technologies, geolocation services) to increase customer engagement; ensure a high level of protection of customer personal data and transparency of their use; regularly analyze the effectiveness of loyalty programs and adjust them based on the data obtained.

Keywords: consumer loyalty, digital economy, loyalty management, personalization, omnichannel, digital technologies, customer experience

УДК 331.5.024.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-374-378

Инклюзивное трудоустройство как императив гуманизации современной экономики*

Циканова Л.М.
Старший преподаватель кафедры экономики и управления
Российского государственного университета социальных технологий (Москва)

Казова З.М.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления
Российского государственного университета социальных технологий (Москва)

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью развития инклюзивного подхода к вопросу трудоустройства людей с инвалидностью как необходимого элемента социально-экономической адаптации этой группы общества. Инвалиды сталкиваются с вызовами и препятствиями как в трудовой, так и в общественной жизни, с социальной стигматизацией и барьерами, препятствующими их полноценной социальной вовлеченности. В статье рассматривается взаимообусловленность инклюзивного трудоустройства и гуманизации экономики как индикатор развития современного общества.

Цель исследования заключается в выявлении и обосновании целесообразности развития инклюзивного трудоустройства в контексте формирования принципов гуманизма в современном обществе. Задачи исследования включают изучение социально-экономических аспектов, влияющих на проблему трудоустройства инвалидов, а также выявление детерминант развития инклюзивного и справедливого общества.

Научная значимость исследования заключается в детекции права инвалидов на социально-экономическую реализацию через призму формирования толерантного и справедливого общества. Ценность исследования и научная новизна заключается в расширении осведомленности общества об особенностях трудоустройства инвалидов и проблемах, связанных с созданием инклюзивного и толерантного общества.

Ключевые слова: *трудовая сегрегация, инклюзивная культура, социальная стигматизация, инклюзивное трудоустройство, гуманизм, толерантность, люди с инвалидностью*

Для цитирования: *Циканова Л.М., Казова З.М. Инклюзивное трудоустройство как императив гуманизации современной экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 374–378. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-374-378.*

В современном обществе, фундаментальными принципами которого являются уважение к человеческому достоинству, гуманизм и равные права для всех граждан, создание инклюзивной среды приобретает особую значимость и становится необходимым условием для построения справедливого и толерантного социума.

В контексте занятости концепция инклюзивности предполагает создание условий для равноцен-

* Работа выполнена в рамках государственного задания «Разработка экономико-правовых механизмов взаимодействия работодателей и инвалидов (в том числе с учетом особенностей оценки условий труда для различных нозологий): как элемент повышения социального благополучия регионов» (шифр FSMN 2023 0008).

ной конкуренции на рынке труда, устранения преград и обеспечения доступа к профессиональным возможностям для всех граждан, независимо от особенностей здоровья. Современным трендом в мировом бизнес-ландшафте выступает формирование положительного имиджа компаний, в связи с чем актуализируется тенденция к реализации инклюзивного подхода, подразумевающего равноправие и социальную интеграцию всех групп общества, включая людей с инвалидностью, и обеспечивающего этические преимущества бизнесу.

Инклюзивное трудоустройство выступает определяющим фактором процесса интеграции инвалидов в общественную жизнь. Сегодня вектор развития социума претерпевает фундаментальное переосмысление, выдвигаются тезисы гуманизма и инклюзивной повестки. Концепция инклюзии зародилась в процессе эволюции социально-культурных процессов и трансформации понимания прав и достоинств человека. Инклюзивная культура выражается в толерантном и гуманном социальном взаимодействии. Культура относится к процессу принятия эвристических решений, которые обычно проявляются в виде ценностей, убеждений, социальных норм, и играет важную роль в процессе исторического и социально-экономического развития [1].

Гуманизацию экономики можно представить как социально необходимую траекторию очеловечивания экономических процессов. По В.И. Вернадскому, императивами гуманизации современной экономики резонно считать определённой набор глубоко осознаваемых насущных, экзистенциальных потребностей человека и общества, обеспечивающих такой способ хозяйственной деятельности, который бы оптимизировал природную экологию и экологию цивильности, то есть обеспечивал гармонию человека, экономики и природы [2].

Тема исследования, выступая междисциплинарным предметом обсуждения, рассмотрена такими зарубежными и отечественными авторами, как Г. Беккер, М. Вебер, Д. Тернер, В.А. Дубинец, Л.В. Тихомирова, Э.К. Наберушкина и др. В то же время остается необходимость в переосмыслении детерминирующей роли инклюзивности трудоустройства в процессе объективно необходимой гуманизации экономики. Проблема трудоустройства инвалидов нуждается в комплексном социально-экономическом анализе.

Международные нормы, закрепленные в «Конвенции о правах инвалидов», устанавливают право инвалидов на труд наравне с другими, оно включает право на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согласился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для инвалидов [3].

Российская Федерация ратифицировала «Конвенцию о правах инвалидов» в 2012 г. [4], в соответствии с которой в отечественной нормотворческой сфере закреплены фундаментальные принципы формирования инклюзивной среды. В частности, при трудоустройстве людей с инвалидностью основополагающим фактором является недопустимость дискриминации по признаку инвалидности, законодательно закрепленная в ст. 3.1 Федерального закона от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Под дискриминацией по признаку инвалидности понимается любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью либо результатом которых является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех гарантированных в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области [5].

Государственные инициативы расширяют возможности поиска работы для людей с особенностями здоровья [6]. В Российской Федерации работодателям на законодательном уровне установлены квоты приема на работу инвалидов в размере от 2 до 4 % в зависимости от количества работников. Для повышения эффективности действующей системы квотирования Правительство РФ утвердило «Концепцию по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 года», согласно которой организации, трудоустраивающие людей с ограниченными возможностями здоровья, могут получить «субсидии на оборудование специальных рабочих мест (до 500 тыс. руб.) и приоритетный доступ к госзакупкам для компаний, которые принимают на работу инвалидов сверх установленных квот; дополнительное льготное кредитование и налогообложение; субсидирование оплаты труда инвалидов, работающих на «дополнительных рабочих местах» [7].

На сегодняшний день административная ответственность работодателей за нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и несоблюдение норм квотирования представлена в виде незначительного штрафа (от 5 до 10 тыс. руб.), который не оказывает на них стимулирующего воздействия. Этот аспект проработан Правительством РФ и в Концепции предусмотрено «усиление административной ответственности за нарушение работодателями прав инвалидов в области трудоустройства и занятости, а также за не заполнение квот» [7].

Таким образом, в Российской Федерации проводится активная государственная политика по повышению уровня занятости людей с инвалидностью, что выступает важным индикатором социально-экономического развития страны. По оценке Правительства РФ, экономике России потребуется до

2,4 млн дополнительных работников на период до 2030 г. [8]. Одним из потенциальных источников восполнения дефицита рабочей силы на российском рынке труда являются инвалиды в трудоспособном возрасте [8]. По данным Министерства труда и социальной защиты на март 2024 г., в России насчитывается порядка 11,2 млн граждан с инвалидностью, в том числе 4,3 млн трудоспособного возраста из них работают 1,1 млн чел. [9].

Инвалидность затрагивает около 15 % населения мира – каждый седьмой человек на Земле живет с одной из форм инвалидности. При этом, по оценкам Всемирного экономического форума, только 4 % компаний в мире нацелены на формирование рабочих предложений для таких людей [10].

Несмотря на проводимую работу как на национальном, так и на международном уровне, в обществе все еще недостаточно развита инклюзивная толерантность. Инициативная нравственно-этическая позиция и готовность к принятию выступают базисом формирования толерантности общества к людям с инвалидностью. С.К. Бондырева отмечает, что в идее толерантности лежит отсутствие оснований для негативной реакции, либо сдерживание индивидом собственных отрицательных побуждений [11].

Социальные предрассудки в отношении инвалидов являются одной из основных преград на пути к повышению толерантности в современном обществе. Зачастую люди имеют предвзятое мнение о возможностях, способностях и ценности инвалидов, основываясь на стереотипах и ограниченных представлениях. Например, распространенные предрассудки связаны с низкой производительностью, тотальной зависимостью от посторонней помощи. Результатом таких предрассудков может быть исключение, дискриминация и социальная сегрегация людей с инвалидностью. Стереотипный подход работодателей к людям с инвалидностью основывается на представлениях об их низком социальном статусе и занижении потенциальных возможностей.

В то же время люди с инвалидностью имеют высокую мотивацию к реализации в трудовой сфере, но ввиду барьеров, диктуемых низким уровнем развития инклюзивной культуры, не могут в полной мере реализовать свой потенциал. Эйблизм может оказывать негативное воздействие на психоэмоциональное состояние людей с инвалидностью, социальную интеграцию, а также на принятие решения о трудоустройстве.

Одним из важнейших факторов, определяющих возможности организации добиваться своих целей, является корпоративная культура, представляющая собой совокупность предположений, ценностей и верований, принимаемых и разделяемых членами коллектива, и составляющая основу их отношений и взаимодействий в организации и за ее пределами [12]. В современной повестке в основу корпоративных ценностей должны закладываться принципы гуманизма, справедливости и равноправия, содержащие этические преимущества и укрепляющие репутационную составляющую.

Почти десятилетняя исследовательская работа Catalyst показала, что диверсифицированные управленческие команды являются инновационными благодаря когнитивному разнообразию и способности затрачивать меньше времени на принятие эффективных решений [10]. Концепция разнообразия и инклюзивности (*Diversity and Inclusion, D&I*) – это корпоративный принцип, по которому компания создает рабочую среду на условиях равенства всех людей, отсутствия дискриминации, вовлеченности сотрудников в бизнес-задачи, учета их интересов и потребностей [13]. По данным исследования, корпорации с развитой *D&I*-культурой значительно превосходят конкурентов по уровню прибыли: разрыв составил 25–36 % в пользу диверсифицированных команд [10]. Аналогичные результаты демонстрируют исследования, проведенные международной консалтинговой компанией *McKinsey and Company:* корпорации с развитой *D&I*-культурой имеют повышенную вероятность прибыльности выше среднего [14]. Вместе с тем некоторые специалисты отмечают, что этот принцип сам по себе не повышает эффективность бизнеса. Имеет значение то, как компания его применяет и готова ли она скорректировать свою управленческую структуру [13].

Касательно имиджевой составляющей организации с инклюзивной деловой культурой и практикой имеют на 57,8 % больше шансов улучшить репутацию, поскольку и потребители, и сотрудники считают взаимодействие с брендом этически ценным и верным [10]. В числе субъектов экономики, опыт реализации инклюзивной политики которых может стать показательным, выделяются *Apple, Google, Amazon*, *L'Oréal*, МТС, РЖД.

Зарубежная практика инклюзивного трудоустройства свидетельствует о применении системы квотирования рабочих мест для людей с инвалидностью, в контексте чего примечателен опыт Франции, где такая квота составляет 6 % рабочих мест на предприятиях с количеством работников 20 и более человек [15]. Уникальный вклад в развитие инклюзивности и гуманизма экономики вносит опыт компаний, в которых трудятся исключительно люди с инвалидностью, в частности, обувные магазины Tempe в Испании, сеть кофеен «Инклюзивный бариста» в Беларуси, кафе «Время перемен» в г. Махачкале.

Среди крупных российских компаний, способных оказать стимулирующее воздействие на рынок труда, выделяется ПАО «Сбербанк», реализующий инклюзивную политику как в части принятия на работу людей с инвалидностью, так и обслуживания клиентов этой группы населения, в связи с чем создан инклюзивный сервис «Особенный банк» [16].

Сегодня в России содействие в решении вопроса повышения занятости и трудовой интеграции людей с инвалидностью оказывают специализированные платформы по инклюзивному трудоустройству: социальное агентство сопровождаемого трудоустройства «Работа-i», а также социальный предпринимательский проект *Eveland*.

О насущной необходимости развития в отечественной практике концепции инклюзивного трудоустройства свидетельствует тот факт, что в январе 2024 г. на вакансии, доступные для людей с инвалидностью, приходилось 3,3 % от всех предложений о работе в стране [17].

Проведенное исследование свидетельствует о том, что инклюзивная корпоративная культура повышает социокультурную интеграцию и эффективность труда. Проблема трудоустройства людей с инвалидностью – это многогранное явление, среди причин которого детерминируется социальная и трудовая сегрегация, а также психологический аспект отношения к своим возможностям. К основным барьерам, ограничивающим трудовую деятельность людей с инвалидностью, можно отнести инфраструктурные ограничения, отсутствие специально оборудованных рабочих мест, недостаточное количество вакансий, предполагающих гибкий график работы с учетом особых потребностей. Люди из уязвимых групп часто оказываются неучтенными в коммуникациях, сталкиваются с дискриминацией при приеме на работу или обслуживании, с физическими ограничениями на улицах и в магазинах, с трудностями при использовании сайтов и мобильных приложений [10]. Определяющим экономическим барьером инклюзивного трудоустройства является преследование бизнесом цели достижения быстрой экономической результативности, а также отсутствие достаточных стимулов работодателей для приема на работу людей с инвалидностью.

Важно отметить, что на ограничение развития инклюзивного трудоустройства оказывает воздействие социальная стигматизация, основанная на стереотипном, дискриминационном мышлении и приводящая к социальной изоляции, ухудшению психологического состояния и сдерживающая интеграцию в социум.

Для реализации принципов гуманизма современных экономических процессов необходимо создавать условия для искоренения трудовой сегрегации и обеспечения равного доступа всех групп социума к трудовой деятельности, самореализации личности.

Меры, реализуемые на государственном уровне в целях повышения уровня занятости инвалидов, включают поддержку работодателей, развитие инфраструктуры для инвалидов, улучшение системы профессиональной ориентации и повышение мотивации инвалидов к трудоустройству.

Депутаты Госдумы Российской Федерации от «Единой России» разработали законопроект, который обяжет бизнес, а также региональные и муниципальные власти создавать доступную среду для инвалидов [18]. В 2023 г. глава государства утвердил перечень поручений по итогам заседания Наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив (АСИ). В частности, речь идет о развитии инклюзивного проекта «Открыто для всех», рассмотрении механизмов включения бизнеса в проекты по развитию инклюзивных практик. Цель проекта – включить бизнес в создание и развитие доступной среды для людей с инвалидностью, что направлено на самореализацию людей с ОВЗ, их образование и трудоустройство [19].

Ориентир на инклюзивную стратегию, способствующую трудовой адаптации и социокультурной ассимиляция людей с инвалидностью, способен сформировать позитивную репутацию бизнеса, тем самым повышая привлекательность для потребителей и инвесторов. Современное общество нуждается в модернизации представлений об инклюзивности, ее месте в социально-экономическом развитии, избавлении от эйблизма. Сегодня детерминантой эффективных социально-экономических преобразований должна стать инклюзивная повестка как импульс формирования толерантного социума, основанного на принципах гуманизма.

Литература:

1. Фиапшев А.Б., Циканова Л.М., Фиапшева А.А. Культура как источник исторического процесса и фактор экономического развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 11(248). С. 45–50.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
3. Конвенция о правах инвалидов от 13.12.2006 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml
4. Федеральный закон от 03.05.2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // СПС Гарант.
5. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в ред. от 29.05.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

6. Белова А. Трудоустройство с особенностями // Рыбинские известия. URL: https://gazeta-rybinsk.ru/2023/07/31/121117
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2024 г. № 2401-р «Об утверждении Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. и плана мероприятий по реализации Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Минтруд запланировал поднять занятость инвалидов на фоне дефицита кадров. Что мешает бизнесу нанимать их на работу // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/01/07/2024/667d3fc89a7947dee0d39c05?ysclid=m44jkdbxs0763825389
9. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: https://mintrud.gov.ru/employment/213
10. Бизнес в разнообразии // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5413091
11. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность (введение в проблему). М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. 240 с.
12. Фиапшев А.Б. Корпоративные и индивидуальные ценности и их согласование в процессе управления персоналом кредитной организации // Социально-гуманитарные проблемы современности: сб. науч. трудов по материалам Межд. науч.-практ. конф.: в 5 ч., Белгород, 30 сентября 2017 г. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Ч. II. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 135–142.
13. Diversity-принцип. URL: https://www.unisender.com/ru/glossary/chto-takoe-diversity-and-inclusion/
14. Diversity matters even more: The case for holistic impact. URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/diversity-and-inclusion/diversity-matters-even-more-the-case-for-holistic-impact
15. Карьера людей с инвалидностью в Европе: как это устроено // Официальный сайт Агентства социальной информации. URL: https://asi.org.ru/2021/06/01/trudoustrojstvo-lyudej-s-invalidnostyu-zarubezhnyj-opyt/?ysclid=m4dfa6rvor599107843
16. Официальный сайт ПАО «Сбербанк». URL: http://www.sberbank.ru/ru/person/specialbank
17. Парамонова Н. Дефицитные кадры: почему бизнесу так сложно нанимать сотрудников с инвалидностью // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/sustainability/508303-deficitnye-kadry-pocemu-biznesu-tak-slozno-nanimat-sotrudnikov-s-invalidnost-u?ysclid=m490jerqr695324116
18. Задера С. Правительство поддержало создание доступной среды на туристических объектах // Российская газета. URL: https://rg.ru/2024/11/25/
19. Владимир Путин поручил АСИ подключиться к созданию доступной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья // Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/news/192895/?ysclid=m45ftxns1s696870046

Inclusive Employment as an Imperative for Humanization of Modern Economy

Tsikanova L.M., Kazova Z.M.
Russian State University of Social Technologies

The relevance of the research topic is conditioned by the need to develop an inclusive approach to the issue of employment of people with disabilities as a necessary element of socio-economic adaptation of this group of society. Persons with disabilities face challenges and obstacles in both working and social life, social stigmatization and barriers that prevent their full social inclusion. The article considers the intersectionality of inclusive employment and humanization of the economy as an indicator of the development of modern society.

The purpose of the research is to identify and justify the feasibility of developing inclusive employment in the context of forming the principles of humanism in modern society. The objectives of the research include the study of socio-economic aspects affecting the problem of employment of people with disabilities, as well as the identification of determinants of the development of an inclusive and just society.

The scientific significance of the research lies in the detection of the right of the disabled to socio-economic realization through the prism of forming a tolerant and just society. The value of the research and scientific novelty is to increase public awareness of the peculiarities of employment of persons with disabilities and the challenges of creating an inclusive and tolerant society.

Keywords: employment segregation, inclusive culture, social stigma, inclusive employment humanism, tolerance, people with disabilities

УДК 332.024
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-379-383

Модель системы экологичного обращения с отходами: практика построения системы как основы экологической безопасности жизнедеятельности населения на территории Свердловской области

Зубова Н.В.
Директор Екатеринбургского муниципального унитарного предприятия «Спецавтобаза» (Екатеринбург)

Малютин В.В.
Коммерческий директор Екатеринбургского муниципального унитарного предприятия «Спецавтобаза» (Екатеринбург)

В статье представлена комплексная модель организации экологичной системы обращения с отходами, реализуемая на территории Свердловской области. Выявлены основные факторы, формирующие экологичность территории, и раскрыто их содержание. Модель реализована в практической деятельности регионального оператора Екатеринбургского муниципального унитарного предприятия «Спецавтобаза» на территории Свердловской области. Комплексность и универсальность подхода обеспечивают возможность масштабирования модели экологизации территории, актуализируя ее под региональную специфику.

Ключевые слова: *региональный оператор, система обращения с отходами, экологизация территории, модель комплексного обращения с отходами, экологическое просвещение, экологическая модель поведения*

Для цитирования: *Зубова Н.В., Малютин В.В. Модель системы экологичного обращения с отходами: практика построения системы как основы экологической безопасности жизнедеятельности населения на территории Свердловской области // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 379–383. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-379-383.*

Желание людей иметь благоприятную окружающую среду – это осознанный выбор большинства. Население испытывает потребность мыслить, жить и делать экологично. Удовлетворение потребности населения в экологически безопасной среде обеспечивается за счет построения эффективной системы обращения с отходами производства и потребления, основанной на создании современных схем очистки территории населенных пунктов, за счет создания оптимальной инфраструктуры сбора, основой которой является организация мест накопления, укомплектованных соответствующим оборудованием, внедрение эффективных технологий транспортирования, переработки и размещения отходов. Благодаря чему происходит снижение количества объема и массы отходов на объектах размещения, значительное уменьшение вредных выбросов в атмосферу, сокращение площади занимаемых земельных участков под размещение отходов.

Для создания экологичной системы обращения с отходами на территории определен комплекс взаимосвязанных целей и задач-мероприятий (табл. 1).

В целях удовлетворения потребности населения в обеспечении экологичного образа жизни и развития территории как безопасной и экологически благоприятной системы разработана модель комплексного обращения с отходами. Модель строится по принципу кластерной многофакторной матема-

Таблица 1

Экологичная система обращения с отходами: цели, задачи

Цель	Задача
Достижение полного охвата системой сбора отходов всех отходообразователей для обеспечения безопасного уровня обращения с ними	Организация мест накопления и укомплектование их оборудованием, обеспечивающим удобство пользования и эффективность сбора для максимального выделения полезных фракций
Создание условий для максимального сохранения ресурсного потенциала использования отходов при сборе, транспортировании и обработке	1. Развитие инфраструктуры обращения с отходами от организации мест накопления до современных технологичных объектов обращения с отходами. 2. Развитие института утилизаторов. 3. Стимулирование субъектов производственных и промышленных секторов экономики к применению вторичного сырья и товаров, изготовленных из него
Нормативно-правовое регулирование системы	1. Унификация содержания нормативно-правовых актов. 2. Формирование практики, исключающей разное толкование при правоприменении. 3. Закрепление обязанности отходообразователей по использованию экологичных методов обращения с отходами
Формирование экологичной модели поведения населения	Реализация комплекса эколого-просветительских мероприятий для каждой целевой аудитории

тической модели, т.е. территория рассматривается не в рамках определённых административными границами муниципальных образований, а в качестве имеющей основные факторы, обеспечивающие устойчивость и целостность системы (табл. 2).

Основным показателем, отражающим эффективность системы обращения с отходами, является объем отходов, направляемых на размещение. По Екатеринбургской агломерации данный показатель на 01.08.2024 г. составляет 93 %, в условиях, когда система раздельного накопления отходов (далее – РНО) реализована на 20 % мест накопления территории и осуществляется направление 20 % отходов на обработку способом ручной сортировки на мусоросортировочном комплексе «Широкореченский» (Екатеринбург).

На сегодняшний день на предприятии в целях достижения показателей экологизации обслуживаемых территорий осуществляется моделирование значений основных факторов по направлениям в разрезе территории, их группировка по территориальной специфике (городские и сельские). Основные направления моделирования – это транспортирование (табл. 3), организация мест накопления (табл. 4) (далее – МН) и эколого-просветительская деятельность (табл. 5). В представленных ниже данных отражены обобщенные показатели по территории обслуживания в целом, без деления на муниципальные образования и населенные пункты, а также территориальную специфику.

С 2023 г. региональным оператором проводились регулярные социологические опросы потребителей по вопросам экологии и реализации системы обращения с отходами. Среднее количество респондентов – от 11 тыс. чел.

Формирование экологической модели поведения у населения территории осуществляется посредством реализации комплекса эколого-просветительских мероприятий для каждой целевой аудитории. Реализация направления проходит в составе модуля «Зеленая академия», реализуемого с 2019 г.

Таблица 2

Содержание факторов, формирующих показатель экологичности территории

Факторы, формирующие кластер	Содержание
Территориальная организация	Плотность образования отходов на территории. Показатели: объем образования отходов и распределение в разрезе территории (городские и сельские территории), объектов отходообразования (ИЖД/МКД, объекты коммерческого назначения, объекты торговли и сферы услуг)
Транспортная организация	Улично-дорожная сеть с ее извилистостью, ограничениями по массе и габаритам, скорости и интенсивности движения. Снижение доли неэффективных пробегов за счет построения правильной схемы размещения инфраструктурных объектов. Оптимизация размещения объектов обработки и утилизации вторсырья при условии соблюдения точки безубыточности. Показатели: транспортное плечо, тонна/км, используемая техника
Развитость элементов инфраструктуры	Организация системы мест накопления, в том числе организация раздельного накопления, наличие объектов обработки. Показатели: количество мест накопления, в том числе оборудованных, с организованной системой раздельного накопления, потребительский охват, в том числе охват системой раздельного накопления

Таблица 3

Модель организации экологичной системы обращения с отходами: организация транспортирования

Показатель	2019 г.	2022 г.		2024 г.		2027 г.	
	шт.	шт.	откл. 2022 г. к 2019 г.	шт.	откл. 2024 г. к 2022 г.	шт.	откл. 2027 г. к 2024 г.
Масса ТКО, тыс. т, в т.ч.	905,3	925,5	20,2	943,6	18,2	943,7	0
			2 %		2 %		0 %
масса ТКО РНО, тыс. т	0	15,6	15,6	17,1	1,6	154,9	137,7
			–		10 %		805 %
Количество рейсов, тыс. шт., в т.ч.	191 873	188 027	-3846	192 249	4222	196 094	3845
			-2 %		2 %		2 %
количество рейсов РНО, тыс. шт.	0	3162	3161	3488	325,9	32 181	28 693
			–		10 %		823 %
Пробег, тыс. км, в т.ч.	11,4	14,9	3,5	15,3	0,3	16	0,8
			130 %		2 %		5 %
пробег РНО, тыс. км	0	0,2	0,2	0,22	0,02	2,1	1,88
			–		10 %		850%
Среднее кол-во ТС, мес./шт, в т.ч.	325	318	-6,5	297	-21	297	0
			-2 %		-7 %		0 %
среднее кол-во ТС РНО, мес./шт	0	21	21	22	1	41	19
			–		5 %		86 %

Таблица 4

Модель организации экологичной системы обращения с отходами: организация мест накопления

Показатель	2019 г.	2022 г.		2024 г.		2027 г.	
	шт.	шт.	откл. 2022 г. к 2019 г.	шт.	откл. 2024 г. к 2022 г.	шт.	откл. 2027 г. к 2024 г.
Всего МН	11 713	25 304	138	27 175	1871	29 365	2190
			1 %		7 %		8 %
МН с РНО	0	840	840	4 516	3676	27 208	22 692
			–		438 %		502 %
КО под РНО	0	1829	1829	6 563	4734	16 809	10 246
			–		259 %		259 %
Доля жителей, обеспеченных РНО, %	0	7 %		22 %		94 %	
Всего жителей, обеспеченных РНО, тыс. чел.	0	117 860		415 889		2 611 653	
Оборудованные МН	н/д	9363	9363	11 150	1 787	27 208	16 058
			–		19 %		144 %
Необорудованные МН	н/д	15 941	15 941	16 022	81	2157	-13 865
			–		1 %		87 %
Точки бесконтейнерного сбора	н/д	4 463	4463	4 204	-259	0	-4204
			–		-6 %		-100 %

Комплексный подход к формированию системы обращения с отходами на территории, многофакторный анализ действий и мероприятий, осуществляемый субъектами, ответственными за реализацию направления по экологизации территории, обеспечит создание благоприятной, экологически безопасной среды для населения, а также позволит заложить фундамент к построению экономики устойчивого развития.

Таблица 5

Модель организации экологичной системы обращения с отходами: экологическое просвещение

Название мероприятия	Факт 2019–2023 гг.		План 2024–2027 гг.		
	Кол-во	Участников, тыс. чел	Кол-во	Участников, тыс. чел	Аудитория
Итого	1024	3399,7	1611	6000,5	
Экоурок «Классный час с регоператором»	193	4,8	480	11	Воспитанники дошкольных и учащиеся общеобразовательных учреждений
Эколекторий «Обращение с отходами от А до Я»	6	0,3	10	1	Студенты ссузов и вузов, сотрудники организаций
Форумы, круглые столы			10	0,5	Профессиональное сообщество сферы ЖКХ
Встречи с потребителями различных категорий: население, бизнес-сообщество, СНТ и пр.	128	15	200	25	Все категории отходообразователей
Обучающий семинар для педагогов	12	0,1	20	1,2	Педагоги образовательных учреждений
Проект «Мусороежка»	290	29,2	290	32	Воспитанники дошкольных и учащиеся общеобразовательных учреждений
«Экодвор»	85	3,3	60	2	Жители многоквартирных домов (дети и родители)
«Экофестиваль»	82	82,1	120	440	Население
Экскурсия на мусоросортировочный комплекс «Широкореченский»	77	1,9	250	5	Студенты ссузов и вузов, сотрудники организаций
«Утилизируй елку»	60	75,2	4	120	Население
«Нет пластику»	3	121,2	60	150	Население
Мероприятия по сбору макулатуры	67	75,2	60	90	Население
Конкурс на лучшую контейнерную площадку	5	31	15	112	Управляющие организации, СНТ/ДНТ, бюджетные организации, бизнес-организации региона
Конкурс журналистских работ в сфере экологии	5	0,3	5	0,5	Региональные журналисты
Конкурс по использованию вторичных ресурсов в домохозяйствах и хозсубъектах	4	1,1	20	7,3	Население
Изготовление и распространение редакционно-информационных материалов		2956		5000	Население и хозяйствующие субъекты зоны обслуживания
Другие	7	3	7	3	Жители муниципальных образований зоны АПО-3

Литература:

1. Управление отходами. Сбор, транспортирование, прессование, сортировка твердых бытовых отходов: монография / Я.И. Вайсман, В.Н. Коротаев, Н.Н. Слюсарь, В.Н. Григорьев. Пермь: Изд-во Перм. нац. ислед. политехн. ун-та, 2012. 236 с.
2. Вайсман Я.И. Управление отходами. Полигонные технологии захоронения твердых бытовых отходов. Рекультивация и постэксплуатационное обслуживание полигона: монография. Пермь: Изд-во Перм. нац. ислед. политехн. ун-та, 2012. 244 с.
3. Бобылев С.Н. Экономика устойчивого развития: учеб. М.: КНОРУС, 2023. 672 с.
4. Мирный А.Н., Беньямовский Д.Н., Букреев Е.М. Санитарная очистка и уборка населенных мест: справочник. М.: Стойиздат, 1985. 246 с.

Model of the System of Environmentally Friendly Waste Management: Practice of Building a System as a Basis for Environmental Safety of Life of the Population in the Territory of the Sverdlovsk Region

Zubova N.V., Malyutin V.V.
Ekaterinburg municipal Unitary Enterprise «Spetsavtobaza» (Ekaterinburg)

The article presents a comprehensive model for organizing an environmentally friendly waste management system implemented in the Sverdlovsk region. The main factors that shape the environmental friendliness of the territory are identified and their content is disclosed. The model is implemented in the practical activities of the regional operator EMUP "Spetsavtobaza" in the Sverdlovsk region. The complexity and universality of the approach provides the possibility of scaling the model of greening the territory, updating it for regional specifics.

Keywords: regional operator, waste management system, greening of the territory, integrated waste management model, environmental education, environmental behavior model

УДК 378.4(470+571)-021.482(=581)-048.78:339.138-049.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-384-391

Повышение лояльности китайских студентов к российскому вузу на основе управления их потребительским опытом

Комогорцева А.В.
Аспирант департамента маркетинга и развития рынков
Школы экономики и менеджмента
Дальневосточного федерального университета

Романова И.М.
Доктор экономических наук, профессор,
директор департамента маркетинга и развития рынков Школы
экономики и менеджмента
Дальневосточного федерального университета

В работе представлен методический подход к разработке управленческих решений по повышению лояльности китайских студентов к российскому вузу. Методический подход был разработан на основании матрицы важных точек контакта, оказывающих наибольшее влияние на лояльность китайских студентов (бакалавриат, магистратура) к российскому вузу на разных этапах формирования потребительского опыта. Матрица охватывает основные направления деятельности российского вуза. В результате были выделены подразделения вуза, ответственные за взаимодействия с китайскими студентами в рамках выделенных направлений. Предложен инструмент по анализу взаимодействий ответственных подразделений вуза с китайскими студентами с целью дальнейшей корректировки их работы и разработки управленческих решений по повышению лояльности китайских студентов к российскому вузу. Теоретическая значимость работы заключается в расширении методологической базы исследования потребительского опыта и управления им. Практическая значимость связана с возможностью применения предложенного подхода российскими вузами с целью разработки управленческих решений, направленных на управление потребительским опытом иностранных студентов и повышение их лояльности к российскому вузу.

Ключевые слова: *потребительский опыт, управление потребительским опытом, лояльность, иностранные студенты, экспорт образования, образовательный маркетинг*

Для цитирования: *Комогорцева А.В., Романова И.М. Повышение лояльности китайских студентов к российскому вузу на основе управления их потребительским опытом // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 384–391. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-384-391.*

В рамках реализации стратегии интернационализации российского образования [1] и программы по увеличению экспорта национального образования [2] российские вузы должны увеличить количество иностранного контингента, привлеченного на программы высшего образования. Для достиже-

ния задачи по привлечению иностранных студентов российским вузам необходимо обратить особое внимание на взаимодействие с ними на протяжении всего процесса принятия решения о выборе российского вуза и программы обучения, в ходе которого у иностранных студентов формируется определенный потребительский опыт, который влияет на их лояльность и, как следствие, на эффективность и конкурентоспособность российского вуза. Для результативного управления потребительским опытом иностранных студентов перед российскими вузами первоначально встает задача оценить существующий опыт.

Авторами предложен методический подход по управлению потребительским опытом китайских студентов (бакалавриат, магистратура) с целью повышения их лояльности к российскому вузу в рамках основных направлений его деятельности. Методический подход разработан на основании выделенных точек контакта, влияющих на лояльность иностранных студентов к российскому вузу. К преимуществам предлагаемого подхода относятся: 1) простота в применении за счет выделенного перечня важных точек контакта китайских студентов (бакалавриат, магистратура) с российским вузом; 2) универсальность для решения внутренних и внешних задач российского вуза; 3) эффективность в разработке управленческих решений на разных уровнях управления российского вуза.

С теоретической точки зрения данная работа позволяет расширить теоретико-методологическую базу исследования, связанную с управлением потребительским опытом, в том числе в контексте рынка образовательных услуг. С практической точки зрения эффективное управление потребительским опытом иностранных студентов позволит увеличить их лояльность к российскому вузу и положительно повлияет на достижение цели по их привлечению в российские вузы, что несомненно повысит конкурентные преимущества российских вузов не только в рамках страны, но и в международном пространстве. Все это указывает на актуальность выбранной темы исследования.

Авторы статьи придерживаются в своем исследовании определения понятия «управление потребительским опытом», которое было предложено американской исследовательской и консалтинговой компанией Gartner: «практика выстраивания и реализации взаимоотношений с потребителями на уровне их ожиданий или выше этого уровня, которая ведет к повышению удовлетворенности и лояльности потребителей и стимулирует положительные отзывы» [3].

Анализ профильных научных источников показал, что многие исследователи указывают на тесную взаимосвязь лояльности с потребительским опытом (P. Klaus [4], K.N. Lemon, P.C. Verhoef [5], S.M. Rahman [6], A.L. Roggeveen [7], О.И. Матвиенко, О.Г. Алёшина [8], Н.П. Реброва, Е.А. Лунева [9], О.У. Юлдашева [10] и др.), который оказывает как положительное, так и отрицательное влияние. Следовательно, повысить лояльность иностранных студентов к российскому вузу возможно за счет разработки и корректировки управленческих решений на всех этапах формирования потребительского опыта иностранных студентов при выборе российского вуза и программы обучения. При этом важно отметить, что менеджмент вуза может выстраивать свою деятельность и коммуникации с иностранными студентами по формированию их потребительского опыта только в рамках группы «характеристики вуза и образовательной услуги» в рамках предложенной авторами данной статьи классификации факторов [11].

На основании анализа профильной научной литературы [12–15 и др.], а также на основании официальных документов, регламентирующих деятельность высших учебных заведений в России [16], были определены основные направления деятельности российских вузов (рис. 1).

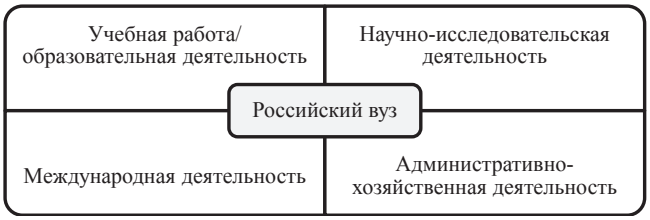

Рис. 1. Направления деятельности российских вузов

В процессе формирования потребительского опыта иностранные студенты напрямую или косвенно коммуницируют с разными подразделениями российских вузов в рамках всех выделенных выше направлений (рис. 1). Такие коммуникации осуществляются во множестве точек контакта иностранных студентов с российским вузом на каждом этапе процесса принятия решения о выборе российского вуза и программы обучения. Авторами на основе контент-анализа научных публикаций, анализа опыта коммуникаций российских вузов с иностранными студентами были выделены все возможные точки контакта иностранных студентов с российскими вузами в разрезе этапов принятия решения о выборе вуза и программы обучения [17, с. 238].

Далее на основе проведенного количественного исследования и анализа полученных результатов из всех 164 точек контакта иностранных студентов с российским вузом был выделен перечень из 46 точек контакта для каждого уровня образования (бакалавриат, магистратура), которые оказывают наибольшее влияние на лояльность китайских студентов к российскому вузу (табл. 1).

На основании полученных данных построена матрица точек контакта, влияющих на лояльность

Таблица 1

Точки контакта, влияющие на лояльность китайских студентов к российскому вузу в большей степени

Бакалавриат	Магистратура
Study-in-Russia (X_2, онлайн)	Russia-edu (X_1, онлайн)
Сайт вуза (X_4, онлайн)	
Реклама в китайских СМИ (X_5, онлайн)	Подготовительный факультет по русскому языку (X_{13}, офлайн)
Вебинары для абитуриентов из КНР (X_{10}, онлайн)	Email российского вуза (X_{17}, онлайн)
Международный офис российского вуза (X_{12}, офлайн)	
Дни открытых дверей (X_{14}, офлайн)	
Уведомление о получении документов для поступления (X_{18}, онлайн)	Уведомление о расписании вступительных испытаний (X_{20}, онлайн)
Личный кабинет иностранного абитуриента (X_{16}, онлайн)	Напоминание об экзамене (X_{21}, онлайн)
Подтверждение, что документы приняты (X_{19}, онлайн)	
Инструкция о прохождении вступительных испытаний (X_{22}, онлайн)	Физические карты кампуса и расположения корпусов (X_{25}, офлайн)
Онлайн-оплата на сайте российского вуза (X_{34}, онлайн)	Система безопасности вуза (X_{26}, офлайн)
Отдел виз и регистраций (X_{43}, офлайн)	Отдел выдачи пропусков (X_{27}, офлайн)
Уведомление о поступлении оплаты обучения и других услуг (X_{29}, онлайн)	
Навигация на кампусе (X_{37}, офлайн)	
Терминалы на кампусе (X_{39}, офлайн)	
Договорной отдел (X_{44}, офлайн)	Приглашение на визу (X_{32}, онлайн)
Отдел размещения в общежитии (X_{45}, офлайн)	Уведомление об успешной оплате проживания в общежитии (X_{33}, онлайн)
Напоминание об оплате обучения и проживания в общежитии (X_{49}, онлайн)	Обмен валюты (X_{40}, офлайн)
Wi-Fi на кампусе (X_{54}, онлайн)	Личный кабинет студента российского вуза (X_{52}, онлайн)
Онлайн-сервис оформления заявки на ремонт (X_{61}, онлайн)	Корпоративная почта для студентов российского вуза (X53, онлайн)
Медцентр вуза (X_{77}, офлайн)	
Администраторы общежитий (X_{78}, офлайн)	Расписание занятий онлайн и уведомление о возможных изменениях в расписании (X_{47}, онлайн)
Наставники и тьюторы российского вуза (X_{79}, офлайн)	
Беговые дорожки на кампусе (X_{97}, офлайн)	Пропускная система российского вуза (X_{58}, онлайн)
Тренажерные залы на кампусе (X_{101}, офлайн)	Онлайн-сервис выдачи справок (X_{59}, онлайн)
Комнаты в общежитии (X_{117}, офлайн)	Онлайн-библиотека (X_{62}, онлайн)
Оплата через кассы на кампусе (X_{81}, офлайн)	
Навигация в медцентре вуза (X_{83}, офлайн)	
Открытые спортивные площадки на кампусе (X_{94}, офлайн)	
Безопасность хранения вещей в комнате общежития (X_{119}, офлайн)	Студенческий офис в российском вузе (X_{73}, офлайн)
Прачечная в общежитии (X_{123}, офлайн)	Бухгалтерия и расчетный отдел (X_{75}, офлайн)
Стадионы на кампусе (X_{95}, офлайн)	
Ассортимент блюд (X_{108}, офлайн)	
Кухонный уголок в комнатах общежития (X_{118}, офлайн)	
Учебно-методическая литература (X_{137}, офлайн)	Архитектура кампуса (X_{69}, офлайн)

китайских студентов на каждом этапе процесса принятия решения о выборе российского вуза (табл. 2).

Анализ точек контакта, влияющих на лояльность китайских студентов (бакалавриат, магистратура) (табл. 2), показал, что оба перечня имеют 43,5 % совпадающих точек контакта китайских студентов с российским вузом (20 из 46 точек контакта), точки контакта, свойственные только китайским студентам определенного уровня образования, выделены **жирным шрифтом** (табл. 2).

Выделенные общие точки контакта (табл. 1, 2), влияющие на лояльность китайских студентов (бакалавриат, магистратура) к российскому вузу, указывают на важность официальных источников вуза, обратной связи от вуза, минимальных условий комфортного пребывания на кампусе, результата получения качественного образования, а также возможности продолжать участвовать в жизни вуза после окончания обучения. Управление потребительским опытом китайских студентов предлагается осуществлять в рамках выделенных важных точек контакта (онлайн и офлайн).

На основании матрицы (табл. 2) были составлены таблицы подразделений российского вуза[1], ответственных за точки контакта, влияющие на лояльность китайских студентов (бакалавриат, магистратура) в процессе принятия решения о выборе российского вуза и программы (табл. 3).

Анализ подразделений, ответственных за взаимодействие вуза с китайскими студентами (бакалавриат, магистратура) (табл. 3) в выделенных точках контакта, показал, что максимальное количество точек кон-

[1] Названия составлены на основе анализа соответствующих подразделений в федеральных университетах.

Продолжение таблицы 1

Бакалавриат	Магистратура
Читальный зал (X_{139}, офлайн)	Терминалы для оплаты на кампусе (X_{80}, офлайн)
Профессорско-преподавательский состав (X_{140}, офлайн)	Схема расположения различных объектов (X_{82}, офлайн)
Расписание занятий (удобство) (X_{144}, офлайн)	Бассейны на кампусе (X_{96}, офлайн)
Научный руководитель (X_{149}, офлайн)	Пляж (X_{115}, офлайн)
Консультации (X_{142}, офлайн)	
Выпускные экзамены (X_{153}, офлайн)	
Защита ВКР (X_{154}, офлайн)	
Сайт ассоциации выпускников вуза (X_{157}, онлайн)	Возможность оставить отзыв на сайте вуза (X_{159}, онлайн)
Диплом о высшем образовании (X_{160}, офлайн)	Ассоциация выпускников (X_{164}, офлайн)
Онлайн-каналы получения информации для выпускников вуза (X_{156}, онлайн)	
Отправка документов об образовании выпускнику при дистанционном обучении (X_{161}, офлайн)	

такта (44 из 71) приходится на службы проректоров, относящиеся к административно-хозяйственной деятельности вуза, далее (17 точек контакта) для китайских студентов (бакалавриат, магистратура) – служба проректора по учебной работе. Таким образом, среди большинства российских вузов существует общепринятое заблуждение, что для увеличения числа иностранных студентов вузам необходимо разрабатывать все больше новых образовательных программ. Однако на основании проведенного анализа авторы данной статьи предполагают, что для привлечения иностранных студентов в российские вузы необходимо прежде всего создавать комфортные условия проживания, развивать инфраструктуру кампуса и расширять пул каналов коммуникации с иностранными студентами.

Таблица 2

Матрица точек контакта, влияющих на лояльность китайских студентов в процессе выбора российского вуза

Уровень образования	Поиск информации	Предпокупочная оценка альтернатив	Выбор вуза и программы обучения	Получение образовательной услуги	Послепокупочная оценка выбора
Бакалавриат	X_{12}, $\mathbf{X_{10}}$, X_4, $\mathbf{X_5}$, X_{14}, $\mathbf{X_2}$	$\mathbf{X_{18}}$, $\mathbf{X_{22}}$, $\mathbf{X_{16}}$, X_{19}	$\mathbf{X_{29}}$, $\mathbf{X_{34}}$, X_{37}, $\mathbf{X_{45}}$, $\mathbf{X_{43}}$, $\mathbf{X_{44}}$, X_{39}	X_{118}, X_{94}, $\mathbf{X_{54}}$, X_{79}, X_{81}, X_{83}, $\mathbf{X_{117}}$, $\mathbf{X_{97}}$, X_{77}, $\mathbf{X_{123}}$, $\mathbf{X_{140}}$, X_{153}, X_{154}, X_{95}, X_{108}, $\mathbf{X_{137}}$, $\mathbf{X_{49}}$, $\mathbf{X_{101}}$, $\mathbf{X_{119}}$, $\mathbf{X_{139}}$, $\mathbf{X_{61}}$, $\mathbf{X_{78}}$, X_{142}, $\mathbf{X_{144}}$, $\mathbf{X_{149}}$	X_{156}, X_{161}, $\mathbf{X_{160}}$, $\mathbf{X_{157}}$
Магистратура	X_{14}, $\mathbf{X_1}$, X_{12}, X_4, $\mathbf{X_{13}}$	$\mathbf{X_{27}}$, $\mathbf{X_{26}}$, $\mathbf{X_{20}}$, $\mathbf{X_{25}}$, X_{19}, $\mathbf{X_{17}}$, $\mathbf{X_{21}}$	X_{29}, $\mathbf{X_{32}}$, X_{39}, X_{37}, $\mathbf{X_{33}}$, $\mathbf{X_{40}}$	X_{81}, $\mathbf{X_{58}}$, X_{79}, X_{154}, $\mathbf{X_{59}}$, $\mathbf{X_{80}}$, $\mathbf{X_{82}}$, $\mathbf{X_{53}}$, $\mathbf{X_{75}}$, X_{118}, $\mathbf{X_{47}}$, X_{142}, $\mathbf{X_{52}}$, $\mathbf{X_{73}}$, X_{95}, X_{153}, X_{77}, $\mathbf{X_{115}}$, $\mathbf{X_{62}}$, X_{83}, X_{94}, X_{108}, $\mathbf{X_{96}}$, $\mathbf{X_{69}}$	X_{161}, $\mathbf{X_{164}}$, X_{156}, $\mathbf{X_{159}}$

Условные обозначения: *Xn* – онлайн- и офлайн-точки контакта китайских студентов с российским вузом на каждом этапе процесса принятия решения о выборе российского вуза.

Таблица 3

Подразделения вуза, ответственные за точки контакта, влияющие на лояльность китайских студентов

Точка контакта	Ответственное подразделение/Служба	Направление деятельности вуза
X_{13}, X_{14}, X_{18}, X_{19}, X_{20}, X_{21}, X_{22}, X_{47}, X_{73}, X_{79}, X_{140}, X_{142}, X_{144}, X_{153}, X_{160}, X_{161}, X_{164}	Служба проректора по учебной работе	Учебная деятельность
X_{62}, X_{137}, X_{139}, X_{149}, X_{154}	Служба проректора по научной работе	Научно-исследовательская деятельность
X_1, X_2, X_{10}, X_{32}, X_{43}, X_{12}	Служба проректора по международному сотрудничеству	Международная деятельность
X_4, X_{16}, X_{17}, X_{52}, X_{53}, X_{59}, X_{156}, X_{157}, X_{159}	Служба проректора по цифровизации/ цифровому развитию	Административно-хозяйственная деятельность
X_{29}, X_{33}, X_{34}, X_{39}, X_{40}, X_{44}, X_{49}, X_{75}, X_{80}, X_{81}	Служба проректора по экономике и финансам	
X_{25}, X_{26}, X_{27}, X_{37}, X_{45}, X_{54}, X_{58}, X_{61}, X_{69}, X_{77}, X_{78}, X_{82}, X_{83}, X_{94}, X_{95}, X_{96}, X_{97}, X_{101}, X_{108}, X_{115}, X_{117}, X_{118}, X_{119}, X_{123}	Служба проректора по развитию инфраструктуры	
X_5	Служба проректора по информационной политике	

Ответственность службы проректора по учебной работе распространяется на этапы поиска информации, предпокупочной оценки альтернатив, получения образовательной услуги, послепокупочной оценки выбора. Важность взаимодействия иностранных студентов с подразделениями службы проректора по учебной работе логична, поскольку основной целью китайских студентов, обучающихся в российских вузах, является получение высшего образования и, соответственно, документа об образовании, который признается в КНР.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство взаимодействий, влияющих на лояльность китайских студентов (бакалавриат, магистратура) к российскому вузу, охватывают характеристики вуза и образовательной услуги. Необходимо предложить такие управленческие решения по работе ответственных подразделений, при которых формирующийся потребительский опыт в процессе взаимодействия иностранных студентов с российским вузом будет оказывать положительное влияние на лояльность иностранных студентов к российскому вузу. Для этого менеджменту вуза необходимо скорректировать работу своих подразделений, ответственных за взаимодействие с китайскими студентами в конкретных точках контакта (табл. 2, 3). Для этого предлагается использовать схему, представленную на рисунке 2.

На основании предложенной схемы (рис. 2) разработка управленческих решений по эффективному взаимодействию китайских студентов с российским вузом будет состоять из нескольких этапов.

Подготовительный этап: он предполагает анализ взаимодействия вуза с иностранными студентами в важных точках контакта (по выделенному перечню) на всех этапах формирования потребительского опыта (табл. 2, 3).

Если необходимая работа в вузе не организована, то следующими подэтапами будут:

1) определение подразделений и служб вуза, ответственных за взаимодействие с иностранными студентами в указанных точках контакта;

2) внесение соответствующих изменений в функционал подразделений и должностные инструкции сотрудников;

3) организация работы по взаимодействию с иностранными студентами.

Если на подготовительном этапе выяснилось, что необходимая работа в вузе организована, то следует перейти сразу к этапу организации и проведения руководителями служб вуза ежегодного мониторинга качества работы подразделений, ответственных за взаимодействие иностранных студентов с вузом. Одним из результатов мониторинга является полученная обратная связь от иностранных студентов, которая позволяет определить удовлетворенность иностранных студентов взаимодействием с вузом в определенных точках контакта, в свою очередь низкая удовлетворенность укажет на структурные подразделения российского вуза, которые не обеспечивают необходимый уровень качества работы, что требует разработки управленческих решений по корректировке работы выделенных подразделений.

Рис. 2. Схема по разработке управленческих решений по повышению лояльности китайских студентов к российскому вузу

Апробация предложенного подхода проводилась на примере Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). В рамках данной статьи представлен результат только подготовительного этапа на основании предложенной схемы (рис. 2). Результаты анализа взаимодействия ДВФУ с китайскими студентами (бакалавриат, магистратура) в важных точках контакта, в которых работа вуза не организована, представлены в таблицах 4, 5.

Анализ взаимодействия ДВФУ с китайскими студентами (бакалавриат) позволил определить, что неохваченными оказались 24 % точек контакта, выделенных в перечне (табл. 1, 2).

Таблица 4

Результаты анализа взаимодействия ДВФУ с китайскими студентами (бакалавриат) в важных точках контакта (ТК), где работа не организована, 2024 г.

Т.К.	Функционал подразделения вуза в точке контакта	Подразделение-исполнитель	Ответственная служба вуза	Направление деятельности вуза
Поиск информации				
X^5	Создание и публикации рекламных материалов на китайском языке о вузе и программах обучения, доступных к показу в СМИ КНР	Департамент внешних коммуникаций	Ректорат	Административно-хозяйственная
Предпокупочная оценка альтернатив				
X_{16}	Мониторинг и корректировка юзабилити интерфейса личного кабинета абитуриента, который должен быть доступен для использования иностранными абитуриентами в том числе	Дирекция по цифровой трансформации	Ректорат	Административно-хозяйственная деятельность
Выбор вуза и программы обучения				
X_{34}	Наличие возможности оплатить обучение и проживание (дополнительные услуги) иностранным абитуриентам непосредственно онлайн на официальном сайте вуза	Департамент бухгалтерского учета и финансового контроля	Служба проректора по экономике и финансам	Административно-хозяйственная деятельность
X_{44}	Проведение консультации по оплате обучения для иностранных студентов, оперативная подготовка и оправка договоров на оплату обучения	Отдел заключения и сопровождения договоров об образовании	Служба проректора по дополнительному образованию	
X_{45}	Проведение консультаций по вопросам проживания в общежитиях вуза для иностранных студентов	Департамент гостеприимства и сервиса	Служба проректора по управлению кампусом	
Получение образовательной услуги				
X_{119}	Наличие возможности у иностранных студентов оставить вещи на безопасное хранение на период их отсутствия (каникулы, поездки и т.п.) на территории кампуса	Департамент по управлению имущественным комплексом	Служба проректора по управлению кампусом	Административно-хозяйственная деятельность
Послепокупочная оценка выбора				
X_{157}	Создание сайта для выпускников вуза, мониторинг юзабилити данного сайта с учетом разницы культур иностранных выпускников	Дирекция по цифровой трансформации	Ректорат	Административно-хозяйственная деятельность

Анализ взаимодействия ДВФУ с китайскими студентами (магистратура), представленный в таблице 5, позволил установить, что в 26 % важных точек контакта не организована работа вуза.

Результаты анализа (табл. 4, 5) указывают, что подавляющее большинство точек контакта китайских студентов, в которых не организована работа вуза, относится к административно-хозяйственной деятельности вуза, которая, как было установлено ранее в данной статье, является первостепенной для китайских студентов на этапах формирования потребительского опыта. Предлагается закрепить соответствующий функционал за вышеуказанными подразделениями (табл. 4, 5), в связи с чем необходимо внести соответствующие изменения в должностные инструкции сотрудников указанных подразделений и локальные нормативные акты вуза, а ответственность за организацию, мониторинг и разработку управленческих решений для повышения качества работы указанных подразделений в части взаимодействия с китайскими студентами возложить на службы соответствующих проректоров ДВФУ.

В рамках данной статьи был предложен методический подход к разработке управленческих решений по повышению лояльности китайских студентов к российскому вузу на основании управления их потребительским опытом. Сравнительный анализ взаимодействия китайских студентов разных уровней образования (бакалавриат, магистратура) с российским вузом был проведен на основе авторской матрицы точек контакта, влияющих на лояльность китайских студентов (бакалавриат, магистратура) к российскому вузу, также были определены подразделения российского вуза, ответственные за взаимодействия с иностранными студентами в определенных точках контакта.

В рамках разработанного методического подхода предложен инструмент для дальнейшей реализации мониторинга качества работы ответственных подразделений вуза по взаимодействию с иностранными студентами в важных точках контакта, которые оказывают наибольшее влияние на их лояльность к российскому вузу. На основании предложенной матрицы проведение мониторинга охватит все ос-

Таблица 5

Результаты анализа взаимодействия ДВФУ с китайскими студентами (магистратура) в важных точках контакта (ТК), где работа не организована, 2024 г.

Т.К.	Функционал подразделения вуза в точке контакта	Подразделение-исполнитель	Ответственное подразделение/ Служба	Направление деятельности вуза
Предпокупочная оценка альтернатив				
X_{25}	Наличие в свободном доступе для иностранных студентов физических карт кампуса и расположения корпусов на английском/китайском языке	Департамент по управлению имущественным комплексом	Служба проректора по управлению кампусом	Административно-хозяйственная
Выбор вуза и программы обучения				
X_{33}	Отправка официального уведомления иностранным абитуриентам и студентам, что платеж за проживание общежития прошел и принят вузом	Департамент бухгалтерского учета и финансового контроля	Служба проректора по экономике и финансам	Административно-хозяйственная деятельность
X_{40}	Наличие на кампусе обмена валюты для иностранных студентов			
Получение образовательной услуги				
X_{75}	Проведение консультации для иностранных студентов по вопросам, связанным с работой бухгалтерии и расчетного отдела (оплата услуг вуза, получение стипендии, отсрочка, финансовые задолженности и т.п.)	Департамент бухгалтерского учета и финансового контроля	Служба проректора по экономике и финансам	Административно-хозяйственная деятельность
X_{52}	Доступность личного кабинета для иностранных студентов и мониторинг юзабилити интерфейса с учетом разницы культур	Дирекция по цифровой трансформации	Ректорат	Административно-хозяйственная деятельность
X_{47}	Наличие актуального онлайн-расписания и отправка оперативных официальных уведомлений иностранным студентам об изменениях в расписании	Департамент образовательной деятельности	Служба проректора по учебной работе	Учебная работа
Послепокупочная оценка выбора				
X_{164}	Наличие ассоциации выпускников (иностранных в том числе) вуза	Центр карьеры и практической подготовки	Служба проректора по учебной работе	Учебная работа
X_{159}	Возможность оставить отзыв о прохождении обучения (по итогам обучения) на официальном сайте вуза	Дирекция по цифровой трансформации	Ректорат	Административно-хозяйственная деятельность

новные направления деятельности российского вуза (учебную, научно-исследовательскую, административно-хозяйственную, международную), которые реализуют подразделения российского вуза, ответственные за взаимодействия с иностранными студентами в выделенных точках контакта.

Обладая точной и актуальной информацией о текущем состоянии качества работы подразделений российского вуза, ответственных за взаимодействие с иностранными студентами в важных точках контакта, менеджмент российского вуза сможет эффективно реализовать свои управленческие функции по планированию, контролю, мотивации и реализации по всем основным направлениям деятельности университета, что приведет к повышению лояльности иностранных студентов к данному вузу.

Литература:

1. Программа «Приоритет 2030». URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/ (дата обращения: 10.10.2024).
2. Федеральный проект «Экспорт образования». URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/f2c/f2c42a6cad02dc1b9189092814758e59.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
3. Customer Experience Management (CXM). URL: https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/customer-experience-management-cem (дата обращения: 10.10.2024).
4. Klaus P., Maklan S. Towards a better measure of customer experience. International Journal of Market Research. 2013. № 55(2). P. 227–246.
5. Lemon K.N., Verhoef P.C. Understanding customer experience throughout the customer journey // J. Market. 2016. № 80. P. 69–96.

6. Rahman S.M., Carlson J., Gudergan S.P., Wetzels M., Grewal D. Perceived Omnichannel Customer Experience (OCX): Concept, measurement, and impact // Journal of Retailing. 2022. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022435922000239 (дата обращения: 02.02.2024)
7. Roggeveen A.L., Rosengren S. From customer experience to human experience: Uses of systematized and non-systematized knowledge // Journal of Retailing and Consumer Services. 2022. № 67. P. 1–7.
8. Матвиенко О.И., Алешина О.Г. Карта пути клиента (customer journey map) – инструмент изучения поведения потребителя от возникновения потребности до совершения покупки // Modern Economy Success. 2020. № 1. С. 91–98.
9. Реброва Н.П., Лунева Е.А. Маркетинговые аспекты управления клиентским опытом в сфере услуг // Управление социально-экономическими системами в условиях неопределенности. Мюнхен: GRIN Verlag, 2021. С. 160–179.
10. Юлдашева О.У., Фокина О.В., Семенов Р. Маркетинг покупательского опыта: исследование феномена и подход к его оценке // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2017. № 4(24). С. 46–54.
11. Комогорцева А.В., Романова И.М. Факторы, влияющие на потребительский опыт китайских студентов при выборе российского университета // Маркетинговые модели, практики и тренды: вызовы и перспективы региона Большой Евразии: Сб. мат. 1-й Евразийской конференции по маркетингу (Санкт-Петербург, 01–02 декабря 2023), СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-тет, 2024. С. 167–176.
12. Белова Т.А. Образовательная деятельность вуза как фактор формирования ключевых компетенций студентов // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 2. С. 234–237.
13. Максакова А.Е. Учебная деятельность в вузе в контексте современных требований // Бюллетень науки и практики. 2021. № 4. С. 437–443.
14. Михайлов Ю.И. О показателях качества процессов образовательной деятельности вуза // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2020. Т. 1. С. 148–151.
15. Танцура Т. А. Учебная деятельность студентов вуза в современных условиях образовательной среды // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12 (S1). С. 114–118.
16. «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (последняя ред.) // СПС КонсультантПлюс.
17. Комогорцева А.В., Романова И.М. Влияние потребительского опыта на лояльность китайских студентов к российскому вузу // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2024. № 6. С. 237–246.

Increasing the Chinese Students' Loyalty to the Russian University Based on their Consumer Experience Management

Komogortseva A.V., Romanova I.M.
Far Eastern Federal University

The paper presents a methodological approach to developing management decisions to increase the Chinese students' loyalty to the Russian university. The methodological approach was developed based on the matrix of important touchpoints that have the greatest impact on the Chinese students' loyalty (bachelor's, master's) to the Russian university at different stages of consumer experience formation. The matrix covers the main directions of the Russian university. As a result, the university departments responsible for interactions with the Chinese students within the directions were identified. A tool is proposed for analyzing the interactions of the responsible university departments with the Chinese students for the purpose of further adjusting their work and developing management decisions to increase the Chinese students' loyalty to the Russian university. The theoretical significance of the work is in expanding the methodological base for studying and managing consumer experience. The practical significance is associated with the possibility of applying the proposed approach by the Russian universities in order to develop management decisions aimed at the consumer experience management of the international students and increasing their loyalty to the Russian university.

Keywords: consumer experience, consumer experience management, loyalty, international students, export of education, educational marketing

УДК 346.546.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-392-395

Проблемные вопросы применения антимонопольного законодательства в сфере деятельности региональных операторов по обращению с ТКО на примере Республики Татарстан

Розенталь А.Н.
Заместитель руководителя Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Татарстан (Казань)

Идиатуллин Р.Н.
Начальник отдела антимонопольного контроля Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Татарстан (Казань)

Насретдинова Д.З.
Специалист-эксперт отдела антимонопольного контроля Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Татарстан (Казань)

Статья посвящена анализу основных нарушений регионального оператора, возникающих при оказании услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами как физическим, так и юридическим лицам, выявленных Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Татарстан.

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы (ТКО), нарушения антимонопольного законодательства, региональный оператор, доминирующее положение, навязывание невыгодных условий договора, необоснованный отказ от заключения договора*

Для цитирования: *Розенталь А.Н., Идиатуллин Р.Н., Насретдинова Д.З. Проблемные вопросы применения антимонопольного законодательства в сфере деятельности региональных операторов по обращению с ТКО на примере Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 392–395. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-392-395.*

С 2019 г. услуга по обращению с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО) стала коммунальной, в связи с чем на нее распространяются все требования, применяемые к коммунальным услугам.

Однако в отличие от иных коммунальных услуг учет объема услуги по обращению с ТКО на сегодняшний день невозможно вести посредством технических средств, предназначенных для измерений.

Нормативное правовое регулирование предусматривает два способа учета коммунальной услуги по обращению с ТКО: исходя из нормативов накопления, выраженных в количественных показателях

объема, либо исходя из количества и объема контейнеров, установленных в местах накопления ТКО.

Следует отметить, что нормативный способ определения объема отходов зачастую не коррелирует с размером фактически образуемых отходов.

Сравнительный анализ действовавших в 2021 г. нормативов накопления ТКО по Приволжскому федеральному округу показал значительную градацию показателей.

Например, нормативы накопления ТКО для категории объектов «промтоварные магазины» в Нижегородской области в 24 раза меньше, чем указанные нормативы, применяемые в Саратовской области.

В этих условиях потребители стремятся вести учет по количеству установленных контейнеров в местах накопления ТКО (далее – учет по количеству установленных контейнеров), так как указанный способ позволяет наиболее приближенно фиксировать реально образуемый объем отходов потребителя.

Однако в настоящий момент потребители сталкиваются с барьерами для перехода от нормативного способа учета ТКО на способ учета по количеству установленных контейнеров.

Нередки случаи, когда региональные операторы отказывают потребителям вести учет по количеству установленных контейнеров по причине их несоответствия требованиям, предъявляемым санитарным законодательством, в частности п. 6 СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических), мероприятий», утвержденным Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 г. № 3 (далее – СанПиН) [1], согласно которому количество мусоросборников, устанавливаемых на контейнерных площадках, определяется хозяйствующими субъектами в соответствии с установленными нормативами накопления ТКО.

Вместе с тем нельзя не отметить позицию, изложенную в решении Верховного суда Российской Федерации от 30.06.2022 г. № АКПИ22-343, согласно которой оспариваемый пункт 6 санитарных правил входит в предмет санитарно-эпидемиологического нормирования и не затрагивает вопросов осуществления коммерческого учета.

Иное означало бы, что оба способа коммерческого учета в конечном итоге влекут одинаковую плату за вывоз ТКО по нормативу без учета объема образуемых отходов, в то время как все виды коммунальных услуг имеют возможность учета, исходя из индивидуального потребления путем оборудования приборами учета, каковыми применительно к обращению с ТКО являются количество и объем контейнера.

Видится целесообразным в правилах коммерческого учета определить закрытый перечень условий, при соблюдении которых потребитель имеет безоговорочное право перейти на способ учета по количеству установленных контейнеров.

В противном случае возможность такого учета зависит от воли каждого конкретного регионального оператора, добросовестность которого возможно будет оценить только в рамках административного и судебного производства.

В этих условиях потребители, лишенные возможности оплачивать услуги исходя из реальных объемов, зачастую прибегали к обжалованию нормативов накопления ТКО.

При этом даже после признания судами недействительными нормативов образования ТКО региональные операторы продолжали препятствовать потребителям, что нашло отражение в одном из дел Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Татарстан (далее – Татарстанское УФАС России, Управление).

Так, в 2021 г. региональный оператор, несмотря на отмену нормативов накопления ТКО для категории «промтоварные магазины» и неоднократные обращения со стороны потребителя об изменении способа учета, отказывал в изменении условий договора на оказание услуг по обращению с ТКО (далее – договор).

При этом было установлено, что указанные обстоятельства не препятствовали заключению договоров со способом учета по количеству контейнеров с лицами, для которых на территории Татарстана не установлены соответствующие нормативы.

Указанные обстоятельства ставят в неравные условия потребителей в сравнении с теми контрагентами, с которыми региональный оператор согласовал ненормативный объем оказываемых услуг в связи с отсутствием соответствующей категории норматива накопления ТКО.

Кроме того, законодательство об обращении с ТКО не связывает возможность выбора способа коммерческого учета, исходя из количества и объема контейнеров с наличием такого количества контейнеров, которое соответствует нормативам накопления отходов. По указанному факту Управление вынесло решение и предписание в отношении регионального оператора о нарушении п. 8 ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) [2], выразившегося в создании для индивидуального предпринимателя дискриминационных условий, наложило административный штраф.

Необходимо отметить, что с решением Татарстанского УФАС России региональный оператор не согласился и обжаловал в судебном порядке (судеб-

ное дело № А65-15931/2023). По результатам рассмотрения судебного дела № А65-15931/2023 региональному оператору в иске было отказано. Решение суда первой инстанции было поддержано вышестоящими судами.

Примечательно, что в конце 2023 г. в Республике Татарстан были пересмотрены нормативы накопления ТКО для категории объектов «промтоварные магазины», «супермаркеты» и «павильоны».

Так, например, ранее норматив накопления ТКО для категории объектов «промтоварные магазины» составлял 0,92 м^3, сейчас – 0,18 м^3, для категории объектов «супермаркеты» составлял 0,82 м^3, сейчас – 0,32 м^3, для категории объектов «павильоны» составлял 5,11 м^3, сейчас – 0,42 м^3.

В связи с вышеизложенным нельзя не отметить положительный эффект для потребителей. Так, за текущий 2024 г. в Управление не поступило ни одно обращение по вопросу способа учета ТКО.

Как и прежде, одной из проблемных территорий остаются садовые товарищества, в которых:

– не определены места накопления ТКО;

– осуществляется складирование отходов, не относящихся к ТКО;

– вывоз отходов не носит системный характер;

– продолжают действовать «серые» перевозчики.

Так, например, ввиду низких нормативов накопления ТКО, установленных в отношении садовых товариществ, региональный оператор вынужден был заключить договор по способу учета фактически вывезенного объема ТКО на основании поданных садовым некоммерческим товариществом (далее – СНТ) заявок.

В июне 2022 г. был заключен новый договор, в котором способом учета ТКО являлся норматив накопления ТКО. В декабре 2022 г. региональный оператор выставил потребителю счета на оплату за 2021 г., при этом объем оказанных услуг был определен не на основании условий действующего на тот момент договора, а на основании нормативов.

Региональный оператор, обладая информацией о том, что с территории СНТ вывоз ТКО в 2021 г. не осуществлялся, в целях получения монопольной выгоды распространил действие нового договора на 2021 г., начислив плату за услугу по обращению с ТКО, исходя из норматива, при этом не неся затрат, связанных с транспортированием.

По указанному факту Управлением возбуждено дело в отношении регионального оператора, вынесено решение и предписание о прекращении нарушения п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции. Предписание было исполнено.

В следующем примере региональный оператор инициировал перезаключение договоров на оказание услуг по обращению ТКО с садовыми товариществами в целях определения мест накопления и изменения способа учета ТКО. При этом монополист не предпринял мер по рассмотрению и урегулированию возникших разногласий с СНТ, что обязан был сделать в силу действующего законодательства.

В связи с наличием в действиях регионального оператора признаков нарушения п. 5 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, выразившегося в необоснованном уклонении от заключения договора на оказание услуг по обращению с ТКО на новых условиях с СНТ, Управлением было выдано предупреждение. Предупреждение региональным оператором было исполнено.

Злоупотребление доминирующим положением допускается региональным оператором и во взаимоотношениях с населением.

Особую озабоченность вызывают действия регионального оператора по факту неоказания услуг по обращению с ТКО в более чем 40 населенных пунктах на территории трех районов Республики Татарстан.

Татарстанским УФАС России было установлено, что собственникам домовладений, расположенным в труднодоступных сельских населенных пунктах, выставлена плата за предыдущие три года, несмотря на то, что отсутствовали контейнерные площадки, не был организован мешочный сбор, ТКО не вывозились, круглогодичное транспортное сообщение отсутствует.

По мнению Управления, позиция регионального оператора о том, что люди в указанных обстоятельствах не были лишены возможности складировать отходы в иных населенных пунктах согласно территориальной схеме в области ТКО, не может быть поддержана. Кроме того, СанПиН определил все расстояния до контейнерных площадок ТКО. Недопустимо ставить таких потребителей в неравные условия по сравнению с потребителями, которые имеют возможность складировать отходы в своем населенном пункте. Региональный оператор имеет возможность организовать мешочный сбор в таких сельских поселениях и только после этого выставлять потребителям плату.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о получении монопольной выгоды и явились основанием для возбуждения дела о злоупотреблении доминирующим положением (ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции).

По указанным фактам Управлением по двум делам вынесены решения и предписания в отношении регионального оператора о нарушении ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, выразившегося в получении региональным оператором монопольной выгоды вследствие начисления жителям населенных пунктов платы за неоказанные услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами.

Решения и предписания в настоящий момент обжалованы региональным оператором.

Необходимо отметить, что в п. 14 «Обзора судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами», утвержденного Президиумом Верховного суда РФ [3], указывается, что в случае если место накопления ТКО и (или) источник образования отходов не включены в территориальную схему обращения с отходами, региональный оператор должен доказать факт реального оказания услуг собственнику ТКО. В вышеуказанных делах региональный оператор не отрицает, что в населенные пункты он не выезжал и услугу не оказывал.

Кроме того, одним из злоупотреблений доминирующим положением региональным оператором в отношении населения является пример, когда тот, получив протоколы общего собрания жильцов многоквартирных домов о переходе на прямые договоры, отказал в заключении договоров в связи с указанием в протоколах некорректной даты перехода на прямые договоры (дата перехода раньше даты получения оператором протоколов).

Вместе с тем действующим законодательством не предусмотрена возможность отказать в заключении договоров по указанным обстоятельствам. При этом закон предусматривает возможность регионального оператора изменить срок для надлежащего исполнения обязательств по заключению договора в соответствии с решением собственников помещений МКД.

В связи с изложенным региональному оператору выданы предупреждения о необходимости прекращения нарушения путем заключения прямых договоров на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами с собственниками помещений. Предупреждения были исполнены.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что нельзя разрешить все проблемы и противоречия, возникающие в ходе реформы обращения с ТКО, исключительно путем принятия мер антимонопольного реагирования. Требуется системная и слаженная работа с участием органов власти, муниципалитетов, региональных операторов, и роль антимонопольных органов в этой работе велика.

Литература:

1. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 г. № 3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» (ред. от 14.02.2022) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон РФ от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС Гарант.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами: утвержден Президиумом Верховного суда РФ 13 декабря 2023 г.

Problematic Issues of Application of Antimonopoly Legislation in the Field of Activity of Regional Operators for the Management of Solid Waste Using the Example of the Republic of Tatarstan

Rosental A.N., Idiatullin R.N., Nasretdinova D.Z.
Department of the Federal Antimonopoly Service for the Republic of Tatarstan (Kazan)

This article is devoted to the analysis of the main violations of the regional operator that arise when providing services for the management of municipal solid waste (hereinafter – MSW), both to individuals and legal entities, identified by the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Republic of Tatarstan.

Keywords: municipal solid waste (MSW), violations of antitrust legislation, regional operator, dominant position, imposition of unfavorable contract terms, unjustified refusal to conclude a contract

УДК 38.941.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-396-399

Совершенствование системы обращения с ТКО

Фагимова Е.А.
Генеральный директор ООО «Гринта» – регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами в Восточной зоне Республики Татарстан (Казань)

В статье рассматриваются проблемы, с которыми столкнулся региональный оператор «Гринта» за шесть лет работы в Восточной зоне Республики Татарстан. Вопросы, затрагиваемые в статье, касаются большинства региональных операторов, работающих на территории Российской Федерации. Все предметы для обсуждения, обозначенные в рамках данной публикации, рассматриваются с юридической точки зрения. Также вынесены прецеденты из практики и предложены возможные варианты решения для вопросов, требующих проработки на федеральном уровне.

Ключевые слова: *региональный оператор, совершенствование системы обращения с ТКО, твердые коммунальные отходы, практика работы регионального оператора*

Для цитирования: *Фагимова Е.А. Совершенствование системы обращения с ТКО // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 396–399. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-396-399.*

На территории Республики Татарстан с начала действия реформы по обращению с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО) с 2019 г. выделяют две зоны: Восточная зона Татарстана, куда входят 22 муниципальных образования, и городской округ Набережные Челны – зона обслуживания регионального оператора ООО «Гринта».

В Восточной зоне Татарстана проживают около двух миллионов человек, работают порядка 53 тыс. юридических лиц. Ежегодно ООО «Гринта» вывозит 6 млн м^3 ТКО.

Если в прошлом году компания столкнулась с многочисленными трудностями в области обращения с ТКО, то в 2024 г. благодаря освещению их на прошлогодней конференции «Твердые коммунальные отходы: законодательство и практика» удалось достичь больших побед. Это произошло в первую очередь благодаря государственным органам, которые услышали и отреагировали на предложения ООО «Гринта». Решилась проблема НДС в тарифе регионального оператора. Следует напомнить, что в регионе сложилась негативная практика, когда потребители и судебные органы трактовали Постановление тарифного органа следующим образом: тариф для населения установлен с НДС, для иных категорий лиц – без НДС.

Госкомитет Республики Татарстан по тарифам исключил в своих постановлениях двоякость трактовки, и 10 января 2024 г. Арбитражный суд округа вынес поворотное решение, где признал наличие НДС в тарифе регионального оператора.

Кроме того, Министерством строительства архитектуры и ЖКХ республики проведена работа по установлению новых нормативов взамен отмененных в судебном порядке методом сравнительного анализа в соответствии с Постановлением Правительства от 26.08.2023 г. № 1390 «О порядке определения нормативов накопления твердых коммунальных отходов, внесении изменений в Правила направления субъектам Российской Федерации и рассмотрения ими рекомендаций российского экологического оператора при утверждении или корректировке региональной программы в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, а также при установлении или корректировке нормативов накопления твердых

коммунальных отходов и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [1]. Принят новый норматив для «иных отраслей промышленности», который был необходим региональному оператору для работы, а также проведена работа по актуализации Территориальной схемы обращения с отходами.

В таблице 1 представлены вновь принятые нормативы накопления ТКО для определенных категорий потребителей.

Однако еще остались вопросы, требующие особого внимания. Как известно, с 1 сентября 2024 г. в силу вступило новое Постановление Правительства № 671 «О коммерческом учете объема и (или) массы твердых коммунальных отходов», которое меняет «Правила коммерческого учета ТКО» [2].

Постановление дает потребителям возможность при регистрации контейнерной площадки претендовать на учет ТКО по количеству установленных контейнеров. Однако до настоящего времени не урегулирован вопрос, сколько же должно быть установлено контейнеров на контейнерной площадке.

Потребители, преследуя цель минимизации расходов, устанавливают такое количество, которое посчитают для себя экономически выгодным. Оставшиеся же отходы складируются рядом с контейнерами либо на ближайшей площадке многоквартирного дома.

В дальнейшем потребитель успешно регистрирует площадку, исполнительный комитет включает ее в реестр мест накопления. При регистрации площадки ни орган местного самоуправления, ни Роспотребнадзор, к большому сожалению, не проверяют количество контейнеров на площадке.

ООО «Гринта» предлагает следующее решение сложившейся проблемы: в соответствии с новыми Правилами учета субъект РФ имеет право утвердить собственный порядок учета ТКО. Данный порядок просто необходим, ведь в него можно включить положение, которое дублирует нормы СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий», – количество мусоросборников, устанавливаемых на контейнерной площадке, определяется хозяйствующими субъектами в соответствии с установленными нормативами накопления ТКО.

Также до сих пор остается актуальной проблема смешения различных видов отходов на площадке для ТКО.

Особенно распространена ситуация, когда жители многоквартирных или индивидуальных жилых домов сбрасывают растительные и строительные отходы, отходы животноводства рядом с контейнерными площадками.

В этом вопросе позиция судебных органов, надзорных органов расходится. Однако, какой бы ни была позиция должностных лиц, необходимо следовать букве закона. А закон говорит четко: ТКО – отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами.

В этом вопросе нашлось понимание у федерального министерства. В июне этого года Минприроды России дало четкое пояснение, что отходы, образовавшиеся при уходе за древесно-кустарниковыми посадками, не относятся к ТКО и не должны учитываться в объеме ТКО.

Кроме того, Минприроды указало, что в целях формирования единообразной правоприменительной и судебной практики разработан проект Постановления Правительства РФ, положениями которого устанавливается прямой запрет на складирование отходов, образовавшихся при уходе за древесно-кустарниковыми посадками в местах накопления ТКО [3].

Таблица 1

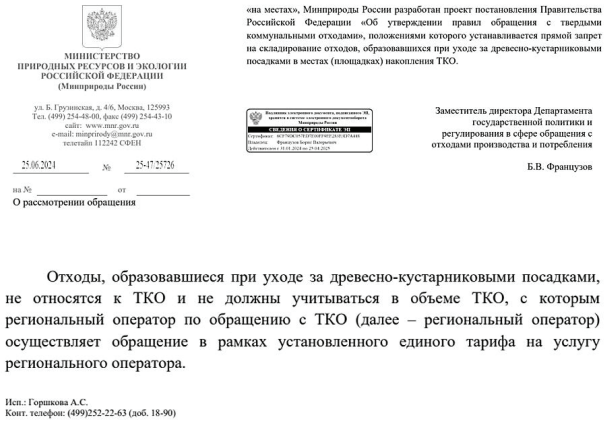
Нормативы накопления ТКО

№	Наименование категории потребителей услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами	Единица измерения зданий, строений, сооружений, нежилых помещений, земельных участков, территорий, которыми на праве собственности или ином законном основании владеют потребители	Норматив накопления твердых коммунальных отходов	
			куб. м в год	кг в год
1	Промтоварные магазины	1 кв. м общей площади	0,18	10,55
2	Павильоны	1 кв. м общей площади	0,42	31,36
3	Супермаркеты (универмаги)	1 кв. м общей площади	0,32	31,90
4	Предприятия иных отраслей промышленности	1 кв. м общей площади	0,06	5,53

На рисунке 1 представлен фрагмент письма Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

8 сентября 2024 г. вступили в силу изменения в Налоговый кодекс, в десятки раз увеличивающие размер госпошлины при обращении в суд (рис. 2) [4]. Региональные операторы сотнями и даже тысячами подают требования о взыскании задолженности. Останавливать этот процесс нельзя, он поддерживает платежную дисциплину потребителей, а также финансовую стабильность региональных операторов.

Схожая ситуация складывается и при подаче требований в отношении физических лиц. За заявление на выдачу судеб-

МИНИСТЕРСТВО
ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЭКОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минприроды России)

ул. Б. Грузинская, д. 4/6, Москва, 125993
Тел. (499) 254-48-00, факс (499) 254-43-10
сайт: www.mnr.gov.ru
e-mail: minprirody@mnr.gov.ru
телетайп 112242 СФЕН

25.06.2024 № 25-17/25726

на № от

О рассмотрении обращения

«на местах», Минприроды России разработан проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил обращения с твердыми коммунальными отходами», положениями которого устанавливается прямой запрет на складирование отходов, образовавшихся при уходе за древесно-кустарниковыми посадками в местах (площадках) накопления ТКО.

Заместитель директора Департамента государственной политики и регулирования в сфере обращения с отходами производства и потребления

Б.В. Французов

Отходы, образовавшиеся при уходе за древесно-кустарниковыми посадками, не относятся к ТКО и не должны учитываться в объеме ТКО, с которым региональный оператор по обращению с ТКО (далее – региональный оператор) осуществляет обращение в рамках установленного единого тарифа на услугу регионального оператора.

Исп.: Горшкова А.С.
Конт. телефон: (499)252-22-63 (доб. 18-90)

Рис. 1. Фрагмент из письма Министерства природных ресурсов и экологии РФ

Рис. 2. Размер госпошлины [5]

ных приказов теперь нужно будет заплатить 2000 руб. вместо 200 руб. Разница просто колоссальная. К примеру, за 2023–2024 гг. ООО «Гринта» уже подано около 25 тыс. заявлений, а это почти 50 млн руб. госпошлины.

Размер увеличения госпошлины при обращении в суд приведен на рисунке 3.

На основе приведенных фактов встает вопрос о необходимости предусмотреть особый механизм оплаты госпошлины или гибкое ценообразование для организаций в сфере ЖКХ, поскольку указанные суммы госпошлин лягут непомерным грузом на

Рис. 3. Размер увеличения госпошлины при обращении в суд [5]

плечи потребителей в составе тарифов или на проигравших в суде.

Таким образом, в работе рассмотрены проблемы, с которыми столкнулся региональный оператор «Гринта» в своей деятельности, но это не все вопросы, которые требуют решений.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 26.08.2023 г. № 1390 «О порядке определения нормативов накопления твердых коммунальных отходов, внесении изменений в Правила направления субъектам Российской Федерации и рассмотрения ими рекомендаций российского экологического оператора при утверждении или корректировке региональной программы в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, а также при установлении или корректировке нормативов накопления твердых коммунальных отходов и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (ред. от 24.05.2024) // СПС Гарант.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.05.2024 г. № 671 «О коммерческом учете объема и (или) массы твердых коммунальных отходов» // СПС Гарант.
3. Письмо Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 11.10.2019 г. № 08-25-53/24802 «О направлении разъяснений по вопросу регулирования деятельности в области обращения с ТКО» // СПС Гарант.
4. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СПС Гарант.
5. Судебные госпошлины нужно уплачивать в повышенном размере с 9 сентября 2024 года. URL: https://www.consultant.ru/legalnews/26051/

Improvement of the MSW Management System

Fagimova E.A.
LLC «Grint» – a Regional Operator for the Treatment of MSW in the Eastern Zone of the Republic of Tatarstan (Kazan)

The article considers the problems faced by the regional operator "Greenta" during 5 years of operation in the Eastern Zone of the Tatarstan Republic. The issues covered in the article concern the majority of regional operators acting on the territory of the Russian Federation. All subjects for discussion mentioned in this publication are considered from the legal point of view. Also, precedents from practice are presented and possible solutions are offered for issues that require elaboration at the federal level.

Keywords: regional operator, improvement of solid municipal waste management system, solid municipal waste, work-practice of regional operator

УДК 332.14
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-400-403

Ценообразование в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в условиях прохождения реформы

Хабибуллина Л.В.
Первый заместитель председателя Государственного комитета Республики Татарстан по тарифам (Казань)

Предметом исследования в статье являются проблемы тарифного регулирования в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО). Целью исследования является разработка системного подхода к решению проблем тарифного регулирования в сфере обращения с ТКО. Обоснованы мероприятия, направленные на совершенствование тарифообразования в сфере обращения с ТКО, в т.ч. организация работы по разработке и реализации проекта введения дифференцированных тарифов при раздельном сборе ТКО, построение модели расчета эталона с учетом дифференциации по расстоянию и плотности населения. Проанализирована альтернативная возможность ценообразования отрасли – дерегулирование с внедрением экологического налога (сбора).

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, единые тарифы на услугу региональных операторов, региональные операторы*

Для цитирования: *Хабибуллина Л.В. Ценообразование в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в условиях прохождения реформы // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 400–403. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-400-403.*

Запущенная в 2019 г. реформа в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами учитывала следующие цели и задачи:

1) контроль за перемещением твердых коммунальных отходов, прежде всего недопущение их поступления на несанкционированные свалки;

2) обеспечение прозрачности обращения с твердыми коммунальными отходами на всех этапах: складирование в местах накопления (контейнерные площадки), транспортирование, сбор, обработка, утилизация и размещение ТКО;

3) создание единых стандартов и повышение качества услуги по обращению ТКО;

4) создание условий для развития современной инфраструктуры по обращению с ТКО;

5) увеличение доли отходов, направляемых на утилизацию (переработку), т.е. возвращенных в экономику в качестве вторичного сырья.

Анализируя пятилетний период прохождения реформы, мы наблюдаем, что проблематика в этой отрасли сохраняется в следующем:

а) отсутствует раздельное накопление твердых коммунальных отходов;

б) стадии технологического процесса полностью не отрегулированы;

в) сохраняется низкий уровень внедрения цифровых решений;

г) отмечается различный подход к учету массы отходов на стадиях технологического процесса.

Рассмотрим каждое направление более детально.

При наличии множества дискуссионных моментов особое место занимает проблема внедрения раздельной системы сбора ТКО, важность которой для создания эффективной системы утилизации, напротив, однозначно поддерживается наукой.

При изучении проблемы отходов производства и потребления важно отметить, что в стране более 1200 перерабатывающих предприятий, способных

обеспечить утилизацию до 37 млн т отходов ежегодно, а в процесс переработки включено лишь 10 % существующих мощностей.

Важность раздельного сбора отходов понималась еще в СССР, где существовали унифицированные формы бутылок, имелась эффективная для командно-административной экономики модель сбора макулатуры и металлолома. Подобная политика СССР обеспечивала экономию природных ресурсов и способствовала формированию экологического мировоззрения у подрастающего поколения.

Раздельный сбор отходов является первой ступенью в системе обращения с ТКО. Довольно косвенное отношение к введению раздельного сбора отходов имеет проблема терминологического аппарата отрасли. Закон об отходах действительно не содержит четкого понятия термина «отход», что способствует возникновению споров об относимости тех или иных веществ (предметов, материалов) к отходам, вторичным материальным ресурсам, побочной продукции и т.п.

Трудности возникают также при разграничении между собой процессов утилизации, обезвреживания и размещения отходов. Однако на сбор твердых коммунальных отходов у населения эти моменты практически никак не влияют. На практике при приеме ТКО у населения исключительно редко затрагиваются вопросы квалификации передаваемых в качестве отходов материалов и разграничения между собой способов последующего обращения с ними.

Согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – ФЗ № 89-ФЗ) [1], направления государственной политики в области обращения с отходами являются приоритетными в следующем порядке:

– максимальное использование исходных сырья и материалов;

– предотвращение образования отходов;

– сокращение образования отходов и снижение класса опасности отходов в источниках их образования;

– обработка отходов;

– утилизация отходов;

– обезвреживание отходов.

Такая иерархия способов обращения с отходами коррелирует с развитыми европейскими системами.

Анализ текущего правового регулирования отрасли [2] и накопленного в науке опыта позволяет нам сделать вывод о существовании следующих основных проблем, препятствующих созданию системы раздельного сбора отходов:

1) низкий уровень культуры обращения с отходами среди населения;

2) отсутствие у хозяйствующих субъектов экономических стимулов для использования полученных при раздельном сборе вторичных материальных ресурсов и включения их в производственные циклы;

3) правовые пробелы и недостатки, создающие излишние административные барьеры и препятствующие созданию инфраструктуры для раздельного сбор.

При переходе ко второй проблеме важно отметить, что она прямо связана с первой [3]. Стадии технологического процесса, как указывалось ранее, полностью не отрегулированы. Систематически не выстроенные схемы технологических процессов зачастую приводят к удорожанию процесса, дублированию итераций и к негативным последствиям конечного результата.

В большинстве случаев предполагается, что отходы жители сбрасывают в два контейнера: для смешанного мусора и вторичного сырья – так называемый дуальный сбор. К вторсырью относятся пластик, стекло, металл, бумага и картон [4]. В крупных городах запущены тестовые проекты более тщательной сортировки мусора, которые предполагают разделение вторсырья по типу материала.

Несмотря на то, что формально сортировка мусора действует достаточно давно, многие потребители имеют самое приблизительное представление о том, как она осуществляется, и думают, что это очень сложно и затратно по времени и силам.

Зачастую у граждан вызывает негатив, что приезжает всего один мусоровоз и смешивает при погрузке сортированные и несортированные отходы вместе [5]. Тут два пути: небрежное исполнение операторами возложенных на них функций, либо отходы доставлены на досортировку, где будут еще раз распределены по категориям.

Для урегулирования данной проблемы законодательно должны быть четко прописаны норма каждого технологического цикла с разделением на составляющие и определением функций каждой [6]. Кроме того, необходимо устранить двойственность понятий и определений [7].

Для примера разберем понятие «транспортирование отходов». Согласно нормам Федерального закона от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ, транспортирование отходов – это перевозка отходов автомобильным, железнодорожным, воздушным, внутренним водным и морским транспортом в пределах территории Российской Федерации, в том числе по автомобильным дорогам и железнодорожным путям, осуществляемая вне границ земельного участка, находящегося в собственности индивидуального предпринимателя или юридического лица либо предоставленного им на иных правах.

Согласно п. 90 Постановления Правительства РФ от 30.05.2016 г. № 484 «О ценообразовании в области обращения с твердыми коммунальными отходами» [2], необходимая валовая выручка регионального оператора определяется в соответствии с методическими указаниями как сумма необходимой валовой выручки организаций, осуществляю-

щих регулируемые виды деятельности в области обращения с твердыми коммунальными отходами, включая обработку твердых коммунальных отходов, в том числе собственная необходимая валовая выручка регионального оператора, относимая на такие виды деятельности, расходов на транспортирование твердых коммунальных отходов, расходов на эксплуатацию перегрузочных станций, включенных в территориальную схему, а также расходов на приобретение контейнеров и бункеров для накопления твердых коммунальных отходов и их содержание, включая расходы на лизинговые платежи в отношении контейнеров и бункеров, уборку мест погрузки твердых коммунальных отходов и расходов, связанных с предоставлением безотзывной банковской гарантии в обеспечение исполнения обязательств по соглашению об организации деятельности по обращению с твердыми коммунальными отходами, заключенному исполнительным органом субъекта Российской Федерации и региональным оператором.

Таким образом, расходы на эксплуатацию перегрузочных станций могут быть учтены как в обработке ТКО, если на объекте производится первичная сортировка отходов, так и на транспортирование при учете таких объектов на территориальной схеме.

Третьей неурегулированной проблемой, по нашему мнению, сохраняется процесс учета цифровизации в указанной сфере. С момента внедрения реформы внедрено достаточно много аналитических систем в сфере обращения с ТКО (рис. 1).

1. В соответствии со ст. 13.3 Федерального закона № 89-ФЗ ППК «Российский экологический оператор» создана федеральная государственная информационная система учета твердых коммунальных отходов (ФГИС УТКО). Указанная система внедрена с конца 2023 г. и обобщает 11 729 пользователей, 33 568 353 адресных источника образования ТКО, 1 029 728 площадок накопления ТКО, 1 526 объектов инфраструктуры.

При этом в системе отсутствуют типовые решения или положительные практики внедрения перспективных объектов с оценкой их качества, технических характеристик, эталонных значений.

Рис. 1. Цифровизация отрасли. Создание ГИС и цифровизация территориальных схем обращения с ТКО

2. Второй крупной системой, содержащей сведения по начислениям, тарифам в сфере обращения с ТКО, является ГИС ЖКХ. Однако система также не увязана с конкретными примерами и итоговыми решениями.

К заключительной и наиболее значимой проблеме отнесем различный подход к определению массы (объема) на каждой стадии технологического процесса (при сборе, транспортировании, обработке и захоронении ТКО).

Рассматривая вышеуказанные проблемы и пути их решения, а также повышение прозрачности расчета тарифных последствий, мы можем охарактеризовать следующие выводы и построение схемы поэтапного изменения подходов к структуре ценообразования отрасли (рис. 2).

Рис. 2. «Эталон» расходов на транспортирование ТКО

Таким образом, предложенная модель расчета эталона с учетом дифференциации по расстоянию и плотности населения и возможность применения альтернативного ценообразования отрасли позволят обеспечить прозрачность расчета тарифных последствий и повысить уровень качества предоставляемых услуг.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС Гарант.
2. Постановление Правительства РФ от 30.05.2016 г. № 484 «О ценообразовании в области обращения с твердыми коммунальными отходами» (ред. от 01.10.2024) (вместе с «Правилами регулирования тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами») // СПС Гарант.
3. Вопросы системы обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. 2019. № 3. С. 89–96.
4. Харисова Г.М., Хабибуллина Л.В. Внедрение долгосрочного тарифного регулирования в коммунальном комплексе Республики Татарстан // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 4(26). С. 331–336.
5. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В., Миннебаев Г.Ф., Кириллова О.В. Виды деятельности и тарифы в области обращения с твердыми коммунальными отходами: учеб. пособие. Казань: ООО «Логос-Пресс», 2023. 228 с.
6. Твердые коммунальные отходы: законодательство и практика: Сборник материалов V Юбилейная научно-практическая конференция, Казань, 24–25 апреля 2023 г. Казань: ООО «Редакционно-издательский центр «Школа», 2023. 104 с.
7. Хабибуллина Л В. Ценообразование в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в условиях реформы // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 3(39). С. 70–77.

Pricing in the Field of Solid Municipal Waste Management in the Context of the Reform

Khabibullina L.V.
State Committee of the Republic of Tatarstan on Tariffs (Kazan)

The subject of the research in the article is the problems of tariff regulation in the field of solid municipal waste management (MSW). The purpose of the study is to develop a systematic approach to solving the problems of tariff regulation in the field of MSW management. The measures aimed at improving tariff formation in the field of MSW management are justified, including the organization of work on the development and implementation of a project for the introduction of differentiated tariffs for separate collection of MSW, the construction of a model for calculating the standard, taking into account differentiation by distance and population density. An alternative pricing option for the industry is analyzed – deregulation with the introduction of an environmental tax (levy).

Keywords: solid municipal waste, uniform tariffs for the service of regional operators, regional operators

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГУМАНИТАРИИ – ЮБИЛЕЮ АЛЬМА-МАТЕР

Щелкунов М.Д.
Доктор философских наук, профессор, директор
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета,
академик Академии наук РТ

В октябре–ноября нынешнего года обществоведы и гуманитарии Казанского (Приволжского) федерального университета (далее – КФУ) отметились крупными научными мероприятиями, приуроченными к 220-летнему юбилею вуза.

15–16 ноября 2024 г. в стенах КФУ прошла XI Международная междисциплинарная научно-образовательная конференция «Садыковские чтения», посвященная памяти одного из основателей Казанской школы социальной философии, профессора М.Б. Садыкова (1932–2009). В этом году мероприятие было приурочено к двум знаменательным юбилеям: 220-летию Казанского Университета и трехсотлетию со дня рождения Иммануила Канта. Отсюда и наименование темы конференции: «Иммануил Кант и современность». Конференция была проведена КФУ в партнерстве с Академией наук РТ. Рабочей площадкой научного собрания стал Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций (далее – ИСФНиМК) КФУ.

Конференция собрала свыше 80 ученых философов, студентов, а также общественных деятелей из разных уголков России (Москва, Санкт-Петербург Воронеж, Грозный, Калининград, Нижний Новгород, Новосибирск, Пенза, Самара, Тула, Йошкар-Ола, Ульяновск, Чебоксары, Челябинск, Якутск) и из-за рубежа (Казахстан, Узбекистан, Китай).

На пленарном заседании с приветственными словами выступили директор ИСФНиМК академик АН РТ М.Д. Щелкунов и академик-секретарь Отделения социально-экономических наук АН РТ член-корреспондент Академии Р.Ш. Ахмадиева. Они отметили непреходящую значимость философского наследия великого немецкого мыслителя, особо артикулировав его мировоззренческую, нравственную и ценностную компоненты.

Доклады на пленарном заседании отличились междисциплинарным подходом к интеллектуальному творчеству Канта. В онлайн и офлайн форматах приняли участие ведущие специалисты в области философии, педагогики и филологии: М.Д. Щелкунов, О.Ю. Порошенко (оба – КФУ), А.А. Тесля (Балтийский федеральный университет), И.О. Агапов (Казанский инновационный институт), И.И. Евлампиев (Санкт-Петербургский госуниверситет), И.Ю. Матвеева (Российский государственный институт сценических искусств), Т. Штейнбух (КНР).

Особое внимание участники мероприятия уделили философским аспектам современных социальных проблем, подчеркнув актуальность кантовского учения для их осмысления в контексте реалий XXI в. Конференция предоставила возможность обсудить вопросы философии образования, свободы выбора и влияния новых технологий на человеческую природу, а также актуальные вопросы социальной философии, теории познания и собственно философии Канта. В рамках мероприятия были организованы три тематических секционных заседания, где были затронуты такие ключевые темы, как «коперниканский переворот» в философии Канта, его учение о нравственной свободе, а также связь кантовской мысли с современными вызовами.

Успешно прошла молодежная секция, на которой студенты и аспиранты обсудили прикладные аспекты кантианской философии: этики, эстетики и метафизики.

Конференция продемонстрировала активное стремление университетского философского сообщества к взаимодействию с Академией наук РТ, институтами КФУ и ведущими федеральными и региональными вузами. Открытость к совместным исследованиям и проектам позволяет философам Татарстана вносить значительный вклад в междисциплинарные инициативы. Сегодня невозможно представить развитие таких передовых областей, как искусственный интеллект, робототехника, генная инженерия, биоэтика, медиатехнологии без глубокой философской рефлексии. Это лучшее подтверждение востребованности философских наук в современном мире.

28 ноября 2024 г. в КФУ стартовал двухдневный III Международный конгресс социологов «Устойчивое развитие Евразийского пространства: социальные технологии, риски и перспективы», также приуроченный к 220-летнему юбилею альма-матер. Организаторами мероприятия стали социологические подразделения ИСФНиМК.

Конгресс собрал свыше 170 специалистов из нескольких десятков регионов России, а также из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Турции, Сербии и Сирии. Среди них, помимо социологов, ученые – философы, экономисты, политологи, историки, специалисты в области менеджмента.

Участие в торжественном открытии конгресса приняли Президент Казанского университета Р.Г. Минзарипов, заместитель министра образования и науки РТ Р.Г. Музипов, директор ИСФНМК М.Д. Щелкунов, ректор Казанского государственного института культуры и искусств Р.Ш. Ахмадиева, Президент Евразийской ассоциации социологов Г.Т. Галиев.

В приветственных выступлениях было отмечено, что проведение на базе КФУ столь представительного конгресса является красноречивым свидетельством признания весомой роли Татарстана в развитии социологической мысли на Евразийском пространстве, высокого уровня научного потенциала республики. Было подчеркнуто, что социологическая наука в Казани, начавшая развиваться с 1960-х гг., имеет богатое прошлое и настоящее, свои традиции и инновации. Ораторы признали, что научные разработки и исследования социологов очень важны для республики. Их результаты ложатся в основу «дорожных карт», программ, стратегий развития многих отраслей реальной экономики и социального сектора Татарстана.

Модератор встречи заместитель директора ИСФНиМК М.Ю. Ефлова анонсировала ключевые темы конгресса: Евразийское пространство, социализация молодежи, цифровизация.

Далее состоялась презентация докладов. Президент Российского общества социологов, главный научный сотрудник Института социологии Российской академии наук В.Н. Мансуров заострил внимание присутствующих на семейных ценностях современного студенчества. В рамках своего выступления он представил результаты социологических исследований, проводившихся в России и Татарстане. В центре доклада завкафедрой социальной философии КФУ О.Ю. Порошенко была эра цифровизации как социально-философский проект. Доцент ИСФНиМК А.В. Липатова поделилась результатами исследования динамики социального взаимодействия и социальных практик в условиях цифровизации.

29 ноября 2024 г. состоялись секционные заседания, посвященные цифровой социализации, жизненному пространству молодежи, управлению развитием территорий в условиях цифровизации городской среды, развитию человеческого потенциала посредством образования, ценностям евразийской интеграции, социальным контекстам устойчивого развития в евразийском пространстве и др.

Помимо секций, работали два круглых стола, вызвавшие живой интерес участников конгресса. Первый из них, под названием «Социальный фактор как катализатор процессов распространения искусственного интеллекта в различных отраслях хозяйственной деятельности», был организован совместно с Академией наук РТ и касался вопросов взаимодействия социальных факторов, с одной стороны, и искусственного интеллекта и цифровизации – с другой. На мероприятии были представлены результаты совместного научно-исследовательского проекта кафедры общей и этнической социологии КФУ и Академии наук РТ. В дискуссии, развернувшейся вокруг проблем и перспектив распространения искусственного интеллекта, приняли участие представители научного сектора (социологи, социальные философы), бизнес-сектора и стартап-сегмента Республики Татарстан. На втором круглом столе – «Социализация и ценности подростков и молодежи в условиях цифровизации», проведенном в партнерстве с республиканским Министерством по делам молодежи и Департаментом по молодежной политике КФУ, обсуждались актуальные для современной молодежи вопросы.

Описанными научными форумами завершилась длинная череда научных мероприятий в честь юбилея Казанского университета.

Для заметок